

О ПЫТЬ
о
НАРОДНОМЪ БОГАТСТВѢ
из
О НАЧАЛАХЪ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ.

СИБИРЬ

ПРИЧАНОВСКОГО ОКРУГА

СТАНО

БАТЫКАНОВОВЧАН

СКАЛАМИ ОС

НИКОНОВСКОЕ ПОСеление

8692

О П Ы ТЪ

о

НАРОДНОМЪ БОГАТСТВѢ

III

О НАЧАЛАХЪ

ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ.

СОЧИНЕНИЕ

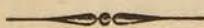
АЛЕКСАНДРА БУТОВСКАГО.

Законы природы должны быть не изобрътаемы
а приот, по открываемы наблюдениемъ.

Humboldt: Cosmos.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Второго Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

=
1847.

М. П. О.

К

А Т И П О

ДАТСТАТОВ АМОНДОЛАН

С К А Л А Г А Н О

Н И Г О Н С К О Й У Ч И Н И Т Е Л І

ПЕЧАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. - Петербургъ Янва-
ря 7 дня 1847 года.

ЦЕНСОРЪ И. Ивановскій.

65896

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВТОРОГО ТОМА (*).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: ОБРАЩЕНИЕ И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ БОГАТСТВЪ.

ГЛАВА I. О МѢНѢ.

	Страни.
64. Мѣна есть условіе раздѣленія занятій, и предпо- лагаетъ признаніе права собственности	1.
65. Понятіе о рыночной или мѣновой цѣнѣ	23.
66. Она опредѣляется отношеніемъ между предло- женіемъ и запросомъ	29.
67. Вліяніе на нее издержекъ производства, или сто- имости	34.
68. Вліяніе монополій на рыночную цѣну; ихъ раз- личные виды	43.
69. Возбужденіе искусственной дороговизны; влія- ніе охранительной системы на обращеніе бо- гатствъ	56.
70. О мѣрахъ и вѣсахъ; о таксахъ	70.
71. О торговлѣ спекуляціонной	84.

ГЛАВА II. О МОНЕТѢ.

72. Общія понятія о монетѣ-товарѣ или настоя- щей	90.
73. Общія понятія о монетѣ нарицательной и моне- тѣ счетной или численной	97.

(*) См. въ концѣ III-го Тома азбучный указатель предметовъ.

	Стран.
74. О материалахъ, служащихъ для настоящей монеты (монеты-товаръ)	101.
75. Основаніе рыночной цѣны, или курса, драгоценныхъ металловъ, служащихъ монетою .	112.
76. Отношеніе между цѣнностью разныхъ металловъ, служащихъ монетою.	145.
77. Вліяніе издержекъ добыванія золота и серебра на ихъ курсъ	154.
78. О превращеніи драгоценныхъ металловъ въ монету	164.
79. Отношеніе между курсомъ драгоценныхъ металловъ въ слиткѣ и въ монетѣ	172.
80. Монеты нарицательныя: размѣнныя	183.
81. Бумажныя деньги	192.
82. Монеты счетныя; депозитные банки	209.

ГЛАВА III. О КРЕДИТѦ.

83. Сущность и основанія кредита	217.
84. О кредитивахъ, или кредитныхъ знакахъ: простые расписки и векселя	225.
85. Билеты циркуляціонныхъ банковъ	230.
86. Переводные векселя	251.
87. О вексельномъ курсѣ	259.
88. Торговля кредитомъ; банкиры; долговые трансферты	270.
89. О заёмныхъ банкахъ и ломбардахъ	286.
90. Различіе между кредитомъ и довѣріемъ промышленнымъ; самъ по себѣ кредитъ ничего не производить	284.

ГЛАВА IV. О РОСТѦ ИЛИ ПРОЦЕНТАХЪ.

91. Основаніе роста въ правѣ собственности; оно не всегда признавалось законнымъ въ Европѣ.	289.
92. Проценты опредѣляются запросомъ и предложениемъ; когда въ нихъ входитъ страховая премія.	299.

	Стран.
93. Вліяніе курса монеты на проценты	307.
94. Объ указныхъ процентахъ	312.
95. Безвозвратные займы на проценты; пожизнен- ная пенсія	315.

ГЛАВА V. О ПРИБЫЛИ.

96. Основаніе прибыли предпринимателя	322.
97. Естественные предѣлы прибыли.	331.
98. Товарищества полныя; товарищества на-вѣрѣ, командитныя компаніи	340.
99. Анонимныя акціонерныя компаніи.	346.
100. Биржевая игра, или ажіотажъ.	356.
101. Несостоятельность; банкротство.	364.
102. Страховыя общества.	369.

ГЛАВА VI. О ЗАДѢЛЬНОЙ ПЛАТѢ.

103. Происхожденіе и сущность задѣльной платы. .	381.
104. Причины, уменьшающія предложеніе труда и уве- личивающія задѣльную плату	386.
105. Причины, усиливающія предложеніе труда и уменьшающія задѣльную плату.	392.
106. Естественные предѣлы задѣльной платы. .	396.
107. Причины ея упадка ниже ея крайнихъ предѣ- ловъ	408.
108. Вліяніе на нее дороговизны предметовъ первой необходимости	423.
109. Вліяніе на нее курса монеты.	431.
110. О различныхъ средствахъ къ отвращенію чрез- мѣрного упадка задѣльной платы.	437.
111. О трудѣ женщинъ и дѣтей	458.
112. О стоимости труда несвободнаго.	473.
113. Жалованье государственныхъ служителей; пенсія	482.
114. О задѣльной платѣ труда непроизводительнаго .	499.
115. Сберегательныя кассы	503.

ГЛАВА VII. О ВЫРУЧКѦ УЧЕНАГО.

	Стран.
116. Несоразмѣрность дохода ученыхъ съ пользою отъ ихъ труда	508.
117. О литературной собственности	519.
118. О привилегіяхъ, выдаваемыхъ на новые изо- брѣтенія	529.

ГЛАВА VIII. О ПОЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТѦ.

119. Сущность и основаніе ренты, или чистаго дохода поземельнаго	536.
120. Ея происхожденіе въ различныхъ промыслахъ .	552.
121. Вліяніе на нее поземельныхъ капиталовъ . . .	565.
122. Вліяніе урожаевъ; польза запасныхъ магази- новъ	577.
123. Вліяніе запретительной системы	582.
124. Обращеніе недвижимой собственности; откуп- ное воздѣльваніе	589.
125. О поземельныхъ доходахъ при воздѣльваніи крѣпостномъ	606.

ГЛАВА IX. О НАСЛѦДСТВѦ.

126. Необходимость признанія права наслѣдства . .	618.
127. О свободѣ наследственныхъ передачъ	624.
128. О раздѣлахъ имуществъ на равныя части меж- ду наследниками	631.
129. О родовыхъ правахъ	635.
ПРИМѦЧАНІЯ	639.

О ПЫТЬ

О НАРОДНОМЪ БОГАТСТВѢ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ОБРАЩЕНИЕ И РАСПРЕДѢЛЕНИЕ БОГАТСТВѢ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О МѢНѢ.

**64. МѢНА ЕСТЬ УСЛОВІЕ РАЗДѢЛЕНІЯ ЗАНЯТІЙ, И
ПРЕДПОЛАГАЕТЬ ПРИЗНАНИЕ ПРАВА СОБСТВЕННО-
СТИ.**

Доселъ мы занимались производствомъ богатства. Мы старались изучить дѣйствіе тѣхъ силъ, которыми располагаетъ человѣкъ чтобы дать бытіе полезности. Мы убѣдились, что промышленность достигаетъ полноты своего развитія, только по мѣрѣ раздѣленія занятій; мы видѣли какимъ образомъ она дробится на промыслы, а каждый промыселъ на отдельныя предпріятія. Разсмотримъ теперь законы того движенія, которое овладѣваетъ

богатствомъ по его осуществлениі, то въ видѣ благъ виѣшнихъ, совокупленныхъ съ вещами, то въ видѣ благъ внутреннихъ, совокупленныхъ съ самими людьми. Разсмотримъ порядокъ, въ которомъ произведенія, по выходѣ изъ множества различныхъ мастерскихъ, обращаются въ обществѣ, сближаются съ потребностями, удовлетворенію которыхъ предназначены, и распредѣляются между различными производителями, содѣйствовавшими ихъ внесенію въ бытъ общественный.

Нужно ли повторять здѣсь, что раздѣленіе занятій по необходимости предполагаетъ водвореніе между людьми обычая мѣны. Предшествующее изложеніе достаточно убѣдило насъ, что мѣна есть сдѣлка обоюдо-выгодная для сторонъ, въ ней участвующихъ. Она позволяетъ одному пользоваться знаніями, опытностью, стараніями, талантомъ и природными силами другого, и даетъ средства каждому извлекать болѣе пользы изъ своего труда и другихъ производительныхъ силъ, ему принадлежащихъ, направляя ихъ исключительно на добываніе одного какого-либо рода полезностей. Обычай мѣны есть обычай наиболѣе благопріятный общественности. Онъ скрѣпляетъ узы общества; связываетъ людей взаимными интересами; заражаетъ въ нихъ общее желаніе порядка и спокойствія; утверждаетъ между ними тайный союзъ противъ всякого нарушенія правъ человѣческихъ. Хотя основанная на личной пользѣ каждого, на побужденіи индивидуальному, мѣна уравновѣшиваетъ врожденное человѣку себялюбіе, разъединяющее людей. Подъ ея

вліяньемъ, вотще иные думаютъ только о себѣ, заботятся и хлопочутъ только для себя; вотще, въ порывѣ эгоизма, они отвергаютъ всякий помыселъ о пользѣ другихъ, о пользѣ общей. Сила вещей, вовзоряющая мѧну, сильнѣе страсти: трудясь для себя, созиная свое благосостояніе частное, всякий трудится для всѣхъ и споспѣшствуетъ благосостоянью общему. Происхожденіе обществъ теряется во мракѣ временъ: его объясняютъ то влеченіемъ инстинкта, то внушеніемъ разума, то историческими гипотезами. Зачѣмъ углубляться въ эти предположенія, эти догадки, когда мы не можемъ сдѣлать шагу, не чувствуя ежеминутно цѣпи, привязывающей насъ къ ближнему. Всякое житейское отношеніе, малѣйшая потребность не убѣждаетъ ли насъ, что мы не можемъ обойтись безъ помощи другихъ? что наша промышленность, при всемъ искусствѣ, при всей возможной смѣтливости, будетъ слаба и хила, когда лишимся опоры нашихъ собратій, опоры часто безсознательной, но въ которой они не могутъ отказать намъ, потому-что и сами нуждаются въ нашей? . . . мѧна не есть ли необходимое условіе этой взаимной опоры? . . .

Если приложить понятіе о мѧнѣ не къ одному обществу или государству, а къ цѣлому роду человѣческому, значеніе ея становится еще обширнѣе и важнѣе. Въ ней заключается главное начало и цѣль сношеній между различными народами. Ни честолюбіе, ни страсть къ завоеваніямъ, ни союзы военные, ни соображенія политическія не поддерживаютъ этихъ сношеній такъ существенно, какъ взаим-

ныя выгоды обмѣновъ. Каждому народу достались въ удѣлъ различныя богатства природныя; каждый развился посреди особенныхъ, ему свойственныхъ, событий историческихъ. Одинъ щедро надѣленъ природою; но мало успѣлъ въ промышленности и образованности. Тутъ господствуетъ земледѣліе; здѣсь процвѣтаютъ мануфактуры и торговля. У каждого видимъ неизбѣжный недостатокъ въ однѣхъ произведеніяхъ, избытокъ въ другихъ, и каждый тѣмъ болѣе добываетъ себѣ полезностей, чѣмъ лучше къ ихъ роду приспособлены свойства производительныхъ силъ, состоящихъ въ его распоряженіи, и мѣстныя обстоятельства, посреди которыхъ онъ долженъ примѣнять ихъ къ производству. Обмѣны пополнятъ недостатки, распредѣлять избытки; позволяютъ каждому народу снискивать въ его собственныхъ силахъ то, въ чемъ отказали ему природа или обстоятельства. Благодаря имъ, Русскій трудится для Француза, Французъ для Русскаго; Англичанинъ прядеть и тчетъ ситцы и сукна для Китайца; Китаецъ воздѣльиваетъ и приготовляетъ чай для Англичанина. Уничтожьте мѣну—и всѣ эти сношенія, все это распределеніе, а вмѣстѣ съ ними и все это производство, должны прекратиться; огромныя мануфактуры остановятся; дороги опустѣютъ и заростутъ травой; корабли перестанутъ разсѣкать моря; поля покроются краивой; города придутъ въ развалины; люди огрубѣютъ—и міръ одичаетъ. Онъ мало по малу превратится въ пустыню, подобную той, которую Англичане открыли на материкѣ Новой Голландіи, гдѣ, говорять,

не существовалъ обычай мѣны, и гдѣ родъ человѣческій сосредоточивался только въ немногихъ скитаѣцахъ нагихъ и почти безсловесныхъ, которые жили подобно звѣрямъ въ дуплахъ и норахъ.

И такъ, для всякой націи мѣна есть первое послѣдствіе общественности, главное условіе ея прочности, главное основанье раздѣленія занятій и богатства народнаго. Для всего человѣчества, она есть самый могучій проводникъ образованности, самое животворное начало усовершимости. Но вдоворенію мѣны должно неизбѣжно предшествовать осуществленіе на дѣлѣ между людьми естественнаго закона присвоенія, котораго начало сокрыто въ глубинѣ нашей природы. Силы производительныя дѣйствуютъ, произведенія обмѣниваются не сами собою, но по волѣ людей: надлежитъ опредѣлить это отношеніе, а такое опредѣленіе заключается въ правѣ собственности, безъ котораго нельзя допустить ни раздѣленія занятій, ни мѣны, ни богатства, и безъ котораго общества людскія нисходятъ, по необходимости, на степень инстинктивныхъ столовленій, или стадъ животныхъ, безсловесныхъ и неразумныхъ. Изучая законы производства, нашъ анализъ на каждомъ шагу касался этого гранитнаго основанія, на которомъ зиждется возможное благосостояніе народовъ; на которомъ, безсомнѣннѣя, держится самое существованіе рода человѣческаго, по крайней мѣрѣ въ его настоящихъ условіяхъ.

Мы видѣли, что каждый народъ существуетъ и можетъ разматриваться какъ одно нравственное лицо, когда обладаетъ исключительно областію, необхо-

димой для его существованья. Какъ пріобрѣль онъ свою область? досталась ли она ему искони, вси-
лу первого занятія? или покорена оружіемъ? или снискана мировою сдѣлкою? Зачѣмъ намъ знать происхожденіе этой собственности: насъ поражаетъ одинъ только фактъ—ея необходимость. Отнять ее у народа, изгнать его изъ этой области, не значить ли лишить его средствъ къ существованью, стереть его съ лица земли? Если онъ поступилъ такъ жестоко съ своими предшественниками, то самъ нарушилъ законъ естественной справедливости, поступилъ противно волѣ Творца, создавшаго людей для того, чтобы они жили и множились въ ми-
рѣ. Еслибы всѣ народы поступали вѣчно такимъ образомъ и, не признавая права собственности, безпрестанно оспоривали бы одни у другихъ обла-
сти, ими занимаемыя, то родъ человѣческій, без-
сомнѣнныя, истощился бы и, если не истребился безвозвратно, то достигнулъ бы той рѣдкости, ко-
торою поражаютъ наблюдателя породы лютыхъ животныхъ и даже люди тамъ, гдѣ еще не водво-
рился, или слабо утвердился законъ присвоенія.

Нельзя допустить существованіе человѣка безъ нѣкотораго напряженія его собственныхъ силъ: только своимъ трудомъ можетъ онъ производить множество самыхъ необходимыхъ полезностей: ли-
шить его права трудиться, не признавать его не-
отъемлемой собственностью силъ, дарованныхъ ему Провидѣніемъ, не значитъ ли попирать его лич-
ность. Положить преграды его труду, то учрежде-
ніемъ монополій, то разными другими стѣсненіями

не значитъ ли оковать дѣятельность, отъ которой зависитъ существованіе человѣка, осудить его на излишнія усиленія и усталость, или на лишенія и скучность, которыхъ онъ не претерпѣвалъ бы иначе. Часто встрѣчается подобное попраніе личности; еще чаще, подобное стѣсненіе труда: и въ томъ и въ другомъ выражается нарушеніе права собственности каждого человѣка на производительную силу труда, ему исключительно предоставленную. И то и другое причиняетъ множество бѣдствій, сильно препятствуетъ успѣхамъ богатства и распространенію благосостоянія между людьми.

Мы видѣли, трудъ человѣка безсиленъ въ борьбѣ съ природой, когда не опирается на произведенія уже готовыя, или капиталы. Мы видѣли также, что послѣдніе суть плодъ сбереженій; ихъ образованіе предполагаетъ лишенія, или усиленныя напряженія труда. Отказать человѣку въ правѣ откладывать сбереженія, не значитъ ли осудить его на вѣчную борьбу съ нуждой, принудить его жить со дня на день и навсегда разстаться съ надеждой на улучшеніе когда нибудь своей участіи. Къ подобному нелѣпому результату неминуемо ведетъ непризнаніе и необеспеченіе исключительного права собственности на сбереженія, употребляемыя въ видѣ капитала.

Наконецъ, мы убѣдились, что область, занимаемая народомъ, становится способной къ пропитанію усиливающейся населенности, лишь по-мѣрѣ того, какъ въ ней водворяется земледѣліе, а это возможно только при условіяхъ признанія права собственности надъ землей исключительно за тѣмъ, кто рѣшился посвя-

тить ея воздѣльванію свой трудъ и свои капиталы. Не допускать этого присвоенія, значитъ—ограничивать охотою и скотоводствомъ средства народнаго пропитанія; значитъ—призывать на помощь варварство, междоусобія, войны, развратъ, дѣтоубійства, заразы и голодъ для сохраненія постояннаго равновѣсія между населенностью и продовольствіемъ. Ктому-же, земля приносить тѣмъ болѣе плодовъ чѣмъ лучше и давнѣе приспособляется, удобряется трудомъ и капиталами. Трудъ же и капиталы образуютъ собственность того, кто рѣшается ихъ употребить на воздѣланіе земли: нельзя отнять у него послѣднюю, не посягнувъ на его право собственностіи надъ первыми. Оставить воздѣльвателю одни плоды—недостаточно. Гдѣ и когда первая жатва, и даже двѣ или три первыя жатвы вознаграждали земледѣльца, погашали капиталъ имъ употребленный? Сколь часто, напротивъ, огромныя издержки на улучшеніе или приспособленіе земли погашаются съ крайней медленностью и, нѣкоторымъ образомъ, передаются, какъ кредитивъ, отъ одного поколѣнія другому. Признать право собственности воздѣльвателя единственно надъ произведеніями, какъ это дѣлается кое-гдѣ въ Аравіи и сѣверной Африкѣ, значитъ воспретить ему всякое улучшеніе, всякое удобреніе, которыя онъ могъ бы осуществить, еслибы надѣялся на выгоды въ будущемъ, часто весьма отдаленные. Конечно, право поземельной собственности часто нарушалось. Въ Европѣ не найдется, можетъ-быть, клочка воздѣланной земли, сохранившагося въ потомствѣ того, кто первый оросилъ его

своимъ потомъ и первый довѣрилъ ему свои сбереженія. Было даже время, когда во всѣхъ государствахъ на западѣ, поземельная собственность была вся отобрана въ пользу насильственного правленія феодального. Но что доказываютъ эти плачевые факты? Они-то всего болѣе подтверждаютъ необходимость поземельной собственности, обращая внимание наблюдателя на гибельныя послѣдствія ея нарушенья: на порабощеніе сословія земледѣльческаго; на безпрерывныя смуты и несогласія; на слабую населенность, которую безпрестанно истощали то голодъ, то нищета. Сила обстоятельствъ и успѣхи гражданственности исправили нынѣ послѣдствія насилия. Поземельная собственность строго признается въ тѣхъ самыхъ странахъ, гдѣ, за нѣсколько столѣтій предъ симъ, совершились грабежи и разбои феодализма. Ея видъ измѣнился; путемъ законныхъ сдѣлокъ она раздробилась здѣсь; совокупилась тутъ; большей частью перешла въ руки новыхъ владѣльцевъ; давность слила законное владѣніе съ незаконнымъ; и горе тому народу, который вновь затронетъ это великое учрежденіе: тысячу разъ лучше для націи оставить земли за тѣми, кому онѣ достались по ходу дѣлъ, и оградить законами ихъ владѣніе противъ всякого новаго нарушенія, нежели опять подвергаться всѣмъ бѣдствіямъ, какія неминуемо влечетъ за собой спорность подобнаго владѣнія.

По логическому закону виновности, право собственности надъ производительными силами неразлучно съ тѣмъ же правомъ надъ произведеньями,

которымъ эти силы дали бытіе. И что значило бы это право надъ первыми безъ права надъ послѣдними. Признавъ за какимъ-либо народомъ исключительное владѣніе опредѣленной областью, нельзя не отнести въ составъ этого владѣнія и всѣхъ естественныхъ произведеній той области: на основаніи сего права, одно племя дикихъ не можетъ охотиться на землѣ, принадлежащей другому; ни одно государство, присвоивать себѣ минеральныя произведенія другого. Что сказала бы, на пр., Россія, еслиъ вдругъ Англія вздумала присвоить себѣ недра Урала или Алтая? Кчему обеспечивать мнѣ исключительное владѣніе моимъ трудомъ, если я не могу воспользоваться его плодами? Чѣмъ мнѣ въ капиталѣ, котораго владѣнія никто у меня не оспоритъ, но котораго произведенія могутъ быть присвоены другимъ? Какъ мнѣ считать себя владѣльцемъ поля, на которомъ всякий станетъ жать мною посѣянное; или копи, изъ которой всякий можетъ извлекать минералы, чрезъ галереи и шахты, мною устроенные?

Во всякомъ государствѣ есть блага общія, всѣмъ доступныя; но онѣ соединяютъ два условія, которыхъ не представляютъ произведенія промышленности, ни силы присвоенныя. На количество этихъ благъ человѣкъ не имѣетъ никакого вліянія: онъ не всилахъ его увеличить; но, съ другой стороны, сколько ими ни пользоваться, масса ихъ отъ того ни мало не уменьшится; ихъ достанетъ для всѣхъ, и для всѣхъ въ равной мѣрѣ доступно это пользованіе. Никто не можетъ воспретить мнѣ дышать воздухомъ, сколько мнѣ угодно, или на-

слаждаться зрешищемъ природы, потому-что никто не можетъ приписать себѣ производство этихъ благъ и, пользуясь ими, я не препятствую другимъ дѣлать то-же.

Въ отношеніи къ народамъ, моря образуютъ достояніе общее. Это естественные пути, которыхъ обширность не допускаетъ загроможденія, и которые не нуждаются въ содержаніи. Это хранилища несмѣтного множества рыбъ и морскихъ животныхъ, которыхъ размноженіе отнюдь не зависитъ отъ усилій человѣческихъ. Всѣмъ народамъ принадлежитъ равное право ими пользоваться, какъ для плаванія такъ и для ловли, потому-что всѣ могутъ ими пользоваться не исключая одни другихъ. Честолюбивыя притязанія нѣкоторыхъ народовъ на владычество надъ морями столь же несправедливы, сколь и безразсудны. Несправедливы, потому-что лишаютъ всѣ другіе народы пользованія благомъ, въ неистощимомъ количествѣ предоставленнымъ отъ Провидѣнія всему роду человѣческому; безразсудны, потому-что не могутъ быть подкрѣплены силою, ни признаны другими народами. Совсѣмъ иное свойство поражаетъ насъ въ особенныхъ природныхъ преимуществахъ, или искусственныхъ улучшеніяхъ, совокупленныхъ съ данной областью: одинъ народъ не можетъ ими пользоваться, не исключая всѣхъ прочихъ, и кому же изъ нихъ предоставить это право, какъ не тому, который смиль свое существованіе съ областью; посвятилъ на ея занятіе и ея приспособленье свой трудъ и свои богатства; придалъ ей искусственныя преимущества?

Такъ точно и съ благами ограниченными, составляющими предметъ частной собственности. Одинъ человѣкъ, или одно семейство, или одно общество людей, не можетъ пользоваться ими, не исключая всѣхъ другихъ изъ этого пользованія. Для предупрежденія споровъ и несогласій должно присудить кому-либо изъ нихъ это исключительное право: тому, безсомнѣнно, въ чьемъ владѣніи находится самый источникъ полезности, о присужденіи которой идетъ дѣло. На этомъ основаніи, полезности, произведенныя помошью труда, капиталовъ и помѣстій, принадлежащихъ обществу, принадлежать въ равной степени всѣмъ членамъ общества; таковы: дороги, улицы, каналы, публичное образование, безопасность, обеспечиваемая законами и правительствомъ. Полезности, произведенныя помошью труда, капиталовъ и помѣстій, принадлежащихъ частному лицу, или компании, образуютъ собственность частную, которой исключительное пользованіе принадлежитъ производителямъ.

Допустивъ право собственности, нельзя не допустить также всѣхъ его послѣдствій. Съ нимъ неразлучны право владѣнія, право пользованія и право отчужденія. Пользованіе можетъ быть уступлено, безъ потери владѣнія. Отчужденіе есть, нѣкоторымъ образомъ, одинъ видъ пользованія, состоящей въ томъ, что хозяинъ вещи передаетъ свое право собственности, во всей его полнотѣ, другому безъ возмездія, въ видѣ дара, или всилу мѣновой сдѣлки. На правѣ отчужденія основаны два важнѣйшия феномена обращенія богатства — *мѣна и кредитъ*.

Новѣйшіе законодатели столь живо сознаютъ необходимость безусловнаго признанія собственности, что многіе называютъ ее *правомъ употребленія* и даже *злоупотребленія* (*jus utendi et abutendi*). Безсомнѣнно, человѣкъ поступаетъ безразсудно и предосудительно, когда разрушаетъ произведенія цѣнности безъ пользы, иногда со вредомъ для себя. Но частное зло, причиняемое имъ самому себѣ, а въ его лицѣ всему обществу, ничтожно в сравненіи съ тѣмъ, которое неминуемо постигло бы общество вслѣдствіе надзора и ограниченій, стѣсняющихъ право собственности, это живѣйшее поощреніе труда и, вообще, всего производства. Единственныя ограниченія, которыхъ не только нельзя не допустить, но безъ которыхъ не была бы достигнута самая цѣль общественная, должны клониться къ отвращенію такого употребленія собственности, изъ котораго можетъ произойти вредъ для всего общества, или для нѣкоторыхъ его членовъ. И эти ограниченія равно касаются собственности общественной, какъ и частной. Мы имѣли случай ихъ коснуться, разсуждая о неудобствахъ, какими угрожаетъ неосмотрительность, или злоумышленность, въ производствѣ различныхъ промысловъ. Дѣло законовъ положительныхъ — предвидѣть эти нарушенія и обуздать ихъ наказаніями. Дѣло власти исполнительной — блести зауваженіемъ и примѣненіемъ этихъ законовъ.

Въ предѣлахъ законности, или, правильнѣе сказать, естественной справедливости, всякий можетъ располагать не только своими произведеніями, но

и производительными силами, ему присвоенными. Иначе, право собственности послѣднихъ былбы не полно. Такъ землевладѣлецъ, капиталистъ могутъ не только сами пользоваться своими фондами, но также ссужать ими другихъ, даромъ или за условное возмездіе; они могутъ также отчуждать ихъ вполнѣ, въ видѣ дара или мѣною, безусловно или на кондиціяхъ. Благодаря этой возможности, и тѣмъ удобнѣе, чѣмъ менѣе съ ней сопряжено затрудненій постановленіями и формальностями, человѣкъ, имѣющій только свой трудъ и свои способности, найдетъ средства къ устроенію предпріятія. Трудъ не можетъ быть отчужденъ подобно землѣ или капиталу; онъ неразлученъ съ личностю человѣка свободнаго; нельзя предоставить никому, ни даже ему самому, право попрать его личность, сдѣлать изъ него раба или вещь. Но, подобно землѣ и капиталу, можно уступить пользованіе своимъ трудомъ, своими способностями, своей опытностью другому лицу частному или нравственному, безмездно, или имѣя въ виду возмездіе, плату. Въ обществѣ всегда есть люди, которые не имѣютъ ни капиталовъ, ни земель; которые, по обстоятельствамъ, не могутъ приобрѣсти займомъ чужихъ фондовъ, и участвуютъ въ производствѣ единственно трудомъ исполнительнымъ. Они мѣняютъ свой трудъ на произведенія, въ которыхъ нуждаются, и которыя обращаются въ ихъ собственность, такъ точно, какъ землевладѣлецъ мѣняетъ пользованіе производительностю его помѣстя, капиталистъ—его капитала.

На основаніи права собственности, предпріятія

могутъ образоваться еще другимъ порядкомъ. Владѣтели производительныхъ силъ могутъ соединяться въ товарищества, компаніи, общества. Въ такомъ случаѣ они не уступаютъ пользованія ими одни другимъ, но уступаютъ его, нѣкоторымъ образомъ, самому предпріятію. Тутъ нѣтъ мѣны въ собственномъ значеніи слова, но есть только совокупленіе различныхъ правъ собственности, дающихъ каждому изъ товарищей право на количество произведений, соразмѣрное съ его участіемъ въ производствѣ, напередъ опредѣленное. Всего чаще подобныя товарищества образуются между капиталами. Ничто не мѣшаетъ примѣнять это начало къ землямъ, а еще менѣе къ труду, и примѣры подобнаго примѣненія не столь рѣдки, какъ это кажется многимъ.

Товарищество можетъ образоваться не только между частными людьми — цѣлымъ государства иногда совокупляютъ свои средства нравственныя и материальныя для достиженія цѣлей общихъ. Военные союзы, то для отраженія общаго врага, то, иногда, для покоренія чужой области, не имѣютъ иного основанія. По окончаніи войны союзники, подобно товарищамъ, дѣлять между собой результаты: съ одной стороны — добычу, съ другой — военные издержки; или пользуются каждый для себя снисканной безопасностью. Государства могутъ соединяться и для иныхъ цѣлей: то для улучшенія судоходства на рѣкѣ, омывающей ихъ общія владѣнія; то для разныхъ ученыхъ изслѣдованій, требующихъ большихъ расходовъ; то для распространенія началъ нравственности, обюдовыгодныхъ.

Такъ всѣ просвѣщенные державы европейскія соединенными усилиями стремятся нынѣ къ прекращенію безнравственного торга Неграми. Благодаря конвенціямъ, между различными правительствами послѣдовавшимъ, Европа пользуется отличною системой почтъ. Скоро она покроется желѣзными дорогами. Одинъ только эгоизмъ и предосудительная зависть нѣкоторыхъ правительствъ, препятствуютъ еще образованію международныхъ предпріятій для прорѣзанія перешейковъ суэзскаго и панамскаго, что должно бы удивительно оживить мореплаваніе и взаимныя сношенія между всѣми народами земного шара.

Далѣе мы зайдемъ подробнѣйшимъ разсмотрѣніемъ законовъ обращенія производительныхъ силъ и вліянія духа товарищества на ихъ совокупленіе и примѣненіе къ производству. Здѣсь мы хотѣли только дать почувствовать въ какой степени то и другое зависятъ отъ признанія и обеспеченія права собственности, служащаго также основаніемъ мѣны и принятаго нами за главный, господствующій фактъ обращенія и самого производства богатствъ. И замѣтимъ еще, что этотъ фактъ кажется намъ неопровергимымъ: сознаніе о немъ родилось въ насъ вмѣстѣ съ нами, мы съ нимъ умремъ; съ нимъ жили наши предки; съ нимъ будутъ жить наши потомки; онъ признается вездѣ, даже тамъ, гдѣ наименѣе уважается и тѣми, которыми наиболѣе попирается; его проявленія преслѣдуютъ насъ и въ землянкѣ дикаря и въ юртѣ Киргиза, и въ позлащеныхъ чертогахъ богача; о немъ лепечутъ младенцы,

предъ нимъ преклоняются величайшіе геніи міра. Но нѣтъ правды, которую страсти людскія не нашли бы средства закидать грязью парадоксовъ; нѣтъ луча истины, который не успѣла бы затмить, кнесчастію, жалкая и пристрастная діалектика.

«Люди соединились,» говоритъ писатель, принявший на себя роль противника закону присвоенія (*), «для свободы, для равенства, для безопасности, но «не для собственности. Если собственность есть «право естественное, то это право не можетъ согла- «шено быть съ обществомъ; оно *противообществен-* «но. Между собственностью и обществомъ суще- «стуетъ неодолимое несогласіе. Соединить двухъ «исключительныхъ владѣльцевъ нельзя, такъ точно, «какъ совокупить два магнита ихъ одинаковыми по- «люсами....»

Сколько противорѣчій въ этихъ немногихъ сло- вахъ!... исключительность, неразлучная съ правомъ собственности, еще въ высшей степени проявляет- ся въ личности человѣка. Никому однако, даже Римлянамъ и самимъ плантаторамъ антильскихъ острововъ, не приходило въ голову назвать призна- ніе личности *противообщественнымъ*, хотя изъ нея рождаются потребности, а следовательно побужде- нія и интересы въ высшей степени индивидуаль- ные и исключительные. Чѣ-же такое собствен- ность? Не состоитъ ли она изъ полезностей, произ- веденныхъ человѣкомъ для удовлетворенія этимъ потребностямъ, иначе, для поддержанія своей лич- ности? Если общество обезпечиваетъ личность; ес-

(*) Proudhon: *Qu'est-ce que la propriété.*

ли оно имѣеть въ виду доставить ей свободу, равенство, безопасность, то какъ можетъ оно отвергнуть право собственности, котораго признаніе есть неизбѣжное условіе признанія первой?

Чтобъ выйти изъ этого стального круга, коммунисты, проникнутые тѣми же началами, придумали средство, по ихъ мнѣнію или по ихъ словамъ, соглашающее признаніе личности съ обеспеченьемъ каждому средствъ для ея поддержанія, не прибѣгая къ ненавистному для нихъ присвоенію. Они требуютъ распределенія занятій между всѣми членами общества, и равнаго раздѣла произведеній. Такъ всякий будетъ трудиться, и всякий имѣть одинаковую долю въ произведеніяхъ; богатые и бѣдные изчезнутъ; о пролетаріяхъ не будетъ помину, и всеобщее счастіе водворится на землѣ. Талантъ и сила перестанутъ царствовать между людьми; слабоси-
ліе и бездарность перестанутъ бѣдствовать и томиться нуждой. Надъ обществомъ утвердится тяготѣніе неизбѣжного и неумолимаго уровня; успѣхъ, превосходство, геніальность не будутъ имѣть иной награды кромѣ добровольнаго уваженія толпы.

Если предположить на минуту существованіе подобнаго закона, то прежде всего должно лишить свободы всѣхъ членовъ общества; конфисковать ихъ личность въ пользу общинную; запретить каждому трудиться по своему усмотрѣнію или по своимъ наклонностямъ; заставить ждать себѣ урока, задачи.... Но отъ кого? отъ общины, отъ всѣхъ? это невозможно, даже въ небольшомъ городѣ, тѣмъ невозможнѣе въ обществѣ многолюдномъ. По необходимости, дол-

жно поручить подобное распределение правительству, и весьма сильному, вооруженному самыми строгими мѣрами, потому-что дѣло идетъ о принужденіи къ труду лѣнивыхъ и праздныхъ, равно какъ и прилежныхъ; правительству самому просвѣщенному, самому прозорливому—что говорю я?—одушевленному силой божественной, по тому-что дѣло идетъ о распределеніи занятій между слабыми и сильными, между даровитыми и бездарными, такъ, чтобы занятія соотвѣтствовали способностямъ каждого. Но, допустивъ даже возможность осуществить подобное правительство, какую разницу можно указать между народомъ, работающимъ по принужденью, подъ надзоромъ такой власти, и толпою невольниковъ, которымъ предписывается занятія господинъ или смотритель? Въ первомъ, какъ и между послѣдними, личность уничтожена; ни тотъ ни другіе не могутъ располагать собою. Правительство коммунистовъ дѣлаетъ, по усмотрѣнію, изъ людей то простыхъ работниковъ, то артистовъ, то ученыхъ, то администраторовъ, опредѣляя впередъ каждому количество работы. Но что дѣлаетъ владѣтель невольниковъ? онъ также раздаетъ имъ занятія, смотря по ихъ силамъ и способностямъ: однимъ поручаетъ черную работу, другимъ почище; женщинамъ и дѣтямъ легче; голосистыхъ готовить въ пѣвцы; на смѣтливыхъ возлагаетъ надзоръ и управление. У Римлянъ были рабы-ученые и даже рабы-поэты. Прибавьте къ этому раздѣль произведеній по равнымъ долямъ, безъ различія между лѣнивымъ и прилежнымъ, между искусственнымъ и неловкимъ, между спо-

собнымъ и тупоумнымъ, и вы прибавите только новую черту сходства общины коммунистовъ съ полчищемъ рабовъ. Какое дѣло, что первымъ достанется болѣе нежели послѣднимъ, что правительство лучше и правильнѣе раздѣлить нежели господинъ? начало одно и то-же.

Но тутъ сходство вдругъ прекращается и картина коммунизма становится мрачнѣе картины самого рабства. Нигдѣ и никогда, кромѣ рѣдкихъ исключений безполезной свирѣпости, самый жестокій господинъ не мѣшалъ рабамъ употреблять по ихъ произволу ту долю, которую выдавалъ имъ на содержаніе. Вездѣ позволялось имъ дѣлить ее между собою, откладывать про-запасъ, сохранять и даже накоплять сбереженія. У Римлянъ, рабъ могъ имѣть свой *relicium*; въ Америкѣ, Неграмъ дозволяется даже вносить деньги въ сберегательныя кассы, правда, съ разрѣшенія господина, но одинъ варваръ можетъ отказать въ подобномъ разрѣшениі. Такъ, посреди самого попранія личности, сохраняется тѣнь признанія собственности. Коммунисты, преслѣдуя собственность, простираютъ далѣе величайшихъ тирановъ стѣсненіе личности. Они не допускаютъ своимъ гражданамъ даже свободного употребленія доли, имъ выданной; запрещаютъ запасы; возстаютъ противъ сбереженій; требуютъ, чтобы у всѣхъ были желудки одинакового объема; готовы силой заставить поглотить произведенія, чтобы избѣгнуть капитализаціи. Мы сѣтуемъ иногда на таможни, на полицейскіе обѣиски, на податныя описи, не только потому, что эти дѣйствія направлены

противъ нашей собственности, но еще болѣе по-
тому, что онъ посягаютъ на личность нашу: чѣ-же
сказали бѣ мы о порядкѣ вещей, посреди котораго
власти общественной предоставлено было бы право
безпрестанно требовать труда; силою принуждать
къ занятіямъ, ею же произвольно избраннымъ; от-
нимать цѣликомъ произведенія; складывать ихъ въ
общія хранилища; опредѣлять долю, каждому слѣ-
дующую; выдавать ее въ видѣ разнаго рода про-
дуктовъ, не принимая никакого возраженія каса-
тельно количества, ни качества; неусыпно слѣдить
за потребленьемъ, и неумолимо истреблять или воз-
вращать обратно въ общіе магазины все, что ока-
жется излишнимъ въ розданныхъ доляхъ? Не лучше
ли въ тысячу разъ быть Негромъ на одной изъ ан-
тильскихъ плантацій, нежели гражданиномъ подоб-
наго государства?

Ксчастью, оно можетъ существовать только въ
воображеніи утопистовъ, какъ и всѣ теоріи обще-
ственности, созданныя *a priori*. Наблюденіе фактовъ
— вотъ единственный ключъ къ открытию истины
какъ въ наукахъ физическихъ, такъ и въ наукахъ
нравственно - политическихъ. Общества зиждутся
не по законамъ, нами придуманнымъ, а по зако-
намъ силы вещей, отъ настъ независящимъ. Мы мо-
жемъ только изучать, изслѣдовать эти законы и
связь, между ними существующую. На чёмъ осно-
ваны всѣ эти мнимые синтезы соціализма, комму-
низма, фуріеризма и множество другихъ? Нигдѣ въ
мірѣ мы не видимъ сліянія множества недѣлимыхъ
въ одно недѣлимое; нигдѣ сущность одной твари

одушевленной или неодушевленной не поглощается другою. Вооружитесь микроскопомъ и разсмотрите составъ этого гранита, поражающаго своей плотностью: вы различите тамъ мириады кристалловъ, но не найдете двухъ совершенно, математически сходныхъ. Переходя отъ недѣлимаго къ недѣлимому, отъ одного цѣлаго къ другому, ученые дошли до послѣднихъ атомовъ творенія, и тамъ открыли ту-же индивидуальность. Цѣлый міръ инфузорій колышется въ каплѣ воды: разсмотрите ихъ поближе: какая борьба, какая живая цѣпь движений совершенно различныхъ, самобытныхъ. Раскройте улей: всѣ ячейки походятъ одна на другую, но нѣть одинакости; всѣ пчелы заняты одной работой, но каждая ищетъ медъ на своемъ цвѣткѣ, каждая кладеть его въ свою ячейку, у каждой свое жало:— троньте одну и она ужалитъ, тогда-какъ другія того не замѣтятъ. Вездѣ индивидуальность, вездѣ самобытность недѣлимаго: какъ же предположить, что эта индивидуальность можетъ изгладиться въ человѣкѣ, въ недѣлимомъ, въ котораго Творецъ вложилъ наиболѣе побужденій и силъ совершенно ему свойственныхъ, превращающихъ его жизнь въ самую причудливую игру впечатлѣній и дѣйствій.

Нѣть, въ мірѣ дѣйствительномъ человѣкъ вездѣ и всегда сохраняетъ свою индивидуальность. Ее не могутъ изгладить не только узы общественные, но и несравненно тѣснѣйшія узы семейные, и можетъ быть еще глубочайшія узы любви и дружбы. Всегда и вездѣ имъ движутъ побужденія, ему исключительно свойственные, сходныя съ подобными же

побужденьями другихъ людей, но самобытныя. Въ этихъ побужденьяхъ, сперва инстинктивныхъ, но вскорѣ просвѣтляемыхъ разумомъ, кроется начало общественности, устремляющее людей однихъ къ другимъ; тамъ же зарождается начало присвоенія, основанное на исключающемъ чувствѣ самоохраненія. Слѣдя первому, люди не могутъ избавиться отъ послѣдняго; требовать отъ нихъ этого значитъ требовать, чтобы они перестали быть людьми; но между сими двумя началами, изъ которыхъ одно соединяетъ, другое повидимому разъединяетъ, нѣтъ противорѣчія. Напротивъ, онѣ пополняютъ одно другое. Чѣмъ болѣе въ свободно-разумной дѣятельности людей осуществляется начало присвоенія, тѣмъ болѣе развивается начало общественности. Признаніе первого въ правѣ собственности, равно необходимое для всякого, служитъ узломъ связывающимъ множество неизгладимыхъ и, безъ того, исключающихъ одна другую, личностей; условіемъ спокойствія для всѣхъ и возможнаго благосостоянія для каждого; основаніемъ богатства, независимости и могущества народовъ.

65. ПОНЯТИЕ О РЫНОЧНОЙ ИЛИ МѢНОВОЙ ЦѢНѢ.

Выше мы уподобили общество обширной мастерской, въ которой производятся всякого рода полезности. Ничто не препятствуетъ намъ теперь уподобить его обширному рынку, или совокупности множества малыхъ рынковъ, куда произведенія, изготовленыя въ различныхъ мастерскихъ, представляются для обмѣна одинъ на другія; гдѣ

всякій производитель, исключительно посвятившій свои усилія какому-либо одному промыслу, обрѣтаетъ мѣною плоды другихъ промысловъ, ищетъ и находитъ сбытъ полезностямъ, которыя произвелъ (или готовится произвестъ, имѣя въ виду потребность не свою, а чужую), но которыя, до ихъ обмѣна, образуютъ его собственность неотъемлемую. На сіи-то рынки выставляютъ: рыболовъ и охотникъ свою добычу; горный промышленникъ, металлы и минералы, извлеченные имъ изъ нѣдръ земли; купецъ, арматоръ, произведенія, доставленные ими изъ мѣстъ болѣе или менѣе удаленныхъ; мануфактуристъ, готовые фабрикаты; земледѣлецъ, сырье продукты; врачъ, свою опытность, свои совѣты и помощь для сохраненія и возстановленія здоровья; артистъ, свои таланты, свои произведенія; профессоръ, преподаваніе изустное или письменное; наставникъ, попеченія о нравственномъ и религіозномъ образованіи. Одно только правительство не участвуетъ въ этомъ всеобщемъ предложеніи. Это единственный промыселъ, котораго произведенія, по самой ихъ сущности, не допускаютъ произвольнаго обмѣна. Онъ не предлагаются людямъ, образующимъ общество, но предоставляются имъ за нѣкоторую часть ихъ собственности, взысканную путемъ налога. Безсомнѣнныя и тутъ есть также обмѣнъ: безопасность и порядокъ общественный требуютъ издержекъ производства, какъ и всѣ другія цѣнности, и подать, каждымъ изъ насъ платимая, можетъ рассматриваться какъ цѣнность, выдаваемая въ обмѣнъ за эти произведенія; но мы не

можемъ отказаться отъ этой принужденной сдѣлки, тогда-какъ ничто не вмѣняеть намъ въ юридическую обязанность мѣновыхъ сдѣлокъ всякого другого рода. Въ своемъ мѣстѣ разсмотримъ въ какой степени налогъ можетъ быть соглашенъ съ признаниемъ права собственности. Теперь довольно замѣтить, что эта принужденная мѣна между правительствомъ и податными совершается по законамъ, совершенно отличнымъ отъ тѣхъ, которымъ слѣдуетъ мѣна между всѣми другими промыслами.

Чтобъ свободный обмѣнъ состоялся, произведению или товару, представленному на общественный рынокъ, необходимо должна соответствовать потребность, его призывающая, или запросъ. Произведенія, не удовлетворяющія этому условію, на которыхъ нѣтъ требованія, не могутъ найти сбыта. Онъ по необходимости остаются собственностью производителя, доколѣ на нихъ не предъявится запросъ,—иначе, доколѣ для нихъ не очистится мѣсто въ потребленіи. Если свойство товара таково, чтовъ немъ никто не нуждается, или, если запросъ на него покрыть окончательно, то производителю, предлагающему его, предстоитъ: или обратить этотъ товаръ на удовлетвореніе собственныхъ потребностей, или перенести его на другой рынокъ, или подарить —если найдется охотникъ его принять—или бросить его, или истребить. Еще разсуждая о сбытахъ, мы объяснили это первое и важнѣйшее условіе мѣны.

Запросъ не состоить въ одной только потребности: онъ самъ выражается въ видѣ предложения какого-либо произведенія; безъ того нельзѧ допустить

обмѣна, который есть не что иное, какъ передача собственности между двумя производителями. Одинъ предлагаетъ свою ткань, другой свои плоды: тотъ нуждается въ послѣднихъ, этотъ въ первой. Предложеніе и запросъ обоюдны: иными словами, въ каждомъ обмѣнѣ проявляются двоякое предложеніе и двоякій запросъ; или, говоря языкомъ простѣйшимъ, обоюдная потребность и обоюдное желаніе сбыта. Послѣднее необходимо предполагаетъ два произведенія, т. е. двѣ цѣнности, которыя сравниваются и измѣряются одна другою.

Но хотя, предлагая одинъ товаръ, мы съ тѣмъ вмѣстѣ спрашиваемъ другой, и обратно; хотя эти два дѣйствія, изъ которыхъ долженъ произойти обмѣнъ, неразлучны и неминуемо сливаются одно съ другимъ въ ихъ проявленіи, нельзя однако не замѣтить что побужденія, которымъ онѣ слѣдуютъ, весьма различны. Цѣнность всего чаще предполагаетъ издержки производства, стоимость: всякий знаетъ, или долженъ знать, стоимость своего товара или цѣнности, имъ предлагаемой: всякому естественно желаніе получить въ обмѣнѣ за него цѣнность покрайней мѣрѣ одинаковой, или даже большей, стоимости. Напротивъ, тому, кто спрашиваетъ товаръ, свойственно желать пріобрѣсть его съ наименьшимъ пожертвованьемъ своего достатка: и онъ тѣмъ менѣе склоняется на это пожертвованье, чѣмъ слабѣе ощущаетъ потребность. Чтобъ согласить эти два противоположные интересы, средній терминъ необходимъ: таковымъ терминомъ служить *мѣновая или рыночная цѣна*. Въ ней-то вы-

ражается уравненіе между разнородными цѣнностями, выставленными на общественный рынокъ, уравненіе, съ которымъ соображается ихъ свободный размѣнъ. Спросивъ мѣновую цѣну, производитель тканей узнаетъ сколько, за опредѣленное количество данной ткани, можетъ получить плодовъ, или какого-либо металла, или сколько можетъ снискать стараній, имѣющихъ въ виду надѣленіе его благомъ внутреннимъ. И обратно, всѣ нуждающіеся въ ткани узнаютъ то крайнее количество другихъ цѣнностей, менѣе котораго не могутъ предложить за нее въ обмѣнъ.

Цѣна есть не что иное какъ цѣнность, измѣренная въ единицахъ другой цѣнности. Говоря, что четверикъ ржи стоитъ пять фунтовъ сала или два аршина холста, я измѣряю цѣнность ржи цѣнностью сала и холста; подвожу эти разнородныя цѣнности подъ одинъ уровень. Можно всѣ ихъ сравнить между собой, измѣрить одну другою, и выразить ихъ относительную цѣну въ одной формулѣ. Но у кого довольно достанетъ памяти, чтобы запечь формулу столь огромную и столь сложную. Гораздо проще избрать одинъ какой-либо товаръ и, принявъ его за общій сравнительный терминъ, выражать въ его единицахъ цѣну всѣхъ прочихъ. Тогда простой пропорціи довольно будетъ, чтобы сравнить цѣну товаровъ самыхъ разнородныхъ. По внушенію здраваго смысла, подобный обычай естественно водворяется между людьми, и вездѣ за мѣрило цѣнностей принимается *товаръ-монета*, въ единицахъ котораго выражается цѣна всѣхъ другихъ товаровъ.

Обычай выражать цѣну монетой не только упрощаетъ оцѣнку, но еще придаетъ ей особенную ясность. Далѣе мы увидимъ, что товаръ-монета служитъ не только мѣриломъ цѣнности, но также посредникомъ и орудіемъ мѣны. Благодаря ей, обмѣнъ натураю, сопряженный со многими неудобствами, разбивается на двѣ операциіи весьма простыя, много ускоряющія сдѣлки: на продажу и куплю. Вслѣдствіе того, монета становится цѣнностью наиболѣе извѣстною; цѣна въ ней выраженная удобопонятна для всякого. Можно безъ ошибки сказать, что бочка вина стоитъ 40 пудъ желѣза или 4 берковца пеньки, но сколько недоумѣній поселиль бы на рынкѣ подобный образъ оцѣнки. Напротивъ того, всякий пойметъ относительную цѣну этихъ товаровъ, когда узнаетъ, что цѣна бочки вина равняется 80 рублямъ, пуда желѣза 2-мъ, а берковца пеньки 4-мъ.

Еще труднѣе было бы оцѣнить, безъ помощи монеты, произведенія невещественныя, или, правильнѣе сказать, тѣ услуги, изъ которыхъ должны родиться эти произведенія. Какъ опредѣлить, напр. сколько слѣдуетъ хлѣба доктору за визитъ или операцио; наставнику, за урокъ или цѣлый курсъ; актеру, за представленіе? Къ оцѣнкѣ этихъ услугъ монетой предстоитъ гораздо менѣе затрудненій.

Наконецъ монета, когда соединяетъ надлежашія условія дѣлимости, всего удобнѣе измѣряетъ цѣнности какъ самыя малыя, такъ и самыя большія, какъ цѣлья, такъ и дробныя. Есть цѣнности, теряющія свое значеніе отъ раздробленья, или вовсе

не допускающія раздробленья. Онъ не могутъ служить постояннымъ мѣриломъ. Цѣнность ста четвериковъ ржи, положимъ, равняется цѣнности лошади; но можно-ль сказать, что 50 четвериковъ ржи равняются половинѣ лошади? Цѣна фунта кофе можетъ быть выражена фарфоровой чашкой: но половина чашки не даетъ цѣны пол-фунта кофе. Разбитая на двое чашка потеряла всю свою цѣнность. Въ единицахъ, или дробяхъ монеты очень легко и удобно выразить со всевозможной ясностью цѣну всѣхъ этихъ различныхъ количествъ.

66. РЫНОЧНАЯ ЦѢНА ОПРЕДѢЛЯЕТСЯ ОТНОШЕНИЕМЪ МЕЖДУ ПРЕДЛОЖЕНИЕМЪ И ЗАПРОСОМЪ.

Въ предшествующемъ параграфѣ мы указали факты, представили то, что происходит ежедневно предъ нашими глазами: пояснимъ теперь эти факты, постараемся открыть ихъ причины.

Предположите на минуту, что два производителя действуютъ въ зависимости отъ обстоятельствъ общественныхъ, въ отдаленной пустынѣ: мѣна между ними должна совершаться на основаніи самомъ простомъ; издержки производства (или стоимость) будутъ всегда служить уравнителемъ цѣны ихъ произведеній. Если одинъ нуждается въ произведеніяхъ другого, то, опредѣливъ во что обошлось бы ему ихъ изготавленье, онъ, естественно, предложитъ въ обмѣнъ количество своихъ собственныхъ произведеній, стоявшее равныхъ издержекъ.

Въ обществѣ нельзя допустить подобной простоты въ мѣновыхъ сдѣлкахъ. Конечно, производителю известны издержки производства товаровъ, имъ

предлагаемыхъ; но объ этихъ издержкахъ не обязаны и, большей частью, не могутъ знать требователи. Они знаютъ только свою потребность и достатокъ, которымъ располагаютъ. Чѣмъ живѣе потребность, тѣмъ охотнѣе они склоняются на пожертвованія для приобрѣтенія мѣною товара, ей соотвѣтствующаго. Для снисканія предметовъ первой необходимости, а иногда и предметовъ страсти, или застарѣлой и неодолимой привычки, люди готовы на величайшія пожертвованія. Подъ вліяніемъ подобнаго побужденья, покупатели мало входятъ въ разсмотрѣніе издержекъ производства, и если предъ ними одинъ только продавецъ, то онъ можетъ назначить своему товару цѣну тѣмъ выше, чѣмъ болѣе покупателей.

Но при *нормальномъ* теченіи дѣлъ, мы видѣли, промыселъ весьма рѣдко сосредоточивается въ рукахъ одного производителя: всегда въ немъ участвуютъ множество предпринимателей, и требователи какого-либо произведенія могутъ обратиться къ тому изъ продавцевъ, который довольствуется цѣной самой умѣренной. Для привлеченія ихъ, между продавцами возникаетъ соперничество, вслѣдствіе котораго они понижаютъ цѣну товара, и не трудно уразумѣть, что она понижается тѣмъ значительнѣе, чѣмъ значительнѣе ихъ число, или, что все равно, чѣмъ болѣе представлено товара на рынокъ.

Такимъ образомъ, при данномъ запросѣ и на данномъ рынке, мѣновая цѣна даннаго товара необходимо будетъ содержаться въ обратномъ отношеніи къ количеству товара. Она будетъ тѣмъ ни-

же, чѣмъ изобилінѣе снабженъ рынокъ; тѣмъ выше, напротивъ, чѣмъ менѣе доставлено товару. Здравый смыслъ народный очень хорошо понимаетъ это отношеніе, и вездѣ изобиліе можетъ быть принято за синонимъ дешевизны, тогда-какъ рѣдкость выражается дорогоизною.

Но, при данномъ количествѣ товара, на томъ же самомъ рынке, можетъ произойти перемѣна въ запросѣ. Для этого стоитъ только предположить внезапное уменьшеніе потребности, или уменьшеніе достатка покупателей, вдругъ лишившее ихъ средствъ пріобрѣтенія. Запросъ принужденно охладѣваетъ; отношеніе между числомъ покупателей и количествомъ товара измѣняется; въ послѣднемъ оказывается избытокъ, и его мѣновая цѣна неминуемо должна быть понижена, если нельзя, снесеніемъ съ рынка, привести это количество въ равновѣсіе съ уменьшившимся запросомъ. Противное произойдетъ, если запросъ усилится безъ всякого умноженія въ количествѣ товара: мѣновая цѣна послѣдняго повысится, если равновѣсіе не будетъ восстановлено новымъ подвозомъ.

И такъ, всегда рыночная цѣна всякого товара будетъ содержаться въ обратномъ отношеніи къ количеству или предложенію этого товара, и въ прямомъ къ запросу, на него предъявляемому. Она будетъ всегда тѣмъ выше, тѣмъ дороже, чѣмъ менѣе предлагается товару, и чѣмъ болѣе его требуется; и напротивъ, тѣмъ ниже, тѣмъ дешевле, чѣмъ болѣе предлагается товару и чѣмъ менѣе его требуется.

Вникая въ различные члены этой пропорціи,

какъ не убѣдиться, что установлениe рыночной цѣнны, этого средняго термина, долженствующаго согласить противоположные интересы продавца и покупателя, отнюдь или почти не зависитъ отъ частной воли того или другого. Продавецъ, т. е. производитель, можетъ наблюдать положеніе *запроса*, слѣдить за его перемѣнами, соображать съ ними свое производство и свое предложеніе, но онъ не имѣетъ никакого прямого вліянія на его усиленіе или охлажденіе. Послѣднія зависятъ отъ обстоятельствъ общественныхъ, отъ развитія потребностей, отъ степени образованности, отъ богатства и благосостоянія различныхъ сословій, отъ ихъ политического положенія, отъ моды, отъ мнѣнія, отъ предразсудковъ, отъ войны, отъ мира и множества другихъ причинъ. Съ своей стороны, покупатель, т. е. требователь, не имѣетъ никакого вліянія на *предложеніе*: оно, то усиливается, то ослабѣваетъ, вслѣдствіе всѣхъ различныхъ причинъ, которыхъ мы коснулись, разсуждая о производствѣ богатства; вслѣдствіе соперничества, монополій, случайныхъ затрудненій къ снабженію рынка, или случайного прилива товаровъ. Кромѣ того, внезапныя и неожиданныя перемѣны въ природѣ: то чрезмѣрный урожай, то напротивъ неурожай; открытие новыхъ матеріаловъ, или истощеніе старыхъ; политическія события, то разширяющія, то стѣсняющія производство; новыя методы раздѣленія занятій, изобрѣтеніе новыхъ могучихъ машинъ, новыя открытія ученыя; вообще всякого рода обстоятельства, усиливающія или ослабляющія произво-

дительность природы, труда и капиталовъ, имъютъ важное вліяніе на количество предложенія.

Подчиняясь рыночной цѣнѣ, опредѣленной взаимнымъ противодѣйствиемъ запроса и предложенія, и продавцы и покупатели подчиняются неизбѣжному закону обстоятельствъ. Ни тотъ, ни другой, при нормальномъ положеніи дѣлъ, не можетъ уладить для себя рынокъ, поставить его въ обстоятельства, для себя благопріятныя: рынокъ улаживается самъ собою тамъ, гдѣ ничто не препятствуетъ свободному обращенію богатствъ, и гдѣ искусственные мѣры не совращаютъ этого обращенія съ его путей естественныхъ. Посему-то разсматривая роль, какую рыночная цѣна играетъ въ мѣновыхъ сдѣлкахъ, мы могли принять ее за *данное*, за сравнительный терминъ, окончательно соглашающій обѣ стороны.

По самой его сущности, этотъ терминъ не можетъ быть всегда одинаковъ: рыночная цѣна, зависящая отъ двухъ причинъ, крайне непостоянныхъ, должна безпрестанно измѣняться. Она колеблется вмѣстѣ съ запросомъ; колеблется вмѣстѣ съ предложеніемъ. Измѣненія въ ней естественно должны случаться тѣмъ чаще, тѣмъ быстрѣе слѣдовать одно за другимъ, чѣмъ болѣе движенія на рынке. И дѣйствительно, цѣна иныхъ товаровъ, напр. тѣхъ, которые продаются на биржѣ, измѣняется по нѣскольку разъ въ часъ. На ярманкахъ, всего лучше можно слѣдить за этими любопытными колебаніями: тамъ всего болѣе бываетъ неожиданныхъ приливовъ то покупателей, то разныхъ

товаровъ, и отношение между запросомъ и предложеніемъ измѣняется чаще, чѣмъ гдѣ-либо. Впрочемъ, не нужно далеко искать примѣровъ для подтвержденія непостоянства рыночной цѣны. Въ быту житейскомъ, на каждомъ шагу мы испытываемъ на самихъ себѣ это свойство. За одинъ и тотъ же товаръ, сегодня мы платимъ одну цѣну; завтра, или черезъ недѣлю, черезъ годъ, онъ вздорожаетъ или подешевѣетъ. Всякій это знаетъ, всякий поражался этимъ явлѣніемъ. Не всегда умѣютъ только объяснять себѣ его настоящія причины и, въ заблужденіи, часто приписываютъ людямъ, ихъ недоброжелательству, или ихъ кознямъ то, что есть одно лишь неизбѣжное послѣдствіе силы вещей.

67. ВЛІЯНИЕ ИЗДЕРЖЕКЪ ПРОИЗВОДСТВА, ИЛИ СТОИМОСТИ, НА РЫНОЧНУЮ ЦѢНУ.

Есть однако предѣлы, въ которыхъ сила вещей принужденно удерживаетъ рыночную цѣну, и отъ которыхъ она не можетъ на долго уклоняться въ ея колебаніяхъ. Они заключаются въ *стоимости* или *издержкахъ* производства цѣнностей. Здѣсь мы должны повторить, частью, уже сказанное нами выше, въ главѣ о промышленности (§ 46, 47).

Каждое произведеніе, мы видѣли, есть результатъ совокупнаго дѣйствія производительныхъ силъ природы, труда и капитала. Кромѣ нѣкоторыхъ силъ природныхъ неприсвоенныхъ, употребленіе этихъ дѣятелей производства никогда не можетъ разматриваться предпринимателемъ какъ даровое. Если они составляютъ его собственность, то нѣко-

торымъ образомъ онъ самъ ссужаетъ ими свое предпріятіе, особенно когда изготавляетъ произведенія для мѣны. Но часто предпринимателю принадлежитъ одинъ только его собственный трудъ; онъ принужденъ нанимать работниковъ, покупать пользованіе чужою землей, чужими капиталами; онъ обязанъ, кроме того, возвратить послѣдніе въ цѣлости. Изъ этихъ издержекъ образуется стоимость произведенія: она должна покрываться рыночной цѣной. На ней долженъ выручить предприниматель, кроме капитала издержанаго въ видѣ первообразнаго матеріяла, припасовъ, орудій, проценты, на уплату капиталисту, задѣльную плату—исполнителямъ или работникамъ, имъ употребленнымъ, ренту или откупъ—землевладѣльцу, и наконецъ свою собственную прибыль. Эти доли образуютъ доходы различныхъ участниковъ въ производствѣ; предприниматель служитъ посредникомъ въ ихъ распределеніи; иногда онъ выдаетъ ихъ впередъ, въ видѣ монеты; иногда, по окончаніи производства. Самое определеніе этихъ долей подлежитъ законамъ, мало отъ него зависящимъ, разсмотрѣніемъ которыхъ мы скоро займемся.

Если рыночная цѣна не соответствуетъ стоимости, то-есть не окупаетъ всѣхъ издержекъ предпринимателя, въ число которыхъ должно включить возмездіе за его собственный трудъ, или его прибыль, то ясно что онъ производить въ убытокъ. Если подобный порядокъ вещей продолжится, то предпринимателю угрожаетъ неминуемое разореніе: въ цѣнѣ, получаемой имъ за свои произведенія, онъ не

найдетъ не только вознагражденья за издержки, которыхъ ему стоило пользованіе производительными силами, но даже возстановленія капиталовъ, имъ употребленныхъ.

Осторожные предприниматели не дожидаются столь гибельной крайности. Они умѣряютъ свое производство, или даже вовсе его прекращаютъ на время. Какъ первое послѣдствіе этого прекращенія, предложеніе уменьшается, и если оно было причиной упадка рыночной цѣны, то послѣдняя скоро опять поднимется и, покрывая стоимость произведеній, позволить вновь приступить къ ихъ изгото-
лению.

Иногда сильное загроможденіе рынка общественного причиняетъ въ промышленности, такъ называемые, *кризисы*. Сбыты засоряются; работы останавливаются; люди, снискивавшіе себѣ пропитаніе трудомъ, вдругъ его лишаются; капиталы, затраченные въ машинахъ и заведеніяхъ, остаются праздными; предприятия изнемогаютъ подъ бременемъ пустыхъ издержекъ. Многія изъ нихъ неминуемо разрушаются, впадаютъ въ банкротство, и ввергаютъ въ разореніе множество лицъ, въ нихъ участвующихъ. Нѣкоторыя однако, обыкновенно сильнѣйшія, снабженныя большими капиталами, выдерживаютъ эту жестокую борьбу: они выносятъ издержки, потери, и даже работаютъ въ убытокъ, въ надеждѣ на будущія выгоды.

Эта надежда ихъ не обманетъ, если къ кризису не присоединятся какія-либо другія обстоятельства, которыя могутъ его продлить. Мало по малу, вслѣд-

ствіе прекращенія однѣхъ предпріятій, разоренія другихъ, вслѣдствіе всеобщаго умѣренія производства, предложеніе товара уменьшится, и съ тѣмъ вмѣстѣ поднимется рыночная цѣна. Обыкновенно даже, вслѣдъ за подобными кризисами, чрезмѣрная дороговизна смѣняетъ чрезмѣрную дешевизну; это объясняется внезапнымъ уменьшеніемъ производства.

Причины загроможденія рынковъ весьма многочислены. Излагая законы производства, мы коснулись нѣкоторыхъ, и въ особенности неосмотрительности самихъ предпринимателей; далѣе будемъ имѣть случай сказать о многихъ другихъ. Но каковы бы ни были причины кризиса, и вообще упадка рыночной цѣны ниже стоимости отъ чрезмѣрнаго предложенія, каковы бы ни были его послѣдствія, онъ не можетъ быть продолжителенъ.

Подобный же упадокъ причиняется охлажденіемъ запроса. Тогда оказывается, такъ называемый, застой въ товарахъ. Его результаты совершенно тѣ же: производство товара, на который запросъ ослабѣлъ, принужденно уменьшается, вслѣдъ за прекращеніемъ или разореніемъ нѣкоторыхъ предпріятій; вмѣстѣ съ производствомъ уменьшается предложеніе и, приведенное въ равновѣсіе съ запросомъ, скоро возвышаетъ рыночную цѣну. Нельзя не замѣтить однако, что упадокъ рыночной цѣны отъ охлаждѣвшаго запроса, можетъ длиться долѣе, нежели упадокъ, причиняемый чрезмѣрнымъ предложеніемъ. Иногда запросъ можетъ уменьшится или во все прекратиться, вслѣдствіе перемѣны въ обыч-

яхъ, въ модѣ; тогда нѣтъ надежды на его скорое возстановленіе и всего лучше оставить, или совершенно перемѣнить производство. Случайныя обстоятельства могли возбудить запросъ на какіе-либо товары, наприм. общественный трауръ—на черныя ткани, война—на оружіе и военные снаряды; съмѣнованьемъ этихъ обстоятельствъ запросъ долженъ прекратиться, а съ тѣмъ вмѣстъ и рыночная цѣна на товаръ, ему соотвѣтствующій, должна неминуемо упасть окончательно, на долгое время.

Часто, и даже почти всегда, вмѣстъ съ загроможденьемъ рынка совокупляется охлажденіе запроса. Это явленіе объясняется внезапнымъ обѣднѣніемъ многочисленныхъ сословій, по случаю прекращенія работъ. Оно усугубляетъ причины къ закрытію и разоренію предпріятій, и еще горестнѣйшими путями ускоряетъ возстановленіе равновѣсія между рыночной цѣной и стоимостью произведеній.

Въ теченіи нашего изложенія еще неоднократно представится случай разсуждать о причинахъ и послѣдствіяхъ этихъ гибельныхъ кризисовъ, которые большей частью должны быть приписаны или неосмотрительности производителей, или превратнымъ экономическимъ мѣрамъ.

Но если рыночная цѣна не можетъ долго держаться ниже стоимости произведеній, то она не можетъ также долго превышать эту стоимость тамъ, гдѣ не принимается никакихъ мѣръ для возбужденія и поддержанія искусственной дороговизны. Причины подобнаго возвышенія рыночной цѣны кроются или въ ослабленіи предложенія или въ усиленіи

запроса. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, разность между рыночной цѣной и стоимостью, обеспечивающая инымъ промысламъ особенные барыши, привлекаетъ въ нихъ новыхъ предпринимателей. Предложеніе товара усиливается и, если въ запросѣ не оказывается подобного же усиленія, то, подъ вліяніемъ взаимнаго соперничества между производителями, рыночная цѣна должна приблизиться къ предѣлу стоимости.

Если причина разности между рыночной цѣной и стоимостью произведенія заключается въ улучшеннѣ способа производства, въ употребленіи новой машины или новой методы раздѣленія занятій, то предприниматель можетъ ею пользоваться только пока сохранитъ въ тайнѣ свое изобрѣтеніе, или пока будетъ имѣть на него привилегію. По минованіи срока привилегіи, или по разглашеніи тайны, его способъ сдѣлается доступенъ всѣмъ другимъ предпринимателямъ, которые войдутъ съ нимъ въ соперничество и, для привлеченія покупателей уменьшая наперерывъ одни передъ другими цѣну своихъ произведеній, доведутъ ее, или по крайней мѣрѣ приблизятъ, до крайнихъ предѣловъ стоимости.

Такое пониженіе рыночной цѣны, причиняемое уменьшеніемъ издержекъ производства, безсомнѣнная подрываетъ барыши, которыми пользовались изобрѣтатели, пока владѣли исключительно улучшеннѣмъ способомъ. Но за-то оно имѣетъ благопріятныя послѣдствія для всѣхъ производителей вообще; иногда оно вознаграждаетъ важными выго-

дами самихъ тѣхъ, которые утратили тайну открытия. Рыночная цѣна, понижаясь, становится доступною большему числу покупателей; чрезъ то самое она содѣйствуетъ разширенію сбыта, возбуждая усиленіе въ запросѣ, который принужденно соразмѣряется съ достаткомъ покупателя. Въ государствѣ всегда болѣе малыхъ и средственныхъ состояній нежели большихъ, и дешевое производство всегда находить болѣе потребителей, нежели дорогое.

Вмѣстѣ съ *Ce* (*), можно уподобить массу всѣхъ богатствъ въ государствѣ множеству вертикальныхъ линій, опущенныхъ изъ боковъ пирамиды, болѣе или менѣе возвышенной, на ея основаніе. Если изобразить рыночную цѣну произведеній горизонтальной чертой, пересѣкающей пирамиду въ нѣкоторомъ разстояніи отъ основанія и параллельно послѣднему, то, число вертикальныхъ линій, восходящихъ до этой черты, будетъ изображать число достатковъ, которые могутъ достигнуть данной рыночной цѣны. Чѣмъ выше проведется черта, означающая рыночную цѣну, тѣмъ менѣе будетъ число достатковъ, ея достигающихъ; чѣмъ ниже, тѣмъ болѣе достатковъ будутъ въ состояніи пріобрѣсть произведенія. Блага естественные, принадлежащія въ равной степени всѣмъ членамъ общества, можно изобразить горизонтальной чертой, проведенной ниже основанія пирамиды. Линія-же, проведенная выше вершины пирамиды, будетъ означать произведенія,

(*) *J. B. Say. Cours complet d'Economie politique. 3-e partie. Ch. IV.*

которыхъ рыночная цѣна, по причинѣ огромныхъ издержекъ производства, была бы столь высока, что превзошла бы способы богатѣйшихъ людей въ государствѣ. Страна, гдѣ состоянія большей частию умѣренны, можетъ быть изображена пирамидой, мало возвышенной. Пирамида съ боками вогнутыми представляетъ страну, гдѣ мало большихъ состояній, и много малыхъ; выпуклые бока пирамиды показываютъ страну, гдѣ среднія состоянія наиболѣе многочислены и гдѣ крайности рѣдки. «Послѣдняя страна», прибавляетъ *Ce*, «есть самая «счастливая.»

Независимо отъ выгодъ, которыя могутъ извлечь производители изъ усиленія запроса, вызванного рыночною цѣной, понизившееся отъ уменьшенія издержекъ производства и взаимнаго между ними соперничества, подобное пониженіе, какъ мы уже видѣли, имѣеть самое благотворное вліяніе на благосостояніе и производство общественное. Оказавшись въ какомъ-либо одномъ товарѣ, оно увеличиваетъ, нѣкоторымъ образомъ, достатокъ всѣхъ потребителей, въ отношеніи къ этому товару, и тѣмъ самымъ возбуждаетъ запросъ и на другія произведенія. Тѣ люди, которые прежде платили дороже за одинъ товаръ, могутъ, благодаря его удешевленію, употребить излишекъ своего достатка на покупку другихъ товаровъ. Ихъ наслажденія умножаются, разнообразятся, и въ то-же время умножается производство вообще, открываются сбыты для промысловъ новыхъ, разширяются для промысловъ уже утвердившихся. Подъ вліяніемъ подоб-

ныхъ обстоятельствъ, обогащеніе однихъ не только не бываетъ сопряжено съ обѣднѣніемъ другихъ, но содѣйствуетъ обогащенію всѣхъ.

Совершенно противоположны послѣдствія возвышенія рыночной цѣны, причиняемаго то усиленіемъ издержекъ производства, то искусственнымъ уменьшеніемъ предложенія. Запросъ на вздорожавшій товаръ необходимо уменьшается: его цѣна подымается выше достатка сословій, прежде его потреблявшихъ. Онъ принуждены отъ него отказаться, или уменьшить свои покупки. По случаю охлажденія запроса должно понизиться рыночной цѣнѣ товара, или уменьшиться производству. Если вздорожавшій товаръ принадлежитъ къ числу необходимѣйшихъ, каковы хлѣбъ, соль, напитки и т. п., если потребители не могутъ отъ него отказаться, ни даже многимъ уменьшить количество, ими потребляемое, то они принужденно отказываются отъ множества другихъ товаровъ, лишеніе которыхъ легче могутъ перенести. Такъ прекращаются иногда сбыты произведеній самыхъ дешевыхъ. Этому застою всѣ удивляются, всякий толкуетъ о немъ по-своему: всего чаще должно искать его причинъ въ дорожнѣзъ товаровъ первой необходимости. Гдѣ, напримѣръ, дорогое пропитаніе или помѣщеніе поглощаютъ способы многочисленнѣйшихъ сословій, тамъ нельзя надѣяться на обширный сбытъ произведеній, въ которыхъ нужда не такъ настоятельна, и безъ которыхъ люди могутъ жить, хотя и скудно.

68. ВЛИЯНИЕ МОНОПОЛИЙ НА РЫНОЧНУЮ ЦѢНУ; ИХЪ РАЗЛИЧНЫЕ ВИДЫ.

Равновѣсіе между стоимостью товара и его рыночной цѣной, которое бываетъ слѣдствіемъ постоянного тяготѣнія предложенія на запросъ и запроса на предложеніе, должно нарушиться, если предложеніе подвергнется принужденному ограничению. Подобное нарушеніе неминуемо причиняется всякою монополіей, или исключительнымъ присвоеніемъ нѣкоторымъ лицамъ какой-либо вѣтви промышленности, какого-либо способа, или права употреблять извѣстное орудіе производства. Вовсе уничтожая соперничество, или, по-крайней мѣрѣ, стѣсняя его въ кругу немногихъ лицъ, монополія не позволяетъ усиливать по произволу предложеніе, и сохраняя его постоянно ниже запроса, обеспечиваетъ монополистамъ рыночную цѣну, болѣе или менѣе превышающую стоимость, смотря по степени необходимости въ произведеніи. Она умножаетъ препятствія къ пріобрѣтенію полезностей, на которыхъ падаетъ, и тѣмъ усиливаетъ ихъ цѣнность въ пользу владѣтелей монополіи, уменьшая богатство и благосостояніе всѣхъ другихъ членовъ государства (§ 9).

Есть монополіи естественные, проистекающія изъ неизбѣжной силы вещей; есть другія, искусственные, основанныя на постановленіяхъ или законахъ людскихъ.

Естественные монополіи большей частью проис-

текаютъ изъ особенныхъ природныхъ преимуществъ, совокупленныхъ съ собственностью. Народъ, обладающій страной, щедро надѣленной разными произведеніями, ей исключительно свойственными, пользуется естественной монополіей въ отношеніи къ прочимъ народамъ, которые не могутъ обойтись безъ этихъ произведеній. Возмемъ напр.: чай. Доселъ одинъ только Китай можетъ съ выгодой воздѣлывать и приготовлять чай; между тѣмъ употребленіе этого напитка распространяется почти повсемѣстно. Запросъ на него усиливается въ пропорціи, много превышающей усиленіе предложения, которое ограничивается предѣлами китайской имперіи, весьма обширной, но гдѣ также много требуется чаю, и гдѣ не всѣ провинціи равнѣ способны къ его воздѣлыванію. Ясно, что рыночная цѣна чаю на всемирномъ рынкѣ будетъ обеспечивать Китайцамъ премію, тѣмъ болѣе превышающую стоимость чая, чѣмъ менѣе будетъ дѣйствовать на пониженіе этой цѣны соперничество между самими китайскими производителями (*). Подобною монополіей пользовалась, и еще пользуется Мексика въ сбытѣ серебра, извлекаемаго изъ рудниковъ, ей принадлежащихъ. Разность между рыночной цѣной серебра и его стоимостью оказывается не только въ подати, весьма значительной, которую взимало сперва правительство испанское,

(*) Ясно, что китайское правительство, не допуская свободнаго торга иностранного, стѣсняетъ запросъ на чай, и тѣмъ самымъ препятствуетъ возвышенню его рыночной цѣны.

а нынѣ взимаетъ мехиканское, но еще въ огромныхъ барышахъ, осуществляемыхъ частными владельцами рудъ и, съ недавняго времени, въ удвоенной цѣнѣ ртути, которая необходима для добыванія серебра, и которой монополію присвоилъ себѣ одинъ изъ знаменитѣйшихъ банкирскихъ домовъ въ Европѣ.

Иногда монополія естественно совокупляется съ самими произведеніями, когда онѣ принадлежать къ числу рѣдкихъ. Однаковыхъ издержекъ труда и орудій стоитъ поймать, въ пустыняхъ Сибири, чернаго соболя или простую лисицу; но рыночная цѣна первого далеко превзойдетъ его стоимость, тогда-какъ рыночная цѣна второй, можетъ-быть, сольется съ ея стоимостію, потому только, что соболи рѣдки, тогда-какъ лисицы обыкновенны. Однакихъ издержекъ стоитъ засинуть два невода, но одинъ вынесетъ на берегъ нѣсколько дорогихъ лососей, тогда какъ другой вытащить плотву да салакушку. Если лососи рѣдки, то рыночная цѣна первой ловли, кромѣ покрытія издержекъ производства, доставить рыбаку монопольную премію значительную; цѣна второй можетъ-быть не покроетъ издержекъ.

Происхожденіе поземельной собственности можно конечно приписывать законамъ положительнымъ, но мы убѣдились что ея начала заключаются въ самой силѣ вещей; тѣмъ не менѣе нельзя допустить никакого сомнѣнія относительно естественной монополіи, изъ этого права проистекающей. Она рождается изъ тѣхъ природныхъ преимуществъ, ко-

торыя, въ различной степени, совокуплены съ разными присвоенными участками, равно какъ изъ неизбѣжной ограниченности земель. Рыночная цѣна земледѣльческихъ, какъ и всякихъ другихъ продуктовъ, всегда опредѣляется отношеніемъ между предложеніемъ и запросомъ; но не всѣ земли равно плодородны, равно удобно расположены для сбыта. Одни и тѣ-же продукты требуютъ менѣе издержекъ добыванія на однихъ, чѣмъ на другихъ участкахъ, или, покрайней мѣрѣ, менѣе издержекъ доставки на рынокъ. Легко понять, что данная рыночная цѣна можетъ превышать стоимость продуктовъ одного участка, равняться, или даже не покрывать, стоимости продуктовъ другого. Разность, которую воспользуются, вслѣдствіе того, владѣльцы участковъ, находящихся въ условіяхъ производительности особенно благопріятныхъ, будетъ не что иное какъ премія, обеспеченная имъ естественною монополіей. Далѣе мы увидимъ, что на этой преміи основанъ собственно, такъ называемый, поземельный чистый доходъ или рента.

Если участокъ земли способенъ къ какимъ-либо совершенно особеннымъ произведеніямъ, исключительно предъ прочими, и если на эти рѣдкія произведенія предъявляется сильный запросъ, то разность между ихъ рыночной цѣной и стоимостью, въ пользу владѣльца, можетъ быть весьма значительна. На этомъ основаніи, небольшіе клочки земли, на которыхъ, благодаря выгодному расположению на солнцѣ или особенной почвѣ, добываются вблизи самыхъ сбытовъ отличныя вина, приносятъ

сравнительно огромные доходы поземельные. Тоже самое должно замѣтить о каменноугольныхъ копяхъ, о рудникахъ, о всякого рода минеральныхъ разработкахъ, равно какъ и озерахъ, прудахъ, которые могутъ быть обращены въ частную собственность. Рыночная цѣна на ихъ произведенія, опредѣленная запросомъ и предложеніемъ, будетъ превышать тѣмъ болѣе ихъ стоимость, чѣмъ болѣе сопряжено съ ними природныхъ преимуществъ, или, иначе, чѣмъ легче на нихъ добываніе.

Единственная причина этой естественной монополіи заключается въ томъ, что число особенно плодородныхъ участковъ земли, равно какъ и разработокъ благопріятно расположенныхыхъ, по необходимости ограничено. Люди не могутъ ихъ размножать по произволу и, по-мѣрѣ того, какъ запросъ на ихъ произведенія возрастаетъ, усилия промышленности должны обращаться на земли и разработки, не соединяющія столь выгодныхъ условій. Стоимость произведеній, добываемыхъ на послѣднихъ, становится предѣломъ, къ которому постоянно стремится рыночная цѣна, тѣмъ самымъ обеспечивая монопольную премію владѣльцамъ участковъ и разработокъ, на которыхъ тѣ-же продукты достаются съ меньшими издержками.

Подобное не можетъ произойти въ промыслахъ, гдѣ ничто не препятствуетъ людямъ умножать предпріятія въ условіяхъ производительности, равно благопріятныхъ. Такъ въ мануфактурахъ, или торговлѣ, если запросъ усиливается на какія-либо произведенія, то возникаютъ новыя предпріятія, передъ

которыми прежнія не имѣютъ никакого особеннаго преимущества по части издержекъ производства, или стоимости. Послѣдняя служить предѣломъ, съ которымъ сила вещей сближаетъ рыночную цѣну, а такъ-какъ она одинакова или, правильнѣе сказать, пока она одинакова во всѣхъ предпріятіяхъ, ни одно изъ нихъ не находитъ монопольной преміи въ этой цѣнѣ; ни одному она не обезпечиваетъ разности, много превышающей стоимость.

Одна изъ важнѣйшихъ естественныхъ монополій заключается въ талантѣ, или особыхъ способностяхъ, которыми отличается трудъ нѣкоторыхъ людей. Всѣ люди рождаются надѣленными нѣкоторымъ количествомъ силъ и способностей; во всѣхъ эти силы, эти способности могутъ быть развиты, разширены образованіемъ. Но—и мы въ томъ достаточно убѣдились—нельзя предположить равенства ни между силами, ни между способностями каждого. Въ одномъ преобладаетъ сила мускульная, въ другомъ душевная; одинъ отличается памятью, другой воображеніемъ, третій твердостью и ясностью способности сообразительной; наконецъ, есть способности совершенно особенные, которыхъ не можетъ даже замѣнить никакое образованіе, каковы: голосъ, музыкальное ухо, даръ къ живописи, воображеніе необходимое для поэзіи, особенное краснорѣчіе, способность къ изчисленіямъ. Гдѣ причина этого различія способностей?—никто еще того не объяснилъ: но никто, также, и не сомнѣвается въ этомъ фактѣ; и, чтобы убѣдиться въ немъ, стоитъ только сравнить двухъ человѣкъ, получив-

шихъ совершенно одинаковое образованіе спеціальное: сколь часто поражаетъ насъ глубокое различіе между созрѣвшимъ трудомъ того и другого. Одинъ производить тягостно, медленно, вяло; другой, скоро и непринужденно. Въ произведеніяхъ перваго видно знаніе, но нѣтъ того, что пленяетъ въ произведеніяхъ другого, что придаетъ имъ цѣнность огромную, нѣтъ дара, нѣтъ таланта. Послѣдній- же есть не что иное, какъ тѣ природныя преимущества, которыя достались въ удѣль одному, и которыхъ лишенъ другой.

Вообще таланты тѣмъ рѣже, чѣмъ они выше. Поэтому, предложеніе ихъ произведеній всегда ограничено, и если запросъ на эти произведенія великъ, то ихъ рыночная цѣна бываетъ иногда огромная, какъ тому видимъ множество примѣровъ. Она далеко превосходитъ стоимость произведеній, и обеспечиваетъ таланту значительную премію монопольную. Эту премію откроемъ мы и въ огромной цѣнѣ, платимой за картины отличныхъ мастеровъ; въ значительныхъ доходахъ, извлекаемыхъ изъ ихъ произведеній даровитыми писателями, композиторами; въ высокой платѣ, которую получаютъ первоклассные артисты, пѣвцы, танцовщицы, актеры, музыканты. Безсомнѣнно, на развитіе этихъ талантовъ, на ихъ образованіе употреблены были капиталы немаловажные, но въ цѣнѣ, которую пользуются ихъ произведенія, процен- тамъ съ этихъ капиталовъ и самому ихъ погашенію соотвѣтствуетъ часть весьма умѣренная, иногда почти ничтожная.

Къ монополіямъ естественнымъ, неизбѣжнымъ во

всякомъ государствѣ, обычаи и постановленія присоединяютъ монополіи искусственныя. Многія изъ нихъ оправдываются пользой и справедливостью.

Къ числу послѣднихъ принадлежать привилегіи, выдаваемыя изобрѣтателямъ, обеспечивающія имъ, на опредѣленный срокъ, исключительное право употреблять какой-либо новый способъ производства, ими открытый. Если способъ таковъ, что съ нимъ сопряжено уменьшеніе издержекъ производства, или улучшеніе произведеній, увеличивающее ихъ цѣнность, то привилегія, пока длится, обеспечиваетъ въ пользу изобрѣтателя болѣе или менѣе значительную разность между рыночной цѣнной и стоимостью. Эта премія можетъ разматриваться какъ справедливое воздаяніе за старанія, усилія и часто немаловажныя издержки, которыхъ стоило изобрѣтеніе. Это награда, предлагаемая обществомъ изобрѣтателямъ полезнаго. Ктому-же, если привилегія краткосрочна, какъ обыкновенно бываетъ, то пожертвованіе, которому она подчиняетъ націю, незначительно и, по ея прекращеніи, всѣ члены общества пользуются изобрѣтеніемъ, которое безъ того, быть-можетъ, не было бы сдѣлано. Гораздо менѣе можно привести оправданій въ пользу привилегій, выдаваемыхъ на введеніе способовъ, изобрѣтенныхъ въ другихъ государствахъ. Если иногда подобныя привилегіи служатъ поощреніемъ для усвоенія націи улучшенныхъ способовъ производства, то съ другой стороны, и кнесчастію всего чаще, онѣ рѣдко служатъ наградой самого изобрѣтателя, а только стѣсняютъ народное производство въ пользу паразитныхъ спекуляторовъ.

Здѣсь кстати упомянуть, что привилегія, разъ выданная, образуетъ настоящую собственность лица, ее получившаго. Она присвоиваетъ ему исключительное предъ прочими право употреблять какую-либо природную силу въ особенныхъ условіяхъ ея примѣненія, составляющихъ собственно изобрѣтеніе. Получившій привилегію можетъ пользоваться ею самъ, уступать свое право пользованія, или раздѣлять его съ другими, или вовсе его отчуждать. Еслибъ законы не обезпечивали ему этихъ послѣдствій собственности, и еслибъ они не предохраняли его существенно противъ поддѣльванія, то привилегія превратилась бы въ одно пустое слово. Само собой разумѣется, что предметомъ привилегіи можетъ быть только особенный способъ примѣненія природной силы, а не самая сила, ни даже начало (*principium*), на которомъ основано изобрѣтеніе: послѣднія, по самой сущности ихъ, всегда остаются общимъ достояніемъ, и всякой можетъ употреблять и примѣнять ихъ всѣми другими способами. Нельзя не допустить также ограниченія привилегіи, которому она подчиняется во всѣхъ законодательствахъ положительныхъ, и всилу котораго изобрѣтатель теряетъ исключительное право употреблять способъ имъ открытый, если не примѣнить его къ производству въ теченіе опредѣленнаго срока. Безъ подобнаго ограниченія, всякая привилегія можетъ сдѣлаться однимъ безполезнымъ и предосудительнымъ стѣсненіемъ промышленности.

Необходимость, во многихъ случаяхъ, бываетъ началомъ монополій казенныхъ. Власть общественная

присваиваетъ себѣ исключительное право производить какой-либо промыселъ, то имѣя въ виду безопасность общественную, то доходы, необходимые для государства. Фабрикація монеты, пороха, почты, телеграфы, и т. п. могутъ быть отнесены къ первой категоріи. Табачное производство, выдѣлка картъ, соляные промыслы, торговля крѣпкими напитками и другія подобныя монополіи государственные, принадлежатъ ко второй категоріи, и могутъ рассматриваться какъ особенный видъ налога. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, сосредоточивая въ собственныхъ рукахъ предложеніе какого-либо товара, правительство всегда возвышаетъ въ свою пользу его рыночную цѣну, и обеспечиваетъ себѣ премію, болѣе или менѣе значительную.

Иногда обычай, предразсудокъ, мода созидаютъ настоящую монополію въ пользу нѣкоторыхъ частныхъ производителей, умѣвшихъ привлечь и сохранить общественное предпочтеніе. Такъ иные портные, иные сапожники, иные магазины пользуются особыннымъ расположениемъ публики и, привлекая обширный запросъ исключительно предъ своими собратіями, продаютъ свои товары по рыночной цѣнѣ, иногда много превышающей ихъ стоимость. Когда эта премія служитъ наградой умѣнья, таланта, особенной рачительности, постоянной честности; когда она умѣренна—нѣть ничего справедливѣе: но сколь часто, капризъ моды, легкомысленность и беззотчетно-причудливое пристрастіе платятъ огромную дань посредственности, прикрытой нахальнымъ самохвальствомъ, или вкрадчивому шарлатанству.

Но что можно сказать въ оправданіе частныхъ монополій, которыми корысть, помощію интригъ или насилия, успѣваетъ иногда овладѣть посреди государства? Мы знаемъ, эти монополіи часто прикрываются щитомъ мнимой пользы общественной: ихъ требуютъ, какъ необходимаго условія водворенія нѣкоторыхъ производствъ, распространенія, улучшенія и даже сохраненія другихъ. Нѣкоторыя выставляются даже какъ залогъ порядка и спокойствія. Такъ защищались до послѣдней минуты общини и корпораціи, долго присвоивавшія себѣ въ Европѣ исключительное право производить всѣ мануфактурные промыслы. Такъ защищаются теперь монополіи, еще сохранившіяся. Такъ будутъ защищаться монополисты, которые еще не возникли, но можетъ-быть успѣютъ утвердиться впослѣдствіи. Для насъ достаточнымъ поощреніемъ всякого производства будетъ потребность общественная, или запросъ на него; главнымъ побужденіемъ къ его улучшенію, соперничество между производителями; единственнымъ залогомъ порядка и спокойствія, хорошіе законы и хорошее управленье. Монополіи-же, которыя не проис текаютъ изъ неизбѣжной силы вещей и не оправдываютъ явной и несомнѣнной пользой общественной, всегда будутъ съ одной стороны предосудительнымъ стѣсненіемъ промышленности народной; съ другой, предлогомъ взиманія дани съ потребителей, поводомъ къ обогащенію однихъ на счетъ и въ ущербъ другихъ (§ 51).

Впрочемъ монополистъ, каковъ бы ни былъ источникъ его монополіи, и на какую бы силу она ни

опиралась, не можетъ однако считаться полнымъ господиномъ рынка. Достигнувъ нѣкоторыхъ предѣловъ, онъ не можетъ увеличивать рыночную цѣну своихъ товаровъ, не впавъ неминуемо въ убытокъ. Располагая предложеніемъ, увеличивая или уменьшая его по произволу, онъ гораздо менѣе имѣетъ вліянія, а иногда вовсе не имѣетъ никакого, на запросъ; и въ немъ-то встрѣчаетъ онъ неодолимыя преграды своимъ притязаніямъ.

Всякій товаръ на рынкѣ общественномъ, какъ мы видѣли, встрѣчаетъ тѣмъ болѣе запроса, чѣмъ значительнѣе число потребителей, которымъ доступна его рыночная цѣна. Монополія, возвышая послѣднюю, дѣлаетъ ее менѣе доступной, или вовсе недоступной, нѣкоторому числу гражданъ. Правда, это ослабленіе запроса вознаграждается для монополиста разностю, которую онъ взимаетъ сверхъ стоимости каждого произведенія. Но если эта разность и увеличивается въ быстрой прогрессіи, смотря по тому, какъ онъ возвышаетъ мѣновую цѣну, то съ другой стороны еще въ быстрѣйшей прогрессіи уменьшается запросъ, а чрезъ то, и самый сбытъ товара. Легко уразумѣть, что послѣдній можетъ до того уменьшиться подъ гнетомъ слишкомъ преувеличенной цѣны, что монополія утратитъ свою выгоду и даже обратится въ убытокъ. Такъ иногда лица, получившія привилегіи, ослѣпленныя алчностью къ барышамъ, назначаютъ огромную цѣну своимъ произведеніямъ; тѣмъ самыми они отбиваются потребителей, лишаютъ себя сбытовъ, и часто монополія, на которую они расчитывали, какъ на скоп-

рое средство къ обогащению, превращается въ причину ихъ разоренъя.

Если монополія падаетъ на товаръ первой необходимости, напр. на хлѣбъ, то монополистъ можетъ долго возвышать его рыночную цѣну, расчитывая на вѣрный запросъ. Онъ знаетъ, что люди не могутъ обойтись безъ хлѣба, и что они лучше согласятся отказать себѣ во всемъ другомъ, нежели умереть съ голоду. Но въ этомъ случаѣ расчетъ его не вѣренъ. Онъ можетъ возбудить такую дороговизну, что люди недостаточные принуждены будутъ по неволѣ отказаться отъ самого хлѣба или значительно уменьшить свое употребленье, и удручаемые голодомъ, лишеньями и бѣдствіями всякого рода, сдѣлаться добычею усилившейся смертности. Тогда запросъ неминуемо прекратится, или до того охладѣетъ, что монополистъ останется при своихъ запасахъ, при позднемъ раскаяніи въ своей чрезмѣрной алчности, и при заслуженныхъ угрызеніяхъ совѣсти.

Такъ-то сила вещей, дѣйствуя на личныя выгоды монополистовъ всякого рода, препятствуетъ чрезмѣрному повышенню рыночной цѣны товаровъ, предоставленныхъ имъ въ монополію. Она убѣждаетъ ихъ, что гораздо выгоднѣе взимать легкую премію со множества потребителей, нежели, гонясь за огромными барышами, до-того возвышать эту цѣну, что сбыты сначала стѣсняются и наконецъ вовсе прекращаются.

69. ВОЗБУЖДЕНИЕ ИСКУСТВЕННОЙ ДОРОГОВИЗНЫ;
ВЛІЯНІЕ ОХРАНИТЕЛЬНОЇ СИСТЕМЫ НА ОБРА-
ЩЕНІЕ БОГАТСТВЪ.

Отношениe, существующее между издержками производства и рыночной цѣной, виѣ вліянія искусственныхъ монополій, позволяетъ уподобить послѣднюю масштабу, съ которымъ соразмѣряется производство. Возвышаясь, она вызываетъ новыя предпріятія на поприще промысла; понижаясь, предостерегаетъ отъ излишняго разширенія производства, приглашаетъ къ прекращенію нѣкоторыхъ предпріятій.

На эти движения цѣны, на данномъ рынкѣ общественномъ, имѣютъ вліяніе не одни только промыслы, внутри общества производимые: если оно находится въ сношеніяхъ торговыхъ съ другими государствами, то нельзя не допустить также вліянія, какъ предложенія иностранныхъ товаровъ, такъ и запроса иностранцевъ на товары туземные. Съ одной стороны, иностранныя произведенія вступаютъ въ соперничество съ подобными же отечественными, и стремятся понизить ихъ рыночную цѣну; но съ другой, иностранцы не могутъ доставлять намъ своихъ произведеній, не требуя отъ насъ нашихъ собственныхъ. Отъ этого запросъ усиливается на произведенія туземныя, а сътѣмъ вмѣстѣ повышается ихъ цѣна, подстрекающая къ возможному усиленію производства.

Есть произведенія, добыванію которыхъ въ иномъ государствѣ неодолимо противятся обстоятельства. Такъ въ Европѣ нигдѣ нельзя съ выгодой разводить чай, кофе, индиго и другіе тропическіе продукты: ихъ рыночная цѣна, по необходимости, всегда будетъ за-

висѣть исключительно отъ количества ихъ, доставляемаго изъ земель иностранныхъ. Соперничество же между иностранными произведеніями и подобными же отечественными всегда будетъ имѣть послѣдствіемъ: или улучшеніе, т. е. удешевленіе, производства послѣднихъ, или его оставленіе и обращеніе производительныхъ силъ народныхъ на промыслы, болѣе свойственные націи, обѣщающіе болѣе выгодъ.

Такъ, предоставивъ свободному теченію международную мѣну, государство обеспечиваетъ себѣ, съ одной стороны, дешевизну всякого рода произведеній, которыхъ не можетъ производить у себя въ благопріятныхъ условіяхъ; съ другой, постоянный запросъ на собственные продукты, и сильное поощреніе къ ихъ производству. Если и есть зависимость въ этомъ обмѣнѣ, то, подобно существующей въ мѣнѣ между двумя частными лицами, она всегда обоюдна. Если государство, предъявляющее запросъ на продукты другого государства, нуждается въ нихъ, то послѣднее должно нуждаться въ продуктахъ первого: — иначе между ними не можетъ состояться обмѣнъ.

Напротивъ, заграждая входъ въ свои предѣлы иностраннымъ произведеніямъ, государство насильственно уменьшаетъ предложеніе подобныхъ произведеній на рынкѣ общественномъ; цѣна ихъ подымается, скоро достигаетъ предѣла издержекъ, помошію которыхъ онъ могутъ быть произведены въ государствѣ, и служитъ поводомъ къ образованію предпріятій, которыя безъ того бы не возникли. Вслѣдствіе соперничества между этими предпріятіями, правда, мѣновая цѣна произведеній, изготавляе-

мыхъ подъ кровомъ запрещеній, можетъ придерживаться предѣла стоимости, но такъ-какъ послѣдняя, завися отъ обстоятельствъ, которыхъ нельзя измѣнить, постоянно превышаетъ стоимость подобныхъ же произведеній иностранныхъ, то на рынкѣ государственномъ водворяется постоянная искусственная дороговизна. Множество продуктовъ становится недоступны или мало доступны многочисленнымъ со словіямъ; тѣ-же сословія, для которыхъ не слишкомъ тягостна рыночная цѣна отечественныхъ продуктовъ, принуждены часто довольствоваться качествомъ самыи неудовлетворительнымъ.

Другое послѣдствіе исключенія съ отечественнаго рынка иностранныхъ произведеній оказывается въ замѣтномъ уменьшеніи запроса на множество туземныхъ продуктовъ, которыхъ рыночная цѣна понижается. Это понижение однако не вознаграждаетъ неудобствъ искусственной дороговизны. Оно можетъ быть только времененнымъ, потому-что мало по малу невыгодное производство оставляется; производительные силы обращаются на вѣти промышленности, пользующіяся покровительствомъ, привлекающія надеждой на прибыль, и весьма часто дороговизна оказывается даже въ тѣхъ промыслахъ, которые соединяютъ всѣ условія дешевизны.

Для возбужденія искусственной дороговизны, нѣтъ надобности въ безусловномъ запрещеніи иностранныхъ товаровъ: довольно обложить ихъ пошлиной, достаточной для покрытія разности между издержками ихъ производства внутри государства, и въ странѣ, изъ которой они привозятся. Подъ кровомъ

этой пошлины, искусственно возвышающей рыночную цену иностранных товаров, не замедлит утвердиться дорогое производство подобных же внутри государства.

Но водворениемъ искусственной дороговизны не всегда ограничиваются послѣдствія запретительныхъ мѣръ: онъ часто служатъ источникомъ настоящей монополіи, которую пользуются немногіе производители отечественные, въ ущербъ всему обществу. Огражденные отъ иностраннаго соперничества запрещенемъ или сильною предохранительной пошлиной, встрѣчая мало внутренняго соперничества между своими собратьями, они безпрепятственно могутъ повышать цену на свои товары, включая въ нее болѣе или менѣе высокую монопольную премію. Подобная монополія принадлежать къ числу самыхъ несправедливыхъ.

Несмотря на всѣ усилия запретительной системы, которую мы оцѣнили уже съ точки зрењія производства (§ 56), нельзя однако запереть совершенно отечественный рынокъ отъ продуктовъ иностранныхъ. Въ числѣ этихъ продуктовъ, многіе необходимы, и никакія усиленія, никакія старанія и пожертвованія не могутъ водворить ихъ производство подъ небомъ, ему не благопріятствующимъ. Для ихъ приобрѣтенія, государство принуждено предлагать свои собственные и неизбѣжно въ народѣ, хотя и слѣдующемъ системѣ запретительной, часть производства совершается въ надеждѣ на международную мѣну, или, какъ обыкновенно выражаются, на иностранные сбыты.

Необходимость этихъ сбытовъ столь глубоко ощущается, что ихъ открытие и обеспеченіе служатъ главной заботой европейскихъ правительствъ. И сколь трудны, сколь многосложны эти заботы, если подумаемъ, что дѣло идетъ съ одной стороны объ открытии чужого рынка своимъ продуктамъ, а съ другой, о закрытии своего собственного большей части продуктовъ иностранныхъ.

Завистливая политика западныхъ державъ Европы, вѣчно страшась мнимой зависимости отъ иностранцевъ, придумала средства самыя разнообразныя, для ея избѣжанія. Она воспользовалась открытиемъ и покоренiemъ обширныхъ странъ между тропиками, для учрежденія тамъ поселеній и водворенія знаменитой колоніяльной системы, достойной сестры системы запретительной. По духу этой системы, метрополія обеспечиваетъ колоніямъ свое покровительство и свою защиту противъ внѣшнихъ враговъ, но въ то-же время вмѣняетъ имъ въ строгую обязанность не принимать никакихъ товаровъ отъ иностранцевъ, а снабжаться исключительно произведеніями метрополіи, которая и сама подчиняетъ себя обязательству выписывать изъ своихъ колоній, предпочтительно, и если можно исключительно, предъ всѣми другими странами, тропическія произведенія, имъ свойственныя. Отъ этого происходитъ название товаровъ колоніальныхъ, которымъ доселѣ еще означаютъ тростниковый сахаръ, кофе, индиго, перецъ, корицу, и т. п. произведенія жаркихъ поясовъ.

Явнымъ послѣдствиемъ подобнаго договора, известного подъ названіемъ колоніального пакта, все-

гда было и всегда будетъ то, что монополія колоніяльного рынка предоставляетъся метрополіи и, обратно, метропольного рынка—колоніямъ, для сбыта ихъ произведеній. Какъ на томъ, такъ и на другомъ рынкѣ стѣсняется предложеніе разнаго рода товаровъ; и на томъ и на другомъ водворяется искусственная дороговизна. Кромѣ того, подобная мѣра приуждаетъ колонію довольствоваться товарами посредственнаго качества, доставляемыми ей изъ метрополіи; и, обратно, послѣдняя не можетъ отказаться отъ дурныхъ и дорогихъ произведеній колоніяльныхъ.

Придерживаясь своего плана, всякая метрополія естественно желала бы, чтобы доставка всѣхъ колоніяльныхъ продуктовъ совершилась на ея собственныхъ корабляхъ. Но купеческое мореплаваніе не легко учредить; и сила вещей заставила отступить отъ примѣненія колоніяльной системы во всей ея строгости. Сдѣлано только то различіе, въ пользу флага народнаго, что колоніяльные произведенія, привозимыя въ порта метрополіи подъ иностраннымъ флагомъ, обложены несравненно значительнѣйшими таможенными, ластовыми и портовыми пошлинами. Что-же касается до тропическихъ произведеній иностранныхъ, то, по невозможности вовсе заградить имъ входъ въ государство, при недостаточномъ производствѣ въ его собственныхъ колоніяхъ, онъ допущены къ привозу съ уплатой высокихъ пошлинъ, обезпечивающихъ отечественнымъ колоніямъ постоянно высокую рыночную цѣну. Доставка произведеній изъ метрополіи въ колоніи, на иностранныхъ судахъ, также запрещена или затрудне-

на высокими различными пошлинами (*droits différentiels*).

Совокупностью этихъ мѣръ еще болѣе усиливается искусственная дороговизна, какъ произведеній метрополіи на колоніальныхъ рынкахъ, такъ и произведеній колоніальныхъ на рынкахъ метрополіи. Но неизбѣжное послѣдствіе усиленія дороговизны есть уменьшеніе запроса. Всилу этого закона, всѣ таковыя мѣры государствъ, владѣющихъ колоніями, достигаютъ только стѣсненія тѣхъ самыхъ сбытовъ, которые онѣ стремятся обеспечить и колоніямъ и метрополіямъ; въ особенности-же отъ этого стѣсненія терпитъ производство послѣднихъ. Чтобъ отвратить эти невыгоды, необходимо прибѣгать къ разнымъ другимъ средствамъ: трактатамъ, союзамъ, наблюденію чужихъ тарифовъ и положенія запроса у другихъ народовъ, для открытія новыхъ сбытовъ производству, неосторожно разширенному въ надеждѣ на недостаточные сбыты колоніальные (*).

Но можно-ль полагаться на трактаты, чужie тарифы, и тѣмъ паче на положеніе запроса въ другихъ странахъ, когда всѣ, или, по крайней мѣрѣ, большая часть государствъ, принимаютъ съ своей стороны мѣры, подобныя вышеописаннымъ? Державы, не имѣющія колоній, затрудняютъ международную мѣну, то въ видахъ развитія или поддержанія

(*) Однимъ изъ послѣдствій колоніальной системы во Франціи было возбужденіе свеклосахарной промышленности, которая созрѣла подъ кровомъ огромныхъ пошлинъ, обременяющихъ тростниковый сахаръ колоніальный и иностранный. Сколько затрудненій это событие причинило, и еще причиняетъ, правительству французскому!

у себя разныхъ промысловъ, то для поощренія собственного мореплаванія.

Безпрестанно обширные рынки то закрываются, то стѣсняются, то вдругъ опять открываются. Въ тарифахъ нѣтъ, и не можетъ быть постоянства: вездѣ они измѣняются, по произволу правительствъ, изъ видовъ интересовъ, въ настоящую минуту дѣйствующихъ. Трактаты большей частью заключаются на сроки, или на условіяхъ. Производитель, занятый своимъ дѣломъ, рѣдко можетъ предвидѣть ихъ прекращеніе или измѣненіе. Тамъ, гдѣ ничто не угрожаетъ перемѣнѣ, ни въ тарифѣ, ни въ условіяхъ существующаго трактата, какъ положиться на запросъ? — онъ можетъ внезапно охладѣть, вслѣдствие перемѣны, послѣдовавшей то въ сношеніяхъ съ какимъ-либо третьимъ государствомъ, то въ промыслахъ, которымъ таможенные постановленія обеспечиваютъ настоящую монополію внутренняго рынка. Этихъ перемѣнъ, конечно, осторожность должна всегда ожидать, но никогда не можетъ предвидѣть.

Такъ запретительная система, вовлекая производство народное въ пути искусственные, водворяя на рынкѣ общественномъ искусственную дороговизну, въ то-же время безпрестанно причиняетъ гибельные беспорядки и волненія въ обращеніи богатствъ. Ей, безсомнѣнно, должно приписать большую часть кризисовъ, поражающихъ европейскую промышленность. Она-то, поперемѣнно, загромождаетъ рынки, причиняетъ застои, вовлекаетъ въ разореніе многочисленныя предприятия, лишаетъ труда множество рукъ, обрекаетъ на нищету и бѣдствія рабочее сословіе. Къ

тѣмъ-же плачевнымъ результатамъ ведетъ она другими путями, производя искусственную рѣдкость необходимѣйшихъ товаровъ на рынкахъ, подъ вліяніемъ которой слабый достатокъ бѣднаго т. ск. испаряется въ его рукахъ, поглощаемый чрезмѣрной дорожизной. Какъ не открыть въ этихъ безпрестанныхъ насильтвенныхъ колебаніяхъ рыночной цѣны и сбытовъ главной, и часто единственной, причины пауперизма?

Вездѣ это горестное явленіе представляется въ тѣсной связи съ таможенными переворотами. Въ 1841 году, съверо-американскіе Соединенные Штаты вдругъ повысили свои тарифы на разныя статьи: запросъ на шелковыя издѣлія города Ліона, преимущественно расчитывавшаго на этотъ сбытъ, быстро упалъ; фабриканты, обремененные запасами, принуждены были прекратить работы; ткачи, сновальщики, наборщицы, рисовальщики и множество другихъ работниковъ, живущихъ шелкодѣліемъ, впали въ самую жестокую нищету. Подобный же кризисъ оказался еще въ большемъ размѣрѣ въ королевствѣ великобританскомъ; тамъ толпы работниковъ вдругъ лишились занятій и всякихъ средствъ къ пропитанію; общество принуждено было кормить этихъ несчастныхъ, и въ этомъ году такса для бѣдныхъ значительно усилилась. Учрежденіе германскаго таможеннаго союза (*zollverein*) имѣло подобныя же послѣдствія для Англіи: она вдругъ лишилась немаловажнаго сбыта, которымъ пользовалась до того въ нѣкоторыхъ государствахъ Германіи (*).

(*) См. Примѣчаніе 1-е.

Въ Россіи фабричная промышленность еще не такъ развита, и менѣе подвержена подобнымъ кризисамъ. Однако для ней весьма важно расположение китайского правительства; и нѣтъ сомнѣнія, что если, по какимъ нибудь причинамъ, она лишилась бы кяхтинскаго сбыта, донынѣ вѣрнаго, то въ Москвѣ, и другихъ фабричныхъ городахъ, оказалось бы самое гибельное загроможденіе рынковъ. Но въ нашей промышленности земледѣльческой эти кризисы поражаютъ наблюдателя почти періодически. Вслѣдствіе слабаго запроса на сырье продукты, рыночная цѣна на нихъ почти везде стоитъ самая умѣренная. Она не можетъ подняться, потому что къ намъ недоступенъ привозъ продуктовъ иностраннныхъ, отъ котораго могъ бы усилиться запросъ. Напротивъ, при малѣйшемъ урожаѣ, цѣна падаетъ еще ниже, до того, что перестаетъ, во многихъ случаяхъ, покрывать издержки производства. Тогда уменьшаются посѣвы; бросаютъ земли, къ воздѣльванію которыхъ едва приступили; излишнее изобиліе продуктовъ становится для помѣщиковъ настоящимъ страшилищемъ. Посреди такихъ обстоятельствъ если оказывается неурожай, то, при ослабленномъ воздѣльваніи, обнаруживается рѣдкость въ хлѣбѣ; продовольствіе дорожаетъ, обогащая не многихъ спекуляторовъ, и разоряя крестьянъ и помѣщиковъ. Въ томъ нѣтъ сомнѣнія, зло усиливается недостаткомъ хорошихъ путей сообщенія, затрудняющимъ перевозку продуктовъ изъ мѣстъ, гдѣ они изобилуютъ, туда-гдѣ въ нихъ нуждаются. Оно усиливается также равнодушіемъ зе-

мледѣльческаго сословія къ усвоенію улучшенніихъ способовъ воздѣльванія. Но умѣренію неудобствъ много спосабствовала бы правильная и постоянная торговля иностранная. Съ одной стороны, она предохраняла бы земледѣліе отъ сотрясеній, причиняемыхъ въ немъ безпрестаннымъ нарушеніемъ равновѣсія между стоимостью и рыночной цѣной продуктовъ; съ другой, переставъ искусственно возбуждать дороговизну фабричныхъ издѣлій, перестала бы завлекать помѣщиковъ въ мануфактурныя предпріятія, и это самое служило бы имъ побужденіемъ къ улучшенію землевоздѣльванія.

Изложеніемъ послѣдствій стѣсненія международной мѣны (*) можетъ, и кажется должна, ограничиться наука. Ея цѣль—объяснить законы экономического развитія народовъ; ея долгъ—коснуться аномальныхъ явлений, уклоняющихся отъ его путей естественныхъ; но не ей предстоитъ примѣненіе этихъ законовъ къ дѣлу: переходъ къ порядку лучшему совершается мало по малу.

Постепенность и медленность—вотъ необходимыя условія подобной реформы. Слишкомъ рѣзкое, слишкомъ безусловное преобразованіе таможенной системы должно неминуемо причинить много вреда, много замѣшательствъ. Значительныя производства, развитыя подъ кровомъ запретительныхъ или предохранительныхъ мѣръ въ каждомъ государствѣ

(*) О невыгодномъ вліяніи запрещеній и охранительныхъ пошлинъ можно читать любопытныя подробности въ сочиненіи *Porter: Progrés de la Grande Bretagne*, Paris ed. Gosselin см. особенно стр. 196, 198, 236, 251, 259, 276 и 297.

въ, неминуемо лишатся сбытовъ; капиталы, на нихъ употребленные въ видѣ машинъ, мастерскихъ, искусства, навыка, утратятъ большую часть своей цѣнности; множество мастеровъ, рабочихъ останутся безъ хлѣба; рыночная цѣна однѣхъ произведеній упадетъ ниже стоимости; въ другихъ окажется сильная дороговизна; банкротство и нищета быстро раскинется, какъ жестокая язва, по всему тѣлуполитическому. Будущая польза не можетъ служить тому оправданіемъ. Одинъ только Богъ въ своей премудрости расточаетъ иногда бѣдствія человѣчеству изъ видовъ благихъ: но кто, между людьми, можетъ принять на себя подобную отвѣтственность? Все, чего можно требовать отъ предусмотрительности послѣднихъ, ограничивается заблаговременнымъ оставленіемъ ложной системы, вовлекающей государство въ затрудненія, которыя хотя и должны рано или поздно разрѣшиться неодолимою силою обстоятельствъ, но тѣмъ не менѣе много препятствуютъ успѣхамъ богатства и развитію благосостоянія.

Въ Англіи недавно образовалась (1845) такъ называемая лига приверженцевъ свободной торговли (*league of free-traders*). Ея усиля сначала были направлены противъ знаменитыхъ *corn-law*, законовъ запрещающихъ привозъ иностранного хлѣба, служащихъ основаніемъ богатства и могущества аристократического сословія землевладѣльцевъ. Нынѣ она придала болѣе обширности своей цѣли, и стремится къ уничтоженію всякой искусственной дороговизны, возбуждаемой на рынкѣ общественномъ для покро-

вительства или поддержанія туземныхъ промысловъ. Въ составъ этой лиги вошли люди съ величайшими талантами: искусные экономисты, краснорѣчивые ораторы. Путемъ подписокъ, въ которыхъ участвуютъ большая часть мануфактуристовъ, негоціяントовъ и работниковъ, она располагаетъ огромными суммами, и ея доходъ въ 1844 году простирался до 100,000 фунтовъ стерлинговъ (*). Эти средства употребляются на изданіе множества книгъ, брошюръ, журналовъ, писанныхъ слогомъ простымъ, вразумительнымъ, явно обращающихся къ убѣжденію массъ; на содержаніе во многихъ городахъ публичныхъ курсовъ политической экономіи; на поддержаніе кандидатовъ, представляемыхъ лигою для занятія вакантныхъ мѣстъ въ парламентѣ; на самыя дѣятельныя сношенія чрезъ почту и на разѣзды главныхъ дѣйствователей. Благодаря этой искусной тактикѣ, и несмотря на усиленія противнаго ей союза, составившагося изъ землевладѣльцевъ и приверженныхъ имъ фермеровъ, лига уже пользуется вліяніемъ несомнѣннымъ. Она служитъ важной опорой первому министру, Сиру Роберту Пиль, въ его реформахъ, и голоса, которыми она располагаетъ въ парламентѣ, уже неоднократно рѣшали спорные вопросы сообразно съ ея видами.

(*) Cobden et la ligue, par Frédéric Bastiat. Paris 1845. Въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1845 года по случаю возникшаго съ новою силою вопроса обѣ отмѣнѣ Corn-law, удаленія Торіевъ и возвращенія Виговъ на министерство, комитетъ Лиги рѣшилъ что въ 1846 году будетъ собрано подпискою 250.000 ф. ст. (6.250,000 франковъ)—См. газету *La presse* 26 Décembre 1845.

Сколь ни благонамѣренна цѣль этой лиги, нигдѣ и никогда еще (Октября 1845) не выходившей изъ предѣловъ законности, нельзя одобрить однако безусловность ея требованій. Она не допускаетъ никакой полюбовной сдѣлки; по ея совѣтамъ, предохранительныя таможенныя пошлины слѣдуетъ немедленно отмѣнить; Великобританія должна открыть свободный входъ въ свои предѣлы всевозможнымъ произведеніямъ чужеземнымъ, не требуя никакой взаимности отъ иностранныхъ государствъ. Подобная реформа, слишкомъ круто произведенная, могла бы причинить въ королевствѣ переворотъ не только экономической, но даже политической. Зло, которое было бы слѣдствіемъ такого переворота, невознаградимо: оно можетъ поколебать могущество Великобританіи, ввергнуть ее во внутреннія смуты и несогласія. Правда, въ будущности болѣе или менѣе отдаленной, можно ожидать подобныхъ же горестныхъ результатовъ отъ упорной привержености аристократовъ къ выгодной монополіи, которую обезпечиваютъ имъ законы о хлѣбѣ. Но безусловность однихъ отнюдь не извиняетъ безусловности другихъ. Требуя слишкомъ многаго, лига вредить сама себѣ и даетъ на себя оружіе противникамъ. Гораздо болѣе благоразумія въ дѣйствіяхъ *Сира Роберта Пilla*: медленно и покойно, искусно и терпѣливо развязывая узлы частныхъ интересовъ, онъ готовитъ націю къ перемѣнѣ, которой должно желать, и которую излишества могутъ только отдать (*).

(*) См. Примѣчаніе 2-е.

70. О МѢРАХЪ И ВѢСАХЪ; О ТАКСАХЪ.

Таковы законы обращенія: они просты и ясны, и всѣ могутъ выразиться двумя или тремя формулами алгебраическими. На дѣлѣ однако, въ безчисленныхъ мѣновыхъ сдѣлкахъ, вокругъ насъ совершаемыхъ, напрасно будемъ искать этой простоты, этой ясности. Тутъ мы очутимся посреди множества личностей, которыми конечно править неодолимая сила вещей, но которыхъ не вдругъ покоряются ея законамъ, увлекаемыя безпрестанно каждая въ свою сторону противоположными интересами. Въ данную минуту, общественный рынокъ превращается въ арену, на которой препираются всѣ эти интересы. Всякимъ движетъ особенное побужденіе: одинъ ищетъ сбыта; другой, товара; одинъ нуждается менѣе, другой болѣе; иногда, къ потребности прививается страсть. Отъ этого безпрестанныя индивидуальныя колебанія цѣнъ; несогласія, затрудненія къ заключенію сдѣлки, запрашиванье, пониженіе цѣнъ; однимъ словомъ торговство, которое есть нечто иное, какъ стремленіе каждой стороны совершить обмѣнъ въ свою пользу. Тамъ, гдѣ рыночная цѣна рѣшительно утвердилась, торговство большей частью причиняетъ одну пустую потерю времени. Неопытность, или нетерпѣніе одной стороны позволяетъ иногда другой выторговать себѣ нѣкоторое преимущество: въ такомъ случаѣ обмѣнъ совершенъ несправедливо, хотя и законно: сторона, передавшая излишнюю цѣнность, обижена въ своей собственности. Успѣхи

образованности, распространение здравыхъ понятій о кредитѣ, много содѣствуютъ ослабленію обычая торговаться; но нельзя нигдѣ ожидать его совершенного искорененія. Люди всегда останутся людьми, и личный интересъ всегда будетъ имѣть глубокое вліяніе на мѣновыя сдѣлки.

При недостаткѣ началь нравственныхъ, внушенія корысти подвергаютъ мѣновыя сдѣлки величайшимъ злоупотребленіямъ. Въ объявленіяхъ, повѣсткахъ, афишахъ, програмахъ, и тому подобныхъ публикаціяхъ, нѣтъ ничего предосудительнаго, пока онѣ содержать одно извѣщеніе. Въ нихъ можно даже находить нѣкоторую пользу. Кнесчастію, эти средства равно доступны добросовѣстности, какъ и шарлатанству, которое завлекаетъ въ свои сѣти легкомысліе и неопытность. То-же самое должно замѣтить о заманчивыхъ вывѣскахъ, о пышности выставокъ, подъ которыми часто скрывается самая жалкая посредственность. Законы преслѣдуютъ и наказываютъ подобныя плутовства, когда онѣ могутъ быть изобличены: но сколько такихъ между ними, которые рѣшительно избѣгаютъ всякого преслѣдованія и, подъ законною наружностью, постоянно обманываютъ слишкомъ довѣрчивую публику.

Нигдѣ, быть-можетъ, злоупотребленіе объявленій не простерто до такого излишества, какимъ поражаетъ въ Парижѣ. Тамъ, стѣны домовъ, публичныхъ зданій, самые тротуары покрыты безчисленными афишками, которыхъ ярkie цвѣта и вычурные надписи невольно привлекаютъ вниманіе про-

ходящаго. По угламъ улицъ люди раздаютъ прохожимъ печатныя повѣстки или программы. Политическія и литературныя газеты наполнены объявленіями, на которыхъ часто основанъ ихъ главный оборотъ. Редакція, печать, бумага и штемпельная пошлина для большой политической газеты, во Франціи, не покрываются подпиской; но чѣмъ дешевле подписная цѣна журнала, и чѣмъ лучше его редакція, тѣмъ болѣе у него подписчиковъ; а множество подписчиковъ привлекаетъ множество объявлений, и плата, взимаемая за послѣднія, обеспечиваетъ предпріятію выгоды весьма значительныя. Къ этимъ средствамъ публикаціи присоединяются еще многія другія: разсылка програмъ по домамъ, афишки даромъ предлагаемыя въ публичныхъ каретахъ, журнальные статьи, вывѣски.... Чтобы избѣгнуть обмана посреди этого множества указаній, чтобы отличить дѣйствительное отъ подложнаго, истинное отъ преувеличенаго, самая осторожная осмотрительность необходима. Часто шарлатаны завлекаютъ самыми заманчивыми обѣщаніями дешевизны, не стыдятся даже прикрываться лициной благотворительности. Здѣсь, предлагаются красивую одежду по удивительно низкой цѣнѣ; тамъ, новый Гиппократъ умоляетъ больныхъ принять его даровыя услуги; тутъ, является услугливый стряпчій, или дѣлецъ: онъ готовъ все устроить, и мировую сдѣлку, и куплю, и продажу, и ссуду, и даже женитьбу... Горькое разочарованье ожидаетъ несчастныхъ жертвъ, повѣрившихъ этимъ пышнымъ обѣтамъ. Это сукно, прельщающее сво-

ей наружностью и дешевой цѣной, разлезется какъ паутина; этотъ врачъ-филантропъ не возвратить здоровья больному, но жестоко опустошитъ его карманъ своими лекарствами; а услугливый дѣлецъ запутаетъ въ дѣла самыя непріятныя, и счастливъ тотъ, кто вырвется изъ его когтей, оставивъ тамъ однѣ только деньги, и сохранивъ при себѣ свое доброе имя.

Повторяемъ; осторожность и совѣты опыта— вотъ единственныя средства, при мѣнѣ, избѣгнуть шарлатанства, противъ котораго власть общественная не можетъ принять мѣръ дѣйствительныхъ, не стѣснивъ въ то-же время пагубнымъ образомъ обращенія богатствъ. Въ Англіи, гдѣ еще болѣе прибегаютъ къ посредству объявленій, въ нихъ гораздо менѣе шарлатанства, потому-что и въ самой публикѣ гораздо менѣе слѣпой довѣрчивости, нежели между Французыами. Ктому-же публичность заключаетъ въ самой себѣ средства къ уврачеванью зла, иногда ею причиняемаго. Публикаціямъ обманчивымъ, плутовскимъ, ничто не мѣшаетъ противопоставить публикаціи добросовѣстныя, предостерегающія и руководящія здравый смыслъ народный.

Гораздо труднѣе оградить себя противъ подлога въ качествѣ и количествѣ, на который часто решается безнравственная корысть. Есть произведенія, о качествѣ которыхъ покупатель не можетъ судить, не только потому-что незнанокъ въ нихъ, но еще и потому-что, нѣкоторымъ образомъ, покупаетъ ихъ, до ихъ осуществленія. Мы платимъ за совѣты вра-

ча, за операцио хирурга, за уроки учителя, за попеченія наставника, имъя въ виду то здоровье, то образованіе умственное и нравственное, которыя они доставятъ намъ или нашимъ ближнимъ. Часть этихъ результатовъ очевидно зависитъ отъ самого лица, на которое обращаются различныя пользованія; но кто поручится намъ въ той части, которая зависитъ отъ производителя, продавшаго намъ свои услуги? нами можетъ руководить чужая опытность, или наша собственная? безспорно, но и другие и мы сами можемъ заблуждаться: и эта опасность достаточно оправдываетъ заботы правительства, требующаго предварительныхъ экзаменовъ, предлагающаго потребителямъ поруку дипломовъ, высшихъ разрѣшеній. Жаль только, что эти предосторожности не всегда бываютъ достаточны.

Есть другія произведенія, вещественныя, которыхъ наружные признаки скрываютъ настоящее качество, а иногда и самыи матеріалъ. Глядя на полсвинку сукна, нельзя судить о прочности ткани и цвѣта; одинъ знатокъ можетъ составить себѣ ясное понятіе о томъ и о другомъ, по осязанію. Цѣнность химическихъ продуктовъ, разныхъ сырыхъ матеріаловъ много зависитъ отъ степени ихъ чистоты: въ ней часто нельзя убѣдиться безъ испытанья. Наружный цвѣтъ вина прикрываетъ всевозможныя примѣси. Какъ отличить наглядно подобныя же примѣси въ мукѣ, сахарѣ, молокѣ? еще наравнен-но труднѣе судить о чистотѣ золота, серебра. Честность продавца должна, безсомнѣнія, служить лучшей порукой качества товаровъ, и мы уже убѣди-

лись, и еще болѣе убѣдимся далѣе, говоря о кредитѣ, что его личная выгода тѣсно связана съ этой честностью. Несмотря на то, ежедневный опытъ доказываетъ необходимость мѣръ предохранительныхъ, при всей строгости законовъ карательныхъ, угрожающихъ плутовству и мошенничеству.

Мѣры предохранительныя принимаются то самими производителями, то правительствомъ. Къ числу первыхъ принадлежать частныя клейма, отмѣтки, знаки всякаго рода, которыми продавецъ обезпечиваетъ происхожденіе и количество своего товара. Всякое поддѣлываніе этихъ клеймъ должно разматривать, какъ сугубое нарушеніе права собственности, съ одной стороны—продавца, которому подлогъ наносить ущербъ ослабленіемъ его кредита, съ другой—покупателя, котораго вводить въ заблужденіе подложное клеймо. Само собой разумѣется, что продавецъ, котораго товаръ качествомъ не соответствуетъ клейму, явно нарушаетъ право собственности покупателя, поступаетъ противъ законовъ общественныхъ (*).

Мѣры правительства разнообразны и многочислены. Оно подчиняетъ контролю произведенія металлическія, которыхъ цѣнность много зависитъ отъ чистоты металла; опредѣляетъ и публикуетъ признаки, по которымъ можно судить о качествѣ; открываетъ казенныя заведенія, гдѣ всякий можетъ, за умѣренную плату, удостовѣриться въ настоящемъ свойствѣ товара, имъ продаваемаго, или

(*) См. Примѣчаніе 5-е.

покупаемаго. Для сохраненія иностранныхъ сбытовъ, подвергаетъ браку товары, предназначенные къ международной мѣнѣ; содержитъ строгій надзоръ на рынкахъ, ярмаркахъ, въ лавкахъ и магазинахъ, гдѣ наиболѣе производится обмѣновъ. Въ особенности оно блюдетъ за качествомъ такихъ товаровъ, съ употребленіемъ которыхъ тѣсно связано здоровье жителей. И кто не знаетъ сколь необходимы и сколь полезны этотъ надзоръ и эти обѣиски, которые всегда могутъ быть соглашены съ надлежащей умѣренностью и уваженіемъ личности и собственности торговцевъ, подлежащихъ надзору.

Съ первого взгляда кажется, что удостовѣреніе въ количествѣ не представляетъ такихъ трудностей, какъ удостовѣреніе въ качествѣ. Народы искони употребляли орудія какъ для измѣренія, такъ и для взвѣшиванія различныхъ произведеній, смотря по ихъ свойству. Въ древности мѣръ и вѣсовъ всего лучше убѣждаютъ самыя ихъ названія, заимствованныя большей частью изъ природы. Египтяне принимали для измѣренія размѣры нѣкоторыхъ частей тѣла человѣческаго въ зреломъ возрастѣ: у нихъ были *персты*, *пяди*, *локти*, и т. п.; кубъ полу-локтя былъ основаніемъ мѣръ емкости, единицею которой служила *кобѣ* или количество хлѣбнаго зерна, потребное для одного человѣка въ сутки. У Грековъ встрѣчаемъ *персты* (*δακτυλος*), *пяди* (*δωρον*), *ступни* или *футы* (*ποῦς*), *локти* (*πηχυς*). У Римлянъ — *унціи* (т. е. персты), *футы* (*pes*), *локти* (*cubitus*), *шаги* (*passus*) и т. п. (*). Большая часть мѣръ, нынѣ въ

(*) См. *Saigey. Traité de métrologie ancienne et moderne. Paris. 1834.*

Европѣ употребляемыхъ, не имѣетъ иного происходенія кромѣ этихъ древнихъ мѣръ, или уподобленій природѣ.

Но существованія народныхъ орудій, для измѣренія количества разныхъ товаровъ при обмѣнѣ, еще недовольно для отвращенія всякого подлога и недоразумѣнія. Эти орудія должны отличаться надлежащей точностью; они должны быть одинаковы, по крайней мѣрѣ для всего государства и, наконецъ, ихъ примѣненіе должно быть добросовѣстно.

Для соблюденія точности въ орудіяхъ измѣренія, участіе правительства необходимо. Оно одно только, какъ представитель власти общественной, имѣетъ право избирать и опредѣлять единицы мѣръ длины, емкости, вѣса и т. п.; изготавлять для нихъ законные образцы. Ему предлежитъ также постоянно слѣдить за фабрикаціей и продажей этихъ орудій. Всякій мастеръ, выпускающій въ продажу мѣры и вѣсы невѣрные, безъ обеспечительного клейма казеннаго, тѣмъ самыемъ долженъ навлекать на себя кару законовъ. Въ этомъ случаѣ, общество не можетъ довольствоваться однимъ частнымъ клеймомъ фабрикантовъ: самые благонамѣренные между ними могутъ ошибаться, или, не соглашаясь въ опредѣленіи размѣровъ, поселить разномѣріе на рынкѣ общественномъ.

Благоразумная политика побуждаетъ правительства, при законномъ опредѣленіи мѣръ и вѣсовъ, отдавать предпочтеніе тѣмъ, которые наиболѣе известны въ народѣ, съ которыми публика наиболѣе

свыкалась. Однако, при этомъ опредѣлениі, нельзя упускать изъ виду двухъ важныхъ условій—однообразія мѣръ и вѣсовъ и возможнаго ихъ упрощенія. Почти всѣ государства европейскія составились изъ различныхъ областей, которыя нѣкогда пользовались независимостью. Въ каждой изъ нихъ употреблялись мѣры, ей исключительно свойственныя: отъ этого, Европа долго представляла рынокъ самый неудобный. Мѣры не только измѣнялись по государствамъ: но въ каждой провинціи, въ каждомъ городѣ, часто въ одномъ и томъ же городѣ употреблялись различные фунты, различные футы и самыя причудливыя мѣры емкости. Еще можно судить объ этой разноголосицѣ, посыпая владѣнія австрійской имперіи, германскаго союза, Италію, Испанію, а всего болѣе кантоны швейцарскіе.

Введеніе мѣръ однообразныхъ для всѣхъ частей области, много облегчаетъ мѣновыя сдѣлки съ другими государствами, и предупреждаетъ множество замѣшательствъ, споровъ и тяжбъ. Нѣкоторыя державы простерли еще далѣе полезное преобразованіе мѣръ и вѣсовъ: Франція, Бельгія и Пруссія, въ своихъ западныхъ провинціяхъ, замѣнили старинные мѣры и вѣсы, большую частью нечетные и дробные, несравненно простѣйшею системой десятичной, по которой всѣ мѣры одного рода, происходя отъ одной общей единицы, суть только ея кратныя или ея подраздѣленія. Но сколь ни велико удобство подобной системы, привычки народныя такъ глубоки, что большого труда стоило ввести ее тамъ, гдѣ нынѣ она господствуетъ. Одно медленное вліяніе

примѣра можетъ содѣйствовать ея введенію въ другія государства. Здѣсь, какъ и вездѣ, индивидуализмъ, свойственный людямъ, будетъ долго противиться водворенію между всѣми народами однообразной системы мѣръ и вѣсовъ.

Что же касается до добросовѣстнаго употребленія орудій измѣренія, то его можно согласить только съ успѣхами правственнаго образованія. По недостатку послѣдняго, полицейскій надзоръ, а всего болѣе вниманіе покупателей, внушаемое имъ личнымъ интересомъ, который въ этомъ случаѣ согласенъ съ интересомъ общественнымъ, будутъ единственными предохранительными средствами противъ обвѣшиванія и обмѣриванія.

Надзоромъ за мѣрами и вѣсами, обезпеченіемъ качества нѣкоторыхъ произведеній, преслѣдованіемъ и наказаніемъ подлоговъ, мошенничества и плутовства, не всегда ограничивается участіе, принимаемое властью общественной въ народной мѣнѣ. Для предупрежденья торговства и замѣшательствъ имъ причиняемыхъ, для отвращенія запрещанья, споровъ и упрековъ, имъ возбуждаемыхъ, и вообще для сохраненія порядка на общественномъ рынке, правительство *таксируетъ* нѣкоторые товары, а именно тѣ, которые служатъ предметомъ мѣны наиболѣе оживленной, ежедневной. Изъ числа этихъ товаровъ, важнѣйшая суть монеты (*), хлѣбъ, мясо, напитки, топливо и другие предметы первой необходимости. Обыкновенно таксируются также всякого рода монополіи.

(*) О свойствахъ монеты, см. слѣдующую главу.

Какъ полицейская мѣра, такса заслуживаетъ полнаго одобренія, когда постоянно соображается съ рыночной цѣной, измѣняясь вмѣстѣ съ ней ежегодно, ежемѣсячно, еженедѣльно или даже ежедневно, смотря по свойству товара. Она дѣйствительно предохраняетъ рынокъ отъ замѣшательства; покупателей, отъ излишней потери времени; продавцевъ, отъ соблазна чрезмѣрныхъ барышей. Она служитъ защитой неопытности и незнанія противъ корысти и обмана. При нѣкоторомъ искусствѣ, продавцы сами сознаютъ удобство и пользу таксъ: множество магазиновъ и лавокъ привлекаютъ къ себѣ покупателей тѣмъ только, что на всѣхъ своихъ товарахъ выставляютъ ярлыки съ означеніемъ цѣны въ обыкновенныхъ цифрахъ, или публикуютъ тарифъ, котораго строго придерживаются (*).

Но если продавцу, т. е. самому производителю, легко сообразить напередъ свои цѣны и подчинить себя таксѣ, соглашающей его интересы съ требованиями рыночной цѣны, то изъ этого не слѣдуетъ, что такъ-же легко съ правильностю можетъ постановить таксу лицу постороннему, которому это дѣло поручается правительствомъ. Ему предстоять двѣ данные, о которыхъ онъ долженъ составить себѣ понятіе довольно точное: съ одной стороны *стоимость* продукта, съ другой его *рыночная цѣна*. Но и та и другая подвержены измѣненіямъ столь же быстрымъ, сколь и непредвидимымъ. Нельзя при-

(*) См. *Примѣчаніе 4-е.*

держиваться исключительно ни той ни другой, не подвергаясь то перевышенію то перениженію таксы, невыгоднымъ для общества. Въ первомъ случаѣ такса привлекаетъ изобиліе на рынокъ, ни мало не улучшая участіи потребителя и не лишая продавцевъ преміи, имъ обеспеченной. Во второмъ, напротивъ, такса сгоняетъ хороший товаръ съ рынка, подстрекаетъ къ предложенію товара низкихъ сортовъ, къ обманамъ на мѣрахъ, на вѣсѣ, и всегда служитъ поводомъ къ скрытой мѣнѣ, въ которой вовсе не принимается въ уваженіе. Всего лучше, кажется, постоянно слѣдить за движеніемъ предложенія и запроса, вопрошать какъ можно чаще вольную цѣну, и съ ней сообразовать таксу. Но тогда, скажутъ, для чего таксы?.. развѣ мѣновая цѣна не устанавливается сама собою?.. Безспорно, но такса есть мѣра полицейская, принимаемая именно для того, чтобы на рынкѣ господствовала одна лишь настоящая мѣновая цѣна.

Иногда однако, помошю таксѣ хотятъ сохранить на рынкѣ постоянную искусственную дешевизну: въ неурожайные годы, когда рыночная цѣна хлѣба должна неминуемо подняться, ему назначаютъ таксу не выше, или немногимъ выше, годовъ урожайныхъ. Такъ во Франціи, когда терроризмъ, внутреннія смуты и междоусобія, военные реквизиціи, упадокъ ассигнацій, и всеобщее обѣднѣніе, опустошивъ рынки, повысили на нихъ до невѣроятія цѣну продуктовъ, правители республики хотѣли страхомъ гильотины установить продажу по крайней таксѣ, или *тахітіт*. Подобныя мѣры столь же вред-

ны, сколь и тщетны. Онъ вредны потому-что усиливаютъ именно то самое зло, противъ котораго направлены. Онъ тщетны, потому-что не могутъ ничего сдѣлать противъ жесткаго закона силы вещей.

Рыночная цѣна, свободно опредѣляемая запро-
сомъ и предложеніемъ, имѣетъ на движение мѣны
вліяніе подобное тому, какое динамической регу-
ляторъ Уатта имѣетъ на ходъ паровой машины.
Приводимый въ движение самою машиной, этотъ
регуляторъ устроенъ такимъ образомъ, что умѣ-
ряетъ впускъ пара, когда притечеиіе его въ цилин-
дры слишкомъ усиливается и, напротивъ, впускаетъ
его, когда оно ослабѣваетъ. Остановить этотъ регу-
ляторъ, сдѣлать его неподвижнымъ, значитъ лишить
машину ея уравнителя. Такъ точно и такса слиш-
комъ насильственная, обрекающая на неподвижность
мѣновую цѣну, лишаетъ рынокъ его уравнителя.
Повышение въ цѣнѣ обыкновенно привлекаетъ но-
вые предложения: таксы, препятствуя этому повы-
шению, дѣйствуютъ въ противную сторону. Если
же гдѣ-либо запросъ на продукты усиливается до
того, что ихъ рыночная цѣна подымется выше
таксы, то, рынокъ, на которомъ господствуетъ по-
следняя, вдругъ оскудѣваетъ; не только на него не
являются новые подвозы; но даже запасы, уже бы-
вшіе на лице, изчезаютъ. Подобное явленіе оказы-
вается почти всегда во время неурожая: хлѣбъ
вдругъ становится рѣдокъ въ ту самую минуту, ко-
гда въ немъ наиболѣе нуждаются; и эту рѣдкость
должно приписать той самой таксѣ, помошью кото-
рой хотѣли обеспечить народу дешевизну хлѣба, и

которая служить настоящимъ страшилищемъ для снабженія рынка. Безъ нея, хлѣбные продавцы, расчитывая на повысившуюся цѣну, нашли бы средство доставить на рынокъ новые запасы: при сильномъ неурожаѣ этимъ конечно не возстановилась бы прежняя дешевизна, но зло ограничились бы временнай дороговизной; а дороговизна даже значительная—какъ въ томъ не согласиться—лучше голода: голодъ же долженъ быть неминуемымъ послѣдствиемъ опустѣнья рынка.

Куда же скрываются въ эти горестныя эпохи, часто обуреваемыя народными волненіями, тотъ хлѣбъ и тѣ съѣстные припасы, которымъ такса заграждаетъ входъ на публичные рынки?—Они иногда вывозятся изъ государства, но еще чаще въ немъ остаются подъ спудомъ, и служатъ предметомъ самой дѣятельной скрытной мѣны, не смотря на всѣ опасности, съ ней сопряженныя. Въ этихъ сдѣлкахъ, къ которымъ принуждены всѣ прибѣгать и бѣдные и богатые, хлѣбъ продается по рыночной цѣнѣ, гораздо высшей той, по какой его продавали бы свободно на рынкѣ, еслибы тому не противились постановленія. Эта разность объясняется включенiemъ въ цѣну страховой преміи, которую незаконный продавецъ обеспечиваетъ себя противъ угрожающихъ ему конфискацій, штрафа и тому подобныхъ другихъ проторъ и убытковъ. Такимъ образомъ такса, имѣвшая въ виду водвореніе искусственной дешевизны въ неурожайные годы, не только не достигаетъ цѣли, но сугубо усиливаетъ дороговизну, умножая рѣдкость хлѣба и совокупляя съ

его рыночной цѣнной высокія страховых премій. Такъ-то, желая искусственными мѣрами отвратить неудобство естественное, неизбѣжное, нѣкоторымъ образомъ посылаемое самимъ Провидѣніемъ, како-во неурожай, люди впадаютъ въ неудобства несравненно важнѣйшія. Гораздо лучше покориться силѣ вещей, и перетерпѣть дороговизну, которая часто сама несетъ въ себѣ свое врачеваніе, вызывая на рынокъ усиленіе въ предложеніи, мало по малу воз-становляющее дешевизну.

71. О ТОРГОВЛѢ СПЕКУЛЯЦІОННОЙ.

На колебаніяхъ рыночной цѣны товаровъ основана торговля спекуляціонная: она отличается отъ обыкновенной торговой промышленности тѣмъ, что послѣдняя беретъ какіе-либо товары въ одномъ мѣстѣ, и продаетъ ихъ въ другомъ, тогда-какъ первая беретъ товары въ одно время, а продаетъ ихъ въ другое. Мы не упомянули обѣ этого рода торговлѣ въ главѣ о промышленности потому, что для лучшаго уразумѣнія ея сущности надлежало ознакомиться съ общими законами обращенія.

Предприниматель спекуляціоннаго торга наблюдаетъ за ходомъ, или курсомъ, рыночной цѣны. Едва лишь станетъ замѣтно въ ней пониженіе чувствительное, онъ закупаетъ товаръ и хранить его, доколѣ цѣна ему снова повысится. Этимъ сохраненіемъ онъ несомнѣнно умножаетъ полезность произведеній, и слѣдовательно онъ производитъ. Его промыселъ не есть одна мѣна, какъ полагаютъ тѣ, которые смѣшиваютъ спекуляціонную торговлю съ

ажютажемъ. Онъ требуетъ средствъ материальныхъ весьма значительныхъ: для храненія товаровъ необходимы анбары, хорошо и прочно устроенные; для ихъ перемѣщенія, машины, экипажи, лошади. Онъ не можетъ обойтись безъ расчетливости самой точной, самой смѣтливой, безъ познаній и опыта, безъ множества исполнителей искусственныхъ и вѣрныхъ. Наконецъ, успѣшный ходъ этого промысла, какъ и всякого другого, много зависитъ отъ честности, съ какою производится; отъ довѣрія, какимъ пользуются его производители.

Прибыль, которую предприниматель спекуляціонной торговли осуществляетъ на своихъ оборотахъ, отнюдь не достается ему даромъ. Кромѣ заботъ и издержекъ всякого рода, сопряженныхъ съ его промысломъ, онъ подвергается риску самому опасному. Его соображенія могутъ быть не всегда вѣрны; понижение въ рыночной цѣнѣ товара, имъ закупаемаго, можетъ продлиться; самый товаръ, испортиться, обветшать, сгорѣть; сбыты, ему предстоящіе, внезапно закрыться или вовсе быть заперты войною, новымъ тарифомъ, множествомъ причинъ, которыя невозможно, или по крайней мѣрѣ трудно, предвидѣть. Подобные случаи весьма не рѣдки, и, если спекуляціонная торговля доставляетъ иногда большія выгоды, то нигдѣ, можетъ-быть, предприниматели не подвергаются болѣе опасности банкротства и разоренія.

Въ обществѣ господствуетъ мнѣніе самое неблагопріятное касательно этого рода торговли. Самое слово *спекуляторъ* превратилось въ порицанье и

обиду. «Это» люди, говорятъ, «которые живутъ чужимъ добромъ; они обираютъ бѣдныхъ; они счастливы тогда только, когда могутъ взять лишнее за товаръ; они противники дешевизны, въ которой нуждается все общество». — Въ этихъ упрекахъ есть сторона справедливая, а именно все то, что касается до злоупотребленія спекуляцій; но въ нихъ много также заблужденій. И не мудрено: источникъ этихъ упрековъ—въ страсти человѣческой; а ничто такъ не ослѣпляетъ какъ страсть.

Когда одинъ капиталистъ, или нѣсколько соединясь вмѣстѣ, опираясь на огромныя средства, или прибѣгая къ интригамъ и проискамъ, успѣваетъ присвоить себѣ значительное количество товара по его рыночной цѣнѣ нормальной, мало уклонившейся отъ стоимости, для того только чтобы искусственно повысить эту цѣну и, нѣкоторымъ образомъ безъ всякого усилия, безъ всякой издержки, осуществить на его продажѣ огромные барыши, — въ этомъ дѣйствіи есть монополизация, но нѣтъ производства. Подобные спекуляторы приносятъ въ жертву своей личной корысти общія выгоды государства. Въ ихъ дѣйствіи нѣтъ явной противозаконности: но тѣмъ не менѣе ихъ можно поставить на одну ступень съ врагами общественного благосостоянія и спокойствія. Искусственно повышая цѣну предметовъ первой необходимости, они расхищаютъ скучное достояніе бѣднаго; барыши, этимъ путемъ исторгаляемые не оправдываются приносимою пользой, подобно настоящей торговлѣ спекуляціонной.

Негоціанты, участвующіе въ послѣдней, не возбуждаютъ искусственной дороговизны: они пользуются однѣми только неизбѣжными перемѣнами рыночной цѣны, и оказываютъ несомнѣнныя услуги, какъ производству, такъ и обращенію. Чрезмѣрное пониженіе рыночной цѣны отъ загроможденія рынка, въ особенности же ея упадокъ ниже крайняго предѣла стоимости, неминуемо воздерживають отъ производства; если малоцѣнность продлится, то многія предприятия принуждены остановиться и вовсе прекратить производство. Впослѣдствіи-же, когда рынокъ избавится отъ загроможденія, неминуемо должна наступить дороговизна, которая тѣмъ пагубнѣе, чѣмъ необходимѣе продуктъ. Отъ этихъ крайностей, отъ этихъ переломовъ предохраняютъ рынокъ общественный спекуляціонные торговцы.

Закупая значительныя массы товара, когда цѣна ему упадаетъ по случаю загроможденія или внезапнаго застоя, спекуляторы останавливаютъ цѣнопониженіе, ободряютъ производителей. Напротивъ-же когда, по минованіи загроможденія или застоя, на рынкѣ вдругъ окажется дороговизна, спекуляторъ открывая свои магазины, и бросая въ обращеніе значительную массу товара, останавливаетъ цѣноповышеніе, или, по-крайней мѣрѣ, много его уменьряетъ. Такимъ образомъ его торговля съ одной стороны клонится къ предупрежденію пагубныхъ послѣдствій чрезмѣрной дешевизны; съ другой, къ отвращенію вреда чрезмѣрной дороговизны. Безъ нея рыночная цѣна, упавъ много ниже стоимости, причинила бы паденіе или ликвидацио (закрытие)

множества предпріятій; производство совокупилось бы въ рукахъ тѣхъ немногихъ производителей, которые, опираясь на большие капиталы, могутъ дольше выдерживать кризисъ и производить въ убытокъ; и тѣмъ самymъ предала бы имъ въ монополю рынокъ общественный по минованіи причинъ цѣнопониженія.

Мы уже сравнивали дѣйствіе рыночной цѣны, опредѣляемой отношеніемъ между запросомъ и предложеніемъ, съ дѣйствіемъ Уаттова регулятора въ паровой машинѣ. Въ тѣхъ машинахъ, которыя не снабжены подобнымъ регуляторомъ, рука работника, то подымая или опуская заслонку пріемника, то отвертывая или завертывая кранъ, замѣняетъ дѣйствіе регулятора. Этому работнику можно уподобить спекулятора. Когда запросъ и предложеніе вдругъ перестаютъ уравнивать рыночную цѣну съ стоимостью произведеній, спекуляторъ замѣняетъ ихъ вліяніе, то уменьшая, то усиливая предложеніе. На это можно сказать, что рука работника никогда не замѣнитъ вполнѣ механическаго регулятора, никогда не будетъ дѣйствовать съ такою точностью и такимъ постоянствомъ. Допустивъ это возраженіе, мы только дополнимъ сходство: безсомнѣнія, вліяніе спекуляцій на установленіе рыночной цѣны, не дѣйствуетъ такъ правильно и такъ равномерно, какъ простое тяготѣніе запроса и предложенія тамъ, гдѣ ничто ихъ не стѣсняетъ. Спекуляторы часто ошибаются. Они могутъ быть увлечены страстью, преувеличенной надеждой на прибыль, какъ и всѣ другіе предприниматели. Ктому-же,

они часто подавляются недовѣрчивостью и опасеніями, которая внушаются ихъ оборотами обществу, оборотами, отнюдь не заслуживающими всѣхъ этихъ порицаній и, большей частью, приносящими услуги несомнѣнныя.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О МОНЕТѢ.

72. ОБЩІЯ ПОНЯТІЯ О МОНЕТЬ-ТОВАРѢ ИЛИ НАСТОЯЩЕЙ.

Въ предшествующей главѣ мы упомянули о монетѣ. Важная роль принадлежитъ этому произведению въ обращеніи богатствъ, и мы должны посвятить нѣсколько параграфовъ изложенію его свойства.

Мѣна натураю представляетъ множество неудобствъ на обширномъ рынкѣ общественномъ, куда всякий является съ цѣнностями, или товарами однородными, его промыслу свойственными, и гдѣ запросъ проявляется въ потребностяхъ индивидуальныхъ. Чтобъ мѣновая сдѣлка совершилась, съ одной стороны, предлагающій долженъ найти въ толпѣ требователей того, кому нуженъ его товаръ; съ другой, этотъ требователь долженъ самъ имѣть товаръ, въ которомъ нуждается предлагающій. Для избѣжанія потери времени, недоумѣній и всякого рода помѣхъ, съ подобнымъ порядкомъ вещей неразлучныхъ, люди естественно избираютъ какой-либо одинъ товаръ, всѣмъ извѣстный, всѣми при-

нимаемый, который служитъ имъ посредникомъ въ размѣнахъ. По нѣкоторому безмолвному соглашенію, всякий принимаетъ этотъ товаръ въ обмѣнъ за свои произведенія, зная впередъ, что по произволу можетъ обмѣнять его на тѣ другіе товары, въ которыхъ случится ему нужда.

Этотъ общій товаръ, или по удачному выражению *Шторха* площадной (*marchandise banale*), есть монета (или деньги). Она-то, мы видѣли, разделяетъ мѣну натурою на двѣ сдѣлки: на продажу и куплю. И та и другая есть не что иное, какъ мѣна на монету.

Изъ обыкновенія употреблять монету, какъ посредницу или какъ орудіе мѣны, естественно рождается обыкновеніе, о которомъ выше упомянуто (§ 6,65), употреблять ее также какъ мѣрило цѣнностей. Дѣйствительно, цѣнность монеты извѣстнѣе, знакомѣе цѣнности всѣхъ другихъ товаровъ, она чаще всѣхъ измѣряется, сравнивается съ другими, и нельзя избрать лучшій сравнительный терминъ для выраженія цѣны всевозможныхъ произведеній. Изчисливъ, въ ея единицахъ, цѣнности образующія богатство общественное или частное, можно дать о немъ, или составить себѣ, понятіе гораздо яснѣе всякого иного опредѣленія; выражая въ этихъ единицахъ рыночную цѣну разныхъ товаровъ, удобнѣе давать себѣ отчетъ въ ихъ относительной цѣнности.

Изъ того, что товаръ-монету пріобрѣтаютъ мѣной большей частью не для удовольствія имѣть собственно ее въ своихъ рукахъ, но для обмѣна ея на

другіе товары или для купли; а также изъ того, что она служить мѣриломъ цѣнности, отнюдь нельзя заключить, что она есть простой знакъ цѣнности. Она имѣетъ свое собственное существованіе, какъ цѣнность, какъ товаръ, совершенно независимо отъ тѣхъ другихъ товаровъ, которые можно на нее купить. Ея производство требуетъ издержекъ самыхъ существенныхъ. Ея полезность не ограничивается одной способностью служить орудіемъ мѣны, но заключается также въ способности удовлетворять разнымъ другимъ потребностямъ, смотря по свойству матеріала, изъ которого она состоитъ.

Правда, эти двѣ полезности, хотя и сливаются въ монетѣ, исключаютъ однако одна другую, и не могутъ служить владѣтелю монеты въ одно и то-же время. Обращая товаръ-монету на удовлетвореніе какимъ-либо потребностямъ житейскимъ, мы необходимо лишаемъ себя той полезности, которая заключается въ его способности служить орудіемъ мѣны. Вытягивая червонецъ въ нитку, для золотошвейныхъ украшеній моей одежды, я извлекаю изъ него одну полезность, но утрачиваю другую: онъ уже не можетъ служить мнѣ монетой для покупокъ. Это свойство, впрочемъ, не принадлежитъ исключительно товару-монетѣ, но и всѣмъ вообще товарамъ. Обращенные на удовлетвореніе потребностямъ владельца, они не могутъ въ то-же время быть предметомъ обмѣна.

Какъ товаръ, монета имѣетъ свою рыночную цѣну, которая на данномъ рынкѣ всегда будетъ зависѣть отъ отношенія между предложеніемъ и запро-

сомъ. Ясно, что рыночная цѣна всякой монеты выражается или въ единицахъ другой монеты, если ихъ имѣется нѣсколько родовъ, или тѣмъ количествомъ всякого другого товара, которое можно на нее купить. Въ ней оказывается дороговизна, когда, за опредѣленное количество монеты, можно купить болѣе другихъ товаровъ; дешевизна, когда, за то-же количество, покупается менѣе тѣхъ-же самыхъ товаровъ. Чтобы судить о рыночной цѣнѣ, или, по принятому выражению, о курсѣ монеты, сличаютъ обыкновенно цѣну данныхъ товаровъ, въ монетныхъ единицахъ выраженную, въ различныя времена. Пониженіе въ этой цѣнѣ будетъ соотвѣтствовать повышенію курса монеты; и, обратно, повышеніе рыночной цѣны товаровъ, пониженію курса монеты. Для вывода вѣрныхъ результатовъ изъ подобныхъ сличеній, должно тщательно изслѣдовывать причину разности въ цѣнѣ товаровъ: по этой цѣнѣ можно судить о положеніи монетнаго курса, въ томъ случаѣ только, если разность произошла не отъ перемѣнъ, послѣдовавшихъ въ предложеніи или запросѣ самыхъ товаровъ, а единственno отъ перемѣнъ въ предложеніи и запросѣ на монету.

Нужно-ль повторять, что предложеніе монеты есть не что иное, какъ то количество монеты, которое находится въ обращеніи, на данномъ рынкѣ. Запросъ-же на монету по необходимости зависитъ отъ двухъ причинъ: *во-первыхъ*, отъ потребности общественной въ той полезности, которая свойственна самому матеріалу монеты, напр. отъ потребности въ золотѣ, въ серебрѣ на украшенія,

домашнюю утварь, и т. п. тамъ, гдѣ употребляется монета металлическая; и *во-вторыхъ*, отъ потребности общественной въ монетѣ, какъ орудіи мѣны. Степень послѣдней потребности всего труdnѣе опредѣлить съ точностью: но не трудно удостовѣриться, что она должна быть ограничена, какъ и всякая другая потребность.

Чѣмъ болѣе совершаются мѣновыхъ сдѣлокъ, тѣмъ чувствительнѣе потребность въ орудіи мѣны. Тамъ, гдѣ между людьми существуетъ мало взаимныхъ сношеній, гдѣ всякий, по обстоятельствамъ или по недостатку образованности, довольствуется собственными произведеніями, рѣдко прибѣгая къ посредству мѣны, тамъ мало настоитъ надобности въ монетѣ. Но если потребность въ ней усиливается, по-мѣрѣ размноженія обмѣновъ, то, съ другой стороны, эта потребность уменьшается по-мѣрѣ оживленія или учащенія купли и продажи. Никто не пріобрѣтаетъ монеты для ея пріобрѣтенія собственно; продавъ свой товаръ, всякий спѣшить купить другой, въ которомъ нуждается; и извѣстная сумма монеты, переходя изъ рукъ въ руки, можетъ служить посредницей для множества обмѣновъ. Еслибъ можно было опредѣлить сумму куплей и скорость, съ которой онѣ совершаются, то раздѣливъ первую на послѣднюю, мы получили бы въ частномъ то количество монеты, въ которомъ нуждается рынокъ. Если, напр., въ теченіе года сдѣлано разныхъ куплей на 500 миллионовъ рублей, то ясно что сумма въ 500 миллионовъ рублей церешла изъ рукъ покупателей въ руки продавцевъ, тогда,

какъ равноцѣнное ей количество разныхъ товаровъ перешло изъ рукъ продавцевъ въ руки покупателей. Но, разбирая составъ первой части этого уравненія, а именно составъ суммы въ 500 миллионовъ рублей, или положимъ M , мы видимъ, что въ ней весьма часто повторяется одна и та-же сумма, служившая для первой купли, для второй, для третьей, для четвертой, пятой и т. д. Я купилъ на тысячу рублей книгъ у книгопродавца, книгопродавецъ заплатилъ эту тысячу типографщику, типографщикъ роздалъ ее въ уплату своимъ работникамъ, работники купили на нее хлѣба у пекаря, пекарь купилъ на эти деньги муки у мельника, сукна у фабриканта и т. далѣе. Одна и та-же сумма переходитъ нѣсколько разъ изъ однѣхъ рукъ въ другія, тогда какъ товаръ на нее покупаемый поглощается потребленіемъ или служитъ матеріаломъ для новаго производства. По этому, если каждый рубль служилъ орудіемъ для десяти куплей въ году, то 500 миллионовъ товара могли быть куплены помощію 50 миллионовъ рублей; если бъ купли слѣдовали вдесятеро быстрѣе одна за другой, то одного рубля было бы достаточно для совершенія 100 различныхъ куплей или 5,000,000 рублей для купчихъ сдѣлокъ на 500,000,000. И такъ, чтобы наше уравненіе было правильно, надлежитъ раздѣлить вторую часть его т. е. сумму куплей, положимъ S на ихъ быстроту или на скорость обращенія R . Формула превратится тогда въ $M = \frac{S}{R}$; т. е. количество монеты, въ которомъ нуждается обращеніе, находится въ пря-

момъ отношеніи съ числомъ куплей и въ обратномъ съ ихъ скоростью.

Къ важнымъ заключеніямъ ведеть это опредѣленіе количества монеты, въ которомъ нуждается данный общественный рынокъ. Относительный запросъ на монету долженъ неминуемо усиливаться вслѣдствіе всякого обстоятельства, уменьшающаго скорость обращенія, а черезъ то и курсъ монеты будетъ всегда выше въ государствахъ, гдѣ менѣе оживленности въ мѣновыхъ сдѣлкахъ. Деньги тамъ рѣже, не потому-что ихъ менѣе, но потому-что онѣ долѣе остаются въ однѣхъ и тѣхъ-же рукахъ. Въ этомъ обстоятельствѣ не кроется ли одна изъ причинъ наружной дешевизны нѣкоторыхъ товаровъ въ Россіи, когда мы ее сравнимъ съ Германіей; въ Германіи, когда ее сравнимъ съ Англіей?.. рубль, т. е. количество серебра, въ монетѣ рубль содержимое, болѣе значитъ въ Петербургѣ нежели въ Парижѣ, и еще болѣе нежели въ Англіи. Этотъ фактъ поражалъ всякаго внимательнаго наблюдателя.

Съ другой стороны, всякое нарушеніе равновѣсія между потребностью въ монетѣ и ея количествомъ, на данномъ рынке, должно отражаться въ денежному курсѣ. Онъ повышается, когда количество монеты превосходитъ потребность обращенія, и напротивъ понижается, едва это количество перестанетъ покрывать послѣднюю.

Курсъ монеты, какъ и рыночная цѣна всякого товара, постоянно стремится сблизиться съ издержками ея производства или стоимостью. Упадая

ниже этого предѣла онъ побуждаетъ къ вывозу монеты; напротивъ, подымаясь выше, привлекаетъ новые подвозы: и тѣмъ и другимъ путемъ возстановляется нѣкоторое равновѣсіе между курсомъ и стоимостью, или, по-крайней мѣрѣ, эти двѣ величины постоянно стремятся сблизиться одна съ другой.

На колебаніяхъ курса монеты основана особенная вѣтвь спекуляціонной торговли—мѣняль и, частію, банкировъ. Они-то, постоянно слѣдя за перемѣнами въ курсѣ монетъ, предупреждаютъ его значительное уклоненіе отъ стоимости, или возстановляютъ равновѣсіе, когда оно нарушается вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, которыхъ мы коснемся ниже.

**75. ОБЩІЯ ПОНЯТІЯ О МОНЕТѢ НАРИЦАТЕЛЬНОЙ
И МОНЕТѢ СЧЕТНОЙ ИЛИ ЧИСЛЕННОЙ.**

Рыночная цѣна (или курсъ) денегъ, опредѣляемая, съ одной стороны, количествомъ денегъ въ обращеніи и потребностію послѣдняго, съ другой, издержками производства матеріяла или товара, служащаго монетою, образуетъ то, что всякий разумѣеть подъ словомъ *внутреннее достоинство* монеты. Но, кромѣ того, всякая монета имѣеть еще свое *достоинство именное, нарицательное*, которое есть не что иное какъ условное ея наименованіе, или выраженіе ея цѣнности въ данныхъ единицахъ. Наричательное достоинство монеты можетъ равняться ея достоинству внутреннему, превышать его, или быть его ниже.

Равенство между нарицательнымъ и внутреннимъ, или действительнымъ, достоинствомъ монеты входитъ въ разрядъ явленій нормальныхъ. Курсъ подобной монеты устанавливается въ порядкѣ описанномъ. Если нарицательное достоинство монеты ниже внутренняго (что можетъ случиться, когда въ обращеніи находятся двѣ различные монеты-товаръ, и когда одна изъ нихъ таксирована въ единицахъ другой), то курсъ монеты, слабо оцѣненной, долженъ неминуемо повыситься, и пользоваться уравнительнымъ лажемъ (*agio*). Противное произойдетъ въ случаѣ приданія монетъ нарицательного достоинства выше ея внутренней цѣнности.

На дѣлѣ часто обращаются, по ихъ именному достоинству, монеты, имѣющія внутреннее достоинство гораздо ниже, и даже ничтожное, наприм. бумажныя деньги. Это явленіе объясняютъ двѣ причины: 1) главная польза всякой монеты, пока она сохраняетъ видъ денегъ, заключается въ ея удобствѣ служить орудіемъ мѣны; 2) члены даннаго общества, имѣя въ виду созданіе подобнаго орудія, естественно, или вслѣдствіе государственнаго постановленія, склоняются принять за монету какой либо-знакъ, вовсе не имѣющій, или имѣющій весьма мало, внутренняго достоинства, и тѣмъ самыимъ придаютъ этому знаку условную цѣнность. Подобная монета-знакъ конечно не имѣеть того обезпечительного свойства, которымъ отличается монета-товаръ, но всякий принимаетъ ее въ обмѣнъ за свои товары, потому-что всякий увѣренъ, что можетъ на нее купить тѣ товары, въ которыхъ

нуждается. Ясно, что единственное и главное основание цѣнности этого рода денегъ заключается въ довѣріи общественномъ.

Курсы монеты-знакъ, принятой и признаваемой на данномъ рынке, устанавливается, какъ и курсъ монеты-товаръ, по отношенію между ея количествомъ и потребностію обращенія. Никакого вліянія на этотъ курсъ не имѣютъ издержки производства: стоимость монеты-знакъ всегда бываетъ ничтожная, всравненіи съ ея номинальнымъ достоинствомъ. Въ этомъ заключается даже одна изъ главныхъ выгодъ представляемыхъ ею обществу, которое этимъ путемъ избавляется отъ расходовъ на пріобрѣтеніе, приспособленіе и сохраненіе дорогого орудія мѣны. Но за то большое, и самое рѣшительное, вліяніе на курсъ монеты-знакъ имѣеть степень довѣрія, которымъ она пользуется.

Въ одной и той-же монетѣ данного достоинства нарицательного, часть цѣнности можетъ происходить изъ внутренняго достоинства, другая часть быть условною. Таковы, напр., всѣ монеты биллонные, мѣдные и т. п., обезпечивающія сами собою изъ именной цѣнности, имъ приданной, количество равное ихъ внутреннему достоинству. Послѣднее становится предѣломъ, ниже котораго не можетъ много упасть ихъ курсъ при поколебаніи довѣрія общественнаго.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ еще далѣе простирается это разложеніе свойствъ монеты. Въ мѣнѣ иногда употребляютъ монету воображаемую, идеальную. Подобная монета, не существующая въ обо-

ротъ, отличается отъ монеты-знакъ тѣмъ, что можетъ служить только мѣриломъ цѣнности, но не орудіемъ мѣны. Африканское племя Мандинговъ^(*) употребляетъ, для измѣренія цѣнностей, идеальный терминъ, который зовутъ *макутю*: такой-то быкъ, говорятъ они, стойти десять макутъ, такой-то рабъ, 15 макутъ; стекляное ожерелье оцѣнивается въ двѣ макуты. Эти макуты суть величины отвлеченные; онѣ могли означать, вначалѣ, некоторое количество золотого песку: теперь же служатъ только для счета цѣнностей при обмѣнахъ. У народовъ образованныхъ нашли удобнымъ употреблять такого же рода монеты идеальные, известныя подъ названіемъ *счетныхъ*, или *численыхъ*, которыя служатъ мѣриломъ цѣнности не только товаровъ, но и всѣхъ другихъ монетъ, какъ настоящихъ, такъ и нарицательныхъ.

Такъ естественное теченіе дѣлъ побуждаетъ людей, въ обществѣ живущихъ, для облегченія мѣновыхъ сдѣлокъ, сначала избирать какой-либо товаръ и употреблять его какъ орудіе мѣны, отъ монеты-товаръ, переходить къ употребленію монеты-знакъ, исключительно служащей орудіемъ мѣны, и не содержащей въ себѣ никакой другой полезности; и наконецъ, привѣгать для измѣренія и выраженія рыночной цѣны товаровъ къ величинѣ идеальной, или монетѣ счетной. Первая, которую можно называть также *монетой настоящей*, служить въ одно время орудіемъ мѣны, мѣриломъ и залогомъ цѣн-

(*) См. *Sismondi. Nouveaux principes d' Economie politique* T. II.

ности; вторая, монета-знакъ или монета нарица-тельная—орудіемъ мѣны и мѣриломъ цѣнности; счетная монета можетъ служить однимъ только мѣ-риломъ.

Разсмотримъ свойства этихъ различныхъ видовъ монетъ, и начнемъ съ той, которая служить нача-ломъ и основаніемъ прочихъ: съ монеты-товаръ или монеты настоящей.

**74. О МАТЕРИЯЛАХЪ, СЛУЖАЩИХЪ ДЛЯ НАСТОЯЩЕЙ
МОНЕТЫ (МОНЕТЫ-ТОВАРЬ).**

Чтобъ товаръ могъ сдѣлаться монетой, прежде всего онъ долженъ имѣть цѣнность, всѣми въ наро-дѣ признаваемую. Чѣмъ извѣстнѣе будетъ эта цѣн-ность, чѣмъ удобнѣе она сохраняется, перемѣщает-ся или переносится, тѣмъ лучше можетъ товаръ слу-жить монетой.

Эти условія соединяетъ въ себѣ, частію, скотъ уна-родовъ кочующихъ. Стада составляютъ ихъ главное богатство, и у нихъ естественно водворяется обы-чай опредѣлять достатокъ частныхъ лицъ числомъ быковъ, лошадей, барановъ. При отсутствіи позе-мельной собственности, самыя многочисленныя ста-да легко перегоняются съ одного мѣста на другое; содержаніе ихъ ничего не стоять. Какъ товаръ все-общій, скотъ естественно служить въ этомъ состо-яніи общественности орудіемъ мѣны, по недостат-ку всякого иного, и мѣриломъ цѣнности. Это насто-ящая ходячая монета. Исторія свидѣтельствуетъ о существованіи подобной монеты въ древнія време-на. Въ Иліадѣ, Гомерѣ, сравнивая оружіе главково-

съ діомедовымъ говоритьъ, что одно стоило сто, а другое девять быковъ. *Павзаній* пишеть, что за домъ Полидора заплачено было быками. Латинское слово *recipia* (деньги) явно происходит отъ *recus* (стадо). По словамъ *Тацита*, у Германцевъ скотъ замѣнялъ деньги: пени за разныя вины платились у нихъ извѣстнымъ числомъ головъ рогатаго скота. Вѣроятно подобный же обычай существовалъ у нашихъ предковъ Славянъ. Слово *скотница* (*), означающее сокровищницу, казну, денежную кладовую, видимо произошло отъ слова *скотъ*, которое впрочемъ нерѣдко приводится въ лѣтописяхъ въ смыслѣ денегъ (**). Нынѣ еще скотъ частью замѣняетъ монету у кочующихъ народовъ Сибири, у Киргизовъ, Башкиръ, Калмыковъ. У Черкесовъ часто оцѣниваютъ оружіе числомъ барановъ.

Страны, покрытыя обширными лѣсами, изобилуютъ пушными звѣрьми: добываніе мѣховъ составляетъ тамъ главный промыселъ жителей, ихъ важнѣйшее богатство. Между ними почти всегда вод-

(*) Великій Князь Владимиръ Святославичъ въ 896 году, празднуя въ Киевѣ побѣду надъ Печенѣгами, велѣлъ: «всякому нищему и «убогому приходить на дворъ княжій, и взимати всяку потребу, «питье и ядѣніе и отъ скотницѣ кунами.» (*Несторъ. Кенигсб. списокъ 88*).—Митрополитъ Никифоръ сказалъ В. К. Владиміру Мономаху: «Твоя скотница, благодареніе Богу, не оскудѣла и не истощилась.» (*Русскія достопамятности 1, 69*).

(**) *Несторъ* пишеть, что когда Ярославъ Владиміровичъ въ 1018 году прибѣгнулъ къ помощи Новгорода противу польского короля Болеслава, то Новгородцы «на части скотъ брали отъ мужа по 4 «куны, а отъ старосты по 5 гривенъ, а отъ бояръ по 20 гривенъ, «и приведоша Варяги и вѣдаша имъ скотъ . . .» (*Нест. Кенигсб. сп. 99*). Здѣсь слово *скотъ* означаетъ то-же самое, что *recipia* у Римлянъ.

воряется обычай употреблять мѣха, какъ монету, въ обмѣнахъ, и какъ мѣрило другихъ цѣнностей. Тому не мало способствуетъ свойство этого товара, который довольно удобно сохраняется, представляетъ, смотря по качеству, цѣнности весьма различныя, способныя для разнообразныхъ сдѣлокъ, и часто въ маломъ объемѣ содержить цѣнность высокую. Подобныя монеты-мѣха долго употреблялись въ Россіи.

Въ древнѣйшихъ лѣтописяхъ часто встрѣчаются названія куны, рѣзаны, долеи, мордки, ногаты, ушки, векоши (блѣки, веверицы), лобки, зубы, соболи. Онѣ означаютъ мѣха пушныхъ звѣрей, наиболѣе изобилующихъ и понынѣ въ лѣсахъ Россіи, куницъ, бѣлокъ, соболей, и употребляются въ смыслѣ монетъ или денегъ. Въ *Русской Правде*, древнѣйшемъ памятникѣ нашего законодательства, виры или пени вычисляются въ кунахъ и ногатахъ (*). *Несторъ* упоминаетъ о даняхъ платимыхъ бѣлками, кунами (**). Въ нихъ же выражаются пошлины, которыя взимались съ привозныхъ товаровъ (***)¹. Несомнѣнныя доказательства подтверждаютъ, что мѣха употре-

(*) *Русская Правда* 26, 31, 77, 78, 93, 98.

(**) Олегъ въ 883 г. наложилъ дань на Древлянъ по черной кунѣ (*Кенигсб. спис.* 96). Когда въ 980 г. Варяги требовали съ Руси дани по 2 гривны съ дыму, В. К. Владимиръ Святославичъ отвѣчалъ, что они должны обождать, пока соберутъ куны (*idem* 20). Дань, которую Хозары взяли въ 859 году съ Полянъ, Сѣверянъ и Вятичей, состояла въ бѣлкахъ. «По бѣли вѣкшицѣ отъ дыма» (*Лаврентьевскій спис.* 12). Въ Волынской лѣтописи сказано, что король галицкій Даниилъ Романовичъ наложилъ въ 1256 г. дань на Литвянъ черными кунами и бѣлымъ серебромъ (*Карамзинъ* IV. пр. 102).

(***) См. грамату, данную Новгородомъ Готландцамъ въ XII вѣкѣ.

блялись при платежахъ въ природномъ ихъ видѣ и что они ходили также въ Польшѣ (*). Мало по маку употребленіе металлической монеты вытѣснило коженая деньги, но слѣды ихъ сохранились весьма долго (**). Еще въ 1700 г. указъ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО запрещаетъ употреблять въ Калугѣ куски кожи вмѣсто мелкой монеты.

(*) По уставу В. К. Василія Дмитріевича велѣно платить виры по черной куницѣ съ шерстью (*Карамзинъ*, V. пр. 224). Папа Григорій X буллою своей 1230 г. повелѣваетъ мазовскому князю Конраду платить десятину хлѣбомъ въ снопахъ, а не кунами или векшами, для избѣжанія обмана лицъ духовнаго званія (См. *Опытъ о коженыхъ деньгахъ* стр. 28). Тамъ-же содержатся другія подробности. По свидѣтельству арабскаго лѣтописца, *Ахмета де Тузи*, писавшаго въ 1160 году, монетою у Русскихъ служили бѣличьи шкурки съ передними и задними лапками и когтями; тѣ, которымъ чего не доставало считались ложною монетой (*Гамнеръ: О происхожденіи Руссовъ* стр. 37, 101).

(**) Псковитяне оставили формально коженую монету въ 1409 году; но мордки, вѣроятно отрѣзки кунъ, ходили у нихъ до 1422 г. для мелкихъ размѣновъ. Въ Новгородѣ кунья монета уничтожена въ 1411 году. Въ 1426 году Двиняне еще платятъ дань «по 50,000 бѣли и 6 сороковъ соболей» (*Карамзинъ*, V. стр. 268—395). О сей монетѣ упоминается въ граматахъ, данныхъ двинскимъ жителямъ В. К. Іоанномъ III. Въ 1471 году польскій король Казимири, занявъ Новгородъ, налагаетъ дань мѣхами. Въ Литвѣ еще въ XVI стол. мѣхами взимается пошлина, платимая съ хлѣба (*Вѣстникъ Европы* 1828 т. 13 стр. 59). Въ 1594 году Царь Феодоръ Іоанновичъ послалъ нѣмецкому цесарю Родольфу много соболей и другихъ мѣховъ для вспоможенія ему противъ Турокъ, успѣшно воевавшихъ въ Венгріи (*Карамзинъ* XII пр. 42). Тотъ же Царь велѣлъ отпустить своему послу М. П. Вельяминову въ 1593 г. на содержаніе и разныя издержки—мѣховъ болѣе чѣмъ на 44,000 рублей (*Древн. росс. библіот.* XV 127). Въ 1609 году Князь Шуйскій обѣщалъ заплатить войску 8000 рублей, а именно: 5000 деньгами, а остальныя 3000 соболями. Еще при ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ думный дьякъ Украинцовъ получилъ на путевые расходы въ Константинополь 1600 рублей леньгами и 40 сороковъ соболями (*Корбѣ. Дневникъ* стр. 136).

Цѣнность славянской монеты-мѣхъ, которой въ началѣ [единицами были куны] (куницы) и вѣверицы (бѣлки, векши), когда появились серебряные деньги, вычислялась на серебро (*). Послѣднее считалось на вѣсъ фунтами или гривнами. Поэтому говорили: гривна серебра и гривна кунъ. Вѣроятно, вначалѣ, внутренняя цѣнность этихъ двухъ гривенъ была одинаковая. До XII вѣка въ лѣтописяхъ не встречается никакого различія между ними. Но куны, или вслѣдствіе ихъ чрезмѣрного размноженія, или по причинѣ постепенного уменьшенія ихъ достоинства, не могли удержаться въ цѣнѣ, равной цѣнѣ серебра, и въ XII вѣкѣ гривна серебра стоила уже 4 гривны кунъ (**). Въ 1230 году въ Новгородѣ, по лѣтописцу, во время голода, тогда томившаго народъ,

(*) Бар. Шодуаръ. О гривнѣ. Том. I стр. 19—28. Согласно съ мнѣніемъ Г. Бекетова, гривна состояла изъ 50 кунъ или рѣзанъ, или изъ 20 ногатъ. Каждая ногата, можетъ-быть счетная монета, равнялась $2\frac{1}{2}$ кунамъ. Куна или рѣзанъ равнялась 18 векшамъ, которыхъ приходилось 900 на гривну. Мордки были вѣроятно небольшіе отрѣзки кунъ, ходившіе какъ размѣнная монета. Долгей означали то-же что и куны. Лобцы—то-же что векши и бѣлки. Всего труднѣе объяснить ногату; доселѣ еще не опредѣлено, была ли она настоящая монета, или только счетная, идеальная.

(**) По свидѣтельству Нестора, Владміръ Мономахъ и князья Олегъ и Давидъ Святославичи въ 1100 году, отнявъ у Давида Игоревича владимірское княженіе, опредѣлили ему содержаніе въ 400 гривенъ кунъ (Кенигсб. спис. 165). Длугошъ, умершій въ 1480 году, оцѣниваетъ эту сумму въ 200 марокъ серебра (I, 344, Dlougosch). Но марка равнялась пол-гривнѣ серебра или 48 золотникамъ, изъ чего слѣдуетъ, что гривна серебра въ XII вѣкѣ стоила 4 гривны кунъ, и что на содержаніе Давида Игоревича была положена сумма въ 100 фунтовъ серебра. Въ договорѣ Мстислава Давидовича съ Ригою въ 1229 году, пения или вира за убийство положена въ 10 гривенъ серебра, или 40 гривенъ кунъ.

мѣра хлѣба продавалась по 7 гривенъ кунъ или по 1 гривнѣ серебра (*), изъ чего должно заключить, что цѣна монеты-мѣхъ упала всемеро противъ серебра. Впослѣдствіи, вѣроятно, относительная цѣнность кунъ и серебра еще болѣе измѣнилась въ пользу послѣдняго, но о томъ не имѣется достовѣрныхъ свѣденій.

Въ Россіи долго, даже по уничтоженіи монеты-мѣхъ, удерживался обычай считать кунами, векошами, мордками (**). Полагаютъ что нынѣшняя мѣдная гривна произошла отъ гривны кунъ, значительно утратившей свою цѣну, вслѣдствіе ея превращенія въ монету нарицательную. До нынѣ даже, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имперіи, употребляютъ еще мѣха вмѣсто монеты. Въ вологодской губерніи, въ городѣ Усть-Сысольскѣ и въ его уѣздѣ, платятъ связками бѣлокъ, считая по 10 штукъ въ каждой связкѣ. Въ Сибири многія племена платятъ дань, или ясакъ, бѣлками, соболями, куницами, которымъ приписана цѣнность опредѣленная. Мѣха употребляются также, какъ монета, въ нѣкоторыхъ частяхъ Америки, при торгѣ съ Индейцами. *Washington - Irving* въ своемъ описаніи Скалистыхъ

(*) См. *Московск. Общество исторіи и древностей российскихъ:*
а) записки и труды М. 1815. б) Русскія достопамятности М. 1815.

(**) Яковкинъ въ своемъ описаніи Царскаго Села замѣчаетъ, что когда оно строилось въ 1716 г., то каждый дворъ, вѣ выславшій отъ себя рабочихъ, долженъ былъ заплатить 3 алтына $2\frac{1}{2}$ деньги и 1 мордку. По мнѣнію Кругла, слово *рѣзаны*, сперва означавшее кусокъ куницы, относилось потомъ къ отрѣзкамъ серебра, которые назывались рубанцами (*Кругл.: О монетѣ.*)

горъ (*) говоритъ, что шкуры бобровъ и другія обращаются между охотниками какъ настоящая монета, и продаются какъ товаръ только европейскимъ и американскимъ купцамъ.

Разныя другія произведенія промышленности служили, и еще служатъ, монетою. Изъ нашихъ лѣтописей видно, что драгоцѣнная ткань или парча (*паволока*) употреблялась въ византійской имперіи какъ монета, наравнѣ съ золотомъ и серебромъ (**). На нее выкупали пленныхъ; ею платили за товары. По словамъ *Гагера* и *Дюгольда*, раковины и черепахи, вѣроятно имѣвшія внутреннюю цѣнность, были первой монетой въ Китаѣ; слово *ну*, по-китайски, означаетъ раковину и также серебро, богатство. Еще нынѣ раковины обращаются какъ монета въ Бенгалѣ, и добываніе ихъ составляетъ главный промыселъ жителей острововъ Малдівскихъ: 5000 такихъ раковинъ равняются цѣною одной рупіи (около 10 руб. сереб.). Въ Абиссиніи оцѣниваютъ товары солью и перцемъ; въ Виргиніи табакъ служитъ орудіемъ мѣны, а въ Исландіи, шерстяная ткань называемая *ватмаль*. *Тавернѣ* пишетъ, что въ его время, во владѣніяхъ великаго монгола, вместо денегъ употребляли нѣкотораго рода миндаль, ростущій въ пустыняхъ царства ларскаго и горечью превосходящій колоквинту. (***) При открытии Америки, Аステки употребляли зерна какао вместо денегъ. Въ мексиканской республи-

(*) *Adventures of Captain Bonneville. Paris 1857 W. Galignani et Cie.*

(**) *Бар. Шодуаръ.* Т. I стр. 13.

(***) *Ibid.* I, стр. 13, 14, 17; *Шторхъ.* Т. VI, пр. VI стр. 44 и 45.

кѣ и теперь еще эти зерна служать размѣнною монетой (*). На островахъ Св. Петра и Микелонѣ, принадлежащихъ Франціи, сушеная треска служить монетой внутри колоніи (**); рыбаки не имѣютъ другихъ денегъ и всѣ охотно ее принимаютъ. Въ Гренландіи и въ Исландіи сушеная рыба обращается также, какъ монета.

По-мѣрѣ успѣховъ гражданственности и развитія промышленности, важныя неудобства оказываются въ подобныхъ монетахъ, единовременно имѣющихъ назначеніе двоякое. Безпрестанно поглощаемыя потребленіемъ, они не могутъ всегда въ равной степени наполнять каналы обращенія; большей частью громоздки, малопомѣстительны. Цѣнность ихъ подвержена самымъ неожиданнымъ и частымъ перемѣнамъ. Всёе или почти всёе, не способны къ дѣлимости, и не могутъ служить орудіемъ въ обмѣнахъ ниже некотораго предѣла. Скоро ветшаютъ, портятся и утрачиваютъ свою цѣнность; не представляютъ въ одинаковомъ количествѣ одинаковой цѣнности. Для отстраненія этихъ неудобствъ народы прибегаютъ къ употребленію монетъ металлическихъ.

Начало этого употребленія теряется во мракѣ временъ. Вѣроятно, оно относится къ самой эпохѣ открытія металловъ. Желѣзо служило матеріаломъ для монеты у Спартанцевъ (***) . У Римлянъ, мѣдь

(*) Humboldt: *Essai sur la Nouvelle Espagne*. Т. III р. 122. 2 édition.

(**) *Notices statistiques sur les colonies francaises, imprimées par ordre du Ministre de la marine Paris 1839 4 part. p. 147.*

(***) Bækh: *Economie politique des Athéniens*. Ч. II р. 45 см. Франц. пер.

замѣнила монету *pecus*, при первыхъ царяхъ. Сначала она обращалась въ безобразныхъ слиткахъ и только при Сервіи Тулліи, по свидѣтельству *Плиния старшаго* (*), ее начали дробить на равныя части или *асы* (*as*), съ клеймомъ, означавшимъ цѣнность. Асъ означалъ фунтъ, вѣсившій 12 унцій римскихъ, которыя, по мнѣнію археографовъ (**), были $\frac{1}{8}$ слабѣе унцій маркскихъ и равнялись только 6048 гранамъ или 27 золотникамъ. Десять асовъ составляли *динарій*; два аса съ половиною, *сестерций*, который долго былъ у Римлянъ счетной единицей. Если положиться на слова *Варрона*, то мѣдные асы, вѣсомъ въ римскій фунтъ, обращались до первой пунической войны: но съ этого времени они перестали быть монетой настоящей, и превратились въ нарицательную. Сначала вѣсъ ихъ уменьшень вшестero, до 2 унцій. При Аннibalѣ они вѣсили не болѣе одной унціи; тридцать девять лѣтъ спустя, закономъ Паторія вѣсъ ихъ еще уменьшень до $\frac{1}{2}$ унціи. При императорахъ они вѣсили не болѣе $\frac{1}{4}$ унціи (***)¹. Константинъ Великій востановилъ вновь настоящую мѣдную монету подъ названіемъ *follis*, вѣсомъ въ одну унцію, по 12 на фунтъ (****).

Римскіе асы до III столѣтія до Р. Х. были, можетъ, единственнымъ примѣромъ постояннаго упо-

(*) *Hist. natur.* lib. 33 C. 13; *ibid.* lib. 18 C. 3.

(**) *Germ. Garnier*: Note II de sa traduction d' *Adam Smith* ed. Agasse. p. 18.

(***) *Boekh*: *Metr. unters.* *Dureau de Lamaille*: *Econ. pol. des Romains*.

(****) *Germ. Garnier*. Note citée.

требленія въ Европѣ настоящей мѣдной монеты. Подобная монета, равно какъ изъ всякого другого простого металла, хотя и предпочтительнѣе монетъ изъ разныхъ другихъ произведеній, не соединяетъ однако всѣхъ желаемыхъ качествъ. Она тяжеловѣсна, неудобна для обращенія и подвержена разрушению отъ ржавчины. Нынѣ мѣдь употребляется народами образованными какъ монета нарицательная, размѣнная. Въ своеемъ мѣстѣ мы возвратимся къ разсмотрѣнію ея свойствъ.

Самый удобный матеріалъ для монеты, во всѣ времена, представляли людямъ драгоцѣнные металлы, золото и серебро, и вездѣ они постепенно замѣнили, или замѣняютъ, всѣ прочія монеты.

Высоко цѣнныя людьми по причинамъ, которыхъ мы коснемся далѣе, золото и серебро, въ объемѣ сравнительно маломъ, содержать цѣнность значительную. По среднимъ цѣнамъ, нынѣ господствующимъ на всемирномъ рынкѣ, къ цѣнности серебра относятся: цѣнность желѣза, какъ 1 къ 561 $\frac{5}{5}$, мѣди, какъ 1 къ 166 $\frac{2}{5}$; къ цѣнности золота: серебро какъ 1 къ 15 $\frac{3}{5}$, мѣдь какъ 1 къ 2500, желѣзо какъ 1 къ 8500 (*). Важное преимущество для орудія мѣны, безпрестанно переходящаго изъ однѣхъ рукъ въ другія, безпрестанно перевозимаго изъ страны въ страну.

Гораздо менѣе предстоитъ трудности къ сохраненію монеты золотой или серебряной, нежели всякой другой. Она не старѣетъ и не требуетъ попеченій подобно рогатому скоту; не ветшаетъ и не

(*) Прейсъ-курантъ россійскихъ товаровъ въ Лондонѣ и Гаврѣ. извл. изъ Коммерческой Газеты за 1841 годъ.

подвергается порчѣ подобно мѣхамъ; не ржавѣеть и не окисляется подобно желѣзу и мѣди. При небольшой примѣси лигатуры, механическое вліяніе тренія едва можетъ поколебать ея цѣлостъ. Кому-же она занимаетъ мѣсто самое малое, и легко можетъ быть укрыта отъ всякаго вреднаго вліянія.

Въ обращеніи, кромѣ удобства объема, золото и серебро представляютъ важное преимущество, по совершенно особеннымъ качествамъ. Ихъ легко отличать отъ всѣхъ прочихъ металловъ и минераловъ, по цвѣту имъ свойственному; по ихъ удѣльному вѣсу; по ихъ крайней ковкости и тягучести; по ихъ особенной звонкости.

Какъ тотъ, такъ и другой металъ въ высшей степени удободѣлимы. Раздробленье ихъ на самыя мелкія части, превращеніе въ пыль, нимало не уничтожаетъ, и даже не уменьшаетъ, ихъ цѣнности. Поэтому, они могутъ служить для мѣновыхъ сдѣлокъ, какъ самыхъ значительныхъ, такъ и самыхъ малыхъ. Въ практикѣ есть конечно предѣлы этой дѣлимости: слишкомъ малыя частицы золота и серебра неудобны для счетовъ и сохраненія; онѣ болѣе терпятъ отъ утирки; но это неудобство легко отвращается употребленіемъ размѣнной монеты нарицательной.

Никакой металъ не можетъ быть доведенъ такъ легко до высшей степени однородности и чистоты. Желѣзо и мѣдь могутъ быть очищены, но при помощи издержекъ, не соотвѣтствующихъ ихъ мѣновой цѣнѣ. Кому-же, очищеніе большей частью лишаетъ простые металлы свойствъ, въ которыхъ наиболѣе

нуждается ходячая монета, а именно ковкости и прочности. Они становятся сухи и ломки, тогда-какъ золото и серебро сохраняютъ всю свою тягучесть.

Какъ материалъ для издѣлій, золото и серебро доступны только потребленію роскошному: это много способствуетъ постоянному сохраненію въ обращеніи народномъ достаточнаго изобилия монеты, изъ нихъ приготовленной. Наконецъ, самая цѣнность золота и серебра постоянна и не столь перемѣнчива, какъ цѣнность всѣхъ другихъ товаровъ, по крайней мѣрѣ въ теченіе продолжительныхъ періодовъ времени. Ихъ курсъ менѣе подверженъ колебаніямъ, потому-что, по свойству ихъ, золото и серебро менѣе подвержены внезапнымъ и рѣзкимъ перемѣнамъ въ предложеніи и запросѣ. Безсомнѣнья, ихъ нельзя разматривать какъ совершенно постоянный и одинакій мѣритель цѣнности, но нельзя избрать лучшаго; нельзя также пріискать орудія мѣны болѣе удобнаго и болѣе обезпечительнаго.

75. ОСНОВАНІЕ РЫНОЧНОЙ ЦѢНЫ, ИЛИ КУРСА ДРАГОЦѢННЫХЪ МЕТАЛЛОВЪ, СЛУЖАЩИХЪ МОНЕТОЮ.

За исключениемъ немногихъ племенъ, погруженныхъ въ глубокое варварство, люди высоко цѣнили и цѣнятъ золото и серебро. Ихъ блескъ, ихъ рѣдкость, ихъ отмѣнно полезныя свойства всегда заслуживали особенного предпочтенія, особенного пристрастія народовъ. Правда, ихъ важнѣйшее употребленіе основано на тщеславіи; но эта потребность сильна и неодолима въ человѣкѣ общественномъ. Роскошь и сила любятъ отличать себя изобилиемъ золо-

тыхъ и серебряныхъ украшений; чертоги царей, людей богатыхъ и могучихъ всегда заимствуютъ отъ нихъ свою главную наружную пышность. Искусство приготавлять золотыя и серебряныя ткани, основанное на удивительной тягучести этихъ металловъ, было известно въ отдаленной древности. Нынѣ вездѣ самые скромные достатки не отказываютъ себѣ въ посильномъ употреблениіи золота и серебра. Его слѣды можно открыть въ бѣднѣйшихъ семействахъ, гдѣ оно является, то въ позолотѣ, то въ накладныхъ издѣліяхъ. Серебряные столовые приборы можно разсматривать, до нѣкоторой степени, какъ предметъ необходимости: семейства, лишенныя возможности употреблять эту утварь, съ которой тѣсно связана домашняя гигіена, несомнѣнно терпятъ лишенія. Кромѣ того, многія искусства нуждаются въ золотѣ и серебрѣ, то для орудій, то какъ въ необходимомъ припасѣ или первоначальномъ матеріалѣ.

Еслибъ даже народы ограничивались однимъ употребленіемъ золота и серебра для удовлетворенія всѣмъ этимъ многоразличнымъ потребностямъ, то запросъ на нихъ былъ бы весьма значителенъ и, при ограниченіи ихъ предложенія естественной рѣдкостью и трудностями добыванія, онъ отличались бы высокой цѣной на рынкахъ общественныхъ. Превращеніе драгоценныхъ металловъ въ монету, ихъ употребленіе какъ орудій мѣны между народами образованными, вездѣ придаетъ запросу на нихъ огромную настоятельность, и принимаетъ важное участіе въ повышеніи ихъ цѣны.

Наблюдение фактовъ убѣждаетъ, что между усиленіемъ запроса на драгоценные металлы какъ въ издѣліяхъ, такъ и въ монетѣ, и распространеніемъ образованности существуетъ тѣсная связь. Разнообразя отношенія между людьми, образованность развиваетъ въ нихъ безпрестанно новыя побужденія, и въ особенности вкусъ къ роскоши. Содѣйствуя оживленію промышлености и успѣхамъ богатства, она усиливаетъ нужду въ обеспечительномъ орудіи мѣны, и въ то-же время доставляетъ людямъ средства къ приобрѣтенію золота и серебра, несмотря на ихъ высокую цѣну. Но, усиливая запросъ на драгоценные металлы, образованность въ то-же время содѣйствуетъ усиленію ихъ предложенія. Природа разсыпала ихъ по малымъ количествамъ въ той части коры земной, которая нѣсколько извѣстна людямъ; промышленность должна ихъ преслѣдовать въ едва замѣтныхъ прожилкахъ, отыскивать въ массѣ другихъ минераловъ, отдѣлять съ большими издержками частицы, химически соединенные съ разными горными породами. Эти открытія требуютъ познаній, искусства; эти работы нуждаются въ помощи машинъ, улучшенныхъ химическихъ способовъ. Образованность доставляетъ и тѣ и другія. Такъ, съ одной стороны, усиливая потребность въ драгоценныхъ металлахъ, съ другой она предохраняетъ родъ человѣческій отъ ихъ крайней рѣдкости. Благодаря ея вліянію, каждому шагу впередъ, сдѣланному запросомъ, соответствуетъ шагъ впередъ въ самомъ предложеніи. Отъ этого—равновѣсіе между двумя регуляторами мѣновой цѣны дра-

гоцѣнныхъ металловъ; отъ этого—постоянство въ цѣнѣ, котораго не представляютъ никакія другія произведенія, служившія, и еще служащія, монетою.

Долго между экономистами господствовало мнѣніе, что древній образованный свѣтъ былъ бѣденъ драгоценными металлами и что мѣновая цѣна ихъ была несравненно выше чѣмъ нынѣ. Новѣйшия тщательныя изысканія археологіи убѣждаютъ въ противномъ. Несомнѣнныя доказательства подтверждаютъ, что средняя Азія въ достаточномъ изобилии снабжала серебромъ, и въ особенности золотомъ, образованные народы того времени. Страны, содержавшія богатѣйшіе рудники, входили въ составъ персидской имперіи, или подлежали ея зависимости: полагаютъ, что онѣ занимали часть Азіи, которая на востокѣ отъ Тигра простирается вдоль Каспійскаго моря, заключаетъ нынѣшнюю Персію, нижнюю часть омской губерніи, Туркестанъ и тѣ части Тибета, Китая и Индіи на востокѣ отъ Ганга, которыя были тогда известны Персамъ (*). Нынѣ еще эти страны содержатъ множество золотыхъ и серебряныхъ рудъ и, въ особенности, золотоносныхъ разрушенныхъ породъ: къ нимъ примыкаютъ наши алтайскіе золотопромышленные промыслы, на которыхъ добываніе съ каждымъ годомъ усиливается. Нѣтъ ничего вѣроятнѣе значи-

(*) *Dureau de Lamaille: Economie politique des Romains. Paris. 1840 p. 59 t. I.* Онъ подкрѣпляетъ свое мнѣніе ссылками на Геродота, и на изысканія новѣйшаго писателя Jacob: *An historical inquiry into the production of precious metals.*

тельнаго добыванія драгоценныхъ металловъ въ этихъ странахъ при царяхъ персидскихъ, а до нихъ, при царяхъ ассирийскихъ и вавилонскихъ. Нельзя приписать иное происхожденіе прославленнымъ сокровищамъ Семирамиды, Сарданапала, Соломона, Креза. По свидѣтельству *Геродота*, Дарій Истаспъ взималъ подать съ своихъ сатрапій слитками золота и серебра, и тѣ сатрапіи, которые занимали страны выше упомянутыя, платили почти половину всей этой подати, хотя принадлежали къ числу наименѣе населенныхъ. Изъ одной Индіи этотъ государь получалъ около 600 талантовъ (*) золота въ слиткахъ. Огромные запасы золота и серебра въ утвари, монетѣ, слиткахъ достались въ добычу Александру македонскому и его полководцамъ при покореніи персидской имперіи (**).

Изъ Азіи, золото и серебро, то медленнымъ течениемъ торговли, то чрезъ посредство завоевателей, переходили въ Грецію, Италію и распространя-

(*) По расчету *J.Saigeys Métrologie ancienne et moderne p. 47 Paris 1834*) азіятскій или персидскій талантъ въсомъ равнялся 18,088 граммамъ на серебро, и такъ, считая килограммъ серебра въ 198 фр., онъ стоилъ 3801 ф. 60 с.; на золото, которое въ тѣ времена въ 13 разъ было дороже серебра, талантъ стоилъ 49.420 фр. 80 с. По сему 7740 талантовъ серебра слитками и 360 талантовъ золота въ пыли, которые Дарій Истаспъ взималъ съ своихъ 20 сатрапій, составляли сумму около 48,000,000 фр.

(**) *Dureau de Lamaille p. 59 t. I.* По списку, сохраненному въ писанияхъ *Квинта Курція, Страбона, Юстина, Ариена, Диодора и Плутарха*, войско македонское захватило, въ лагерь Дарія Кодомана и въ Вавилонъ, 40 или 50 тысячъ талантовъ; въ Персеполисъ 120 тысячъ талантовъ, что по мнѣнію *Дюро-де-Ламайль* составляетъ 1,930,500,000 франковъ.

нялись по берегамъ всего Средиземнаго моря. Когда, по смерти Александра, вслѣдствіе междуусобій, возникшихъ между его полководцами, и войнъ, долго царствовавшихъ между независимыми монархіями, ими основанными, разработка рудниковъ азіатскихъ частію прекратилась, частію уменьшилась, приступлено къ разработкѣ богатыхъ, въ то время, рудъ серебряныхъ во Ѹракіи, въ Илліріи и въ Испаніи (*). Должно полагать, однако, что рудники Азіатскіе хотя и менѣе, но не переставая, доставляли золото и серебро въ Европу, даже до самого паденія римской имперіи.

Лучшее доказательство тому, что въ древности, до половины V столѣтія по Р. Х., количество драгоцѣнныхъ металловъ соотвѣтствовало тогдашней потребности народовъ, почерпается изъ сравненія денежной цѣны простого рабочаго труда и хлѣба. Между этими цѣнами и настоящими разность весьма незначительна.

Нельзя, конечно, принять за безусловный сравнительный терминъ рыночную цѣну хлѣба, въ которую, какъ мы видѣли, часто входитъ монопольная

(*) По свид. *Полібія*, которое приводится *Страбономъ* (III р. 147), серебряные рудники въ Карthagенѣ занимали пространство въ 400 стадій (12 фр. лье). На нихъ постоянно работали 40,000 человѣкъ, которыхъ трудъ приносилъ 25,000 драхмъ въ день, т. е. около 9 миллионовъ франковъ въ годъ, или 87,000,000 въ 10 лѣтъ. Италія никогда не отличалась богатствомъ золотыхъ и серебряныхъ рудъ несмотря на слова *Плінія старшаго*: *Nulla secundior metallorum tellus.* (XXXIII, 4). Тотъ же писатель (XXXIII, 21—23) замѣчаетъ, что въ его время Астурія, Галиція и Лузитанія доставляли ежегодно 20,000 фунтовъ золота.

премія различная, смотря по населенности и по степени свободы ея сношений съ другими народами. Такъ точно и цѣна рабочему труду, принужденно соразмѣряясь съ цѣной продуктовъ первой необходимости, должна измѣняться смотря по измѣненіямъ въ цѣнѣ хлѣба. Кромѣ того, на цѣну труда имѣютъ важное вліяніе число жителей и государственные постановленія. Тѣмъ не менѣе, если взять два народа въ сходныхъ обстоятельствахъ населенности и землевоздѣльванія, то рыночная цѣна труда и хлѣба можетъ всегда служить наилучшимъ сравнительнымъ терминомъ для опредѣленія денежнаго курса. На эту цѣну почти вовсе не имѣютъ вліянія причины, безпрестанно измѣняющія цѣну большей части другихъ товаровъ, какъ-то: мода, обычай, открытие новыхъ машинъ, экономическихъ способовъ и т. п. Само собой разумѣется, что для правильности сравненія не должно принимать въ разсужденіе годы чрезмѣрнаго урожая, ни крайней скудости, а руководствоваться средней пропорціональной цѣнной нѣсколькихъ лѣтъ.

Греція, во времена Демосоена, Римъ, при императорѣ Веспасіанѣ, могутъ быть уподоблены, до нѣкоторой степени, настоящему положенію Франціи и Англіи. По изчисленіямъ *Дюро-де-Ламайлъ*, (*) съ которыми сходно мнѣніе *Бёка* (**), средняя цѣна медимны (*μεδιμνος*) пшеницы въ Аѳинахъ не превышала $10\frac{1}{2}$ драхмъ; вѣсъ медимны равнялся

(*) *Econ. pol. des Romains* p. 104, 105 t. I.

(**) *Boekh: Econ. pol. des Athéniens* p. 102 t. I.

79,₇₀ фунтамъ маркскимъ или 734.504 гранамъ; драхма серебра вѣсила 81,₉₂ грановъ, а 10½ драхмъ 860,₁₆ грановъ. Слѣдовательно цѣна пшеницы къ серебру относилась какъ 734,504: 860,₁₆ или почти какъ 854: 1. Во Франціи гектолитръ пшеницы (съ 1815 г. по 1840) стоитъ 21 ф. 10 с. Вѣсъ гектолитра равняется 153 фунтамъ маркскимъ (75 килограм.) или 1.410.048 гранамъ; вѣсъ серебра въ 21 ф. 10 с. составляетъ 1977 грановъ: отношеніе между пшеномъ и серебромъ есть какъ 1,410,048: 1977, или почти какъ 708: 1. Если сравнить относительную цѣну серебра и пшеницы въ Греціи при Демосѳенѣ и во Франціи въ 1840 году, то получимъ отношеніе какъ 854:708 или какъ 8½: 7; изъ чего заключить должно, что въ Аттикѣ гектолитръ пшена стоялъ 16 фр. 88с.(4 руб. 22 к. с.), и что курсъ серебра не превосходилъ ½-ю настоящій курсъ серебра во Франціи.

Въ Римѣ, въ послѣднія времена республики, *todiis* пшена вѣсомъ въ 124,416 грановъ продавался средней цѣной по четыре сестерціи, содержавшія около 74 грановъ серебра. Двѣнадцать модіусовъ равняются настоящему гектолитру; четыре сестерціи—четыремъ граммамъ серебра или 80 сантимамъ. Изъ этого слѣдуетъ, что гектолитръ пшена стоилъ тогда на римскомъ рынке около 9 фр. 60 сант. (2 р. 40 к. с.), и что курсъ серебра былъ вполовтора раза выше настоящаго. При императорахъ, денежная цѣна хлѣба въ Римѣ много повысилась; это объясняется упадкомъ земледѣлія, отъ вліянія рабства, и стопленіемъ огромной населенности во

всемірной столицѣ; но часть повышенія несомнѣнно должна быть приписана значительному скоплению драгоцѣнныхъ металловъ въ Римѣ, которые стекались туда путемъ налоговъ, расхищений и даней изъ всѣхъ концевъ свѣта. По свидѣтельству *Плиния*, со временеми императора Клавдія по кончину императора Тита, если принять относительный вѣсь пшеничной муки къ хлѣбу какъ 16 къ 20, то фунтъ ($\frac{1}{2}$ кил.) муки простого сорта стоилъ около 23 сантимовъ, а отборнаго сорта 55 сантимовъ (*), или около 27 фр. (6 р. 75 к. с.) гектолитръ пшена. Эти цѣны немногимъ ниже нынѣшнихъ лондонскихъ.

Цѣна серебра къ золоту относилась во времена Демосѳена въ Греціи какъ 1 къ 13; а въ Римѣ, при императорахъ, какъ 1 къ 15. Этихъ указаній довольно, чтобы составить себѣ понятіе о курсѣ какъ того, такъ и другого металла. Что же касается до цѣны труда, то, *Дюро-де-Ламайлъ*, основываясь на множествѣ текстовъ греческихъ и римскихъ писателей, замѣчаетъ, что, съ начала пелопонезской войны до вѣка Антониновъ, на серебро поденная задѣльная плата свободныхъ работниковъ, какъ-то: носильщиковъ, пахарей, садовниковъ, мельниковъ, плотниковъ или каменщиковъ, едва была одной третью менѣе нынѣшней поденной платы во Франціи (**). Это различіе, впрочемъ, достаточно объясняется существованіемъ рабовъ, имѣвшихъ вліяніе на пониженіе цѣны труда вольнаго, а частію, де-

(*) *D. de Lamaille* t. I ch. x1 Гектолитръ на ведра наши составляетъ 8, 1308.

(**) *Dureau de Lamaille* t. I сб. XIII.

шевизной нѣкоторыхъ предметовъ первой необходимости, какъ то: вина, пива, съ которыхъ мало взималось пошлинъ, и можетъ-быть и помѣщенія. Тотъ же ученый приводитъ списокъ такъ, постановленныхъ императоромъ: Діоклетіаномъ въ нихъ показана цѣна отборнымъ винамъ соррентскому, фалернскому, тибурскому и др., не превышающая 75 сантимовъ за пол-литра; вину старому первого сорта 60 сант.; простому 20 сант.; пиву 10 сант., пол-пиву 5 сант. По мнѣнію историковъ, эти цѣны были гораздо ниже до Діоклетіана, особенно для вина, котораго производству нанесли чувствительный ударъ нашествія варваровъ.

Къ изслѣдованіямъ археологическимъ присоединяются простыя соображенія фактовъ историческихъ: безсомнѣнья, добываніе драгоцѣнныхъ металловъ въ древности было несравненно менѣе, чѣмъ въ наши времена, но и потребность въ нихъ была ограниченнѣе. Не говоря о Китаѣ и Индустанѣ, которыхъ образованность слѣдовала искони путемъ совершенно особеннымъ, всѣ образованныя государства того времени тѣснились вокругъ береговъ Средиземнаго моря. У нихъ, несмотря на проблески высокаго образованія умственнаго и эстетическаго, большая часть промысловъ находились въ жалкомъ положеніи. Мануфактуры и земледѣліе подавлялись рабствомъ. Торговля не представляла дѣятельности, которую нынѣ отличается. Мѣна производилась часто натурою, и курсъ металловъ въ монетѣ могъ быть довольно низкій, несмотря на ихъ малое количество. Расточеніе золота и серебра

на украшениі, утварь, на приношенія богамъ въ видѣ разныхъ сосудовъ, доказываетъ, что монетное обращеніе поглощало только нѣкоторую часть этихъ металловъ, было достаточно ими пресыщено, и мало содѣйствовало повышенью ихъ курса.

Въ государствахъ, возникшихъ на развалинахъ римской имперіи, гдѣ впослѣдствіи развилась современная образованность европейская, съ конца V-го столѣтія начинаетъ оказываться чувствительный недостатокъ въ драгоцѣнныхъ металлахъ. Нетрудно объяснить причины этого феномена. Разработка обильнѣйшихъ въ то время рудниковъ средней Азіи, постепенно уменьшавшаяся съ царствованія Александра македонскаго, вѣроятно прекратилась, когда на востокѣ начали совершаться бурныя переселенія народовъ монгольского племени. Испанскіе рудники, уже истощенные Римлянами, во все были оставлены. Ктому-же, перевороты, слѣдовавшіе одинъ за другимъ въ Европѣ, и сокрушившіе западную римскую имперію, прервали всякое сношеніе съ востокомъ. Тогда не только прекратился подвозъ въ Европу драгоцѣнныхъ металловъ, но значительное количество ихъ погибло невозвратно, посреди опустошеній, ознаменовавшихъ эту эпоху. Вандалы, разгромившіе Италію въ 470 году, вывезли оттуда множество золота и серебра, которое поглощено въ волнахъ Средиземнаго моря. Много потеряно этихъ металловъ въ рѣкахъ и пожарахъ. Много скрыто въ нѣдрахъ земли устрашенными жителями, унесшими въ гробъ тайну своихъ сокровищъ. Такъ огромныя массы драгоцѣнныхъ метал-

ловъ были расхищены, уничтожены, исторгнуты изъ обращенія. Одна византійская имперія еще добывала небольшое количество серебра и золота, которымъ силилась откупиться отъ варваровъ, ее осаждавшихъ.

Оскудѣнію, которое оказалось въ средніе вѣка, въ количествѣ драгоцѣнныхъ металловъ, не соотвѣтствовало достаточное уменьшеніе потребности, въ нихъ сохранившейся. Напротивъ, послѣдняя усиливалась по-мѣрѣ превращенія римскихъ провинцій въ независимыя государства. Несмотря на свойственную имъ простоту нравовъ и на взиманіе большей части повинностей натурой, правительства тѣхъ временъ сильно нуждались въ звонкой монетѣ. Онѣ сохраняли большей частью римскія золотыя и серебряные монеты и, вначалѣ, строго наблюдали ихъ вѣсъ и пробу (*). Государи старались всѣми средствами составлять сокровища, казну, необходимую для содержанія дружинъ, для сохраненія привержености и покорности вассаловъ, а частію и для окруженія себя наружной пышностью. Мѣна, сколь ни подавлена была тогда всякого рода безпорядками и насилиями, не могла однако обойтись безъ нѣкотораго количества монеты. Но таковъ былъ недостатокъ въ драгоцѣнныхъ металлахъ, что самыя короны новыхъ властелиновъ были мѣдныя, только позлащенные. Можетъ-быть не нужно искать другого происхожденія желѣзной короны ломбардскихъ королей. Карль В-

(*) G. Garnier. *Histoire de la Monnaie* t. II. p. 293—296.

ликій, покорившій пол-Европы, короновался въ Ахенѣ мѣднымъ вѣнцомъ (*). Сильнейшіе вассалы того времени не употребляли серебряной утвари; известны постановленія Карла Великаго противъ роскоши; его дворъ всегда отличался крайней простотой. Но всего болѣе рѣдкость драгоцѣнныхъ металловъ подтверждается значительнымъ повышениемъ ихъ курса.

Гектолитръ пшена, стоявшій въ Греціи во времена Демосѳена около $4\frac{1}{2}$ руб. сер. (т. е. 85 граммовъ серебр.), при Антонинахъ болѣе 5 руб. серебр. (т. е. 100 граммовъ), при Карлѣ Великомъ, судя по таクѣ имъ назначеннай и по цѣнѣ динаріевъ, ходившихъ тогда въ его имперіи стоилъ не болѣе 256 грановъ, или около $2\frac{1}{2}$ руб. сер. (51 граммъ) (**). Семь сотъ лѣтъ спустя послѣ Карла В. средня цѣна пшеницы, за исключеніемъ нѣкоторыхъ годовъ чрезмѣрной дороговизны, причиненной неурожаями или народными бѣдствіями, не превышала 1 р. с. (4 франковъ) (***) . Вообще, до начала XVI-го столѣтія, въ цѣнѣ драгоцѣнныхъ металловъ замѣтна на-

(*) См. *Mémoires de l' Académie des inscriptions et belles lettres t. IX.*
G. Garnier. trad. d' Ad. Smith. Note IV.

(**) G. Garnier. Hist. de la monnaie II, 343.

(***) Ibid t. II p. 349. См. тамъ же таблицу того-же автора. Гарнье опредѣляетъ цѣну хлѣба между 1448 и 1510 г. въ 4 фр. 45 с. за сетье (т. е. $1\frac{1}{2}$ гектолитра). Его изчисленіе въ этомъ случаѣ кажется перенижено. Впрочемъ Кетле (*Quetelet*) извлекъ изъ брюссельскаго архива таблицу цѣнъ разнаго рода хлѣба въ этомъ городѣ съ 1490 по 1829 г., изъ которой видно что въ 1500 г. $\frac{1}{2}$ гектолитра пшена стоитъ 81 сантиму, ржи—72 сантимы. *Recherches statistiques sur le royaume des Pays Bas; Bruxelles 1829.*

клонность къ понижению, что несомнѣнно доказываетъ ихъ недостатокъ всравненіи съ запросомъ. Великое событие открытия Америки, въ концѣ XV вѣка (1492), вдругъ измѣнило это отношеніе и, проливъ на Старый свѣтъ несмѣтные потоки золота и серебра, много понизило тамъ ихъ рыночную цѣну.

Еще задолго до прибытія Испанцевъ, жителямъ Мехики и Перу известно было употребленіе разныхъ металловъ (*). Все заставляетъ полагать, что, не довольствуясь однимъ собираниемъ золота и серебра въ самородномъ видѣ на поверхности земли, особенно по русламъ рѣкъ и по оврагамъ, прорытымъ потоками, они предпринимали подземныя работы для достиженья жилья, умѣли прокапывать галереи, пробивать колодцы и шахты для провѣтриванія. Въ описаніи своего путешествія, Кортэсъ упоминаетъ, что на большомъ рынкѣ въ Тенохтиланѣ продавали золото, серебро, мѣдь, свинецъ и олово. Жители Сапотеката и Михтекапана, знали способъ отдѣленія золота помошію промыванія россыпей. Не смотря на то, ни Аステки, ни Инки, не приписывали драгоценнымъ металламъ той важности, которою они искона пользовались въ Старомъ свѣтѣ. Они употребляли, какъ деньги, мѣшки съ зернами какао, содержащие три *xiquipilli* или 24,000 зеренъ; небольшія пачки хлопчатобумажной ткани т. н. *patolquachtli*; грубыя монеты мѣдныя и оловянныя, и только въ Тенохтиланѣ какъ орудіе мѣны обращалась золотая пыль, заключенная въ перья водяныхъ птицъ.

(*) Humboldt. *Essai sur la nouvelle Espagne* 1827. III, 104 et suiv.

Главное употреблениe золота и серебра состояло въ разнаго рода украшенияхъ и священныхъ сосудахъ (*). Лучшимъ доказательствомъ малоцѣнности благородныхъ металловъ у первобытныхъ обитателей Америки служить готовность, съ которой они отдавали ихъ Испанцамъ въ обмѣнъ за самыя пустыя вещи.

Переворотъ въ цѣнности сихъ металловъ на европейскихъ рынкахъ оказался не вдругъ. Сначала *conquistadores* доставляли въ Европу одну только добычу, ими захваченную или пріобрѣтенную мѣной на разныя бездѣлки у туземцевъ. Флоты, нагруженные золотомъ и серебромъ, еще не приходили ежегодно въ Испанію, и флотъ Овандо считался огромнобогатымъ, хотя грузъ его не превышалъ 2560 марокъ серебра. Первые рудники, къ разработкѣ которыхъ приступленовъ Мехикѣ и въ Перу, не принадлежали къ числу богатѣйшихъ. По расчету Гумбольдта съ 1492 по 1500 ежегодно доставлялось въ Европу драгоцѣнныхъ металловъ на 250,000 піастровъ, а съ 1500 по 1545 на 3,000,000 піастровъ (**). Этого довольно было однако для пониженія курса денегъ въ Европѣ; и средняя цѣна гектолитра пшеницы повысилась до 7 фр. (1 р. 75 к. с.) (***) .

Вторая половина XVI столѣтія (съ 1545 по 1600) ознаменовалась открытиемъ въ Новой Испаніи богатѣйшихъ рудъ серебряныхъ Сакатекасъ и Хуана-

(*) Humboldt. *ibid.* III, p. 123.

(**) Humboldt. III, p. 428.

(***) G. Garnier; trad. d' Ad. Smith. N. IV.

хуато, а въ перувіанскихъ Кордильерахъ, Серро де Потоси. Войны съ туземцами, обуревавшія владѣніе Чили и внутреннихъ частей Мехики, прекратились, и Новый свѣтъ доставлялъ ежегодно въ Европу болѣе 11,000,000 піастровъ (*). Въ теченіе этого времени болѣе и болѣе оказывается пониженія въ курсѣ драгоцѣнныхъ металловъ и особенно серебра. По Гарнье: съ 1545 по 1559, средняя цѣна гектолитру пшена стояла въ 9 фр.; съ 1560 по 1570, въ 12 фр. 55 сан; съ 1571 по 1580, въ 15 фр. 50 с.; а съ 1581 по 1595, въ 22 фр. 41 с.

Въ продолженіе всего XVII столѣтія, разработка рудниковъ Нового свѣта постоянно усиливалась. Они доставляли въ Европу среднимъ количествомъ около 16,000,000 піастровъ ежегодно, что не мѣшало однако приступить къ разработкѣ нѣкоторыхъ рудниковъ саксонскихъ, ганноверскихъ и венгерскихъ. Тѣмъ не менѣе, не оказалось нового замѣтнаго пониженія въ курсѣ денегъ, всравненіи съ цѣною пшена. Послѣдняя постоянно держалась во Франціи около 17 фр. ($4\frac{1}{2}$ р. с.) за гектолитръ (**), подымаясь въ нѣкоторые періоды до 22 фр. 50 с., но никогда не упадая ниже 14 фр. По таблицамъ, которыя приводятся Адамомъ Смитомъ, въ Англіи средняя цѣна за квартеръ пшеницы въ XVII столѣтіи постоянно держалась въ 2 фунт. стер. 6 шиллинговъ. Такъ-какъ квартеръ равняется 2, 86 гектолитрамъ, а фунтъ стерлингъ въ XVII столѣтіи стоилъ 22 фр. 88 с., то

(*) Humboldt ibid. p. 123.

(**) Garnier. Взята средняя пропорція за все столѣтіе XVII-е.

средняя цѣна гектолитру, по *Смиту*, простиралась до 18 фр. 50 с. (около 4 р. 62 к. с.)

Въ первую половину XVIII столѣтія приступлено къ разработкѣ золотоносныхъ россыпей въ Бразилии; усилено добываніе золота въ провинціяхъ Барбакоасъ и Шоко; серебряные рудники мексиканскіе доставляютъ огромнѣйшіе доходы Испаніи. Изъ Новаго свѣта среднимъ количествомъ ежегодно перевозится въ Европу на 22,500,000 піастровъ драгоценныхъ металловъ (*). Разработка европейскихъ рудъ продолжается. Полагается начало рудокопной промышленности на Уралѣ. Курсъ денегъ однако не измѣняется и даже нѣсколько повышается. Средняя цѣна гектолитру пшена, по *Гарнье*, не превышаетъ съ 1706 по 1755, 14 франковъ, по *A. Смиту* она держится около 16 ф. 50 с.

Но во вторую половину XVIII стол. открытие въ Мехикѣ около 1760-го года знаменитой руды *Valenciana*, которая съ 1771 года по 1804 доставляла ежегодно болѣе 14 миллионовъ ливровъ турнайскихъ, и не менѣе щедро надѣленныхъ природою рудниковъ *Catorce* (въ 1778 г.), доставлявшихъ около 400,000 марокъ серебра, вдругъ увеличило ежегодную присыпку драгоценныхъ металловъ изъ Новаго свѣта въ Европу до 35,300,000 піастровъ (**). Въ то-же время усилилась, хотя въ несравненно меньшей пропорціи, разработка рудниковъ европейскихъ и уральскихъ, и замѣтное пониженіе оказалось въ денежнѣ

(*) *Humboldt.* T. III p. 429.

(**) *Ibid.* T. III p. 198, 219 et 429.

номъ курсъ, нѣсколько поднявшемся до 1750 года. По изчисленіямъ *Гарнѣ*, съ 1755 по 1788 г. гектолитръ пшена стоилъ до 22 фр. и никогда не упадалъ цѣною ниже 16-ти.

Въ наши времена съ 1800 года по 1845, важныя политическія перемѣны, имѣли большое вліяніе на добываніе драгоцѣнныхъ металловъ въ Новомъ свѣтѣ, и въ количествѣ ихъ, ежегодно доставляемомъ на рынки европейскіе, оказалось уменьшеніе. По мнѣнію *Барона Гумбольдта*, съ 1800 года по 1810 рудники американскіе производили ежегодно (*):

Золота, килограммовъ 15,800 по цѣнѣ около 41,300,000
Серебра, — — — 795,581 піастровъ.

Но съ 1810, беспорядки и беззначаліе, въ которыя была ввергнута Мексика, при ея отложеніи отъ Испаніи, нанесли чувствительный ударъ разработкѣ ея рудниковъ: она уменьшилась по крайней мѣрѣ на половину. Около того-же времени оказалось сильное уменьшеніе въ добываніи золота въ Бразиліи. *Jacob* (**) оцѣниваетъ количество серебра и золота, извлеченное изъ рудниковъ Нового свѣта съ 1810 по 1830 годъ въ 81 мільйонъ фунтовъ стерлинговъ, что составляетъ не болѣе 5 мільйоновъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ, или около 23,000,000 піастровъ. Съ 1830 года по 1839 добываніе золота и серебра въ Америкѣ продолжало уменьшаться и, по мнѣнію одного новѣйшаго экономиста не пре-

(.) *Humboldt T. III*, p. 398 et 456.

(**) *Jacob. Of precious metals.*

вышло 41,000,000 піастровъ въ годъ (*). Но съ 1840 года разработка мексиканскихъ рудниковъ опять вновь усилилась, а по новѣйшимъ свѣденіямъ простирается до 107 мильйоновъ франковъ, или до 27 мильйоновъ піастровъ. Если допустить, что производство Мексики къ производству всей Америки относится какъ 75 ко 100, то въ настоящее время рудники Нового свѣта должны доставлять не болѣе, какъ на 145 мильйоновъ франковъ, или 27 мильйоновъ піастровъ, что составляетъ едва половину количества, выведенного Гумбольдтомъ для первыхъ годовъ настоящаго столѣтія. Тогда-какъ добываніе золота и серебра ослабѣвало въ Америкѣ, оно продолжало держаться въ обычныхъ границахъ въ Европѣ, не превышая однако 17,000,000 франковъ (**). Въ россійской имперіи оно постоянно усиливалось, особенно для золота. Съ 1810 по 1820 годъ на Уралѣ добыто: серебра и золота на 18,000,000 рублей серебромъ (***) . Около 1830 года началась разработка алтайскихъ золотоносныхъ россыпей, которая постоянно усиливается до нынѣ въ весьма быстрой пропорціи, покрывая недостатокъ въ этомъ металль, причиняемый упадкомъ бразильскихъ разработокъ. Между-тѣмъ открылись новые источники драгоцѣнныхъ металловъ и особенно золота въ индейскомъ архипелагѣ и въ средней Африкѣ, откуда,

(*) L. Faucher: *Recherches sur l'or et l'argent.*

(**) *Dictionnaire de l'histoire naturelle. Art. M tallurgie par Virlet.* По Герону де Вильфосѣ и Бедану, добываніе золота въ Европѣ оцѣнено въ 3,986,423 фр., а серебра въ 13,775,650 фр.

(***) *Annuaire des mines de Russie.*

по мнѣнію англійскаго писателя *Джона Кроуфорда*, явно преувеличеному, доставляется въ Европу до 14,000 килограммовъ этого металла (*). Такимъ образомъ, несмотря на значительное ослабленіе добыванія драгоцѣнныхъ металловъ въ Америкѣ съ 1810 года, количество ихъ въ обращеніи достаточно покрывало запросъ, и это объясняетъ почему средняя цѣна пшеницы на западѣ Европы осталась въ томъ же положеніи, какъ и во вторую половину XVIII стол. Во Франціи, гектолитръ пшена, за исключеніемъ годовъ чрезмѣрной дороговизны или особенаго урожая, а также и временъ анархіи, постоянно продавался по 19, 20 и до 22 франковъ.

Всего труднѣе составить себѣ точное понятіе о количествѣ драгоцѣнныхъ металловъ, которое добывается въ настоящее время и присоединяется ежегодно къ массѣ, уже вошедшей въ обращеніе, увеличивая ее, или пополняя неизбѣжныя потери и утраты. Можно привести столько же различныхъ опредѣленій сего количества, сколько писателей, предпринимавшихъ разрѣшить эту статистическую задачу. Избѣгая крайняго преувеличенія, равно какъ и крайняго уменьшенія, можно кажется принять за среднее выраженіе этого производства слѣдующія числа (**):

(*) *John Crawfurd: Hist. of the Indian Archipelago* 1820 Т. III р. 470—487. Приводится Гумбольдтомъ стр. 457 (*ibid*) По мнѣнію сего знаменитаго писателя, показаніе Крауфорда много преувеличено.

(**) *L. Faucher: Recher. sur l'or et l'argent.* р. 90. Мы сочли правильнѣе уменьшить число, показанное этимъ писателемъ для Африки и Индіи и увеличить то, которое относится къ Европѣ Россіи.

Америка (*) доставляетъ ежегодно золота и серебра по	
цѣнѣ на	145,000,000 фр.
Европа и россійская имперія на	30,000,000 —
Африка, Японія, Китай, Индія на	25,000,000 —
	Всего на 200,000,000 фр.

Обозрѣвая мысленно массы драгоцѣнныхъ металловъ, со времени открытия Америки исторгнутыя изъ нѣдръ земли и вошедшія въ обращеніе, нельзя не удивляться тому, что ихъ курсъ понизился только вчетверо или около того, а не гораздо болѣе. Чтобъ отдать себѣ отчетъ въ этомъ явленіи, необходимо обратить вниманіе на положеніе запро-са на драгоцѣнныя металлы въ Европѣ съ 1492 года.

Тогда-какъ флоты съ золотомъ и серебромъ переплывали океанъ, важныя перемѣны осуществлялись въ быту народовъ европейскихъ. У однихъ распространялся вкусъ къ роскоши; у другихъ, успѣхи промышленности; иностранной торговлей занимались еще не многіе, но чрезъ ихъ посредство уже начинали возвращаться взаимныя сношенія между различными частями Европы, и между Европой и другими частями свѣта. Такъ въ одно и то-же время усиливалось употребленіе золота и серебра на разныя издѣлія, возрастала потребность въ звонкой монетѣ, и открывались выгодные сбыты для излишняго количества этихъ металловъ, навезенного въ Европу. Совокупному вліянію этихъ причинъ надлежитъ приписать возстановленіе нѣкотораго равно-

(*) См. *Примѣчаніе 5.*

въсія между предложеніемъ и запросомъ на драгоценные металлы въ Европѣ. Самое чувствительное понижение въ ихъ курсѣ оказывается во второй половинѣ XVI столѣтія; онъ подымается въ первую половину XVII столѣтія; но съ 1750 года, подъ влияниемъ открытія богатѣйшихъ рудниковъ, снова нѣсколько понижается и уже мало измѣняется до нашихъ временъ.

Гумбольдтъ полагаетъ, что ежегодно въ Европѣ на выдѣлку разныхъ издѣлій употребляется 9.200 килограм. золота и 250.000 килогр. серебра (*). Но не одна Европа занимается этой фабрикаціей: слѣды ея существуютъ даже между народами, наименѣе образованными, не говоря о государствахъ Америки, о Китаѣ, Японіи, Индіи, Африкѣ. Масса драгоценныхъ металловъ, поглощаемая въ издѣліяхъ разнаго рода, должна быть огромная, особенно если принять въ разсужденіе распространеніе обычавъ роскоши, даже между бѣднѣйшими сословіями. Мы уже сказали, серебряная утварь или, по крайней мѣрѣ, серебряные столовые приборы нынѣ превратились почти въ предметъ первой необходимости. Тѣ, для которыхъ не доступно серебро чистое, не отказываютъ себѣ въ вещахъ изъ серебра накладного. Вкусъ къ золотымъ украшеньямъ

(*) Humboldt. T. III p. 464. Jacob оцѣниваетъ въ 148 миллионовъ франковъ количество золота и серебра ежегодно употребляемое въ Европѣ на разныя издѣлія (*Precious metals*). Въ 1840 въ одной Франціи употреблено 81,02 кил. золота и 712,41 кил. серебра $\frac{900}{1000}$ пробы, что составляетъ сумму въ 30 миллионовъ франковъ (см. *Diction. des marchandises*).

раскинулся также по всѣмъ сословіямъ: онъ поражаетъ удивительнымъ блескомъ при дворахъ государей, въ аристократическихъ сословіяхъ, но не менѣе замѣчательнъ и на низшихъ ступеняхъ общества. Много золота и серебра вытягивается въ нитки для выѣлки галуновъ, позументныхъ украшеній, дорогихъ тканей, парчей, паволокъ. Позолота, которой мало слѣдовъ представляютъ средніе вѣка, распространилась со времени открытия Америки. Короли испанскіе подали примѣръ позлащенія куполовъ зданій; нынѣ нетолько въ столицахъ, но и въ городахъ второстепенныхъ, путешественникъ на каждомъ шагу встрѣчаетъ слѣды этой роскоши.

Съ половины XVI столѣтія, количество звонкой монеты золотой и серебряной умножилось во всѣхъ государствахъ Европы. Статистика приблизительно оцѣниваетъ (*) въ 8 билльоновъ франковъ настоящій денежный фондъ Европы. Но не должно забывать, что этотъ фондъ безпрестанно увеличивается. Европейскія поселенія въ Азіи и Африкѣ, и государства, изъ нихъ возникшія; кромѣ того Китай, Японія, Персія азіатская Турція, Бирмань, Египетъ, Марокко и африканскія владѣнія, чеканятъ въ монету весьма

(*) Франція . . .	2,860,000,000	фр.	Пруссія . . .	218,750,000	фр.
Великобритан.	2,000,000,000	—	Россія (?) . . .	181,250,000	—
Нидерланды . .	642,000,000	—	Неаполь . . .	175,000,000	—
Іспанія . . .	450,000,000	—	Португалія . .	150,000,000	—
Австрія . . .	275,000,000	—	Германія и		
Італія . . .	250,000,000	—	Швейцарія . .	75,000,000	—
Швеція {	225,000,000	—	Разные . . .	498,000,000	—
Норвегія					
Данія			Всего	8,000,000,000	—

см. *Dict des marchandises. Art. numeraire.*

значительное количество драгоценныхъ металловъ. Самая Америка нынѣ превратилась въ огромный рынокъ, требующій безпрестанно болѣе и болѣе звонкой монеты. Гумбольдтъ, посѣтившій эту часть свѣта въ то время (1803), когда еще тамъ менѣе поражало развитіе промышленности и политическихъ сношеній между ея различными странами, полагаетъ, что тогда уже масса драгоценныхъ металловъ, какъ въ монетѣ такъ и въ издѣліяхъ, простиралась тамъ до 135.000.000 піастровъ (*). По всему вѣроятію, эта масса значительно возрасла въ настоящее время.

Но всего существеннѣе отвращается чрезмѣрное пониженіе курса драгоценныхъ металловъ ихъ распределеніемъ, путемъ торговли, по всѣмъ частямъ свѣта. Меркантильная система (**), опираясь на kostры инквизиціи и на всѣ кровавыя постановленія XVI столѣтія, не могла удержать въ Испаніи и въ Португаліи всего количества золота и серебра, которое стекалось въ нихъ изъ Нового свѣта. Первымъ и неизбѣжнымъ послѣдствиемъ этихъ превратныхъ запретительныхъ мѣръ, было сильное пониженіе курса звонкой монеты на внутреннихъ рын-

(*) Humboldt *ibid* T. III p. 425.

(**) Извѣстно, что меркантильная система принимала драгоценные металлы за главное и единственное богатство народное: руководясь этимъ эмпирическимъ, одностороннимъ началомъ, она заботилась только о томъ, чтобы привлечь въ государство и удержать тамъ какъ можно болѣе золота и серебра. Предшествующія соображенія о настоящемъ назначеніи звонкой монеты достаточно объясняютъ всю превратность этихъ понятій, давно уже не признаваемыхъ въ Европѣ, но которыхъ слѣды еще не вполнѣ изгладились.

кахъ обѣихъ королевствъ. Денежная цѣна всѣхъ товаровъ возвысилась всоразмѣрности. Для пріобрѣтенія куплею одинакового количества хлѣба, и всякихъ другихъ произведеній, тамъ надлежало употреблять вдесятеро болѣе монеты. Пока подобный упадокъ въ курсѣ золота и серебра еще не оказался на другихъ рынкахъ европейскихъ, легко понять выгоду, которую вывозъ ихъ представлялъ купцамъ испанскимъ и португальскимъ; а такъ-какъ нѣтъ товара, который перевозился бы съ меньшими затрудненіями, то самая дѣятельная контрабанда содѣлалась каналомъ, по которому излишекъ драгоцѣнныхъ металловъ, наводнившихъ пиринейскій полуостровъ, разлился по всей Европѣ.

Испанія и Португалія не однѣ только были одержимы въ тѣ времена меркантильной системой, полагавшей въ деньгахъ единственное богатство народное: эти заблужденія раздѣлялись всѣми другими народами Европы, которые прибѣгали, каждый съ своей стороны, къ строгимъ мѣрамъ противъ вывоза драгоцѣнныхъ металловъ, поощряя однако ихъ привозъ незаконнымъ путемъ контрабанды. Но сила вещей одолѣла всѣ эти стѣсненія: контрабандой, а по отмѣнѣ запрещеній, открытою торговлей, значительное количество драгоцѣнныхъ металловъ постоянно переходило изъ Европы въ Азію. Въ Ост-Індіи, Китаѣ, Японіи, курсъ драгоцѣнныхъ металловъ еще доселѣ держится выше нежели въ Европѣ, и никакой товаръ не приносить тамъ болѣе барышей. Сперва Венеціянамъ и Генуезцамъ, торговавшимъ прямо съ востокомъ, вскорѣ

Португальцамъ, открывшимъ проходъ вокругъ мыса Доброй Надежды, а всѣдъ за ними, Голландцамъ и Англичанамъ, долго золото и, въ особенности, серебро служили главной отвозной статьей. Со времени ихъ отложенія, сѣверо-американскіе С. Штаты принимаютъ дѣятельное участіе въ этой торго-влѣ драгоцѣнными металлами съ Азіей, для которой Филиппинскіе острова, принадлежащіе Испаніи, служили и еще служатъ однимъ изъ важнѣйшихъ этаповъ. Наконецъ самая Мехика, какъ подъ вла-дышествомъ Испаніи, такъ и по отложеніи отъ нея, постоянно высыпала нѣкоторое количество золота и серебра въ Азію изъ своихъ западныхъ портовъ и въ особенности изъ Акапулко (*). Гумбольдтъ оцѣ-ниваетъ въ 133 миллиона піастрровъ золото и сереб-ро, перешедшія послѣднимъ путемъ въ Азію; онъ же полагаетъ, что до 1809 года изъ Европы ежегод-но вывозилось въ Азію около 25.500.000 піастрровъ (**). Благодаря этому значительному вывозу драгоцѣн-ныхъ металловъ изъ Европы и самой Америки въ восточную Азію, какъ въ Старомъ, такъ и Новомъ свѣтѣ распространилось съ быстрой удивитель-

(*) См. Карту, изображающую движение драгоцѣнныхъ металловъ.
Humboldt. Essai pol. sur la Nouvelle Espagne. Atlas géogr. et physique

(**) Сумма сія распредѣлается какъ слѣдуетъ:

Восточною торговлей въ Азію 4,000,000 піастрровъ.

Чрезъ мысъ Доброй Надежды 17,500,000 —

Чрезъ Кяхту караванами 4,000,000 —

25,500,000 піастрровъ.

Чай составляетъ важнѣйшую обратную статью, вывозимую изъ Китая въ замѣнь этихъ суммъ.

ной употребленије нѣкоторыхъ продуктовъ, исключительно свойственныхъ Ост-Индіи, Китаю и Японіи. Между ними долго первое мѣсто занимали хлопчатобумажныя индейскія ткани и чай. Но со временеми изобрѣтенія прядильныхъ машинъ, привозъ первыхъ въ Европу и въ Америку прекратился, и чай остался главной статьей отдаленной азіатской торговли.

Въ нынѣшнія времена, въ торговомъ движениіи металловъ произошла перемѣна, которой можетъ, быть напрасно нѣкоторые экономисты приписываютъ постоянное свойство. Намъ кажется, напротивъ, что она совершенно случайная.

До 1809 года за падъ Европы постоянно вывозилъ около семнадцати миллионовъ піастроръ серебра и золота въ Китай (*); но, около этого времени, вдругъ оказалось не только уменьшеніе въ этомъ отвозѣ, но даже Европа, путемъ англійской ост-индской компаніи начала, получать значительныя массы драгоцѣнныхъ металловъ изъ Китая. Вътайной торговль опіумомъ въ портахъ поднебесной имперіи должно искать причины этого явленія. Потребление чая въ Европѣ усиливается, но медленно (**); ост-индская компанія, разширивъ до невѣроятія контрабандный торгъ опіумомъ, принужде-

(*) *Humboldt. ibid. T. III p. 472* и приводимое имъ свидѣтельство путешественника *G. Felix de Saint Croix*.

(**) О постепенномъ распространеніи употреблениј чая въ Россіи, въ Европѣ и въ Америкѣ рекомендуемъ сочиненіе Г. *David (China opened)*. Любопытны статьи о томъ же Г. *Мочульского*, въ Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ 1843 г.

на, по недостатку другихъ отвозныхъ статей, братъ въ обмѣнъ за него золото и серебро, и, этимъ путемъ, огромныя суммы китайской монеты *Cuse* перешли въ Европу (*). Съ другой стороны, въ кяхтинской торговлѣ также начинаютъ преобладать мануфактурныя издѣлія, и съ каждымъ годомъ мы менѣе платимъ Китайцамъ деньгами за чай, у нихъ покупаемый. Но эта перемѣна въ движеніи металловъ, едва-ли не перевѣшивается постояннымъ усиленіемъ привоза въ Китай и Японію драгоцѣнныхъ металловъ изъ сѣверо-американскихъ С. Штатовъ, гдѣ, къ потребленію чая, безпрестанно распространяющемся, присоединилось въ послѣднее время значительное потребленіе китайскихъ шелковыхъ матерій и другихъ издѣлій. Ктому-же, оживленіе торговли, вслѣдствіе послѣднихъ трактатовъ, заключенныхъ китайскимъ императоромъ съ Англичанами, Сѣверо-Американцами, Голландцами и Французами, и открытия пяти новыхъ портовъ Европейцамъ, можетъ-быть скорѣе, нежели полагаютъ, возстановитъ прежнее движеніе металловъ, открывъ европейской торговлѣ какія-либо новыя

(*) Въ 1817 году ост-индская компанія вывозила въ Китай, черезъ Линг-тинъ, 3210 ящиковъ; въ 1827, 9969; въ 1832, 13,503; въ 1835, 16,785; въ 1837, 21,609; въ 1839, 22,000 (?) Вообще понынѣ еще опіумъ составляетъ болѣе половины всей отвозной торговли Англичанъ изъ Ост-Индіи въ Китай. Чай не равняется и половинѣ ихъ вывоза. Разность между цѣной привозныхъ и отвозныхъ товаровъ вся уплачивается драгоцѣнными металлами. Изъ 52 миллионовъ франк., вывезенныхъ изъ Китая въ 1839 году въ Калькутту, Мадрасъ и Бомбей, на 42 миллиона полагается монеты *cuse*. Извл. изъ *Documents sur le commerce extérieur, publiés par le Ministère de l'agriculture et du Commerce. Paris. Avril 1843.*

произведенія, свойственныя Китаю. Относительная дорожизна золота и серебра на восточномъ берегу Азіи будетъ всегда служить сильнымъ побуждениемъ для доставленія ихъ туда изъ Америки и Европы.

Повсемѣстное усиленіе потребности въ благородныхъ металлахъ, какъ въ видѣ издѣлій, такъ и въ монетѣ, а съ другой стороны, ихъ свободное распределеніе по всѣмъ частямъ свѣта, достаточно объясняютъ пониженіе ихъ курса, поражающее слабостью, когда его сравниваютъ съ огромными массами, добытыми въ рудникахъ Нового свѣта. Скажемъ еще болѣе: по всему вѣроятію, курсъ ихъ былъ бы выше настоящаго, еслибы въ большей части государствъ европейскихъ и американскихъ кредитъ, банки и бумажныя деньги не присоединялись къ золотымъ и серебрянымъ въ монетномъ обращеніи.

Что же касается до того количества, которое нынѣ ежегодно доставляется всѣми рудниками въ свѣтѣ, и которое мы оцѣнили приблизительно въ 200 миллионовъ фр. (50 мил. руб. с.), то, оно не только не можетъ имѣть никакого вліянія на пониженіе курса золота и серебра, но, кажется, едва-ли достаточно для покрытія неизбѣжныхъ растратъ и возрастанія потребности, по-мѣрѣ успѣховъ богатства и образованности.

Опыты, произведенные въ Англіи *Кевендишемъ* (*Cavendish*) и *Гетчетомъ* (*Hatchett*) надъ золотомъ, во Франціи *Дюмасомъ* и *Кольмономъ* надъ серебромъ, подтверждаютъ, что среднимъ количествомъ $\frac{1}{10}$ пробы золотая монета теряетъ отъ утирики въ

обращеніи $\frac{1}{800}$, а серебряная $\frac{1}{200}$ долю своего вѣса. Это составляетъ около 33 миллионовъ ежегодной траты на звонкой монетѣ въ одной Европѣ (*). Какъ опредѣлить трату на монетѣ другихъ частей свѣта, и ту, которая въ цѣломъ свѣтѣ ежегодно причиняется въ разнаго рода издѣліяхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, каковы: нитки, галуны, ткани, листовое золото и серебро уничтожаются совершенно, превращаются въ пыль, и не могутъ вновь поступить въ работу. Другія подвержены частому и сильному тренію, каковы: столовые приборы, вещи изъ накладного серебра, и вѣроятно ихъ трата гораздо значительнѣе той, какая оказывается въ монетѣ. Немногія только сохраняются долго невредимыми. Сколь ни маловаженъ угаръ (или потеря) серебра и золота при ихъ плавкѣ, тѣмъ не менѣе онъ долженъ быть значителенъ въ отношеніи ко всей массѣ, ежегодно переливаемой на монетныхъ дворахъ и въ мастерскихъ фабрикантовъ. Если присоединить къ этимъ потерямъ нормальнымъ все, что пропадаетъ случайно, что гибнетъ въ волнахъ морскихъ, въ рѣкахъ, озерахъ, и что зарывается въ землю людьми мало просвѣщенными, то, какъ не согласиться что изъ 200 мил. франковъ, ежегодно вновь добываемыхъ изъ рудниковъ, одна только слабая доля остается на покрытие запроса, усиливающагося вслѣдствіе безпрестанныхъ успѣховъ образованности.

(*) L. Faucher. *Recherches Sur l'or et l'argent* p. 74 и p. 90. Мы приводимъ указанія этого писателя, которыя правильны, хотя и не можемъ согласиться со всѣми его выводами.

Долго ли сохранится настоящій курсъ драгоцѣнныхъ металловъ? разрѣшеніе этого вопроса принадлежитъ будущему. Двѣ противоположныя причины могутъ его измѣнить: сколь ни широко раскинулась въ наше время образованность европейская, наиболѣе усиливающая запросъ на благородные металлы, предъ ней открыто еще обширное поприще: еще много можетъ она основать колоній въ пустынныхъ странахъ свѣта, еще много своимъ вліяніемъ развить новыхъ потребностей въ народахъ, къ ней не приставшихъ или еще мало приставшихъ: потребность въ золотѣ и серебрѣ, несмотря на изобрѣтеніе нарицательныхъ монетъ, должна въ такомъ случаѣ неминуемо усилиться, и если, всо-размѣрности, не усилится извлеченіе этихъ металловъ, то повышеніе въ ихъ курсѣ готовится для нашего потомства.

Но если возстановленіе мира и порядка въ Мехикѣ и въ Кордильерахъ позволитъ открыть тамъ новые рудники, богатствомъ равняющіеся знаменитому Пotosу и тѣмъ, которые доселѣ еще сохранились въ Хуанохуато и Сакатекасѣ (*); если въ Бразилии откроются новыя золотоносныя россыпи; если алтайскіе промыслы будутъ увеличиваться въ прогрессіи, которая оказалась въ теченіе послѣдняго пятилѣтія, то предложеніе драгоцѣнныхъ металловъ на всемирномъ рынкѣ можетъ значительно усилиться, прежде нежели окажется соотвѣтствующее

(*) Г. Гумбولدѣ замѣчаетъ, что въ теченіе одного вѣка производство рудъ мексиканскихъ легко можетъ удвоиться или утроиться. Ibid. p. 476 T. III.

ему усиленіе въ запросѣ, и тогда неминуемо курсъ ихъ понизится. Послѣдняя перемѣна можетъ совершиться быстрѣе нежели первая. Прошедшее служитъ тому порукой: одиннадцати столѣтій и множества переворотовъ политическихъ едва достаточно было, чтобы повысить вчетверо цѣну золота и серебра со времени паденія римской имперіи до открытия Америки. Одного столѣтія не прошло со времени открытия рудниковъ перуанскихъ и мексиканскихъ, какъ эта цѣна снова понизилась вчетверо. Быстрое пониженіе курса золота и серебра можетъ имѣть самыя гибельныя послѣдствія, какъ для государствъ, такъ и для частныхъ лицъ, владѣющихъ значительными капиталами въ видѣ этихъ металловъ. Первымъ оно угрожаетъ утратой цѣнности въ фондѣ звонкой монеты; вторымъ, въ самомъ ихъ богатствѣ. Далѣе мы коснемся тѣхъ беспорядковъ, которые подобный внезапный упадокъ въ цѣнѣ металловъ, служащихъ монетой, могъ бы причинить во всякого рода мѣновыхъ сдѣлкахъ. По сему-то, если Провидѣніе готовить человѣчеству еще разъ подобную перемѣну, должно желать и всѣми силами стараться, чтобы она совершилась медленно и незамѣтно, безъ насильственнаго и гибельнаго перелома.

Заключимъ этотъ взглядъ на основанія настоящей рыночной цѣны или курса благородныхъ металловъ, вездѣ служащихъ орудiemъ мѣны и мѣриломъ цѣнности, нѣсколькими словами о томъ, какъ этотъ курсъ устанавливается на внутреннихъ рынкахъ различныхъ государствъ. Онъ утверждается

всилу общихъ законовъ обращенія, изложенныхъ на-
ми выше. Извлеченные изъ нѣдръ земли, драгоцен-
ные металлы увлекаются общимъ торговымъ тече-
ніемъ, которое мы старались изобразить. Свободные
отъ всякихъ стѣсненій, или не смотря на препоны,
которыми иногда люди въ заблужденіи хотятъ оста-
новить ихъ обращеніе, золото и серебро переход-
ятъ, путемъ частныхъ и международныхъ мѣнъ,
изъ города въ городъ, изъ области въ область, изъ
одной части свѣта въ другую. Если какія-либо слу-
чайности вдругъ задерживаютъ ихъ въ одномъ мѣстѣ,
тамъ немедленно оказывается въ нихъ изли-
шокъ, и курсъ ихъ понижается. Тамъ-же, напро-
тивъ, куда имъ нельзя было проникнуть въ доста-
точномъ количествѣ, оказывается рѣдкость, и курсъ
повышается. Торговля, подстрекаемая личнымъ
интересомъ, спѣшитъ возстановить равновѣсіе:
простымъ перемѣщеніемъ, она избавляетъ одинъ
рынокъ отъ излишка, на немъ оказавшагося; дру-
гой, отъ недостатка, имъ ощущаемаго. Она-то по-
стоянно слѣдитъ за положеніемъ курса благород-
ныхъ металловъ на частныхъ рынкахъ и, поль-
зуясь, то его повышеніемъ, то его пониженіемъ,
стремится вездѣ возстановить равновѣсіе между
предложеніемъ и запросомъ; и изъ этихъ дѣйствій,
по видимому раздѣльныхъ, индивидуальныхъ, бла-
годаря удобству, съ которыми перемѣщаются золо-
то и серебро, проистекаетъ то однообразіе, то по-
стоянство рыночной цѣны, которымъ онъ отлича-
ется предъ всѣми другими товарами на рынкѣ все-
мірномъ.

76.—ОТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ЦѢННОСТЬЮ РАЗНЫХЪ
МЕТАЛЛОВЪ, СЛУЖАЩИХЪ МОНЕТОЙ.

Рассматривая законы, опредѣляющіе рыночную цѣну, или курсъ, благородныхъ металловъ, мы предполагали постоянно известное отношеніе между ихъ взаимной цѣнностью. Отношеніе это подвержено измѣненіямъ, но не имѣетъ никакого вліянія на общій, совокупный курсъ золота и серебра: оно нимало не измѣняетъ ни запроса на нихъ, ни ихъ предложенія, а только ту пропорцію, въ которой выражается сколько разъ данное количество дорогого металла содержитъ въ себѣ цѣнность подобнаго-же количества металла дешеваго. Тѣмъ не менѣе, опредѣленіе этого отношенія весьма важно, когда дѣло идетъ объ избраніи одного изъ драгоценныхъ металловъ для основанія на немъ монетной системы. Оно служить источникомъ затрудненій и ошибокъ, когда, не довольствуясь принятіемъ одного металла за единственный общий прототипъ цѣнностей, хотятъ дать обоимъ подобное назначеніе и постановить въ монетѣ неизмѣнное отношеніе между ихъ цѣнностію.

Принявъ въ соображеніе мнѣнія различныхъ ученыхъ, можно кажется согласиться, что количество серебра, находящееся въ обращеніи, а также и ежегодно извлекаемое изъ рудниковъ всего свѣта, въ пятьдесятъ разъ (*) превышаетъ то количество золота,

(*) Гумбольдтъ полагаетъ, что серебра добывается въ 47 разъ болѣе чѣмъ золота (*Essai sur la Nouvelle Espagne*. Т. III. р. 458), а можетъ-быть, прибавляетъ онъ, и въ 50 разъ.

которымъ располагаетъ человѣчество. Еслиъ рѣдкость служила единственнымъ регуляторомъ рыночной цѣны, то фунтъ чистаго золота стоилъ бы на всемирномъ рынкѣ 50 фунтовъ чистаго серебра. На дѣлѣ мы видимъ однако, что торговое отношеніе между цѣнностю серебра и золота въ Европѣ выражается вездѣ среднимъ терминомъ, какъ 1 къ $15\frac{3}{4}$ (*), т. е. фунтъ чистаго золота цѣною равняется 15 съ $\frac{3}{4}$ фунтамъ чистаго серебра. Ясно, что въ отношеніи рѣдкости, золото цѣнится гораздо менѣе серебра.

Гдѣ кроются причины этого предпочтенья?—мы найдемъ ихъ въ самой относительной дешевизнѣ серебра. Всякій товаръ, мы уже видѣли, находить тѣмъ болѣе потребителей, чѣмъ онъ дешевле и полезнѣе: золото, при всей его красотѣ, при всей его прочности, превышающей прочность серебра, остается удѣломъ одной только роскоши; его цѣна, по крайней его рѣдкости, недоступна многочисленнымъ среднимъ сословіямъ. Серебро представляетъ нѣкоторыя изъ качествъ, наиболѣе прельщающихъ въ золотѣ; оно стоять дешевле, потому-что его болѣе, и запросъ на него сравнительно сильнѣе, нежели на золото. Его употребляютъ охотнѣе не только люди богатые, но въ немъ не отказываютъ себѣ достатки самые умѣренные. Оно превратилось въ первообразный матеріалъ промысловъ, которые несравненно обширнѣе промысловъ, употребляющихъ золото.

(*) См. *Rapport de MM. Dumas et de Colmont au Ministre des Finances. Paris, 1840.*

Издѣлія изъ серебра служать не для однѣхъ украшений, но и для необходимѣйшихъ потребностей житейскихъ. Издѣлія золотыя почти исключительно предназначены для удовлетворенія прихотямъ, вкусу къ пышности и тщеславію. Образованность, бережливость, благоразуміе, отвращаютъ многихъ людей отъ употребленія металла столь дорогого; успѣхи промышленности безпрестанно вытѣсняютъ его изобрѣтеніемъ различныхъ средствъ позолоты; подобныя причины не дѣйствуютъ на употребленіе серебра, которое, напротивъ, распространяется по-мѣрѣ успѣховъ образованности и богатства.

Въ издѣліяхъ, какъ и въ монетѣ, пропадаетъ менѣе золота, нежели серебра. Первое не только отличается особенной твердостью ему свойственной; но самая дороговизна его побуждаетъ людей болѣе заботиться о его сохраненіи. Сравнительно большая трата серебра также содѣйствуетъ усиленію запроса на этотъ металлъ и повышенню его цѣны, въ отношеніи къ золоту.

Каково бы ни было естественное предпочтеніе, которымъ постоянно пользуется серебро, на отношеніе между его цѣнностью и цѣнностью золота имѣютъ, однако, несомнѣнное и самое чувствительное вліяніе измѣненія въ ихъ относительной рѣдкости. Пропорція, нынѣ между ними водворившаяся въ Европѣ, измѣняется, когда мы переносимся въ другія части свѣта и въ другія времена. Никто не можетъ поручиться, что она не измѣнится и для Европы, при нась или при нашихъ потомкахъ, въ будущности болѣе или менѣе отдаленной.

По свойству своего мѣстонахожденія въ природѣ, золото, хотя и разсѣянное въ меньшемъ количествѣ нежели серебро, было всегда доступнѣе людямъ. Всего чаще оно встрѣчается въ чистомъ видѣ, или съ небольшой примѣсью серебра, въ россыпяхъ, изъ которыхъ отдѣляется простымъ промываньемъ, не требуя сложныхъ орудій, ни особыхъ познаній и искусства. Серебро обыкновенно скрывается въ недрахъ самыхъ твердыхъ горныхъ породъ; рѣдко встрѣчается въ чистомъ самородномъ видѣ; его руды, удобнѣйшія для разработки, находятся въ состояніи хлористыхъ или сѣрнистыхъ смѣсей (*). Добываніе золота можетъ соглашено быть, до некоторой степени, съ младенчествомъ обществъ, тогда-какъ добываніе серебра предполагаетъ уже немаловажные успѣхи образованности. Средняя Африка, населенная варварскими племенами, доставляетъ довольно значительное количество золотого песку, но ни малѣйшей частицы серебра. При открытии Америки, Колумбъ и его преемники нашли слѣды употребленія золота у самыхъ дикихъ туземцевъ: добываніе серебра было известно только жителямъ Мексики и Перу, гдѣ образованность представляла довольно высокую степень развитія (**). Къ этимъ наблюденіямъ присоединяются историческія доказательства, подтверждающія, что добываніе золота предшествовало до-

(*) *Dictionnaire des Sciences naturelles* T. II р. 499. *Humboldt; ibidem* T. III р. 160—162.

(**) *Jacob: of precious metals.* T. I р. 2.

быванию серебра, и что послѣднее было гораздо рѣже въ отдаленной древности, нежели нынѣ.

Въ законахъ *Ману*, писанныхъ между 1300 и 600 годовъ до Р. Х., отношеніе серебра къ золоту въ Индіи показано какъ 1 къ 2½. Изъ свѣденій, сохранившихся въ писаніяхъ *Діодора*, оказывается, что въ Европѣ, между XV и VI вѣками до Р. Х., отношеніе это было какъ 1 къ 6 или какъ 1: 8. *Геродотъ* пишетъ, что при Даріи Истаспѣ серебро относилось къ золоту какъ 1 къ 13, а по *Ксенофонту*, около 350 лѣтъ до Р. Х., какъ 1 къ 10. *Дюро-де-Ламайлъ* (*), который приводитъ эти свидѣтельства, полагаетъ, что относительная цѣна золота въ тѣ времена была еще менѣе. Со временеми Александра македонскаго добываніе золота уменьшилось въ средней Азіи, и напротивъ усилилось добываніе серебра во Фракіи и Малой-Азіи. Позже, приступлено къ разработкѣ богатыхъ въ то время рудниковъ испанскихъ, и относительная цѣна золота много повысилась. Въ послѣднія времена римской имперіи, оно уже было какъ 18: 1.

Вторженіе варварскихъ народовъ въ Европу, войны и беспорядки, причиненные распаденіемъ на части римской имперіи, надолго остановили разработку европейскихъ серебряныхъ рудъ, тогда какъ запросъ на серебро постоянно усиливается, то для монеты, то для утвари церковной или домашней. Вѣроятновъ то-же время нѣкоторое количество золо-

(*) *Dureau de Lamaille. Econ. pol. des Romains* T. I p. 53, 54, 61 и 63; приводить *Hamberger tabula pretiorum.* p. 33. *Cod. Theod.* VIII, IV, 27.

та проникало въ Европу изъ Африки. Повышение относительной цѣны серебра было неминуемымъ послѣдствіемъ этихъ событій. При Филиппѣ Красивомъ, марка золота стоила десять марокъ серебра. Въ Голландіи, въ 1336, году отношение между серебромъ и золотомъ по курсу было какъ $\frac{1}{10\frac{1}{2}}$; во Франціи, около 1388 года какъ $\frac{1}{10\frac{3}{4}}$ (*). Вообще передъ открытиемъ Америки, въ самой Англіи, гдѣ искони оказывалось особенное предпочтеніе къ золоту, отношение между серебромъ и этимъ металломъ постоянно держалось не выше $\frac{1}{12}$ (**).

Съ 1492 года по 1545, это отношение еще понизилось для золота. Вначалѣ, Америка доставляла въ Европу гораздо болѣе золота, нежели серебра. По замѣчанію Гумбольдта, пять шестыхъ добычи Кортэса, Писарро и другихъ испанскихъ завоевателей, состояли изъ золота. Но быстрая перемѣна въ этомъ отношеніи начинаетъ оказываться со времени открытія въ Перу потосскихъ рудниковъ. Цѣна серебра, еще въ 1589 году относившаяся на голландскихъ рынкахъ къ цѣнѣ золота, какъ $\frac{1}{11\frac{1}{2}}$, при Людовикѣ XIII въ 1641 уже относится во Фландріи какъ $\frac{1}{12\frac{1}{2}}$, во Франціи какъ $\frac{1}{13\frac{1}{2}}$, въ Испаніи какъ $\frac{1}{14}$, и даже болѣе. По всему вѣроятію, относительная цѣна серебра понизилась бы за $\frac{1}{16}$, еслибы въ XVIII-мъ столѣтіи не приступлено было къ разработкѣ богатѣйшихъ золотоносныхъ россыпей въ Бразиліи.

(*) Humboldt: Т. III р. 402.

(**) A. Smith: Т. I р. 272.

Въ началѣ настоящаго столѣтія отношеніе серебра къ золоту довольно долго держалось въ Испаніи какъ $\frac{1}{15\frac{1}{2}}$, а въ Португаліи какъ $\frac{1}{13\frac{1}{2}}$ (*). Въ первомъ государствѣ относительная цѣнность серебра была ниже чѣмъ гдѣ-либо, потому-что ему принадлежали богатѣйшіе рудники серебряные. Во второмъ, на-противъ, золото теряло въ отношеніи къ серебру болѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, вслѣдствіе посто-яннаго прилива этого металла изъ Бразиліи (**). Ны-нѣ, оживленныя сношенія торговли, а частію, отмѣнѣ запретительныхъ постановленій противъ вывоза дра-гоцѣнныхъ металловъ способствуютъ водворенію и поддержанію на всѣхъ европейскихъ рынкахъ оди-наковой пропорціи серебра къ золоту какъ $\frac{1}{15\frac{3}{4}}$. Въ Китаѣ и Японіи доселѣ одинаково еще преизобилу-етъ золото, и эта пропорція колеблется между $\frac{1}{10}$ и $\frac{1}{12}$.

Безсомнѣнныя, отношеніе между золотомъ и сере-бромъ, нынѣ въ Европѣ существующее, можетъ измѣниться. Для этого достаточно одного преобра-зованія монетной системы континентальныхъ госу-дарствъ европейскихъ, которая нынѣ основана на серебрѣ, или даже случайного наводненія золотомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Послѣднее измѣненіе можетъ быть только временное. Ничто, въ настоящемъ по-ложеніи горной промышленности, не предвѣщаетъ чрезмѣрнаго усиленія или уменьшенія добыванія зо-

(*) Storch: *Cours d' Econ. pol.* éd. de Paris, 1823.

(**) Въ 1777 г. въ Бразиліи и Португаліи отношеніе между сере-бромъ и золотомъ было какъ $\frac{1}{8}$. Humboldt; *ibid.* Т. III р. 452.

лота. Если, съ одной стороны, Бразилія съ каждымъ годомъ доставляетъ его менѣе и менѣе, то съ другой алтайскіе золотопромысльные промыслы разширяются въ быстрой прогрессіи, и увеличивается также подвозъ золота съ береговъ западной Африки и изъ индійскаго Архипелага.

Которому-же изъ двухъ металловъ отдать предпочтеніе, какъ лучшему типу цѣнностей? Это совершенно зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ мѣстныхъ удобствъ, отъ потребностей обращенія. Цѣнность какъ того, такъ и другого, равно подлежитъ измѣненіямъ. Какъ тотъ, такъ и другой подвержены трата или утиrkѣ. Если золото теряетъ ежегодно отъ утирки не болѣе $\frac{1}{300}$ своего вѣса, тогда-какъ утирка серебра простирается до $\frac{1}{200}$, то съ другой стороны, утирка на золотѣ представляетъ цѣнность въ пятнадцать разъ значительнѣе чѣмъ на серебрѣ. Въ объемѣ, сравнительно маломъ, золото содержитъ цѣнность высокую; но оно неудобно для небольшихъ сдѣлокъ, потому-что должно быть раздробляемо на слишкомъ мелкія части. Серебро несравненно удобнѣе для послѣднихъ. Золото естественно преобладаетъ въ обращеніи тамъ, гдѣ болѣе богатства, болѣе роскоши, гдѣ покупки совершаются оптомъ, или на большія суммы. Серебро господствуетъ на рынкахъ, гдѣ достатки умѣреннѣе, гдѣ размѣны совершаются по мелочамъ. Такъ-какъ нѣтъ государства, въ которомъ не встрѣчалось бы некотораго количества большихъ и малыхъ достатковъ, то оба металла могутъ съ пользой участвовать въ обращеніи. Опасно только постановлять между ни-

ми определенное отношение, таксировать металль дорогой въ единицахъ металла дешеваго. По свойству своему, это отношение не можетъ быть постоянно: и, въ случаѣ перемѣны, оно неминуемо изгояетъ изъ обращенія металль слишкомъ слабо оцѣненный. Тогда на рынкѣ оказываются два различные мѣрителя цѣнности, предоставленные на произволъ публики. Торгующіе золотомъ и серебромъ находятъ явную выгоду въ обмѣнѣ монеты, высоко оцѣненной, на ту, которая содержитъ внутреннюю цѣнность значительнѣйшую, и въ вывозѣ послѣдней на чужie рынки, гдѣ она обращается по своей настоящей цѣнѣ. Должники предпочитаютъ платить монетой, слишкомъ высоко оцѣненной. Такъ въ 1696 году англійскій парламентъ ошибочно опредѣлилъ отношение между цѣною золота и серебра, и около 1717-го года изъ 6,882,988 фунтовъ стерлинговъ серебряной монеты, имъ выпущенной, почти ничего не оставалось въ обращеніи (*). Такъ нынѣ ежегодно вывозится изъ Франціи золотая монета, въ которой золото оцѣнено слишкомъ низко законнымъ определеніемъ (**).

(*) *Lord Liverpool: A treatise of coins of the realm in a letter to the king, 1815 London.*

(**) Съ 1816 года по 1841 вывозъ золота изъ Франціи превышаетъ привозъ огромною суммой въ 598 миллионовъ франковъ, тогда-какъ привозъ серебра въ то-же королевство превышаетъ вывозъ этого металла, въ теченіе того-же числа лѣтъ, на 2 билльона 90 миллионовъ франковъ. Вывозъ золота объясняется его слабой оцѣнкой въ монетѣ. Приливъ серебра должно приписать слишкомъ высокой цѣнѣ, ему назначеннай монетною французскою системой (*Rapp. de MM. Dumas et de Colmont, 1840*).

Впрочемъ сила вещей, въ этомъ случаѣ какъ и во всѣхъ другихъ, одерживаетъ верхъ, и, несмотря на законныя опредѣленія, на каждомъ общественномъ рынке всегда господствуетъ, какъ типъ, одинъ изъ двухъ металловъ. Въ Англіи давно уже водворилось золото, какъ единственная законная звонкая монета. Во Франціи еще не отмѣненъ законъ, постановляющій между серебромъ и золотомъ отношеніе $\frac{1}{15} \frac{1}{2}$ (вместо торгового отношенія $\frac{1}{15} \frac{1}{4}$), и тамъ чеканятся золотыя монеты внутреннимъ, достоинствомъ выше нарицательнаго. Но въ обращеніи встрѣчается мало золота, и вездѣ оно пользуется уравнительнымъ лажемъ. Серебро служитъ общимъ и единственнымъ прототипомъ цѣнности, не только во Франціи, но и на всемъ материкѣ Европы, за исключениемъ, кажется, Португаліи.

77. ВЛІЯНІЕ ИЗДЕРЖЕКЪ ДОБЫВАНИЯ ЗОЛОТА И СЕРЕБРА НА ИХЪ КУРСЪ.

По-мѣрѣ того, какъ рыночная цѣна благородныхъ металловъ повышается или понижается, разработка нѣкоторыхъ рудниковъ предпринимается или оставляется. Этимъ движеніемъ постоянно поддерживается нѣкоторое равновѣсие между стоимостью золота и серебра и ихъ курсомъ.

Въ странѣ, гдѣ населенность безпрестанно возрастаетъ, рыночная цѣна земледѣльческихъ продуктовъ первой необходимости, хлѣба и т. п., сопрѣжается съ издержками, которыхъ стоитъ ихъ добываніе на земляхъ наименѣе плодородныхъ. Она возвышается по-мѣрѣ того, какъ усиливается сто-

мость хлѣба, добываемаго на земляхъ низшаго разбора, или невыгодно расположенныхъ, и тѣмъ самыи обезпечиваетъ владѣльцамъ земель плодороднѣйшихъ монопольную премію, болѣе или менѣе значительную. Но подобнаго повышенія цѣны не представляютъ продукты земледѣльческіе, принадлежащіе къ числу предметовъ роскоши, напр: отборныя вина, фрукты и т. п., по мѣрѣ перехода къ воздѣльванію земель не столь удобныхъ для ихъ производства. Причина тому очень ясная: запросъ на предметы первой необходимости не можетъ много уменьшиться, даже и тогда, когда цѣна ихъ значительно повысится. Напротивъ, запросъ на продукты роскоши стѣсняется и охладѣваетъ, когда цѣна имъ поднимается слишкомъ wysoko. Регуляторомъ послѣдней всегда будутъ служить участки земли, наиболѣе ихъ доставляющіе и съ наименьшими издержками. Личная выгода всегда будетъ побуждать владѣльцевъ подобныхъ земель къ нѣкоторому пониженію цѣны своимъ продуктамъ: вину, фруктамъ и т. п., для обеспеченія имъ сбыта болѣе быстрого и обширнаго. Они могутъ довольствоваться цѣнной, въ которую даже входитъ порядочная премія монопольная, и которая однако недостаточна для покрытия издержекъ добыванія подобныхъ же продуктовъ на земляхъ, не столь выгодно расположенныхъ. Если-же откроются земли еще плодороднѣйшія, которыхъ изобиліе позволить владѣльцу еще болѣе понизить рыночную цѣну продуктовъ, то это обстоятельство неминуемо принудить всѣхъ всоразмѣрности понизить цѣну своихъ произве-

деній, довольствоваться преміей болѣе умѣренной, или вовсе ея лишиться. Тѣ-же, которые не могутъ производить по этой цѣнѣ, принуждены будуть прекратить свое производство.

Золото и серебро принадлежать къ числу продуктовъ роскоши. Запросъ на нихъ, для издѣлій, усиливается по-мѣрѣ того, какъ понижается ихъ рыночная цѣна; онъ охлаждается, по-мѣрѣ ея воз-вышенія. Въ первомъ случаѣ, въ обращеніи употребляется болѣе монеты золотой и серебряной для покупки нѣкотораго количества товаровъ; во второмъ, менѣе. При повышениіи курса золота и серебра, можетъ, конечно, быть предпринята разработка рудниковъ, дотолѣ не окунавшихъ издержекъ. Но если, въ то-же время, вдругъ откроются рудники, несравненно обильнѣйшіе, удобнѣе расположенные и требующіе менѣе расходовъ, то опредѣленіе рыночной цѣны будетъ совершенно зависѣть отъ послѣднихъ, и она можетъ до того понизиться, что разработка всѣхъ другихъ рудниковъ принужденно прекратится.

Такъ прекратилась сперва разработка серебряныхъ рудниковъ европейскихъ, вслѣдствіе открытия богатыхъ рудниковъ мехиканскихъ и перуанскихъ. Послѣдніе, по замѣчанію Гумбольдта (*), не столько отличались относительнымъ богатствомъ руды, сколько ея изобилиемъ и удобствомъ разработки. Серебромъ, которое изъ нихъ извлекалось, несмотря на пониженіе вчетверо его

(*) *Essai sur la Nouvelle Espagne* T. III. p. 174, 2—éd.

курса, какъ мы объяснили выше, не только окупались всѣ издержки добыванія и очищенія и доставлялись огромнѣйшіе барыши владѣтелямъ руды (*), но еще уплачивались 20 процентовъ подати испанскому королю, или такъ называемое *кинто* (*quinto*) (**). Съ конца XVI-го столѣтія (1578) правительство взимало еще $1\frac{1}{4}\%$ такъ называемаго налога *десятинного* (*diezmo*), а съ 1566 г. пошлину за превращеніе серебра и золота въ монету, или такъ называемое *derecho de monedaje y señoreaje*. Послѣдняя часто измѣнялась: вначалѣ она не превышала $1\frac{1}{4}\%$, но иногда достигала 4 %, и болѣе. Кромѣ того, испанское правительство искони присвоивало себѣ монополію продажи ртути, которая необходима для отдѣленія серебра отъ руды помошью амальгамаціи (***) . Въ XVI столѣтіи такса, назначенная ртути, простидалась до 187 піастровъ за кинталъ, тогда-какъ правительству она обходилась впятеро, вшестеро и даже вдесятеро дешевле. Къ этой таксѣ надлежитъ присоединить лихоимство, которому служила поводомъ раздача ртути владѣтелямъ рудниковъ. Послѣдніе готовы были на величайшія пожертвованія для пріобрѣтенія наибольшаго количества ртути, съ которымъ всегда соразмѣрялось ихъ добываніе, а слѣдовательно и доходъ.

(*) Гумбольдтъ приводитъ многіе примѣры обогащенія счастливцевъ, открывшихъ богатыя руды въ Мексикѣ (*ibid.* T. III. ch. XI).

(**) *Ibid.* T. III. C. XI p. 337 и p. 362.

(***) Испанское правительство до того дорожило монополіей ртути, что строжайше запрещало разрабатывать рудники ртути, находящіеся въ Мексикѣ (*Dict. d'histoire naturelle*. art. *Métallurgie* p. Virlet).

Около половины XVIII столѣтія добываніе серебра, по причинѣ углубленія работъ, а также истощенія нѣкоторыхъ богатѣйшихъ рудъ, начинаетъ представлять болѣе трудности и требовать болѣе издержекъ. Между-тѣмъ въ курсѣ этого металла не вовсе только не оказывается повышенія, но даже, какъ мы замѣтили выше, онъ немнога понижается и уже не измѣняется до нашихъ временъ. Испанское правительство принуждено уменьшить свои налоги, и дѣйствительно, съ 1736 года оно довольствуется взиманіемъ полу-кинта или одной только десятой доли; около того-же времени уменьшается *diezmo* до 1%, а съ 1750 г. назначается такса ртути въ 82 піастра за кинталъ. Послѣдняя въ 1717 году понижается для ртути германской до 63 піастровъ, а для ртути альмаденской до 41 піастра и 2 реаловъ. Несмотря на то, какъ на той такъ и на другой, правительство испанское до отложенія Мехики пріобрѣтало болѣе 20% преміи монопольной (*).

Со времени признанія независимости мексиканской республики, продажа ртути тамъ сдѣлалась свободною. Тѣмъ не менѣе въ цѣну, по которой ртуть достается владельцамъ рудниковъ, входитъ монопольная премія впользу знаменитаго банкирскаго дома, различными сдѣлками обеспечившаго себѣ всю европейскую ртуть (**). Еще недавно кило-

(*) Humboldt: p., 337 и p. 362; также p. 292.

(**) По исчислению Héron de Villefosse (*Richesse minérale*) ртуть во всемъ свѣтѣ добывается ежегодно не болѣе 40,000 метрическихъ кинталовъ. Изъ этого количества половина доставляется алмаденскими рудниками въ Испаніи, 7000 кин. Баваріей, около 3000 Австріей; въ 12,000 кинт. полагается количество ртути, доставляемое изъ Кі-

граммъ ртути стоилъ не дороже 10 франковъ; нынѣ монополисты не продаютъ его менѣе 15 фр. 34 сантимовъ. Пошлины, взимаемыя мексиканскимъ правительствомъ, со включеніемъ *derecho del señoraje* простираются до 16 % (*).

Успѣхи механики, химіи и металлургического искусства позволили въ XVIII столѣтіи приступить къ разработкѣ серебряныхъ рудъ въ Австріи, Саксоніи, Гановерѣ, Пруссіи, Норвегіи и на Уралѣ. Превосходство техническихъ способовъ служило, и еще служитъ, для этихъ разработокъ вознагражденіемъ ихъ естественной бѣдности, всравненіи съ рудниками новаго свѣта. Съ другой стороны, правительства европейскія довольствуются взиманіемъ пошлинъ гораздо умѣреннѣйшихъ, нежели американскія. Несмотря на то, мало можно указать частныхъ лицъ, обогатившихся разработкой серебряныхъ рудъ въ Европѣ и на Уралѣ. Большей частью онѣ производятся на счетъ правительствъ, и некоторые не окупаютъ даже издержекъ. Введеніе улучшенныхъ способовъ разработки въ Америкѣ и, въ особенности, усиленіе добыванія ртути, можетъ безсомнѣнно много усилить добываніе серебра. Но едва ли подобное усиленіе, которое, по самому свойству его причинъ, должно совершаться медленно, можетъ имѣть чувствительное вліяніе на рыночную цѣну этого металла?

тая и Америки. ГГ-мъ Ротшильду и Ко. принадлежитъ монополія испанской, баварской и австрійской ртути,

(*) *Rapp. de MM. Dumas et de Colmont 1840*, и въ особенности сочиненіе *St Clair Duport: De la production des m{\'e}taux pr{\'e}cieux au Mexique Paris, 1843.* См. Примѣчаніе 6-е.

Настоящая рыночная цѣна золота, которая, мы видѣли, относится къ серебру какъ $15\frac{3}{4} : 1$, по видимому допускаетъ выгодную разработку однѣхъ только золотоносныхъ россыпей. По-крайней мѣрѣ вездѣ въ Бразиліи, въ Новой Гренадѣ, какъ и въ Венгріи, на Уралѣ и на Алтаѣ, опыты добыванія золота, сокрытаго въ твердыхъ горныхъ породахъ, оказались невыгодными и не покрывающими издержекъ производства, даже для самихъ правительствъ, которые избавлены отъ платежа пошлинъ. Въ Мехикѣ большая часть золота извлекается изъ ея серебряныхъ рудниковъ, гдѣ оно находится въ соединеніи съ серебромъ въ сѣрнистыхъ смѣсяхъ. Золотыя горнокаменные руды въ Оахакѣ, по замѣчанію Гумбольдта, приносили доходы ничтожные, а нынѣ оставлены; поддерживались съ выгодой только разработки золотоносныхъ россыпей. Нѣкоторое количество золота сопутствуетъ платинѣ на Уралѣ, и также содержится въ сѣрнистыхъ смѣсяхъ мышьяковыхъ, цинковыхъ, желѣзныхъ, мѣдныхъ, свинцовыхъ и серебряныхъ. Но залежанія, заключающія эти смѣси, разрабатываются не для одной 10-милльонной частицы золота, въ нихъ содержимой, а для полезныхъ минераловъ, образующихъ ихъ главную массу: золото есть только попутный продуктъ.

Чтобъ судить въ какой степени стоимость золота, то-есть издержки его добыванія, покрываются его рыночной цѣной, должно разсмотрѣть разработки, принадлежащиа правительству, и посему не платящія пошлины. Доселѣ еще въ Россіи продол-

жается на счетъ казны разработка горнокаменной березовской руды: на сто пудовъ руды, она даетъ отъ 4 до 5 золотниковъ т. е. $\frac{1}{76,800}$ золота, содержащаго 23% постороннихъ веществъ. Несмотря на отличное производство работъ для извлечения руды, ея разбиванья, промыванья, очищенья и новыхъ улучшений въ амальгамаціи, издержки не покрываются ежегодной добычей, и разработки продолжаются единственно въ надеждѣ на будущія выгоды (*). Золотоносные пески, которыхъ разработки начались на Уралѣ съ 1823 года, а на Алтаѣ съ 1830, суть не что иное какъ горныя породы, размытыя потоками и унесенные съ горныхъ вершинъ въ ложбины. Въ этихъ слояхъ шлиховое золото механически перемѣшано съ другими россыпями и глиной; къ нимъ присоединяются частицы платины, железа, мѣдь и другіе металлы. Глубина слоевъ рѣдко бываетъ болѣе сажени и менѣе одной четверти аршина. Ихъ длина измѣняется отъ 10 до 250 и 300 сажень; ихъ ширина бываетъ въ 2, 5 и рѣдко превышаетъ 10 сажень (**). Почти всѣ золотоносныя россыпи разрабатываются подъ открытымъ небомъ, и рѣдко нуждались въ подземныхъ галереяхъ. Употребляемыя машины просты и недороги. Они состоятъ преимущественно изъ промывальныхъ снарядовъ или вашгердовъ. Главныя издержки прилагаются на перевозку снарядовъ, приспособъ, на задѣльную плату, которая особенно высока на Алтаѣ, по недостатку рукъ. Мы не упомина-

(*) *Annuaire du journal des mines: Introduction 1845* p. 105—109.

(**) *Ibid.* p. 110—113.

емъ здѣсь о значительныхъ издержкахъ пріисканія рудъ и ихъ разузнанія.

Богатство золотоносныхъ россыпей опредѣляется количествомъ золота, содержимаго во 100 пудахъ. Казна можетъ съ выгодаѣ разрабатывать тѣ, изъ которыхъ извлекается не болѣе 50 долей шлихового золота. Ниже этого содержанія, добыча не покрываетъ издержекъ (*). Для частныхъ лицъ, которыя подлежать платежу 15 процентовъ съ золота, добываемаго на Уралѣ, 20% въ западной Сибири и до 24% по системѣ водъ Удерея, сверхъ 4 рублейовой пошлины съ каждого фунта чистаго золота, можетъ быть прибыльною разработка песковъ, содержащихъ не менѣе $1\frac{1}{2}$ золотника во 100 пудахъ. При содержаніи въ 3 золотника, и выше, разработка золотоносныхъ россыпей приноситъ порядочные барыши, за уплатой всѣхъ означенныхъ пошлинъ. Барышъ становится весьма значителенъ, когда содержаніе, какъ въ міасскомъ округѣ и во многихъ мѣстахъ на Алтаѣ, простирается до 10, 20 золотниковъ и даже до одного фунта золота въ 100 пудахъ песку.

Истошеніе многихъ золотоносныхъ россыпей въ Мехикѣ и Новой Гренадѣ, трудности добыванія золота изъ горнокаменныхъ породъ, побудили испанское правительство, еще до отложенія Мехики, уменьшить до 5% пошлину, взимаемую съ золота въ пользу казны. Въ Бразиліи доселъ еще, кажется, продолжаютъ взимать *кинто* или 20%. Пока дѣло шло о разработкѣ богатѣйшихъ песковъ, несмотря на столь высо-

(*) Ibid. p. 110.

кую пошлину, многіе частные промышленники пріобрѣли тамъ огромныя богатства. Но, по-мѣрѣ ис-тощенія россыпей, эта пошлина постепенно только отвращала отъ дальнѣйшихъ разработокъ; многія изъ нихъ оставлены, другія безпрерывно покидаются. Въ этомъ случаѣ *кинто* дѣйствуетъ какъ ес-тественная рѣдкость металла.

Пошлину, взимаемую впользу правительствъ, осо-бенно гдѣ она умѣренна, нельзя рассматривать какъ тягостный поборъ монополіи. Она оправдывается необходимостью и можетъ быть включена въ число неизбѣжныхъ расходовъ. Пока Мехика и Новая Гренада, Перу и Буэносъ-Айресъ принадлежали Испаніи, Бразилія—Португаліи, *кинто* служило для покрытія расходовъ колоніального управлениія. Нынѣ оно превратилось въ одинъ изъ важнѣй-шихъ источниковъ доходовъ независимыхъ госу-дарствъ, возникшихъ изъ этихъ колоній. Въ случаѣ упадка въ цѣнѣ золота и серебра, эти правительст-ва могутъ отвратить частію уменьшеніе ихъ добы-ванія, облегчивъ пошлину; но тогда онѣ принужде-ны будутъ открыть себѣ какіе-либо другіе источ-ники доходовъ.

Что-же касается до уменьшенія издержекъ добы-ванія, помошю примѣненія разныхъ улучшенныхъ способовъ, и между прочимъ электричества, къ раз-работкѣ рудъ, то, при настоящемъ положеніи ве-щій, оно поколеблетъ курсъ благородныхъ метал-ловъ лишь въ такомъ случаѣ, если позволить ихъ до-бывать въ большемъ изобиліи. Но изобиліе гораздо менѣе зависитъ отъ улучшенія способовъ, нежели

отъ природы; рудники мексиканскіе, при самыхъ отсталыхъ способахъ разработки, всегда будутъ доставлять болѣе металла, нежели отлично управляемые рудники саксонскіе; производство первыхъ можетъ, конечно, нѣсколько усилиться, при употреблении улучшенныхъ способовъ, но такое усиленіе всегда будетъ маловажно. Чувствительное вліяніе на курсъ золота и серебра могутъ имѣть, какъ мы уже замѣтили, одно только открытие и разработка новыхъ богатѣйшихъ рудниковъ.

Тѣ-же улучшенные способы, которые уменьшаютъ издержки добыванія, нимало его не усиливая, должны только увеличить доходы правительствъ или частныхъ лицъ, владѣющихъ рудниками. Они не могутъ имѣть никакого вліянія на рыночную цѣну товаровъ, каковы золото и серебро, — цѣну, которая устанавливается вслѣдствіе всемирнаго запроса, подавляющаго или сглаживающаго всевозможныя частныя соперничества.

78. О ПРЕВРАЩЕНИИ БЛАГОРОДНЫХЪ МЕТАЛЛОВЪ ВЪ МОНЕТУ.

Начало употребленія золота и серебра для монеты теряется во мракѣ временъ, но въ томъ нѣть сомнѣнія, что долго эти металлы обращались въ слиткахъ и принимались на вѣсъ. Авраамъ выдаетъ вѣсомъ 400 дидрахмъ пробнаго серебра, которыя обязался заплатить Эфрону за пещеру на полѣ хевронскомъ для погребенія Сары (*). У Римлянъ, мѣдные асы или фунты были не что иное какъ грубые слит-

(*) Книга Бытія. XXIII, 16.

ки, до Сервія Туллія. Геродотъ повѣстуетъ, что первую монету въ Персіи начали чеканить при Даріи Истаспѣ, но что до него плавили золото и серебро въ глиняныхъ сосудахъ, а полученные слитки рубили на части по-мѣрѣ надобности. По свидѣтельству Страбона, въ Испаніи употребляли долго серебряные полоски, которыя рубились, смотря по важности купли (*). При Вильгельмѣ-Завоевателѣ, въ Англіи, золото и серебро ходили въ слиткахъ на вѣсъ (**). Арабскій писатель Гассанъ-бенъ-Ахметъ говоритъ (***) , что въ 628 г. гиджры появились въ Багдадѣ диремы (драхмы), а до того употреблялись на ежедневные расходы обрѣзки серебра. Первоначальной металлической монетой въ Россіи служили слитки серебра, которые принимались на вѣсъ. Обычай рубить ихъ, или рѣзать, пополамъ и на четверти долго сохранялся у нашихъ предковъ, и ненужно искать иного происхожденія настоящему названію рублей.

Единицей вѣса, равно какъ и цѣнности, была гривна (****), или славянскій фунтъ. По дошедшемъ до насъ образчикамъ, надлежитъ полагать, что самые тяжелые слитки вѣсили пол-гривны. Они назывались

(*) Dureau de Lamaille. Econ. pol. des Romains T. I, p. 15.

(**) A. Smith. Richesses des nations.

(***) Бар. Шодуаръ, Т. I, стр. 99.

(****) Бар. Шодуаръ. Т. I. стр. 21. Слово гривна имѣло троякое значеніе: подъ симъ названіемъ разумѣли почетный знакъ, вѣроятно медаль, носившуюся на цѣпи; числимую цѣнность (мы уже упомянули о гривнѣ кунѣ); и вѣсъ. Въ семъ послѣднемъ отношеніи было двѣ гривны; *Кievская* и *Новгородская*. Первая произошла отъ греческаго фунта *литрас* и вѣсила 72 *солида* (*solidi*) или золотника. Вторая есть нѣмецкій фунтъ *libra*; она дѣлилась на 16 *унцій* и 96 золотниковъ, какъ нынѣшній россійскій фунтъ (*ibid.* стр. 93 и 96).

гривенками и ихъ найдено много въ различныхъ мѣстахъ Россіи (*). Еще не открыто ни одного слитка въ гринву или фунтъ. Гривенки рубились на-двоє, и каждый отрубокъ назывался рублемъ: ихъ приходилось четыре на фунтъ или гринву. На многихъ слиткахъ открыты надписи; на рубляхъ части надписей (**). Ходили также полтины, которые суть не что иное, какъ рубли, расщепленные на-двоє вдоль. Съ конца XV столѣтія слитки перестаютъ появляться въ нашей исторіи.

Монеты-литки обращались также въ Польшѣ, въ Литвѣ, и въ земляхъ Ливонскаго Ордена. Они имѣли определенный весъ, и всякому золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеру позволялось ихъ отливать (**). Серебро въ слиткахъ и стружкахъ обращается еще нынѣ въ Китаѣ, Тонкинѣ. На случай, если при покупкѣ не попадется слитокъ соответствующаго достоинства, то, говорятъ, Китаецъ всегда имѣеть при

(*) Бар. Шодуарѣ. ibid. стр. 93—109. Монетныя гривенки были тоже новгородскія и кіевскія. Весь найденныхъ гривенокъ новгородскихъ мыняется между 44 и 48 золотниками. Кіевскія вѣсили не болѣе 36 золотниковъ; онѣ отличались отъ первыхъ наружнымъ видомъ; были не простой слитокъ, а неправильный продолговатый шестиугольникъ.

(**) Ibid. На многихъ рубляхъ того времени видны въ двухъ строкахъ слова Кназъ Болод.; на другихъ попадается конецъ слова имѣръ. Имѣются слитки испещренные множествомъ клеймъ: вероятно каждый князь, во владѣніи котораго они обращались, выбивалъ на нихъ свое клеймо. Слово полтина происходитъ отъ глагола расположить, раздѣлить пополамъ. На полтинахъ встречаются части надписей Кназъ, Болод, мѣръ, явно доказывающія что то были отрезки рублей, такъ точно, какъ сами рубли были отрезками гривенокъ.

(***) Бар. Шодуарѣ. ibid. стр. 107.

себѣ необходимыя орудія для отрѣзанія и взвѣшиванія надлежащаго кусочка.

Неудобства, затрудненія и потеря времени, сопряженныя съ необходимостью безпрестанно дробить на части, взвѣшивать слитки и повѣрять ихъ пробу, отврашаются обычаемъ изготавливать монеты опредѣленного вида, вѣса, пробы, разной величины, и съ клеймомъ, выражющимъ ихъ цѣнность. Обыкновенно фабрикацію монетъ исключительно присвоиваютъ себѣ правительства, какъ представители общественныхъ интересовъ. Сначала клеймили самые слитки, какъ то дѣжалось въ древней Россіи, а нынѣ еще дѣлается въ Китаѣ и Японіи. Но въ слиткахъ металль дурно сохраняется и не удобенъ для переноски. Видъ плоскій, сферический, почти вездѣ принятъ какъ удобнѣйшій. Древнія римскія и греческія монеты всѣ круглыя, такъ точно, какъ и монеты среднихъ вѣковъ. Монеты угловатыя, овальные, продолговатыя, болѣе круглыхъ подвержены утиrkѣ.

Золото и серебро очищаются отъ постороннихъ веществъ легче всякихъ другихъ металловъ, но въ чистомъ видѣ онѣ слишкомъ мягки и терпятъ отъ утирки; небольшое количество мѣди, или такъ называемой *литатуры*, придаетъ имъ болѣе твердости и прочности. Эта примѣсь, неизмѣнная наружнаго вида металла въ монетѣ, уменьшаетъ его внутреннюю цѣнность; отношеніе между чистымъ металломъ и примѣсью, въ немъ содержимою, составляетъ его *пробу* или *достоинство* (*titre*). Первые клейма на слиткахъ вѣроятно означали ихъ пробу. Нынѣ во всѣхъ

образованныхъ государствахъ, если на монетѣ не означается пробы металла, то во всякомъ случаѣ она опредѣляется разъ навсегда закономъ и строго соблюдается.

Въ торговлѣ благородными металлами, обыкновенно проба золота выражается въ каратахъ (carats), а проба серебра въ динаріяхъ (deniers). Количество золота, котораго хотятъ означить пробу, раздѣляютъ на 24 части или карата. По французскому счету, каждый каратъ подраздѣляется на 32 грана; по английскому и испанскому, на 4 грана. Золото чистое, безъ примѣси, выражается отношеніемъ $\frac{24}{24}$. Золото, содержащее четыре карата примѣси, выражается отношеніемъ $\frac{20}{24}$. Если же (по французскому счету) слитокъ содержитъ 1 каратъ и 22 грана примѣси, то его проба будетъ въ $\frac{22\frac{10}{32}}{24}$. Марка серебра дѣлится на 12 динаріевъ; каждый динарій на 24 грана. Чистое серебро даетъ отношеніе $\frac{12}{12}$. Серебро, содержащее одинъ динарій примѣси, пишется $\frac{11}{12}$. Если оно содержитъ одинъ динарій и 6 грановъ примѣси, то его проба выражается такъ: $\frac{11\frac{18}{24}}{12}$. Нынѣ во Франціи проба выражается десятичными дробями: чистое золото и серебро, какъ $\frac{1000}{1000}$; содержащее одну десятую примѣси, какъ $\frac{990}{1000}$; одну пятую, какъ $\frac{800}{1000}$. Монетная проба въ этомъ королевствѣ постановлена въ $\frac{900}{1000}$. Въ Англіи проба золотыхъ монетъ выше: въ нихъ полагается $\frac{918}{1000}$ чистаго золота. Въ Россіи, проба выражается въ золотникахъ и доляхъ. Серебряная посуда и утварь по нашимъ законамъ должны быть 84 пробы, т. е. содержать на одинъ фунтъ въ 96 золотниковъ, 84 золотника чистаго се-

ребра и 12 золотниковъ примѣси. Достоинство металла въ русскихъ монетахъ часто измѣнялось (*). Нынѣ указанная проба монетъ золотыхъ, т. н. имперіаловъ и полуимперіаловъ, постановлена 88, а серебряныхъ $83\frac{1}{3}$.

Означение законной пробы на монетѣ много облегчаетъ ея обращеніе: но этого не довольно. Чтобы монетѣ служить мѣрителемъ цѣнности, на ней долженъ быть выраженъ ея вѣсъ. Эта необходимость была постигнута всѣми народами, едва начали оказываться между ними нѣкоторые успѣхи промышленности. Первые названія древнѣйшихъ монетныхъ единицъ: ливры, фунты, гривны, солиды (*sols, shelling*), марки, динаріи, *pesos*, явно выражаютъ вѣсъ, который первоначально имѣли эти монеты.

Частію нужда, частію нерасчетливая корысть послужили поводомъ то къ уменьшенію вѣса монетъ, то къ пониженію ихъ пробы, съ удержаньемъ прежняго названія численаго. Рано или поздно хитрость изобличалась, и курсъ монетъ естественно соразмѣрялся съ ихъ внутренней цѣнностью, т. е. количествомъ чистаго металла, въ нихъ содержимаго. Такъ, мало по малу, названія монетъ утратили почти вездѣ свое прежнее значеніе, и превратились въ условныя. Многимъ приданы наименованія, заимствованныя отъ оттисковъ, которыми ихъ чеканили, таковы: луидоры, франки, гинеи, суверены, флорины, талеры, крейцеры, имперіалы, копѣйки. Многія изъ этихъ названій, прежде принадлежавшія настоящимъ золотымъ и серебрянымъ мо-

(*) С.и. Бар. Шодуара: *О русскихъ деньгахъ.*

нетамъ, нынѣ означаютъ мѣдную низкаго разбора на-
рицательную монету, таковы: французскіе су (sols,
sous) ($1\frac{1}{4}$ копѣйки серебромъ), произшедшія отъ зо-
лотой монеты византійской солида, нѣкогда ходившей
повсему свѣту, какъ голландскіе червонцы; нѣмецкіе
гроши, которые суть не что иное, какъ искаженное
названіе *грессовъ*, прежде означавшее высокочѣнную
золотую монету; наша мѣдная гринна, явно произшед-
шая отъ серебряной гриненки, вѣшившей пол-фунта.
Другія превратились въ монеты счетныя, вообра-
жаемыя, каковыми долго были фунты стерлинги въ
Англіи, а понынѣ еще остались гамбургскія марки (*).

Чтобъ составить себѣ ясное и правильное понятіе
о рыночной цѣнѣ, выраженной въ какихъ либо моне-
тахъ, должно не только изслѣдоватъ самую цѣну ме-
тalla, изъ котораго сдѣлана монета, но также сте-
пень его чистоты, или пробу, и количество, которое
вточности содержалось или содержится въ монетѣ.
Полагаясь на приданное монетѣ название, можно
впасть въ грубыя ошибки, какія кнесчастію часто
встрѣчаются въ сочиненіяхъ историческихъ и ста-
тистическихъ.

Во всѣхъ благоустроенныхъ государствахъ, ка-
жется, нынѣ постигли важныя неудобства, сопряжен-
ные съ частымъ измѣненіемъ внутренней цѣнности
монетной единицы. Успѣхи кредита таковы, что ни-
кто не рѣшится нынѣ въ образованномъ свѣтѣ на вы-
пускъ монеты, выражающей цѣнность выше еявну-
тренняго достоинства. Сохранились, правда, нѣкото-
рыя старинныя названія, но ихъ не употребляютъ

(*) См. *Примѣчаніе 7-е.*

болѣе для приданія монетъ цѣнности нарицательной, или означенія вѣса, котораго она не имѣть. Вѣсъ каждой монеты постановляется закономъ, такъ точно, какъ и проба, и строго соблюдается.

Впрочемъ, такъ-какъ при отливаніи значительной массы металла съ примѣсью, нельзя достигнуть совершенно математической одинакости пробы во всѣхъ частяхъ слитка, а тѣмъ паче въ монетахъ изъ него чеканенныхъ, то всѣ законодательства допускаютъ нѣкоторую *терпимость* или *ремедіумъ*. Онъ означаютъ предѣлы, въ которыхъ дозволяется въ монетахъ уклоняться отъ указанной пробы. Подобный-же ремедіумъ допускается и для вѣса монетъ. Ясно, что всякая монета будетъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ тѣснѣе предѣлы ремедіума, и чѣмъ строже они соблюдаются^(*). По россійскимъ законамъ допускается: для золотыхъ монетъ терпимость въ $\frac{3}{4}$ доли, болѣе или менѣе указанаго вѣса, на кружокъ; для серебряныхъ: рублевой въ 3 доли, полтинной въ $2\frac{1}{2}$ доли, 25 и 20 копѣчной въ 2 доли, 10 и 5 копѣчной въ $1\frac{1}{2}$ долю^(**).

Нынѣ искусствомъ чеканить монету доведено въ Европѣ до высокой степени совершенства. Дурныя, полу-истертыя монеты, съ оттискомъ сбивчивымъ и неправильнымъ, неудовлетворительно гурченыя,

(*) Во Франціи ремедіумъ пробы въ серебряныхъ монетахъ допускается въ $\frac{5}{1000}$ свыше и ниже указанной пробы, въ золотыхъ $\frac{2}{1000}$. Ремедіумъ вѣса свыше и ниже указанаго для 20 франковыхъ золотыхъ $\frac{2}{1000}$, для 5 франковыхъ $\frac{3}{1000}$, для монетъ въ 1 и 2 франк. $\frac{5}{1000}$, для полу-франковъ $\frac{7}{1000}$ для, $\frac{1}{4}$ франковъ $\frac{10}{1000}$. Въ Англіи не допускается вовсе ремедіума ни въ пробѣ, ни въ вѣсѣ.

(**) Правила обѣ операций монетнаго двора, Высочайше утвержденныя 3-го Іюля 1845 г. статья 112.

удобныя къ обрѣзыванію и растворенію въ кислотахъ для нѣкотораго рода промышленниковъ, а частію и для фальшивыхъ монетчиковъ, съ каждымъ годомъ становятся рѣже, и замѣняются монетами отличной чеканки. Монетная фабрикація заимствуетъ у рѣзьбы и скульптуры красоту, правильность, монументальность оттиска; у механики, приборы, дѣйствующіе быстро, опредѣлительно, придающіе монетамъ почти математическое однообразіе и крайнюю точность. Еще недавно разрѣшена важная задача гурченія раздвижнымъ кольцомъ помощію монетоснительного пресса, гурченія, воздвигающаго неодолимую преграду противъ поддѣлыванія. Химія указала пропорціи примѣси, наилучше предохраняющія металль въ монетѣ отъ утирки. Еї же обязаны доведеніемъ пробирнаго искусства до крайней точности, и способами очищенія золотистаго серебра и серебристаго золота.

Опираясь на столь превосходныя матеріальныя средства и вопреки твердому убѣжденію въ томъ, что польза общая требуетъ соблюденія самой безусловной добросовѣстности въ изготавленіи монетъ, это искусство не можетъ однако безнаказанно пренебрегать совѣтами политической экономіи.

79. ОТНОШЕНИЕ МЕЖДУ КУРСОМЪ БЛАГОРОДНЫХЪ МЕТАЛЛОВЪ ВЪ СЛИТКЪ И ВЪ МОНЕТЪ.

Цѣнность настоящей монеты золотой и серебряной есть не что иное, какъ цѣнность металла, въ ней содержащаго. Ея курсъ, или рыночная цѣна, по

необходимости долженъ измѣняться вмѣстѣ съ цѣнной матеріала, или слитка, изъ котораго она изготовлена. Всякое уклоненіе монетной системы отъ этой аксіомы влечеть за собой важныя неудобства и затрудненія, поселяетъ сбивчивость въ мѣрителѣ цѣнностей.

Называя *рублемъ*, *франкомъ* или *талеромъ* извѣстное количество серебра опредѣленной пробы, *сувениромъ* или *дукатомъ*, извѣстное количество золота извѣстной же пробы, правительство нимало не измѣняетъ ихъ сущности: оно имѣеть въ виду только облегченіе мѣновыхъ сдѣлокъ. Превращая это количество металла въ кружокъ, выставляя на немъ надпись, гербъ свой или свою фирму, оно только обезпечиваетъ внутреннее достоинство монеты, имъ выпускляемой. Курсъ этой монеты, ея цѣна, отнюдь отъ него не зависитъ. Онъ опредѣляется курсомъ металла на всемирномъ рынке, если государство находится въ постоянныхъ и тѣсныхъ сношеніяхъ торговыхъ съ другими народами; или его курсомъ на внутреннемъ рынке, если оно живетъ особнякомъ. Если онъ повышается, то мѣновая цѣна всѣхъ другихъ товаровъ на монету всоразмѣрности дешевѣеть; напротивъ, она дорожаетъ, если курсъ металла, а следовательно и монеты, понижается. Никакія усилия, никакія мѣры не могутъ придать этому курсу безусловной неподвижности.

Нарцательная цѣна монеты, когда выражаетъ одно количество чистаго металла въ ней содержащаго, нимало не противорѣчитъ этому закону силы вещей. Напротивъ, сохрания неизмѣнно это значеніе посреди колебаній курса, она служила бы отлич-

нѣйшимъ масштабомъ цѣнности во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Еслибъ, со временеми Авраама донынѣ, всѣ народы постоянно употребляли одну подобную монету, то легко было бы составить себѣ ясное и точное понятіе, какъ о перемѣнахъ въ цѣнности золота и серебра, такъ и всѣхъ другихъ произведеній, не прибѣгая къ сухимъ и смутнымъ изысканіямъ археологіи и нумисматики.

Но монетныя постановленія не всегда ограничиваются названіемъ, опредѣленіемъ пробы, вѣса и наружнаго вида монетъ: онѣ иногда включаютъ въ нарицательную цѣну монетъ издержки ея фабрикаціи; иногда опредѣляютъ отношеніе между цѣнностію различныхъ металловъ, служащихъ матеріаломъ для монеты; иногда придаютъ одинаковую цѣну нарицательной монетамъ различного достоинства внутренняго, сливая ихъ въ одномъ общемъ наименованіи. Рано или поздно, подобныя мѣры могутъ нарушить равновѣсіе между курсомъ металла въ монетѣ и металла въ слиткѣ; а такъ-какъ онѣ обязательны для всѣхъ членовъ государства, и въ особенности для правительства, то послѣдствіемъ ихъ должны быть, съ одной стороны, водвореніе на общественномъ рынкѣ различныхъ мѣрителей цѣнности; съ другой, убытки для казны государственной.

Пояснимъ эти результаты нѣкоторыми подробностями, и во-первыхъ коснемся фасона монеты.

Превращеніе драгоценныхъ металловъ въ монету требуетъ издержекъ: необходимы администраторы, мастера, работники, помѣщеніе, машины, орудія, разные припасы. На кого должны пасть эти издержки? — по справедливости на общество, потому-что все

общество пользуется монетой; она переходитъ без-
престанно изъ однѣхъ рукъ въ другія; ее можно
уподобить телѣгѣ, перевозящей цѣнности изъ одного
круга собственности въ другой, и по своему назна-
ченію она походитъ на общеполезныя учрежденія,
подобныя дорогамъ, улицамъ. Приносящій золото
или серебро на монетный дворъ для превращенія
въ деньги, хотя и побуждается къ тому личными
видами, руководится однако потребностью обще-
ственной, болѣе нежели своей собственной. Такъ
разсуждаютъ правительства Россійскаго и англійскаго,
принимающія на себя, т. е. на счетъ всего государ-
ства, расходы монетнаго передѣла, и взискиваю-
щія съ вольноприносителей только плату издержекъ
на приведеніе металла въ указанную пробу.

Другія правительства придерживаются против-
ной методы, и взимаютъ плату за передѣлъ моне-
ты, то съ вольноприносителя, то съ самой монеты,
возвышая всоразмѣрности ея нарицательную цѣ-
ну. Первой системы взиманія придерживались въ
Испаніи, пока ей принадлежали американскія коло-
ніи. Умѣренный *сеныйореахе* (*señoreaje*) не можетъ
имѣть важныхъ неудобствъ въ странѣ, гдѣ разра-
ботываются рудники. Владѣтели рудниковъ, даже
безъ запрещенія вывозить золото и серебро въ слит-
кахъ, всегда охотно будутъ съ легкимъ пожертвова-
ніемъ превращать его въ монету. Но сеныйореахе
неумѣренный неминуемо долженъ служить отвра-
щеніемъ отъ приноса золота и серебра на монет-
ные дворы, и возбуждать пополненіе къ ихъ тай-
ному вывозу въ слиткахъ. Такъ, по замѣчанію Гум-

больдта, значительныя массы золота и серебра въ слиткахъ вывозились контрабандой изъ португальскихъ и испанскихъ колоній, когда метрополіи требовали слишкомъ высокой пошлины. За исключениемъ этого неудобства, отнюдь не маловажнаго, взисканіе сеньйореахе или *треты* (*traite*) съ приносителя не имѣеть иного вреднаго послѣдствія. Равновѣсіе между курсомъ металла въ монетѣ и металла въ слиткѣ не нарушается: нарицательная цѣна, приданная первому, становится *вровнѣ* (*au pair*) съ цѣной послѣдняго; фунтъ золота или серебра въ слиткѣ цѣною равняется фунту золота или серебра въ дублонахъ или піастрахъ.

Совсѣмъ другое происходитъ, когда взимается пошлина не съ приносителя, но съ самой монеты, какъ это дѣлается во Франціи и въ Бельгіи, гдѣ, за килограмъ серебра въ слиткѣ $\frac{9}{10}$ пробы, цѣною въ 200 фр., платятъ приносителю 990 граммовъ серебра въ монетѣ, которымъ придаютъ нарицательную цѣну въ 200 фран. Ясно, что внутреннее достоинство подобной монеты однимъ процентомъ ниже нарицательнаго. Если она обращается по нарицательной цѣнѣ внутри государства, то приноситель ничего не теряетъ отъ подобнаго вычета. Но онъ, или тѣ, къ кому перейдетъ путемъ сдѣлокъ монета, неминуемо должны потерять на ея курсѣ, когда вывезутъ ее за границу, гдѣ она обращается по ея внутреннему достоинству. Они потеряютъ также, если вновь перельютъ монету для превращенія въ слитокъ или въ какія либо издѣлія. Такимъ образомъ, на общественномъ рынкеъ являются два мѣрителя цѣнности: монета для

внутреннихъ сдѣлокъ, слитокъ для виѣшнихъ и для издѣлій изъ монетнаго матеріала.

Зашитники этой системы превозносятъ ее именно потому, что она препятствуетъ вывозу и переливанію монетъ. Нѣтъ никакой необходимости полагать преграду ни тому, ни другому. Всякое государство нуждается въ нѣкоторомъ количествѣ монеты, которое находится въ прямомъ отношеніи съ числомъ мѣновыхъ сдѣлокъ и въ обратномъ съ ихъ скоростью (§ 72). Если, вслѣдствіе какихъ-либо обстоятельствъ, количество монеты не соотвѣтствуетъ потребности, то курсъ ея повышается, и въ обращеніе, путемъ банкирской торговли, проникаютъ монеты иностранья. Напротивъ, если выпускается излишнее количество звонкой монеты, ея курсъ долженъ неминуемо понизиться, особенно въ случаѣ мѣръ, препятствующихъ вывозу излишка за границу или его превращенію въ издѣлія. Это происходитъ нынѣ во Франціи съ монетой серебряной, которой скопляются въ этомъ королевствѣ огромныя массы, явно превышающія потребность общественную, и причиняющія государству излишнюю издержку, подобную той, какую оно понесло бы отъ излишняго размноженія дорогъ и другихъ общественныхъ учрежденій (*).

(*) Послушаемъ что говоритъ французскій писатель *L. Faucher* объ этомъ предметѣ: «Французская монетная система не только благопріятствуетъ вывозу золота (которое оцѣнено слишкомъ слабо въ монетѣ), но она также слишкомъ поощряетъ привозъ серебра. Начало этой системы заключается въ неограниченной чеканкѣ монетъ (*tonnage illimité*).... Удержка, которой подвергаются драгоценные металлы при ихъ превращеніи въ монету, есть родъ привозной пошлины, стариннаго *сеньйореахе*. Она слишкомъ уменьшена во Франціи....

Монетный фасонъ безсомнѣнная заключаетъ въ себѣ цѣнность, ему собственно свойственную; но ему столь мало соотвѣтствуетъ полезности личной, индивидуальной, что эта цѣнность не можетъ быть принимаема въ разсужденіевъ частныхъ мѣновыхъ сдѣлкахъ. Правительство, принимая на себя фабрикацію монетъ, но относя ее на счетъ казны, поступаетъ не только согласно съ справедливостью, но отвращаетъ также неудобства, которыя можетъ причинить, какъ во внутреннихъ такъ и международныхъ сдѣлкахъ, включеніе въ нарицательную цѣну монеты элемента цѣнности, не вездѣ и не всегда признаваемаго.

Равновѣсіе между курсами металла въ слиткѣ и металла въ монетѣ нарушается неправильнымъ опредѣленіемъ отношенія между цѣнностію различныхъ металловъ, изъ которыхъ изготавляются монеты. Мы

Эта система, по замѣчанію г. Дюмаса и Колльмана, позволяющая владѣтелямъ американскихъ рудниковъ сбывать на французскихъ рынкахъ сколько имъ угодно серебра, по указанной таксѣ, обще съ запретительными мѣрами, закрывающими входъ во Францію иностраннымъ издѣліямъ, способствуетъ наводненію этого королевства огромными массами серебряной монеты.—Такъ-какъ потребленіе серебра не равняется его производству, то Франція, болѣе всѣхъ другихъ державъ увеличивающая свой серебряный резервъ, болѣе другихъ также понесетъ убытку отъ неминуемаго упадка въ курсѣ этого металла.—Этотъ упадокъ уже начинаетъ ощущаться: вездѣ онъ оказывается въ относительномъ повышеніи курса золота. Но онъ наиболѣе чувствителенъ во Франціи въ сильномъ повышеніи рыночной цѣны товаровъ. Рабочія сословія первыя терпятъ отъ этой дороговизны, потому-что задѣльная плата не вдругъ уравновѣшивается вмѣстѣ съ другими цѣнностями. Такимъ образомъ мы (Французы) ежегодно накопляемъ цѣнность, которая испаряется въ нашихъ рукахъ, и помѣрѣ я ввоза ослабляетъ прочность и цѣнность ходячей монеты. Промышленный народъ не могъ сдѣлать спекуляціи менѣе удачной. (Un peuple commerçant ne pouvait pas faire une plus détestable spéculation) См. *Recherches sur l'or et l'argent. Paris 1843 p. 40, 53, 56, 59.*

уже видѣли, это отношеніе подвержено измѣненіямъ: при каждомъ изъ нихъ, нарицательная цѣна металла, слабо оцѣненнаго, становится ниже его внутренняго достоинства; явная выгода побуждаетъ спекуляторовъ обмѣнивать на монетныхъ дворахъ монету изъ металла, слишкомъ высоко оцѣненнаго, на ту, которая оцѣнена слабѣе, и вывозить или переливать послѣднюю въ слитки. Въ такомъ случаѣ государство терпитъ двоякій убытокъ: на потерѣ фасона, и на потерѣ разности между курсомъ слитка и курсомъ монеты. Всего лучше предоставить теченію дѣлъ опредѣленіе этого отношенія, и ограничиться признаніемъ законною и государственною монетою одного изъ двухъ металловъ: золота или серебра, какъ это дѣлается въ Англіи, гдѣ законными монетами считаются однѣ только золотыя. Слишкомъ низкая оцѣнка золота, въ монетной системѣ Франціи, служитъ поводомъ къ безпрестанному вывозу изъ этого королевства монеты золотой, и напротивъ къ чрезмѣрному пріливу монеты серебряной (*). Въ Бельгіи, гдѣ принятая съ 1832 года французская монетная система, до селѣ еще не выпущено ни одной золотой монеты. И неудивительно: при постановленномъ отношеніи серебра къ золоту какъ $\frac{1}{15\frac{1}{2}}$, тогда-какъ торговое отношеніе есть какъ $\frac{1}{15\frac{3}{4}}$ на каждой 20-ти франковой монетѣ правительство или вольноприноситель долженъ терять около 20 сантимовъ, что составляетъ около 100,000 фран. на 10,000,000.

(*) Можно осуществить около $1\frac{1}{2}\%$ выгода на вывозѣ золота изъ Франціи въ обмѣнъ на серебро. (*Rapp. de MM. Dumas et Colmont la Commission des monnaies, Paris 1840*).

Отъ утирки, монеты теряютъ нѣкоторую часть своего вѣса. Мы видѣли, что ежегодная утирка золота не превышаетъ $\frac{1}{800}$, тогда, какъ утирка серебра простирается до $\frac{1}{200}$. Къ этому присоединяются не-законныя дѣйствія обрѣзыванія, стиранія и пропусканія монетъ сквозь кислоты, чего не могутъ предупредить самые строгіе законы. Такъ въ обращеніи всегда находится нѣкоторое количество монетъ истертыхъ, маловѣсныхъ, которыхъ нарицательная цѣна выше ихъ внутренняго достоинства. Чрезмѣрное размноженіе подобной монеты должно неминуемо понизить ея курсъ ниже нарицательной цѣны, и въ этомъ пониженіи увлечь за собой курсъ монеты полновѣсной. При заключеніи сдѣлокъ, всякий имѣеть въ виду монету, упавшую курсомъ, и никто не рѣшается сдѣлать исключеніе впользу монеты новой. Этого довольно для побужденія къ вывозу и переливанію послѣдней.

По свидѣтельству *A. Смита* (*) въ Англіи долго терпѣли отъ подобнаго недостатка въ монетной системѣ. Золотыя монеты тамъ безпрестанно обрѣзывались, и такъ-какъ ихъ не извлекали изъ обращенія, то онѣ понижали цѣну золота въ монетѣ, и спекуляторы находили выгоду переливать полновѣсныя гинеи для продажи ихъ въ видѣ слитковъ на самые монетные дворы. То была, по выраженіи *A. Смита*, настоящая пленелопина работа. Въ концѣ XVIII-го столѣтія серебряная монета была до того истерта и маловѣсна, что ходила 8 процентами ниже своеї нарицательной цѣны. Тогда монетный дворъ

(*) *A. Smith:-Richesses des nations.*

лондонскій едва успѣвалъ выпустить новыя полно-
вѣсныя серебряныя монеты, какъ ихъ немедленно
превращали въ слитки для продажи по ихъ настоя-
щей цѣнѣ. Эти неудобства побудили къ изданію въ
1774 году закона, которымъ вмѣнено въ обязанность
расчеты свыше 25 фунтовъ стерлинговъ производить
не иначе какъ на вѣсъ. Впослѣдствіи настоящія се-
ребряныя монеты вовсе отмѣнены въ Англіи, и толь-
ко небольшое количество этихъ денегъ обращается
тамъ нынѣ, какъ монета нарицательная, или бильйонъ.

Для предупрежденія подобнаго упадка въ цѣнѣ мо-
нетъ, другого средства нѣтъ, какъ извлекать по воз-
можности изъ обращенія монеты истертыхъ и мало-
вѣсныя. Принимая подобныя деньги по ихъ цѣнѣ на-
рицательной, монетный дворъ несетъ явные убыт-
ки: но отнесеніе этого убытка на счетъ всего госу-
дарства вполнѣ согласно съ справедливостью, потому-
что все государство участвовало въ ихъ подержа-
ніи. Ничто не препятствуетъ, впрочемъ, правитель-
ству воспользоваться упадкомъ курса истертой мо-
неты для возвращенія ея въ свои кассы, по низкой
цѣнѣ. Назначеніе сроковъ для представленія къ об-
мѣну монетъ истертыхъ много ускоряетъ ихъ извле-
ченіе изъ обращенія, и избавленіе рынка обществен-
наго отъ неудобнаго присутствія двухъ разнород-
ныхъ мѣрителей цѣнности.

Равновѣсіе между курсомъ металла въ монетѣ и
металла въ слиткѣ можетъ еще быть нарушено из-
лишнимъ выпускомъ монеты. Но, какъ мы уже замѣ-
тили, въ такомъ случаѣ равновѣсіе быстро возста-
новляется переливаньемъ и обращенiemъ въ издѣлія

или вывозомъ за границу излишняго количества монеты. Оно можетъ быть затруднено запрещеніями, страхомъ наказаній: но чувство личной выгоды преодолѣваетъ всѣ эти препятствія.

На внутреннемъ рынкѣ какого-либо государства, звонкая монета можетъ иногда пользоваться курсомъ выше курса металла въ слиткѣ, то вслѣдствіе включенія въ ея нарицательную цѣну расходовъ передѣла, то вслѣдствіе случайной или искусственной рѣдкости монеты; но эта разность изчезаетъ, едва монета поступить въ обращеніе международное. Тутъ она разсматривается какъ слитокъ, и ея курсъ единствен-но зависитъ отъ количества чистаго металла, въ ней содержащаго. Однотолько это количество принимается въ расужденіе когда дѣло идетъ о сравненіи цѣнности монетъ различныхъ государствъ, или ея переложеніе въ единицы какой-либо изъ нихъ, короче о постановленіи *денежнаго курса*. Можно указать однако примѣры монетъ иностранныхъ, которыя пользуются особыннымъ предпочтеніемъ въ нѣкоторыхъ государствахъ, и которыхъ курсъ держится выше слитка. Это явленіе объясняется бѣдностью или неудовлетворительностью монетъ народныхъ. Такъ до ПЕТРА В. въ нашемъ отечествѣ обращалось множество золотыхъ и серебряныхъ монетъ иностранныхъ, которыя естественно предпочитались дурно чеканеннымъ, разнопробнымъ, сбивчивымъ россійскимъ деньгамъ того времени, и держались курсомъ выше металла въ слиткахъ. Такъ еще нынѣ пользуются особыннымъ предпочтеніемъ въ Германіи голландскіе червонцы.

80. МОНЕТЫ НАРИЦАТЕЛЬНЫЯ: РАЗМЪИННЫЙ.

Употреблениe нарицательныхъ монетъ распространилось особенно въ послѣднія два столѣтія: но оно было извѣстно также древнимъ народамъ. О нихъ упоминается въ дошедшихъ донасъ сочиненіяхъ Аристотеля (*). Знаменитый историкъ Геренъ (**) открылъ, что у Карфагенянъ обращалась монета изъ кожи, заключавшей въ себѣ какой-то особенный составъ, вѣроятно для затрудненія фальшивой поддѣлки. Баронъ Шодуаръ (***) приводитъ множество другихъ примѣровъ нарицательныхъ денегъ, ходившихъ въ Европѣ и въ Азіи до XVI-го столѣтія, и между прочимъ говоритъ о коженныхъ значкахъ, служившихъ такою монетою въ Россіи, и доселѣ еще сохранившихся въ Лифляндіи и Эстляндіи, гдѣ, правда, коженые марки обращаются въ городскихъ общинахъ, не выходя изъ предѣловъ подвѣдомственного имъ околотка.

Основаніе цѣнности монеты нарицательной, которой достоинство именное всегда болѣе или менѣе превышаетъ достоинство внутреннее, заключается, какъ мы уже замѣтили, въ общественномъ довѣріи, которымъ она пользуется. Она принимается и отдается въ обмѣнъ за цѣнности самыя существенные, за всякого рода товары и услуги, потому-что, и пока, между членами общества господствуетъ убѣждение

(*) См. его Экономики.

(**) *Heeren: Ideen über die Politik, den Werker und den Handel der Vornehmster Völker der alten Welt*, T. II. p. 164.

(***) Бар. Шодуаръ. *О русскихъ деньгахъ*. Т. I гл. I въ русскомъ переводе.

ніе, что всѣ признаютъ ея цѣнность условную, и всякий готовъ ее принимать какъ товаръ. Вместѣ съ этой увѣренностью ослабляется, или вовсе исчезаетъ, цѣнность подобной монеты.

Нельзя смѣшивать нарицательныхъ или условныхъ денегъ (иногда называемыхъ *monnaie de confiance*) съ кредитивами въ собственномъ значеніи слова, векселями, банковыми билетами, государственными облигациями и т. п. Послѣдніе содержать въ себѣ обѣщанье, которымъ известное лицо нравственное, или недѣлимое, обязуется уплатить въ опредѣленный срокъ или по предъявленію означенную въ документѣ сумму ходячей монеты. Они могутъ конечно обращаться, какъ монеты, но цѣнность ихъ вся проистекаетъ изъ личного довѣрія къ той особѣ, которая ихъ выдаетъ на себя. Подобного обязательства отнюдь не предполагаетъ монета нарицательная: ни покупатель, который ею уплачиваетъ, ни продавецъ, ее принимающій, не разсматриваютъ ея какъ вексель, но какъ знакъ цѣнности, который можно по произволу промѣнять на цѣнности настоящія, не въ опредѣленномъ мѣстѣ и въ опредѣленный срокъ, но всегда и всякому. Если это кредитивъ, то кредитивъ выданный на все общество, и ему соответствуетъ безмолвное признаніе всѣхъ членовъ общества, никѣмъ лично не выражаемое, но всѣми подразумѣваемое.

Подобныя монеты, особенно *добавочные* или *разменные*, могутъ иногда возвращаться на рынокъ общественномъ силой обычая, такъ точно какъ и монета настоящая. Но онѣ приемлютъ законное и опре-

дѣленное значеніе тогда только, когда выпускаются, или по-крайней мѣрѣ, утверждаются правительствомъ, представителемъ власти общественной. Оно одно только можетъ распространить употребленіе нарицательныхъ денегъ, и доставить выгоды, сопряженныя съ подобнымъ употребленьемъ, избѣгнувъ опасностей и неудобствъ, которыми съ другой стороны это употребление угрожаетъ государству.

Ясно, что всякая монета нарицательная, созданная обычаемъ или законами даннаго государства, можетъ обращаться только на его внутреннемъ рынке, или въ предѣлахъ довѣрія народнаго, ей соотвѣтствующаго. Подобно деньгамъ золотымъ и серебрянымъ, она не заключаетъ въ самой себѣ обезпеченія своей цѣнности; подобно кредитивамъ она не обезпечивается личнымъ и ясно выраженнымъ обязательствомъ, и должна превратиться въ дымъ, въ ничто, едва исторгнута изъ круга народности, ее признающей.

Польза нарицательныхъ монетъ несомнѣнна. Однако между ними должно различать *необходимыя* отъ тѣхъ, которые только *полезны*. Къ первымъ мы причислимъ *размѣнныя* или *добавочныя деньги*, обыкновенно изъ простыхъ, малоцѣнныхъ металловъ изготавляемыя, ко вторымъ *бумажныя деньги*. Займемся сначала первыми.

Золото и серебро, раздробленныя на самыя мелкія части, не теряютъ своей внутренней цѣнности, но съ трудомъ сохраняются и болѣе подвержены утиrkѣ. Ктому-же, ихъ относительная цѣна столь

высока в сравнении съ множествомъ другихъ товаровъ, что, для додачи небольшихъ суммъ въ покупкахъ и, вообще, для мелкихъ мѣновыхъ сдѣлокъ, надлежало бы употреблять частицы почти микроскопической, ускользающей отъ осязанія и даже зрѣнія. Какіе кошельки могли бы сохранить серебряные сантимы или денежки указанной пробы, не говоря уже о золотыхъ? эти атомы серебра, едва примѣтные, безпрестанно терялись бы невозвратно, и какія машины могли бы изобразить на нихъ клеймо, означающее ихъ вѣсъ, пробу и название?...

Для изготошенія мелкой размѣнной монеты необходимо прибѣгнуть къ употребленію простого металла. Мѣдь представляетъ къ тому наиболѣе удобствъ, какъ потому, что при помощи нѣкоторыхъ примѣсей лучше другихъ сохраняется, такъ и потому что изъ всѣхъ твердыхъ простыхъ металловъ содержитъ въ себѣ наиболѣе цѣнности.

Можно конечно изготавлять изъ мѣди монетные кружки, по вѣсу и по чистотѣ металла содержащіе внутреннее достоинство соотвѣтственно нарицательному, но кромѣ громоздкости, подобная размѣнная монета-товаръ изъ мѣди сопряжена съ другими важнѣйшими неудобствами. Въ монетной системѣ легко избѣгнуть законнаго опредѣленія отношенія между курсомъ золота и серебра, избравъ какой-либо одинъ изъ этихъ металловъ; — отношеніе между курсомъ серебра или золота и курсомъ мѣди въ монетѣ необходимо должно быть постановлено. Послѣдняя служитъ для дополненія суммъ вычисляемыхъ на серебро: малѣйшая сбивчивость, малѣйшая неопредѣ-

лительность въ ея относительной цѣнности лишаетъ народъ всѣхъ выгодъ размѣнной монеты. Но курсъ мѣди не опредѣляется, подобно курсу металловъ драгоцѣнныхъ, вліяніемъ постояннаго всемірного требованія; онъ преимущественно зависитъ отъ запроса, на нее предъявляемаго, какъ на матеріалъ для различныхъ промысловъ; запроса перемѣнчиваго, подверженаго внезапнымъ упадкамъ, какъ и внезапнымъ усиленіямъ. Предложеніе мѣди не заключается также въ предѣлахъ немногихъ странъ: оно можетъ усиливаться въ пропорціи, далеко превосходящей возможныя усиленія въ добываніи золота и серебра. Отъ этого частыя нарушенія равновѣсія между постановленнымъ курсомъ мѣди въ монетѣ и мѣди въ слиткахъ неизбѣжны. Если курсъ послѣдней становится выше первой, то представляется явная выгода къ поддѣлыванію мѣдной монеты, къ ея обмѣну на серебряную или золотую, и къ вывозу или переливанію послѣдней. Если происходитъ противное, то открывается выгода къ переливанію мѣдной монеты въ слитки и къ ея продажѣ въ этомъ видѣ (*). Во всякомъ случаѣ, общество терпитъ ущербъ и не имѣетъ хорошей, неизмѣнной курса размѣнной монеты.

Правительство избѣгаетъ этихъ неудобствъ и убытковъ, изготавляя изъ мѣди монету условной

(*) Такъ, напримѣръ, было въ Россіи между 1801 и 1810 годами, когда у насъ чеканили мѣдную монету по 16 руб. сер. изъ пуда мѣди, тогда-какъ рыночная цѣна мѣди въ слиткахъ держалась постоянно въ 17, 18 и $18\frac{1}{2}$ руб. сер. за пудъ. Евреи осуществили тогда огромные барышы на переливаніи мѣдныхъ монетъ въ слитки, и на ихъ продажѣ въ этомъ видѣ внутри имперіи или за границей. (*Storch T. IV tab. VIII*).

цѣнности, и выпуская ее какъ таковую единственную для добавочныхъ платежей, или размѣновъ по цѣнѣ ниже достоинства самой малой монеты серебряной. Пока количество этихъ денегъ будетъ соотвѣтствовать потребностямъ обращенія, ихъ курсъ будетъ держаться вровень съ курсомъ монеты настоящей, именно потому, что онѣ необходимы. Всякій будетъ ихъ принимать въ доплату по ихъ цѣнѣ нарицательной, не заботясь о томъ, во сколько разъ онѣ ниже этой цѣны ихъ внутреннимъ достоинствомъ, потому что всякий увѣренъ, что всѣ другіе также принуждены ихъ принимать въ условіяхъ, закономъ опредѣленныхъ. Кромѣ того, на выпускъ подобной монеты правительство осуществляетъ доходъ, который не причиняетъ никакого пожертвованія подданнымъ, а между тѣмъ обращается въ пользу казны государственной.

Двѣ опасности сопряжены однако съ употреблениемъ мѣдной монеты нарицательной для мелкихъ размѣновъ. Одна заключается въ фальшивомъ поддѣливаніи; другая въ упадкѣ ея курса, въ случаѣ чрезмѣрнаго размноженія.

Поддѣлка тѣмъ опаснѣе, чѣмъ выше приданная цѣна мѣдной монетѣ. Она угрожаетъ не только со стороны преступниковъ, внутри самого государства дѣйствующихъ, но также со стороны фальшивыхъ монетчиковъ иностранныхъ. При Императрицѣ Екатеринѣ I, когда изъ пуда мѣди, стоявшаго тогда въ слиткахъ около 10 руб. серебр., чеканили 40 руб. монеты, отечественные рынки были наводнены поддѣльной монетой, которая провозилась тайно Евре-

ями изъ Польши, Литвы и Швеціи. По мнѣнію гра-
фа Миниха, тогда въ Россіи свыше 5 мильйоновъ
рублей, выпущенныхъ правительствомъ, обращалось
болѣе 6 мильйоновъ поддѣльной мѣдной моне-
ты (*). Строгость законовъ устрашаетъ фальшивыхъ
монетчиковъ внутри государства. Таможенный над-
зоръ предохраняетъ его отъ ввоза чужеземной мѣд-
ной монеты. Предупрежденію поддѣлки много спо-
собствуетъ также совершенство чеканки, красота от-
тисковъ, крайняя точность въ соблюденіи однажды
принятаго вида, діаметра, вѣса монетъ и чистоты
матеріяла. Дороговизна аппаратовъ не должна от-
вращать правительства отъ ихъ употребленья, если
въ немъ заключается какое-либо новое обеспеченіе.
Въ этомъ отношеніи монетотиснительные пресы,
которые тиснятъ монету и въ тоже время гуртятъ
ее надписью, помошію раздвижного кольца, могутъ
разматриваться какъ самые удовлетворительные,
именно потому-что они также самые дорогіе.

Трудно опредѣлить съ точностью количество мел-
кой размѣнной монеты, въ которомъ нуждается на-
ція. Оно должно быть значительнѣе тамъ, гдѣ на-
родъ бѣднѣе, гдѣ болѣе совершается малыхъ поку-
покъ. По этой причинѣ Россія болѣе нуждается въ раз-
мѣнной монетѣ, нежели Германія; Германія, нежели
Англія. Мѣстныя наблюденія всего лучше позволя-
ютъ сообразить пропорцію, въ которой долженъ дер-
жаться выпускъ подобной монеты. Во всякомъ слу-
чаѣ, всего болѣе надлежитъ остерегаться его преу-
величенія. Едва количество мѣдной монеты въ обра-

(*) Бар. Шодуарѣ. О русскихъ деньгахъ. Т. I.

щенії начинаетъ превышать потребность, наполнять въ чрезмѣрномъ изобиліи кассы торговцевъ и мѣнялъ, и съ трудомъ сбываться путемъ мелкихъ размѣновъ, ея курсъ упадаетъ ниже курса монеты золотой или серебряной, которую она представляетъ; на рынкахъ появляются два разные мѣрителя цѣнностей; работники не соглашаются принимать въ уплату мѣдныя деньги; таксы, закономъ установленные для нѣкоторыхъ продуктовъ, выражаются различно, смотря по монетѣ, которою за нихъ платятъ; отъ этого споры, замѣшательства, несогласія. Но всего болѣе терпитъ правительство, которое не можетъ не принимать мѣдной монеты по ея нарицательной цѣнѣ, и теряетъ на доплатахъ въ податяхъ, пошлинахъ и налогахъ.

Если для поддержанія курса мѣдной монеты, упавшаго отъ излишняго выпуска, власть общественная прибегаетъ къ мѣрамъ законнымъ, насильственнымъ; уполномочиваетъ всякого платить мѣдью сполна, или, по крайней мѣрѣ, часть покупки или долга, то упадокъ въ курсѣ мѣдной монеты простирается въ значительной степени и на курсѣ монетъ настоящихъ, золотыхъ и серебряныхъ. Она дѣйствуетъ на послѣдній, какъ монета истертая или маловѣсная. Для избѣжанія потерь, всѣ сдѣлки вычисляются по курсу упавшихъ денегъ, хотя расплата и произвѣдилась бы хорошей монетой; или подъ каждой наружной сдѣлкой скрывается тайная.

Тогда-то дѣятельно производится вывозъ или переливаніе монеты золотой и серебряной, покупаемой рядомъ на упавшую въ курсѣ монету мѣдную, и

государство вдругъ остается при одной послѣдней. Монетные дворы тщетно выпускаютъ массы золотыхъ и серебряныхъ денегъ: эти массы немедленно скрываются или въ тиглѣ переливщиковъ, или въ чемоданахъ и карманахъ отъѣзжающихъ. Такъ въ Россіи, около 1730 года, оказался повсемѣстный недостатокъ въ драгоценныхъ металлахъ, вслѣдствіе излишняго размеженія мѣдной монеты съ одной стороны правительствомъ, а съ другой спекуляторами, привозившими поддельную монету изъ за-границы (*).

Все вышесказанное относится также къ монетамъ *бильоннымъ*, изъ низкопробнаго серебра, которымъ придается обыкновенно нарицательная цѣна выше внутренняго достоинства и размѣнное назначеніе. Ихъ обращеніе основано также на общественномъ признаніи. Для поддержанія ихъ курса вровень съ монетой настоящей, необходимы также умѣренность выпуска и строгія мѣры противъ фальшивой поддельки.

Въ некоторомъ отношеніи, *бильонъ* представляетъ болѣе опасности, нежели мѣдная монета. Ему придается обыкновенно цѣнность гораздо значительнѣйшая, чѣмъ послѣдней; при сдѣлкахъ на важныя суммы, его курсъ легче укрывается отъ наблюденія; можно скорѣй сдѣлать ошибку въ выпускѣ *бильонныхъ* денегъ, нежели мѣдныхъ; кому-же, онъ легче поддельваются и представляютъ болѣе выгодъ фальшивымъ монетчикамъ (**). Наконецъ, на *биль-*

(*) *Бар. Шодуаръ* *ibid.*

(**) *Шторхъ* приводитъ въ примѣръ короля сардинскаго (въ концѣ

онъ, государство несетъ немаловажную потерю отъ утирки, которой не причиняетъ ему мѣдь въ такой степени.

Тамъ, гдѣ монетная система основана на золотѣ, т. е. гдѣ оно разсматривается какъ единственный прототипъ цѣнности, для избѣжанія крайности опредѣлять отношеніе между этимъ металломъ и серебромъ, послѣднее съ выгодою превращается въ размѣнныя билльонныя деньги. Повысивъ нѣсколько пробу этихъ монетъ и, въ особенности, обращая вниманіе на превосходство чеканки, правительство можетъ существенно оградить себя противъ фальшивой поддѣлки. Таковъ нынѣ порядокъ, господствующій въ Англіи, гдѣ серебряныя деньги обращаются какъ размѣнныя, и образуютъ билльонъ, содержащий семь частей серебра и три части мѣди.

81. БУМАЖНЫЯ ДЕНЬГИ.

Монеты мѣдныя, билльонныя, видомъ по крайней мѣрѣ походятъ на звонкія монеты настоящія; кому-же онѣ заключаютъ въ себѣ нѣкоторую цѣнность внутреннюю, цѣнность матеріала, изъ котораго изготовлены, и ниже ея не можетъ упасть ихъ курсъ. Мѣдь въ монетѣ всегда будетъ стоять того, или почти того, чего она стоитъ въ слиткахъ, такъ точ-

XVIII стол.), который желая извлечь изъ обращенія билльонъ, выпущенный его отцемъ въ ненастныя времена, выкупилъ количество втрое превышавшее выпускъ. Фридрихъ Великій потерпѣлъ также убытокъ и по тѣмъ-же самимъ причинамъ, когда, подъ именемъ Еврея Ефраима, велѣлъ извлечь изъ обращенія билльонъ имъ выпущенный въ Саксоніи во время семилѣтней войны (*Cours d'Econ. pol. T. IV. Paris*).

но, какъ и не можетъ совершенно испариться цѣнность бильёна, содержащаго серебро и мѣдь. Никакой внутренней цѣнности не содержитъ въ себѣ монета-знакъ, заимствующая всю свою цѣнность отъ общественнаго признанія, отъ всеобщаго согласія принимать ее и хранить какъ знакъ другихъ цѣнностей, который по произволу и немедленно можетъ быть путемъ обмѣна превращенъ въ товары, по цѣнѣ, соответствующей его нарицательному достоинству.

Главное назначеніе монеты размѣнной—замѣнить слишкомъ мелкія дроби монеты настоящей, служить орудіемъ мелочныхъ сдѣлокъ мѣновыхъ. Бумажныя деньги замѣняютъ самую монету настоящую; ихъ нарицательная цѣна не ограничивается малыми суммами или дробями монетной единицы, но представляеть, напротивъ, суммы самыя значительныя. Въ этомъ нельзя не открыть одного изъ ихъ преимуществъ: онѣ занимаютъ менѣе мѣста, нежели серебро и даже золото; легче могутъ быть укрыты, сохраниены въ безопасности; удобнѣе переносятся и пересылаются изъ одного мѣста въ другое. Если бъ эти клочки бумаги обеспечивали сами собой цѣнность, ими выражаемую, то безсомнѣнныя люди предпочитали бы ихъ всѣмъ другимъ монетамъ. Но цѣнность ихъ есть только условная; она придается имъ властью общественной; ею-же можетъ быть уничтожена и, что еще хуже, можетъ пошатнуться, упасть и даже вовсе уничтожиться, независимо отъ ея воли и въ противность ея желанью и усиліямъ, вслѣдствіе обстоятельствъ или неосторожныхъ мѣръ.

Въ удобоподвижности не заключается единственная польза бумажныхъ денегъ: ихъ введеніе въ государственное обращеніе можетъ быть сопряжено съ другими важными выгодами. Золотая и серебряная монеты вездѣ занимаютъ значительный капиталъ народный, не приносящій никакой другой пользы промышленности и требующій дорогого поддержанія. Замѣнивъ этотъ капиталъ бумажною монетой, государство можетъ обратить его на разныя общеполезныя учрежденія, на оживленіе промышленности. Во Франціи вовсе нѣтъ бумажныхъ денегъ: количество еязвонкой монеты оцѣниваются въ $3\frac{1}{2}$ билльона фр.: этой суммы достаточно было бы на покрытие королевства желѣзными дорогами, которые приносили бы по-крайней мѣрѣ 5% доходу предпринимателямъ, не говоря о движениіи, какое сообщили бы торговымъ и всѣмъ другимъ промысламъ. Нынѣ же эти 3 билльона съ половиной поглощены обращенiemъ, или покоятся въ кассахъ банкировъ, и не только ничего не приносятъ государству, но еще ежегодно теряется, отъ утирики, $\frac{1}{200}$ часть монеты серебряной и $\frac{1}{500}$ золотой, т. е., какъ мы уже замѣтили, около 30 миллионовъ франковъ.

Крайность побудила большую часть народовъ европейскихъ прибѣгать къ выпуску бумажныхъ денегъ, и эта монета оказала всѣмъ услуги несомнѣнныя, великия, пока умѣли ею пользоваться осторожно и умѣренно. Она-то, въ теченіе 26-ти лѣтняго періода ея существованія въ Англіи (съ 1797 по 1821 годъ) (*), позволила этому государству выдер-

(*) Бумажная монета въ Англіи произошла изъ билетовъ лондон-

жать смертельную борьбу съ Наполеономъ и содѣйствовала низложению столь опаснаго врага. Безъ ея помощи гдѣ нашла бы Англія тѣ мильёны, которыми поддерживала континентальную коалицію. Въ бумажныхъ деньгахъ, Австрія (*) и Пруссія (**) снискали средства поддержать свою независимость посреди бѣдственныхъ войнъ, пmi претерпѣнныхъ въ

скаго банка, который въ 1797 съ разрѣшеніемъ парламента прекратилъ ихъ платежъ золотою монетой. Трудныя обстоятельства, въ которыхъ находилось тогда правительство, бывшее постоянно въ долгу у банка, оправдываютъ эту крайнюю мѣру. Патріотизмъ англичанъ поддерживалъ курсъ банковыхъ билетовъ, превратившихся въ бумажные деньги; онъ постоянно стоялъ паравнѣ съ курсомъ золота, и ноколебался только около 1813—1816 годовъ, вслѣдствіе чрезмѣрнаго размноженія провинціальныхъ банковъ.

(*) Размѣнъ билетовъ вѣнскаго банка (*Banco-Zettel*) на звонкую монету прекратился съ 1797 года. Въ 1802 ихъ считалось уже на 706 мильйоновъ флориновъ, а въ 1809, вслѣдствіе выпусковъ, причиненныхъ военными потребностями они простирались до огромной суммы 1.060.000.000 флор. Постепенно упадалъ, курсъ ихъ въ 1811 году понизился впятеро противъ звонкой монеты. Въ февралѣ 1812, билеты *Banco-Zettel* обмѣнены на т. н. *Wiener-Woehrung*, считая по 20 флориновъ новыми на 100 флор. старыми. Въ юнѣ мѣсяцѣ того-же года, новыя бумажные деньги уже упали до 180 флор. за 100 монетъ, и мало по малу понизились на 400 %. Въ 1813 и 1814 выпущено новой бумажной монеты *Anticipations-Scheine* на 500 милл. флор. Въ 1815 она упала до 355 %. Большого труда стоило правительству австрійскому выкупить всю эту бумажную монету, которой въ 1841 году оставалось въ обращеніи не болѣе какъ на 4.300.000 флор. (*Tegoborsky. Des Finances de l'Autriche* T. I. Ch. II.).

(**) При взятіи Берлина Французами въ 1806, берлинскій банкъ, основанный въ 1765 году, прекратилъ платежъ своихъ билетовъ, которые на нѣсколько времени превратились въ бумажную монету. Въ то-же время выпущены т. н. *Tresor-Scheine*, а въ 1811 *Steuer-Anweisungen und gestempelte Tresorscheine*. Благоразумная умѣренность прусскаго правительства предупредила упадокъ въ курсѣ этихъ бумажныхъ денегъ, которые извлечены изъ обращенія послѣ парижскаго мира. (*Storch. T. IV* р. 189—190).

началъ нынѣшняго столѣтія. Сама Испанія прибѣгала къ бумажной монетѣ даже въ тѣ времена, когда владѣла еще Мехикою и Перу. Ея *Vales* замѣнили піастры, когда привозъ ихъ прекратился изъ Новаго свѣта; но, неблагоразумно размноженные, эти знаки утратили большую часть своей цѣнности въ рукахъ легкомысленнаго правительства, привыкшаго утопать въ золотѣ и серебрѣ (*). Наше отечество также снискивало не разъ драгоцѣнное пособіе въ выпускѣ ассигнацій (**).

Конечно благосостояніе народовъ мало выиграло отъ употребленія, которое сдѣлано изъ металлическаго фонда, доселъ замѣненнаго бумажной монетой въ державахъ европейскихъ. Онъ большей частью послужилъ на поддержаніе кровопролитныхъ войнъ, на подавленіе или ослабленіе однѣхъ государствъ, на усиленіе и разширеніе владѣній другихъ. Но что стало бы съ тѣми изъ этихъ державъ, которыя, посреди могучихъ событий, увлекавшихъ и слабыхъ и сильныхъ, и благоразумныхъ и честолюбивыхъ, не нашли бы опоры въ этомъ пособії?—Хорошо, безсомнѣнно, надѣлять страну общеполезными учрежденіями, дорогами, каналами, способствовать удобренію ея земель,—но хорошо также, а можетъ-быть и лучше, въ иныхъ случаяхъ сохранить независимость отечества, усилить его могущество и его политический вѣсь.

Выпускъ бумажныхъ денегъ совершается очень

(*) Въ 1805 году испанскія *Vales* теряли 58 %. См. описание этой бумажной монеты въ сочиненіи Шторха (Т. IV. р. 180—185).

(**) См. Примѣчаніе 8-е.

просто. Если правительство береть на самое себя это дѣло, то платить бумажной монетой государственнымъ служителямъ, казеннымъ подрядчикамъ, государственнымъ кредиторамъ и т. п. Если-жъ оно возлагаетъ эту операцио на частное предпріятіе, какъ то произошло въ Англіи, гдѣ съ 1797 по 1820 правительство поручало выпускъ лондонскому банку, то ему разрѣшается уchetъ векселей и торговыхъ кредитивовъ бумажной монетой, равно какъ и размѣнъ, на эту монету слитковъ золота и серебра. Для приданія немедленно хода бумажнымъ деньгамъ, правительство обыкновенно объявляетъ, что принимаетъ ихъ по нарицательной цѣнѣ вровень съ золотыми или серебряными, во всѣхъ платежахъ ему слѣдующихъ. Такъ-какъ вездѣ казна есть кредиторъ всѣхъ членовъ общества, обязанныхъ платить ей налоги, то подобной мѣры весьма достаточно для поддержанія курса бумажныхъ денегъ, особенно если правительство пользуется довѣріемъ и привязанностью народными.

Въ случаѣ, если, недовольствуясь подобнымъ сравненiemъ бумажной монеты съ настоящею въ казенныхъ платежахъ, правительство не принимаетъ иначе платежей, какъ бумажною, то этимъ оно можетъ даже поднять курсъ послѣдней выше звонкой. Оно создастъ сильный искусственный запросъ на бумажные деньги, вслѣдствіе котораго онъ будутъ пользоваться преміей или ложемъ, какъ мы недавно были тому свидѣтелями въ Россіи, гдѣ число ассигнацій съ 1812 по 1839 не было увеличено, тогда какъ податная населенность и вообще сумма налоговъ и по-

дрядовъ, ассигнаціями платимыхъ, съ каждымъ го-
домъ умножалась.

По-мѣрѣтого, какъ выпускаются бумажныя деньги, правительство можетъ располагать на виѣшнія издержки военные, или на уплату иностранного долга, соотвѣтствующею выпуску суммою звонкой монеты, получаемой имъ путемъ налога. Оно можетъ также употребить эту сумму на разныя издержки внутреннія, еще полезнѣйшія. Такова была цѣль Императрицы Екатерины II, когда, при основаніи С. Петербургскаго заемнаго банка, выпущено было сперва на 60 миллионовъ руб. сер. ассигнацій подъ залогъ имѣній. Государыня ясно выразила желаніе, чтобы эта сумма употреблена была на улучшеніе и удобреніе земель, и если не осуществилась вполнѣ ея благая мысль, то въ этомъ должно винить только расточительные вкусы нашихъ дѣдовъ.

Иные подумаютъ, что, выпуская одной рукой бумажную монету, другой расточая звонкую на разныя полезныя предприятия внутри государства, правительство не уменьшаетъ металлическаго народнаго фонда: оно не вывозитъ его изъ предѣловъ отечества, а только присоединяетъ къ нему въ обращеніи значительныя суммы бумажной монеты.—Подобнаго накопленія монеты въ государствѣ допустить невозможно. Всякій общественный рынокъ нуждается въ определенномъ количествѣ монеты: мы повторяли это уже нѣсколько разъ. Едва количество денегъ, какого бы онъ роду ни были, превосходитъ потребность, излишекъ вывозится или обращается на иное употребленіе. Но такъ-какъ бумажная мо-

нета вовсе неспособна ни къ вывозу, ни къ чему-либо иному, то, вмѣстѣ съ ея присоединеніемъ къ монетной массѣ, неминуемо долженъ уменьшиться металлическій фондъ. Принимать-же мѣры противъ этого уменьшенія значитъ противиться выгоднымъ результатаамъ бумажной монеты.

Впрочемъ, нельзя сомнѣваться въ томъ, что введеніе въ монетное обращеніе большей части государствъ, европейской образованности принадлежащихъ, множества бумажныхъ денегъ, а равномѣрно и разного рода кредитивовъ, которыми мы заемемся далѣе отвратило повышеніе въ курсѣ золота и серебра, какъ замѣчено выше (§ 75). Безъ этихъ суррогатовъ настоящихъ монетъ, рудники Новаго свѣта съ присоединеніемъ къ нимъ тѣхъ, которые съ половины XVIII столѣтія разрабатываются въ Старомъ, не могли бы снабдить образованные рынки достаточнымъ количествомъ благородныхъ металловъ для одного монетнаго назначенія. Сколь ни богаты эти рудники, они однако подвержены истощенію, бумажная-же монета, по выраженію Гумбольдта, есть рудникъ неистощимый (*).

Нѣкоторые экономисты, проникнутые пользой, которую можетъ извлечь государство изъ употребленія бумажныхъ денегъ, приглашаютъ всѣ народы образованные замѣнить этими знаками монету настоящую, монету-товаръ. Нельзя не согласиться, что они слишкомъ увлекаются красотою теоріи. Совершенное извлеченіе изъ обращенія золота и серебра неминуемо понизило бы значительно курсъ

(*) *Essai pol. sur la Nouvelle Espagne T. III. éd. 2-e.*

этихъ металловъ, и причинило бы повсемѣстное и глубокое потрясенье въ частныхъ и государственныхъ достояніяхъ. Это огромное зло едвали вознаградилось бы распространенiemъ употребленія драгоцѣнныхъ металловъ въ издѣліяхъ, въ которомъ моралистъ всегда откроетъ болѣе элементовъ пышности, нежели истиннаго благосостоянія. Ктому-же вездѣ, гдѣ бумажная монета обращается совокупно съ звонкою, послѣдняя служитъ полезнымъ, и почему не сказать, необходимымъ регуляторомъ первой. Отношеніе между курсомъ бумаги и курсомъ металла въ монетѣ всегда позволяетъ правительству судить о недостаткѣ или излишкѣ выпуска первой, и принимать мѣры къ отвращенію неудобствъ, сътѣмъ и другимъ сопряженныхъ.

Какіе постановить предѣлы этому выпуску? — въ практикѣ еще труднѣе разрѣшить эту проблему, нежели ту, которой мы коснулись, говоря о мелкой монетѣ нарицательной, размѣнной или добавочной. Кажется однако, что ограничиваясь выпускомъ знаковъ высокоцѣнныхъ, выражающихъ суммы неудобно переносимыя въ монетѣ звонкой, легче избѣгнуть угрожающихъ опасностей. Кажется что, замѣняя монетныя единицы или ихъ части, бумажныя деньги образуютъ излишній дублетъ. Въ первомъ случаѣ, имъ нельзя легко вытѣснить съ общественнаго рынка тѣ суммы звонкой монеты, которыя необходимы для размѣновъ ниже нарицательной цѣны самого малаго купона. Во второмъ, напротивъ, онѣ рѣшительно могутъ изгнать всѣ золотыя и серебряные деньги, и оставить государство при однѣхъ монетахъ нарицательныхъ.

Въ этомъ нѣтъ еще зла. Но зло начинается, едва оказывается излишекъ въ бумажныхъ деньгахъ. Если въ обращеніи еще есть нѣкоторое количество золота и серебра, то курсъ бумаги начинаетъ терять всравненьи съ ними. На рынкѣ водворяются два различные мѣрителя цѣнностей: всѣ платежи вычисляются дороже на бумагу, нежели на металлъ. Важнѣйшій убытокъ несетъ въ этомъ случаѣ казна государственная, пока принимаетъ въ платежахъ ей слѣдующихъ, бумажныя деньги по ихъ цѣнѣ нарицательной. И какъ ей избѣгнуть этой необходимости, когда она первая должна соблюдать законъ, которому сама себя подчинила?

Нѣтъ другого средства отвратить это зло, какъ принять самыя существенныя мѣры къ извлечению изъ обращенія излишка бумажныхъ денегъ и къ замѣну ихъ звонкой монетой. Тогда излишекъ, оказавшійся въ обращеніи, вывозится въ видѣ послѣдней, и равновѣсіе возстановляется.

Кнесчастію, упадокъ въ курсѣ бумажныхъ денегъ обнаруживается обыкновенно посреди трудныхъ и даже бѣдственныхъ обстоятельствъ, принуждающихъ правительства прибѣгать къ усиленію ихъ выпуска, или, по, крайней мѣрѣ, не позволяющихъ имъ изворотиться для чувствительного освобожденія рынка отъ упавшей въ курсѣ монеты нарицательной. Въ этихъ-то обстоятельствахъ должно искать главной причины упадка курса бумажной монеты во всѣхъ государствахъ, и въ Австріи, и въ Пруссіи, и въ Испаніи и въ самой Англіи. Всего удивительнѣе можетъ показаться то, что подобный упадокъ мало ко-

леблетъ довѣріе публики къ бумажной монетѣ: она продолжаетъ обращаться и разсматриваться какъ цѣнность, хотя и пониженнай, даже и тогда, когда само правительство, уступая обстоятельствамъ, начинаетъ принимать ее неиначе какъ по курсу. Не откроемъ ли въ этомъ фактѣ краснорѣчивыхъ слѣдовъ тайного соглашенія, всилу котораго подобная монета водворяется, — безмолвнаго, но глубокаго сочувствія между народомъ и властью общественной. Подданные понимаютъ, что неумолимая сила ве-щай принудила прибѣгнуть къ этому средству, и покоряются ея законамъ; пониженіе курса бумажной монеты, чрезмѣрно размноженной, не есть и не можетъ быть слѣдствиемъ ихъ упорности или недоброжелательства; эти чувства рѣдко овладѣваютъ массами: причиной его та-же самая неодолимая сила вещей.

Внимая совѣтамъ дурной политики, иныя правительства прибѣгали къ мѣрамъ насильственнымъ для поддержанія курса бумажныхъ денегъ вровень съ курсомъ настоящей монеты. Попирая право собственности, онѣ предписывали, подъ страхомъ наказанія, всѣмъ и каждому принимать первыя на ряду съ послѣдними; не выдавали иной платы государственнымъ служителямъ и кредиторамъ; разрѣшали и уполномочивали платить ими долги, обязательства; назначали нѣкоторымъ продуктамъ одинаковую таксу, какъ въ той такъ и въ другой монетѣ. Горькие опыты показали, что подобныя мѣры только усугубляютъ зло, отнюдь его не отвращая.

Упавшая курсомъ бумажная монета, насильствен-

но вторгаясь въ обращеніе по своей цѣнѣ нарицательной, всегда влекла за собой сильное пониженіе въ курсѣ всѣхъ монетъ вообще, въ томъ числѣ и настоящихъ, сохранившихся на рынкѣ; тѣмъ самыемъ причиняла огромную денежную дороговизну всѣхъ товаровъ, и ввергала въ разореніе и нищету всѣ лица, которыхъ доходы зависятъ отъ казны государственной; поселяла глубокое и гибельное замѣшательство въ долговыхъ обязательствахъ, и вообще во всѣхъ контрактахъ. До принятія подобной мѣры звонкая монета настоящая пользуется на рынке общественномъ преміей, предохраняющей отъ ея вывоза, укрытія и переливанія. Едва лишь грозный законъ сравнить насильственно двѣ цѣнности столь различныя, звонкая монета быстро исчезаетъ. Нестрашные спекуляторы скупаютъ все, что могутъ, для вывоза или переливанія въ слитки; подавленные страхомъ жители скрываютъ остальное подъ спудомъ до лучшихъ временъ.

Все это осуществилось во Франціи, когда безразсудное и суровое правительство республиканское хотѣло силой поддержать курсъ своихъ ассигнацій, которыхъ количество не только было размножено до невѣроятія, но которыя не могли даже пользоваться общественнымъ довѣріемъ. Кто могъ тогда полагать, что эта незаконная власть продлится посреди неистовствъ всякого рода? кто могъ вѣрить бумагѣ, которой залогомъ предлагали плоды хищенія самого вопіющаго, имущества и земли отнятыхъ у несчастныхъ эмигрантовъ, искавшихъ въ чужихъ краяхъ спасенія отъ жестокихъ гоненій? Ктому-

же, что значилъ подобный залогъ, даже для вѣрившихъ революці? Онъ не придавалъ ассигнаціямъ значения кредитивовъ; для покупки помѣстій надлежало имѣть ихъ на значительныя суммы; между тѣмъ выпущены были купоны самые мелкіе, цѣнности непревышавшей 75 сантимъ (около 18½ коп. сер.), долженствовавшіе преимущественно наполнять каналы бѣднаго обращенія. Но еслибъ даже ассигнаціи пользовались полнымъ довѣріемъ, то какъ могъ бы удержаться ихъ курсъ вровень съ звонкою монетой, когда ихъ количество въ обращеніи по нарицательной цѣнѣ простидалось сначала: въ 1790 году до 400 миллионовъ франковъ, въ 1793 до 5 бильйоновъ, въ 1795 до 19 бильйоновъ, а въ началѣ 1796 года до невѣроятной суммы 45 бильйоновъ (*). Придавъ декретомъ 11 апрѣля 1793 насильственный курсъ этимъ ассигнаціямъ, уже тогда терявшимъ болѣе 50%, конвентъ понизилъ до крайности курсъ всѣхъ монетъ вообще, и произвелъ чрезмѣрную дороговизну на рынкахъ. Эта дороговизна усиливалась по-мѣрѣ выпуска новыхъ ассигнацій. Рассказываютъ, что множество государственныхъ кредиторовъ, которымъ платили ассигнаціями, утопились съ отчаянія въ Сенѣ. Должностные умирали съ голоду или жили грабительствомъ и доносами. Денежная цѣна товаровъ возрасла до невѣроятія; отсюду раздавались ропотъ и жалобы. Въ отвѣтъ на эти жалобы, комитетъ народнаго спасенія, владѣвшій тогда кор-миломъ правленія, провозгласилъ неслыханное до-

(*) Всѣ эти подробности заимствованы изъ сочиненія *Thiers: Histoire de la Révolution française.*

толь постановлениe *крайней таксы* (*maximum*), сначала для хлѣба, а вскорѣ за тѣмъ и для всѣхъ другихъ товаровъ, наиболѣе употребительныхъ. Всѣ продавцы подвергнуты были домашнимъ обѣискамъ; конфискація и даже смертная казнь угрожали за ложные показанія товаровъ, состоящихъ на лице. Гильйотиною-же хотѣли устрашить закупателей (*assarageurs*), которыми считались всѣ, исторгавшіе изъ обращенія товары первой необходимости для храненія ихъ у себя въ домѣ. Къ довершенію притѣсненій, къ законамъ о крайней таксѣ, о закупателяхъ, къ домашнимъ обѣискамъ, присоединенъ законъ о реквизиціяхъ. Представителямъ народнымъ, администраторамъ, командующимъ войсками, дано право силой забирать у всякого товары, потребные для войскъ и для общинъ, и платить за нихъ ассигнаціями по таксѣ *maximum*.

Плачевное зрѣлище представляла тогда Франція. Везде существовали два рынка: одинъ публичный на которомъ купцы выставляли по таксѣ — *maximum* въ маломъ количествѣ товары самого низкаго качества; другой тайный, гдѣ подъ топоромъ гильйотины, равно грозившей продавцамъ и покупателямъ, продавались лучшіе товары по свободной цѣнѣ, въ которую входила огромная страховая премія. Везде продукты всякого рода зарывали въ землю и скрывали отъ агентовъ, которымъ поручались реквизиціи и домашніе обѣиски. Торговыя сношенія внутреннія были рѣшительно подавлены; поселяне съ трепетомъ вывозили товары на рынки, и то единственно для прикрытия тайныхъ продажъ, которымъ

предавались. Заграничная торговля охладѣла: фрахтъ въ Индію съ 150 фр. за тоннъ возвысился до 450; страховыя отъ 5 или 6% до 50 и 60%. Большая часть негоціантовъ прекратили свои обороты; фабрики опустѣли и остановились. Общины, терпѣвшія отъ голода и недостатка продуктовъ всякого рода, безпрестанно испрашивали разрѣшенія на повышеніе таксы. Когда имъ удавалось получить это разрѣшеніе, купцы устремлялись туда изъ сосѣднихъ мѣстъ, гдѣ немедленно оказывались тѣ-же бѣдствія. Такъ въ однѣхъ мѣстахъ часто водворялся избытокъ, тогда-какъ въ другихъ совершенное оскудѣніе. Движенія торговли, терзаемой отвсюду, содѣлались причудливы, неровны, судорожны.

Когда въ концѣ 1794 г., съ паденіемъ парижской общины, господствовавшей въ комитетѣ народнаго спасенія и въ конвентѣ, Франція освободилась отъ терроризма; когда неумолимая и жестокая власть перестала поддерживать неслыханныя притѣснительныя мѣры, на рынкахъ начали появляться деньги серебряныя и золотыя и товары по свободной цѣнѣ; тогда-то можно было судить объ упадкѣ ассигнацій, которыхъ выпускъ не прекращался. Онъ теряли отъ $\frac{3}{10}$ до $\frac{11}{12}$ в сравненіи съ ихъ цѣнной нарицательной. Въ саду палерояльскомъ, гдѣ толпились сборища ажіотеровъ, одинъ луидоръ продавали за 160 франковъ ассигнаціями, и въ теченіе часа времени его цѣна подымалась, смотря по запросу, съ 160 до 200 и 210 франковъ. Такъ какъ пѣкоторыя продажи помѣстьевъ поддержали въ то время нѣсколько цѣнность ассигнацій, то ажіотажъ прости-

рался не только на золото и серебро, но и на съестные припасы, топливо, материа́лы всякого рода, которымъ цѣны назначались свободно со времени отмѣны таксъ. Подъ галантерейныхъ вещей и се-ребряной утвари, пшеничный хлѣбъ продавался на ассигнаціи по 25 и до 30 франковъ за фунтъ. Не было тогда ни хлѣбниковъ, ни мясниковъ, ни лавочнико́въ, въ собственномъ смыслѣ; всѣ покупали и пере-продавали. Чердаки, погреба, карманы наполнялись товарами, служившими предметомъ спекуляцій. На разсвѣтѣ, барышники устремлялись на рынки; на расхватъ раскупали плоды, овощи, приносимые по-селянами, и немедленно подымали ихъ цѣну. Жатвы покупались впередъ на корнѣ; скотъ для продо-вольствія захватывался далеко виѣ городовъ, еще на лугахъ. Всякій старался извлечь какую-либо выгоду изъ общаго народнаго бѣдствія: тѣ, которымъ уда-лось сохранить нѣкоторыя суммы золота и серебра, спѣшили промѣнять ихъ на (во сто разъ упавшія въ курсѣ) ассигнаціи, а послѣднія промѣнять на по-мѣстья, и осуществляли огромнѣйшіе барыші. Тѣмъ не менѣе курсъ этихъ бумажныхъ монетъ без-престанно упадалъ, по причинѣ ихъ неумѣреннаго размноженія. Въ послѣдніе дни конвента въ октябрѣ 1795 года, онъ не превышалъ $\frac{1}{150}$ доли нарица-тельной цѣны, а въ началѣ 1796 года одинъ франкъ серебромъ стоилъ 200 франковъ ассигнаціями; билльонъ едва означалъ пять миллионовъ, и никто не могъ предвидѣть предѣла этому паденію. Нако-нецъ 19 февраля 1796 года уничтожена типографія

ассигнацій, и разбита роковая доска, пролившая столько бѣдствій на несчастную Францію.

Этотъ историческій эпизодъ, ксчастію рѣдкій въ лѣтописяхъ народовъ, но который мы привели какъ одинъ изъ самыхъ поучительныхъ примѣровъ злоупотребленія бумажной монеты, подтверждаетъ въ какой степени должно прибѣгать съ осторожностью къ этимъ знакамъ цѣнности. Въ рукахъ благоразумнаго правительства, они могутъ доставить огромныя выгоды націи, особенно если оно ограничится выпускомъ суммы, неправосходящей или не много превышающей сумму доходовъ государственныхъ, получаемыхъ путемъ налога. Но не должно забывать, что ихъ курсъ подверженъ колебаніямъ и упадку, отъ вліянія обстоятельствъ, которыхъ иногда не можетъ отвратить самый осмотрительный и искусный надзоръ. Непредвидимая и несчастная война можетъ поколебать довѣріе общественное, которымъ они пользуются, такъ точно, какъ она можетъ уменьшить потребность въ монетѣ, подавивъ промышленность и торговлю.

«Золото и серебро,» говоритъ *A. Smith* (*), «ко-
торые обращаются въ государствѣ, можно уподо-
бить большой дорогѣ: служа для обращенія и для
перевозки на рынокъ хлѣба и другихъ земледѣльче-
скихъ продуктовъ, она сама не производить ни
одного зерна пшеницы, ни одного стебля травы.
«Выпускъ бумажной монеты, пролагая нѣкоторымъ
образомъ родъ воздушнаго пути, позволяетъ народу

(*) *A. Smith. Richesses des nations* T. I. p. 394 éd. Guillaumin.

«превратить большую часть своихъ дорогъ въ хорошия пастища и хорошия пашни, и тѣмъ самыиъ значительно увеличить производительность своихъ земель и своего труда. Какъ не согласиться однако, что если промышленность народная можетъ выше подняться при помощи бумажной монеты, тѣмъ не менѣе, держась на этихъ крыльяхъ Икара, она по-двигается шагами не столь твердыми и не столь вѣрными, какъ по прочному пути золота и серебра.»

82. МОНЕТЫ СЧЕТНЫЯ; ДЕПОЗИТНЫЕ БАНКИ.

Изложивъ свойства монетъ, служащихъ обезпечительнымъ орудіемъ мѣны, равно какъ и тѣхъ, которыя служатъ однимъ только знакомъ цѣнностей, черезъ ихъ посредство обмѣниваемыхъ, скажемъ нѣсколько словъ о монетахъ счетныхъ, которыя не суть ни залогъ, ни знакъ цѣнности, а служатъ только идеальными мѣрителями цѣнности, и какъ таковыя, участвуютъ въ мѣновыхъ сдѣлкахъ.

Происхожденія счетныхъ монетъ должно искать въ монетахъ настоящихъ. Какъ мы уже замѣтили, изъ обычая употреблять нѣкоторое количество, или данную единицу, какого-либо товара, какъ орудіемѣны, какъ товаръ общій, естественно рождается обычай рассматривать эту единицу, какъ средній сравнительный терминъ для определенія всѣхъ другихъ цѣнностей, которыя выражаются въ ея дробяхъ или въ ея кратныхъ. Во всякомъ подобномъ определеніи цѣнности ясно, что монетная единица играетъ роль величины идеальной, просто численой. Гово-

ря, что имѣніе такого-то человѣка простирается до пяти миллионовъ рублей, никто не хочетъ этимъ сказать, что онъ владѣеть пятью миллионами серебряныхъ монетъ: рубль. Напротивъ онъ, можетъ быть, имѣть ихъ сравнительно очень малое количество; большая-же часть его достатка заключается въ земляхъ, товарахъ, заведеніяхъ, утвари и т. п. Но въ сложности цѣнность всѣхъ этихъ богатствъ простирается до 5 миллионовъ рублей. Послѣднее выраженіе короче и, въ то-же время, понятнѣе: всякий лучше можетъ уразумѣть цѣнность: *рубль*, нежели цѣнности тѣхъ вещей, изъ которыхъ состоитъ имѣніе.

Счетной монетѣ, или, лучше сказать, численой монетной единицѣ, можетъ соотвѣтствовать въ обращеніи монета настоящая, какъ напр: у насъ теперь *рубль серебромъ*. Въ такомъ случаѣ, въ ея дробяхъ или ея кратныхъ выражается цѣнность всѣхъ другихъ монетъ настоящихъ и нарицательныхъ, хотя онъ могутъ имѣть другія названія, имъ приданныя. Послѣднія никогда не употребляются въ счетахъ, по крайней мѣрѣ въ правильной торговлѣ. Никто не считаетъ у насъ полуимперіалами, полтинами, четвертаками, гривенниками, пятаками. Всѣ контракты, всѣ подряды, всѣ долговыя обязательства, всѣ купли, выражаются въ рубляхъ; копѣйки упоминаются и пишутся не иначе какъ дробныя части.

Было время, когда рубль серебромъ разсмотривался у насъ какъ $\frac{1}{4}$ -я часть гривны, которая служила тогда численой монетной единицей. Съ конца XIV-го столѣтія рубль серебра превратился въ чи-

сленую единицу, но не былъ монетой настоящей. Первые монеты въ рубль, подобныя нынѣшнимъ, чеканены при Петре Великомъ. Между 1812 и 1839 годами серебряный рубль существовалъ у насъ какъ монета, но не служилъ численою единицей: послѣднею былъ рубль ассигнационный, никогда, напротивъ, не бывшій монетой настоящей (*).

Во всѣхъ другихъ государствахъ также существовали и существуютъ численыя единицы, которымъ иногда не соответствуютъ монеты настоящія: онѣ не представляются монетнымъ кружкомъ ихъ вѣса, пробы и названія, но въ нихъ тѣмъ не менѣе вычисляются всѣ другія монеты, и всѣ возможныя мѣновыя сдѣлки. До 1816 года въ Англіи *фунтъ стерлинговъ* былъ счетною монетой, тогда какъ обращались гинеи. Австрійскіе *гульдены* (*florins de convention*) въ 60 крейцеровъ, которые употребляются во многихъ частяхъ Германіи, испанскіе *реалы* (**) въ 34 мараведиса, гамбургскіе *марки-банко*, которыхъ цѣнность къ маркамъ курантнымъ относится какъ 16: 13 (**), голландскіе *ценсы*, лиссабонскіе и бразильскіе *рейсы* (****), саксонскіе *талеры* въ 24 гроша (которыхъ не должно смѣшивать съ прус-

(*) Должно замѣтить однако, что въ Курляндіи и въ латтонской части Лифляндіи всѣ счеты и продажи совершились всегда на рубли се-ребромъ.

(**) Въ Испаніи считаютъ реалами т. н. *realillo* или *real de vellon* и другими реалами т. н. *real de la plata antigua*. Первые означаютъ $\frac{700}{1000}$ сант., вторые $\frac{260}{1000}$ сантимовъ французскихъ. См. *Balbi. Géographie universelle* p. 1226.

(***) *Ibid.* p. 1230.

(****) *Ibid.* p. 1240 и p. 1264. *Рейсъ* (*reis*) есть самая малая монетная единица въ Португаліи; ее не возможно было бы отчеканить изъ зо-

скими настоящими монетами-талеръ въ 30 зилберъ-грошѣй), персидскіе *томаны*,—суть не что иное, какъ подобныя счетныя монеты. Въ числѣ звонкихъ денегъ имъ нѣтъ соответствующихъ. Во Франціи численая монетная единица есть франкъ, т. е. 5 граммовъ серебра $\frac{9}{10}$ пробы. Тамъ существуютъ франки настоящіе, серебряные, но большая часть монетъ въ обращеніи состоитъ изъ пяти-франковыхъ ефимковъ.

Такъ въ монетномъ обращеніи, вездѣ, подлѣ денегъ настоящихъ и нарицательныхъ, служащихъ знакомъ первыхъ, употребляются монеты идеальныя или счетныя. Элементы, изъ которыхъ состоять послѣднія, не имѣютъ ничего вещественнаго, хотя онѣ и могутъ быть изображены монетами звонкими:— это просто арифметическія величины, которыя множатся и дѣлятся только мысленно. Тѣмъ не менѣе важная роль принадлежитъ имъ въ обращеніи: онѣ-то служатъ настоящимъ мѣриломъ цѣнности не только товаровъ, но и всѣхъ другихъ монетъ. Какъ таковыя, онѣ принадлежать къ учрежденіямъ, которыхъ народы наиболѣе и всего постояннѣе придерживаются по вліянію привычки, тѣсно связывающейся съ ежеминутными интересами жизни. Можно измѣнить видъ, название, вѣсь и самую пробу монетъ настоящихъ: въ томъ нѣтъ неудобства, пока не посягаютъ на цѣнность численой единицы, въ которой выражается ихъ нарицательная цѣна, и съ которой свыкалось обращеніе народное.

лота или серебра; она представляетъ 0,006017 фр. Обыкновенно считаются 1000-ю рейсами.

Измѣненіе послѣдней влечетъ за собой величайшія замѣшательства: контракты, обстоятельства, обыкновенно выражаемые въ этихъ единицахъ, вдругъ утрачиваютъ свое значеніе. Сбивчивость проникаетъ въ мѣновыя сдѣлки: измѣненія въ этой числовой единицѣ, искони служившей мѣркою цѣнности, производятъ совершенно такія-же недоразумѣнія и беспорядки, какъ и перемѣны въ мѣрахъ и вѣсахъ, къ которымъ привыкли на рынкѣ.

На подобныя перемѣны рѣшались прежде правительства, худо понимавшія свой собственный интересъ, и, по свидѣтельству исторіи, всегда причиняли тѣмъ самыя бѣдственныя потрясенія на рынкахъ общественныхъ. Такъ измѣнилось, какъ мы уже замѣтили, значеніе большой части численныхъ единицъ. Эти колебанія побудили промышленое словіе, во многихъ городахъ, прибегнуть къ особымъ мѣрамъ для сохраненія цѣлости монетнаго типа или постоянства численной монетной единицы, и между прочимъ къ учрежденію *депозитныхъ банковъ*.

Денежный курсъ (*) опредѣляется относительнымъ количествомъ чистаго металла, которое содержится въ различныхъ монетахъ. Говорятъ, что пять франковъ равняются одному рублю 24 коп. серебромъ, потому-что эти двѣ суммы содержатъ равное количество серебра. Но пять франковъ перестанутъ равняться этому количеству, едва уменьшится или увеличится въ нихъ, или въ рубляхъ, количество

(*) Денежный курсъ не должно смѣшивать съ вексельнымъ, которымъ мы займемся далѣе.

чистаго серебра. Измѣненія въ цѣнности численой монетной единицы, и частію утирка, должны неминуемо отразиться въ положеніи денежнаго курса. Въ XIV, XV и XVI столѣтіяхъ подобныя измѣненія совершились весьма часто, и неожиданно. Отъ нихъ въ особенности терпѣли торговые города, куда стекалось множество разного рода монетъ истертыхъ, низкопробныхъ, маловѣсныхъ, и гдѣ безпрестанно представлялись затрудненія къ опредѣлению курса денегъ по переводамъ и наличнымъ мѣновымъ сдѣлкамъ.

Для отвращенія этихъ неудобствъ, ногоціанты сперва въ Венеции (1170), а по примѣру ея въ Генуѣ (1407), Амстердамѣ (1609), Гамбургѣ (1619), и Нюрнбергѣ придумали учреждать т. наз. *депозитные банки* (иначе *Giro Bank*), куда каждый могъ вносить принадлежащія ему суммы золота и серебра. Банкъ принималъ эти суммы, въ какомъ бы видѣ ихъ ни представляли, въ слиткахъ или въ монетѣ, иностранной или истертої, но по внутреннему ихъ достоинству, расчитанному на новую государственную монету указанной пробы и указанаго вѣса. Онъ не выдавалъ ихъ деньгами приносителямъ, но открывалъ имъ кредитъ на сумму такой монеты, равную вкладу, взимая небольшую плату за ея фабрикацію и храненіе. Вкладчики по произволу пользовались своимъ кредитомъ помошью *трансфертовъ*, или перевода суммъ съ одного счета на другой, что избавляло ихъ отъ потери времени, хлопотъ и расходовъ переноски звонкой монеты для расплаты. Они избавлялись также отъ содержанія кассировъ и опасности, со-

пряженной съ храненіемъ у себя значительныхъ суммъ. Въ кладовыхъ депозитнаго банка, деньги не страшатся ни огня, ни покражи, ни какого-либо приключенія, потому-что за цѣлость вкладовъ ручается городъ или правительство. Но, кромѣ этихъ удобствъ, монета въ подобномъ банкѣ хранимая, и которая принимаетъ отъ этого названіе *банковой*, не подлежитъ никакому упадку въ курсѣ: съ одной стороны она вовсе не подвержена утиркѣ; съ другой, не можетъ быть смѣшана съ цѣнопониженнюю монетой, наполняющей обращеніе, по-крайней мѣрѣ пока лежитъ въ банкѣ.

Вездѣ, гдѣ существовали и существуютъ подобные заведенія, банковая монета курсомъ болѣе или менѣе превышаетъ ходячую. Въ Амстердамѣ, при *Адамъ Смитъ*, ажіо банковыхъ флориновъ предъ ходячими простирался до 5%; гамбургскія банковыя марки выигрываютъ донынѣ около 14% в сравненіи съ ходячими. Это достаточно объясняетъ, почему никто изъ вкладчиковъ не рѣшается извлечь монету ему принадлежащую изъ банка: они знаютъ, что въ обращеніи вмѣстѣ съ другими ходячими деньгами, ея курсъ неминуемо долженъ увличенъ быть въ ихъ пониженіе; тѣ-же, которымъ теченіе дѣлъ доставляетъ кредиты на депозитный банкъ, всегда могутъ найти охотниковъ для сбыта ихъ по курсу на звонкія деньги.

Мало по малу депозитные банки перестали чеканить золото и серебро къ нимъ приносимое, а просто хранять ихъ въ слиткахъ по расчисленію цѣнности на государственную монету, въ которой открывается

кредитъ. Такимъ образомъ банковая монета превратилась въ счетную неизмѣнного внутренняго достоинства, въ идеальный типъ, съ которымъ сравниваются и въ которомъ вычисляются всѣ другія монеты и товары.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О КРЕДИТЕ.

83. СУЩНОСТЬ И ОСНОВАНИЯ КРЕДИТА.

Въ мѣнѣ натурой или на монету, двѣ цѣнности сравниваются, взаимно оцѣниваются и переходятъ изъ однѣхъ рукъ въ другія. Какъ та, такъ и другая сторона, участвующія въ сдѣлкахъ, немедленно вступаютъ въ собственность и пользованіе произведеніемъ, полученнымъ ими въ обмѣнѣ. По совершеніи сдѣлки, какъ продавецъ, такъ и покупатель остаются свободны въ отношеніи другъ къ другу. Монету, правда, кромѣ рѣдкихъ случаевъ, никто не пріобрѣтаетъ для ея употребленья непосредственнаго, а для обмѣна ея на другіе товары: но въ этомъ обмѣнѣ заключается настоящее потребленіе монеты, такъ точно, какъ потребленіе другихъ товаровъ заключается въ ихъ обращеніи въ пищу, въ одежду и т. п. Мѣна на монету нарицательную есть также сдѣлка совершенная, полная: такая монета, переходя изъ одного владѣнія въ другое, не переноситъ никакого права на чужую собственность, ни частную, ни даже общественную: она обращается по цѣнности, ей свойственной, хотя и проистекающей изъ началь отлич-

ныхъ отъ тѣхъ, на которыхъ основывается цѣнность монеты настоящей.

Но, вникая въ феномены обращенья, не трудно замѣтить, что ежеминутно въ обществѣ совершаются множество мѣновыхъ сдѣлокъ, въ которыхъ цѣнности, служащія предметомъ обмѣна, не представляются лицемъ къ лицу. Покупатель не всегда платить наличными деньгами, или другими товарами продавцу, а только обѣщаетъ заплатить за нихъ определенную сумму, назначая своей уплатѣ срокъ болѣе или менѣе отдаленный, или даже вовсе не назначая срока. По праву собственности ясно, что подобный обмѣнъ можетъ совершиться только съ согласія продавца, и что изъ него проистекаетъ обязательство для покупателя, отъ котораго онъ избавляется одной уплатой, если первый не рѣшится, по какимъ-либо причинамъ, освободить его отъ долга даровою уступкой.

Въ подобномъ обмѣнѣ, всякий узнаетъ сдѣлку, известную подъ названіемъ *ссуды на кредитъ*; въ продавцѣ, который соглашается ждать уплаты, *заемщика или кредитора*; въ покупателѣ, обѣщающемъ уплату — *заемщика или должника*.

Предметомъ ссуды могутъ быть не только цѣнности, потребленіемъ поглощаемыя, но также пользованіе иными произведеніями. Эти два рода сдѣлокъ (*titum et commodatum*) различаютъ только тѣмъ, что въ первомъ случаѣ заемщикъ не принимаетъ на себя обязательства возвратить тотъ самый товаръ, который занялъ, а только сумму денегъ, соответствующую его цѣнности; во второмъ-же, онъ воз-

вращаетъ натурай ту самую вещь, которою его ссудили на поддержаніе.

Пользованіе производительными силами, смотря по ихъ свойству, можетъ быть ссужаемо, то на томъ, тона другомъ основаніи. Капиталъ оборотный обыкновенно ссужается въ видѣ монеты, часто въ видѣ товаровъ, каковы: первообразный матеріалъ, топливо, разные припасы и т. п. Во всякомъ случаѣ онъ не можетъ быть возвращенъ въ его первоначальномъ видѣ, потому-что истребляется или преобразуется въ производствѣ, и принужденно уплачивается, по соотвѣтствующей ему цѣнности (*или in genere non in specie*), деньгами. Ничто не препятствуетъ возвращать владѣтелю земли минеральная разработки, строенія, машины, орудія и вообще капиталы стоячіе въ ихъ настоящемъ видѣ, по минованіи срока ссуды. Ссужая на время пользованіе своимъ трудомъ, всякий человѣкъ по необходимости остается при своей личности, съ которой трудъ не разлученъ, такъ точно и ссужающей пользованіе полученною имъ привилегіей, остается при своемъ правѣ, если не отчуждаетъ его вполнѣ.

Какъ дѣйствіе свободное, всякая ссуда или временное отчужденіе собственности, предполагаетъ какія-либо побужденія въ заимодавцѣ. Онъ могутъ заключаться въ благотворительности, въ симпатіи, или любви къ ближнему, въ желаніи или готовности оказать услугу. Но еще чаще онъ проистекаютъ изъ личнаго интереса, изъ сознанія тѣхъ выгодъ, которыя можетъ доставить ссуда. Въ обоихъ случаяхъ, ссуда опирается на довѣріе къ занимающему, на

обеспечения, представляемыя имъ въ томъ, что цѣнность, ему ссужаемая, будетъ уплачена, или возвращена. Это довѣріе гораздо болѣе принимается въ разсужденіе, когда побудительной причиной служить личный интересъ, и на немъ-то основанъ кредитъ въ собственномъ значеніи слова, т. е. способность каждого лица, собираемаго или недѣлимаго, снискивать ссуды на общественномъ рынкѣ.

Нравственные качества много способствуютъ приобрѣтенью кредита; но ихъ недостаточно, по-крайней мѣрѣ въ большей части случаевъ. Къ нимъ должна присоединяться выгодная извѣстность. Честнѣйшіе люди не могутъ возбудить къ себѣ довѣрія, когда свѣтъ не усматриваетъ въ ихъ дѣйствіяхъ довольно осмотрительности и даже ловкости. Купецъ охотнѣе вѣритъ въ долгъ человѣку, который всегда отличается аккуратностію и благоразуміемъ въ своихъ дѣлахъ, нежели инымъ молодымъ людямъ преисполненнымъ самой высокой и самой искренней нравственности, но еще неопытнымъ и не соблюдающимъ строгаго порядка въ жизни. Этого мало: иногда самъ искусный предприниматель не найдетъ себѣ кредита, потому только, что не представляетъ довольно обезпечительныхъ средствъ; потому-что промыселъ, имъ избранный, устрашаетъ заимодавцевъ неизвѣстностью результатовъ. Иногда-же, при самыхъ огромныхъ средствахъ, предприниматель, пускающійся въ обороты слишкомъ смѣлые и рискованные, вдругъ можетъ лишиться кредита, или много его утратить. Правительство непрочно утвердившееся, или вовлеченнное въ разорительныя вой-

ны, не пользуется такимъ кредитомъ, какъ благородное и миролюбивое. Само собой разумѣется, что власть несправедливая, неискренняя, вѣроломная, вовсе не имѣть кредита, по-крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ поколебала естественное къ ней довѣріе народное, и пока успѣеть его возстановить.

Хорошее и опредѣлительное законодательство много способствуетъ водворенію кредита въ государствѣ. Законы, обезпечивающіе права заимодавцевъ, не подвергающіе ихъ излишнимъ проволочкамъ, располагаютъ къ ссудамъ; отъ нихъ отвращаютъ постановленія сбивчивыя, судопроизводство запутанное формальностями и пристрастное. Никто не рѣшается на время отчуждать свою собственность, страшась лишиться ея на всегда или весьма на долго.

По недостатку другихъ обезпеченій, или для вящшаго огражденія своей собственности, заимодавецъ иногда требуетъ залоговъ движимыхъ или недвижимыхъ. Въ первомъ случаѣ, занимающій выдаетъ ему какую-либо движимую цѣнность изъ своего имущества, покрывающую цѣнность ссуды. Во второмъ, онъ выдаетъ ему закладную (ипотеку) на свое имущество недвижимое. Кредитъ подъ закладную не можетъ быть соглашенъ съ законами, препятствующими отчужденію имѣній родовыхъ или майоратныхъ; онъ затрудняется законами, обременяющими переходъ недвижимой собственности, изъ однѣхъ рукъ въ другія, слишкомъ значительными пошлиными.

Какъ благотворительныя, такъ и корыстныя ссуды могутъ быть даровыя. Всякому понятны пер-

вия. Примѣромъ послѣднихъ могутъ служить торговцы, которые вѣрятъ въ долгъ для привлеченія покупателей; землевладѣльцы, уступающіе даромъ пользованіе своими помѣстьями на срокъ, имѣя въ виду ихъ удобреніе; преподаватели, которые соглашаются ждать уплаты за свои труды отъ учениковъ, въ надеждѣ на снисканіе себѣ особенной извѣстности развитіемъ ихъ талантовъ. Ежедневно мы одолживаемъ книги, вещи, экипажи, лошадей своимъ пріятелямъ и даже непріятелямъ, то для усиленія привязанности однихъ, то для обезоруженія недоброжелательства другихъ.

Впрочемъ, кредитъ даровой весьма ограниченъ въ настоящемъ положеніи обществъ: кромѣ немногихъ исключеній, едва замѣтныхъ посреди общаго теченія дѣлъ, онъ почти не выходитъ изъ предѣловъ родственныхъ и дружескихъ связей. Людямъ свойственно стараться обѣ извлеченіи пользы изъ богатствъ, имъ принадлежащихъ, которая часто бываютъ плодомъ усилий самыхъ утомительныхъ. Ссуда на кредитъ, въ которой заимодавцу полагается плата за пользованіе его собственностью, представляетъ возможность извлекать посредственную пользу изъ богатствъ, и въ особенности изъ производительныхъ силъ, когда владѣтель не могъ бы самъ примѣнить ихъ къ производству.

Въ сочетаніи обоюдныхъ выгодъ заимодавца и занимающаго заключается тайна могущественного и благотворного вліянія кредита на успѣхи богатства народнаго. Подъ единственнымъ вліяніемъ человѣколюбія, ссуды были бы всегда малочислены;

тамъ имъ противился бы образъ мыслей владѣтеля, мало доступный высокимъ наслажденіямъ благотворительности; здѣсь, естественная робость и нерѣшительность занимающаго; немногіе только изъ числа богатыхъ, движимые чувствами, кнесчастію рѣдкими между людьми, искали бы неимущихъ для раздѣленія съ ними своего достатка, или, что еще важнѣе, своихъ средство къ умноженію достатка. Большая часть, не видя никакого косвенного средства производительно употребить свои богатства, истребляли бы ихъ въ расточительности. Продажныя ссуды, напротивъ, развязываютъ руки и владѣющимъ и нуждающимся. Послѣдніе ободряются и, съ поднятымъ челомъ, предъявляютъ запросъ на то, къ чему стыдились бы протянуть руку просительскую. Они покупаютъ пользованіе богатствомъ, но не платятъ за него всегда горькою монетой униженія и лести. Заимодавцы не ждутъ просителей, не взвѣшиваютъ ихъ признательности; одушевляемые чувствомъ личной выгоды, они идутъ къ нимъ на встрѣчу, предупреждаютъ ихъ предложенія, и только заботятся о томъ: представляютъ-ли они достаточную степень обеспеченія нравственного или промышленаго. Такъ, разжигаемый личными интересами, кредитъ становится душой промышлености; онъ ускоряетъ обращеніе; переводитъ цѣнности изъ рукъ непроизводительныхъ туда, гдѣ ждетъ ихъ примѣненіе производительное; поддерживаетъ изнемогающія силы предприятій; облегчаетъ магазины и складочныя мѣста отъ товаровъ, ихъ безполезно тяготящихъ; разливаетъ изобиліе тамъ, гдѣ скудость угро-

жала совершеннымъ истощеніемъ; вызываетъ капиталы изъ дремоты, угрожающей имъ въ сундукахъ и портфеляхъ; облегчаетъ превращеніе пустопорожнихъ земель въ плодоносныя нивы; раскидываетъ пути сообщенія по всему государству; призываетъ къ работамъ руки, лишенныя занятій; спасаетъ отечество въ минуты опасности; предлагаетъ правительству огромныя средства, которыхъ тщетно оно ожидало бы отъ самого пламенного и восторженного патріотизма.

Кому-же, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ корысть заимодавца употребляется во зло крайность, подавляющую заемщика, ничего противнаго нравственности не представляетъ взиманіе платы за уступку пользованія своимъ богатствомъ, такъ точно, какъ нѣтъ ничего безнравственнаго въ самомъ пользованіи своимъ добромъ. Это взиманіе, во множествѣ случаевъ, не уменьшаетъ даже услуги несомнѣнной, которую первый оказываетъ послѣднему.

Благотворительность можетъ довольствоваться самыми умѣренными возмездіями за ссуды всякого рода; алчный ростовщикъ, пользуясь личными обстоятельствами, подавляющими его жертву, можетъ иногда чрезмѣрно повышать свои требованія; эти двѣ крайности должно разматривать какъ исключенія. Пользованіе цѣнностями всякого рода, какъ и самыя цѣнности, имѣетъ свою рыночную цѣну, которая устанавливается силою вещей, подобно цѣнѣ всѣхъ другихъ товаровъ. Въ слѣдующихъ главахъ, разсуждая о процентахъ съ капиталовъ и о поземель-

ной рентъ, мы изложимъ законы, опредѣляющіе какъ тотъ такъ и другую.

Здѣсь ограничимся разсмотрѣніемъ той роли, которая принадлежитъ кредиту въ мѣнѣ, и займемся въ особенности кредитными знаками и учрежденіями.

**84. О КРЕДИТИВАХЪ ИЛИ КРЕДИТНЫХЪ ЗНАКАХЪ:
ПРОСТЫЯ РОСПИСКИ И ВЕКСЕЛЯ.**

Можно вѣрить *на слово*, можно вѣрить подъ долговое письменное обязательство, или *кредитивъ*.

Кредитъ на слово предполагаетъ особенную степень довѣрія. Заимодавецъ, въ такомъ случаѣ, не сохраняетъ при себѣ никакого знака, подтверждающаго ссуду. Чтобы доказать о ней въ случаѣ нужды предъ закономъ, онъ принужденъ прибѣгать къ медленному и затруднительному посредству свидѣтельствъ. Кромѣ того, онъ не можетъ передать другому лицу простое словесное обѣщаніе, столь удобно, какъ обѣщаніе письменное. Тѣмъ не менѣе, сколь ни шатки основанія кредита на слово, подобныя слѣлки весьма часто совершаются, особенно тамъ, гдѣ преобладаетъ простота нравовъ. Онъ господствуютъ преимущественно въ различной торговлѣ: въ странѣ или въ городѣ, гдѣ общественное довѣріе вкоренилось въ нравы, рѣдкій купецъ не повѣритъ покупателю, *на слово*, нѣкотораго количества товаровъ. Правда, во многихъ мѣстахъ купеческія книги рассматриваютъся какъ законное доказательство подобныхъ ссудъ, но по строгой справедливости нельзѧ принять списки, составляемые торговцемъ, за подтвержденіе ссудъ.

ды, равносильное обѣщанію письменному: въ нихъ можетъ вкрасться ошибка, или подлогъ.

Письменныя обѣщанія придаютъ кредиту существованіе вещественное. Благодаря имъ, онъ можетъ передаваться однимъ лицемъ другому; кредитивы обращаются какъ монета; они даже представляютъ важныя преимущества предъ послѣднею тѣмъ, что менѣе подвержены потерѣ, удобнѣе перемѣщаются, и часто приносятъ проценты. Этимъ однако ограничивается сходство между монетой и кредитивомъ. Никто не можетъ отказаться отъ первой, когда она признана закономъ государственнымъ: никто, напротивъ, не можетъ быть принужденъ къ принятію въ уплату кредитива. Эта основная разность позволяетъ всегда отличать кредитивы, наполняющіе обращеніе, отъ бумажныхъ денегъ, которыхъ часто выпускаются подъ видомъ долговыхъ обязательствъ, хотя и придается имъ законный принужденный курсъ.

Кредитивы можно раздѣлить на два большия разряда: на *простые*, въ которыхъ должникъ даетъ непосредственное обѣщаніе уплаты; и на *переводные*, въ которыхъ должникъ поручаетъ уплату за себя третьему лицу. Какъ тѣ, такъ и другие выражаютъ монетою сумму, следуемую въ уплату; и это не можетъ быть иначе, потому-что монета есть, въ одно время, общій товаръ и мѣрило всѣхъ другихъ цѣнностей.

Кредитивы, выдаваемые должникомъ непосредственно на себя, принимаютъ участіе въ обращеніи какъ орудіе мѣны, только когда способны къ пере-

дачъ. Простыя росписки, или свидѣтельства, въ принятіи какой-либо суммы, въ долгъ или на сохраненіе, могутъ разматриваться только какъ документы, подтверждающіе сдѣлку. Чтобъ кредитивъ могъ быть переданъ, онъ долженъ ясно выражать обязательство, принимаемое на себя однимъ лицемъ, уплатить другому, или, по его указанію третьему, определенную сумму въ определенный срокъ. Подобный кредитивъ въ нашемъ законодательствѣ извѣстенъ подъ названіемъ *простого векселя* (*billet à ordre*) (*). Для полной силы, простой вексель долженъ быть сдѣланъ по законной формѣ, содержать означеніемъ-ста, года, мѣсяца и дня, срокъ платежа, сумму и родъ монеты, имя и подпись векселедателя, имя пріобрѣтателя, означеніе валюты (т. е. цѣнности или товара, составляющаго предметъ долга), означеніе права передачи, предоставляемаго кредитору. Кромѣ того, векселя пишутся на установленной правительствомъ гербовой бумагѣ (**).

Соблюденія всѣхъ этихъ формъ было бы недостаточно для приданія векселю значенія монеты, еслиъ законодательство не принимало самыхъ существенныхъ мѣръ для обезпеченія слѣдуемой по немъ уплаты пріобрѣтателю. Владѣтель векселя можетъ всегда передать его другому за равноцѣнную сумму монеты, за вычетомъ процентовъ по самый день срока предъявленія. Передача совершается посредствомъ надписи на оборотной сторонѣ векселя (*indossemen-*

(*) Св. Зак. т. XI, Уставъ о Векселяхъ.

(**) Ibid. ст. 295.

tum). Второй пріобрѣтатель такимъ-же путемъ передаетъ вексель третьему; третій, четвертому. Если надписи наполняютъ весь оборотъ вексельного листа, то къ нему присоединяется надбавочный листъ (*allonge*) бѣлой бумаги, одинакового формата, на которомъ пишутся дальнѣйшія надписи. По наступленіи срока, вексель предъявляется послѣднимъ пріобрѣтателемъ плательщику, выдавшему его на себя, который обязанъ немедленно учинить уплату. Въ случаѣ отказа, или несостоятельности, вексель протестуется, и въ такомъ случаѣ послѣдній векселедержатель имѣеть право требовать по немъ уплаты отъ надписателя, ему его передавшаго; этотъ-же, отъ надписателя, который ему предшествуетъ, и такъ далѣе, до перваго пріобрѣтателя, который принимаетъ законныя мѣры для взысканія уплаты съ векселедателя. Въ случаѣ, если протестъ не былъ сдѣланъ, то надписатели освобождаются отъ взисканія по векселю, и подаватель имѣеть право требовать уплаты только отъ самого векселедателя (*).

При соблюденіи этихъ формъ, ясно, что внутреннее достоинство векселя зависитъ не только отъ кредитора векселедателя, но также надписателя. Иногда пріобрѣтатель даже не знаетъ перваго и довольствуется одною подписью послѣдняго. Ктому-же, строгія постановленія противъ неисправныхъ плательщиковъ, позоръ, сопряженный съ несостоятельностью, стараніе, съ которымъ всякой заботится о сохраненіи своего кредита, существенно предохраняютъ

(*) Ibid.

отъ неуплаты подобныхъ векселей; покрытые вѣрными надписями они всегда и вездѣ могутъ разматываться какъ чистыя деньги, и обращаются наравнѣ съ ними.

Иногда въ прямомъ письменномъ обязательствѣ выражается только имя лица, выдающаго его на себя: право же полученія слѣдуетъ по немъ уплаты, въ означенный срокъ или по предъявленію (*à vista*), предоставляется всякому подателю такого документа, какимъ бы путемъ онъ ему ни достался. Подобные кредитивы, которымъ можно дать название *безъименныхъ облигаций* (*billet au porteur*), мало употребляются въ торговлѣ, потому что сопряжены съ опасностію потери или кражи. Вексель, на которомъ означено имя законнаго пріобрѣтателя, не можетъ быть безъ особыхъ хитростей, весьма затруднительныхъ, предъявленъ къ уплатѣ похитителемъ или человѣкомъ, нашедшимъ его на улицѣ. Право на уплату, съ нимъ сопряженное, не утрачивается даже тогда, когда вексель истребленъ пожаромъ или какимъ-либо другимъ приключеньемъ, особенно если онъ записанъ въ маклерскую книгу. Съ потерю безъименной облигaciи, владѣтель ея утрачиваетъ всякое право на уплату; съ другой же стороны, выдавшій на себя подобный кредитивъ, не можетъ отказать въ уплатѣ по немъ никакому предъявителю, даже самому незаконному.

Но подобные кредитивы представляютъ то преимущество, что передаются легче и удобнѣе простыхъ векселей. Они не требуютъ ни надписей, ни надбавочныхъ листовъ. Благодаря этой простотѣ

они лучше могутъ замѣнять монету, и посему-то вѣздѣ предпочитаютъ выпускать въ этой формѣ *банковые билеты*, для монетнаго обращенія предназначаемые.

85. БИЛЕТЫ ЦИРКУЛЯЦІОННЫХЪ БАНКОВЪ (*) .

Билетъ циркуляціоннаго банка (*Zettel-Bank*) отличается отъ простого комерческаго безъименного билета (*billet au porteur*) тѣмъ, что выпускается не частнымъ лицемъ, ногоціантомъ или банкиромъ, но банкомъ, акціонерною компаніей, учрежденной съ дозволенія правительства, или самимъ правительствомъ. Комерческія облигациіи обыкновенно приносятъ проценты, т. е. должникъ, выдавшій ихъ на

(*) Такъ-какъ въ нашемъ изложеніи нѣть особенной главы о банкахъ; о нихъ же упоминается по мѣрѣ того, какъ логическій порядокъ изложения касается операций, которымъ они предаются, то неизлишнимъ считаемъ упомянуть здѣсь о различныхъ родахъ этихъ учрежденій, для избѣжанія недоразумѣнія въ названіяхъ. Банки бывають:

A. *Депозитные* (*Banques de dépôt*, *Giro-banken*, *Depositenbanken*). Принимаютъ на сохраненіе вклады монетой и слитками серебра и золота; открываютъ по соразмѣрности кредиты вкладчикамъ, и производятъ по нимъ трансферты (о свойствахъ этихъ банковъ смотрите нашу статью 82).

B. *Заемные* (*Banques de prêt*); они подраздѣляются на :

а. *Учетные или дисконтные* (ихъ называютъ также *комерческими*) (*Banques d'escompte*, *Caisse de commerce*, *Handels-und Industrie-Banken*): дисконтируютъ векселя; принимаютъ вклады изъ процентовъ; иногда просто на сохраненіе; открываютъ по нимъ кредиты вкладчикамъ, и производятъ трансферты. Примеры: С. Петербургскій Комерческій банкъ, Парижскія *Caisse d'escompte et de Commerce Gouin et C°* и *Ganneron et C°* (см. статью 89).

б. *Поземельные илиипотечные* (*Banques territoriales*, *Caisse hypothécaires*, *Territorial-Banken*): ссужаютъ на долгіе сроки подъ залогъ

себя, уплачиваетъ подателю не только сумму, въ нихъ выраженную, но сверхъ того проценты за все то время, въ теченіе котораго пользовался ссудою. Билетъ циркуляціоннаго банка даетъ право на уплату звонкою монетой по предъявленіи, но не приносить процентовъ, кромѣ нѣкоторыхъ случаевъ, весьма рѣдкихъ.

Въ обращеніи подобные банковые билеты употребляются какъ деньги; они удобоподвижне, въ маломъ объемѣ содержать большія суммы, и позволяютъ негоціанту носить при себѣ въ портфейль цѣнности огромныя: поэтому, всякий охотно ихъ принимаетъ, и они даже пользуются иногда нѣкото-

недвижимой собственности, и принимаютъ вклады изъ процентовъ.
Примѣры: С. Петербургскій Заемный Банкъ, Ссудныя казны Опекунскихъ Совѣтовъ, Приказы общественнаго Призрѣнія. (См. статью 89 и слѣдующее къ ней примѣчаніе).

в. *Ломбарды или сохранныя казны* (*Mont de piété, Versatzbanken*): ссужаютъ подъ залогъ движимости; принимаютъ вклады изъ процентовъ. Примѣры: С. Петербургская и Московская Со хранныя казны, при Воспитательномъ домѣ учрежденныя, Парижскій *Mont de piété*. (См. статью 89).

С. *Циркуляціонные банки* (*Banques de Circulation, Zettelbanken*): всилу полученной ими привилегіи, выпускаютъ въ обращеніе безпроцентные билеты (т. наз. банковые, *billets de banque, bank-notes*); дисконтируютъ векселя; принимаютъ вклады изъ процентовъ; или на сохраненіе, въ депо; открываютъ по нимъ счеты вкладчикамъ и производятъ трансферты. Примѣры: С. Петербургская Экспедиція кредитныхъ билетовъ, Банкъ Франціи въ Парижѣ, Банкъ Англіи въ Лондонѣ. (См. статью 85).

Д. *Сберегательные кассы* (*Caisse d'épargne, Spaarbanken*) принимаютъ изъ процентовъ самые умѣренные вклады; доселъ нигдѣ еще изъ нихъ прямыхъ ссудъ не производилось, но правительства, располагая ихъ фондами, обращаютъ ихъ иногда на потребности пловучаго долга. (См. статью 115).

рою преміей, всравненіи съ звонкой монетой. Не трудно однако убѣдиться въ ихъ глубокомъ различіи отъ собственно бумажныхъ денегъ. Послѣднія вовсе не имѣютъ свойства кредитива; онъ замѣняютъ звонкую монету, но отнюдь ея не представляютъ; ихъ обращеніе основано на общественномъ соглашеніи, или на законныхъ мѣрахъ, принимаемыхъ правительствомъ. Банковый билетъ, напротивъ, обращается какъ монета потому только, что всякий увѣренъ, что соотвѣтствующая ему сумма звонкой монеты готова въ конторѣ банка для уплаты при первомъ востребованіи подателя (*). Это кредитивъ, выданный на себя банкомъ, и цѣнность его колеблется и упадаетъ при малѣйшемъ потрясеніи кредита, которымъ пользуется банкъ; цѣнность же бумажныхъ денегъ упадаетъ отъ ихъ излишняго размноженія, или весьма рѣдкаго случая шаткости правительства, угрожающей перемѣною въ законѣ, постановившемъ подобную монету. Ктому - же, бумажнымъ деньгамъ всегда придается принужденный законный курсъ, по-крайней мѣрѣ въ отношеніи къ казнѣ; никогда подобною привилегіей не пользуются банковые билеты, которые принимаются, или нѣтъ, по произволу (**).

(*) Наши государственные кредитные билеты представляютъ всѣ свойства билетовъ циркуляціоннаго банка (Zettel-Bank), которые въ этой главѣ вездѣ означаются генерическимъ названіемъ банковыхъ билетовъ.

(**) Разъ получивъ принужденный или формированный курсъ банковые билеты утрачиваютъ свое настоящее значеніе и превращаются въ бумажныя деньги, какъ то случилось съ билетами лондонскаго банка (Bank-notes) съ 1797 по 1821 годъ (см. о томъ выше § 81).

Для основанія и поддержанія кредита циркуляціоннаго банка, т. е. частной акціонерной компаніи или казеннаго учрежденія, которому поручается выпускъ банковыхъ билетовъ, необходимы мѣры самыя существенныя. Съ одной стороны обнародывается капиталъ, посвящаемый на подобное предпріятіе; съ другой, часть этого капитала, или даже весь, обращается въ залогъ для обеспеченія кредитивовъ, выпускаемыхъ банкомъ. Представляются публикѣ всевозможныя удобства для немедленнаго размѣна билетовъ на звонкія деньги, по предъявленіи, безъ малѣйшаго затрудненія. Самимъ билетамъ придается форма, превосходствомъ выдѣлки, особыніемъ химическимъ составомъ бумаги и черниль, красотой и правильностью изображеній и гравировки, а также разнообразiemъ и числомъ подлинныхъ подписей отвращающая опасность подлога или поддѣлки. На каждомъ билетѣ выставляются нумера, заносимые въ книги, по которымъ всегда можно убѣдиться въ ихъ подлинности. Издаются строжайшіе законы уголовные противъ поддѣльвателей. Кромѣ того, банку вмѣняется въ обязанность ежегодно, или по нѣскольку разъ въ году, обнародывать положеніе своихъ дѣлъ, такъ, чтобы во всякое время публика могла сама судить о его декувертѣ, т. е. о его долгѣ и о средствахъ, которыми онъ располагаетъ для его покрытія. Если банкъ содержится частною компаніей, то къ вищшему обеспеченію его кредита, правительство назначаетъ лицъ для надзора за банкомъ, и въ то-же время принимаетъ болѣе или менѣе участія въ его операцияхъ. Если-же, напро-

тивъ, банкъ содержится казной, то благоразумное правительство приглашаетъ, для принятія участія въ надзорѣ за нимъ, выборныхъ отъ сословій народныхъ, наиболѣе заинтересованныхъ въ хорошемъ управлениі подобнаго заведенія. Такъ передъ нашими глазами недавно приглашены были депутаты отъ купечества на посвѣрку металлическаго резерва, хранимаго въ Петропавловской крѣпости для обезпеченія нашихъ государственныхъ кредитныхъ билетовъ. Однимъ словомъ, нельзя пренебрегать никакой мѣрой для поддержанія кредита такого учрежденія, съ которымъ тѣсно связано множество fortunes въ государствѣ, и которое приноситъ пользу, доколѣ держится въ предѣлахъ благоразумной осмотрительности.

Въ дѣятельности всякого циркуляціонаго банка, выпускъ билетовъ и расплата по нимъ составляютъ двѣ главныя операциіи, съ которыми должны соображаться всѣ прочія дѣйствія.

Нужда побуждаетъ обыкновенно частныя лица выдавать на себя кредитивы: не участвуя въ торговлѣ, банкъ не имѣть къ тому случая. Правительство могло бы, конечно, платить государственнымъ служителямъ, поставщикамъ и кредиторамъ банковыми билетами: но оно не можетъ принуждать ихъ къ принятію подобной уплаты, не измѣнивъ самой сущности этихъ кредитивовъ, которыхъ обращеніе должно всегда быть свободно. Для отвращенія этихъ затрудненій образъ выпуска билетовъ всегда опредѣляется уставомъ банка. Смотря по этому определенію, онъ представляетъ сходство то съ депозит-

нымъ (Giro-Bank), то съ заемнымъ банкомъ (banque de prêt).

Въ первомъ случаѣ, банкъ выпускаетъ билеты только въ замѣнъ золота и серебра въ монетѣ или слиткахъ, которые хранитъ въ своихъ кладовыхъ. Польза подобнаго банка ограничивается замѣномъ звонкой монеты въ обращеніи, ея предохраненіемъ отъ утирики и частью отъ упадка въ цѣнѣ, при наполненіи обращенія истертymi монетами. Онъ отличается отъ настоящаго сохраннаго банка (§ 82) тѣмъ, что послѣдній не выпускаетъ билетовъ, а только открываетъ счеты вкладчикамъ. Учрежденіе депозитныхъ циркуляціонныхъ банковъ, подобныхъ тому, который существовалъ въ С. Петербургѣ, подъ названіемъ Депозитной Кассы, можетъ принять на себя одно правительство изъ видовъ пользы общественной: оно представляетъ мало выгода частнымъ компаніямъ.

Напротивъ, циркуляціонный банкъ доставляетъ важныя выгоды акціонерамъ, когда ему предоставляется право дисконтировать векселя и всякого рода кредитивы, т. е. уплачивать подателямъ сумму, следующую по векселю, банковыми билетами, съ удержаніемъ процентовъ за все время, которое еще должно протечь до срока уплаты. Подобные *учетные банки* путемъ диконта весьма удобно выпускаютъ въ обращеніе свои билеты, и не нуждаются въ другихъ средствахъ. Легко усмотреть преимущество, сопряженное съ выпускомъ билетовъ путемъ диконта: онъ позволяетъ банку взимать проценты съ его ссудъ, тогда-какъ самъ онъ всегда занимаетъ

безъ процентовъ. Дисконтируя простой торговый вексель съ учетомъ процентовъ, банкъ выдаетъ на себя билетъ, кредитивъ, который разнится отъ векселя только тѣмъ, что не приноситъ процентовъ пріобрѣтателю, и выплачивается по предъявленіи. Въ одно и то-же время банкъ есть и кредиторъ и должникъ однѣхъ и тѣхъ же лицъ: онъ кредиторъ векселедателей, которыхъ векселя пріобрѣлъ дисконтомъ; онъ должникъ ихъ, если они имѣютъ въ рукахъ его билеты. Но какъ кредиторъ, банкъ беретъ проценты; какъ должникъ, онъ не платить процентовъ. Въ этомъ заключается его выгода, и выгода весьма значительная, если принять въ разсужденіе огромность оборотовъ, и тѣмъ значительнѣе, чѣмъ болѣе банкъ разширяетъ свои диконты.

Будучи постоянно кредиторомъ на важныя суммы, учетный циркуляціонный банкъ не принужденъ, подобно циркуляціонному депозитному, хранить въ своихъ кассахъ сумму звонкой монеты, равную суммѣ его билетовъ. Ему никогда не можетъ представиться необходимость уплатить разомъ всѣ выпущенные имъ билеты, потому-что часть билетовъ всегда находится въ рукахъ его должниковъ, которые могутъ съ нимъ расkvитаться этими кредитивами. Ему довольно имѣть постоянно въ своихъ кассахъ металлическій резервъ, для ежедневныхъ размѣновъ, и наблюдать только за тѣмъ, чтобы его портфель, т. е. сумма векселей, имъ диконтированныхъ и ему принадлежащихъ, покрывала сумму билетовъ, находящихся въ обращеніи.

Этой предосторожности однако недостаточно:

принужденный расплачиваться по своимъ билетамъ по предъявленіи, банкъ циркуляціонный не можетъ дѣлать ссуды на слишкомъ долгіе сроки, не подвергаясь большой опасности. Непредвидимыя события, несчастная война, внутренній переворотъ, перемъна въ правительствѣ могутъ возбудить опасенія въ билетодержателяхъ; всѣ вдругъ могутъ усомниться въ твердости банка, и всеобщее предпочтеніе ходячей монеты можетъ причинить огромный пріливъ билетовъ въ конторы банка, задолго до наступленія срока платежа векселей, долженствующаго покрыть его декувертъ. Подобныя явленія часто случались. Въ 1745 году, когда войско Претендента приблизилось къ городу Дерби, паническій страхъ овладѣлъ лондонской населенностью: отвсюду устремились въ конторы банка для размѣна билетовъ (*bank-notes*) на золото. Директоры, чтобъ выиграть время, прибѣгнули къ странному средству: къ уплатѣ суммъ, которыхъ требовали, — шиллингами и полушиллингами. Это медлительное средство едва ли спасло бы банкъ, еслибы вдругъ не получено было извѣстіе о пораженіи и обѣ отступленіи мятежниковъ, и еслибы главные негоціанты и торговцы Лондона не объявили готовности принимать въ уплату банк-ноты (*). Въ 1814 году, подобный же пріливъ угрожалъ Банку Франціи, когда пушки союзниковъ гремѣли подъ стѣнами Парижа; но достаточно снабженный серебряною монетой, онъ не былъ принужденъ прибѣгать къ хитростямъ, подобно

(*) *Dict. du Commerce* éd. *Guillaumin*, Paris 1842 Т. I. р. 212.

лондонскому банку, и до самаго прекращенія кризиса, ни на минуту не прерваль, и не замедлилъ расплаты по билетамъ. По выраженію Бланкі (*), въ конторахъ банка звонъ серебра, платимаго предъявителямъ билетовъ, сливался съ гуломъ орудій.

Неосмотрительный выпускъ слишкомъ значительнаго числа билетовъ, превышающаго потребности обращенія, не только подъ кредитивы не совсѣмъ вѣрные, но даже и подъ самые надежные, но долгосрочные, былъ причиной паденія множества провинціальныхъ циркуляціонныхъ банковъ въ Англіи (**), Шотландіи (***) , Ирландіи (****), но особенно въ сѣверо-американскихъ С. Штатахъ (*****). Легко понять, что банковые билеты, наполняющіе обращеніе, вытѣсняютъ мало по маку звонкую монету; вскорѣ въ ней оказывается потребность, и конторы банковъ изнемогаютъ подъ бременемъ внезапно требуемыхъ уплатъ. Тщетны всевозможныя хитрости, къ которымъ прибегаютъ для замедленія расплаты; онѣ только привлекаютъ новыхъ требователей; между тѣмъ ссуды, сдѣланныя банками, не возвращаются; напротивъ, между его должниками,пустившимися въ рискованныя предпріятія, открываются банкротства, и самъ банкъ, столь неосторож-

(*) *Blanqui. Histoire de l' Economie politique.*

(**) *Dict. du Commerce.* Т. I, стр. 246. Въ 1825 году, въ теченіе шести недѣль, 70 провинціальныхъ банковъ въ Англіи рушились вслѣдствіе безразсудного разширенія своихъ операций.

(***) *Ad. Smith. Richesses des nations* Т. I. p. 377, éd. Guillaumin.

(****) *Dict. du commerce* Т. I. p. 217.

(*****) *Michel Chevalier. Lettres sur les Etats-unis de l' Amérique du Nord.*

но опустошившій свои резервы, неминуемо впадаетъ въ несостоятельность.

Эти примѣры довольно убѣждаютъ циркуляціонные банки въ необходимости дисконтировать только краткосрочные и сколь можно вѣрные кредитивы и, въ то-же время, остерегаться чрезмѣрнаго выпуска билетовъ. Трудно опредѣлить металлическій резервъ, который долженъ храниться въ банкѣ: это зависитъ совершенно отъ мѣстныхъ обстоятельствъ, отъ расположенія населенности къ употребленію билетовъ вмѣсто монеты, отъ обычнаго срока дисконтируемыхъ векселей. Понятно, почему банкъ Франціи хранитъ въ своихъ подвалахъ резервъ, почти равняющійся суммѣ его билетовъ; нигдѣ, быть-можеть, не встрѣтимъ болѣе недовѣрчивости къ этого рода кредитивамъ какъ между Французами, изъ памяти которыхъ еще не изгладились гибельныя послѣдствія злоупотребленій системы *Ло* (Law) и ассигнацій республики. Банковые билеты легко обращаются въ Парижѣ; но въ ближайшихъ окрестностяхъ столицы уже весьма трудно найти охотника къ ихъ принятію. Въ послѣднія времена, директоры Банка Англіи постановили за правило, чтобы резервъ постоянно равнялся по цѣнѣ трети декуверта (*). Многіе другіе банки довольствуются храненіемъ въ резервѣ $\frac{1}{6}$ -й части декуверта.

Достоинство банковыхъ билетовъ, въ обращеніе выпускаемыхъ, имѣетъ много вліянія на то количество, которое предъявляется къ уплатѣ, и которому

(*) *Dictionnaire du Commerce.* См. Таблицу Т. I. р. 220, 221 и 213.

долженъ соотвѣтствовать резервъ. Циркуляціонный банкъ рѣдко учреждается съ тою цѣлью, чтобы замѣнить билетами всю звонкую монету государственную. Большой частью, его билеты предназначаются для замѣна суммъ довольно значительныхъ, которыхъ перемѣщеніе и счетъ сопряжены съ нѣкоторыми затрудненіями. «Въ оптовой торговлѣ», говоритъ *Сисмонди* (*), «всегда обращается нѣкоторое количество мѣшковъ съ монетой, которыхъ нико-«гда не развязываютъ.» Эти мѣшки съ большимъ удобствомъ замѣняются банковыми билетами въ 1000 и 500 франковъ. Немногіе изъ нихъ только теченьемъ дѣлъ переходятъ въ руки потребителей, нуждающихся въ размѣнѣ, и эти-то немногіе всего чаще предъявляются въ конторы банка. Билеты низшей цѣнности чаще переходятъ къ потребителямъ, нуждающимся въ мелкой монетѣ, и тѣмъ чаще представляются къ размѣну, чѣмъ меньшую означаютъ сумму. Работникъ, получившій свою плату двадцати рублевымъ билетомъ, принужденъ немедленно его размѣнять. Онъ не могъ бы даже обйтись безъ размѣна билета въ полтину или четвертакъ, тамъ-гдѣ 10-ти копѣекъ мѣдью часто довольно для дневного пропитанія.

Размѣнъ банковыхъ билетовъ не всегда производится въ конторахъ банка: большей частью прибѣгаютъ къ посредству *мѣнялъ*, которые взимаютъ небольшую плату за содержаніе мѣнѣальной лавки и за хлопоты размѣна. У нихъ желающіе обмѣниваютъ

(*) *S. Sismondi: Nouveaux principes d'Econ. pol.* II, 417. Paris, chez Treuttel et Wurtzel.

также монету на билеты. Ясно, что если постоянно уменьшать болѣе требуется монеты, нежели билетовъ (что должно быть неминуемымъ слѣдствіемъ, какъ излишняго размноженія билетовъ вообще, такъ въ особенности выпуска билетовъ слишкомъ мелкаго достоинства), то они чаше предъявляютъ билеты въ конторы банка, который долженъ содержать резервъ тѣмъ значительнѣйшій.

Величайшее искусство циркуляціоннаго учетнаго банка состоитъ въ томъ, чтобы согласить публичность, всѣмъ доступную и самую открытую, съ крайней осторожностью. Банкъ, дѣйствующій во мракѣ, укрывающій свои обороты отъ вниманія публики, тѣмъ самымъ вредить своему кредиту. Еще болѣе ему должно остерегаться ссудъ рискованныхъ и сколь можно менѣе увлекаться желаніемъ разширить свои обороты и увеличить свою прибыль въ ущербъ своей прочности. Посамой сущности подобнаго учрежденія, банкъ никогда не можетъ быть безъ декуверта, или долга, болѣе или менѣе значительного: но положеніе его тогда только независимо, когда, кроме достаточнаго резерва и залоговъ, предложенныхъ имъ публикѣ, онъ обладаетъ портфелемъ, наполненнымъ кредитивами вѣрными и несомнѣнными. Онъ отклоняется отъ своего назначенія всякой разъ, когда принимая вклады, по которымъ долженъ открывать счеты, самъ употребляетъ ихъ для спекуляцій, или для торговли золотомъ и серебромъ. Но такимъ уклоненія не вредятъ его кредиту, пока онъ умѣетъ согласить ихъ съ надлежащей осторожностью.

Прерванія платежа побилетамъ, даже отказа въ пла-

тежъ по одному билету, достаточно для признанія банка несостоятельнымъ, такъ точно, какъ и всякое частное лицо объявляется несостоятельнымъ, если не можетъ уплатить въ срокъ, или по предъявленіи, выданную имъ на себя облигацию. Нѣтъ надобности протестовать банковые билеты, потому-что они безъименные, и на нихъ нѣтъ передаточной надписи. Несостоятельность банка немедленно служитъ поводомъ къ ликвидациіи его капитала и залоговъ, которые обращаются на покрытіе долговъ банка по билетамъ, вкладамъ и другимъ кредитивамъ. Если банкъ неоплатенъ, то его несостоятельность разоряетъ не только акціонеровъ, участвующихъ въ предприятіи, но наносить также жестокій ударъ всѣмъ билетодержателямъ. Часто банкротство одного подобнаго заведенія влечеть за собой паденіе множества другихъ, связанныхъ съ нимъ ссудами или торговыми дѣлами. Разореніе постигаетъ также предприятия промышленныя, по видимому совершенно постороннія, но которыхъ расчитывали на помощь банка, или участвовали въ его капиталѣ, или владѣютъ значительнымъ множествомъ его билетовъ.

Власть общественная можетъ иногда, для отвращенія подобныхъ дѣйствій, или изъ видовъ политическихъ, предохранить банкъ отъ конечнаго паденія, уполномочивъ его прервать, или запретивъ ему на время, платежъ билетовъ. Оно можетъ придать искусственный и даже принужденный курсъ этимъ билетамъ, какъ тому былъ примѣръ въ Англіи съ 1797 по 1821 годъ; но тогда банковые билеты перестаютъ обращаться какъ кредитивы, а превращаются въ бу-

мажныя деньги. Ихъ курсъ поддерживается или колеблется вслѣдствіе причинъ, которыхъ мы коснулись выше (§ 81).

Много писали и говорили виользу и противъ циркуляціонныхъ учетныхъ банковъ. Пораженные частными злоупотребленіями, которыя повторялись въ глазахъ современниковъ съ жестокимъ учащеньемъ, многіе писатели посвятили свое краснорѣчивое перо указанію слабой стороны банковъ. «Банки» говоритъ Сисмонди, «занимаютъ металлическую монету — на «родную собственность, которая состоитъ и должна «всегда состоять подъ надзоромъ верховной власти. «Земля подъ улицами и площадьми, въ большомъ го- «родѣ, имѣть высокую цѣнность, которую также «можно разсматривать потерянною какъ и цѣнность «звонкой монеты: ни та, ни другая не приносить дохо- «да. Но развѣ дозволяется вся кому подрываться подъ «улицы и площади для устроенія тамъ магазиновъ? «развѣ блестители безопасности и собственности об- «щественной не должны препятствовать всякому по- «добному подкапыванію, законно не разрѣшенному? «развѣ, до разрѣшенія, они не обязаны удостовѣрять- «ся, что никакая опасность, никакой обрывъ не уг- «рожаетъ городу? Звонкая монета есть большая до- «рога торговли; каждый частный банкъ, замѣня- «ющій монету бумагою, роетъ подкопъ подъ этой «большой дорогой (*)..... » Далѣе, подтвердивъ ис- торическими ссылками опасности банковъ, онъ вос-

(1) *N. princ. d'Econ. pol.* T. II, p. 110. Краснорѣчивое сравненіе Сисмонди напоминаетъ картину А. Смита, выше приведенную. Жаль только, что Сисмонди не примѣнилъ своего сравненія къ бумажнымъ

кликаетъ: «Такое множество устрашающихъ примѣровъ гибельной участіи банковъ, даже основанныхъ «на добровольномъ договорѣ, могли бы побудить къ «ихъ совершенному отмѣненію.» (*)

Послушаемъ другого писателя, посѣтившаго страну, гдѣ наиболѣе сдѣлано злоупотреблениій со стороны банковъ, и гдѣ эти учрежденія доставили также наиболѣе пользы, несмотря на множество частныхъ исключеній. «Американцы,» говоритъ Шевалье въ своихъ письмахъ о Соединенныхъ Штатахъ, (**) «проникнуты неустрашимой вѣрой въ бумагу; не слѣпою вѣрой, потому-что если у насъ (Французовъ) были ассигнаціи, то они не забыли еще континентальной монеты (*continental money*), и кромѣ того, въ прошедшемъ, воспоминанія ихъ безпрестанно встрѣчаютъ банкротства, массою постигавшія банки; нѣтъ, вѣрою разумной, мужествомъ разсудительнымъ. Прошлою зимой (1836) всѣ знали, что въ иномъ банкѣ, въ нью-йоркскомъ штатѣ, состояло на лицо неболѣе пяти долларовъ монетою на сто долларовъ, выпущенныхъ билетами, и еще менѣе. Услышавъ о

деньгамъ; оно было бы приличнѣй и справедливѣй. Несостоятельностью банковъ скорѣе подрываются капиталы народа, нежели его металлическій фондъ.

(*) Ibid p. 115, T. II. Сисмонди тутъ же прибавляетъ: «Однако, когда банки ограничиваются единственными оборотами имъ приличными и дисконтомъ краткосрочныхъ векселей, то они доставляютъ справедливую прибыль предпринимателямъ, и довольно полезны торговлю; они содѣйствуютъ пониженію процента и особенно много способствуютъ его уравненію и постоянству.» Можно ли эту пользу, сколь ни скрупо она выражена, назвать малозначащею?

(**) Miche! Chevalier. *Lettres sur les Etats Unis de l'Amérique du Nord* II. 252.

«томъ, Французы возопили бы: спасайся, кто какъ можетъ! и устремились бы на банкъ для размѣна билетовъ на серебро. Подавленный банкъ остановилъ бы платежи; 50 или 70 билетовъ на сто превратились бы въ рукахъ владѣльцевъ въ простые клочки бумаги; и, что еще гораздо хуже, множество другихъ банковъ, которые всѣ владѣютъ значительнымъ количествомъ взаимныхъ билетовъ, рушились бы одинъ за другимъ, какъ то приключилось въ нынѣшнемъ апрѣль мѣсяцѣ (1837) въ Федеративномъ округѣ вслѣдствіе вражды, возгорѣвшей между президентомъ, генераломъ Джаксономъ, и большими филадельфійскими банкомъ. Каждый упавший банкъ увлекъ бы въ свое банкротство множество частныхъ предпринимателей; за ними пали бы другие банки; разореніе раскинулось бы по всему государству. Посреди столь трудныхъ обстоятельствъ, съ банкротствомъ висящимъ надъ головой, Американцы не дрогнули. Они выстояли, какъ старые солдаты неподвижно выдерживаютъ огонь батареи или смыкаются въ каре и щетинятся штыками противъ напора стаи Арабовъ или Мамелюковъ. Ни одинъ изъ банковъ нью-йоркского штата (гдѣ ихъ считалось тогда 87, кромѣ 3-хъ конторъ большого банка Соедин. Штатовъ) (*), не прервалъ платежа билетовъ, и едва только пять или шесть банковъ не устояли, тамъ и сямъ, во всемъ союзѣ (**).»

(*) Ibid. II. 297.

(**) По свѣденіямъ собраннымъ Шевалье, число банковъ въ Соедин. Сѣверо-американскихъ Штатахъ въ 1835 году простиралось до 557,

Подобные кризисы не всегда проходили такъ счастливо, и самъ Шевалье приводитъ примѣры паденія множества банковъ, увлекавшихъ за собой въ банкротство своихъ собратій и другія предпріятія. Но подлѣ этихъ плачевныхъ послѣдствій неосторожности, нельзя не преклониться съ удивленіемъ предъ огромнымъ развитіемъ промышленнымъ, которое,

и еще считалось 120 вспомогательныхъ конторъ. Сверхъ того тамъ имѣется большой банкъ т. н. *Bankue mère* въ Филадельфіи, у котораго 25 побочныхъ конторъ. Основной капиталъ мѣстныхъ банковъ простирался до 196, 250, 337 долл., капиталъ большого филадельфийскаго банка до 35, 000, 000 (долларъ=5 фр. 37 сант.=126 коп. сер.)

Всего 231, 250, 337 долларовъ (около 308, 333, 750 руб. сереб.). Билетовъ большею частию въ 5 и 10 долларовъ было выпущено:

мѣстными банками на 86. 352. 698 долларовъ.

большимъ на 17. 339. 797

всего на 103. 692. 495 (около 133. 256. 500 руб. серебр.)

Звонкой монеты въ резервѣ состояло въ мѣстныхъ банкахъ на 28. 229. 256 долларовъ

въ большомъ на 15. 708. 369

всего 43. 937. 625 (58. 383. 500 р. сер.).

Портфель банковъ содержалъ кредитивовъ:

въ мѣстныхъ на 313. 222. 798 долл.

въ большомъ на 51. 941. 036

всего на 365. 163. 834 (т. е. 486. 883. 000 руб. сер.).

Такъ-какъ средній срокъ къ уплатѣ векселей, банками дисконтируемыхъ, въ сѣв. ам. Соед. Штатахъ полагается въ $2\frac{1}{2}$ мѣсяца, по довольно умѣренному для этой страны проценту 6%, то сумма дисконта всѣхъ американскихъ банковъ не менѣе 2,425,000,000 руб. сер. Можно себѣ представить какое огромное пособіе промышленность обрѣтаетъ въ подобномъ кредитѣ. Американцы это чувствуютъ и понимаютъ, и вотъ тайна ихъ снисходительности и терпѣнія. Тамъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, банковые билеты замѣняютъ въ обращеніи звонкія деньги, которыя хранятся въ кассахъ банковъ, принужденныхъ платить по предъявленію. Однако надѣясь на кредитъ, на безмолвную и всеобщую благосклонность націи, на ея благоразуміе, американскіе банки иногда чрезмѣру умножаютъ количество выпускаемыхъ билетовъ, и примѣры самыхъ гибельныхъ паденій тамъ весьма часты (*Ibid. Note 15. T. I. p. 549*).

при помощи банковъ, осуществилось въ съверо-американскихъ С. Штатахъ. Имъ то, ихъ смѣльимъ и неустранимыемъ операциямъ Американцы обязаны быстрымъ устроенiemъ множества путей сообщенія, каналовъ, желѣзныхъ дорогъ; неимовѣрнымъ распространенiemъ хлопчатобумажныхъ плантаций и всякого рода земледѣльческихъ предпріятій; усиленіемъ комерческаго флота; почти волшебнымъ образованіемъ многочисленныхъ цвѣтушихъ городовъ. Благодаря банкамъ, одинъ и тотъ-же капиталъ работаетъ тамъ за два, за три, за четыре; едва достаточный для поддержанія одного предпріятія, онъ одушевляетъ разомъ два или три, такъ сказать разносимый на крыльяхъ банковыхъ билетовъ. Въ этихъ билетахъ, къ которымъ въ Америкѣ питають столь понятное намъ пристрастіе, поселенцы, приступающіе къ разработкѣ новыхъ нетронутыхъ земель, находятъ пособіе драгоцѣнное. Не прибѣгая къ прямой помощи одинъ другого, черезъ посредство банка, немедленно между ними возникающаго, они пользуются нѣкоторымъ образомъ средствами, имъ всовокупности принадлежащими. Увлекаемыя общимъ движениемъ, ни малѣйшія сбереженія не остаются тамъ въ бездѣйствіи. Такъ въ теченіи 50 лѣтъ, пустыни и дебри, по берегамъ Миссисипи, Делавара, Огіо, Потомака, покрылись многолюдными городами, роскошными плантациями, пересѣклись каналами и желѣзными дорогами: кредитъ и банки произвели это чудо временъ новѣйшихъ.

Въ Европѣ, банки также вездѣ оказывали и оказываются несомнѣнныя услуги промышленности

Вездѣ предприниматели всякого рода легче снискиваютъ у нихъ кредитъ, въ которомъ нуждаются и, благодаря ихъ дисконтамъ, могутъ употреблять производительно цѣнности, отчужденныя ссудой. Вездѣ они оживляютъ и поддерживаютъ производительность капиталовъ, открываютъ широкіе пути къ обогащенію народному. И, нельзя не согласиться, тѣмъ дешевле, тѣмъ доступнѣе пособіе банковъ, чѣмъ болѣе между ними соперничества. Такъ уже болѣе ста лѣтъ промышленность Англіи, Шотландіи и Ирландіи паритъ на крыльяхъ кредита, и безъ помощи банковъ быть-можетъ никогда не достигла бы высоты, которою поражаетъ нынѣ.

Банки, какъ мы увидимъ далѣе, имѣютъ важное уравнительное вліяніе на проценты съ капиталовъ. Они предохраняютъ націю отъ чрезмѣрного и прихотливаго роста. Кромѣ того, въ большихъ циркуляціонныхъ банкахъ, правительства обрѣтаютъ пособія самыя полезныя. Извѣстны услуги, оказанныя банкомъ Франціи Наполеону и, въ собѣнности, нынѣшнему правительству. «Лондонскій банкъ,» по выражению Адама Смита (*), «дѣйствуетъ доселѣ «(1845) не только какъ обыкновенный банкъ, но еще «какъ одинъ изъ великихъ механизмовъ государствен-«наго управлѣнія. Онъ принимаетъ и уплачиваетъ «большую часть ежегодныхъ долговъ государствен-«ныхъ, выпускаетъ въ обращеніе казенные обли-«гаціи (*billets de l'échiquier*), и выдаетъ впередъ «правительству поземельные и косвенные налоги, «часто собираемые нѣсколькими годами позже.»

(*) A. Smith: *Richesses des nations* Т. I.

Не должно однако ослѣпляться этимъ блескомъ: величія опасности сопряжены съ учрежденіемъ банковъ, особенно тамъ, гдѣ подобнымъ предпріятіямъ представлена полная свобода, какъ тому видимъ прімѣры въ съверо-американскихъ С. Штатахъ и въ Великобританіи. Стремясь за усиленіемъ своихъ выгода, терзаемые духомъ соперничества, честолюбіемъ, желаніемъ разширить свои обороты; подстрекаемые рвеніемъ, съ которымъ всякий спѣшитъ воспользоваться ихъ предложеніями, банки часто увлекаются за предѣлы осторожности и благоразумія. Щедрою рукой раздавая кредитъ; дисконтируя безъ различія всякіе кредитивы; поддерживая всякого рода предпріятія, самыя дерзкія и даже явно невыгодныя; принимая за существенныя потребности лихорадочную дѣятельность, которая иногда овладѣваетъ промышленостію, банки усиливаютъ чрезмѣру выпускъ своихъ билетовъ, наполняютъ свои портфѣли бумагою невѣрною, сомнительною. Многіе изъ предпринимателей, получивши ссуды изъ банка, разоряются: ихъ банкротство причиняетъ паденіе другихъ; количество билетовъ начинаетъ превышать потребности обращенія; кредитъ банка колеблется, и скоро, подавленный предъявленіями, онъ ввергается въ бездну несостоятельности, увлекая туда-же множество другихъ предпріятій. Неосмотрительности должно приписать большую часть этихъ кризисовъ; но какъ предвидѣть столь плачевые результаты посреди обманчиваго оживленія промышлености, обыкновенно сопровождающаго усиленіе дисконтовъ? Ослѣпленные этими признаками, «банки большей частью»

справедливо замѣчаетъ одинъ изъ новѣйшихъ экономистовъ, (*) «заслужили упрекъ неосторожности. Рѣдко они отличались благоразуміемъ передъ другими торговыми предпріятіями, ихъ окружающими.»

По сему-то, сознавая всю пользу приносимую банками, всякий согласится, что они должны быть подчинены постоянному надзору власти общественной, избѣгающему однако ихъ чрезмѣрнаго стѣсненія. Сисмонди и его послѣдователи напрасно требуютъ отмѣны подобныхъ учрежденій; но они правы, когда требуютъ обузданія ихъ злоупотребленій государственными мѣрами. Какими?—не наше дѣло рѣшать этотъ вопросъ. Въ степени образованности народной, въ ходѣ промышленности, въ ея потребностяхъ и привычкахъ, надлежитъ искать его разрѣшенія.

Упомянемъ однако о предохранительной мѣрѣ, которую начинаютъ употреблять въ сѣверной Америкѣ, и которая состоитъ въ учрежденіи страхового фонда, на случай неоплатности банковъ. Постановленіе, подчинившее банки этому учрежденію, вышло въ апрѣль мѣсяцѣ 1829 года подъ названіемъ safety-foundact; оно еще не вездѣ вошло въ силу (**). Въ штатѣ, где учреждена подобная касса, каждый изъ банковъ, ей подчиненныхъ, вносить въ нее ежегодно 1-го января пол-процента со своего основнаго капитала, доколѣ итогъ его вносовъ достигнетъ 3% этого капитала. Такимъ образомъ все банки участвуютъ въ составленіи страхового фонда, и каждый изъ нихъ можетъ прибегать къ его помощи, въ случаѣ крайности. Тро-

(*) Courcelle de Seneuil: *Le crdit et la Banque*. Paris, 1840, p. 25.

(**) Michel Chevalier: *Lettres sur les Etats unis de l'Amerique*. II 295.

нутый фондъ страховой пополняется тѣмъ же способомъ. Всѣ банки, вмѣстѣ съ страховой кассой, находятся подъ присмотромъ трехъ комисаровъ, изъ которыхъ одинъ назначается правительствомъ, а двое избираются банками. Комисары, покрайней мѣрѣ три раза въ годъ, посѣщаютъ всѣ банки штата, рассматриваютъ ихъ операциіи, и удостовѣряются въ соблюденіи устава. По требованію трехъ банковъ, комисары обязаны подвергнуть ревизіи всякой подозреваемый банкъ, который, въ случаѣ нарушенія устава, закрывается чрезъ посредство *Court of chancery*. Эти мѣры начинаютъ уже приносить плоды, и съ нѣкоторыхъ поръ въ Европѣ рѣже разносятся слухи о несостоятельности американскихъ банковъ.

36. ПЕРЕВОДНЫЕ ВЕКСЕЛЯ.

Помощію простыхъ векселей и безъименныхъ билетовъ, одно лицо можетъ передать другому право на получение уплаты, то надписью, то простой передачей кредитива. Переводный вексель, кроме передачи права, допускаетъ еще обмѣнъ долговъ: посредствомъ подобнаго кредитива одинъ должникъ замѣняетъ себя другимъ, и два кредитора единовременно удовлетворяются, не прибегая къ двоякой расплатѣ. Примѣръ: Петербургскій купецъ *Иванъ* долженъ московскому *Петру* 1000 руб. за товары, проданные по комиссіи послѣдняго; если, въ то-же время, *Ивану* долженъ 1000 руб. другой московскій купецъ *Сидоръ*, то онъ можетъ выслать *Петру* вексель на *Сидора*, которымъ прикажетъ послѣднему упла-

тить свой долгъ *Петру* самому, или, по его приказу, кому онъ назначитъ. Въ этомъ случаѣ ясно, что два кредитора *Иванъ* и *Петръ* удовлетворяются, и два должника *Иванъ* и *Сидоръ* освобождаются одною расплатой. *Другой примѣръ:* Если купецъ *Иванъ* не имѣетъ должниковъ въ Москвѣ, то онъ можетъ расплатиться иначе: чрезъ посредство биржевого маклера или банкира ему нетрудно узнать, что другой петербургскій купецъ *Федоръ* долженъ получить съ московскаго купца *Кузьмы* 1000 руб. уплаты; чрезъ посредство того-же маклера онъ можетъ купить у *Федора* вексель на *Кузьму*, заплативъ ему долгъ послѣдняго, и перевести этотъ вексель на имя *Петра*, который получитъ по немъ уплату съ *Кузьмы*. Тутъ опять одна уплата освобождаетъ разомъ двухъ должниковъ *Ивана* и *Кузьму*, и удовлетворяетъ двухъ кредиторовъ *Федора* и *Петра*.

Этихъ примѣровъ довольно, чтобы объяснить какимъ образомъ переводный вексель избавляетъ отъ затрудненій пересылки звонкой монеты, и отъ потери времени, сопряженной съ частымъ повтореніемъ денежныхъ расплатъ. Главное отличие переводного векселя отъ простого заключается въ томъ, что первый означаетъ ссуду, и можетъ имѣть силу только въ томъ мѣстѣ или въ томъ городѣ, где находится векселедатель. Переводный же всегда предполагаетъ, по необходимости, передачу данной суммы изъ одного мѣста въ другое, и замѣняетъ нѣкоторымъ образомъ эту сумму. Вотъ почему, если точность уплаты, по предъявленіи или въ означеный срокъ, необходима для приданія внутренней цѣнности просто-

му векселю, то она еще необходимъе для векселя переводнаго.

Впрочемъ, по формѣ и содержанію, вексель переводный мало разнится отъ простого. Во второмъ приемѣрѣ, выше приведенномъ, *Федоръ* есть векселедатель; *Иванъ* приобрѣтатель (*репенур*); онъ же становится надписателемъ, когда передаетъ надписью вексель *Петру*; послѣдній есть податель, но можетъ также сдѣлаться надписателемъ, если передастъ вексель другому купцу *Семену*, который тогда будетъ подателемъ; *Кузьма* есть плательщикъ. Какъ въ простомъ, такъ и въ переводномъ векселѣ, необходимо должны быть выставлены имена и мѣсто жительства векселедателя, приобрѣтателя и надписателей, за скрѣпою ихъ подписи; день выдачи; срокъ уплаты; сумма и родъ монеты; валюта, полученная за вексель отъ первого приобрѣтателя. Кромѣ того, собственно въ переводномъ векселѣ, означается торговая форма и мѣсто жительства плательщика; одинаковой ли выданъ вексель или въ 1-мъ, 2-мъ, 3-мъ и т. д. экземплярѣ или въ копіи; условленный курсъ монеты, если вексель не писанъ просто на иностранныя или народныя деньги; также, долженъ ли платежъ быть произведенъ всилу (или безъ) предварительного увѣдомленія письменнаго. Для большей вѣрности, векселедатель можетъ, на случай нужды, означать на векселѣ двухъ, трехъ и болѣе плательщиковъ. Переводный вексель, по которому уплата не слѣдуетъ по явкѣ, представляется къ принятію или на акцептацио плательщика. Если вексель по представлениі не уплаченъ или не акцептованъ, то под-

лежитъ протесту, и въ такомъ случаѣ за него отвѣ чаютъ всѣ надписатели и векселедатель, къ которыемъ онъ пересылается обратно, и съ которыхъ послѣдній податель взыскиваетъ издержки и проторы (*).

На kommerческомъ языке, вексель называется *трактою* (*traite*), когда онъ содержитъ приказаніе просто заплатить такому-то, данное плательщику (*tiré*) отъ векселедателя (*tireur*), какъ въ первомъ примѣрѣ, нами приведенномъ. Вексель, купленный первымъ надписателемъ у векселедателя и пересылаемый имъ подателю, какъ во второмъ примѣрѣ, называется *ремизою* (*remise*). Впрочемъ эти названія нимало не измѣняютъ сущности переводного векселя. *Трасировать*, продавать, уступать или негосыровать векселя суть выраженія однозначущія, ибо нельзя трасировать не имѣя покупателя, т. е. третьяго лица здѣсь или тамъ, которое соглашается принять вексель въ уплату. Такъ точно нѣть существеннаго различія въ словахъ купить и передать вексель, ибо нельзя его передать не купивъ предварительно.

Достоинство простого векселя, мы видѣли, преимущественно зависитъ отъ кредита, которымъ пользуется векселедатель, или настоящій должникъ по векселю, хотя, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, достаточно кредита надписателей. Въ вексель переводномъ, настоящій должникъ, т. е. плательщикъ совершенно заслоняется векселедателемъ или надписателемъ. Пріобрѣтатель простого векселя иногда можетъ не

(*) Свойства переводного векселя превосходно опредѣлены въ на шемъ торговомъ законодательствѣ: Св. Зак. Т. XI. Вексельный Уставъ.

знатъ лица, съ котораго долженъ получить уплату, но, живя въ одномъ и томъ же городѣ, легко можетъ спра- виться о его оплатности. Пріобрѣтатель переводна- го векселя на какое-либо отдаленное мѣсто вовсе не знаетъ, и не можетъ ничего узнать, о плательщикѣ, къ которому его адресуетъ банкиръ, выдающій ему *тратту или ремизу*. Онъ принужденъ вполнѣ положиться на его кредитъ. Ясное, опредѣлительное, твердое законодательство и быстрое судопроизвод- ство много облегчаютъ подобныя сдѣлки, которыхъ польза столь существенна. Но всего болѣе побуж- даетъ заботиться о вѣрности векселей и объ исправ- ности ихъ уплаты личная выгода самихъ векселеда- телей и надписателей. Отказанный или возвращен- ный вексель справедливо считается въ торговлѣ оби- дою: но подобный отказъ наносить также сильный ущербъ, потрясая кредитъ дома, выдавшаго вексель, навлекая на него подозрѣніе въ неосмотрительности и даже въ уловкахъ достойныхъ порицанія.

Къ числу послѣднихъ принадлежатъ такъ назы- ваемые *безтоварные векселя*. Два негоціанта, живу- щіе въ двухъ различныхъ городахъ, достаточно удаленныхъ для вексельныхъ оборотовъ, соглашаются выдавать тратты другъ на друга, въ которыхъ озна- чаютъ минимумъ валюту, никогда не существовавшую. Подобные векселя, хотя и сдѣланы по законной фор- мѣ, противорѣчатъ главному основанію всякого век- селя, а именно вексельному договору, всилу кото- раго сумма, векселемъ означаемая, должна быть вы- дана въ одномъ мѣстѣ и уплачена въ другомъ. Это не средство уплаты, но уловка для займа помощію

продажи векселей, которымъ не соотвѣтствуетъ никакое существенное обеспеченіе. Лице, на которое выданъ подобный вексель, можетъ всегда отказаться отъ платежа; тайная сдѣлка или условіе, заключенное имъ съ векселедателемъ, не имѣть никакой законной силы, и пріобрѣтатель подобнаго векселя неминуемо впадаетъ въ самое затруднительное положеніе. Онъ можетъ, конечно, предъявить искъ на векселедателя, но съ этой стороны ему угрожаетъ банкротство, и сумма, которую онъ хотѣлъ помощью подобнаго векселя перевести изъ одного мѣста въ другое, можетъ быть для него невозвратно потеряна.

Еще далѣе простираютъ злоупотребленіе безтоварныхъ векселей: иной спекуляторъ запасается бланкетными надписями мнимыхъ иногородныхъ купцовъ. По-мѣрѣ надобности, черезъ посредство пріятелей, играющихъ въ этомъ дѣлѣ роль настоящихъ сообщниковъ, онъ выпускаетъ въ обращеніе эти векселя, никогда не выходившіе изъ того самого города, гдѣ должны быть предъявлены къ уплатѣ. Онъ можетъ такимъ образомъ пріобрѣсть значительныя суммы продажею подобныхъ векселей, иувѣнчать свои незаконныя продѣлки злостнымъ банкротствомъ. Къ подобнымъ средствамъ, правда, прибегаютъ иногда люди добросовѣстные, съ полною рѣшимостью выполнить обязательства на себя принимаемыя, и въ надеждѣ изворотиться до наступленія срока платежу. Но, съ одной стороны, это одинъ изъ самыхъ дорогихъ способовъ занимать деньги, потому-что къ учету указныхъ процентовъ, къ вексель-

иымъ издержкамъ и обычнымъ комисіямъ въ немъ присоединяются комисіи и преміи, платимыя снисходительнымъ надписателямъ, съ другой же добросовѣтность векселедателя или плательщика нимало не придаетъ вѣрности подобнымъ векселямъ, не представляющимъ никакой существенной цѣнности.

Зло безтоварныхъ векселей принадлежитъ къ числу тѣхъ золъ, которыя наитруднѣе отвратить. Подобныя продѣлки всегда легко могутъ укрыться подъ законными формами. Одинъ только проницательный глазъ искуснаго банкира, или опытнаго торговаго дома, можетъ отличить дурную бумагу отъ хорошей. Неопытные покупатели векселей всего лучше избѣгнуть непріятностей безтоварной бумаги, постоянно обращаясь къ домамъ наиболѣе известнымъ, и придерживаясь ихъ фирмъ. Поспѣшимъ замѣтить, что не слѣдуетъ смѣшивать съ выпускомъ необеспеченныхъ векселей обороты для возстановленія вексельного курса, въ которыхъ иногда самые прочные дома выдаютъ переводы на своихъ корреспондентовъ, даже и тогда, когда послѣдніе ничего не должны имъ, или, напротивъ, для той же цѣли приглашаютъ ихъ выдавать векселя на себя, т. е. создаютъ себѣ—то кредиторовъ, то должниковъ, смотря по надобности, до окончательного расчета.

Несмотря на злоупотребленія, которымъ подвержены переводные векселя, какъ и все придуманное людьми, это изобрѣтеніе оказываетъ самыя существенные услуги промышленности и, въ особенности, торговлѣ. По мнѣнію историковъ, оно относится къ XII и XIII столѣтіямъ и приписывается Евре-

ямъ и Ломбардамъ, которые ввели его частію для избѣжанія опасной переноски монеты, частію для прикрытия, вексельнымъ договоромъ, ссудъ на проценты, которыя въ тѣ времена невѣжества строго преслѣдовались церковными и гражданскими законами (*). По примѣру этихъ первыхъ банкировъ европейскихъ, купечество италіянскихъ республикъ, а вслѣдъ за ними Ганза, нидерландскіе Соединенные Штаты и всѣ торговые города въ Европѣ усвоили себѣ этотъ обычай, задолго до его признания и опредѣленія положительными законодательствами. Въ немъ осуществилось одно изъ самыхъ смѣлыхъ притязаній промышленности: помошью переводныхъ векселей, всякий торговый домъ можетъ дѣйствовать, расплачиваться и получать уплату въ отдаленномъ городѣ, такъ точно какъ и въ мѣстѣ своего пребыванія. Онъ можетъ даже переводить на одно мѣсто долги, которые имѣеть на другомъ мѣстѣ, и расплачиваться этимъ косвеннымъ путемъ. Отъ какихъ издержекъ на пересылку золота и серебра изъ одного города въ другой избавляютъ подобные переводы; отъ какой огромной потери времени и какого множества бесполезныхъ хлопотъ предохраняютъ они торговлю.

Мандатъ (*mandat*) отличается отъ векселя переводного только тѣмъ, что не представляется на принятіе или акцептацию. Обыкновенно мандаты выдаются на малыя суммы, не предполагаютъ необходимо валюты, и основаны на взаимномъ кредитѣ,

(*) См. *Troplong: Du prêt etc. Commentaire du Code civil* T. XIV.

которымъ пользуются два корреспондента. Аксептация плательщикомъ превращаетъ мандатъ въ переводный вексель.

87. О ВЕКСЕЛЬНОМЪ КУРСѢ.

Всякій покупатель переводного векселя имѣеть въ виду *во первыхъ*: избавиться отъ издержекъ и заботъ, сопряженныхъ съ пересылкою нѣкоторой суммы изъ вонской монеты въ мѣсто болѣе или менѣе удаленное; *во вторыхъ*: приобрѣсть документъ, кредитивъ, по которому его кредиторъ получитъ сумму монеты, слѣдующую ему въ уплату. То, чего будетъ ему стоять этотъ вексель или, лучше сказать, сумма денегъ, которая должна быть уплачена въ мѣстѣ жительства его кредитора, есть такъ называемый вексельный курсъ. Онъ опредѣляется не совсѣмъ одинаково между городами одного и того-же государства и между городами, принадлежащими различнымъ государствамъ. Для отличія, вексельный курсъ между первыми можно назвать *снутреннимъ*, между вторыми *иностраннымъ*.

Внутри государства, гдѣ вездѣ обращается одна и та-же монета, вексельный курсъ на одно мѣсто измѣняется, соотвѣтственно изобилию или недостатку векселей въ другомъ. Если напр. петербургская торговля должна болѣе московской, нежели московская петербургской, то ясно что, въ Петербургѣ сильно требуются векселя на Москву, и тѣ негоціанты, которые могутъ ими располагать, естественно ими дорожатъ. Они взимаютъ за переводъ суммы въ сто рублей премію, болѣе или менѣе значительную, и

тѣмъ значительнѣйшую, чѣмъ краткосрочнѣе выдаются вексель, потому-что тѣмъ болѣе должны будуть потерять на немъ процентовъ. Въ Москвѣ-же, напротивъ, векселя на Петербургъ предлагаются во множествѣ, и ногоціанты, ими располагающіе, спѣша получить уплату своихъ долговъ, продаютъ переводы съ уступкой. Однако премія въ первомъ случаѣ, уступка, во второмъ, со включеніемъ процентовъ, не могутъ превышать издержекъ пересылки монеты; ибо тогда петербургскіе должники-покупатели векселей и московскіе кредиторы-продавцы векселей, списались бы и предпочли бы переслать деньги по почтѣ. Легко тутъ усмотрѣть важное вліяніе почтовой таксы за пересылку денегъ, на внутренній вексельный курсъ: слабая такса способствуетъ его уравненію, принося въ то-же время болѣе выгодъ почтовому вѣдомству; слишкомъ высокая, напротивъ, причиняетъ значительную разность въ вексельномъ курсѣ, изъ которой извлекаютъ особенные выгоды, въ одномъ мѣстѣ векселедатели, въ другомъ векселепокупатели.

Въ приведенномъ примѣрѣ, вексельный курсъ благопріятенъ Москвѣ потому, что въ Петербургѣ переводъ 100 руб. на Москву стоитъ болѣе 100 руб. монетою. Онъ неблагопріятенъ Петербургу потому, что въ Москвѣ переводъ 100 руб. на Петербургъ, нельзя продать за 100 руб. монетою. Положеніе кредитора становится выгодно въ Петербургѣ, въ Москвѣ, напротивъ, болѣе выгоды представляеть положеніе должника. Первый можетъ извлечь премію изъ своихъ кредитивовъ; второй, воспользоваться

ся уступкой на своихъ долгахъ. Это обстоятельство побуждаетъ петербургскую торговлю къ высыпкѣ товаровъ въ Москву, московскую, напротивъ, къ ихъ выпискѣ. Тѣмъ самыемъ въ Петербургѣ умножается число кредиторовъ, а слѣдовательно, и векселей на Москву; въ Москвѣ умножается число должниковъ, а слѣдовательно, и спрашивается болѣе векселей на Петербургъ. Мало по малу въ первомъ городѣ вексельный курсъ на Москву понижается; въ Москвѣ-же повышается на Петербургъ; и если установится совершенное равновѣсіе въ долговомъ положеніи, то вексельный курсъ между ними придется въ уровень (au pair). Переводъ 100 руб. на Москву будетъ стоять въ Петербургѣ 100 руб. монетой, ни болѣе ни менѣе; и обратно. Если-жъ вывозы петербургскіе въ Москву до того усилятся, что число должниковъ въ послѣдней столицѣ превзойдетъ число должниковъ въ Петербургѣ, то вексельный курсъ сдѣлается благопріятенъ Петербургу. Новые привозы московскіе опять возстановятъ равновѣсіе, которое снова нарушится по тѣмъ-же причинамъ.

Но пока вексельный курсъ на Москву не благопріятенъ Петербургу, можетъ статься что онъ благопріатенъ Ригѣ, гдѣ имѣется много кредитивовъ на Москву. Петербургская торговля можетъ сдѣлать тогда операцію, которую быстро избавится отъ неблагопріятнаго вексельнаго курса съ Москвою: ей стоять только пріобрѣсть рижскіе векселя на Москву. Подобною операцией можетъ разомъ возстановиться равновѣсіе вексельнаго курса между Петербургомъ, Москвой и Ригой.

Вексельный курсъ внутренній выражается отношеніемъ между двумя величинами, т. е., цѣнностями, изъ которыхъ одна *постоянная*, или *извѣстная*, а другая *перемѣнная*, или *неизвѣстная*. За извѣстную величину берутъ обыкновенно круглое число, выражающее сумму векселя, напримѣръ 100 рублей; его цѣнность безпрестанно измѣняется и выражается въ величинахъ *неизвѣстныхъ*. Въ биржевыхъ бюллетеняхъ извѣстное обыкновенно подразумѣвается, и пишется только неизвѣстное, какъ то: Петербургъ: на Москву на 3 мѣсяца, просить 99½, предлагають 99; на Одессу на 3 мѣсяца, просить 100½ и т. д. Это значитъ что въ Петербургѣ трехмѣсячный переводъ суммы во 100 руб. предлагается на Москву за 99½, но что за него не даютъ болѣе 99; на Одесу за 100 руб. просить 100½.

Иностранный вексельный курсъ не такъ просто опредѣляется какъ внутренній, потому что дѣло идетъ о сравненіи внутренней цѣнности монетъ различныхъ государствъ. Денежный курсъ, т. е. количество чистаго металла въ каждой монете содергимаго, служитъ ему первымъ основаніемъ; однако, для упрощенія сдѣлокъ, обычай даетъ предпочтеніе нѣкоторымъ монетамъ, большею частью *счетными* (§ 82), для выраженія въ нихъ вексельного курса. Иногда вексельный курсъ опредѣляется монетами настоящими (эффективными), когда онъ пользуются особенной извѣстностью и отличаются постоянствомъ подобно голландскимъ червонцамъ. Монетамъ, въ которыхъ выражается вексельный курсъ, въ торговлѣ даютъ название вексельныхъ (*monnaies de*

change). Къ помѣщенію векселя, въ которомъ выставлена будетъ сумма монетами иного рода, всегда представляются затрудненія. Подобно внутреннему, иностранный вексельный курсъ выражается отношеніемъ между величиной извѣстной и неизвѣстной. Первая обыкновенно подразумѣвается. Такъ у насъ въ комерческой газетѣ ежедневно выставляютъ вексельный курсъ на 3 мѣсяца на Лондонъ въ пенсахъ, на Амстердамъ въ ценсахъ, на Гамбургъ въ банковыхъ шиллингахъ, на Парижъ въ сантимахъ, выражая сколько ихъ приходится на серебряный рубль (*). Это значитъ, что, Петербургъ даетъ Лондону, Амстердаму, Гамбургу и Парижу извѣстное за неизвѣстное. Другимъ мѣстамъ онъ принужденъ давать неизвѣстное за извѣстное.

Внутренній вексельный курсъ подверженъ только измѣненіямъ существеннымъ; иностранный, кромѣ того, измѣненіямъ номинальнымъ. Причиною послѣднихъ всегда бываютъ какія-либо перемѣны въ монетной системѣ чужого государства, вслѣдствіе которыхъ измѣняется внутренняя цѣнность вексельной монеты, т. е. количество чистаго металла, въ ней содержимаго. Существенные перемѣны въ иностранномъ вексельномъ курсѣ бываютъ слѣдствиемъ усиленія въ запросѣ на векселя, или въ предложеніи векселей. Какъ внутри государства, такъ и въ торговлѣ иностранной, одно мѣсто можетъ пла-

(*) Комм. газета 16 Октяб. 1845 г. С. Петербургъ:

на Лондонъ на 3 мѣс. пенс.	38 $\frac{1}{4}$, $\frac{5}{16}$	За серебря- ный рубль.
— Амстердамъ на 3 мѣс. ценс.	195	
— Гамбургъ на 3 мѣс. шилл. б.	34 $\frac{5}{16}$, $\frac{11}{16}$	
— Парижъ на 3 мѣс. сант.	407,409	

тить свои долги другому черезъ посредство третьяго. Если напр. Парижъ мало долженъ Петербургу, Петербургъ-же, много Парижу, Парижъ Гамбургу, а Гамбургъ Петербургу, то гамбургскіе негоціанты могутъ принять въ уплату петербургскіе векселя на Парижъ, и такимъ образомъ расплатиться съ послѣднимъ. Этимъ предупредится слишкомъ значительное повышеніе вексельного курса на Парижъ въ Петербургъ. Иногда торговое мѣсто можетъ непосредственно расквитаться съ другимъ, но предпочитаетъ произвести уплату черезъ посредство третьяго, съ которымъ вексельный курсъ выгоднѣе. Расчетъ, по которому банкиры узнаютъ на какое мѣсто выгоднѣе выдавать *тратты* или покупать *ремизы*, называется *арбитражъ* (arbitrage). На опредѣленіе иностранного вексельного курса важнѣйшее влияніе имѣютъ большіе города (т. н. *places cambistes*), которыхъ торговыя сношенія обширнѣе и оживленнѣе, гдѣ легче устанавливается равновѣсіе между долгами и претензіями, гдѣ представляется наиболѣе удобства для отсылки и приема золота и серебра, въ случаѣ нужды. Такъ Лондонъ въ Англіи, Парижъ во Франціи, Амстердамъ въ Голландіи, Петербургъ и Одесса въ Россіи, привлекаютъ къ себѣ большую часть окончательныхъ сдѣлокъ по иностранной торговлѣ, и на нихъ-то опредѣляется вексельный курсъ всего государства съ иностранными державами.

Приверженцы меркантилизма рассматриваютъ положеніе иностранного вексельного курса какъ признакъ выгоднаго или невыгоднаго баланса торговы-

го. Вексельный курсъ, неблагопріятный одному государству въ отношеніи къ другому, можетъ означать, что въ первое доставлено болѣе разнаго рода товаровъ изъ послѣдняго, нежели въ послѣднее изъ перваго. Но этотъ признакъ обманчивъ: государственный заемъ, пересылка иностранныхъ капиталовъ производятъ такіе-же результаты, какъ и привозъ товаровъ. Ктому-же, вексельный курсъ безпрестанно измѣняется вслѣдствіе банкирскихъ операций, независимыхъ отъ собственно торгового движения. Во всякомъ случаѣ это признакъ скоропрходящій, и большей частью совершенно случайный. Неблагопріятный вексельный курсъ, мы уже видѣли, поощряетъ къ вывозу товаровъ; благопріятный, къ привозу; равновѣсіе столь-же быстро возстановляется какъ и нарушается. Если-же обстоятельства препятствуютъ одному мѣсту, имѣющему вексельный курсъ противъ себя, уравновѣсить привозъ товаровъ изъ другого мѣста своими отпусками, то разность доплачивается золотомъ или серебромъ. Меркантилисты видятъ въ этомъ потерю: для нась-же, золото и серебро суть товары подобные всякимъ другимъ, и мы видимъ тутъ одну только торговую сделку.

Смертельные удары, нанесенные системѣ торгового баланса *A. Смитомъ*, вслѣдъ за нимъ искуснейшими экономистами, а всего болѣе опытомъ и силою вещей, не могли однако совершенно уничтожить этого странного предубѣжденія. Еще вездѣ и много говорятъ объ ущербѣ, которому подвергается нація покупающая болѣе нежели продаетъ, или, что все равно,

выписывающая болѣе товаровъ изъ иностранныхъ земель нежели сколько къ нимъ высыпаетъ.

Еслибъ подъ этимъ ущербомъ разумѣли долги, въ которые входитъ нація, то можно было бы, по строгости, допустить нѣтакорыя опасенія, подобные тѣмъ, какія внушаетъ неосторожный потребитель, закупающій въ долгъ. Но гдѣ эти долги? Безъ сомнѣнья во всякое время въ данномъ государствѣ обращается нѣкоторое количество векселей, выданныхъ на него другими государствами, но эти долги перевѣшиваются, частію, кредитивами которые оно само имѣеть на другихъ. Отношеніе между тѣми и другими опредѣляетъ вексельный курсъ, и новые вывозы товаровъ безпрестанно клонятся къ возстановленію равновѣсія въ долговомъ положеніи. Въ самой крайности только, разность доплачивается золотомъ и серебромъ. Я говорю, въ самой крайности, потому-что въ иностранной торговлѣ всякий предприниматель осуществляетъ главную прибыль на выпискѣ, въ обмѣнѣ за привезенные товары, другихъ, и теряетъ на вывозѣ монеты. Въ первомъ случаѣ, онъ можетъ расчитывать на двойной барышъ; во второмъ, онъ тратится то на покупку векселей, то на пересылку монеты, которая, какъ мы достаточно убѣдились (§ 75), вездѣ имѣеть курсъ почти одинаковый.

Разность между привозомъ и отвозомъ есть неизбѣжный и естественный результатъ торговыхъ операций. Распросите любого негоціанта, занимающагося иностранною торговлей; разсмотрите его книги, и вы убѣдитесь, что онъ считаетъ прибыльными

только тѣ операциіи, въ которыхъ цѣнность обратныхъ товаровъ, имъ выписанныхъ, превышаетъ цѣнность товаровъ высланныхъ, ибо тогда только они окупають его издержки и доставляютъ ему барышъ. Пояснимъ примѣромъ: рижскій негоціантъ закупаетъ на 50,000 рублей льна и пеньки, которые высыпаетъ въ Лондонъ; онъ объявляетъ въ таможнѣ отвозную цѣнность въ 50,000 рублей. Но въ самый день отвоза, эта цѣнность начинаетъ увеличиваться присоединеніемъ разнаго рода издержекъ, а именно: отвозной таможенной пошлины, нагрузки, фрахта, зундской пошлины, привозной пошлины въ Англіи, страховыхъ и разныхъ комисій; по прибытіи въ Лондонъ грузъ уже стоить 20 процентами болѣе чѣмъ стоилъ въ Ригѣ. Если онъ будетъ проданъ съ 20 процентами барыша, то первоначальная цѣнность въ 50,000 рубл. превратится въ 70,000. Нашъ негоціантъ можетъ вывезти изъ Лондона эту сумму золотомъ или серебромъ; но этихъ металловъ уже довольно въ Россіи и онъ гораздо болѣе выигрываетъ, выписавъ, примѣрно, манчестерской бумажной пряжи, въ которой нуждаются наши владимірскіе и московскіе ткачи. Доставка пряжи изъ Манчестера въ Лондонъ и изъ Лондона въ Ригу съ разными пошлинами, комиссионными, нагрузкою и перегрузкою, обойдется около 20%, что превратить вывезенную цѣнность, не превышавшую 50,000 рубл., въ 80,000 рубл. по ея обратномъ привозѣ, не включая барыша, который осуществленъ будетъ негоціантомъ въ Россіи на продажѣ бумажной пряжи. Еслиъ дѣла пошли иначе; еслиъ напр.: ленъ, на

пути изъ Риги въ Лондонъ, претерпѣлъ аварію, замокъ или погнилъ бы; то его продажа въ Англіи не только не принесла бы барыша, но убытокъ; негочіантъ потерялъ бы на немъ не только часть покупной цѣны, но также фрахтовыя издержки; онъ получилъ бы за цѣнность въ 50,000 рублей+20% издержекъ едва 20,000 руб.; и тогда его обратный привозъ пряжи съ 20% издержекъ не превзошелъ бы 24,000 рублей.

Англичане и другіе иностранцы, которые ведутъ съ нами торговлю, расчитываютъ какъ и наши купцы. Они рѣшаются на доставку къ намъ своихъ произведеній, въ надеждѣ только продать ихъ намъ по цѣнѣ, которая окупить издержки доставки и еще принесетъ барышъ, и навырученную сумму купить товары отвозные, на которыхъ надѣяются осуществить другой барышъ въ Англіи, или въ иномъ мѣстѣ.

Такимъ образомъ систему торговаго баланса можно принять *на-оборотъ*. Не только нація не теряетъ, когда привозъ превышаетъ отвозъ, но напротивъ она выигрываетъ лишь по мѣрѣ того, какъ въ привозѣ состоить болѣе цѣнности, нежели въ отвозѣ. Разница, за вычетомъ расходовъ доставки, всегда составляетъ чистый барышъ. Это объясняетъ, почему всѣ націи, участвующія въ международной торговлѣ, находятъ въ томъ выгоды самыя существенные.

Покупая-же товары иностранные на сумму, вырученную за свои, народъ не только не наносить никакого ущерба собственной промышленности, но, напротивъ, оказываетъ ей величайшее и самое дѣй-

ствительное изъвсѣхъ поощреній: — онъ открываетъ ей сбыты. Эти покупки могутъ быть, однако, противны личнымъ интересамъ нѣкоторыхъ производителей отечественныхъ, которымъ хотѣлось бы продавать подобные-же продукты своего производства по цѣнѣ вдвое или втрое дороже иностранныхъ. Чтобы доставить имъ это удовольствіе, можно запретить привозъ продуктовъ иностранныхъ или обложить ихъ высокою пошлиной. Тогда, правда, разные народные промыслы лишатся сбыта, нѣкоторые товары вздорожаютъ и бѣдные люди приуждены будутъ отказаться отъ ихъ употребленія; — но фабрики, прикрытыя тарифомъ будутъ процвѣтать и доставлять весьма круглые барыши владѣльцамъ. Все это однако ни мало не измѣнитъ торгового баланса: купцы, ведущіе заграничную торговлю, не перестанутъ, подъ страхомъ разоренія и банкротства, заботиться о томъ, чтобы цѣнность привоза постоянно превышала цѣнность отвоза, и первый будетъ иногда превышать послѣдній только въ таможенныхъ отчетахъ, гдѣ, въ графѣ отвоза часто упоминаются товары, погибшіе въ волнахъ морскихъ, а въ графѣ привоза часто выставляются цѣнности, съ умысломъ ниже показанныя привозителями, для избѣжанія платежа слишкомъ высокой пошлины. Эти списки всегда будутъ содержать полезныe и занимателльные матеріалы для статистическихъ изслѣдованій, но въ нихъ вѣрнаго и несомнительного можетъ быть одна только величина: а именно, таможенный доходъ, поступающій въ кассы казначейства.

88. ТОРГОВЛЯ КРЕДИТОМЪ; БАНКИРЫ; ДОЛГОВЫЕ ТРАНСФЕРТЫ.

Въ обществѣ всегда есть лица, которые нуждаются въ займахъ; другія, напротивъ, ищутъ выгодныхъ ссудъ для помѣщенія своихъ сбереженій; часто, въ промышленности, ссудившій принужденъ занимать подъ кредитивъ, ему принадлежащей. Наконецъ, одни владѣютъ векселями иногородными или иностранными, другіе нуждаются въ подобныхъ векселяхъ для расплаты съ своими кредиторами. Такъ-какъ всѣ подобныя сдѣлки почти никогда не бываютъ даровыми, то можно правильно сказать, что одни продаютъ кредитъ, т. е. пользованіе чужою собственностью, другіе его покупаютъ.

Всѣ члены общества болѣе или менѣе участвуютъ въ этой торговлѣ. Кому не случается въ жизни занимать или одолживать подъ проценты? Вникая въ сущность этого рода сдѣлокъ, нельзя не открыть въ нихъ выгодъ обоюдныхъ. Заемщикъ, помошю чужого капитала или чужой собственности, можетъ поправить свои дѣла, разширить свое производство. Запомадавецъ съ своей стороны получаетъ доходъ, т. е. процентъ съ капитала, который, безъ того, остался бы непроизводительнымъ. Поступая осторожно, съ нѣкоторымъ искусствомъ и предусмотрительностью, можно извлекать выгоды равно значительные какъ изъ продажи, такъ и покупки кредита. Эта особенность не укрылась отъ проницательности личнаго интереса, и на ней основалась особенная вѣтвь торговли. Явились предприниматели,

т. н. банкиры, которые посвятили себя одной только торговлѣ кредитомъ, и обратили ее въ источникъ прибыли. Операциі ихъ промысла очень просты, и мало отличаются отъ оборотовъ другихъ негощантовъ.

Банкиръ служить посредникомъ между владельцами излишнихъ капиталовъ, и между лицами, которыя въ нихъ нуждаются. Онъ занимаетъ у первыхъ, ссужаетъ вторымъ, и какъ тѣмъ, такъ и другимъ оказываетъ услугу, за которую первые охотно дѣлаютъ ему уступки на процентахъ, вторые-же, напротивъ, охотно платятъ премію. Изъ разности между процентами, которымъ подчиняетъ себя банкиръ, и тѣми, которые взимаетъ съ своихъ должниковъ, образуется его прибыль, не только покрывающая расходы на содержаніе конторы, прикащиковыхъ, кассировъ, на веденіе книгъ, на обеспеченіе рисковъ, но также доставляющая ему справедливое вознагражденіе за опытность, искусство, познанія, въ которыхъ нуждается его промыселъ, и которыя онъ принужденъ пріобрѣсть.

Въ свѣтѣ иногда слышимъ сужденія неблагопріятныя промыслу банкировъ. Многіе полагаютъ, что прибыль ими взимаемая не есть законная, что это паразиты, посредники безполезные и убыточные. Чтобы убѣдиться въ противномъ, стоитъ только отдать себѣ ясный отчетъ въ услугахъ, которыя банкиръ оказываетъ промышленности и капиталистамъ. Фабрикантъ, торговецъ часто принуждены продавать свои товары подъ кредитивъ, подъ вексель на сроки удаленные: тѣмъ самыемъ они лишаются, до

срока уплаты, пособія капитала, представляемаго векселемъ; правда, имъ платятъ проценты, но, какъ мы убѣдимся далѣе, проценты всегда много уступаютъ той прибыли, которую можно осуществить на примѣненіи капитала къ производству. Если купецъ пользуется кредитомъ у банкира, то послѣдній выводить его изъ затрудненія, дисконтируя его вексель: онъ предлагаетъ предпринимателю капиталъ праздный, который иначе остался бы безъ употребленія. Не менѣе затруднительно положеніе капиталиста, который желалъ бы ссудить свои сбереженія, но опасается невѣрныхъ или неосторожныхъ рукъ: посредство банкира, пользующагося извѣстностью и всеобщимъ кредитомъ, для него драгоцѣнно. Само собой разумѣется, что занимая одною рукой, ссужая другою путемъ диконта, банкиръ долженъ вести свои дѣла съ крайней осторожностью, и ежеминутно заботиться о поддержаніи и сохраненіи своего кредита.

Одна изъ важнѣйшихъ операций банкира состоитъ въ продажѣ и покупкѣ переводныхъ векселей. Его контору можно рассматривать какъ настоящее складочное мѣсто этого рода кредитивовъ. У всякого банкира есть свой маклеръ на внутреннемъ рынке; также корреспонденты, такие-же банкиры, въ главныхъ отечественныхъ и иностранныхъ городахъ. Чрезъ посредство первого онъ скапаетъ *ремизы*; сношенія со вторыми позволяютъ ему выдавать *тратты*. Кроме того, банкиры различныхъ городовъ, состоящіе въ сношеніяхъ, оказываются другъ другу взаимный кредитъ, что позволяетъ имъ от-

крывать, въ различныхъ мѣстахъ, кредиты желающімъ помошю простыхъ писемъ. Всякій ищетъ векселя или кредита на отдаленное мѣсто потому что въ немъ нуждается и, въ особенности, чтобы избавиться отъ издержекъ и риска пересылки или перевозки денегъ. Справедливость требуетъ платы за оказанную услугу: не банкиръ, а покупатель векселя долженъ нести маклерскія издержки (обыкновенно $\frac{1}{8}\%$), гербовую пошлину, процентъ (если желаютъ получить уплату по предъявленіи), почтовые расходы, и наконецъ комисію за хлопоты самого банкира (обыкновенно $\frac{1}{2}\%$). Такъ точно и продающій вексель банкиру подвергается всѣмъ тѣмъ-же издержкамъ, если не самъ банкиръ предъявилъ запросъ на его кредитивъ. Легко понять какимъ образомъ, чрезъ посредство своихъ корреспондентовъ, банкиры способствуютъ уравненію вексельного курса, закупая ремизы въ мѣстахъ, где они изобилуютъ, на то мѣсто, съ которымъ вексельный курсъ неблагопріятенъ.

Къ учетамъ, къ вексельнымъ оборотамъ банкиры присоединяютъ еще приемъ вкладовъ, по которымъ ведутъ открытые счеты. Въ Англіи, во Франціи, въ Италіи, въ Германіи, частью въ Россіи, богатые люди не держать у себя много монеты, но поручаютъ ея храненіе банкирамъ, которыхъ кассы безопаснѣе частныхъ шкаповъ и шкатулокъ. Для необходимыхъ расплатъ, они выдаютъ на нихъ *ордеры a vista*. Съ своей стороны, банкиры уравновѣшиваютъ сколь можно болѣе взаимные долги лицъ, имѣющихъ съ ними открытые счеты, такъ, что одна толь-

ко разность доплачивается монетой. Подобный обычай трансфертовъ по книгамъ особенно полезенъ для негоціантовъ, состоящихъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ, и которымъ служить одинъ и тотъ же банкиръ; онъ позволяетъ также націи осуществить не маловажную экономію на монетѣ: послѣдней съ одной стороны, нужно гораздо менѣе, а съ другой она не столь много терпитъ отъ утишки.

Генрихъ Торнтонъ (*), бывшій однимъ изъ первыхъ банкировъ въ Лондонѣ пишетъ, что въ его время считалось въ этой столицѣ 70 банкирскихъ домовъ; онъ оцѣниваетъ въ 4 и до 5 миллион. фунт. стерл. итогъ платежей, которые производились ими ежедневно, что среднимъ числомъ представляеть въ годъ огромную сумму въ 1643 миллион. фунтовъ стерлинговъ (около 10,000 мил. руб. сер.). Двѣнадцати или 13 миллион. фунт. стерл. звонкою монетой или банк-нотами, ее замѣняющими, достаточно было для обращенія столь огромнаго. При помощи долговыхъ трансфертовъ, одинъ фунтъ стерлингъ служилъ для расплаты товаровъ на 132 фунта.

Для расплаты между собою, банкирскіе и торговые дома, въ Англіи, прибѣгаютъ къ учрежденію общихъ ликвидационныхъ конторъ т. наз. *clearing-house* (или *bureau de dépouillement*). Въ опредѣленный часъ, въ назначенномъ мѣстѣ собираются уполномоченные прикащики отъ разныхъ домовъ. Передъ каждымъ изъ нихъ открывается небольшой

(*) *Henry Thornton: Recherches sur la nature et les effets du crédit et du papier dans la Grande Bretagne*, Ch. IV. p. 154.

ящикъ, съ надписью торговой фирмы дома. Отъ времени до времени входятъ въ залу другіе прикащики, и бросаютъ въ открытые ящики каждого дома векселя, по которымъ слѣдуетъ съ него уплата другимъ; прикащикъ, къ ящику приставленный, немедленно вноситъ сумму векселя въ приготовленную для того книгу, означая имя дома, которому слѣдуетъ платы. Въ 4 часа по полудни всѣ ящики закрываются. Каждый прикащикъ выводить итоги суммъ векселей ему предъявленныхъ, по которымъ его домъ долженъ платить другимъ. Въ то-же время ему приносятъ изъ конторы книгу, гдѣ записаны суммы векселей, положенныхъ хожалымъ прикащикомъ въ ящики другихъ домовъ. По этой книжѣ онъ сравниваетъ суммы, которыя домъ его долженъ уплатить другимъ, съ тѣми, которыя долженъ съ нихъ получить; выводить и записываетъ балансъ, означая имя каждого дома и сколько ему, или съ него, слѣдуетъ разности монетою. Счеты повѣряются взаимно другими прикащиками; за тѣмъ, роспись балансу посыпается въ кассу каждого дома, откуда приносятъ разность монетою или банк-нотами. Въ 6 часовъ инспекторъ заведенія открываетъ свое засѣданіе: прикащики домовъ, противъ которыхъ оказался балансъ, платятъ разность инспектору; съ него же берутъ росписку. Тѣ, whomъ слѣдуетъ получить разность, принимаютъ ее отъ инспектора, подъ квитанціи. Такимъ образомъ вся расплата производится двойною системою баланса, съ перемѣщеніемъ изъ однѣхъ рукъ въ другія небольшого числа банковыхъ билетовъ и, весьма рѣдко,

звонкой монеты. По словамъ *Беббеджа* (*), ежедневно въ такой конторѣ расплачивается взаимныхъ долговъ болѣе чѣмъ, на 2,500,000 фунт. стерл. по помошю 200,000 фунт. банк-нотами и 20 фунт. стерл. золотомъ.

Подобныя учрежденія, къ которымъ должно отнести также трансферты, производимые въ депозитныхъ банкахъ (*Giro-Bank*) (§ 82) тамъ, гдѣ они имѣются, много ускоряютъ и упрощаютъ торговыя и банкирскія сдѣлки.

Къ собственно кредитнымъ оборотамъ часто банкиры присоединяютъ торговлю драгоцѣнными металлами. Объясненія изложенные выше (§ 75, 76) довольно бросили свѣту на этого рода спекуляціи.

89. О ЗАЕМИХЪ БАНКАХЪ И ЛОМБАРДАХЪ.

То, что банкиръ дѣлаетъ въ маломъ видѣ, иногда служить предметомъ дѣятельности большихъ компаний на акціяхъ или правительственныхъ учрежденій, которымъ приличествуетъ общее название *заемныхъ банковъ* (*banques de prêt*). Когда этимъ банкамъ предоставляется право выпускать безпроценочные билеты, замѣняющіе монету (§ 85), то они превращаются въ банки циркуляціонные; но это преимущество не есть необходимое условіе существованія и отличительная черта этого рода предприятій. Какъ и простой банкиръ, заемные банки часто не имѣютъ иной выгоды, кромѣ разности

(*) *Ch. Babbage: Traité sur l'économie des machines et des manufactures*
trad. de Biot, p. 161—173; Paris.

между ростомъ, который платятъ за капиталы ими занимаемые, и тѣмъ, который взимаютъ съ капиталовъ, ими ссужаемыхъ. Ихъ отличие въ томъ только, что они учреждаются почти везде не иначе какъ съ дозвolenія правительства; подчиняются статутамъ, разъ на всегда утвержденнымъ, и подлежать строгой публичности. Имъ вмѣняется также въ обязанность обезпеченіе своихъ операций достаточнымъ залогомъ. Они рѣдко также занимаются торговлею переводными векселями, которая требуетъ мелкихъ подробностей, трудно соглашаемыхъ съ главнымъ назначеніемъ банка.

Заемные банки можно раздѣлить на два рода: имъ приличествуетъ название *дисконтныхъ* или *учетныхъ* (иногда ихъ называютъ *комерческими*), когда ихъ главная цѣль состоитъ въ ссудахъ подъ кредитивы, выражающіе цѣнности уже произведенныя, или въ дисконтированіи векселей. Имъ даютъ наименование *поземельныхъ* или *ипотечныхъ*, когда они дѣлаютъ ссуды на долгій срокъ, подъ залогъ недвижимой собственности. Какъ тѣ, такъ и другие принимаютъ вклады на проценты или на сохраненіе, ведутъ иногда открытые счеты и производятъ трансферты.

Разсуждая о циркуляціонныхъ банкахъ (§ 85), мы имѣли уже случай коснуться сущности дисконтныхъ операций и пользы, ими приносимой. Прибавимъ здѣсь только, что учетный банкъ, не выпускающей билетовъ въ обращеніе, если не доставляетъ акціонерамъ выгодъ столь значительныхъ, какъ банкъ циркуляціонный, то съ другой стороны онъ

менѣе подверженъ опасности. Ему не угрожаетъ безпрестанно огромная масса кредитивовъ, подлежащихъ платежу по предъявленіи, и которые ежеминутно могутъ подавить банкъ внезапнымъ приливомъ. При портфейлѣ, постоянно наполненномъ вѣрными кредитивами, учетный банкъ, если не вдается въ рискованныя предпріятія, держится твердо, и подъ нимъ не можетъ вдругъ потрястись и разрушиться главное основаніе его прочности (*).

Учетные банки усиливаютъ производительность капиталовъ, предупреждая и отвращая ихъ праздность. Поземельные банки оказываютъ частью подобныя-же услуги фондамъ недвижимымъ. Ссужая капиталы на долгіе сроки подъ залогъ земель, они доставляютъ средства удобрять ихъ помѣщикамъ. Распредѣляя самое погашеніе займа по годамъ, на число лѣтъ болѣе или менѣе значительное, они облегчаютъ и, въ то-же время, ускоряютъ расплату. Они не принадлежатъ однако къ числу предпріятій, имѣющихъ большую заманчивость для частнаго интереса. Капиталы, имъ посвящаемые, необходимо должны быть отчуждаемы на долгое время. Къ этому присоекупляются затрудненія, сопряженныя европейскими законами съ лишеніемъ собственностіи, по неудовлетвореннымъ ипотекамъ. Большая часть поземельныхъ банковъ, существовавшихъ и нынѣ существующихъ въ Европѣ, были основаны правительствами для поощренія успѣхамъ земледѣлія или для приданія цѣнности недвижимымъ имѣніямъ.

Къ числу замѣчательнѣйшихъ банковъ этого ро-

(*) См. Примѣчаніе 9-е.

да принадлежить Заемный Государственный Банкъ, основанный въ С. Петербургѣ Императрицею Екатериною II указомъ 23 Декабря 1786 года. Его первоначальное назначение доселѣ не измѣнилось: оно состоитъ въ оказаніи кредита заемщикамъ, фабрикантамъ и домохозяевамъ подъ залогъ недвижимой собственности. Ссуды производятся на 15, 26, и 37 лѣтъ, по желанію заемщиковъ и по роду представляемыхъ ими залоговъ. Мѣра ссудъ распределена по числу ревижскихъ душъ, имѣнію принадлежащихъ, и по губерніи, въ которой оно находится. Средней части Россіи между судоходными рѣками Волгою, Окою, Камою, Дономъ и Днѣстромъ отдано преимущество. Ссуды подъ залогъ фабричныхъ строеній и домовъ производятся только на 15 лѣтъ въ $\frac{5}{4}$ или половину той суммы, въ которую ихъ оцѣнить. Платежъ 5-ти процентовъ и, впередъ определенной, части капитала для постепенного погашенія, производится по истеченіи каждого года. Различные мѣры приняты на случай неустойки: впрочемъ эти мѣры отнюдь не жестоки. Государыня имѣла въ виду оказаніе помощи земледѣлю: и несостоятельному должнику предоставляется еще много послабленій, если онъ желаетъ и старается исправить свое положеніе. Между прочимъ, имѣнія въ Банкѣ заложенные, не могутъ быть ни проданы, ни секвестрованы, какъ за частные такъ и за казенные долги, если заемщикъ платитъ исправно проценты и погашеніе въ Банкѣ (*).

(*) См. Свод. Зак. Т. XI, Учрежд. и Уст. Кредит., въ особенности статьи 378 и 235.

С. Петербургскій Заемный Банкъ принимаетъ также вклады, какъ отъ россійскихъ подданныхъ безъ различія состояній, такъ и отъ иностранцевъ, также отъ казенныхъ мѣстъ и публичныхъ установленій, на такое время, какъ они сами благоразсудятъ. На внесенные въ Банкъ капиталы выдаются вкладчикамъ билеты, которые можно передавать и которые приносятъ 4 процента въ годъ. Кратчайшій срокъ вклада полагается въ 6 мѣсяцевъ; на меньшій этого срока плата процентовъ не производится, хотя вклады и принимаются. Внесенные капиталы выдаются изъ Банка обратно вкладчикамъ по востребованію, съ тѣмъ однако, чтобы дано было знать о требованіи капитала въ 10.000 руб. за семь дней впередъ; въ 100.000 за два мѣсяца; въ 500.000 за три; а о мильонѣ за четыре мѣсяца (*). Для большаго обезпеченія вкладчиковъ, законъ решительно объявляетъ, что «денежные вклады, въ «Банкѣ находящіеся, не могутъ быть никакимъ при- «существеннымъ мѣстомъ или лицемъ въ отпускъ «требованы; другому назначены; залмообразно взя- «ты, употреблены на государственные расходы, «или конфискованы за какія бы то ни было престу- «пленія (**).—«Правило сіе постановляется какъ о «капиталахъ россійскихъ подданныхъ, такъ и о при- «надлежащихъ иностранцамъ, не взирая на то, хо- «тя бы воспользовалъ разрывъ дружбы, или явная «война съ тою державою гдѣ они въ подданствѣ со-

(*) Ibid. ст. 240—242, 243, 252, 263.

(**) Ibid. ст. 231.

«стоять (*).» Хвала великой Монархинѣ въ глазахъ цѣлаго міра вписавшей въ законы своей державы правила справедливости, которыя тогда еще (1786) столь часто попирались другими правительствами.

Вначалѣ, Заемный Банкъ С. Петербургскій имѣлъ свойство циркуляціоннаго, и его первоначальный капиталъ состоялъ изъ 60 миллионовъ рублей сереб. отпущеныхъ ему ассигнаціями, тогда еще мало терявшиими на серебро (**). По предначертанному плану, весь этотъ капиталъ долженствовалъ обратиться на улучшеніе земель, на распространеніе городовъ и водвореніе фабрикъ. Всего болѣе онъ долженъ былъ оказать поддержку дворянству, обѣднѣвшему отъ постепенного уменьшенія доходовъ. Кнесчастію, столь благодѣтельная мѣра не увенчалась полнымъ успѣхомъ. Доставивъ легкомысленнымъ помѣщикамъ возможность получать значительные суммы подъ залогъ полу-разоренныхъ имѣній, она только усилила ихъ расточительность. Большая часть выпущенныхъ ассигнацій промотана внутри государства на игры и пиршества. Остальная часть обмѣнена на звонкую монету, которая вывезена заграницу, гдѣ поглотилась въ безплодныхъ удовольствіяхъ. Земли-же остались, по прежнему, худовоздѣланными, приносящими мало дохода. Такъ множество помѣщиковъ вошли въ неоплатные долги; имѣнія,

(*) Ibid ст. 232.

(**) Тогда рубль ассигнаціями стоилъ еще 97 коп. сереб.; посему первоначальный капиталъ Банка, по настоящему курсу ассигнацій по 3 р. 50 коп. на серебряный рубль, составлялъ 203,700,000 руб. асс. (*Storch. Cours d'Econ. pol. T. IV. table. V.*).

перешедшія путемъ залога въ собственность Банка, частію распроданы, частію причислены къ государственнымъ имуществамъ. Между тѣмъ, обстоятельства скоро принудили правительство усилить выпускъ ассигнацій. Платежъ по нимъ серебромъ и золотомъ прекращенъ, и онъ превратились въ бумажныя деньги, которыя мало по малу утратили вчетверо противъ своей первоначальной цѣны нарицательной. Ассигнаціи, правда, до послѣдняго времени уплачивались по предъявленіи мѣдною монетой; но мѣдная монета есть также монета нарицательная, и подобная расплата не можетъ придать бумажнымъ деньгамъ свойство банковаго билета. Одно время только съ 1801 года по 1814, съ одной стороны вслѣдствіе упадшаго курса ассигнацій, съ другой, вслѣдствіе неправильной оцѣнки мѣди въ монетѣ (по 16 руб. пудъ), казна терпѣла важный ущербъ на обмѣнѣ ассигнацій на мѣдь, по ихъ именному достоинству, но тѣмъ отнюдь не успѣла поднять ихъ курса до монеты серебряной и золотой (*).

Въ XV и XVI столѣтіяхъ въ Италіи, для вспомоществованія нуждающимся, учреждены были заведенія для ссуды самыхъ небольшихъ суммъ подъ залоги движимаго имущества всякого рода. Подобныя же учрежденія возникли впослѣдствіи и въ другихъ государствахъ Европы. Онъ известны подъ названіемъ ломбардовъ и мон-де-пьете (*Mont de piété*). Этихъ заведеній нельзя сравнивать съ настоящими

(*) Примѣчаніе 10-е.

кредитными учрежденіями. Онъ ничего не вѣрять на кредитъ въ собственномъ смыслѣ, потому-что обезпечиваютъ свою ссуду залогомъ, обыкновенно принимаемымъ ниже самой низкой оцѣнки. Онъ позволяютъ только бѣдному или нуждающемуся, въ минуту крайности, превратить нѣкоторыя изъ вещей, ему принадлежащихъ, въ предметы необходимости для поддержанія его существованія.

Ломбарды учреждаются обыкновенно изъ цѣли благотворительной, и довольствуются процентомъ самымъ умѣреннымъ. Они принимаютъ также вклады, за которые платятъ ростъ нѣсколько ниже взимаемаго съ заемщиковъ. Въ процентахъ, взимаемыхъ ломбардами, инымъ можетъ показаться противорѣчіе съ ихъ цѣлью:—нельзя не согласиться, однако, что эта мѣра необходима, а потому и полезна. Безпроцентныя ссуды превратились бы въ подаянія, къ которымъ бѣдные люди иногда стыдились бы прибѣгать, и которыми, напротивъ, воспользовались бы люди безпорядочные, увлекаемые мотовствомъ. Кому-же, подобныя заведенія вполнѣ освобождаются отъ упрека въ корысти, посвящая, какъ это обыкновенно дѣлается, свои чистые доходы на облегченіе бѣдныхъ и страждущихъ (*).

(*) Парижскій *Mont de piété* основанъ въ 1777 году. Ежегодно въ него входитъ около 1.200.000 разныхъ залоговъ, по коимъ выдается ссудъ отъ 20 до 21 милл. фран. Средняя пропорциональная каждой ссуды въ обыкновенные годы бываетъ отъ 17 до 18 фр.-Изъ заложенныхъ вещей, $\frac{8}{10}$ служатъ поводомъ къ ссудамъ не превышающимъ 8 фр. Ежедневное движение магазиновъ простирается до 7.600 залоговъ, изъ коихъ половина приносится и половина выкупается. Чистые доходы Мон-де-пьете обращаются впользу бѣдныхъ. Взимаемый про-

Главная разница между ломбардомъ и заемнымъ банкомъ состоитъ въ томъ, что ссуды первого не обращаются на усиленіе производства, но поглощаются потребленіемъ; тогда-какъ диконты и ссуды второго умножаютъ производительныя силы промышленности, безпрестанно предлагая ей опору капиталовъ, которые иначе лежали бы въ праздности.

90. РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ КРЕДИТОМЪ И ДОВЪРІЕМЪ ПРОМЫШЛЕННЫМЪ; САМЪ ПО СЕБЪ КРЕДИТЪ НИЧЕГО НЕ ПРОИЗВОДИТЬ.

Намъ остается сказать еще не много словъ о кредитѣ, чтобы округлить понятіе о его назначеніи и сущности.

Промышленные предприниматели всякого рода часто называютъ своимъ кредитомъ то предпочтеніе, которымъ пользуются въ глазахъ публики, и на которомъ основана ихъ практика, т. е. число, лицъ или клиентовъ, обыкновенно къ нимъ обращающихся для разныхъ закупокъ. Каждый изъ нихъ весьма правильно дорожитъ своей практикой и заботится о ея сохраненіи: въ ней заключается одно изъ важнѣйшихъ условій сбыта. Выше мы упомянули (§ 70) о средствахъ, къ которымъ прибѣгаютъ какъ для привлечения такъ и для сохраненія практики: о публикаціяхъ, вывѣскахъ, о клеймахъ, отмѣткахъ и особенно объ аккуратности и честности. Понятно какимъ образомъ довѣріе и предпочтеніе публики къ иному

центъ опредѣляется для каждого полугодія совѣтомъ директоровъ съ утвержденіемъ министра внутреннихъ дѣлъ (См. *Dict. de police* t. II. p. 476 Paris 1835).

имени, фирмъ, дому, или вообще заведенію, высоко цѣнятся при уступкѣ его путемъ ссуды или продажи. Часто въ этомъ заслуженномъ довѣріи заключается главная цѣнность предпріятія: нѣкоторыя фабрики, магазины, извозныя учрежденія, ресторациі, постоянные дворы, дѣловыя агентства, маклерскія конторы, училища, при переходѣ изъ однѣхъ рукъ въ другія, оцѣниваются въ суммы весьма значительныя не столько по количеству стоячаго капитала, иногда маловажнаго, сколько по надеждѣ на сохраненіе пріобрѣтеної практики. Мѣстныя преимущества, выгодное положеніе иногда имѣютъ вліяніе на эту оцѣнку: но ихъ недостаточно для обеспеченія публичнаго довѣрія. Довѣріе, снисканное стряпчимъ, нотаріусомъ, медикомъ, домовымъ учителемъ, позволяетъ ему, по оставленіи своихъ занятій, продать свою практику другому, котораго рекомендуется своимъ клиентамъ. Но въ промышленомъ довѣріи, хотя въ немъ и заключается важное преимущество, мы видимъ одну только справедливую награду постоянно добросовѣстнаго и старательнаго исправленія промысла; оно можетъ быть уступаемо, ссужаемо или продаваемо, но необходимымъ условіемъ его сохраненія всегда будетъ соблюденіе тѣхъ самыхъ правилъ, которыми оно было пріобрѣтено; его можно уподобить особенному плодородію участка земли, которое возвышаетъ его цѣну, но исчезаетъ или не приноситъ никакой выгода въ рукахъ неопытныхъ, или мало старательныхъ. Тутъ нѣть ничего похожаго на кредитъ, который состоитъ, какъ мы уже сказали, въ способности сниски-

вать ссуды. Должно согласиться, однако, что во множествѣ случаевъ доброе имя, счастливая извѣстность, многочисленная практика, помогаютъ предпринимателю найти себѣ кредитъ въ минуты надобности.

Сколь ни благотворно и ни живительно вліяніе кредита на ходъ промышленности, нельзя его принять, однако, за силу производительную. Кредитъ только приводить въ движеніе силы производительныя и, въ особенности, капиталы; онъ вызываетъ изъ дремоты тѣ сбереженія, которыя, подъ гнетомъ обстоятельствъ, оставались бы въ бездѣйствіи въ рукахъ владѣльцевъ (вклады и ссуды); предохраняетъ отъ праздности капиталы, помѣщенные въ предпріятіяхъ, но которые принужденно и безпрестанно отчуждаются на время, болѣе или менѣе продолжительное (дисконты); ускоряетъ и облегчаетъ обращеніе внутреннее; избавляетъ отъ излишняго множества дорогой монеты (простые векселя, банковые билеты, трансферты); создаетъ самое удобное орудіе мѣны для сдѣлокъ международныхъ (переводные векселя); и, какъ объяснится далѣе, совокупляетъ капиталы, которые въ разсѣяніи слишкомъ малознущи для ихъ примѣненія къ производству (компаніи на акціяхъ, сберегательныя кассы). Но въ этомъ движеніи кредитъ самъ по себѣ ничего не производить, въ экономическомъ значеніи слова: онъ дѣйствуетъ на производство подобно могучимъ, невѣсомымъ и неуловимымъ силамъ, одушевляющимъ міръ физической, которыхъ проявленія поражаютъ на каждомъ шагу наблюдателя, но которыхъ

нигдѣ онъ не видитъ слѣда вещественнаго, каковы: электричество, теплота, магнетизмъ.

Приступая къ своему промыслу, предприниматель разсматриваетъ какъ часть своего основного капитала портфель, наполненный разными кредитивами. Онъ правъ, конечно: но пока эти кредитивы лежатъ въ его карманѣ или его кассѣ, капиталомъ ему принадлежащимъ пользуются другіе. Этотъ капиталъ приметъ участіе въ его производствѣ тогда только, когда онъ получитъ уплату по кредитивамъ, или когда успѣетъ ихъ дисконтировать. Но въ такомъ случаѣ, равнымъ капиталомъ перестанутъ пользоваться другіе, или банкъ, выдавшій его подъ учетъ. Циркуляціонный банкъ платить билетами на себя: эти билеты могутъ замѣнить монету въ предѣлахъ ихъ обращенія, но отнюдь не замѣняютъ капитала. Покупая на нихъ, по частямъ или цѣликомъ, послѣдній въ видѣ машинъ, первообразнаго матеріала, припасовъ, одинъ предприниматель по необходимости извлекаетъ эти цѣнности изъ круга дѣятельности другихъ, такъ точно, какъ и самъ банкъ, выпуская билеты, не выпускаетъ въ обращеніе цѣнности новой, а только знакъ, по которому всякий можетъ у него истребовать соотвѣтствующее количество звонкой монеты.

Оцѣнивая наличное богатство какого-либо члена государства, можно включить въ опись кредитивы, ему принадлежащіе: но не должно забывать, что этимъ кредитивамъ соотвѣтствуютъ долги въ другихъ имуществахъ, и что сумма, имъ равная, должна явиться съ минусомъ въ описи послѣднихъ. Ес-

либъ надлежало сдѣлать опись всему богатству народному, которое, какъ мы видѣли (§ 8), состоитъ изъ суммы богатствъ частныхъ и государственныхъ, то, чтобы опись была вѣрна, въ нее нельзя было бы включить ни одного изъ кредитивовъ, существующихъ въ государствѣ на лицо, или упомянуть о нихъ иначе, какъ о величинахъ отрицательныхъ, слѣдующихъ къ вычету изъ общаго итога. Дѣйствительно, суммѣ всѣхъ возможныхъ векселей, росписокъ, уплатъ, слѣдующихъ по купеческимъ книгамъ, банковыхъ билетовъ, государственныхъ облигаций, соответствуетъ равная сумма долговъ, т. е. собственности, находящейся въ чужомъ распоряженіи, но которая въ определенный срокъ должна перейти въ собственность владѣтеля кредитива. Нѣкоторымъ изъ числа кредитивовъ, и въ особенности, государственнымъ облигациямъ, представляющимъ капиталы, занятые правительствомъ и не возвратно издержаные, можетъ не соотвѣтствовать наличная собственность, и тѣмъ скорѣй они должны быть исключены изъ общаго итога народнаго богатства. Что же касается до бумажныхъ денегъ и до нарицательныхъ монетъ, то, въ частныхъ имуществахъ онъ всегда могутъ быть принимаемы за цѣнности существенные, по ихъ курсу; но когда дѣло идетъ объ оцѣнкѣ имущества народнаго, то первыя, потому что не имѣютъ вовсе внутренней цѣнности, подлежать цѣликомъ къ вычету, вторые-же могутъ быть приняты въ разсужденіе только по внутреннему достоинству материала, изъ котораго приготовлены.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О РОСТѢ ИЛИ ПРОЦЕНТАХЪ.

91. ОСНОВАНІЕ РОСТА ВЪ ПРАВѢ СОБСТВЕНИСТИ; ОНО НЕ ВСЕГДА ПРИЗНАВАЛОСЬ ЗАКОННЫМЪ ВЪ ЕВРОПѢ.

Разсмотрѣвъ главные феномены обращенія произведенныхъ богатствъ въ государствѣ и установленія ихъ рыночной цѣны, приступимъ теперь къ разсмотрѣнію составныхъ частей этой цѣны; объяснимъ тѣ доли, или доходы, которые въ ней обрѣтаютъ различные участники въ производствѣ. Обыкновенно распределеніе доходовъ образуетъ особенную часть въ трактатахъ о политической экономіи: но, какъ въ немъ состоить собственно то, что можно назвать обращеніемъ производительныхъ силъ, то мы и не видимъ достаточной причины для подобнаго раздробленія порядка изложенія.

Право пользованія есть первое и главное послѣдствіе права собственности: отчужденіе пользованія путемъ ссуды за условное возмездіе есть одинъ только видъ этого права; воспретить людямъ подобныя сдѣлки значитъ обречь на бесплодіе большую часть собственности, имъ принадлежащей, и тѣмъ самыемъ

охладить ихъ рвеніе къ производству богатства. Этихъ немногихъ соображеній довольно, чтобъ убѣдиться, что ссуда капиталовъ на проценты, или въ ростъ, вполнѣ оправдывается, съ одной стороны, правомъ естественнымъ; съ другой, интересомъ общественнымъ.

Эта истина столь простая не всегда постигалась и признавалась людьми. «Договоръ ссуды на проценты подвергался въ юриспруденціи жребіямъ «самымъ различнымъ: поперемѣнно, то онъ по-«ощрялся законодательствами, помѣщавшими его въ «число сдѣлокъ правильныхъ, нравственныхъ и по-«лезныхъ; то, напротивъ, осуждался строгими по-«становленіями почти наравнѣ съ кражей и убий-«ствомъ!!» (*).

По закону Моисея, возмездныя ссуды дозволялись только въ сношеніяхъ съ иностранцами: между Евреями же, между братьями, ростъ долженствовалъ уступать мѣсто благотворительности. Въ древней Греціи, напротивъ, никакіе предразсудки, никакіе запрещенія не затрудняли ссудъ на проценты: торговля и мореплаваніе составляли важнѣйшую отрасль промышленности и не допускали стѣсненія въ обращеніи капиталовъ. Солонъ предоставлялъ, въ этомъ отношеніи, полную свободу договаривающимся сторонамъ: проценты опредѣлялись изобиліемъ или недостаткомъ капиталовъ. Ростъ былъ весьма значителенъ: крайнею мѣрой было $12\frac{0}{0}$, но онъ возвы-

(*) *Troplong. Comment. du Code civil T. XIV. Dupr t, etc. p. 1. (Paris, chez Hingray).*

шался до 18% для ссудъ обыкновенныхъ, и до 36 и 48% для ссудъ банкирскихъ, со включеніемъ вексельного курса, рекамбій, учетовъ и комисій. Нѣкоторые философы не одобряли однако денежнаго роста, и въ особенности *Аристотель*, который почерпалъ свои доводы въ безплодности монеты и тѣмъ самимъ доказалъ, что не имѣлъ точнаго понятія о ея назначеньи. Аргументъ *Аристотеля* противъ роста былъ возобновленъ впослѣдствіи схоластиками и канониками (*).

Въ Римѣ, съ самого начала республики, народъ раздѣлился на плебеевъ и патриціевъ, на бѣдныхъ и богатыхъ. Послѣднее сословіе запяtnalo себя эгоизмомъ и корыстолюбіемъ, какимъ мало примѣровъ въ исторіи. Опираясь на могущество политическое, оно не только присвоивало себѣ большую и лучшую часть добычи и завоеванныхъ земель; но, пользуясь еще стѣсненнымъ положеніемъ народа, бѣднаго при совершенномъ отсутствіи торговли и безпрестанно разоряемаго войною, связывало его ссудами, подавляло чрезмѣрнымъ ростомъ. Неоплатность ввергала должника въ рабство и превращала въ безответственную собственность неумолимаго заимодавца. Законами XII таблицъ, ростъ, который до того предоставлялся на волю ссужающаго, опредѣленъ въ 10%; но въ то же время войны сдѣлались продолжительнѣе; народъ чаще увлекался въ походы и, не имѣя досуга для воздѣльванія полей, чаще прибѣгалъ къ займамъ, къ отсрочкамъ и изнемогалъ подъ бременемъ

(*) *Ibid.* p. VII. p. 244 et suiv. p. VIII. et IX p. 268.

сложныхъ процентовъ. Учрежденіе трибуновъ, въ которыхъ плебеи надѣялись найти защиту, не предохранило ихъ отъ жестокой алчности патриціевъ, а только ввергло въ продолжительные и кровопролитные раздоры. Въ 408 году (до Р. Х.) сенатъ уменьшилъ указный ростъ до 5%; но, посредствомъ тайныхъ сдѣлокъ, заимодавцы избѣгали его соблюденія и взимали проценты еще значительнѣйшіе прежняго; при Цицеронѣ принуждены были объявить законнымъ ростомъ 12%. Въ южной Италіи, въ Сициліи, въ Малой Азіи, въ Греціи, въ Галліи, Римляне застали полную свободу ростовыхъ сдѣлокъ. Но по-мѣрѣ водворенія римского владычества, право ссужать везде превращалось въ привилегію римскихъ патриціевъ, которые обогащались грабежемъ и хищеніями всякого рода, присоединя къ тому непомѣрные росты. Люди, подобные Катону, Помпею, Луккулу, Юнию Бруту, не стыдились взимать съ бѣдныхъ заемщиковъ, въ покоренныхъ провинціяхъ ввѣренныхъ имъ управлению, проценты огромные, превышавшіе 58%. При императорахъ ходъ дѣлъ не измѣнился: 12-и процентный указный ростъ существовалъ въ полной силѣ при Неронѣ, Траянѣ и Діоклеціанѣ. Граждане добросовѣстные и умѣренные довольствовались процентами не столь высокими; но въ то-же время, размножились ростовщики изъ сословія вольноотпущеныхъ; помошію разныхъ хитростей они успѣвали взимать проценты непомѣрные (*). Въ сочиненіяхъ того вре-

(*) Ibid. p. XVI, XLIII, L, LV, LXI, LXIX, LXXIII.

мени на каждомъ шагу встрѣчаются справедливыя порицанія подобныхъ злоупотребленій, которыя, впрочемъ, объясняются причинами, совершенно посторонними сущности ростовой ссуды, и не могутъ быть приняты за доводъ противъ ея полезности и справедливости. Богатство было тогда болѣшой частью плодомъ насилия; оно сосредоточивалось въ рукахъ сословій господствующихъ и служило поводомъ къ монополіи, одержимой необузданною корыстю (*).

Вліяніе христіанства на ростъ становится ощущительнымъ со времени побѣды, одержанной учениемъ истины надъ язычествомъ. Древнѣйшіе памятники духовныхъ постановленій убѣждаютъ, что въ началѣ Церковь запрещала ростъ только лицамъ духовнаго званія. Но при Константинѣ великомъ, Отцы Церкви уже сильно возставали противъ злоупотребленія ссудъ на проценты между свѣтскими и уклоняли отъ нихъ вѣрующихъ, проповѣдуя ссуды даровыя. Политическія обстоятельства и глубокое развращеніе нравовъ того времени объясняютъ и оправдываютъ усиля Церкви пробудить въ людяхъ чувство безкорыстной благотворительности. Несмотря на стараніе нѣкоторыхъ императоровъ предохранить порабощенное сословіе земледѣльческое отъ гибельныхъ притѣсненій; не смотря на его возвышение до степени крѣпостныхъ (*coloni*), оно постоянно оставалось погруженнымъ въ самую глубокую нищету. Владѣтели земель часто обходились съ колонами съ крайнимъ жестокосердіемъ; подавляли

(*) См. Жизнеописанія Плутарха.

ихъ повинностями, работами нестерпимыми, ростомъ, простиравшимся до 50%. Иное семейство заботилось-ли о выкупѣ одного изъ своихъ членовъ, взятаго въ пленъ варварами: пользовались его отчаяніемъ, для повышенія процентовъ до крайности. Когда отцы не могли платить, продавались ихъ дѣти. Неумолимые заимодавцы преслѣдовали даже трупъ должника, котораго лишали погребенія до обезпеченія долга родственниками или вѣрными поруками. Эти бѣдствія растрогивали сердца служителей вѣры, всюду провозглашавшихъ благотворительность, и присоединявшихъ къ совѣтамъ самой строгой нравственности, высокіе примѣры заимодавцевъ сострадательныхъ и великодушныхъ (*).

Борьба христіанства противъ роста имѣла двоякую участъ: она не увѣнчалась успѣхомъ на востокѣ, гдѣ содѣйствовала только къ обузданію наиболѣе вопіющихъ злоупотребленій ростовщиковъ, изданиемъ постановленій, дошедшихъ до насъ въ законахъ Юстиніана. На западѣ она достигла полнаго торжества: малообразованныя монархіи, возникшія на развалинахъ римскаго владычества, представляли дѣйствію епископовъ элементы не столь упрямые и болѣе гибкости въ умахъ; когда же римская Церковь, опираясь на сильное внутреннее сложеніе, вооружилась еще энергией и геніемъ знаменитѣйшихъ папъ, сопротивленіе свѣтскихъ законовъ не могло устоять, и ростъ былъ запрещенъ не только законами духовными, но и государственными (**).

(*) Troplong. Ibid. p. LXXXI, LXXI, LXXXII.

(**) Ibid. p. LXXXVII.

Первое безусловное запрещение ссудъ на процен-
ты всѣмъ безъ исключенія встрѣчается въ капиту-
лярияхъ Карла Великаго (789 по Р. Х.). Оно часто
повторяется при его преемникахъ. Росту придает-
ся значеніе бича народнаго; ему угрожаютъ отлуче-
ніями отъ Церкви; изобличенные признаются безче-
стными, не допускаются къ мѣстамъ освященнымъ,
лишаются христіанскаго погребенія. Эта строгость
не могла однако вдругъ одолѣть обычай столь есте-
ственній, столь согласный съ правомъ собствен-
ности; и законы противъ ростовщиковъ частью не
соблюдались, частью отмѣнялись до половины XIII
столѣтія, когда власть свѣтская окончательно при-
соединилась къ власти духовной для прекращенія
роста во всей Европѣ (*).

Нельзя было однако обойтись совершенно безъ
займовъ и ссудъ; нельзя было лишить общества
одного изъ необходимѣйшихъ органовъ ихъ жизни;
и въ теченіи среднихъ вѣковъ, сословіе, въ кото-
ромъ духъ корысти пересиливалъ вліяніе всеобщаго
предубѣжденія, пользовалось, благодаря мнѣнію
общественному, исключительнымъ правомъ ссу-
жать въ ростъ: мы говоримъ о Ереяхъ и Ломбар-
дахъ. Одни, вездѣ проклинаемые, вездѣ служившіе
предметомъ народнаго презрѣнія, по понятіямъ то-
го времени, не могли никакими позорными сдѣлка-
ми ничего прибавить къ своему оскверненію. Дру-
гіе, хотя и славились богатствомъ въ своемъ отече-
ствѣ, во Флоренціи; хотя и владѣли тамъ высшею
властію, но тѣмъ не менѣе считались презрѣнными

(*) Ibid. p. CXI, CXII, CXIV.

отродіемъ человѣчества въ осталномъ христіанскомъ мірѣ. Симъ то людямъ, какъ козламъ отпущенія, правительства уступали тогда, или, лучше сказать, продавали за огромную цѣну, право вести банкирскія дѣла и содержать заемные столы (*tables de prêt*), предавая такимъ образомъ въ монополію отверженнымъ сословіямъ и врагамъ христіанства естественное преимущество собственности, отнятое предразсудкомъ у всѣхъ прочихъ гражданъ. Можно ли удивляться непомѣрнымъ ростамъ и ненасытной алчности подобныхъ заимодавцевъ, когда подумаемъ о той ненависти, которая кипѣла въ душѣ ихъ противъ общества, подавлявшаго ихъ презрѣніемъ. Кому-же, ихъ привилегіи часто отмѣнялись: «мечъ свѣтскій, какъ и мечъ духовный, безъ «престанно висѣль надъ ихъ головою. Призывае- «мые, когда нуждались въ ихъ деньгахъ; изгоняе- «мые, когда нуждались въ ихъ изгнаніи; сегодня «покровительствуемые государями, завтра гонимые «и обираемые по жалобѣ народной; лишенные безъ «опасности, перваго условія торговли, они взима- «ли за свои ссуды и свои услуги плату соразмѣрную «съ опасностями, ихъ окружавшими, грозившими «не только ихъ собственности, но самой ихъ жизни. «Чѣмъ болѣе ростъ подвергался ненависти, тѣмъ «опаснѣе было ему предаваться; а чѣмъ онъ былъ «опаснѣе, тѣмъ дѣжался дороже (*)».

Власть, ослѣпленная фанатизмомъ, смѣшивала торговую прибыль съ ростомъ и, преслѣдуя первую подобно послѣднему, заставляла торговцевъ

(*) Ibid. p. CXX, CXXIII.

прибѣгать къ хитростямъ всякого рода, подъ которыми скрывался также и ростъ. Къ тѣмъ временамъ относится изобрѣтеніе переводныхъ векселей, въ которыхъ, подъ различными названіями и въ запутанности вексельныхъ курсовъ, укрывались часто росты непомѣрные. Настоящія ссуды на проценты совершились подъ лициною трехъ дозволенныхъ договоровъ: товарищества, купли и страхованія. Капиталы помѣщались также на проценты, по мощію продажи пожизненныхъ пенсій^(*). Эти уловки не могли, однако, укрыться отъ ревнивыхъ преслѣдованій западной Церкви и обращеніе капитоловъ постоянно затруднялось властію свѣтской, совершенно ей порабощенною.

Въ XVI столѣтіи, реформація, открытие Америки, изобрѣтеніе книгопечатанія, успѣхи торговли и мореплаванія, болѣе глубокое изученіе древнихъ римскихъ законовъ, поколебали всеобщее предубѣждение противу ссудъ на проценты. Еще до того они терпѣлись какъ свободныя сдѣлки въ торговыхъ городахъ италіянскихъ, для которыхъ въ этой свободѣ заключалось первое условіе существованія. Лютеране и Кальвинисты решительно отвергли ученье римского католицизма касательно роста. Ихъ вліяніе подействовало и на тѣ страны, которые не пристали къ расколу. Во Франціи, въ Англіи, въ самой Испаніи, а всего болѣе въ Италии, суды стали избѣгать примѣненія законовъ противъ роста. Несмотря на неостывшую ревность канониковъ, къ которымъ присоединились схоластики съ знаменитыми

(*) Ibid. p. CXXVII, CXXXVIII, CXL.

доводами *Аристотеля*, общественное мнѣніе начало благопріятствовать этого рода сдѣлкамъ; къ нимъ иногда прибѣгали даже монастыри, церкви и сами епископы, безпрестанно нуждавшіеся въ займахъ. Тѣмъ не менѣе, до половины XVIII столѣтія еще проявляются по временамъ остатки стариннаго заблужденія; но подъ конецъ, догматизмъ, порицавшій подобное косвенное пользованіе собственностью, устарѣлъ и превратился въ пустословіе. Самъ римскій папа—хотя позже всѣхъ другихъ и не смотря на то, что неоднократно самъ занималъ и ссужалъ на проценты—въ 1822 и 1830 годахъ принужденъ былъ, сознаться что нѣтъ ничего противнаго Вѣрѣ Христіанской въ ссудахъ на умѣренные проценты^(*).

Такъ, мало по малу, неодолимая сила вещей одержала верхъ надъ заблужденіемъ, зародившимся въ чистѣйшихъ побужденіяхъ нравственности и человѣколюбія, но совершенно противнымъ основному закону человѣчества — закону присвоенія, всилу котораго всякий долженъ располагать своеї собственностью по усмотрѣнію, пользоваться ею самъ непосредственно, или извлекать изъ нея плоды, чрезъ посредство другого. Ссуда на проценты признана нынѣ всѣми просвѣщенными законодательствами, какъ сдѣлка согласная съ законами права естественнаго; кромѣ того, въ ней наука народнаго хозяйства открываетъ одно изъ важнѣйшихъ основаній богатства и благосостоянія народнаго.

(*) Ibid. p. CLXVIII.

92. ПРОЦЕНТЫ ОПРЕДЕЛЯЮТСЯ ЗАПРОСОМЪ И ПРЕДЛОЖЕНИЕМЪ; КОГДА ВЪ НИХЪ ВХОДИТЬ СТРАХОВАЯ ПРЕМІЯ.

Обычай выражать ростъ отношениемъ между данной цѣнностью и платой за ея ссуду, ввело въ употребленіе слово *процентъ* (reg centum), означающее сколько слѣдуетъ въ ростъ единицъ со ста. Если нѣтъ оговорки, проценты всегда разумѣются за цѣлый годъ. Они расчисляются однако по мѣсяцамъ, недѣлямъ и днямъ. Какъ проценты, такъ и капиталъ обыкновенно выражаются въ счетной монетѣ (§ 82), для большей ясности и опредѣлительности. Когда говорятъ, что ростъ стоять пять процентовъ (или 5 на %), это значитъ, что за пользованіе суммою въ 100 рублей или 100 франковъ или 100 фунтовъ стерлинг. должно заплатить заимодавцу 5 рублей, или 5 фр., или 5 фун. стер. въ годъ. Ничто не препятствуетъ выражать монетою проценты съ капитала, суженного въ видѣ товаровъ; но въ такомъ случаѣ товары должны быть оцѣнены въ опредѣленную сумму монеты. Проценты, равно какъ и капиталъ, могутъ быть расчитаны и платимы въ видѣ какихъ-либо товаровъ: но въ такомъ случаѣ необходимо должно опредѣлить единицу мѣры или вѣса, въ которой выражаются какъ тотъ такъ и другой; также качество товара сколь можно однородное, и наконецъ срокъ и мѣсто уплаты. Сложность подобной сдѣлки всегда побуждаетъ предпочитать ей простыя, ясныя, рѣдко спорные расчисленія на монету. Если не сдѣлано условія противнаго, то проценты, по истеченіи всякого срока, присоединяются къ капиталу и

приносять проценты въ свою очередь. Ссуды, обезпечивающія подобное постепенное приращеніе капитала, извѣстны подъ названіемъ *ссуды на сложные проценты*.

Мы уже знаемъ, что ссуда на проценты основана на кредитѣ (см. §§ 83, 88) и что кредитъ служить предметомъ настоящей торговли въ обществѣ. Проценты означаютъ рыночную цѣну, по которой продается кредитъ, то-есть, пользованіе чужою собственностью, чужими капиталами.

Пріобрѣтеніе собственности или богатства стбить всегда издержекъ настоящему ея владѣтелю или тѣмъ, отъ кого она досталась ему путемъ дара или наслѣдства; пользованіе этой собственностью доставляетъ то новыя цѣнности, когда она употребляется производительно, то наслажденія, удовольствія: ясно, что уступая это пользованіе другому, владѣтель можетъ справедливо требовать вознагражденія за тѣ выгоды или тѣ наслажденія, которыхъ лишится временнымъ отчужденіемъ. Желаніе получить эти выгоды побуждаетъ занимающаго предлагать подобное вознагражденіе. Въ процентахъ заключается это возмездіе.

Какъ всякая другая рыночная цѣна, проценты (т. е. цѣна пользованія капиталами) зависятъ, во-первыхъ: отъ отношенія между запросомъ и предложеніемъ. Чѣмъ болѣе требуется капиталовъ, и чѣмъ менѣе ихъ предлагается или имѣется праздныхъ, тѣмъ выше должны быть проценты. Напротивъ, если число праздныхъ капиталовъ, ищущихъ помѣщенія производительнаго, усиливается быстрѣе нежели потребность въ нихъ, то проценты неминуемо понижают-

ся. Чтобы дать себѣ ясный отчетъ въ причинахъ колебанія процентовъ на данномъ общественномъ рынке, должно изслѣдоватъ причины по которымъ измѣняется то запросъ на капиталы, то ихъ предложеніе.

Все, что содѣйствуетъ оживленію и усиленію промышленности вообще (§§ 53—63), рождаетъ новыя потребности въ капиталахъ и клонится къ повышению процентовъ. Миръ; внутреннее спокойствіе; справедливое законодательство; управление бдительное, но безъ притѣсненій; успѣхи наукъ; новыя изобрѣтенія; открытия новыхъ богатствъ природныхъ въ области, занимаемой народомъ; оживленіе сношений съ другими государствами; разширеніе иностранныхъ сбытовъ; улучшеніе путей сообщенія; распространеніе началъ образованности умственной, нравственной и, можно еще прибавить, экономической; развитіе новыхъ потребностей,—вотъ причины, о влияніи которыхъ на производство мы уже достаточно распространялись, и которыя всѣ, размножая предприятия, усиливаютъ запросъ на капиталы. Обстоятельства противоположныя дѣйствуютъ въ обратную сторону и охлаждаютъ, а иногда и совершенно подавляютъ этотъ запросъ. Если эти обстоятельства такого свойства, что не подавляютъ въ то-же время предложения капиталовъ, то проценты неминуемо должны понизиться.

Порядокъ вещей, усиливающій запросъ на капиталы, почти всегда усиливаетъ также ихъ предложеніе, и часто въ степени превышающей усиленіе запроса. Успѣхи промышленности безпрестанно вносятъ новые

капиталы въ обращеніе; предпріятія не успѣваютъ образоваться съ такою-же быстротой и, посреди этого цвѣтущаго положенія, проценты не только не повышаются, но примѣтно понижаются. Примѣръ тому осуществился въ Голландіи во времена ея могущества и славы, и въ глазахъ нашихъ оказывается въ Англіи, гдѣ, не смотря на безпрестанное усиленіе промышленности, ростъ понизился до 3% и даже до 2½%. Въ съверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ рвеніе, съ которымъ безпрестанно образуются новыя предпріятія; обширность поприща, предстоящаго земледѣлію; предпріимчивость, съ которой новые поселенцы устремляются въ страны еще нетронутыя, болѣе и болѣе стѣснія предѣлы, предоставленные дикимъ племенамъ Индейцевъ; однимъ словомъ, все способствуетъ движенію промышленности, которая и превосходитъ быстротою накопленіе и образованіе капиталовъ, и ростъ не упадаетъ ниже 6% (*).

Причины, охлаждающія запросъ на капиталы, кроме рѣзкихъ исключений, всегда уменьшаютъ также ихъ предложеніе, потому-что стѣсняютъ ихъ производство. Стѣсненія могутъ падать только на нѣкоторыя вѣтви промышленности, и быть нечувствительными для другихъ: такъ напримѣръ, война, вредя промысламъ, надѣявшимся на сбыты въ государствѣ враждебномъ, менѣе касается другихъ. Въ такомъ случаѣ уменьшеніе въ предложеніи капиталовъ не соотвѣтствуетъ уменьшенію запросананихъ, и въ ростѣ оказывается легкое пониженіе, котораго не бываетъ вовсе, если запросъ и предложеніе

(*) M. Chevalier. Lettres sur les Etats Unis de l'Am  rique du Nord p. 46 Т. I.

уменьшаются въ мѣрѣ одинакой. Ростъ, напротивъ, повышается весьма значительно, если причина, охлаждающая запросъ на капиталы, еще сильнѣе дѣйствуетъ на ихъ предложеніе. Такъ во время народныхъ бѣдствій, смутъ, междуусобій, мало спрашивается капиталовъ, но еще несравненно менѣе ихъ предлагается: всякий страшится отчуждать свою собственность; всякий старается укрыть ее въ мѣстѣ безопаснѣмъ, оставивъ на время заботы объ извлеченіи изъ нея пользы, и ростъ подымается до процентовъ весьма значительныхъ. Когда въ Европѣ господствовали предразсудки противъ роста, тамъ мало помышляли о займахъ, еще менѣе о ссудахъ; проценты держались постоянно высокими, и возвысились еще болѣе, когда право давать капиталы въ ростъ обратилось въ исключительную монополію Евреевъ и Ломбардовъ. Законодательство, недовольно обеспечивающее собственность, можетъ сдѣлать предложеніе, не стѣснивъ запроса, и значительно возвысить ростъ. Иногда одинъ неблагопріятный слухъ, распространяя опасенія въ капиталистахъ, внезапно стѣсняетъ предложеніе капиталовъ, и усиливаетъ проценты.

Еслибы проценты зависѣли единственно отъ изобилія капиталовъ и потребности, въ нихъ предстоящей, то они опредѣлялись бы всегда какъ рыночная цѣна всѣхъ возможныхъ товаровъ. Но въ нихъ входитъ элементъ совершенно особенный, а именно: страховая премія, или та надбавка, которую выговариваетъ себѣ заимодавецъ для покрытія опасности потери, сопряженной съ отчужденіемъ капи-

тала. Эту премию должно тщательно отличать въ процентѣ отъ собственно рыночнаго роста. Она бываетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ слабѣе кредитъ занимающаго, и чѣмъ менѣе представляется обеспеченій ссужающему. Она ничтожна и вовсе не входитъ въ соображеніе процентовъ, когда занимающій пользуется кредитомъ твердымъ и несомнѣннымъ.

Этимъ объясняется, почему на данномъ рынке, при данной мѣрѣ роста, одни легко занимаютъ на проценты, ей соответствующіе или даже нѣсколько ея низшіе, тогда-какъ другіе принуждены платить проценты болѣе высокіе. Руководимый естественною осторожностью, всякий заимодавецъ обращаетъ вниманіе на то употребленіе, которому заемщикъ предназначаетъ ссужаемый капиталъ. Онъ беретъ проценты значительнѣе съ того, кто занимаетъ для потребленія непроизводительнаго, для растраты на удовольствія или на содержаніе; онъ не довольствуетъся обыкновенными процентами съ того, кто занимаетъ въ намѣреніи употребить капиталъ на какія-либо новыя рискованныя предприятия. Кроме того, обращается вниманіе на прошедшее занимаителя: тотъ, кто отличался исправностью въ платежахъ, осмотрительностью и порядкомъ въ дѣлахъ, платить проценты меньшіе. Принимаются также въ разсужденіе имущество заемщика, и степень обеспеченія, представляемая законодательствомъ. Суды подъ залогъ, подъ ипотеку, всегда дешевле ссудъ подъ простой кредитивъ. Послѣднія дешевле тамъ, гдѣ заимодавецъ болѣе увѣренъ найти твердую и скорую опору въ правосудіи. Въ средніе вѣка, Ереи, лишен-

ные покровительства законовъ и власти судебной, взимали ростъ, который могъ казаться непомѣрнымъ, но этотъ ростъ едва-ли соотвѣтствовалъ риску, какому они подвергались. Нынѣ вездѣ иностранецъ принужденъ платить проценты дороже туземца: послѣдній, или по-крайней мѣрѣ его собственность, остается въ отечествѣ и заимодавецъ лучше знаетъ степень обезпеченія, представляемаго ему законами; первый-же, напротивъ, живетъ далеко; поэтому капиталистъ не такъ легко повѣрить имущество; онъ менѣе знакомъ съ порядкомъ чужого государства, гдѣ ему труднѣе, и дороже обойдется, расправа въ случаѣ неуплаты.

Правительства не изъяты изъ общаго закона, и въ минуты крайности, онъ также принуждены бываютъ платить сверхъ рыночнаго роста страховую премію, которая опредѣляется тѣми же обстоятельствами, какъ и въ частныхъ сдѣлкахъ. Правительство, занимающее для покрытия издержекъ военныхъ платить проценты дороже, чѣмъ когда занимаетъ для общеполезныхъ работъ, посреди мира и тишины. Въ послѣднемъ случаѣ, кредиторы не опасаются внезапныхъ наудачъ, бѣдствій, огромныхъ и разорительныхъ издержекъ, которыми угрожаетъ война. Кредитъ государственный подрывается неисправнымъ платежемъ, также произвольными уменьшеніями процентовъ или занятаго капитала, непрочностію власти, несправедливыми мѣрами, охлаждающими народное расположение и вооружающими противъ нея общественное мнѣніе,— а всякое потрясеніе кредита усиливаетъ проценты,

которыхъ требуютъ кредиторы. Иное правительство дешевле находить кредитъ въ иностранныхъ земляхъ чѣмъ въ своемъ отечествѣ; тутъ нѣтъ противорѣчія съ выше изложеннымъ. Въ отечествѣ рыночный ростъ можетъ быть выше, вслѣдствіе предложенія капиталовъ, не соотвѣтсвующаго запросу; но кромѣ того, правительство можетъ устрашать отечественныхъ кредиторовъ пренебреженіемъ и попраніемъ ихъ правъ, тогда какъ тщательно заботится о заслуженіи кредита иностранцевъ.

Всего лучше судить о настоящей рыночной мѣрѣ роста по тѣмъ процентамъ, которые соблюдаются въ кредитныхъ сдѣлкахъ между банкирскими и торговыми домами, прочно основанными. Благодаря старанію, съ какимъ и тѣ и другіе сохраняютъ и поддерживаютъ взаимный кредитъ—это главное основаніе ихъ промышленности—въ проценты, платимые ими другъ другу, почти вовсе не входитъ страховой преміи.

Здѣсь должно упомянуть о вліяніи большихъ учетныхъ и заемныхъ банковъ на рыночную мѣру роста. Подобныя заведенія вообще усиливаютъ предложеніе капиталовъ, и тѣмъ самымъ содѣйствуютъ пониженію процентовъ. Обыкновенно онѣ подчиняютъ себя постоянной таксѣ какъ въ ссудахъ такъ и въ займахъ, и эта такса становится регуляторомъ роста. Если она ниже рыночнаго, что весьма часто бываетъ, то, путемъ соперничества дѣйствуетъ на уменьшеніе процентовъ, взимаемыхъ другими заимодавцами. Банковые дисконты, хотя и подчиненные самимъ строгимъ условіямъ обезпечительнымъ, осо-

бенно оказываютъ великую пользу, предохраняя торговлю отъ слишкомъ внезапныхъ и частыхъ перемѣнъ въ рыночномъ ростѣ.

Въ самомъ пониженіи процентовъ заключается причина, противящаяся его чрезмѣрному упадку. Едва лишь ссуды капиталовъ перестаютъ доставлять довольно выгодъ, капиталисты охотнѣе примѣняютъ ихъ сами къ производству, или высымаютъ въ другія государства, гдѣ проценты выше, или просто обращаютъ на употребленіе, непроизводительно умножающее ихъ удовольствія. Такъ порядочное число капиталовъ извлекается изъ обращенія, предложеніе ихъ уменьшается и, всоразмѣрности, снова повышаются проценты. Подобное явленіе произошло въ Голландіи въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, когда рыночный ростъ упалъ ниже $2\frac{1}{2}$ на % (*).

93. ВЛІЯНИЕ КУРСА МОНЕТЫ НА ПРОЦЕНТЫ.

Капиталы почти всегда ссужаются и занимаются въ видѣ монеты; монетой платятся также съ нихъ проценты. Рѣдкость или изобиліе монеты не имѣеть однако важного вліянія на существенную мѣру роста, но только, въ нѣкоторой степени, на его мѣру номинальную. Выраженіе : *деньги рѣдки, деньги дороги* или *деньги дешевы* суть, въ этомъ смыслѣ, метониміи, которыя могутъ обмануть только людей незнакомыхъ съ настоящимъ свойствомъ и назначениемъ монеты. Когда проценты повышаются, не

(*) A. Smith. *Richesses des nations* T. I. p. 123, éd. Guillaumin. J. B. Say: *Cours d'Economie pol.* T. II p. 86. éd. Guillaumin.

деньги рѣдки, а капиталы; когда же понижаются, опять не деньги дешевы, а пользованіе капиталами. Глубокое различіе существуетъ между этими двумя понятіями: *монета и капиталъ*, и хотя предшествующее изложеніе много бросило на него свѣта (§§ 37, 72—82), нельзя однако не коснуться здѣсь ошибки, которая часто встрѣчается не только въ обществѣ, но и въ сочиненіяхъ историческихъ и статистическихъ, наиболѣе заслуживающихъ одобренія во всѣхъ другихъ отношеніяхъ.

Не забудемъ, что капиталы суть не что иное какъ разнаго рода произведенія или товары, служащіе для производства другихъ; что они состоятъ изъ машинъ, орудій, строеній, припасовъ, топлива, первообразнаго матеріала (мы не говоримъ здѣсь о капиталахъ нравственныхъ); что ихъ первоначальный видъ измѣняется, но цѣнность сохраняется; что, наконецъ, они всего удобнѣе помѣщаются, ссужаются или передаются въ видѣ монеты, товара общаго, служащаго орудіемъ мѣны, и что въ ея счетныхъ единицахъ обыкновенно выражается ихъ цѣнность; что количество капиталовъ умножается только производствомъ и сбереженiemъ; и что ихъ предложеніе зависитъ, частью, отъ ихъ количества, частью, отъ обеспеченія собственности порядкомъ государственнымъ. Не забудемъ также, что монета есть произведеніе народной промышленности, товаръ, котораго главная полезность состоитъ въ томъ, что онъ служитъ орудіемъ мѣны; что обращеніе государственное нуждается въ некоторомъ количествѣ монеты, ни болѣе, ни менѣе; что если количество де-

иегъ превышаетъ эту потребность, то ихъ курсъ не-минуемо упадаетъ, то-есть, за данную сумму денегъ приобрѣтается менѣе товаровъ, нежели прежде; что если, напротивъ, количество денегъ не соответствуетъ потребности, то курсъ ихъ повышается, и данная сумма оплачиваетъ болѣе товаровъ; что эти колебанія въ курсѣ денегъ измѣняютъ только nominalную цѣну товаровъ, ни мало не измѣняютъ ихъ цѣны настоящей, существенной; что государство можетъ удвоить, утверить количество своей монеты, ни мало не увеличивъ своего богатства, потому что цѣнность монеты, вслѣдствіе удвоенія или ученверенія ея количества, должна упасть вдвое, или вчетверо; что подобный феноменъ совершился въ Европѣ, когда открытие рудниковъ мексиканскихъ и перуанскихъ значительно умножило количество монеты въ обращеніи и понизило вчетверо курсъ денегъ, то-есть повысило во столько же мѣновую цѣну всѣхъ другихъ товаровъ, и въ особенности хлѣба, на деньги.

При данномъ запросѣ, дешевизна или дороговизна денегъ, то-есть ихъ низкій или высокій курсъ, зависитъ отъ изобилія или рѣдкости денегъ:—безспорно. Дешевизна или дороговизна капиталовъ, то-есть, пониженіе или повышеніе съ нихъ процентовъ, зависитъ также отъ изобилія или рѣдкости предлагаемыхъ въ ссуду капиталовъ. При крайне слабомъ курсѣ денегъ, проценты съ капиталовъ могутъ быть весьма высоки, какъ это было въ XVI столѣтіи въ Испаніи, которую съ одной стороны галіоны наводняли золотомъ и серебромъ, но гдѣ съ друго-

гой, мало было безопасности, много невѣжства и предразсудковъ; гдѣ инквизиція преслѣдовала не столько за ересь и чародѣйства, но угрожала костра-ми ростовщикамъ, и гдѣ, какъ и вездѣ тогда, общество-вненное мнѣніе и власть предоставляли ростъ въ монополію Ереямъ и Ломбардамъ. При крайне вы-сокомъ курсѣ денегъ, напротивъ, проценты могутъ быть самые умѣренные. Сравните въ настоящее время Англію и Бразилію: въ послѣднемъ государ-ствѣ, по свидѣтельству путешественниковъ, деньги третью, если не половиною, дешевле, проценты же вчетверо выше, чѣмъ въ Англіи. Дешевизна денегъ можетъ оказаться въ одно время съ дешевизной процентовъ, и обратно. Но тогда это два явленія одновременные, отнюдь не однозначущія. Онѣ возни-каются, продолжаются и исчезаютъ, всилу причинъ существенно различныхъ, каждому изъ нихъ свой-ственныхъ.

Курсъ монеты имѣеть однако вліяніе на ростъ номинальный, то-есть на то количество счетныхъ монетныхъ единицъ, въ которыхъ онъ выражается. Судить объ этомъ вліяніи нельзя по росту съ капи-таловъ, предлагаемыхъ въ ссуду деньгами: отноше-нія между ними и процентами не измѣняется, по-тому-что цѣнность какъ тѣхъ, такъ и другихъ въ относительно равной мѣрѣ повышается или пони-жается, хотя по прежнему, выражается въ одинак-кой суммѣ монетной. Но номинальное измѣненіе процентовъ легко отличить въ торговлѣ, гдѣ часто ростъ взимается монетой съ капиталовъ, ссужаемыхъ натурой, то-есть въ видѣ товаровъ. Если курсъ мо-

неты повысился, то въ подобныхъ ссудахъ довольствуются процентами болѣе низкими; напротивъ, если курсъ понизился, то требуютъ процентовъ болѣе за ссуду одинакового количества товаровъ и на одинаковый срокъ; или, что все равно, товары эти оцѣниваются выше или ниже смотря по курсу денегъ. Всякій понимаетъ, что подобныя номинальныя измѣненія никакой существенной перемѣны въ процентахъ не производятъ. Мы почерпаемъ въ нихъ однако еще одинъ доводъ противъ неправильнаго смѣшенія дешевизны денегъ съ дешевизной капиталовъ:—тогда именно, когда на рынкѣ общественномъ оказывается первая, когда курсъ монеты понижается, проценты не только не уменьшаются, но напротивъ становятся номинально дороже во множествѣ случаевъ.

Когда же въ курсѣ ходячей монеты оказывается пониженіе и безпрестанно продолжается какъ то случалось часто съ бумажными деньгами, то дешевизна такой монеты, особенно если ей приданъ курсъ насильственный, неминуемо должна значительно возвысить ростъ во всѣхъ сдѣлкахъ, въ которыхъ капиталъ и проценты ссужаются и платятся въ видѣ монеты. Всякій опасается тогда получить въ уплату цѣнность номинально одинаковую, но упавшую курсомъ и, для прикрытия своихъ интересовъ, включаетъ въ проценты большую страховую премію.

94. ОБЪ УКАЗНЫХЪ ПРОЦЕНТАХЪ.

Нигдѣ нынѣ законы не запрещаютъ ссудъ на проценты, но многія законодательства еще постановляютъ предѣлы, выше которыхъ не дозволяется взимать ростъ, или такъ называемые *указные проценты*. Римляне первые подали примѣръ подобныхъ таксъ: ихъ происхожденіе объясняется злоупотребленіями роста, которымъ предавались патриціи, и отъ которыхъ много терпѣли плебеи. Предразсудки, вовсе отвергавшіе ростъ въ средніе вѣка, не могли вдругъ допустить совершенную свободу ссудъ: въ указныхъ процентахъ искали и еще ищутъ узы противъ лихоимства ростовщиковъ.

Какъ и всякая другая такса, указные проценты могутъ быть близки къ рыночнымъ; но ихъ неподвижность явно противорѣчитъ тѣмъ перемѣнамъ, которымъ теченіе дѣлъ часто подвергаетъ послѣдніе, и которыхъ нельзя не придерживаться особенно въ торговыхъ и банкирскихъ operaціяхъ. Сила вещей столь живо дала вездѣ почувствовать необходимость свободного опредѣленія процентовъ въ этихъ промыслахъ, что почти нигдѣ законы, постановляющіе указный ростъ, не касаются торговыхъ сдѣлокъ и сношеній. Они направлены преимущественно противъ отъявленныхъ ростовщиковъ, которые раскидываютъ свои сѣти въ тишинѣ и мракѣ для завлеченія неопытныхъ жертвъ, обыкновенно одолживая подъ залоги, или подъ кредитивы, достаточно обезпеченные вѣрными поруками или косвенными ипотеками.

Безсомнѣнныя, въ этомъ нѣтъ никакого зла и напрасно большая часть экономистовъ столь сильно возстаютъ противъ указныхъ процентовъ. Они видятъ въ нихъ нарушеніе правъ собственности, сѣщеніе свободы сдѣлокъ; но развѣ лихоимецъ, который пользуется крайностью или неопытностью заемщика и, не довольствуясь залогами или обезпечениями имъ предлагаемыми, взимаетъ съ него ростъ непомѣрный, продаетъ ему пользованіе капиталомъ вчетверо или вшестero дороже того, чего оно стѣть, не нарушаетъ правъ собственности? Какъ, посреди процвѣтающей промышленности, посреди изобилія капиталовъ, и при рыночномъ ростѣ самомъ умѣренномъ, дозволено будетъ инымъ спекуляторамъ, на бѣдствіяхъ и затрудненіяхъ нѣкоторыхъ членовъ государства и, въ особенности, на самыхъ скучныхъ достаткахъ основывать огромные барыши, взимать ростъ непомѣрный, не только по годамъ, но по мѣсяцамъ, по недѣлямъ, поднямъ, ввергая ихъ въ бездну нищеты? На томъ же основаніи можно было бы допустить всевозможные подлоги въ мѣновыхъ сдѣлкахъ и дозволить всякому обманывать довѣрчивость, неопытность или незнаніе. Ростовщикъ-лихоимецъ ничѣмъ въ глазахъ нашихъ не отличается отъ продавца, который обвѣшиваетъ, или обмѣриваетъ, или обманываетъ на качествѣ товара. Общество должно ограждать себя противъ первого, равно какъ и противъ послѣдняго.

Но гдѣ начинается лихоимство (*usura*)? гдѣ оканчивается законность и справедливость процентовъ? не должно терять изъ виду, что тамъ, гдѣ идетъ дѣ-

ло о ссудѣ на простое обѣщаніе письменное, заемщикъ необходиоо долженъ принимать въ расчетъ кредитъ заемщика и включать иногда въ проценты страховую премію, болѣе или менѣе значительную. Нельзя воспретить подобное включение, не стѣснивъ совершенно кредитныхъ сдѣлокъ и не лишивъ множество лицъ возможности прибѣгать къ займамъ въ минуты надобности. Намъ кажется, что лихоимство явно только въ тѣхъ случаяхъ когда ростовщикъ ссужаетъ подъ залогъ или подъ вѣрныя поруки, или когда онъ имѣеть явное право взысканія съ имущества, достаточно обезпечительного. Впрочемъ, почти всѣ законодательства принуждены были сдѣлать это различіе, и подъ процентовъ указныхъ допустить проценты условные.

Указные проценты необходимы еще для всѣхъ тѣхъ случаевъ, когда законы предоставляютъ определеніе роста власти общественной, равно какъ и въ расправахъ по кредитнымъ сдѣлкамъ, въ которыхъ проценты неопределены. Они предупреждаютъ излишнія тяжбы и недоразумѣнія.

Одинъ изъ важнѣйшихъ доводовъ противъ постановленія указныхъ процентовъ, какъ и всѣхъ такъ вообще, почерпается въ ихъ недѣйствительности. Ежедневно онъ нарушаются посредствомъ множества хитростей, которыхъ мы не будемъ здѣсь изчислять, ни описывать, но которыя всегда прикрываются личиной законныхъ сдѣлокъ. Различіе процентовъ торговыхъ отъ обыкновенныхъ частныхъ служить также поводомъ ко множеству уловокъ, которыми пользуются лихоимцы.

Въ минуты крайности, то упадка въ курсѣ нарицательной монеты господствующей на рынкѣ, то потрясенія кредита общественнаго войною, внутренними беспорядками, указные проценты безсильны противъ повышенія роста. Эта полицейская мѣра падаетъ предъ силою вещей, и сами правительства рѣдко ея придерживаются, потому-что сами въ своихъ займахъ должны покориться общей участіи и подвергнуться росту, превышающему указный. Если-же, вопреки настоятельному требованію силы вещей, власть общественная продолжаетъ преслѣдовать ростъ превышающей указные проценты, то эта строгость только пробуждаетъ болѣе осторожности въ ростовщикахъ и клонится къ усиленію той страховой преміи, изъ которой образуется разность.

95. БЕЗВОЗВРАТНЫЕ ЗАЙМЫ НА ПРОЦЕНТЫ; ПОЖИЗНЕННЫЯ ПЕНСІИ.

Въ какомъ бы видѣ ни занимался капиталъ, въ монетѣ или товарахъ, онъ можетъ имѣть двоякое назначеніе: употребленіе производительное или непроизводительное. Въ первомъ случаѣ онъ не истраивается, хотя и видоизмѣняется: по истеченіи нѣкотораго времени онъ воспроизводится весь или частію въ новыхъ цѣнностяхъ, съ приращеніемъ, образующимъ прибыль предпринимателя (которою мы скоро займемся), и изъ этой-то прибыли заемщикъ почерпаетъ проценты, платимые имъ кредитору. Но гдѣ возметъ проценты заемщикъ, истратившій капиталъ, ему ссуженный, на разныя потребленія,

на содержаніе собственное или своего сем'ейства, на удовольствія, однимъ словомъ заемщикъ, въ рукахъ котораго капиталъ вполнѣ испарился, оставилъ однѣ только воспоминанія о временномъ благосостояніи, но ни тѣни приращенія или прибыли? Для выполненія обязательства на себя принятаго, подобный заемщикъ почерпаетъ проценты, на уплату своему кредитору, въ производительныхъ силахъ ему принадлежащихъ, въ другихъ капиталахъ или земляхъ, если ихъ имѣтъ, или въ своемъ собственномъ трудѣ; по недостатку подобныхъ средствъ, онъ принужденъ удѣлять на взносъ процентовъ часть своего запаса потребительного, своей утвари, своихъ пожитковъ. Понятно, что люди, занимающіе съ подобной цѣлью и въ подобныхъ условіяхъ, большей частью сильно затрудняются платою процентовъ, и что имъ предстоитъ еще болѣе затрудненія, когда наступитъ срокъ уплаты самого капитала.

Этотъ фактъ, который такъ легко повѣрить на дѣлѣ, вполнѣ объясняется анализомъ. Когда предметомъ обмѣна служатъ двѣ наличныя цѣнности, съ обѣихъ сторонъ являются двѣ величины готовыя, осуществленныя. Ссуда напроценты есть настоящій обмѣнъ временнаго пользованія капиталомъ на определенные проценты: въ немъ видимъ одну только величину готовую—капиталъ; процентъ же есть величина еще не осуществленная, которая должна быть произведена кѣмъ-либо и гдѣ-либо. Для кредитора все равно откуда заемщикъ достанетъ проценты; онъ заботится только о полученіи уплаты. Для общества, напротивъ, этотъ вопросъ весьма важенъ.

Ясно, что еслибъ одна половина членовъ государства постоянно занимала у другой готовые капиталы, и поглощала ихъ потребленьемъ, проценты-же платила бы, удѣляя частицу изъ своего запаса потребительнаго, то рано или поздно занимающая половина пришла бы въ неоплатность; половина ссужающая лишилась бы не только процентовъ, но и самихъ капиталовъ, и богатство народное понесло бы жестокій ущербъ. Подобный порядокъ вещей не можетъ держаться въ обществѣ; съ одной стороны, личный интересъ большей части заемщиковъ побуждаетъ ихъ занимать капиталы для употребленія производительнаго; съ другой, личный-же интересъ побуждаетъ большую часть заимодавцевъ ссужать преимущественно на подобныя употребленія и, сколь возможно, избѣгать отчужденія капиталовъ въ руки расточительныя. Тѣмъ не менѣе, богатство народное всегда терпитъ убытокъ, уменьшается хотя и непримѣтно, когда занятый кѣмъ-либо капиталъ растрачивается непроизводительно, и когда заемщикъ обращаетъ на плату процентовъ часть произведеній, добываемыхъ помошью другихъ производительныхъ силъ. Еще болѣе потери ему предстоитъ, когда заемщикъ принужденъ коснуться, для взноса процентовъ, самихъ капиталовъ, ему принадлежащихъ, или которыми онъ располагаетъ; когда онъ приходитъ въ совершенную неоплатность, несостоятельность.

Этихъ разсужденій кажется довольно, чтобы уразумѣть, что если проценты составляютъ иногда единственный доходъ капиталиста, не прибѣгающаго

къ собственному труду, то этимъ доходомъ онъ всегда обязанъ чьему либо труду въ обществѣ, примѣняющему къ производству соотвѣтствующій капиталъ. Но онъ приведены здѣсь въ особенности для лучшаго объясненія безвозвратныхъ или безсрочныхъ займовъ на проценты. Въ этихъ сдѣлкахъ, извѣстно, что кредиторъ, ссужая свой капиталъ на опредѣленные проценты, отказывается отъ права требовать его уплаты отъ заемщика. Послѣдній самъ иногда отказывается отъ права избавиться отъ своего долга расплатою, какъ это бываетъ при учрежденіи пожизненныхъ пенсій, отъ платежа которыхъ заемщикъ освобождается только смертію кредитора. Въ подобныя пенсіи, кромѣ рыночнаго роста, всегда входитъ премія болѣе или менѣе значительная, смотря по числу лѣтъ, которыя, предполагается, можетъ еще прожить кредиторъ. Эта премія представляетъ, нѣкоторымъ образомъ, погашеніе самого капитала, и должна быть тѣмъ слабѣе чѣмъ болѣе число лѣтъ, на которыя разлагается.

Къ безвозвратнымъ займамъ въ особенности много прибѣгали въ послѣднія времена, и прибѣгаютъ нынѣ, правительства различныхъ государствъ. Нуждаясь въ средствахъ то на военные издержки, то на уплату долговъ иностранныхъ, то на общеполезныя работы, и расчитывая на праздные капиталы, существующіе въ государствѣ и ищущіе помѣщенія, онъ предлагаютъ сами, или чрезъ посредство съемщиковъ подобныхъ операций, желающимъ кредитивы или облигациіи, по которымъ обязуются платить определенные проценты, или такъ называемый *непре-*

рывный доходъ, съ суммы на нихъ выраженной и вносимой въ государственную долговую книгу. Въ этихъ облигаций отнюдь не означается срокъ уплаты капитала: правительство ее предоставляетъ на свой собственный произволъ. Проценты, которымъ подвергаются государственные займы, опредѣляются частью рыночнымъ ростомъ, частью кредитомъ, которымъ пользуется правительство. Если напр. рыночный ростъ не превышаетъ пяти % (5 на 100), и если кредитъ правительства твердъ и надеженъ, то его облигациіи продаются по ихъ именной цѣнѣ, то-есть за каждую изъ нихъ во сто рублей, приносящую непрерывного дохода пять рублей, оно получаетъ съ кредиторовъ 100 рублей. Но если рыночный ростъ выше 5%, или если какія-либо обстоятельства внушаютъ опасенія на счетъ государственного кредита, то на каждой облигациіи правительство принуждено сдѣлать уступку, и продавать ее ниже *pari* (*) (au dessus du pair). Такъ правительство Бурбоновъ, во Франціи въ 1818 и 16 годахъ, за пять франковъ ренты едва получало 50 или 60 франковъ, то-есть, занимало не по 6, но по 10% и по 8%. Водвореніе мира, упроченіе власти, господство внутренняго спокойствія, усиливаютъ кредитъ государственный, и тѣмъ самymъ подымаютъ цѣну его облигаций, которая можетъ перейти за *pari*. Такъ нынѣ во Франціи пяти процентная облигациія стоитъ около 120 франковъ. На это повышеніе имѣло вліяніе также пониженіе рыночнаго роста, вслѣдствіе изобилія предлагаемыхъ капиталовъ.

(*) Т. е. ниже ея именного достоинства.

Такъ-какъ безвозвратный заемъ не даетъ кредиторамъ права требовать уплаты ихъ капитала съ заемщика, то есть съ правительства, то, чтобы войти снова во владѣніе своимъ фондомъ, они принуждены прибѣгнуть къ продажѣ государственной облигаций, имъ принадлежащей. Подобную продажу не трудно произвестъ, особенно когда правительство имѣетъ хороший кредитъ: всегда есть охотники помѣстить путемъ купли подобныхъ облигаций свои капиталы на проценты, хотя умѣренные, но вѣрные. Для облегченія этихъ сдѣлокъ, учреждаются особенные рынки, такъ называемыя *биржи*, гдѣ владѣтели облигаций могутъ сходиться и сдѣлываться съ ихъ искателями. Назначаются также особенные *биржевые маклера* (*agents de change*), за которыхъ отвѣчаетъ власть; назначеніе ихъ—служить посредниками въ сдѣлкахъ, для отвращенія опасности подлогъ и продажи фальшивыхъ документовъ. Далѣе мы увидимъ, что *биржи* и *биржевые маклера* служатъ не только для сдѣлокъ, которыхъ предметомъ бывають государственные облигации, но также для продажи и купли всякого рода кредитивовъ.

Всякій государственный заемъ, заключенный помошію продажи облигаций, съ одной стороны доставляетъ правительству средства, которыя употребляются имъ по произволу; съ другой, образуетъ въ обществѣ особенное сословіе государственныхъ кредиторовъ (*rentiers*), получающихъ доходъ съ капитала, обѣ употребленія котораго вовсе не заботятся: онъ совершенно ими отчужденъ, и часто уже вовсе не существуетъ. Дѣйствительно, что оста-

лось отъ огромныхъ капиталовъ, занятыхъ прави-
тельствомъ англійскимъ и поглощенныхъ имъ въ
расходахъ военныхъ; они разсѣялись, испарились;
они издержаны невозвратно. Между тѣмъ кредито-
ры, владѣюще облигациями этихъ колоссальныхъ
займовъ, продолжаютъ получать проценты, кото-
рые вѣроятно будутъ получать и ихъ потомки, до-
колѣ Великобританія будетъ существовать въ ея на-
стоящемъ положеніи.

Откуда-же берутся эти проценты? — послѣ всего
вышеизложенного отвѣтъ не труденъ: — они почер-
паются въ ежегодномъ производствѣ націи, путемъ
множества различныхъ налоговъ. Долгъ государ-
ствомъ сдѣланный, отягчаетъ постояннымъ ярмомъ
производительность общественную и передается отъ
одного поколѣнія другому, пока не будетъ уплачено
особенною системой погашенія, или пока неумоли-
мая сила вещей не уничтожитъ его народнымъ
банкротствомъ.

ГЛАВА ПЯТЛЯ.

О прибыли.

96. ОСНОВАНИЕ ПРИБЫЛИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ.

Отъ роста, или платы за временное пользованіе капиталомъ, должно отличать ту *прибыль*, которую предприниматель, занявшій капиталъ, осуществляетъ на его употребленіи производительномъ. Настоящій источникъ первого кроется, правда, въ послѣдней; тамъ, гдѣ капиталы не приносятъ прибыли, они не могутъ также долго приносить и процентовъ, но этимъ ограничивается отношеніе между доходомъ капиталиста, ссужающаго на проценты, и доходомъ предпринимателя. Для первого капиталъ есть товаръ; для второго, орудіе. Первый требуетъ платы; второй долженъ создать, произвѣсть эту плату, и кроме того, извлечь изъ капитала достаточную прибыль для вознагражденія собственного труда.

Разсуждая о производствѣ различныхъ промысловъ, мы объяснили условія успѣха, которыхъ требуетъ каждый изъ нихъ (§§45—61). Приступая къ какому-либо предпріятію, всякий долженъ вопросить, во первыхъ, собственныя силы, и удостовѣриться, обладаетъ ли въ достаточной степени необходимою

расчетливостью, опытностью и познаниями; за тѣмъ, сообразить тѣ издержки капитала и труда исполнительного, которыхъ требуетъ производство данной полезности, и пріискать наилучшія средства къ примѣненію производительныхъ силъ, которыми располагаетъ; наконецъ, принять въ разсужденіе цѣну, которую пользуется произведеніе на общественномъ рынке, по которой оно можетъ быть сбыто. Ясно, что въ разности между издержками капитала и рыночною цѣнной произведенія заключается то приращеніе цѣнности, которое создаетъ предприниматель, и въ которомъ онъ найдетъ проценты, для уплаты капиталисту, и собственную прибыль. Впослѣдствіи мы увидимъ, что изъ этой же разности почерпается чистый доходъ, въ видѣ откупа или ренты платимой владѣльцу присвоенной силы природной.

Когда проценты и рента (въ случаѣ употребленія присвоенной природной силы) опредѣлены договоромъ, обычаемъ или закономъ (что всего чаще случается) предприниматель не можетъ имѣть никакого вліянія на уменьшеніе этой доли и на соотвѣтствующее усиленіе своей прибыли. Онъ не имѣть также существенного вліянія на рыночную цѣну произведеній, которые намѣренъ доставлять обществу; эта цѣна устанавливается отношеніемъ между запросомъ и предложеніемъ, зависящими отъ множества обстоятельствъ, которыхъ воля частнаго лица не всихъ измѣнить и которые трудно даже предвидѣть (§ 66). Напротивъ всякой, присоединяющей новое предприятіе къ существующимъ уже въ обще-

ствѣ, не только не можетъ расчитывать на усиленіе рыночной цѣны произведеній, но долженъ ожидать скорѣй упадка въ этой цѣнѣ вслѣдствіе умноженія предложенія. Посему, чтобы достигнуть нѣкотораго усиленія своей прибыли, предприниматель обязанъ прилагать всякое стараніе къ возможному уменьшенію издержекъ производства, состоящихъ въ капиталѣ имъ употребляемомъ въ видѣ орудій, машинъ, топлива, припасовъ, первообразнаго матеріала и задѣльной платы.

Всякое изобрѣтеніе, уменьшающее трату первообразнаго матеріала, позволяющее, при помощи одинакового количества топлива и припасовъ, получать болѣе произведеній, клонится къ увеличенію прибыли предпринимателя; но этимъ преимуществомъ, какъ, мы уже замѣтили (§ 47 и 67), онъ пользуется только, пока его изобрѣтеніе хранится въ тайнѣ. Едва оно сдѣлается всѣмъ извѣстно, соперничество другихъ предпринимателей тотчасъ понизитъ, всоразмѣрности, рыночную цѣну произведеній. То-же самое должно замѣтить о новыхъ методахъ раздѣленія занятій и машинахъ, дѣйствующихъ двояко на сокращеніе издержекъ производства: уменьшениемъ траты первообразнаго матеріала и усиленіемъ производства при помощи одного и того же труда исполнительнаго. Привилегіи, выдаваемыя правительствомъ на подобныя изобрѣтенія, не имѣютъ иного назначенія кромѣ обеспеченія изобрѣтателямъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, премій осуществляемой ими, при данной рыночной цѣнѣ, на уменьшениіи издержекъ. Это справедливая

награда и полезное поощрение: кратковременность привилегий предохраняет общество отъ слишкомъ значительного ущерба.

Предприниматель можетъ во многихъ промыслахъ обойтись безъ посторонней помощи: въ немъ совокупляется тогдатрудъ соображательный и трудъ исполнительный, чemu мы привели примѣры въ своемъ мѣстѣ. Въ такомъ случаѣ его прибыль рѣшительно зависитъ отъ совершенства его орудій, отъ искусства, съ какимъ онъ ихъ употребляетъ, и отъ экономіи, которую осуществляетъ на первообразномъ матеріалѣ. Но если онъ принужденъ призвать на помощь исполнителей какого бы ни было рода, и въ особенности работниковъ, то ясно, что получить прибыль тѣмъ значительнѣе, чѣмъ менѣе принужденъ будетъ удѣлять имъ въ видѣ *задѣльной платы*. Послѣдняя опредѣляется обыкновенно договоромъ или обычаемъ, вслѣдствіе законовъ, на которые предприниматель, какъ частное лицо, какъ членъ общества, почти вовсе не имѣетъ вліянія, и которые будутъ изложены въ слѣдующей главѣ. Здѣсь замѣтимъ только, что при данной рыночной цѣнѣ произведеній прибыль предпринимателя усиливается всякий разъ, когда уменьшается *задѣльная плата* и, напротивъ, она уменьшается по-мѣрѣ, какъ задѣльная плата увеличивается.

Само собой разумѣется, что прибыль предпринимателя уменьшается его собственнымъ неумѣніемъ, неспособностью или нерадѣніемъ работниковъ. Изъ однихъ и тѣхъ же способовъ, однѣхъ и тѣхъ же машинъ, трудъ человѣческій извлекаетъ болѣе

или менѣе пользы: если предприниматель самъ не знаетъ своего дѣла, или впадаетъ въ заблужденія, или избираетъ неловкихъ, неопытныхъ исполнителей, то онъ увеличиваетъ свои издержки производства и можетъ дойти до того, что не только онъ поглотятъ его прибыль, но превзойдутъ еще рыночную цѣну продукта, и нанесутъ ему убытокъ.

Слѣпое соперничество, увлекая въ промыселъ излишнее число предпринимателей и тѣмъ самымъ усиливая предложеніе, можетъ понизить рыночную цѣну произведеній до того, что она перестанетъ доставлять прибыль, и даже едва будетъ покрывать прочія издержки. Внезапный упадокъ запроса, причиняющій застой на рынкѣ общественномъ, долженъ имѣть подобные-же результаты. Неоднократно уже намъ случалось упоминать объ осторожности и вниманіи, съ которыми предприниматель долженъ слѣдить за положеніемъ того и другого, и предварительно удостовѣряться, нуждается ли еще общество въ новомъ предпріятіи для удовлетворенія какой-либо потребности.

Если предприниматель прибѣгаетъ къ пособію ученаго, къ его совѣтамъ письменнымъ или словеснымъ, или къ его указаніямъ непосредственнымъ, то возмездіе, платимое имъ за это пособіе (и которое будетъ объяснено далѣе), по необходимости входитъ также въ издержки капитала и, всоразмѣрности, уменьшаетъ прибыль. Оно, конечно, увеличиваетъ ее съ другой стороны, предохраняя отъ ошибокъ и разорительныхъ опытовъ; но предприниматель въ состояніи самъ предохранить себя отъ подобныхъ

потерь, если обладаетъ надлежащими познаніями и можетъ въ своемъ лицѣ совокупить трудъ ученый съ трудомъ сообразительнымъ, что часто бываетъ, какъ объяснено выше и особенно въ § 27-мъ.

Какъ возмездіе, платимое предпринимателемъ ученому, такъ и задѣльная плата, предполагаютъ предварительное накопленіе цѣнностей; онѣ принужденно входятъ въ составъ оборотнаго капитала и обыкновенно состоятъ изъ монеты, какъ товара представляющаго всѣ прочіе. Эта часть оборотнаго капитала отличается отъ другихъ только тѣмъ, что послѣднія состоятъ изъ разныхъ товаровъ и употребляются въ этомъ видѣ предпринимателемъ.

Нѣкоторые писатели (*) неправильно утверждаютъ, что задѣльная плата не входитъ въ составъ капитала: она, говорятъ представляетъ ту долю въ произведеніи, которая принадлежитъ работникамъ. Безспорно, но эта доля должна быть приготовлена и выдана работникамъ прежде, нежели осуществляется произведеніе, и даже если бы, по какимъ либо обстоятельствамъ, оно и вовсе не осуществилось. Задѣльная плата перестаетъ входить въ составъ капитала тогда только, когда по заключенному договору работники соглашаются ждать ея выдача до окончанія производства,—чего не видимъ на дѣлѣ, въ обыкновенномъ наймѣ труда исполнительнаго. Если же между предпринимателемъ и работниками учреждается настояще товарищество, то послѣдніе не получаютъ, въ собственномъ смыслѣ, за-

(*) *Rossi. Cours d' Economie politique T. II. 7-e leçon.*

дѣльной платы, а участвуютъ въ раздѣлѣ общей прибыли, по условной мѣрѣ. Но и въ этихъ случаяхъ, если предприниматель подчиняется выдачамъ впередъ, то онъ не можетъ ихъ дѣлать, не имѣя для того надлежащаго капитала.

Если капиталъ и присвоенная природная сила, какъ-то привилегія, участокъ земли или рудникъ, принадлежатъ самому предпринимателю, то онъ, нѣкоторымъ образомъ, ссужаетъ ихъ самому себѣ, его прибыль сливается тогда съ процентами и рентою, но она, какъ выше изложено, отдѣляется только за отчисленіемъ какъ той, такъ и другого.

Въ минуты критическія важное преимущество имѣетъ предприниматель, дѣйствующій помощію собственныхъ капиталовъ, предѣтѣмъ, который употребляетъ капиталы чужіе. Первый находитъ выгоду продолжать свое производство изъ однихъ только процентовъ, когда рыночная цѣна продуктовъ перестаетъ доставлять ему прибыль. Второй часто продолжаетъ производство единственно для платежа процентовъ, чтобы не подвергнуться тяжкой необходимости ликвидировать свое предпріятіе и уплатить занятые капиталы; но тогда предпріятіе во все не приноситъ ему никакихъ средствъ для собственного содержанія: по обычному выраженію, онъ работаетъ въ убытокъ. Рыночная цѣна можетъ упасть до того, что не будетъ окупать даже процентовъ. Тогда первый можетъ еще дѣйствовать, въ ожиданіи счастливой перемѣны, и выдержать кризисъ; второй же принужденъ или при-

бѣгнуть къ займу для платы процентовъ, или обѣять себя несостоятельнымъ.

Обширность всякого предпріятія зависитъ отъ капитала, имъ употребляемаго. Чѣмъ болѣе предприниматель можетъ занять машинъ, орудій и людей, чѣмъ болѣе добыть первообразнаго матеріала, тѣмъ болѣе, при одномъ и томъ же трудѣ съ своей стороны, получитъ произведеній и тѣмъ значительнѣе будетъ его прибыль.

По-мѣрѣ того, какъ разширяется кругъ дѣйствій иныхъ предпріятій, однѣ издержки увеличиваются, тогда-какъ другія, напротивъ, уменьшаются. Отъ свойства промысла зависитъ на какую часть издержекъ падетъ уменьшеніе. Во всѣхъ оно преимущественно касается расходовъ внутренняго управления, которые весьма не много усиливаются всравненій съ распространеніемъ оборотовъ. Въ земледѣліи оно оказывается въ сравнительно меньшемъ употребленіи работниковъ, выочнаго скота, нѣкоторыхъ орудій и построекъ. Въ мануфактурахъ, можно на половину усилить производство, не увеличивъ движителей и траты топлива; можно ввести новыя подраздѣленія занятій. Въ торговлѣ, помощію одной и той же конторы, негоціантъ можетъ предпринять обороты вдесятеро огромнѣйшіе. Въ заведеніяхъ для образованія нравственнаго и умственнаго, умноженіе числа воспитанниковъ не всегда требуетъ умноженія числа наставниковъ и учителей. Всякій разъ, когда предприниматель въ состояніи осуществить подобныя экономіи, его прибыль усиливается всоразмѣрности и, сравнительно, превы-

шаеть прибыль предпринимателей, не располагающихъ подобными средствами.

Это неравенство вознаграждается, для предпріятій не столь значительныхъ, другими преимуществами имъ свойственными. Съ ними вообще сопряжено менѣе риску, менѣе отвѣтственности. Предприниматель не принужденъ содержать огромный стоячій капиталъ; ему легче, въ случаѣ нужды, ликвидировать свои фонды. Какъ мы уже имѣли случай замѣтить, во всѣхъ промыслахъ есть вѣтви малоспособныя для большихъ предпріятій, и которыми напротивъ съ успѣхомъ занимаются мелкіе хозяева; такъ, напримѣръ, промыслы мануфактурные, которые производятся въ досужное время отъ земледѣльческихъ работъ въ самыхъ жилищахъ нашихъ поселянъ, долго будутъ грозить опаснымъ соперничествомъ для предпріятій фабричныхъ, требующихъ большого помѣщенія и значительныхъ капиталовъ стоячихъ. Ктому-же, иные предприниматели довольствуются прибылью слишкомъ уменьшенною для другихъ, и тѣмъ съ отъ производства.

Дешевизна произведе^{ть} уменьшенію прибыли предпринимателя, даже при данныхъ издержкахъ задѣльной платы и капитала, такъ точно, какъ и дороговизна не всегда служить признакомъ усиленія этой прибыли. Дешевыея произведенія находятъ всегда сбытъ обширнѣе, чѣмъ дорогія. На каждомъ изъ первыхъ прибыль предпринимателя можетъ быть несравненно слабѣе, чѣмъ на каждомъ изъ вторыхъ, но она чаще

вторяется и въ сложности составляетъ доходъ значительнѣе.

Сбыть есть главное условіе осуществленія прибыли: пока предприниматель остается при своихъ произведеніяхъ, его operaція не кончена; капиталъ, имъ употребленный, не возстановленъ и онъ не можетъ приступить къ новому обороту. Напротивъ, чѣмъ скорѣе возстановляется капиталъ, тѣмъ болѣе у него средствъ учащать свои обороты, и умножать прибыли. Это объясняетъ почему, подстрекаемые взаимнымъ соперничествомъ, предприниматели стараются, для ускоренія и обезпеченія сбытовъ, наперевѣръ понижать рыночную цѣну своихъ продуктовъ, сближая ее съ предѣлами стоимости, въ которую включаютъ прибыль безпрестанно уменьшающую. Въ этой борбѣ преимущество бываетъ то на сторонѣ хозяевъ располагающихъ капиталами значительными, то на сторонѣ тѣхъ, которые, по самому образу ихъ жизни, довольствуются прибылью самой умѣренной.

Это ведетъ насъ къ разсмотрѣнію тѣхъ предѣловъ, въ которыхъ держится прибыль предпринимателя, и ниже которыхъ она не можетъ упасть надолго.

97. ЕСТЕСТВЕННЫЕ ПРЕДЕЛЫ ПРИБЫЛИ.

Капиталистъ, ссужающій свои сбереженія на проценты, находитъ въ томъ двойную выгоду: во-первыхъ, онъ получаетъ съ нихъ доходъ, въ производствѣ котораго не участвуетъ своимъ трудомъ; во-вторыхъ, его доходъ, однажды опредѣленный дого-

воромъ, не измѣняется и можетъ разматриваться какъ величина постоянная; наконецъ, онъ частію обезпеченъ противъ всякого риску и потери капитала залогами или кредитомъ заемщика; и мы видѣли, что проценты бываютъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ мѣнѣе подобного обезпеченія.

Въ рукахъ предпринимателя, капиталъ производить лишь по мѣрѣ одушевленія его трудомъ: прибыль есть результатъ совокупнаго дѣйствія этихъ двухъ производительныхъ силъ, и трудъ представляетъ здѣсь силу дѣйствительную, а капиталъ—силу страдательную. Занятый производствомъ предприниматель отнюдь не можетъ располагать собою подобно капиталисту: для него нѣть другого источника содержанія, или обогащенія, кромѣ прибыли, приносимой предпріятіемъ.

Опредѣляемая съ одной стороны рыночною цѣной произведеній, съ другой издержками капитала въ видѣ орудій, матеріаловъ и задѣльной платы, прибыль подвержена быстрымъ и внезапнымъ пониженіямъ. Она упадаетъ при загроможденіи рынка товарами, или при застоѣ сбытовъ; также отъ повышенія задѣльной платы и отъ дороговизны, тѣмъ самыемъ причиняемой въ нѣкоторыхъ товарахъ, служащихъ матеріалами. Не упоминаемъ еще о соперничествѣ между предпринимателями, ни о постоянномъ вліяніи его на пониженіе прибыли.

Этого мало: предприниматель почти никогда не избавленъ отъ риска; ему угрожаютъ не только неопытность, невѣжество, нерадѣніе или даже злоумышленность его исполнителей, но еще несчастія веществен-

ныя, пожары, наводненія, порча машинъ, первообразнаго матеріяла, неудачи торговыя, кораблекрушенія, банкротства комісіонеровъ, должниковъ и т. п. Онъ имѣетъ дѣло со множествомъ лицъ, часто ему незнакомыхъ, и въ особенности съ этимъ неодолимымъ и неумолимымъ могуществомъ, которое зовутъ *силою вещей*; онъ не можетъ подобно капиталисту покойиться подъ кровомъ кредита, прочно утвержденного.

Когда прибыль не доставляетъ приличнаго содержанія предпринимателю и его семейству, не вознаграждаетъ за собственное свое непостоянство и частію за тѣ риски, которымъ подвергается предприниматель, тогда она считается недостаточною, и отвращаетъ отъ производства. Въ промыслѣ, гдѣ она достигла этихъ предѣловъ, или къ нимъ приближается, менѣе является новыхъ предпринимателей, по этому предложеніе произведеній не увеличивается; нѣтъ усиленія въ соперничествѣ, нѣтъ и причины къ уменьшенію ихъ рыночной цѣны, а съ нею вмѣстѣ и прибыли. Если-жъ произойдетъ противное; если соперничество, разгаражась между предпринимателями, понизитъ прибыль за эти предѣлы, то нѣкоторые, обыкновенно изъ наименѣе привязанныхъ къ промыслу, и завлеченныхъ въ него только надеждой на большія выгоды, удалятся, предложеніе уменьшится, и цѣна снова поднимется.

Чтобы убѣдиться въ этомъ медленномъ тяготѣніи прибыли къ предѣламъ, нами указаннымъ, надлежитъ слѣдить за ней посреди нормального теченія дѣлъ. Переломы, по временамъ обуревающіе про-

мышленость, частію скрываютъ, частію искажаютъ положеніе этого дохода. Посреди горестныхъ событій, обыкновенно ихъ сопровождающихъ, между предпринимателями одни изнемогаютъ и увлекаются въ несостоятельность; тѣ-же, которые могутъ пройти кризисъ, часто работаютъ, какъ выше замѣчено, не только безъ прибыли, но даже въ убытокъ. Удалиться съ поприща промысла въ эти минуты гораздо опаснѣе, чѣмъ удержаться на немъ цѣною величайшихъ пожертвованій. Ликвидациѣ почти всегда превращается въ банкротство, и наноситъ смертельный ударъ кредиту, а часто и добруму имени предпринимателя. По минованіи кризиса, когда дѣла примутъ теченіе покойное, всякий можетъ удобнѣе выйти изъ промысла, въ которомъ пересталъ обрѣтать достаточныя выгоды. Тогда это удаленіе не походитъ на бѣгство, не подавляетъ кредита, и позволяетъ легче изворотиться, для покрытія всѣхъ принятыхъ на себя обязательствъ.

Вникая въ три вышеприведенные элемента прибыли: *содержаніе* предпринимателя и его семейства, *непостоянство* сбытовъ и риски, которымъ онъ подвергается, мы замѣчаемъ, что первый измѣняется по образу жизни сословія, производящаго промыселъ, и по рыночной цѣнѣ необходимыхъ предметовъ потребленія; а два послѣдніе, смотря по роду промысла.

Образъ жизни не зависитъ вполнѣ отъ личныхъ склонностей и характера: на него имѣютъ неодолимое влияніе обычаи народа и, въ особенности, сословія, которому принадлежитъ частное лицо. Про-

стота нравовъ часто принуждена уступать мѣсто нѣкоторой изысканности и роскоши. Иной ремесленый хозяинъ можетъ жить просто и дешево, довольствуясь малымъ, тогда-какъ большой фабриканть или негоціантъ, чтобы не отстать отъ своего сословія, не прослыть оригиналомъ, скучнымъ, принужденъ тратить несравненно болѣе на приличное содержаніе своего дома, на прислугу, на экипажъ. Ктому-же, въ иныхъ сословіяхъ потребности менѣе развиты, чѣмъ въ другихъ: мызникъ или цеховой мастеръ не думаетъ о тѣхъ умственныхъ или художественныхъ наслажденіяхъ, безъ которыхъ не можетъ обойтись семейство образованного фабриканта. Степень образованности отражается также различно въ образѣ жизни предпринимателей, смотря по различію ихъ націй. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить домашнюю жизнь англійского негоціанта и русского купца. Какая простота въ послѣдней, сколько нуждъ, необходимыхъ для одного, вовсе неизвѣстны другому. Чѣмъ проще образъ жизни предпринимателя, чѣмъ менѣе онъ издерживаетъ на содержаніе своего семейства, тѣмъ ниже можетъ упадать его прибыль, не достигая крайняго предѣла. Въ этомъ заключается иногда тайна сильнаго соперничества слабыхъ и мелкихъ предпринимателей.

Дороговизна продовольствія и вообще предметовъ первой необходимости, помѣщенія, топлива, гораздо болѣе ощущается въ городахъ, нежели въ селеніяхъ. Въ первыхъ болѣе запросу на эти предметы, менѣе предложенія, и ктому-же они почти всегда обре-

меняются налогами, городскими пошлинами; это объясняетъ, почему въ нѣкоторыхъ промыслахъ городскихъ, предприниматели не могутъ довольствоваться прибылью, весьма достаточную для предпринимателей сельскихъ.

Еслибъ прибыль предпринимателя покрывала только его потребленіе, и ежегодно имъ поглощалась, то немногимъ она показалась бы удовлетворительною. Мы уже видѣли, что человѣкъ трудится не только для настоящаго, но и для будущаго. Всякого ожидаютъ подъ конецъ жизни старость и немощи, съ ней неразлучныя; у всякого есть семейство, дѣти, родные; обеспеченіе ихъ участіи служить предметомъ самыхъ естественныхъ заботъ. Прибыль, изъ которой нельзя ничего спасти, сохранить, отложить въ сторону про-запасъ, или обратить въ капиталъ, есть прибыль недостаточная, и производства, въ которыхъ она упадаетъ до этого предѣла, бросаются какъ невыгодныя, пока уменьшеніе предложенія не дастъ повыситься рыночной цѣнѣ произведеній до надлежащей мѣры, для обеспеченія нѣкотораго излишка предпринимателямъ. Сбереженія, допускаемыя прибылью, удовлетворяютъ или не удовлетворяютъ предпринимателя, смотря по обычаямъ и образу жизни сословія, къ которому онъ принадлежитъ, или къ которому будутъ принадлежать его наследники.

Прибыль предпринимателя, какъ уже часто повторялось, соразмѣряется съ количествомъ произведеній, пускаемыхъ въ обращеніе. Ея постоянство зависитъ, слѣдовательно, отъ постоянства сбыта. До

сбыта не только нѣтъ прибыли, но даже не прекращаются издержки и, въ особенности, наростаніе процентовъ съ употребленного капитала. Нѣтъ промысла, представляющаго безусловное постоянство сбыта; но одни менѣе подвержены застою, нежели другие: ясно, что часть прибыли съ каждого произведенія, выдѣляемая на покрытие убытковъ предпринимателя отъ замедленія сбыта, должна быть болѣе значительна въ послѣднихъ, нежели въ первыхъ. Ювелиръ иногда цѣлый годъ ждетъ покупателей на свои издѣлія, тогда-какъ магазинъ съѣстныхъ припасовъ безъ затрудненія опоражнивается еженедѣльно. Въ рыночную цѣну первыхъ должна входить прибыль, содержащая годовые проценты съ капитала на нихъ употребленного, тогда-какъ торговецъ съѣстными припасами можетъ довольствоваться прибылью, содержащей $\frac{1}{50}$ часть годового роста. Содержатель трактира въ многолюдной части города болѣе обеспеченъ въ своихъ сбытахъ, нежели постоялый дворъ, устроенный на малоѣзжей дорогѣ. Еѣ прибыль послѣдняго по необходимости должны входить частію издержки на содержаніе дома, на кухонную утварь, на припасы за все время, пока онъ ждетъ потребителей. Торгующій модными вещами, на которыхъ запросъ можетъ вдругъ исчезнуть, долженъ быть вознагражденъ, завозможность подобнаго ущерба, прибылью значительной. Болѣе или менѣе всѣ принимаютъ въ разсужденіе эти обстоятельства и число предпринимателей уменьшается, по-мѣрѣ какъ рыночная цѣна произведеній, слишкомъ понижаясь, перестаетъ обеспечивать

отъ убытковъ, причиняемыхъ непостоянствомъ сбыта.

Такъ точно принимается въ расчетъ и рискъ, со-
пряженный съ предпріятіемъ. Почти всегда на при-
быль падаетъ страховая премія. На уменьшеніе этой
преміи много имѣловліянія размноженіе страховыхъ
обществъ: онъ довольствуясь умѣренной платой,
получаемой отъ многихъ, обеспечиваютъ каждому,
къ нимъ прибѣгающему, сохранность его имуще-
ства, въ случаѣ истребленія послѣдняго какимъ
либо непредвидимымъ бѣдствіемъ: пожаромъ, ко-
раблекрушениемъ, градомъ, наводненіемъ.

Еслибъ всѣ предприниматели обладали въ высшей
степени соображательною способностью, которой
мы дали название расчетливости; еслибъ всѣ могли
предусматривать обстоятельства, измѣняющія по-
ложеніе запроса и предложенія на рынкѣ обществен-
номъ, то каждый постоянно находилъ бы въ своей
прибыли необходимые элементы, нами разсмотрѣн-
ные. Но подобной предусмотрительности нельзя ожи-
дать, тѣмъ менѣе требовать, отъ людей. Игра случая,
прихоти, пристрастіе, заманчивыя надежды, авось,
— вотъ главные распорядители многихъ промысловъ.
Большая часть предпринимателей не могутъ припи-
сать инымъ причинамъ начало своихъ предпріятій.
Можно-ль удивляться тому, что посреди самыхъ bla-
гопріятныхъ мѣстныхъ обстоятельствъ, при изоби-
ліи капиталовъ вещественныхъ и нравственныхъ,
часто возникаютъ предпріятія, не приносящія до-
статочной прибыли? Всего чаще даже, это явленіе
поразить наблюдателя въ большихъ городахъ, гдѣ

необходимыя средства сосредоточиваются на маломъ пространствѣ, гдѣ все льстить надеждой на выгоды великія: и примѣръ предшественниковъ, и оживленный запросъ,—гдѣ жизнь общественная является во всемъ своемъ блескѣ. Исполненные рвениѧ, подстрекаемые личнымъ интересомъ, новые подвижники безпрестанно выступаютъ на поприще, надѣясь пожать обильные барыши тамъ, гдѣ уже пожинаютъ другіе. Но, размножая число произведеній, они нарушаютъ равновѣсіе между предложеніемъ и запросомъ, и часто пожинаютъ одни только убытки.

Уныніе овладѣваетъ не вдругъ предпринимателями; иногда оно минуетъ новыхъ и постигаетъ старыхъ, привыкшихъ къ прибыли значительной. Благоразумнѣйшіе спѣшатъ удалиться, перемѣнить промыселъ, или переселиться въ другое мѣсто, гдѣ менѣе соперничества. Иные ограничиваются съ успѣхомъ одной только перемѣнной рода своихъ произведеній. Тѣ, которые успѣли пріобрѣсть независимый достатокъ, или утомились жизнью слишкомъ дѣятельною, оставляютъ вовсе дѣла. Нѣкоторые разоряются, падаютъ; мало по малу сила вещей выпрямливаетъ пружину, слишкомъ натянутую въ одну сторону страстями и заблужденьями людей. Предложеніе уменьшается, а съ нею и прибыль, стремясь постоянно войти въ естественные предѣлы, ей свойственные.

Если нѣтъ монополіи (§§ 68 и 69), искусственно уменьшающей предложеніе и исключающей соперничество, та-же сила вещей, которая не допускаетъ слишкомъ продолжительного упадка прибыли за

предѣлы, нами описанные, препятствуетъ ея возвышенію надъ ними, покрайней мѣрѣ на долгое время. Промыселъ, доставляющій прибыль слишкомъ высокую, привлекаетъ новыхъ предпринимателей, которые, вступая въ соперничество съ прежними, скоро понижаютъ рыночную цѣну продуктовъ, а съ ней вмѣстѣ и прибыль стремится понизиться до ея крайнихъ предѣловъ (§§ 47 и 67).

98. ТОВАРИЩЕСТВА ПОЛНЫЯ; ТОВАРИЩЕСТВА НА ВѢРЬ, И КОММАНДИТНЫЯ КОМПАНИИ.

Путемъ займа на проценты предприниматель можетъ, въ предѣлахъ своего кредита, пріобщать къ своему производству новые капиталы. Въ этого рода сдѣлкахъ нѣтъ товарищества: это просто ссуды срочныя или безсрочныя за условную плату. Предприниматель обеспечиваетъ ссудившему одинъ только платежъ процентовъ, но никакого участія въ прибыли.

Если нѣсколько лицъ соединяютъ свои капиталы для совокупнаго примѣненія ихъ къ производству, то онѣ образуютъ товарищество, и каждое изъ нихъ участвуетъ какъ въ прибыли, такъ и въ рискахъ, сопряженныхъ съ предприятіемъ. Подобное товарищество известно въ законахъ подъ названіемъ *полного*. Товарищи могутъ всѣ участвовать въ предприятіи своимъ трудомъ: во всѣхъ промыслахъ можно указать множество примѣровъ подобнаго совокупленія производительности труда и капиталовъ. Въ такомъ случаѣ прибыль дѣлится между ними по са-

размѣрности внесенного пая, или по условію. Они могутъ также избрать изъ среды себя одного или двухъ товарищѣй, и поручить имъ управлениe предпріятіемъ и надзоръ за его ходомъ. Послѣднєтогда къ качеству участниковъ присоединяютъ еще качество исполнителей высшаго разряда: они поступаютъ, нѣкоторымъ образомъ, въ услугеніе къ нравственному лицу—товарищству, въ составъ котораго входятъ сами своими капиталами. Какъ товарищи, они имѣютъ право на часть прибыли; какъ повѣренные въ дѣлахъ они могутъ получать сверхъ того задѣльную плату. Опредѣленіе послѣдней, и самое ея существованіе совершенно зависятъ отъ общаго соглашенія и условій сдѣлки.

Выгоды полнаго товарищества заключаются во первыхъ: въ немаловажной экономіи, осуществляемой при усиленіи капитала на уменьшениi общихъ расходовъ и нѣкоторыхъ издержекъ, зависящихъ отъ рода предпріятія, экономіи, которой мы коснулись выше (§ 96), и которая всоразмѣрности увеличиваетъ прибыль; во-вторыхъ: въ той помощи, какую оказываютъ другъ другу и предпріятію товарищи, каждый способностями ему свойственными, и тѣмъ кредитомъ и довѣріемъ, которыми каждый пользуется въ своемъ кругу.

Въ товариществѣ полномъ, каждый товарищъ отвѣчаетъ за оплатность предпріятія всѣмъ своимъ имуществомъ. Въ товариществѣ *на вѣрѣ* (*commandite*) приобращаются къ предпріятію вкладчики или пайщики, которыхъ отвѣтственность не простирается свыше ихъ пая, тогда-какъ главный предприни-

матерь несетъ отвѣтственность полную. Тутъ болѣе сходства съ заемомъ, но не трудно усмотрѣть различія существенныя. Заемная сдѣлка опредѣляетъ срокъ уплаты и, во всякомъ случаѣ, проценты. Договоръ, по которому вкладчикъ даетъ на вѣру свой капиталъ, не опредѣляетъ ни того, ни другого. Предприниматель выдѣляетъ ему по окончаніи расчетовъ часть прибыли, соразмѣрную съ его паемъ. Въ случаѣ потери, убытковъ, несостоятельности, вкладчикъ теряетъ; но для него потеря никогда не превышаетъ его пая, тогда-какъ она можетъ поглотить все имущество главнаго предпринимателя. Такъ-какъ послѣдній болѣе подвергается риску и, кому-же, завѣдываетъ ходомъ предпріятія, то кромѣ доли въ прибыли, ему принадлежитъ еще приличное вознагражденіе. Командитный вкладчикъ можетъ также участвовать въ предпріятіи своимъ трудомъ, то въ качествѣ прикащица, кассира, ревизора, то какъ повѣренный въ дѣлахъ. Въ послѣднемъ случаѣ только, онъ можетъ дѣйствовать отъ имени дома, къ которому принадлежитъ.

Предприниматель можетъ обеспечить вкладчику проценты и, сверхъ того, дивидендъ, т. е. часть прибыли. Въ такомъ случаѣ первый есть величина постоянная; второй, величина перемѣнная. Въ Европѣ, когда ростъ запрещенъ былъ законами, къ товариществу на вѣрѣ прибѣгали для прикрытия настоящихъ ссудъ на проценты. Этимъ договоромъ пользовались также знатныя лица, которымъ законы или обычаи воспрещали торговыя дѣла, для извлечения пользы изъ своихъ капиталовъ. Товарищество

на вѣрѣ существовало также у Римлянъ: Катонъ (старшій, цензоръ) былъ настоящій коммандитный вкладчикъ множества предпріятій, снабжавшихъ Римъ и Италію съѣстными припасами. *Плутархъ*, описывая это обстоятельство, напрасно упрекаетъ Катона въ лихоимствѣ.

Товарищество полное соединяетъ производительность нѣсколькихъ предпринимателей, изъ которыхъ каждый имѣетъ свой капиталъ; въ товариществѣ на вѣрѣ къ производительности труда соображательнаго одного предпринимателя присоединяется производительность нѣсколькихъ капиталовъ. Договоръ этотъ есть одинъ изъ тѣхъ, къ которымъ всего чаще прибѣгаютъ въ обществѣ, и которые наиболѣе благопріятствуютъ успѣхамъ и развитію промышленности. Такъ ежедневно, искусные мастера, фабриканты, изобрѣтатели, обладая однѣми только надлежащими способностями для успешнаго производства, ищутъ капиталиста, которому предлагаются долю въ своей прибыли. Между ними учреждается настоящее товарищество на вѣрѣ. Основаніе подобной сдѣлки не заключается въ одномъ только кредитѣ, въ довѣріи къ нравственнымъ качествамъ и оплатности предпринимателя: но въ убѣждениіи, что мысль его хороша, что его предпріятіе полезно и что самъ онъ способенъ къ успешному завѣдыванію дѣломъ.

Въ нѣкоторыхъ государствахъ, товариществу на вѣрѣ придано значеніе самое обширное. Тамъ дозволяется дробить вкладочный капиталъ на мелкія части, представляемыя акціями, доступныя самимъ

умъреннымъ сбереженіямъ. Командитная компанія, въ такомъ случаѣ, обыкновенно обеспечиваетъ акционерамъ умъренный процентъ, кромѣ дивиденда; она подчиняетъ себя прямому надзору собранія вкладчиковъ, рѣшая большинствомъ голосовъ не только важнѣйшія операциі, каковы опредѣленіе процентовъ и дивиденда, приглашеніе новыхъ вкладчиковъ, погашеніе нѣкотораго числа акцій, продолженіе или ликвидациі товарищества, но также выборъ или утвержденіе повѣренныхъ, цензоровъ или ревизоровъ, членовъ центрального совѣта и управлениія. Подобныя учрежденія, когда основаны на твердомъ кредитѣ и подчинены строгому и благоразумному управлению, отмѣнно полезны: они предохраняютъ государство отъ праздности множества мелкихъ капиталовъ, которые по самой ихъ ограниченности не могутъ быть примѣнены къ производству; содѣйствуютъ развитію духа бережливости и порядка, поощряя удобствомъ выгоднаго помѣщенія; умножаютъ благосостояніе самыхъ скучныхъ достатковъ.

Подлѣ этихъ важныхъ преимуществъ, съ горечью должно упомянуть о злоупотребленіяхъ, которымъ подвержены командитныя компаніи. Пользуясь легковѣріемъ публики, неосторожные или безсовѣстные прожектеры иногда провозглашаютъ въ высокопарныхъ объявленіяхъ новыя предпріятія; иышныя обѣщанія, убѣдительныя приглашенія, искусное распространеніе самыхъ благопріятныхъ слуховъ, завлекаютъ мелкихъ капиталистовъ, которые не умѣютъ различить лживой приманки отъ пред-

пріятія истинно полезнаго. Бѣдные люди, располагая не большими фондами, не имѣя возможности сами употребить ихъ съ выгодой, спѣшать воспользоваться случаемъ для ихъ помѣщенія, и разбираютъ акціи въ надеждѣ на блестящій дивидендъ. Часто для вицпшаго ослѣпленія своихъ жертвъ, предприниматели возбуждаютъ чрезъ посредство своихъ соумышленниковъ искусственный запросъ на акціи; ихъ рѣдкость, премія, которую онѣ пользуются, еще болѣе раздражаютъ рвение публики.

Но дивидендъ существовалъ только въ воображении акціонеровъ или основателей компаний. Превознесенное предпріятіе, поглотивъ всѣ капиталы, едва окупаетъ издержки и не приноситъ даже указанаго процента акціонерамъ. Правда, въ итогъ издержекъ главные распорядители спѣшать иногда включить огромное жалованье, которое присвоиваютъ себѣ въ качествѣ повѣренныхъ, и когда банкротство увлечетъ все это рухлое зданіе, они успѣли уже привести въ безопасность похищенные барыши. Такъ злонамѣренность превращаетъ въ свое орудіе одно изъ полезнѣйшихъ учрежденій общественныхъ. Доселѣ еще не успѣли принять достаточно существенныхъ мѣръ противъ злоупотребленій коммандитныхъ предпріятій, и, по всему вѣроятію, типъ *Роберта-Макера и Бертрана* еще долго будетъ существовать на европейскихъ биржахъ. Въ собственной разборчивости и осмотрительности надлежитъ искать вѣрнѣйшей защиты противъ этого зла.

99. АНОНИМНЫЯ АКЦИОНЕРНАЯ КОМПАНИЯ.

Акционерные компании безыменные отличаются отъ командитныхъ тѣмъ, что въ нихъ не участвуетъ отвѣтственный предприниматель, какъ въ послѣднихъ. Это просто соединеніе капиталовъ, принадлежащихъ различнымъ лицамъ, для совокупнаго примѣненія ихъ къ какому-либо производству. Сумма всѣхъ вкладовъ, внесенныхыхъ въ подобное предприятие, образуетъ компанейскій капиталъ. Онъ раздѣляется на пай неотчуждаемые или, еще удобнѣе, на акціи, которыя могутъ передаваться уступкой, обменомъ или продажей. На каждой акціи можетъ быть выражено имя ея владѣтеля, акционера; она можетъ быть также документомъ безыменнымъ, который считается собственностью подателя (*action au porteur*). Во всякомъ случаѣ, ни одинъ изъ акционеровъ, какъ тотъ, у кого наименѣе акцій, такъ и тотъ, у кого ихъ наиболѣе, не вправѣ дать свою фирму подобной компании. Она всегда рассматривается какъ лицо собирательное и присвоиваетъ себѣ название, обыкновенно означающее цѣль, для которой учреждена. Отъ этого эпитетъ *безыменной* или *анонимной*, для отличія отъ командитной, которая всегда дѣйствуетъ подъ фирмой отвѣтственнаго предпринимателя. Отвѣтственность каждого акционера не простирается свыше капитала акцій, ему принадлежащихъ.

Капиталы одни не производятъ: ихъ производительность должна быть возбуждена трудомъ. Посему, всякая анонимная компания избираетъ изъ среды ак-

ціонеровъ, или изъ числа лицъ постороннихъ, смотря по ея статутамъ, своихъ повѣренныхъ въ дѣлахъ, своихъ исполнителей высшаго разряда, инженеровъ, администраторовъ, которымъ поручается надзоръ за общимъ ходомъ и подробностями предпріятія. Имъ полагается жалованье или задѣльная плата, соразмѣрная съ отвѣтственностью, заботами и способностями, которыхъ отъ нихъ требуется. Высшіе исполнители поступаютъ какъ предприниматели; соображаютъ издержки; употребляютъ компанейскій капиталъ на устройство необходимыхъ машинъ, на приобрѣтеніе припасовъ, первообразнаго матеріяла, на плату другимъ исполнителямъ низшаго разряда и работникамъ; блюдутъ за интересами компаний; заключаютъ сдѣлки отъ ея имени въ предѣлахъ власти, имъ предоставленной. Они отличаются отъ настоящихъ предпринимателей тѣмъ только, что не получаютъ собственно прибыли и должны довольствоваться положеннымъ жалованьемъ. По окончаніи годовой операциіи, прибыль приводится въ извѣстность и распредѣляется по числу акцій такъ, чтобы на каждую приходилась равная часть, которая выдается владѣтелю акціи въ видѣ дивиденда. Иногда часть прибыли обращается въ резервъ, или на усиленіе компанейскаго капитала.

Акционеры собственно не принимаютъ прямого участія въ управлениі предпріятіемъ: оно возлагается на отвѣтственность повѣренныхъ въ дѣлахъ,ими самими избранныхъ и утвержденныхъ. Но какъ основателямъ предпріятія, какъ владѣтелямъ капитала, которымъ оно движется, имъ принадлежитъ пра-

во высшаго надзора за операциами компаніи. Имъ представляются отчеты о ея дѣйствіяхъ, объ осуществленной прибыли, о понесенныхъ потеряхъ. Они балотируютъ, утверждаютъ или сменяютъ повѣренныхъ. Отъ нихъ только зависитъ усиленіе компанейскаго капитала обращеніемъ въ резервъ нѣкоторой части дивиденда, или выпускомъ новыхъ акцій, равно какъ и погашеніе нѣкотораго числа акцій покупкою на счетъ компаніи. Акционеры же разрѣшаютъ принятие мѣръ къ продолженію дѣйствій компаніи, при наступленіи времени ея закрытія; безъ ихъ согласія компанія не можетъ быть уничтожена до срока, кромѣ случаевъ необходимости или несостоятельности.

Всѣ эти права акционеровъ проис текаютъ изъ права собственности; но онѣ должны быть опредѣлены статутами для избѣжанія недоразумѣній, споровъ, несогласія и для самого ограниченія этихъ правъ, изъ пользы предпріятія Акционерная компанія есть родъ небольшого устроеннаго общества посреди государства. Она должна имѣть свои законы, которые становятся обязательными для всякого новаго акционера, въ нее поступающаго. Ея цѣль; родъ и обширность ея операций; внутреннее управление; ответственность администраторовъ; ихъ соотношенія съ общимъ собраніемъ акционеровъ, или съ наблюдательнымъ комитетомъ, составленнымъ изъ ихъ числа; эпохи общихъ собраній, предъявленія отчетовъ, ихъ повѣрки; порядокъ балотировки, отбора мнѣній; решеніе платежа дивидендовъ; событий, подающія поводъ къ разрыву компаніи, срокъ ея продолженія,

и множество другихъ подробностей, изъ которыхъ нѣкоторыя зависятъ отъ самого свойства предпріятія, должны быть опредѣлены основнымъ уставомъ компаний, или общества.

Въ основномъ уставѣ заключается главное условіе акціонерной компаний, равно какъ и коммандитной на акціяхъ. Такъ-какъ онъ служить закономъ не только для ея первыхъ основателей, но и для всѣхъ тѣхъ, которые впослѣдствіи къ ней присоединятся, не только въ домашнихъ дѣлахъ самой компаний, но и въ ея сношеніяхъ съ другими членами государства и съ самимъ государствомъ, то подобный уставъ необходимо долженъ быть утвержденъ верховною властію общественною. Само собой разумѣется, что онъ не можетъ содержать ничего противнаго законамъ государственнымъ. Если компаний учреждается для удовлетворенія какой-либо общественной потребности, и когда съ ея учрежденіемъ неизбѣжно сопряжена монополія, какъ то: для устройства дороги, канала, моста, для приспособленія рѣки къ судоходству, для перевозки путешественниковъ по желѣзной дорогѣ, и т. п., верховная власть не только подвергаетъ разсмотрѣнію, и если нужно, исправленію, ея статутъ; но еще подчиняетъ ее особыннымъ условіямъ для обеспеченія общества противъ возможной небрежности, неосторожности, нерадиваго и непрочнаго устроенія работъ; вмѣняетъ ей въ обязанность соблюдать инструкціи (*cahier des charges*), утвержденныя законнымъ порядкомъ, и въ особенности назначаетъ тарифы, опредѣляетъ крайнюю степень платы, *maximum*, какую разрѣшается компаний взимать съ публики.

Компания можетъ считаться окончательно учрежденою только по обнародованіи ея устава, законнымъ образомъ утвержденного. Подобное обнародование служить нѣкоторымъ образомъ приглашениемъ желающихъ пополнить капиталъ, если онъ уже не покрытъ первоначальными подписками. Оно должно быть сдѣлано такъ, чтобы всякий могъ судить о цѣли предпріятія, о выгодахъ съ нимъ сопряженныхъ, о правахъ и обязательствахъ акціонеровъ, въ немъ участвующихъ. Иногда не требуется отъ акціонеровъ внесенія слѣдующаго съ каждой акціи капитала сполна, но по частямъ, то въ условные сроки впередъ опредѣленные, то по востребованіи; бываютъ случаи, когда часть капитала вовсе не требуется и остается въ резервѣ, т. е. въ распоряженіи каждого акціонера до надобности. Пріобрѣтшій акцію, или просто подписаншійся, тѣмъ самыемъ принимаетъ на себя обязанность внести капиталъ по статуту, и становится должникомъ компании. Невнесение въ срокъ подвергаетъ его тѣмъ-же, или почти тѣмъ-же, послѣдствіямъ, какъ и неуплата по всякому другому кредитиву.

Учрежденіемъ акціонерныхъ компаний, какъ безименныхъ, такъ и коммандитныхъ, отнюдь не стысняется свобода промышленности. Онѣ клонятся однако къ уменьшенію прибыли предпринимателей, участвующихъ въ одномъ съ ними промыслѣ. Рѣдкіе изъ нихъ располагаютъ капиталами, столь значительными, и способны осуществить столько экономіи на издержкахъ производства, какъ акціонерное общество, прочно устроенное и хорошо управляемое. Ктому-же, не смотря на значительное

жалованье администраторовъ, предприниматель-компания довольноствуется прибылью, несравненно умѣреннѣйшею, чѣмъ всѣ другіе частные предприниматели. Акционеры, участвующіе въ предприятіи только своими капиталами, считаютъ себя достаточно удовлетворенными, если получаютъ дивидендъ, немного превышающій рыночные проценты, или даже вовсе ихъ непревышающій. Эти преимущества позволяютъ компаніи продавать ея продукты или ея услуги по цѣнѣ ниже рыночной и, тѣмъ самыемъ, она принуждаетъ частныхъ предпринимателей довольноствовать прибылью умѣреннѣйшею той, какую они добывали до учрежденія компаніи.

Неудачный выборъ администраторовъ, ихъ неспособность или недобросовѣстность, равно какъ и несчастія всякого рода, уменьшая прибыль предприятія, уменьшаютъ также доходъ акционеровъ. Они могутъ вовсе лишиться дохода и даже потерять самый капиталъ вслѣдствіе дурнаго управленія, а иногда неблагопріятныхъ обстоятельствъ, совершенно непредвидимыхъ. Нѣтъ недостатка въ примѣрахъ компаній, послѣ кратковременного существованія, поглотившихъ въгибельномъ банкротствѣ самая блестящія надежды и капиталы акционеровъ.

Напротивъ того, непредвидимымъ обстоятельствамъ часто акционерныя предприятія бываютъ обязаны положенiemъ отмѣнно цвѣтущимъ и огромными дивидендами. Приступая къ разработкѣ анзенской каменноугольной копи, анонимная компания, съ трудомъ составленная для этого предприятія во Франціи, не предвидѣла того изобилия, тѣхъ

удивительныхъ удобствъ, которыя ожидали ее подъ безплодной поверхностью, ею пріобрѣтеною. Она расчитывала, конечно, на потребность народную въ этомъ подземномъ топливѣ, но не ожидала столь великаго разширенія запроса; и тотъ, кто предсказалъ бы тогда акціонерамъ баснословные дивиденды нынѣ ими получаемые, прослылъ бы конечно шарлатаномъ и безумцемъ (*). Такъ точно дорога или каналъ приносятъ сначала слабый дивидендъ, но торговля можетъ вдругъ избрать этотъ путь предпочтительно предъ другими и умножить выгоды акціонеровъ. Журналы и періодическія изданія часто бывають предметомъ акціонерныхъ обществъ: счастливая извѣстность издателя, талантъ редакторовъ, къ нему привлеченныхъ, усиленная потребность общества въ извѣстіяхъ имъ публикуемыхъ, могутъ умножить значительно число подписчиковъ и поднять дивиденды, какъ это случилось недавно въ Парижѣ съ т. наз. *судебною газетою* (*gazette des tribunaux*). Ея акціи съ 500 фр. возросли до 12,000 фр.

Иногда можно предвидѣть усиленіе прибыли ак-

(*) Азенская компанія хранить въ тайнѣ настоящее положеніе своихъ дѣлъ, но о немъ можно судить приблизительно по курсу на акції. Ихъ выпущено было первоначально 288, т. е. первоначальный капиталъ, котораго важность неизвѣстна, былъ раздѣленъ на 288 долей или *денье* (*denier*). Все заставляетъ полагать, что суммы, внесенные первоначально акціонерами, были весьма незначительны (не болѣе 2000 ф.) Нынѣ каждый денье стоитъ 99,000 ф., что составляетъ компанійский капиталъ въ 26,000,000 ф. — Акціи Компани Д'Уши (*D. Ouchi*), представляющія каждая $\frac{1}{312}$ -ю долю капитала, цѣняются въ 35.000 ф.; а компаніи *Bruille* представляющія $\frac{1}{288}$ -ю долю капитала въ 6000 фр.

ціонерныхъ компаній: нынѣ почти вездѣ на этомъ основаніи устроиваются желѣзныя дороги. Многія, въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ расположеныя, приносятъ однако дивидендъ незначительный. Терпѣніе, терпѣніе: желѣзныя дороги призываютъ нѣкоторымъ образомъ движенье; онѣ возбуждаютъ и оживляютъ сношенія торговыя; ихъ вліяніе неминуемо должно рушить тѣ преграды, которыя, въ своемъ заблужденіи, народы полагаютъ свободному обращенію богатствъ, и тогда процвѣтутъ эти предпріятія и повышатъ дивидендъ акціонеровъ.

Въ иныхъ случаяхъ, правительство, не довольствуясь утвержденіемъ статутовъ акціонерной компаніи, предоставляетъ ей особенные привилегіи, монополію какого-либо опредѣленного производства. Если эта монополія не принадлежитъ къ числу неизбѣжныхъ выше упомянутыхъ, каковы: исключительное право разработки рудъ на данномъ пространствѣ, устроеніе дороги или канала между двумя данными пунктами, и т. п., то въ нихъ заключается одно только стѣсненіе промышленности впользу акціонеровъ. Въ дивидендъ послѣднихъ входить тогда не только прибыль, но еще барышъ монополиста, настоящая дань, взимаемая съ потребителей (§ 68).

Но и привилегированныя компаніи не всегда процвѣтаютъ. Расчеты монополистовъ часто бываютъ даже не столь вѣрны, какъ расчетъ простыхъ предпринимателей. Увлекаемые алчностью, они убиваютъ запросъ, совращаютъ потребленіе въ иные пути и остаются при своей монополіи и заслуженныхъ

убыткахъ. Къ подобнымъ компаніямъ иныя государства прибѣгали для утвержденія своего могущества въ чужихъ странахъ. Въ такомъ случаѣ имъ предоставлялись, кромѣ привилегіи, права совершенно особенные; имъ дозволялось содержать войска, флоты; строить города, пріобрѣтать земли и подданныхъ, имѣть своихъ правителей въ покоренныхъ ими странахъ. Честолюбивая цѣль иногда удавалась, особенно когда усилия компаній дѣятельно поддерживались правительствомъ. Что же касается до дивиденда, то, всего чаще онъ поглощался огромными расходами подобныхъ предпріятій полуторговыхъ, полу-военныхъ; онъ изчезалъ посреди расточительности и алчности агентовъ, посреди крови и бѣдствій преслѣдуемой населенности, посреди пепла городовъ и селеній; и только слабая частица достигала людей, решившихся посвятить свои капиталы на столь рискованное назначеніе. Акционеры-властелины Остъ-Индіи были часто бѣднѣе своихъ бѣднѣйшихъ подданныхъ и, въ послѣднее время, въ глазахъ всего образованного свѣта, компанія, покорившая 80 миллионовъ жителей, сокрушившая множество сильнейшихъ монарховъ, въ услуженіе которой наперерывъ стремятся вступить члены высшаго сословія Англіи, существовала самою постыдной контрабандой, тайнымъ ввозомъ гибельной отравы-опіума въ имперію китайскую, не сдѣлавшую ей никакого зла.

Акционерныя безъименные компаніи лишены того обезпеченія, которое представляется коммандитнымъ въ отвѣтственности главнаго предпринимате-

ля или поврежденного. Но этот недостатокъ съ лихвой вознаграждается для акціонеровъ прямымъ вліяніемъ, которое они имѣютъ на дѣла компаніи. Командитный товарищъ часто не имѣетъ голоса, даже когда идетъ дѣло о его самыхъ драгоцѣнныхъ интересахъ; тогда-какъ слабѣйший акціонеръ безъименный можетъ протестовать, если не на основаніи статутовъ, то на основаніи общаго права собственности.

Впрочемъ, анонимныя компаніи подвержены всѣмъ тѣмъ-же злоупотребленіямъ, какъ и командитныя. Онъ даже представляютъ обширнѣйшее поле плутовству и шарлатанству, тѣмъ что, не стѣсняютъ прожектеровъ страхомъ отвѣтственности. Какъ перевѣсь этимъ неудобствамъ должно разматривать вліяніе правительства, неизбѣжное при устройствѣ анонимной компаніи. Ничто не препятствуетъ, чтобы предупредить обманы и образованіе фантастическихъ предпріятій, требовать предварительного осуществленія капитала компанейскаго, обеспечительныхъ залоговъ и подчинять правленіе компаніи надзору. Наконецъ, сами акціонеры могутъ удобнѣе слѣдить за дѣлами анонимнаго общества, нежели за командитнымъ товариществомъ.

Зло, которое сопряжено съ акціонерными компаніями всякого рода, и котораго труднѣе всего избѣгнуть, заключается въ *ажіотажъ*. Мы посвятимъ слѣдующія строки разсмотрѣнію этого примѣчательнаго явленія экономического.

100. БИРЖЕВАЯ ИГРА ИЛИ АЖЮТАЖЪ.

Отъ обыкновенного кредитива акція отличается тѣмъ, что капиталъ, ею представляемый, не подлежитъ уплатѣ въ опредѣленный срокъ: помѣщенный въ предпріятіе, онъ остается въ немъ пока оно продолжается. Сущность акціи не допускаетъ также опредѣленія процентовъ. Съ нѣкоторой точки зре-нія, акція походитъ на безсрочную долговую облигацию: въ послѣднихъ однако всегда означаются проценты. Владѣтели акцій, какъ и владѣтели безсрочныхъ облигаций, не могутъ иначе возвратить себѣ фонды, помѣщенные въ акціонерное предпріятіе или въ безсрочный заемъ, какъ путемъ ихъ продажи, т. е. передачи другому лицу, за нѣкоторую сумму чистой монеты, своего права на получение дивиденда или процентовъ.

Рыночная цѣна, или курсъ, безсрочныхъ облигаций зависитъ, какъ мы уже упомянули (§ 95), отъ кредита, которымъ пользуется заемщикъ, отъ рыночного роста и частію отъ запроса, на нихъ предъявляемаго. Она понижается или повышается смотря по тому, какъ ослабѣваетъ или усиливается довѣріе къ заемщику, какъ возникаютъ обстоятельства благопріятныя или неблагопріятныя его кредиту,—причины, усиливающія предложеніе и охлаждающія запросъ. Такъ точно и курсъ акцій зависитъ отъ дивиденда ими приносимаго, отъ рыночного роста, и отъ степени увѣренности въ дальнѣйшихъ успѣхахъ предпріятія. Ясно, что если акція въ 500 р. приносить 10% дивиденду, тогда-какъ ростъ не превы-

шаетъ 5%, то она представляетъ цѣнность въ 1000 р. и продается по этой цѣнѣ. Она будетъ стоять нѣсколько менѣе, если какія-либо опасности угрожаютъ предпріятію, или въ случаѣ уменьшенія дивиденда. Противныя обстоятельства подымаютъ курсъ акцій. Совершенное отсутствіе дивиденда не можетъ вполнѣ уничтожить цѣну акцій, пока онѣ продолжаютъ представлять капиталъ, предпріятіемъ занятый, но значительно понижаетъ ихъ курсъ. Цѣнность акцій превращается въ нуль уничтоженіемъ компанейскаго капитала.

Колебанія въ курсѣ безсрочныхъ облигаций и акцій повторяются весьма часто: изъ всѣхъ цѣнностей, онѣ принадлежатъ къ числу наименѣе постоянныхъ. Какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ, главнымъ рынкомъ служать биржи, куда стекаются продавцы и покупатели этого товара. Тамъ молва, толки, заключенія ложныя или правильныя безпрестанно подымаютъ или понижаютъ курсъ фондовъ частныхъ и государственныхъ. Иногда достаточно простого прилива предлагающихъ или требующихъ. Въ теченіе часа курсъ измѣняется по нѣсколько разъ и въ пропорціяхъ, часто весьма значительныхъ.

На этихъ колебаніяхъ основаны биржевые заклады или пари. Подъ прикрытиемъ законныхъ формъ, непозволяющихъ различить настоящее намѣреніе договаривающихся сторонъ, эти заклады представляютъ всѣ свойства публичной азартной игры, которая запрещена во всѣхъ благоустроенныхъ государствахъ. Игроکи въ ней являются подъ видомъ покупателей или продавцовъ фондовъ на срочную постав-

ку (à terme); но ни купля, ни продажа не бывають главною цѣлью ихъ договора. Подъ предлогомъ этихъ сдѣлокъ они разыгрываютъ пари одинъ на *повышение курса* (à la hausse), другой на *его понижение* (à la baisse). Играющій на *повышение* покупаетъ черезъ посредство биржевого маклера, примѣрно, 2000 фр. ренты, или десять акцій какой-либо компаніи, по ихъ настоящему курсу, слѣдующія къ поставкѣ подъ конецъ мѣсяца: онъ надѣется, что къ этому времени курсъ поднимется, и что онъ получитъ цѣнность значительнѣе той, которую купилъ. Играющій на *понижение*, чрезъ посредство того же маклера, или другого, продаетъ по курсу 2000 фр. ренты или десять такихъ же акцій, но обязуется поставить ихъ не прежде конца мѣсяца: онъ надѣется, что къ этому сроку курсъ понизится, и что онъ поставитъ цѣнность дешевле той, которую продалъ. Въ этихъ сдѣлкахъ игроки не знаютъ другъ друга: все дѣлается черезъ посредство маклера, который беретъ съ того и другого небольшую плату за свое посредничество.

Наступаетъ конецъ мѣсяца: сдѣлки ликвидируются: если курсъ повысился, то первый игрокъ отнюдь не беретъ самыхъ фондовъ, имъ купленныхъ, но довольствуется разностью между прежнимъ и настоящимъ курсомъ, которую и платить ему биржевой маклеръ: въ этой разности заключается его выигрышъ. Съ своей стороны, второй игрокъ отнюдь не поставляетъ проданныхъ имъ фондовъ, но доплачиваетъ маклеру разность между прежнимъ и настоящимъ курсомъ, и въ этомъ состоитъ его про-

игрышъ. Подобныя спекуляціи простираются часто на фонды, вовсе не существующіе: подъ видомъ купли или продажи воображаемыхъ облигаций или акцій, это просто одно *pari*, въ которомъ одинъ игрокъ утверждаетъ, что курсъ повысится, другой утверждаетъ противное: разность между настоящимъ курсомъ и тѣмъ, который окажется черезъ мѣсяцъ или по истеченію означенного срока, служить *ставкою*. Суммы весьма ограниченной, всравненіи съ номинальной цѣнностью подобныхъ контрактовъ, достаточно для веденія биржевой игры: игрокъ долженъ имѣть передъ собою, т. е. внести въ контору биржевого маклера довольно денегъ для покрытія только разностей.

Политическія события имѣютъ наиболѣе вліянія на курсъ фондовъ какъ государственныхъ, такъ и частныхъ. Вѣроятности войны, мира, внутренняго спокойствія, смуты, правительственныея мѣры, перемѣны въ министерствахъ, все принимается въ разсужденіе игроками.

Для предупрежденья этой игры, которой дано название *ажіотажа*, и въ которой колесо фортуны оборачивается съ быстротой неимовѣрной, иногда за одинъ пріемъ разоряя самыя блестящія состоянія и обогащая ихъ крохами счастливыхъ игроковъ, награждая болѣшей частью интригу и хитрости, нѣтъ другого средства какъ запретить продажу фондовъ на срокъ. Но какъ это сдѣлать, не стѣснивъ въ то-же время свободнаго обращенія капиталовъ и, въ особенности, кредитныхъ операций государственныхъ?... Кому-же, ажіотажъ найдетъ всегда другія уловки.

Искренніе покупатели облигацій и акцій, тѣ, которые ищутъ только вѣрнаго и выгоднаго помѣщенія своихъ капиталовъ, обыкновенно покупаютъ на чистыя деньги, по курсу. Но и подобныя покупки, въ особенности акцій, могутъ служить личною биржевой игрѣ.

Образованію всякой акціонерной компаніи предшествуетъ, или должна предшествовать, подписка капиталистовъ, желающихъ посвятить предпріятію свои фонды. Акціи, изъ которыхъ образуется компанейскій капиталъ, распредѣляются между подписчиками по соразмѣрности суммы, которую каждый изъ нихъ обязывается внести по утвержденіи компаніи; до утвержденія нѣтъ ничего, кроме *обѣщаній акцій* (*promesses d'actions*). Первоначальные подписчики могутъ быть акціонеры искренніе, вѣрить въ будущность предпріятія, имѣть въ виду одно только выгодное помѣщеніе своихъ сбереженій; но въ ихъ число легко вкрадываются подписчики, вовсе не намѣренные посвятить свои фонды предпріятію, и даже не имѣющіе этихъ фондовъ, но расчитывающіе на выгодное мнѣніе, которымъ пользуется предпріятіе, на возможное повышение курса акцій, когда оно состоится, и на тѣ барыши, которые должны тогда осуществиться на ихъ продажѣ. Эти подписчики отличаются отъ обыкновенныхъ понтеровъ тѣмъ только, что ихъ ставка не есть величина определенная, но случайная.

Когда, подписываясь на нѣкоторое число акцій, они не имѣютъ надлежащихъ капиталовъ для внесенія въ контору компаніи по востребованію, то при-

ближаются къ свойству понтеровъ неоплатныхъ, которые метятъ на выигрышъ, но не въ состояніи покрыть проигрышъ. Они походятъ на людей, играющихъ на-вѣрное, когда, захватывая подпискою всю наличность или большую часть акцій, прибѣгаютъ къ разнаго рода мѣрамъ и поискамъ, для поднятія ихъ курса, и когда имѣютъ къ тому всѣ надлежащія средства. Если они достигнутъ своей цѣли и успѣютъ еще до осуществленія предпріятія, продать акціи, по цѣнѣ вдвое превышающей первоначальную, лицамъ искренно желающимъ участвовать въ немъ своими капиталами, то едва-ли найдется какая разница между ихъ барышемъ и шулерскимъ выигрышемъ. Этому барышу въ равной мѣрѣ соотвѣтствуетъ потеря добросовѣстнаго акціонера, а иногда послѣдняя бываетъ еще несравненно значительнѣе, если предпріятіе не только не оправдаетъ распущеныхъ о немъ слуховъ, но даже окажется явно убыточнымъ. Тогда акція, проданная искуснымъ игрокомъ и купленная довѣрчивымъ капиталистомъ, неминуемо упадаетъ ниже первоначального курса.

Всѣ эти явленія происходятъ въ глазахъ нашихъ во Франціи (1845), по случаю уступки разныхъ линій желѣзныхъ дорогъ акціонернымъ компаніямъ. Каждая линія служитъ поводомъ къ образованію десяти, двадцати компаній, которыя составляются въ надеждѣ снять подрядъ. Посредствомъ объявленій, прикрашенныхъ извѣстными именами, онѣ приглашаютъ подписчиковъ, требуя для первого взноса не болѣе десяти или пяти процентовъ капитала. Бѣдные люди, слуги, привратники, мелкіе чиновники,

ослѣпленные высокимъ курсомъ акцій уже снятыхъ желѣзныхъ дорогъ, спѣшатъ употребить свои скучные сбереженія на столь блестящія спекуляціи; по-мощію суммы въ 1000 фр., часто всего ихъ достатка, они закупаютъ 20 или 40 обѣщаній акцій въ 500 фр. каждая; имъ достается въ этомъ ажіотажѣ роль понтеровъ неоплатныхъ; ни одинъ изъ нихъ не въ состояніи внести всего капитала, но всякой надѣется продать свои акціи, или даже обѣщанія (promesses) съ по-рядочнымъ барышемъ, когда курсъ поднимется. Какъ назвать роль, которую разыгрываютъ большие банкирскіе дома, захватывающіе львиную долю въ под-пискахъ, и поднимающіе искусственно курсъ компа-нейскихъ облигаций. Они играютъ на-вѣрное; ихъ барыши образуются съ одной стороны изъ процен-товъ съ капиталовъ, по обѣщаніямъ внесенныхъ под-писчиками за все время пока рѣшается подрядъ; съ другой, изъ преміи, по которой продаются обѣща-нія. При наступленіи торговъ, импровизированныя компаніи сливаются въ одну или удаляются съ по-прища, и счастливы тѣ изъ подписчиковъ, кото-рыхъ фонды не погибли въ банкротствѣ, а терпѣніе и трата процентовъ вознаграждаются одною серьозной акціею на десять обѣщаній. Едва послѣдовало окон-чательное присужденіе, владѣтели акцій спѣшатъ воспользоваться высокимъ курсомъ, и сбывають ихъ съ барышемъ. Для кого-же потеря въ этой иг-рѣ?—Для добросовѣстныхъ акціонеровъ, для тѣхъ, которые окончательно составятъ компанейскій ка-питалъ, и подвергнутся всѣмъ рискамъ предпрія-тія. Ажіотажъ не прекращается присужденiemъ: по-

ступивъ въ число публичныхъ биржевыхъ фондовъ, акціи обращаются въ предметъ срочныхъ закладовъ, о которыхъ упомянуто выше.

Страсть къ спекуляціямъ на желѣзныя дороги еще въ высшей степени господствуетъ въ Англіи. Число новыхъ компаний, составившихся тамъ для снятія проэктированныхъ линій, простирается до 1263; капиталъ, внесенный подписчиками и лежащий безъ употребленія въ кассахъ банкировъ, оцѣнивается въ 1.478.417.500 фр. (*). Изъ всѣхъ этихъ проектовъ одинъ изъ пяти едва-ли утвержденъ будетъ парламентомъ: между-тѣмъ обѣщанія акцій служатъ предметомъ самого необузданнаго ажіотажа.

Въ Лондонѣ и въ Ливерпульѣ ажіотажъ простирается даже на товары. Ежедневно тамъ продается и покупается небывалый ленъ, небывалая пенька, сало, по ихъ настоящему курсу, для сдачи въ опредѣленный срокъ. При наступленіи послѣдняго, расчетъ оканчивается уплатой разности между старымъ курсомъ и новымъ тому, кто предугадалъ оказавшуюся перемѣну въ рыночной цѣнѣ товара.

Иногда смѣшиваются съ ажіотажемъ торговыя спекуляціи и банкирскіе обороты, которыхъ мы коснулись выше (§ 71 и § 88). Между ними глубокая разница. Спекуляторъ, покупающій товаръ въ одно время, для продажи его въ другое, оказываетъ услугу обществу, предохраняя его то отъ излишней дешевиз-

(*) *Revue Britannique* 1845. November: извлечено изъ *Blackwood's magazine*.—По представленію Сира Р. Пиль (1846) недавно приняты въ Англіи существенные мѣры для обузданія ажіотажа, которому служатъ поводомъ желѣзныя дороги.

визны, то отъ излишней дороговизны. Его операциі требуетъ заботъ, издержекъ. Такъ точно и банкиръ, занимая съ одной стороны, ссужая съ другой; продавая въ одномъ мѣстѣ суммы, которыя уплачиваются въ другомъ; содѣйствуя обращенію капиталовъ, удовлетворяетъ одной изъ важнѣйшихъ потребностей промышленности. Ктому-же, подобно спекулятору онъ представляетъ всѣ свойства промышленаго предпринимателя. И тотъ и другой промышляютъ; создаютъ полезность. Ничего не производить ажіотеръ (*stock-jobber*). Онъ обогащается или разоряется ни мало не увеличивая, не уменьшая богатства народнаго. Его хлопоты, его трудъ не вносятъ никакой новой полезности въ общество: онъ стремится только перевести въ свой карманъ богатство, уже произведенное и принадлежащее другому. Подобныя дѣйствія, мы видѣли (§ 51), не заслуживаютъ названія промышленныхъ. Онъ пагубны, потому-что въ нихъ безъ пользы растратаиваются производительныя силы націи, отвлекаемыя отъ употребленія полезнаго. Онъ безнравственны, потому-что пріучаютъ многочисленныя сословія искать въ случайностяхъ игры обогащенія, которое должно быть единственно плодомъ прилежанія, постоянства и хорошаго поведенія.

101. НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ; БАНКРОТСТВО.

Когда рыночная цѣна произведеній упадаетъ до того, что предприниматель перестаетъ обрѣтать въ ней свою прибыль, онъ принужденъ или остановить свое производство, и обратиться къ другому, или

прибѣгнуть къ какимъ-либо средствамъ для поддер-
жанія своего существованія, пока рынокъ избавит-
ся отъ излишняго загроможденія, или запрѣтъ сно-
ва оживится. Если цѣнопониженіе происходитъ отъ
обстоятельствъ случайныхъ, скоропреходящихъ, то
терпѣніе и твердость предпринимателя будутъ воз-
награждены. Но если цѣна упала и продолжаетъ
упадать отъ причинъ постоянныхъ, то, въ этой
неравной борьбѣ съ силою вещей, предпринима-
теля ожидаетъ неминуемое изнеможеніе. Снача-
ла, для замѣна прибыли несуществующей, онъ
принужденъ тронуть свой капиталъ, уменьшить
его, между-тѣмъ какъ не уменьшаются проценты,
платимые за пользованіе капиталомъ; если онъ не
можетъ прибѣгнуть къ этому крайнему средству,
ему предстоитъ одно только пособіе—въ займахъ; но
каждый заемъ обременяетъ его съ одной стороны
ростомъ, часто огромнымъ, съ другой, срочнымъ
долгомъ самымъ настоящимъ. Ростъ присоеди-
няется къ издержкамъ производства; когда-же на-
ступаетъ срокъ уплаты, капиталъ, поглощенный
потребленіемъ, не возстановленъ, и его не откуда
взять, какъ изъ капитала, которымъ еще дышитъ
предпріятіе. Отчудить часть этого капитала значитъ
разстроить послѣднее и поставить себя въ неоплат-
ность въ отношеніи къ тому, кто его ссудилъ на
проценты. Проволочки, хитрости, нѣкоторая изво-
ротливость могутъ продлить существованіе пред-
пріятія посреди подобныхъ затрудненій, но, мало-
по малу, подъ нимъ разверзается бездна несостоя-
тельности.

Въ публикѣ часто никто не подозрѣваетъ подобнаго бѣдствія; до послѣдней минуты предпріятіе можетъ являть всѣ признаки цвѣтущаго положенія. Но грозная тайна давно уже открыта предпринимателю положеніемъ его книгъ: тамъ онъ видитъ въ немногихъ строкахъ свой *активъ* и свой *дебетъ*; свое имущество, свои претензіи и свои недочеты, свои долги; онъ видитъ какъ приближается роковая минута, когда балансъ *дебета* далеко превзойдетъ *активъ*; постепенно онъ увлекается въ неоплатность и наконецъ принужденъ объявить себя несостоятельнымъ, т. е. признаться, что не въ состояніи выдержать обязательства на себя принятые.

Несостоятельность не всегда бываетъ сопряжена съ неоплатностью. Послѣдней нѣтъ въ томъ случаѣ, если имущество и ликвидациія дѣлъ несостоятельнаго, достаточны для расплаты всѣхъ его долговъ. Неоплатность бываетъ неполною, когда активъ можетъ уплатить только часть долговъ; полною, когда кредиторы теряютъ все, что ссудили или повѣрили несостоятельному. Въ законахъ признаются три рода несостоятельности: *несчастная*, когда причиняется стечениемъ обстоятельствъ, или бѣдствіями, независящими отъ воли должника; *неосторожная* или *простое банкротство*, когда послѣдуетъ отъ вины должника, но безъ умысла, подлога; *умышленная* или *банкротство злонамѣренное*, когда должникъ объявляетъ себя несостоятельнымъ для того, чтобы избѣгнуть платежа своихъ долговъ, хотя имѣеть къ тому средства (*).

(*) Свод. Зак. Т. XI, Уст. Торговые, ст. 1380—1385.

Имущество несостоятельного предпринимателя, какъ частнаго такъ и собирательнаго лица, превращается нѣкоторымъ образомъ въ собственность его кредиторовъ. Оно управляется ихъ конкурсомъ или попечителемъ выборнымъ отъ конкурса, до окончательного расчета. Претензіи, предъявленныя на несостоятельного, разматриваются и, распредѣляясь по степени ихъ законности, поступаютъ въ первый, второй или третій разрядъ долговъ. Наконецъ, каждая претензія получаетъ удовлетвореніе по соразмѣрности съ наличнымъ имуществомъ банкрота, и смотря по разряду, къ которому отнесена.

Несостоятельность рѣдко постигаетъ такъ быстро и такъ рѣшительно большія акціонерныя предприятия, какъ предпринимателей частныхъ. Есть интересы, поддерживающіе первыя даже тогда, когда онѣ вовсе не доставляютъ никакого дивиденда акціонерамъ: *во-первыхъ* интересъ лицъ, состоящихъ на жалованья у компаний, которые продолжаютъ получать свою задѣлъную плату несмотря на упадокъ дивиденда; *во-вторыхъ*, интересъ самихъ акціонеровъ, которыхъ не покидаетъ надежда на улучшеніе обстоятельствъ, и которые предпочитаютъ лучше нести временной убытокъ, нежели лишиться большей части своего капитала, вслѣдствіе конечной ликвидациіи.

Государства, въ лицѣ своихъ правительствъ, подвержены также несостоятельности, которая можетъ быть сопряжена съ неоплатностью полною или неполною, быть несчастною или неосторожною. Въ

своемъ мѣстѣ будуть приведены нѣкоторые примѣры государственныхъ банкротствъ.

Всякое банкротство есть зло, потеря для богатства народнаго. Со всякимъ сопряжены безполезная растрата капитала, разстройство предпріятій, частныя бѣдствія самыя жестокія. Его послѣдствія тѣмъ гибельнѣе, чѣмъ обширнѣе кредитъ, которымъ пользовался банкротъ, чѣмъ болѣе имѣлъ онъ дѣль и сношеній съ другими предпринимателями, капиталистами и всякого рода исполнителями. Часто одно банкротство влечетъ за собой множество другихъ, и мы привели тому примѣръ, говоря о злоупотребленіяхъ банковъ (§§ 85, 89). Несостоятельности государственные принадлежать въ числу самыхъ пагубныхъ: онѣ всего болѣе поражаютъ жертвъ и распространяютъ разоренія въ обществѣ.

Все, что служитъ къ отклоненію банкротства, должно разсматривать какъ величайшее благодѣяніе. Сговорчивость кредиторовъ и ихъ умѣренность иногда предупреждаютъ эти плачевые результаты; похвалы достойны тѣ благонамѣренныя лица, которые въ конкурсахъ берутъ на себя роль посредниковъ для заключенія конкордатовъ, полюбовныхъ сдѣлокъ. Во множествѣ случаевъ для кредиторовъ несравненно выгоднѣе сдѣлать нѣкоторую уступку несостоятельному должнику, даже оказать ему новое пособіе, которое позволить ему поправить дѣла, и предохранить въ то же время отъ конечной потери ихъ собственное имущество.

Всего болѣе, въ послѣднія времена, на отвращеніе

банкротствъ имѣли благодѣтельное вліяніе учреждѣнія страховыхъ обществъ.

102. СТРАХОВЫЯ ОБЩЕСТВА.

Хорошая система полиціи, строгое и дешевое судо-производство существенно ограждаютъ собственность и личность гражданъ отъ преступленій и дурного поведенія. Въ собственномъ благоразуміи, или въ совѣтахъ чужой опытности, всякий находитъ средства предохранить себя отъ послѣдствій неосторожности. Но есть приключенія непредвидимыя, которыхъ никакія усилія не могутъ предупредить: пожары, молнія-на сушѣ, бури-на морѣ, истребляютъ зданія и корабли; смерть внезапно постигаетъ человѣка посреди его трудовъ для обезпеченія нѣкотораго достатка своему семейству, или для расплаты своихъ долговъ; градъ побиваетъ жатву (*); падежъ уничтожаетъ стада; разлитіе рѣки, внезапный приливъ моря опустошаютъ селенія, города; торговцу совершенно невинному наносится ударъ чужимъ банкротствомъ. Каждое изъ этихъ бѣдствій, упадая на одного человѣка, даже весьма богатаго, можетъ его подавить своимъ бременемъ; упадая разомъ на многихъ, наносить потерю не столь тягостную для каждого изъ нихъ по соразмѣрности: она становится нечувствительною, если распредѣляется между значительнымъ множествомъ лицъ. Отъ этого явная выгода людямъ, которымъ въ равной степени угрожаетъ извѣстный родъ бѣдствій, соединяться для распредѣленія потерь на сколь возможно

(*) См. Примѣчаніе 11-е.

обширное число соучастниковъи для предохраненія себя общими силами отъ гибельныхъ послѣдствій злоключенія, которыхъ ни одинъ вчастности не въ состояніи выдержать.

Нельзя, конечно, предвидѣть *случайныхъ* событій: открыли однако, что ихъ проявленія повинуются нѣкоторымъ законамъ. Замѣчено, что въ теченіи данного периода времени подобныя приключения повторяются съ нѣкоторымъ постоянствомъ. Изъ сдѣланныхъ наблюденій, по правильномъ опредѣленіи периода, который можетъ быть принятъ за норму, выводится средній терминъ проявленій какой-либо неблагопріятной случайности въ теченіе этого периода, на данное (произвольное) число рисковъ. Въ вычисленіе должно ввести нормальную цѣнность каждого риска, такъ, чтобы сложностью всѣхъ этихъ цѣнностей выражалось данное число рисковъ, а средній терминъ случайностей кратными, или дробями, той-же нормальной цѣнности. Раздѣливъ полученную такимъ образомъ величину средняго термина на число всѣхъ желающихъ застраховать свою собственность, или обеспечить по своей смерти нѣкоторый достатокъ наследникамъ, найдемъ сколько долженъ каждый изъ нихъ платить. Подобный расчетъ однако можетъ быть правиленъ тогда только, когда основанъ на наблюденіяхъ, обнимающихъ обширный промежутокъ времени. «Ошибочные заключенія, выведенныя изъ «теоріи вѣроятностей, гов. *Мак-Куллохъ* (*), почти

(*) *Mac-Culloch: Dict. of commerce.* См. во французскомъ переводѣ: *Diction. des marchandises;* éd. Guillaumin T. I p. 145.

«всегда должны быть приписаны слишкомъ поспѣшнымъ аналогіямъ, или принятю мѣры вѣроятностей по числу фактовъ, недостаточному для вывода истиннаго средняго термина. Но когда факты, на которыхъ основаны заключенія, довольно многочисленны, ихъ соображеніе убѣждаетъ, что явленія, наиболѣе выходящія изъ общаго порядка, каковы: самоубійства, смертные случаи по приключению, письма брошенныя на почту безъ адреса, совершаются въ послѣдовательности довольно правильной, и посему могутъ быть опредѣлены *à priori*.

На подобныхъ расчетахъ основаны страховыя общества, которыхъ операциі не только доставляютъ благодѣтельное и спасительное обеспеченіе лицамъ, прибѣгающимъ къ ихъ прикрытию, но еще принесутъ прибыль, иногда весьма значительную, предпринимателю. Если замѣчено, напр. что изъ 40 кораблей, ежегодно выступающихъ въ море въ данный срокъ для нѣкотораго промысла, обыкновенно, судя по сложности двадцати или тридцати лѣтъ, погибаетъ одинъ, то они всѣ могутъ застраховать себя противъ подобной потери, заплативъ каждый премію, равняющуюся 40-ї части его цѣнности, или $2\frac{1}{2}\%$. Если подобное же наблюденіе убѣждаетъ, что въ данномъ городѣ, изъ 1000 домовъ въ особыхъ условіяхъ расположенія, ежегодно сгараеть одинъ, то платежа преміи, не превышающей $\frac{1}{10}\%$ въ годъ, каждымъ владельцемъ, довольно для застрахованія всѣхъ противъ угрожающаго имъ несчастія. Нормальная страховая премія усиливается всяkimъ

обстоятельствомъ, умножающимъ вѣроятность потери. Она не можетъ быть одинакова для дома въ безопасномъ кварталѣ, или подлѣ сального или порохового завода; для корабля, выступающаго въ море въ лѣтнюю пору, когда рѣдки бури, или осенью, когда напротивъ на пространствѣ океана, куда лежитъ ему путь, царствуютъ опасные вѣтры. Товары страхуются не только противъ погибели въ морѣ или отъ пожара, но также противъ порчи: само собой разумѣется, что страховая премія будетъ всегда тѣмъ значительнѣе, чѣмъ болѣе сохранность товара уклоняется отъ наименьшей вѣроятности приключений, ей неблагопріятныхъ. Къ страховой преміи, которая не можетъ быть менѣе или ниже возможно приблизительного вывода вѣроятности, не причинивъ несправедливой потери то страхователю, то отдающему настрахъ, первый можетъ присоединить вознагражденіе за издержки по содер-жанію конторы, употребленію разныхъ исполнителей, экспертовъ, и за собственные хлопоты. Такимъ образомъ страхующій осуществляетъ на своихъ операцияхъ прибыль, которая вполнѣ оправдывается пользой, приносимой имъ обществу. Эта прибыль, какъ и прибыль всѣхъ другихъ предпринимателей, увеличивается или уменьшается вслѣдствіе соперничества, пониждающаго цѣну страхований.

По самой сущности своей, страхование всегда предполагаетъ товарищество, соединеніе нѣсколькихъ лицъ. Но подобный договоръ можетъ быть предметомъ непосредственной сдѣлки между многими частными лицами, или быть заключенъ съ ком-

панией, которая служить тогда общимъ посредникомъ.

Первый образъ страхованія извѣстенъ подъ названіемъ *взаимнаго*. Нѣсколько домохозяевъ, помѣщиковъ, или негоціантовъ, образуютъ между собою страховое товарищество противъ случайныхъ потерь, всѣмъ имъ угрожающихъ. Они подчиняютъ себя платежу ежегодной страховой преміи, опредѣленной какъ выше замѣчено, и нѣкоторой суммы на содержаніе конторы, поврежденного въ дѣлахъ и письмоводителя. То, что за покрытиемъ потерь, претерпѣнныхъ членами товарищества, издержекъ управлія и за отнесеніемъ въ условный резервъ, остается на лице, распредѣляется между всѣми въ видѣ дивиденда. Безсомнѣнныя дивиденды этотъ никогда не можетъ равняться ежегодной повинности каждого, но онъ уменьшаетъ нѣсколько ея итогъ и тѣ пожертвованія, на которыя никто не сътуетъ, потому что всякий находитъ въ нихъ неоцѣнимое обеспеченіе и спокойствіе. Главное неудобство, сопряженное съ товариществами взаимнаго застрахованія, заключается въ затрудненіи опредѣлить порядокъ присоединенія къ нему новыхъ участниковъ и права ихъ на общиій страховой фондъ, образовавшійся теченіемъ времени.

Страховыя компаніи, или общества, бываютъ коммандитныя или анонимныя и учреждаются, какъ выше сказано, съ разрѣшенія правительства, по опредѣленному уставу, на акціяхъ или на паяхъ. Онѣ располагаютъ обыкновенно значительными капиталами, не страшатся самыхъ огром-

ныхъ рисковъ и, такъ-какъ премія, ими взимаемая, соразмѣряется съ послѣдними, то прибыль, ими приносимая и раздаваемая въ видѣ дивиденда акціонерамъ, почти вовсе не терпитъ отъ потерь, которымъ онъ подвергаются. Ихъ можно рассматривать какъ предпринимателей, изготавляющихъ и продающихъ безопасность.

Иногда страховыми операциями занимаются частные предприниматели. Ихъ обороты необходимодолжны быть ограничены. Нѣкоторые негоціанты, высылающіе въ море порядочное число кораблей, находятъ выгоду страховать ихъ сами. Понятно, что тому, напр., кто держитъ на морѣ постоянно десять судовъ, изъ коихъ каждое совершилъ два рейса въ годъ, страхование двадцати грузовъ можетъ обойтись дороже одного цѣлаго груза. Онъ можетъ постоянно рассматривать одинъ грузъ, какъ пущенный на рискъ, и принимать его въ расчетъ въ своихъ оборотахъ какъ чистую издержку, выписывая его цѣнность въ числѣ непредвидимыхъ барышей, если Богъ избавить отъ потери. Контрактъ, по которому одно лицо отвѣчаетъ за случайныя потери, угрожающія другому, т. е. беретъ ихъ на себя, нельзя рассматривать какъ страхование въ собственномъ смыслѣ, а какъ родъ поручительства.

Говорятъ, что страхование, обеспечивая собственность противъ всякого рода рисковъ, отвращаетъ людей отъ заботливости о ея сохраненіи, отъ соблюденія осторожности, въ которой гораздо болѣе заинтересованы владѣльцы, не успѣвшіе или не имѣющіе средствъ застраховать свои дома или свой грузъ.

Другое возраженіе противъ страхованія почерпаетъ ся въ поводахъ, имъ подаваемыхъ къ обманамъ, и судебныя лѣтописи, кнесчастью, подтверждаютъ истину этого замѣчанія. Но эти неудобства, хотя и существенны, ничтожны однако всравненіи съ услугами, которыя приносятся обществу подобными учрежденьями.

Правда, что собственность, истребленная какимъ бы то ни было бѣдствіемъ, потеряна для богатства народнаго: страховая компанія уплачиваетъ ее владельцу, замѣняетъ другимъ капиталомъ, тѣмъ не менѣе однако общество сдѣлало потерю существенную. Но гдѣ почерпаетъ страховая компанія капиталъ, выдаваемый ею потерявшему свое имущество? Она неistorгаетъ его изъ употребленія производительного; не отнимаетъ его пособія у другихъ предпріятій: этотъ капиталъ образовали небольшіе выдѣлы изъ прибыли различныхъ предпріимателей. Оставаясь въ рукахъ послѣднихъ, эти частицы поглотились бы потребленьемъ, или, во всякомъ случаѣ, мало содѣйствовали бы успѣхамъ производства: совокупленныя въ страховой кассѣ, онѣ всегда готовы пополнить недостатки, причиняемые непредвидимыми приключеніями, въ капиталахъ, употребляемыхъ промышленностью. Но какъ оцѣнить благотворныя послѣдствія того спокойствія, какимъ пользуются предпріиматели, отдавшіе свои капиталы на страхъ. Они не боятся тѣхъ бѣдствій, которыхъ всего труднѣе избѣгнуть, и могутъ обратить всю свою дѣятельность, всѣ свои усилия на предохраненіе себя отъ собственной нео-

сторожности; опасенія и нерѣшительность не препятствуютъ имъ приступать къ новымъ оборотамъ, пока еще не довершились начатыя. Подъ кровомъ этихъ спасительныхъ мѣръ, негоціантъ посыаетъ въ море корабль за кораблемъ, пренебрегая бурями и войною. Зданія воздвигаются за зданіями, не страшась опустошеній пожара, и покрываютъ тѣ самыя мѣста, гдѣ едва перестало свирѣпствовать истребительное пламя. Земледѣлецъ спокойно засыпаетъ послѣ трудовъ, не опасаясь града, который можетъ уничтожить его жатву. «Самъ человѣкъ,» прибавляетъ *Делабордъ* (*), «бѣдный, слабый, одинокій человѣкъ, не блѣднѣя ожидаетъ старость и всѣ «немочи дряхлости. Довольно нѣсколькихъ лѣтъ труда постороннаго и бодраго, чтобы обеспечить ему «спокойствіе въ преклонныя лѣта, а по смерти, участь его семейства. Благодаря страховыимъ обществамъ, какое ни исправлялъ бы онъ ремесло, сколь ни маловѣрны были бы произведенія его труда, онъ можетъ придать имъ результатъ постоянный и вѣрный, и до безконечности разнообразить соображенія своей будущности.»

Страхованія жизни бываютъ двухъ родовъ: одинъ состоитъ въ обезпечениіи частному лицу, за капиталъ единовременно имъ внесенный, пожизненной пенсіи, которая не переходитъ къ его наследникамъ. *Мак-Куллохъ* (**) справедливо замѣчаетъ, что подобныя страхованія хотя и выгодны для частныхъ лицъ, не заслуживаютъ большого одобренья,

(*) *De Laborde. De l'esprit de l'association.* Paris 1834 р. 122.

(**) *Mac-Culloch. Dict. of Commerce.*

въ отношеніи пользы общественной. Отнюдь не благопріятствуя началу накопленія капиталовъ, онъ напротивъ клонится къ его ослабленію, побуждая людей потреблять во все время ихъ жизни, не заботясь о наследникахъ. Распространеніе такого обычая имѣло бы неминуемо самыя разорительныя послѣдствія. Къ счастію, пожизненные страхования почти всегда маловажны въ сравненіи съ посмертными, основаніемъ которыхъ служитъ накопленіе. Всѣ лица, исправляющія какое-либо ремесло, равно какъ и живущія жалованьемъ, задѣльною платой, адвокаты, врачи, военные, должностные, которыхъ доходъ долженъ прекратиться вмѣстѣ съ жизнью, естественно желаютъ обеспечить своимъ семействамъ безбѣдное существованіе, въ случаѣ преждевременной смерти. Особенныя страховыя общества предлагаютъ имъ средство къ достижению этой цѣли. За ежегодную плату, опредѣленную по вѣроятности числа лѣтъ, которыя долженъ прожить страховующей себя, онъ обязуются по смерти его, когда бы она ни послѣдовала, уплатить его семейству нѣкоторую сумму; за отчисленіемъ расходовъ управления и прибыли страхователей, эта сумма должна равняться итогу, котораго достигли бы его взносы съ присоединеніемъ сложнаго процента, еслибъ онъ дожилъ до средняго термина жизни. Въ случаѣ его кончины прежде этого срока, застраховавшій себя, или по крайней мѣрѣ его наследники, осуществляютъ явный барышъ. Но онъ не теряетъ также если жизнь его продлится далѣе средняго срока, потому-что пла-

тиль и платить за спокойствіе, которымъ безъ того не могъ бы воспользоваться.

Чтобъ соотвѣтствовать цѣли себѣ предположен-
ной, и вполнѣ заслуживать довѣріе публики, обще-
ства страхованія жизни должны вести дѣла свои
съ крайней осторожностью. Въ особенности ихъ
вниманіе должно обращаться на средній терминъ
вѣроятной жизни, на опредѣленіе ежегодной стра-
ховой преміи и роста. По свидѣтельству *Мак-кул-
лоха* (*) въ Англіи достигли крайней точности въ
опредѣленіи средняго термина жизни, но существу-
ющія тамъ компаніи, увлекаемыя соперничествомъ,
страхуютъ слишкомъ неразборчиво дурныя или
сомнительныя жизни (*bad lifes*), и чрезъ то не рѣдко
подвергаются чувствительнымъ потерямъ. Если сред-
ній терминъ жизни хорошо опредѣленъ, не трудно
разложить по годамъ сумму, которую страхующій
намѣренъ оставить своему семейству; но компанія
не должна, изъ видовъ излишней благотворительно-
сти, уменьшать до крайности ту премію, которую
взимаетъ за собственные расходы. Всего труднѣе
назначить проценты: вслѣдствіе непредвидимыхъ
обстоятельствъ, они могутъ понизиться и подверг-
нуть компанію ущербу, несомнѣстному съ ея проч-
ностью и оплатностью.

На три рода можно раздѣлить общества страхо-
ванія жизни: однѣ основаны на системѣ *взаимного
страхованія*. Съ первого взгляда можетъ показать-
ся, что онѣ представляютъ наиболѣе преимуществъ:

(*) *Mac-Culloch: ibid.*

прибыль, ими приносимая, раздѣляется между самими лицами, себя страхующими, и каждое изъ нихъ заинтересовано въ хорошемъ управлениі предпріятіемъ. На дѣлѣ, однако, подобныя учрежденія со-пряжены съ важными неудобствами. Всякій застрахованный въ то-же время страхуетъ другихъ, и тѣмъ самыемъ подвергается отвѣтственности, которая можетъ сдѣлаться тягостною. Въ управлениѣ могутъ вкрадься злоупотребленія, котеріи. Всего труднѣе ясно отличить права новыхъ членовъ отъ тѣхъ, которыя пріобрѣтены старыми.

Другія состоять изъ компаний, которыхъ капиталъ раздробленъ на акціи. Онъ просто обязуются платить опредѣленныя суммы, по смерти лицъ у нихъ себя страхующихъ, семействамъ или предназначеннymъ наследникамъ. Прибыль подобныхъ компаний дѣлится путемъ дивиденда между акціонерами. Онъ безсомнѣнна представляютъ наиболѣе обезпеченія, потому-что отвѣчаютъ за страхъ своимъ компанейскимъ капиталомъ, обыкновенно весьма значительнымъ.

Наконецъ, къ третьему разряду должно отнести всѣ акціонерныя компании для страхованія жизни, которые пріобщаютъ къ своей прибыли людей, отдающихъ себя на страхъ. Послѣдніе не отличаются такимъ образомъ отъ первоначальныхъ акціонеровъ; но, участвуя въ барышахъ, они подвергаются также отвѣтственности, которой изъяты лица, страхующія себя въ простой акціонерной компании. Прибыль распредѣляется то въ видѣ уменшения страховыхъ премій, то увеличенія посмертной суммы.

Въ Англіи кредиторъ можетъ застраховать жизнь своего должника, т. е. помощью ежегоднаго платежа нѣкоторой опредѣленной суммы обеспечить себѣ уплату долга страховою компаніей, въ случаѣ если тотъ умретъ неоплатнымъ. Такимъ образомъ была застрахована жизнь знаменитаго министра *Питта* его кредиторами, которые опасались потерять свои ссуды въ случаѣ его смерти до ихъ уплаты.

Выше мы упомянули (§ 89) о страховомъ фондѣ, помощью котораго въ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ банки взаимно обезпечиваются противъ случаевъ несостоятельности. Нѣчто подобное учреждено въ Парижѣ между биржевыми маклерами и нотаріусами.

По мнѣнію *Мак-Куллоха*, первыя страховыя общества въ настоящемъ значеніи слова основаны были въ Барселонѣ въ 1435 году. Въ Италіи онѣ появляются не прежде 1523 года; въ Англіи около того-же времени. Первое общество для страхованія жизни учреждено въ Англіи при королевѣ Аnnѣ въ 1706 году, подъ названіемъ *amiable society* (*).

(*) *Mac-Culloch: ibid. p. 148, 149.*

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

О ЗАДѢЛЬНОЙ ПЛАТѢ.

103. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СУЩНОСТЬ ЗАДѢЛЬНОЙ ПЛАТЫ.

Въ составъ издержекъ производства, или стоимости, мы видѣли, входитъ задѣльная плата, то есть возмездіе различныхъ исполнителей, къ содѣйствію которыхъ предприниматель принужденъ прибѣгать. Разсмотримъ законы, по которымъ опредѣляется этотъ доходъ.

Въ началѣ обществъ, когда племена совокупляются еще по одному влеченію инстинкта, трудъ исполнительный мало отдѣляется отъ труда соображательнаго. Всѣ члены дикой орды охотничьей могутъ рассматриваться какъ предприниматели; каждый трудится для себя и на свой собственный счетъ; между ними даже мало развито начало мѣны; исполнителей же или работниковъ, въ собственномъ значеніи слова, вовсе не встрѣчается. Плѣнныя обыкновенно истребляются; если жъ имъ даруется пощада, то они поступаютъ въ составъ племени, какъ свободные члены, равные всѣмъ другимъ. Впрочемъ, въ этомъ состояніи нѣтъ занятій свойствен-

ныхъ собственно труду исполнительному; все племя живетъ произвольными дарами земли, какъ источника общаго, въ равной степени всѣмъ принадлежащаго. Производительность капитала проявляется только въ немногихъ грубыхъ орудіяхъ и самыхъ ничтожныхъ запасахъ.

Состояніе пастушеское представляетъ степень общественности выше охотничьяго. Военноплѣнныне не истребляются, но обращаются въ рабовъ, служителей. Между ловцами господствуетъ совершенное равенство въ отношеніи богатства: всѣ члены племени равно бѣдны. У народовъ-пастырей являются богатые и бѣдные. Одни владѣютъ обширными стадами, избыткомъ продовольствія; другіе лишились своихъ стадъ какими-либо несчастьями, насилиемъ, падежемъ, собственной небрежностью. Они естественно предлагаютъ свои услуги богатымъ за продовольствіе, въ которомъ нуждаются; уступаютъ имъ свой трудъ за право пользоваться ихъ избыткомъ, и тутъ впервые начинаетъ отдѣляться трудъ предпринимателя отъ труда исполнительнаго, труда рабочаго. Но въ этомъ состояніи, работать для другого вмѣстѣ съ его невольниками есть крайность жестокая, унизительная; она служить обыкновенно преддверiemъ настоящей неволи для того, кто въ нее впалъ.

При переходѣ въ состояніе осѣдлое, когда еще земли въ изобиліи, работники должны быть рѣдки. Всякій, у кого есть силы, можетъ самъ дѣйствовать какъ предприниматель, особенно тамъ, гдѣ власть общественная способствуетъ раздѣлу земель, гдѣ

мало трудности сопряжено съ полученiemъ участка. Но постепенно лучшія земли занимаются; тѣ, которыя еще праздны, мало привлекаютъ новыхъ предпринимателей; ихъ воздѣльваніе, ихъ приспособленіе требуютъ значительныхъ капиталовъ, которыми не всякий располагаетъ; между-тѣмъ возникаютъ города, гдѣ устроиваются предпріятія для удовлетворенія другимъ потребностямъ общества; капиталы накапляются въ однѣхъ рукахъ; предприниматели начинаютъ нуждаться въ пособіи исполнителей; и тѣ лица, которыя не въ состояніи сами сдѣлаться предпринимателями по недостатку потребныхъ капиталовъ, пользуясь запросомъ на содѣйствіе ихъ труда прибѣгаютъ къ этому средству для снисканія себѣ пропитанья. По-мѣрѣ того, какъ населенность возрастаетъ, а поземельная собственность и капиталы сосредоточиваются, сословіе, живущее трудомъ исполнительнымъ, размножается и становится изъ самого малочисленаго, напротивъ, самымъ многочисленнымъ. Оно образуется не только изъ лицъ, прибѣгающихъ къ труду исполнительному какъ послѣднему и крайнему средству, но въ него входятъ также лица, которыя надѣются въ подобномъ трудѣ найти болѣе выгодъ, нежели въ устроеніи предпріятій на свой собственный счетъ, и которыя часто посвящаютъ значительные капиталы на приспособленіе себя къ нѣкотораго рода работамъ.

Такимъ образомъ трудъ превращается въ настоящій товаръ. Онъ предлагается одними членами общества, спрашивается другими. Его рыночная цѣнавыражается въ задѣльнѣй платѣ, и опредѣляется поуро-

что, поденно, понедельно, помесячно или погодно. Тотъ, кто покупаетъ, или нанимаетъ, трудъ, руководится собственными цѣлями и соображеніями, употребляетъ его по своему усмотрѣнью, согласно съ условіями контракта; продавшій свой трудъ имѣеть право только на получение условной задѣльной платы, которую иногда зовутъ жалованьемъ, окладомъ; онъ не участвуетъ въ прибыли, но его не касаются также потери и рискъ, съ предпріятіемъ сопряженные.

Задѣльная плата, по необходимости, предполагаетъ свободу личную. Негръ трудится для господина не по условію, но поневолѣ; онъ получаетъ не задѣльную плату, но содержаніе подобное тому, какое выдается домашнимъ животнымъ. Господинъ можетъ, конечно, продать трудъ своихъ невольниковъ, т. е. уступить ихъ на время другому: но плата, которую онъ получитъ за подобную уступку, не имѣеть сходства съ задѣльной, а съ платой за наймъ капитала стоячаго, машины, строенія, вьючныхъ животныхъ и т. п.

Такъ-какъ задѣльная плата свободныхъ исполнителей образуетъ ихъ главныя, и часто единственныя, средства содержанія, то, по необходимости, она должна быть готова, до приступленія къ предпріятію, и предварительно заключаться въ капиталѣ даже и тогда, когда предприниматель и исполнитель соединяются въ одномъ лицѣ. Чтобы заняться изготавленіемъ какихъ-либо полезностей недля себя собственно, а для другихъ, развѣ всякий не принужденъ сперва обезпечить собственное содержаніе, запа-

стись не только орудіями, матеріаломъ, но еще съ-
ѣстными припасами и другими необходимѣйшими
продуктами.

Какъ и всякая рыночная цѣна, задѣльная плата,
т. е. цѣна труду исполнительному, опредѣляется
отношеніемъ между запросомъ на трудъ и его пред-
ложеніемъ.

Доставляя возможность покупать трудъ, накопле-
ніе капиталовъ усиливаетъ запросъ на него. Всякій,
успѣвшій отложить всторону, осуществить сбере-
женія, спѣшить употребить ихъ въ пользу, и при-
зываетъ на помощь содѣйствіе тѣхъ, которые не
имѣютъ средствъ или желанія трудиться какъ пред-
приниматели, на свой собственный счетъ. Усиленіе
народонаселенія и запроса на продукты земледѣль-
ческіе, образованіе городовъ и городскихъ промы-
словъ, преуспѣяніе народной образованности, бла-
госостоянія, развитіе новыхъ потребностей, внѣш-
нія торговыя сношенія, короче, всѣ обстоятельства,
размножающія число предпріятій, усиливаютъ за-
просъ на трудъ исполнительный. Къ тому-же ре-
зультату ведутъ водвореніе кредита въ государ-
ствѣ, размноженіе капиталовъ и пониженіе рыноч-
ныхъ процентовъ; онѣ облегчаютъ образованіе пред-
пріятій, съ одной стороны доставляя имъ средства
изобильныя, съ другой, не обременяя ихъ слишкомъ
тяжкими повинностями.

Невсѣ предпріятія нуждаются въ одинаковомъ тру-
дѣ исполнительному: напротивъ, мы открыли вели-
чайшее разнообразіе въ свойствѣ работъ, въ способ-
ностяхъ, искусствѣ и опытности, которыхъ требуетъ

каждый изъ промысловъ. Одно и то-же предпріятіе не можетъ обойтись безъ исполнителей, принадлежащихъ къ разрядамъ самимъ различнымъ. Отъ этого запросъ, въ данныхъ обстоятельствахъ общественныхъ, не можетъ быть равносиленъ на всѣ роды труда, хотя на всѣ имѣеть одинакое вліяніе: во всѣхъ онъ клонится къ усилению задѣльной платы, и тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе ему соотвѣтствуетъ предложенія.

Съ своей стороны, предложеніе разныхъ родовъ труда исполнительного зависитъ, частію, отъ свойства самого труда, частію отъ другихъ причинъ; однѣ его усиливаютъ, другія уменьшаютъ. По закону взаимнаго противодѣйствія, выше разсмотрѣнному (§§ 5, 66), первыя содѣйствуютъ пониженію задѣльной платы; вторыя, напротивъ, ея возвышенню.

104. ПРИЧИНЫ, УМЕНЬШАЮЩІЯ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ТРУДА И УВЕЛИЧИВАЮЩІЯ ЗАДЕЛЬНУЮ ПЛАТУ.

Между условіями труда исполнительного, уменьшающими его предложеніе, первое и важнѣйшее мѣсто занимаетъ необходимость образованія. Пріобрѣтеніе познаній, навыка, искусства, которыхъ требуется въ нѣкоторыхъ промыслахъ, отнюдь не обходится даромъ. Оно можетъ быть только плодомъ усилий долговременныхъ и постоянныхъ итраты болѣе или менѣе значительного капитала, который, сливаясь съ личностью человѣка, возстановляясь въ его способностяхъ, превращается въ капиталъ нравственный (§ 40). Не всякий въ состояніи принести подобныя пожертвованія; изъ тѣхъ,

которые имѣютъ къ тому возможность, не всѣмъ онъ удаются; и не мудрено, что число лицъ, обладающихъ высшимъ образованіемъ спеціальнымъ, въ какомъ нуждаются нѣкоторыя исполненія, вездѣ ограничено. Задѣльная плата подобныхъ лицъ по необходимости высока; ктому-же, въ нее должны входить проценты и погашеніе капитала употребленнаго на образованіе, а иначе никто не рѣшился бы издерживаться на собственное приготовленіе, или на приготовленіе, своихъ дѣтей, къ какой-либо особенной вѣтви промышленности. Не видимъ ли на дѣлѣ, что если отцы и матери иногда заботятся объ умственномъ, эстетическомъ и нравственномъ образованіи своихъ дѣтей, единственно для украшенія ихъ жизни, въ надеждѣ оставить имъ наслѣдство достаточное для предохраненія ихъ отъ необходимости снискивать себѣ пропитаніе трудомъ; то напротивъ тѣ, которые не могутъ обеспечить безбѣднаго состоянія своимъ дѣтямъ, избирая, для нихъ нѣкоторую спеціальность, всегда расчитываютъ на задѣльную плату, вознаграждающую за понесенные издержки. Та-же мысль поддерживаетъ прилежаніе людей, предающихся изученію какой-либо части.

Природное дарованье не избавляетъ отъ необходимости изучать, но придаетъ труду образованному огромное преимущество, котораго тщетно ожидаетъ бездарность отъ самыхъ неутомимыхъ усилий. На эти преимущества мы указали, разматривая свойства различныхъ промысловъ. Мы видѣли предпочтеніе, которымъ пользуются люди, имъ обладаю-

щіе; но таланты рѣдки; не всѣмъ изъ нихъ удается получить надлежащее развитіе; многіе глохнутъ въ бѣдности, подавленные нуждою, лишеньями, затертыe въ грубыхъ работахъ, имъ не свойственныхъ; другіе, доставшись въ удѣлъ людямъ богатымъ, часто обращаются единственно въ предметы наслажденія и не принимаютъ участія въ промышленности народной. Можно сказать, что на рынкѣ общественномъ во всякое время предстоитъ на лицѣ весьма немного талантовъ, сопряженныхъ съ надлежащимъ образованіемъ, и поэтому цѣна труду ихъ бываетъ всегда весьма значительная. Въ задѣльную плату таланта входятъ не только проценты съ капитала, употребленнаго на его развитіе, но еще монопольная премія, которая усиливается по-мѣрѣ, какъ возрастаетъ и распространяется извѣстность таланта, какъ онъ снискиваетъ болѣе довѣрія, предпочтенія и почти любви общественной (§ 68).

Мы видѣли въ какой степени успешный ходъ всѣхъ вообще промысловъ зависитъ отъ нравственныхъ качествъ производителей. Есть однако исполнительныя занятія, въ которыхъ нравственные начала играютъ важнѣйшую роль: онѣ однѣ только внушаютъ достаточное довѣріе предпринимателю, избавляютъ его отъ безпрерывныхъ опасеній, и отъ всегда убыточной потери времени. Какъ можетъ спокойно спать банкиръ, не увѣренный въ своемъ кассирѣ, негоціантъ, не полагающійся на своихъ прикащиковъ. На фабрикахъ всегда есть мастера, надзирающіе за трудомъ работниковъ: они сами должны отличаться бодростью, прилежаніемъ, воз-

держностью; наставники должны подавать примѣръ добродѣтели и хорошаго поведенія юношеству. К несчастью, эти качества рѣдки; по крайней мѣрѣ, въ нихъ трудно удостовѣриться; вездѣ ими доро- жать, и нельзя удивляться тому, что предпринима- тели охотно платятъ высокую задѣльную плату тѣмъ лицамъ, въ которыхъ признали ихъ существованіе. Въ эту плату, нѣкоторымъ образомъ, включается часть той потери, которую потерпѣлъ бы предпри- ниматель отъ исполнителей не столь вѣрныхъ, и не столь радивыхъ. Впрочемъ, хорошее поведеніе, строгая нравственность, рачительность и прилежа- ніе, цѣнятся во всякого рода трудѣ исполнитель- номъ, и тѣмъ болѣе возвышаютъ задѣльную плату, чѣмъ труднѣе ихъ найти в соединеніи съ другими необходимыми качествами.

Отвѣтственность, сопряженная иногда съ исполнительнымъ трудомъ, уменьшаетъ его предложеніе. Есть люди, хорошо знающіе медицину и хирургію, которые не рѣшаются однако лечить больныхъ, страшась нравственной отвѣтственности. Та-же при- чина иногда побуждаетъ адвокатовъ отказываться отъ дѣлъ, имъ предлагаемыхъ. Ювелирное мастер- ство устрашаетъ многихъ работниковъ отвѣтствен- ностью, которой подчиняетъ ихъ храненіе дорогихъ камней. Тѣ, которыхъ не отклоняетъ отвѣтствен- ность, свойственная труду, получаютъ задѣльную плату выше: въ нее входитъ родъ страховой преміи, или вознагражденія за рискъ, какому подвергает- ся исполнитель.

Работы непріятныя, отвратительныя, или под-

вергающія униженію въ глазахъ общества, удаляютъ отъ себя людей; тотъ, кто рѣшается имъ посвятить свой трудъ, вознаграждается задѣльною платой тѣмъ значительнѣйшей, чѣмъ ограниченѣе число охотниковъ. И въ наше время даже платятъ актерамъ не только заихъ талантъ и ихъ искусство, но еще занесправедливыя предубѣжденія, которыя во многихъ мѣстахъ удаляютъ отъ этого званія людей, ревнующихъ обѣ уваженіи свѣта. «Съ первого взгляду, » говоритъ *A. Смитъ*, нелѣпо кажется презирать личность «актеровъ и, въ то же время, съ крайнею щедро-«стью награждать ихъ талантъ. Но первое принуж-«даетъ къ послѣднему. Еслибъ общественное мнѣніе «или предразсудокъ измѣнился въ отношеніи къ это-«му званію, то вскорѣ упала бъ и задѣльная плата, «имъ получаемая. Гораздо болѣе людей стали бы ему «предаваться и соперничество понизило бы цѣну «труда. Сценическія дарованія не такъ рѣдки, какъ «кажется. Многіе надѣлены ими въ совершенствѣ, «но считаютъ унизительнымъ извлекать изъ нихъ «пользу. Еще болѣе нашлось бы охотниковъ развить «въ себѣ способности, необходимыя для успѣховъ «на сценѣ, еслибъ это ремесло вело къ общественно-«му уваженію». Это замѣчаніе *A. Смита* оправды-вается на дѣлѣ во Франціи; тамъ предразсудокъ въ отношеніи къ актерамъ ежедневно ослабѣваетъ; если не вездѣ еще, то покрайней мѣрѣ въ кругу, не-сравненно обширнѣйшемъ прежняго, никакое уни-женіе не преслѣдуется ихъ званія; число ихъ безпре-станно умножается и, усиливая предложеніе этого рода труда, понижаетъ его задѣльную плату.

Извѣстно, что въ промышленности только задѣльною платой, сравнительно высокой, привлекаютъ людей къ производству работъ вредныхъ или опасныхъ. На стеклянныхъ заводахъ всего дороже платить выдувальщикамъ, которыхъ легкія разстроиваются отъ напряженія при выдуваніи большихъ стеколъ. Фабрикація свинцовыхъ бѣлизъ, позолота помощію ртути, заостриванье иголокъ, трепанье льна, пеньки, хлопчатой бумаги, принадлежать къ разряду самыхъ вредныхъ операций мануфактурныхъ мастеровъмъ, ихъ производящимъ, платится обыкновенно дороже чѣмъ другимъ. Еще выше задѣльная плата работниковъ, отправляющихъ неопрятное и опасное ремесло очищенія помойныхъ ямъ и городскихъ нечистотъ. «Въ промыслѣ мясника есть «нѣчто жестокое и отвратительное: задѣльная плата, имъ получаемая, превышаетъ ту, которую до- «вольствуются работники, стоящіе съ нимъ на од- «ной степени. За самую ужасную изъ всѣхъ работъ, «работу палача, платится дороже нежели за всѣ про- «чія, если принять въ разсужденіе количество тру- «да». (*). Но можетъ-ли самая огромная плата вознаградить его за совершенное отлученіе отъ свѣта и омерзеніе, которое онъ внушаетъ собою?...

Кромѣ этихъ причинъ, въ каждомъ обществѣ существуютъ другія, то постоянно, то временно отвращающія людей отъ нѣкоторыхъ работъ. Онѣ кроются въ предразсудкахъ, въ незнаніи, въ суевії, въ обычаяхъ, постановленіяхъ, и во множе-

(*) A. Smith: *Richesses des nations.*

ствъ другихъ мѣстныхъ обстоятельствъ самыхъ разнообразныхъ.

105. ПРИЧИНЫ, УСИЛИВАЮЩІЯ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ТРУДА И УМЕНЬШАЮЩІЯ ЗАДѢЛЬНУЮ ПЛАТУ.

Удовольствіе, сопровождающее нѣкоторыя занятія, умножаетъ число лицъ, имъ предающихся. Художества, литература, принадлежать къ этому разряду. Многіе увлекаются въ это званіе страстью, вкусомъ, не только не обладая настоящимъ талантомъ, но даже не имѣя довольно терпѣнья, ни довольно средствъ для полнаго и основательного изученія искусства, которое должно служить для нихъ средствомъ къ пропитанію самихъ себя и своихъ семействъ. Бѣдность артистовъ, поэтовъ вошла въ пословицу; кромѣ немногихъ исключений истинныхъ талантовъ и даже геніевъ, не признаваемыхъ игоnimыхъ, она большей частью постигаетъ посредственность, которая, стремясь за вѣнцомъ славы, известности и богатства, сгараеть на огнь соперничества, какъ мотылекъ на свѣчкѣ. На одного Пушкина, которому платили по червонцу за стихъ, на одного Рафаэля, котораго картины покрывались дублонами, сколько жалкихъ рифмоплетовъ и площадныхъ вздыхателей проживаютъ вѣкъ въ бѣдности и неизвѣстности, сколько мнимыхъ живописцевъ принуждены низойти на степень маляровъ, и упражнять свою кисть на лавочныхъ вывѣскахъ.

Преувеличенныя надежды на успѣхъ дѣйствуютъ на людей едвали еще не сильнѣе страсти. Какъ объ-

яснить иначе успѣхъ всевозможныхъ лотерей, рвение, съ которымъ разбираются ихъ билеты. Примеръ блестящихъ успѣховъ завлекаетъ почти всегда на различные поприща новыхъ искателей, которые не помышляютъ объ условіяхъ, сопряженныхъ съ удачей, и, увеличивая нѣкоторымъ образомъ число пустыхъ билетовъ въ этой лотереѣ, тѣмъ самымъ уменьшаютъ вѣроятности выигрыша и готовятъ себѣ существованіе скучное, недостаточное, а иногда самое горестное разочарованье. Такъ вездѣ множество лицъ, одержимыхъ обманчивой увѣренностью въ своей звѣздѣ, метятъ въ знаменитости всякаго рода, ученыя, литературныя, государственныя, и скользятъ на покатости, гдѣ можетъ удержаться одна только твердость воли, или истинное призваніе. Принужденно опрокидываясь на занятія низшаго разряда, они запружаютъ эти второстепенные поприща излишнимъ предложеніемъ, и понижаютъ до крайности задѣльную плату.

Всего дешевле платится за трудъ солдата и матроса; въ мирное время правительство должно прибѣгать къ мѣрамъ принудительнымъ для образованія войскъ; но едва откроется война, какъ надежда на успѣхъ вдругъ разжигаетъ честолюбіе народное, и вербованіе производится съ удивительной легкостью. Ни угрожающія опасности, ни тягостная необходимость разстаться на долго съ родимымъ краемъ, ни множество соискателей, ничто не охлаждаетъ этого рвенія. Пускается ли корсаръ въ море? — едва успѣлъ онъ снабдиться арматорскимъ патентомъ, какъ экипажъ его уже готовъ; отважные

молодые люди привлекаются надеждой на богатые призы, и неизъяснимой прелестью жизни посреди приключений и опасностей. Много помогли Наполеону, счастливейшему солдату временъ новѣйшихъ, слова гдѣ-то имъ произнесенные: «у всякого солдата въ ранцѣ лежитъ маршальскій жезль,» а еще болѣе его собственный примѣръ и события, подтвердившія во многихъ слушаяхъ это искусное изрѣченіе.

Съ иными занятіями неразлучны почести, особенное уваженіе свѣтское:увѣренность пріобрѣсть подобныя отлічія, которыя льстятъ самолюбію, привлекаетъ охотниковъ; они разматриваютъ ихъ какъ награду и довольствуются задѣльной платой самой умѣренной, иногда вовсе ничтожной. Въ государственной службѣ можно указать множество примѣровъ подобныхъ должностей безмездныхъ, или дающихъ право на самый скучный окладъ. Во Франціи и въ Англіи должность депутата, хотя не приноситъ никакого жалованья и требуетъ значительныхъ расходовъ, служить предметомъ самого ревностнаго исканія. Въ Россіи нѣчто подобное представляетъ должность губернскихъ и уѣздныхъ дворянскихъ предводителей. Регенты Банка Франціи, ценсора Банка Англіи не получаютъ никакой платы и принуждены къ занятіямъ, часто весьма сложнымъ и тягостнымъ: между-тѣмъ ни одинъ частный банкиръ, ни одинъ негоціантъ не откажется отъ подобной должности; всякий, напротивъ, поставляетъ себѣ за честь и разматриваетъ какъ важное преимущество для своего кредита подобное назначеніе.

Но всего болѣе предложеніе рукъ усиливается простотой занятій, не требующихъ первоначального образованія, для которыхъ достаточно силы физической и нѣкотораго навыка, упражненіемъ пріобрѣтеннаго. Впрочемъ, и въ этомъ разрядѣ множество оттѣнковъ: навыкъ есть образованіе низшаго рабочаго сословія. Иныя ремесла требуютъ его болѣе, другія менѣе. Часовой мастеръ едва успѣетъ хорошо узнать свое ремесло въ нѣсколько лѣтъ, тогдакакъ одного мѣсяца довольно для пріученія простого рукодѣла, носильщика, истопника и т. п. Природныя преимущества и тутъ принимаются въ разсужденіе: люди, одаренные особенною силой, дюжестью или проворствомъ, смѣтливостью, ловкостью, пользуются предпочтеніемъ предъ другими. Трудъ людей возмужалыхъ, созрѣвшихъ тѣломъ и умомъ, болѣе цѣнится труда женщинъ, и еще болѣе труда дѣтей. Въ послѣднемъ всего менѣе навыка; родители, имъ распоряжающіе, предлагаютъ его за безцѣнокъ и часто даромъ, изъ одного желанья избавиться отъ заботъ наблюденія за дѣтьми, или содѣйствовать ихъ пріученію къ работамъ. Имѣя въ виду послѣднее, они рѣшаются даже иногда платить предпринимателю, который согласится ихъ принять.

По необходимости, трудъ исполнительный, приналежащиій къ послѣдней категоріи, будетъ всегда и вездѣ имѣть наименьшую рыночную цѣну. Въ немъ можетъ сильно нуждаться общество, но такъ-какъ сами работники еще сильнѣе нуждаются въ занятіяхъ, доставляющихъ имъ средства къ пропитанію, и какъ они образуютъ самое многочисленное сосло-

віе въ государствѣ, — неизбѣжное соперничество между ними всегда клонится къ уменьшенію задѣльной платы до ея крайнихъ естественныхъ предѣловъ и, кнесчастью, еще ниже подъ вліяніемъ обстоятельствъ, которыхъ мы коснемся.

Но въ чёмъ состоить этотъ крайній естественный предѣлъ задѣльной платы?

106. ЕСТЕСТВЕННЫЕ ПРЕДЕЛЫ ЗАДѢЛЬНОЙ ПЛАТЫ.

Задѣльная плата, повышаясь, клонится къ уменьшенню прибыли предпринимателя, если всоразмѣрности не повышается рыночная цѣна продуктовъ, безъ ограниченія при томъ на нихъ запроса (§ 96). Соперничество, привязанность къ предпріятію, привычка или зависимость отъ обстоятельствъ, иногда заставляютъ предпринимателей покориться силѣ вещей и продолжать производство съ прибылью не столь значительной; тѣмъ не менѣе, задѣльная плата никогда не можетъ повыситься до совершенного поглощенія прибыли, не отвративъ большей части изъ нихъ, и тѣмъ самыи не уменьшивъ запроса на трудъ. Рыночная цѣна, прямо полагающая предѣлы возвышенію прибыли предпринимателя, служить косвеннымъ предѣломъ задѣльной платы. Самые исключительные таланты не могутъ продавать свой трудъ дороже того, что публика согласна или въ состояніи за него дать. Ихъ претензіи могутъ быть такъ велики, что ни одинъ предприниматель не согласится употреблять ихъ; тогда имъ предстоитъ необходимость, для из-

влечењія пользы изъ своего дарованья, соединить въ своеи лицѣ трудъ исполнительный съ трудомъ предпринимателя; но это соединеніе позволить имъ присовокупить къ задѣльной платѣ только прибыль, которая въ этихъ случаяхъ всегда несравненно ниже первой.

Въ низшихъ сословіяхъ промышленыхъ существуетъ то-же отношеніе между задѣльной платой и прибылью. Всякій разъ, когда первая повышается до того, что, при данной рыночной цѣнѣ произведеній, лишаетъ прибыли предпринимателя, запросъ на трудъ прекращается; люди, предлагавшіе свои услуги, принуждены или сами обратиться въ предпринимателей, или уменьшить свои требования. Такъ напримѣръ, въ нѣкоторыхъ частяхъ сѣвероамериканскихъ Соединенныхъ Штатовъ дорожевизна задѣльной платы препятствуетъ употреблять свободныхъ работниковъ; плантаторы принуждены обходиться безъ нихъ и воздѣлывать свои насажденія собственными силами, или прибѣгать къ рабскому труду негровъ, который едва ли стоять имъ дешевле самой дорогой задѣльной платы.

По-мѣрѣ какъ возвышается задѣльная плата, участъ людей, живущихъ своимъ трудомъ и не имѣющихъ другого источника доходовъ, улучшается; понижение задѣльной платы напротивъ, наноситъ имъ ударъ болѣе или менѣе чувствительный. Пока лишенія, имъ причиняемыя, падаютъ только на предметы роскоши, на потребленіе, безъ котораго человѣкъ въ данномъ положеніи общественномъ можетъ обойтись по строгости, это пониженіе, хотя

и возбуждаетъ весьма понятный ропотъ, не сопряжено еще съ существеннымъ зломъ. Но зло и страданія начинаются, когда задѣльная плата перестаетъ соотвѣтствовать потребностямъ самымъ настоящимъ.

Этотъ предѣлъ различенъ, смотря по сословію, къ которому принадлежитъ трудящійся. Для однихъ онъ начинается тамъ, гдѣ другіе еще обрѣтали бы изобиліе. Артистъ, литераторъ, инженеръ, вообще лица, принадлежащія къ подобнымъ званіямъ, по самому роду образованія ими полученнаго, имѣютъ потребности разнообразнѣе и утонченнѣе низшихъ сословій рабочихъ. Ихъ организмъ не пріученъ воспитаніемъ къ пищѣ грубой и простой, къ беспокойному жилищу, къ суровостямъ непогоды, которыя легко переносятся послѣдними. Въ кругу, гдѣ протекаетъ ихъ жизнь, господствуютъ обычай, наружная роскошь, приличія, требующія особыхъ издержекъ. Нельзя уклониться отъ нихъ, не уронивъ нѣкоторымъ образомъ своего достоинства въ глазахъ толпы; врожденное самолюбіе жестоко страдаетъ отъ подобной крайности. Страданія усугубляются, когда въ эту крайность человѣкъ увлекаетъ особъ къ нему приближенныхъ, образующихъ его семейство,—жену, дѣтей; когда не можетъ трудомъ своимъ обеспечить покойное существованіе престарѣлымъ родителямъ, сообразно съ ихъ привычками и даже прихотями, которыя любить уважать. Онъ усугубляются также зрѣлищемъ славы и богатства счастливыхъ собратій: въ похвалахъ, которыя имъ расточаются свѣтомъ, въ ихъ блестящихъ успѣхахъ

всюду превозносимыхъ, въ пышности ихъ окружающей, несчастный искатель не слышитъ ли, не видитъ-ли, не осязаетъ-ли пренебреженія, подавляющаго его собственныя усилия? не завись возбуждаетъ эти впечатлѣнія въ душѣ его, но скрытныя и жгучія угрызенія совѣсти, позднее раскаяніе въ слишкомъ безусловномъ послѣдованіи влечению страсти, или въ потерянномъ времени.

Во многихъ сочиненіяхъ мы найдемъ трогательныя картины бѣдствій, постигающихъ низшія словія рабочія. Отчего ни одинъ писатель доселѣ не коснулся страданій, которымъ подвергаютъ себя лица, исправляющія такъ называемыя свободныя ремесла, когда увлекаются слѣпымъ соперничествомъ въ поприща уже достаточно наполненные? Что можетъ быть плачевнѣе жребія этихъ злополучныхъ, пораженныхъ и въ своихъ надеждахъ и въ своемъ существованіи; затертыхъ силою вещей въ самую жестокую бѣдность, которой должно стыдиться, и въ которой къ самимъ тяжкимъ лишеніямъ присоединяются неизрѣчимыя терзанія нравственныя? Кнесчастію, зрѣлище подобныхъ паденій рѣдко служить урокомъ для другихъ. Въ юности, обольщенія надежды болѣе дѣйствуютъ на человѣка, нежели сухія и часто горестныя поученія нагой существенности. Сами родители, отъ которыхъ можно было бы ожидать болѣе опытности, увлекаются желаніемъ открыть дѣтямъ блестящее поприще и употребляютъ свой послѣдній достатокъ на доставленіе имъ образованія, которое отнюдь не обеспечить имъ счастія, а только исторгнетъ ихъ изъ круга, гдѣ

ихъ ожидаетъ существованіе покойное, хотя и скромное, и гдѣ они лучше могли бы помѣстить свои способности и наслѣдіе отеческое. Во всякомъ образованномъ обществѣ наблюдатель съ горестью откроетъ, почти во всякое время, порядочное число людей, съ личностью которыхъ совокупленъ нравственный капиталъ весьма значительный, но которые по собственной неспособности, или еще чаще по стечению неблагопріятныхъ обстоятельствъ, не могутъ извлечь изъ него никакой пользы ни для себя, ни для общества; они влачатъ въ неизвѣстности и часто въ бездѣйствіи жизнь, которая могла бы съ пользой быть посвящена другого рода занятіямъ.

Чѣмъ умѣреннѣе задѣльная плата, тѣмъ чувствительнѣе ея пониженіе для лицъ, не имѣющихъ иного средства къ существованью. Между артистомъ, который первомъ, кистью или голосомъ снискиваетъ до 25 тысячъ рублей въ годъ, и тѣмъ, который принужденъ жить не лучше простого работника, сколько различныхъ степеней. Сколько артистовъ считаютъ себя счастливыми, когда получаютъ 5 тысячъ, и сколько другихъ живутъ только съ тысячу и даже менѣе. Но небольшое уменьшеніе дохода, не замѣтное для какого нибудь Рубини или Брюлова, для послѣднихъ будетъ весьма огорчительно. Опускаясь постепенно, не трудно дойти мыслю до задѣльной платы, соотвѣтствующей крайнему предѣлу содержанія самого простого, ниже которого не только нельзя допустить счастія, но и самое существованіе человѣка становится тяжкимъ и сомнительнымъ. Сей-то предѣлъ служитъ регуляторомъ за-

дѣльной платы собственно рабочаго сословія, въ которомъ наиболѣе предлагается рука.

Чтобъ составить себѣ ясное понятіе о крайнемъ содержаніи, надлежитъ обратить наши наблюденія на самый образъ жизни простого работника, и на его потребности нравственныя и физическія, наиболѣе настоятельныя.

Работникъ, человѣкъ родившійся въ низшихъ слояхъ общества, не получившій отъ своихъ родителей ни образованія спеціальнаго, ни наслѣдія вещественнаго; не имѣющій иного удѣла, иного средства къ пропитанію, кромѣ природныхъ силъ душевныхъ и тѣлесныхъ и немногихъ познаній умственныхъ, пріобрѣтенныхъ по наслышкѣ или путемъ образованія религіознаго; руководящійся въ своемъ трудѣ навыкомъ, въ своихъ отношеніяхъ общественныхъ преданіями, обычаями, слабыми понятіями о законности и, всего болѣе, врожденнымъ здравымъ смысломъ, представляется намъ какъ лицо нравственное, какъ отецъ семейства, съ участію котораго тѣсно связана участь его жены и дѣтей. Бываютъ, конечно, работники безсемейные, но это исключеніе. Одиночество не есть природное состояніе человѣка: семейныя узы предшествовали узамъ гражданскимъ и, когда дѣло идетъ о положеніи общественномъ многочисленаго сословія, нельзя рассматривать его членовъ вѣтъ главнѣйшихъ условій ихъ естественного существованія. Кому-же, ни жена работника, ни его дѣти не могутъ дѣйствовать отдельно, пока состоять подъ его властью отеческой; если онѣ участвуютъ въ рабо-

такъ, то ихъ доходъ сливается съ его доходомъ; но если слабость дѣтей еще требуетъ всѣхъ попеченій матери, на которой лежитъ, кромѣ того, бремя домашняго хозяйства, то ихъ содержаніе не можетъ имѣть иного источника, кромѣ выручки ихъ мужа и отца.

Первая потребность работника и его семейства заключается въ пропитаніи; она всего менѣе допускаетъ отлагательства и поглощаетъ самую значительную часть задѣльной платы. Родъ пропитанія зависитъ отъ климата, частью отъ обычаевъ и отъ свойства работъ. У земледѣльческихъ народовъ, основнымъ и главнымъ продовольствиемъ вездѣ служатъ хлѣбныя растенія: въ Европѣ и сѣверной Америкѣ рожь, пшено, въ средней и южной Азіи рисъ, въ Африкѣ и южной Америкѣ маисъ. Кое-гдѣ эти растенія, содержащія болѣе или менѣе глютена, азотнаго вещества, необходимаго для питательности, замѣняются картофелемъ, бобами и другими мучными плодами; но доселѣ еще ученые не признаютъ въ послѣднихъ довольно питательности для равносильна азотистаго хлѣба. Одной растительной пищи недостаточно для поддержанія силъ человѣка, особенно же принужденнаго къ частому упражненію мускульному; нѣкоторое разнообразіе необходимо въ его кушанья (*) и, по временамъ, на его скромной трапезѣ должны являться мясо, рыба

(*) *Magendie* опытами доказалъ, что никакія животныя не могутъ долго существовать на постоянно однообразномъ кормѣ, даже самомъ питательномъ (*V. Zoologie par Miln Edwards éd. des collèges Paris. p.27.*)

и разныя овощи. Тамъ, гдѣ народъ строго придерживается постовъ, вмѣняемыхъ въ обязанность христіанскою религіей, какъ у насъ въ Россіи, рыба въ теченіе нѣкоторой части года занимаетъ важнѣйшее мѣсто въ этомъ вспомогательномъ пропитаніи. Укрепляющіе напитки принадлежатъ также къ ну-жнѣйшему потребленію работника. Они различны смотря по странѣ: во Франціи господствуетъ вино, въ Англіи и въ Германіи пиво, у насъ хлѣбная водка, которую мало по малу вытѣсняетъ употребленіе чаю. Небольшое количество соли, сахару и разныхъ пряностей довершаетъ то, что можно назвать не-обходимою пищей европейскаго работника. Въ климатахъ жаркихъ, въ Ост-Индіи, въ Китаѣ, въ Африкѣ, работники довольствуются меньшимъ и, су-дя по описаніямъ путешественниковъ, отличаются крайней воздержностью (*). Горсти рису, нѣсколь-

(*) Графъ *Ed. Warren*, служившій въ войскахъ ост-индской ком-паниї, описываетъ слѣдующимъ образомъ жизнь своихъ слугъ, при-наследавшихъ къ сословію рабочему: «ихъ завтракъ, говорить онъ состоитъ изъ полуфунта или фунта рису, слегка поджаренного и раз-давленного, и смѣшанного съ нѣкотораго роду горохомъ, очищен-нымъ отъ шелухи. Все вмѣстѣ стоятъ 4 сантима; иногда прибав-ляютъ сахару, который тамъ обходится въ 16 сант. за фунтъ. Обѣдъ стоятъ 16 сант.; его составляютъ $1\frac{1}{2}$ фунта рису, нѣсколько спецій, немногого соли и дурного масла. Если прибавляютъ шафрану, то обѣдъ обходится въ 20 сант. Двухъ рупій съ полов. (6 фр. 25 с.) въ мѣсяцъ довольно для прокормленія. Мясо есть рѣдкость. На одежду нужно не болѣе 24 фр. въ годъ или по 2 фр. въ мѣсяцъ. Изъ этого слѣдуетъ, что достаточно 8 фр. 25 сант. въ мѣсяцъ на содержаніе работника.» (*Inde anglaise en 1843* Т. I. Ch. XIII р. 263). Тотъ же авторъ (*C. Ed. Warren*) замѣчаетъ, что иногда задѣльная плата работниковъ въ Индіи упа-даетъ ниже 7 ф. 50 с. въ мѣсяцъ. Солдаты изъ Индейцевъ (*cipayes*) получають въ гарнизонѣ 17 фр., а въ походѣ 21 фр. въ мѣсяцъ, что можетъ разсматриваться, какъ очень высокое жалованье. На эти

кихъ финиковъ довольно для дневного пропитанія Индуса (Hindous) или Араба.

Послѣ пропитанія, жилище можетъ рассматриваться какъ нужда самая настоятельная. Она чувствительнѣе въ климатахъ холодныхъ, нежели въ жаркихъ, въ Европѣ, напр. нежели въ Индіи; но и въ послѣднихъ странахъ человѣкъ не можетъ скитаться подобно звѣрю, и не имѣть иного крова, кромѣ свода небеснаго и тѣни деревъ. Отопленіе, въ странахъ подверженныхъ зимѣ суровой и продолжительной, становится на степень нужды столь же неизбѣжной какъ и самая пища. Просторность жилища опредѣляется также необходимостью: она должна постоянно доставлять семейству потребное количество воздуха для поддержанія организма въ здоровомъ состояніи (*) и для предохраненія его отъ накопленія тлетворныхъ міасмовъ. Съ жилищемъ неразлучны нѣкоторая домашняя утварь, мебель и пожитки.

Всльдъ за пропитаніемъ и кровомъ является одежда: тутъ нѣсколько труднѣе отличить крайне необходимое отъ роскошнаго. Обыкновенно, при повышеніи задѣльной платы, въ этой статьѣ оказы-

деньги они должны себя и прокормить. Большая часть изъ нихъ успѣваютъ сберечь кой-какой капиталъ (*ibid. T. II Ch. IX p. 269.*)

(*) Опредѣляютъ въ 4580 центиметр. куб. количество воздуха, обыкновенно содержимое въ легкихъ человѣка, и въ 655 центим. куб. количество воздуха, которое входитъ и выходитъ изъ груди при каждомъ *вдыханіи* и *выдыханіи*. Поэтому въ нормальномъ положеніи должно входить въ легкія человѣка около 13.000 центим. куб. воздуха въ минуту, т. е. 786 литровъ въ часъ, а въ сутки около 19.000 литровъ (*Miln Edwards ibid. p. 87.*)

ваются слѣды улучшенія участіи работника, такъ точно, какъ въ ней же оказываются первые признаки его затрудненій и оскудѣнія. Можно однако принять за основаніе для опредѣленія этой потребности опрятность, приличие и климатъ. Нигдѣ работникъ и его семейство не могутъ обойтись безъ одежды праздничной, опрятнѣе и красивѣе той, которая прикрываетъ ихъ въ дни рабочіе: невозможность имѣть такое платье, или крайность, принуждающая продать его ветошнику, есть первое лишеніе, первое уязвленіе нищеты. Въ суровомъ климатѣ издержка на одежду значительна, чѣмъ въ климатѣ тепломъ: полушибокъ русскому мужику столь же необходимъ, какъ и пища (*).

Потребностямъ въ пищѣ, жилищѣ и одеждѣ должно соотвѣтствовать удовлетвореніе вседневное: но человѣкъ не можетъ работать постоянно, не истощивъ скоро своихъ силъ. Минутнаго прерванія работы мало для обновленія его крѣпости: ему нуженъ отдыхъ довольно продолжительный для успокоенія его утомленныхъ членовъ, для развлечения другими впечатлѣніями его способностей, слишкомъ натянутыхъ прилежаньемъ. Соблюденіе дней

(*) Вотъ какъ Общество Посѣщенія бѣдныхъ опредѣляетъ *крайнеминимое-содержаніе* (*minimum*) одинокого человѣка въ С. Петербургѣ въ теченіе года: на пищу, изъ заведенія для снабженія бѣдныхъ пищею, по 1 руб. сереб. въ мѣсяцъ, въ годъ — 12 р. сер.; за уголь въ тошленной квартирѣ, по 1 р. сер. въ мѣсяцъ, въ годъ — 12 р. сер.; на поддержку платья и бѣлья, на прикупку новаго и на обувь, въ годъ — 24 руб. сер.; на баню и мелочныя издержки — 2 руб. сер.; итого 50 руб. сер. въ годъ. За этимъ крайнимъ предѣломъ для бѣднаго начинается физическое страданіе (см. брошюруку: *Нѣсколько словъ для благотворителей*, стр. 5).

праздничныхъ и дней воскресныхъ, доставляя от-
дыхъ тѣлу, въ то-же время позволяетъ работнику
помыслить объ удовлетвореніи нѣкоторымъ вы-
шимъ потребностямъ нравственнымъ и, въ осо-
бенности, религіознымъ. Отдыхъ принужденно
входитъ въ составъ задѣльной платы, которая
должна быть достаточною для содержанія работни-
ка и его семейства не только въ дни рабочіе, но
также и въ дни праздничные, обычаевъ и Церковью
постановленные.

Наконецъ, възадѣльную плату слѣдуетъ включить
часть, не поглощаемую необходимѣйшимъ содержа-
ніемъ вседневнымъ, и которую работникъ можетъ
отложить всторону, хранить на случай болѣзни и
для обеспеченія себѣ пропитанія въ дни старости,
когда лишится силы работать. Эта часть служить
также для его поддержанія во время случайного и
непредвидимаго прерванія работъ, и должна быть
тѣмъ значительнѣе, чѣмъ болѣе ремесло подверже-
но подобнымъ прерваніямъ. Кромѣ того это есть,
нѣкоторымъ образомъ, погашеніе капитала, кото-
раго стоило воспитаніе работника.

Всякій разъ, когда задѣльная плата, вслѣдствіе то
упадка запроса, то усиленія предложенія, упадаетъ
ниже этихъ предѣловъ, нищета начинаетъ оказы-
ваться въ рабочемъ сословіи. Семейства, живущія
этимъ доходомъ, перестаютъ получать необходи-
мое, и гибельныя послѣдствія лишеній, усиливая
смертность или принуждая къ переселенію въ дру-
гія страны, мало по малу уменьшаютъ предложеніе
рукъ и снова повышаютъ задѣльную плату до са-

крайнихъ предѣловъ. Въ этомъ жестокомъ и насильственномъ возстановленіи равновѣсія между задѣльною платой и потребностями крайняго содержанія, убѣждаетъ видъ мануфактурныхъ городовъ въ минуты промышленныхъ кризисовъ, когда загроможденіе рынковъ или закрытіе сбытовъ иностранныхъ вдругъ охлаждаетъ дѣятельность предпріятій. Тамъ, филантропъ съ горестью откроетъ жилища смрадныя и нездоровыя, куда не досягаетъ лучъ солнечный, и гдѣ тѣснятся многочисленныя семейства работниковъ, дрожащія отъ холода, едва прикрытыя рушищемъ. Подлъ отцовъ и матерей, изнемогающихъ подъ бременемъ тяжкаго и непрерывнаго труда, то на фабрикахъ, то въ собственныхъ жилищахъ, онъ увидитъ дѣтей изможденныхъ болѣзнями, пищею недостаточной или нездоровой. Его поразить распространеніе смертельныхъ болѣзней, особенно чахотки, развитію которой способствуютъ горести и заботы, и которая наиболѣе пожинаетъ дѣтство и самый цвѣтъ юношества. Его ужаснетъ учащеніе самоубійствъ и преступленій противъ собственности и личности, которыхъ начало кроется въ отчаяніи и ожесточеніи. Въ окрестностяхъ городовъ, онъ встрѣтить толпы бродягъ, не нашедшихъ занятій, протягивающихъ руку за подаяніемъ, или несущихъ нищету свою въ другія мѣста, гдѣ надѣятся достать работу и средства къ пропитанію.

Если причина, слишкомъ усилившая предложеніе рукъ или внезапно охладившая запросъ, была только временная, то страданія, удручающія рабочую населенность, лишенную достаточнаго содержанія,

жестокимъ путемъ смертности и переселеній скоро возстановятъ равновѣсіе, и снова подымутъ задѣльную плату до ея необходимыхъ предѣловъ. Но бѣдствія усугубляются, пріемлютъ характеръ постоянный, укореняются, такъ сказать, въ низшихъ словіяхъ, когда періодически и единовременно повторяются, съ убийственнымъ учащеніемъ, обстоятельства, нарушающія равновѣсіе между запросомъ на руки и ихъ предложеніемъ. Гибельныя послѣдствія этихъ обстоятельствъ оказываются тогда не только въ чрезмѣрномъ пониженіи задѣльной платы, но также въ загражденіи многочисленному классу людей всякой возможности снискивать себѣ пропитаніе трудомъ.

Это горестное явленіе, т. н. *пауперизмъ*, осуществилось въ глазахъ современниковъ на многихъ точкахъ Европы; постараемся объяснить причины, которымъ можно приписать его развитіе и его жестокое постоянство. Если мѣры человѣческія въ состояніи отвратить это зло, то знаніе его настоящихъ источниковъ безсомнѣнно должно быть важнѣйшимъ руководствомъ къ открытію этихъ мѣръ.

107.—ПРИЧИНЫ УПАДКА ЗАДЕЛЬНОЙ ПЛАТЫ НИЖЕ ЕЯ КРАЙНИХЪ ПРЕДѢЛОВЪ.

Свободное соперничество, которому *Сисмонди* (*) и его послѣдователи (**) приписываютъ вину пауперизма, едва ли можетъ быть принято за одну изъ

(*) *Nouveaux principes d'Economie politique.*

(**) *Eug. Buret, Villeneuve de Bargemont* и другіе.

причинъ этого явленія. Въ свободномъ соперничествѣ нельзѧ не открыть главнаго и необходимѣйшаго условія развитія и преуспѣянія промышленности. Тамъ, гдѣ трудъ стѣсненъ монополіями, корпораціями, формальностями, техническими правилами, вездѣ встрѣчаемъ производство вялое, дорогое, неудовлетворительное. Уничтоженію или уменьшенію этихъ стѣсненій должно приписать цвѣтущее состояніе множества вѣтвей европейской промышленности, и вездѣ эти события справедливо разматриваются, какъ эры величайшихъ успѣховъ, даже тѣми людьми, которые рѣшаются ихъ порицать. Какъ естественный законъ жизни народовъ, какъ логическое послѣдствіе права личности и права собственности, свободное соперничество не можетъ быть отвергаемо, такъ точно, какъ и самая общественность.

Соперничество между работниками, безсомнѣнія, клонится къ уменьшенію задѣльной платы и часто понижаетъ ее за предѣлы необходимаго содержанія: но причины этого зла не кроются въ самомъ соперничествѣ, такъ точно, какъ причины зла, наносимаго явленіями атмосферы не кроются въ атмосфѣрѣ, но въ обстоятельствахъ, подвергающихъ людей или вещи пагубному вліянію какъ того такъ и другого. Объяснить эти обстоятельства—вотъ весь вопросъ; принимая самое явленіе за его причину, отнюдь нельзѧ бросить на него свѣта.

Что же касается до соперничества между предпринимателями, или, какъ выражаются иногда метонимически, между капиталами, то оно клонит-

ся къ уменьшению прибыли, но усиливаетъ запросъ на руки и причиняетъ повышеніе задѣльной платы, если на ея пониженіе не дѣйствуютъ въ то-же время другія сильнѣйшія причины. Во всякомъ промыслѣ, преувеличенныя надежды на прибыль, нерасчетливость, неосторожность возбуждаютъ иногда предпріятія излишнія, которыя могутъ уронить мѣновую цѣну произведеній ниже ихъ стоимости и тѣмъ самыимъ причинить паденіе, или банкротство, нѣкоторыхъ предпринимателей; а съ каждымъ банкротствомъ уменьшается еще запросъ на руки. Но это зло должно приписать не свободному соперничеству, а неосторожности предпринимателей. Если жъ послѣдніе увлекаются не собственною виной, но *какими либо особыми обстоятельствами*; если порядокъ вещей (на который они расчитывали) измѣняясь, вслѣдствіе *событий, ими непредвидимыхъ*, учащаетъ банкротства и, въ то-же время, нетолько понижаетъ задѣльную плату, но еще вовсе лишаетъ занятій множество рукъ, то опять не соперничество виною злу, но эти особыя обстоятельства и эти непредвидимыя события. Ихъ разсмотрѣніемъ мы займемся ниже.

Столь-же несправедливо приписывать пауперизмъ употребленію машинъ, замѣняющихъ работу рукъ человѣческихъ. Въ своемъ мѣстѣ мы (§ 30) указали пользу и назначеніе машинъ. Въ этихъ изобрѣтеніяхъ, безсомнѣнныя, заключаются важнѣйшія побѣды труда разумнаго надъ веществомъ; въ нихъ, болѣе чѣмъ гдѣ либо, онъ является настоящимъ царемъ природы и, заставляя работать стихіи и силы

вездѣ въ ней разсѣянныя, избавляетъ себя отъ занятій однообразно утомительныхъ, недостойныхъ существа, одареннаго столь высокими способностями познавательными. Въ машинахъ мы открыли одно изъ самыхъ существенныхъ врачеваній противъ злоупотребленій разделенія занятій; одно изъ средствъ, наиболѣе усиливающихъ производительность труда; одинъ изъ самыхъ неоспоримыхъ элементовъ дешевизны.

Замѣняя трудъ ручной, машины лишаютъ занятій нѣкоторое число людей, въ простомъ рукодѣліи снискивавшихъ пропитаніе; но удешевляя производство какихъ либо издѣлій въ прогрессіи арифметической, если можно такъ выразиться, онѣ усиливаютъ запросъ въ прогрессіи геометрической, а тѣмъ самимъ служать поводомъ къ основанію множества предпріятій и къ употребленію числа рукъ, далеко превосходящаго число тѣхъ, которыя чрезъ нихъ теряютъ свои занятія. Запросъ на руки усиливается еще для строенія самыхъ машинъ и для доставки значительнѣйшей массы сырыхъ матеріаловъ (*). Кромѣ того, механическія средства, удешевляя продукты, наиболѣе употребляемые въ народѣ, позволяютъ многочисленнымъ сословіямъ предъявить запросъ на издѣлія другого рода, отъ которыхъ онѣ прежде отказывались; этотъ запросъ возбуждаетъ новыя предпріятія и потребность въ рукахъ не только не уменьшается, но, напротивъ, значительно усиливается. Лучшимъ доказательствомъ

(*) См. *Примѣчаніе 12-е.*

тому служитъ повышение задѣльной платы, которое оказалось въ Англіи, вслѣдствіе изобрѣтенія и огромнаго распространенія прядильныхъ машинъ, замѣняющихъ наиболѣе ручного труда. Введеніе этихъ машинъ во Франціи имѣло, во многихъ мѣстахъ, подобное же вліяніе на задѣльную плату.

Работники, машинами лишенные занятій, терпятъ: въ особенности, если ремесло ихъ требовало долговременного навыка, что впрочемъ рѣдко бываетъ, они впадаютъ въ затрудненіе достойное состраданія и призывающее благотворительность общественную. Но это зло скоротечно; оно смягчается съ одной стороны неизбѣжною постепенностью перехода отъ труда ручного къ механическому; съ другой, выгодами удешевленія множества продуктовъ, которые становятся доступны бѣднѣйшимъ сословіямъ.

Бѣдствія и досады работниковъ, вытѣсняемыхъ машинами, иногда исторгаютъ ихъ изъ предѣловъ терпѣнія; они возстаютъ противъ ихъ введенія, преслѣдуютъ изобрѣтателей, разбиваютъ машины въ мастерскихъ. Неужели это ослѣпленіе страсти найдетъ поборниковъ въ людяхъ благомыслящихъ, здраво и покойно обсуживающихъ вещи и причины вещей? Развѣ всякое улучшеніе въ промышленности не наносить удара чьимъ либо интересамъ, не причиняетъ потерю болѣе или менѣе чувствительныхъ предпринимателямъ и работникамъ, употребляющимъ способы устарѣлые? Ежедневно мода не уничтожаетъ ли огромныя цѣнности, съ которыми тѣсно связанъ достатокъ множества дѣйствователей?

Таковъ законъ человѣчества: оно вѣчно стремится къ лучшему, и каждый шагъ, унося однихъ впередъ, оставляетъ другихъ назади. Если всегда заботиться объ интересахъ послѣднихъ, то должно отложить попеченіе объ усовершенствованіяхъ, удовольствоваться тѣмъ, что есть и запереться въ кругъ настоящаго.

Ктому-же, мы ищемъ здѣсь причинъ *пауперизма*: временное зло, причиняемое иногда введеніемъ машинъ, имѣетъ съ этой язвой общественной только отдаленное сходство. Оно рѣдко выходитъ изъ предѣловъ околотка, гдѣ оказалось, и доселъ исключительно падало на одну вѣтвь промышленности—мануфактурную. Машины, примѣненные къ промысламъ торговымъ, не только не отнимали занятій у населенностей, но умножали при самомъ появленіи запросъ на ихъ трудъ. Въ земледѣліи скорѣе терпятъ отъ недостатка машинъ, нежели отъ ихъ введенія. Пауперизмъ разливается почти въ равной степени во всѣхъ вѣтвяхъ промышленности, въ промыслахъ фабричныхъ какъ и въ ремеслахъ, не употребляющихъ вовсе машинъ; посреди городовъ, гдѣ, сжатый на тѣсномъ пространствѣ, онъ болѣе бросается въ глаза, какъ и посреди селеній, гдѣ менѣе замѣтенъ, но не менѣе живучъ. Средства, помошію которыхъ могутъ быть отвращены, или по-крайней мѣрѣ много ослаблены, частныя бѣдствія рабочаго сословія, причиняемыя машинами, безсильны противъ явленія общественнаго, которое развивается въ масштабѣ столь огромномъ и въ столь разнообразныхъ видахъ.

Мы не предпринимаемъ здѣсь изслѣдованія средствъ къ отвращенію и предупрежденію этого бича народовъ: подобное изученіе, чисто практическое, слишкомъ уклонило бы наскъ отъ цѣли нашего изложенія. Напрасно однако упрекаютъ пол. э-ю въ молчаніи касательно этихъ средствъ: какъ и всякая наука, она излагаетъ законы вещей и человѣчества; разыскиваетъ настоящія причины явленій; и когда ей удастся открыть эти причины, ея дѣло кончено. Самимъ людямъ предстоитъ извлечь изъ ея уроковъ полезныя примѣненія и руководства для удаленія зла и водворенія добра.

Непостоянство сбытовъ — вотъ главное начало разстройства предпріятій, ихъ паденія, и внезапнаго уменьшенія запроса на руки. Неосторожное размноженіе населенности, иногда возбуждаемое роковымъ стечениемъ обстоятельствъ — вотъ главный источникъ излишняго предложенія рукъ.

Когда государства, съодной стороны оцѣпляются таможенными заставами и рогатками, изъ видовъ мнимой пользы общественной стараясь возбудить на внутреннемъ рынкѣ искусственную дороговизну, для поощренія нѣкоторыхъ предпріятій, и упорно отвергаютъ всякое произведеніе иностранное, которое можетъ вступить въ соперничество съ продуктами этихъ предпріятій,—когда съ другой онѣ силятся развить производство народное, укзывая ему безпрестанно на сбыты иностранные, напрягая всю свою политику на открытие этихъ сбытовъ, —какого постоянства можно ожидать отъ производства, большей частью основанного не на есте-

ственному течению международныхъ обмъновъ, но на рискахъ и колебаніяхъ виѣшней политики? Подобное производство не представляетъ ли разительного сходства съ вѣчною войной? сбыты служатъ яблокомъ раздора; для ихъ сохраненія, ихъ разширенія, производители принуждены прибѣгать то къ хитростямъ дипломаціи, то къ силѣ оружія. Но, какъ мы уже замѣтили (§ 69), эти усилія отнюдь не могутъ достигнуть предполагаемой цѣли. Вездѣ подобная политика угрожаетъ внезапнымъ закрытіемъ сбытовъ, и нѣтъ государства въ Европѣ и въ самой Америкѣ, которое періодически не подвергалось бы бѣдственнымъ послѣдствіямъ подобныхъ событий. Онѣ то учащаются банкротства, разстроиваютъ предпріятія, развиваются и поддерживаются пауперизмъ и противятся уничтоженію этой язвы общественной. Кнесчастію, оставленіе подобной политики какимъ-либо однимъ государствомъ можетъ служить полезнымъ примѣромъ, но не достаточно для пресѣченія зла. Одно лишь общее соглашеніе большей части сильнѣйшихъ государствъ въ состояніи мало по малу отвратить это гибельное учащеніе кризисовъ, и въ эту минуту нельзя предположить цѣли благороднѣе и возвышеннѣе для взаимныхъ сношеній пяти великихъ державъ, господствующихъ въ мірѣ политическомъ (*).

Внезапное закрытіе сбыта иностранного, разоряя множество достатковъ, распространяя нищету въ рабочемъ сословіи, влечетъ за собой упадокъ за-

(*) Примѣчаніе 15-е.

проса туземнаго на множество произведеній, и неминуемо причиняетъ паденіе или разстройство нѣкотораго числа предпріятій. Вотъ еще руки лишенныя занятій, еще работники пущенные по-міру. Упадокъ цѣны многихъ произведеній, причиненый огромною массой товаровъ, которая, по недостатку сбыта иностранного, опрокидывается на внутренній рынокъ, въ свою очередь наносить ущербъ множеству другихъ предпріятій; тѣ изъ нихъ, которыя могутъ устоять, принуждены умѣрить свое производство, отказываются большему числу работниковъ и еще увеличиваютъ массу упраздненныхъ рукъ. Тогда-то осуществляются на время два явленія общественныя, совершенно противуположныя и обыкновенно исключающія одно другое: крайняя дешевизна множества полезнѣйшихъ товаровъ, продаваемыхъ за безцѣнокъ, и нищета многочисленнѣйшаго сословія потребителей, столь глубокая, что лишаетъ ихъ средствъ воспользоваться этой дешевизной.

Еслибъ эти кризисы продолжались не долго, или, покрайней мѣрѣ, повторялись въ сроки, раздѣленные значительнымъ пространствомъ времени, то ихъ вліяніе не могло бы постоянно растравлять пауперизмъ. Паденіе множества предпріятій, уменьшивъ предложеніе произведеній, возстановило бы равновѣсіе между ихъ рыночною цѣной и стоимостью; съ другой стороны, гибель, постигшая рабочее сословіе, и постепенное уменьшеніе предложенія рукъ, повысили бы задѣльную плату до ея необходимыхъ предѣловъ, для пережившихъ тягостное время. Ма-

ло по малу раны общественныя затянулись бы, и вода-
ворилось бы равновѣсіе между производительными
силами. Но безпрестанныя колебанія запретитель-
ной системы не даютъ отдыха народамъ; онѣ слѣ-
дуютъ одно за другимъ съ самыи плачевнымъ
учащеніемъ; едва заботы правительства успѣли от-
крыть новый сбыть и оживить одинъ промыселъ
новыми предпріятіями, какъ недугъ оказывается въ
другихъ мѣстахъ и поражаетъ другіе промыслы. Ра-
бочее сословіе ввергнуто въ постоянную нерѣши-
тельность; сегодня, запросъ на руки всѣхъ обо-
дряетъ; завтра, вдругъ эти руки становятся излиш-
ними; пропасть нищеты ни на минуту не закрывается;
дни праздные поглощаютъ все, что самая стро-
гая бережливость можетъ спасти изъ задѣльной пла-
ты, вырученной въ дни занятій; наступаютъ ста-
рость, болѣзни, и несчастный работникъ, лишен-
ный всего, рѣшительно впадаетъ въ сословіе ни-
щихъ. Его жена, его дѣти, онъ самъ скитаются по-
міру, и живутъ подаяньемъ пока преждевременная
смерть не положить конца ихъ жалкому существо-
ванью. Между тѣмъ, къ этимъ, такъ сказать, все-
дневнымъ судорогамъ промышленности, которую
галванизируетъ запретительная система, вдругъ
присоединяется новый кризисъ, охватывающій об-
ширное поприще, и нищета раскидывается съ же-
стокимъ усиленіемъ по всему государству.

Экономисты, по слѣдамъ *Мальтуса*, относятъ къ
неосторожности самихъ работниковъ нарушеніе рав-
новѣсія между предложеніемъ рукъ и запросомъ на
нихъ. Зачѣмъ, говорять они, поспѣшно и неосмо-

трительно вступать въ ранніе браки, обременять себя семействомъ, когда не обеспечены средства къ его содержанію? Не лучше-ли воздержаться отъ этихъ союзовъ, столь привлекательныхъ, пока силы и разсудокъ достаточно созрѣютъ и позволятъ каждому измѣрить его средства къ снисканію пропитанія, убѣдиться, что онъ достаточны для прокормленія семейства. Жизнь есть благо, конечно; но родители не могутъ ограничиться однимъ только произрожденіемъ дѣтей; они должны ихъ воспитать; и на нихъ лежитъ, въ нѣкоторой степени, отвѣтственность за ихъ будущность. Какая-же будущность ожидаетъ дѣтей, не имѣющихъ иного средства къ пропитанію кромѣ собственныхъ рукъ, когда промышленность въ такой степени уже снабжена работниками, что въ этихъ рукахъ не нуждаются? Эти излишнія руки вступаютъ въ соперничество съ дѣйствовавшими до нихъ, и стремятся еще понизить уже и безъ того скучную плату работниковъ. Какъ не согласиться съ *Мальтусомъ*, что въ Англіи и въ Ирландіи множество супруговъ разошлись бы, или, по крайней мѣрѣ, на долго отложили бы бракъ свой, еслибъ какимъ либо чародѣйствомъ имъ показали жалкій жребій, ожидающій ихъ дѣтей.

Подобная осмотрительность касательно браковъ вездѣ господствуетъ въ высшихъ сословіяхъ общественныхъ. Тамъ рѣдкая мать рѣшится выдать dochь свою за человѣка, который не въ состояніи обеспечить ей и ея дѣтямъ содержаніе приличное и безбѣдное. Но, чтобы люди, принадлежащіе къ низшимъ слоямъ общества, руководились такою пре-

дусмотрительностю, между ними надлежитъ первоначально развить болѣе здравыхъ понятій о настоящемъ долгѣ нравственномъ, болѣе началъ образованности. Кнесчастію, на нихъ дѣйствуетъ еще слишкомъ сильно влеченіе инстинкта; вступая въ бракъ, они увлекаются пріятной стороной этого союза, мало заботясь о бремени, сънимъ сопряженномъ; желаніе имѣть дѣтей не даетъ имъ помыслить объ ихъ будущности. Неосторожно поощряя къ размноженію браковъ, изъ видовъ впрочемъ самой чистой нравственности, государства часто усугубляютъ и безъ того уже слишкомъ сильное влеченіе.

Но что, если къ этому влеченію, къ этимъ поощреніямъ присоединяются еще обманчивые признаки безпрестанно возрастающаго запроса на руки? если промышленность, полагаясь на сбыты иностранные, кнесчастію временные и невѣрные, размножаетъ свои предпріятія, призываетъ ежедневно новыхъ работниковъ, создаетъ занятія, не только для взрослыхъ мужчинъ, но и для женщинъ, и для самыхъ дѣтей? если задѣльная плата семейная возрастаетъ и тѣмъ болѣе усиливается, чѣмъ болѣе семейство содержитъ членовъ способныхъ къ работе? — Можноль тогда винить въ неосмотрительности молодыхъ людей, съ поспѣшностью вступающихъ въ бракъ? родителей, которые радуются вся кому новому приращенію семейства? И какъ решиться въ эти минуты сказать имъ, что ихъ надежды невѣрны; что это усиленіе запроса на руки основано на событіи временномъ; что сбыть, его под-

держивающій, зависитъ отъ тарифа такой-то державы, отъ трактата съ другою, или отъ войны съ третьею; что потребность въ трудѣ уменьшится, и что задѣльная плата неминуемо упадетъ, если одно изъ этихъ условій измѣнится; что выручка всего семейства едва будетъ равняться выручкѣ одного отца, и что наступить время, когда не только жена и дѣти, но и онъ самъ содѣлаются вовсе излишними, и вмѣстѣ съ возможностію зарабатывать лишатся хлѣба насущнаго?

Однако великую услугу оказалъ бы настоящему поколѣнію Англичанъ и всему королевству Великобританскому тотъ, кто пролилъ бы эту холодную, но спасительную осторожность въ убѣженіе отцовъ и матерей въ началѣ XIX столѣтія. Тогда все лъстило имъ надеждой, все закупало ихъ увѣренность въ будущности счастливой. Пользуясь континентальной войной, то путемъ правильныхъ сношеній съ государствами, слишкомъ занятыми военными дѣйствіями, то путемъ самой дѣятельной контрабанды, торговля открывала во всей Европѣ обширные сбыты мануфактурамъ; они казались неистощимыми, и населенность возрастила съ быстройностью неимовѣрной. Въ графствахъ ланкастерскомъ и ланаркскомъ и, особенно, въ городахъ наиболѣе мануфактурныхъ она удвоилась въ 20 лѣтъ, утвердились въ сорокъ (*) . . . Событие, которое, казалось, долженствовало увѣнчать эти успѣхи, нанесло вдругъ этому развитію ударъ столь же чувствительный, сколь и неожиданный. По заключеніи всеоб-

(*) См. *Mac-Culloch: Dict. of Commerce art. cotton*, и другіе.

щаго мира въ 1814 году, государства европейскія, освободившись отъ заботъ войны, начали всѣ искуственнымъ путемъ развивать у себя мануфактуры и первою мѣрой было запрещеніе или обложеніе высокими пошлинами англійскихъ издѣлій. Множество сбытовъ вдругъ закрылись, и самый гибельный кризисъ повлекъ за собой цѣлый рядъ другихъ, которые, съ различной степенью силы, продолжаются доселѣ. Въ труда обнаружился явный излишекъ. Вездѣ оказалось пониженіе задѣльной платы; хотя потомъ она нѣсколько разъ подымалась, но снова упадала и ни разу не достигла той мѣры, которую пользовалась въ концѣ прошедшаго столѣтія и въ началѣ настоящаго. Между-тѣмъ, возрастаніе рабочей населенности не уменьшалось; напротивъ, размноженію браковъ и произрожденію дѣтей постояннымъ поощреніемъ служили періодическія усиленія запроса на трудъ женщинъ и дѣтей. Земледѣльческая промышленность съ своей стороны не замедлила загромоздиться излишествомъ работниковъ. Такса для бѣдныхъ возрасла до огромной суммы 50 миллионовъ руб. сереб.; но ничто не могло остановить бѣдствій, которыя усугублялись еще доровизной продовольствія, и пауперизмъ успѣлъ свить себѣ надолго мрачное и отвратительное гнѣздо посреди огромныхъ богатствъ, накопленныхъ аристократическимъ сословіемъ землевладѣльцевъ, всего менѣе потерпѣвшихъ отъ кризисовъ, и частью сословіемъ капиталистовъ-предпринимателей, несмотря на банкротства, опустошающія его ряды.

Въ государствахъ еще юныхъ не поразить насть

горестное зрѣлище цѣнопониженія труда: сила обстоятельствъ отвращаетъ тамъ это бѣдствіе и мы привели уже примѣръ Соединенныхъ Штатовъ сѣверо-американскихъ, гдѣ предложеніе рукъ еще не соответствуетъ потребности въ нихъ настоящей, и на долго еще обеспечивающей задѣльную плату обильную. Тамъ бремя семейства, жены, дѣтей не должно устрашать работниковъ, особенно въ промышленности земледѣльческой. Но горе имъ, если они бросятся въ тѣ вѣтви промышленности, которыя правительство этого государства, платя дань заблужденью вѣка, уже успѣло развить искусственными мѣрами таможенными.

Россія находится, въ отношеніи задѣльной платы, въ положеніи сходномъ съ сѣверной Америкой: у насъ также запросъ на руки явно превышаетъ ихъ предложеніе, и наемный трудъ пользуется возмездіемъ не только достаточнымъ, но даже высокимъ, особенно, если принять въ разсужденіе дешевизну содержанія. Крѣпостное право, удерживая на определенномъ мѣстѣ пребыванія значительныя массы населения, частью служитъ преградой загроможденію рынка общественного праздными руками. Впрочемъ, не должно преувеличивать вліяніе этой причины: крестьяне, которыхъ трудъ не находитъ достаточныхъ занятій въ земледѣліи, или которые надѣются болѣе заработать въ другихъ промыслахъ, всегда имѣютъ возможность оставить помѣстье, гдѣ прикреплены. Помѣщики не имѣютъ никакого интереса противиться этимъ времененнымъ переселеніямъ; оброкъ же, платимый крестьянами, пущенны-

ми на работу, доказываетъ что задѣльная плата высока. Ея возвышенію не мало способствовало размноженіе предпріятій всякого рода въ теченіе послѣдняго двадцатилѣтія. Оброчные составляютъ большую часть рабочаго сословія мануфактурнаго въ московской и владимірской губерніяхъ; они же отправляютъ въ нашихъ столицахъ и большихъ городахъ ремесло плотниковъ, каменьщиковъ; почти всѣ наемные люди, слуги, носильщики, поденщики принадлежать къ этому-же сословію.

Нарушеніе равновѣсія между запросомъ на руки и ихъ предложеніемъ не есть единственная причина задѣльной платы недостаточной. Внезапное вздорожаніе предметовъ первой необходимости, образующихъ, какъ мы видѣли (§ 106), потребленіе работника, ведеть къ тѣмъ же результатамъ.

108. ВЛІЯНИЕ ДОРОГОВИЗНЫ ПРЕДМЕТОВЪ ПЕРВОЙ НЕОБХОДИМОСТИ НА ЗАДѢЛЬНУЮ ПЛАТУ.

Задѣльная плата выдается работнику натурой, или деньгами. Въ первомъ случаѣ, онъ получаетъ отъ предпринимателя все необходимое для содержанія себя съ семействомъ: жилище, одежду, пищу и обеспеченіе на случай болѣзни, равно какъ и подъстарость. Подобные контракты часто заключаются между слугами и господами, между работниками и земледѣльцами-предпринимателями въ странахъ, где еще мало развилась промышленность. Задѣльная плата выдается также частью натурою, частью деньгами: такъ иногда мы даемъ квартиру и отопленіе нашимъ работникамъ, и платимъ деньгами за пищу

и одежду; иногда снабжаемъ ихъ пищей и одеждой, но платимъ деньгами за помѣщеніе. Подобные контракты допускаютъ большое разнообразіе. Въ многолюдныхъ городахъ, въ промышлености мануфактурной и торговой, также во всѣхъ т. наз. свободныхъ искусствахъ, всего удобнѣе и для предпринимателя, покупающаго трудъ, и для исполнителя, его продающаго, расплачиваться монетой, и на дѣль мы видимъ, что подобныя расплаты почти везде преобладаютъ.

Ясно, что задѣльная плата монетой будетъ всегда считаться тѣмъ болѣе или менѣе значительной, чѣмъ болѣе или менѣе можно на эту сумму денегъ пріобрѣсть разнаго рода произведеній. Дешевизна предметовъ потребленія всегда увеличиваетъ этотъ доходъ, тогда-какъ дороговизна его уменьшаетъ. Это правило, впрочемъ, касается всѣхъ доходовъ вообще.

И такъ денежная цѣна продуктовъ, входящихъ въ составъ необходимаго содержанія, поэтому, опредѣляетъ задѣльную плату простого работника, выдаваемую монетой. Въ предыдущемъ параграфѣ мы видѣли, какимъ образомъ нарушеніе равновѣсія между запросомъ на руки и ихъ предложеніемъ можетъ уронить задѣльную плату ниже этого предѣла, и какія послѣдствія подобнаго упадка въ цѣнѣ труда. Но подобный же результатъ можетъ осуществиться безъ малѣйшаго измѣненія номинальной или денежной задѣльной платы, какъ слѣдствіе внезапнаго вздорожанія продуктовъ первой необходимости.

Въ хлѣбѣ важнѣйшая издержка работника; въ ней всего труднѣе допустить уменьшеніе. Если неурожай или какія-либо другія обстоятельства повышаютъ рыночную цѣну этого продукта, работникъ принужденъ отказывать себѣ въ какихъ-либо иныхъ потребленіяхъ; уменьшить количество мяса, употребляемаго семействомъ; замѣнить обычный напитокъ другимъ, не столь дорогимъ; воздержаться отъ обновленія одежды; пріискать помѣщеніе дешевле; работать по праздникамъ, или почать ту долю, которая должна служить обезпеченіемъ въ дни болѣзни и старости. Эти пожертвованія усиливаются, по мѣрѣ распространенія дороговизны. Если она оказывается во всѣхъ предметахъ потребленія работника, то его лишенія могутъ сдѣлаться нестерпимыми. Совершенно противоположны результаты удешевленія продуктовъ, и въ подготовленіи подобныхъ результатовъ заключается, какъ мы замѣтили выше, одно изъ преимуществъ машинъ.

Дешевизна продуктовъ первой необходимости, и въ особенности продовольствія, поощряя браки и рожденія, или привлекая работниковъ изъ мѣстъ, гдѣ жизнь дороже, мало по малу усиливаетъ предложеніе рукъ и понижаетъ задѣльную плату до предѣла рыночной цѣны предметовъ необходимаго содержанія. При нормальномъ отношеніи между запросомъ и предложеніемъ, дороговизна содержанія дѣйствуетъ въ обратную сторону, и стремится повысить всоразмѣрности съ ней задѣльную плату; но это повышеніе рѣдко совершается съ быстротой, достаточной для предохраненія рабочаго сословія

отъ лишеній и нищеты: изслѣдованія автора исто-
ріи цѣнъ, *Тука*, (*), доказываютъ напротивъ что
рыночная цѣна хлѣба и другихъ необходимѣйшихъ
продуктовъ подвержена внезапнымъ перемѣнамъ,
за которыми не можетъ слѣдовать задѣльная плата.
Иногда цѣна хлѣба измѣняется по нѣсколько разъ
въ теченіи трехъ или шести мѣсяцевъ, тогда-какъ
условія съ работниками заключаются на цѣлый годъ
и болѣе, смотря по обычаю.

Однако тамъ, гдѣ нѣть другихъ причинъ цѣно-
пониженію труда, сила вещей прекращаетъ нако-
нецъ страданія рабочаго сословія и повышаетъ его
денежную задѣльную плату до надлежащихъ предѣ-
ловъ, уменьшая всоразмѣрности прибыль пред-
принимателей, или, въ случаѣ удаленія нѣкотораго
числа послѣднихъ, увеличивая цѣну всѣхъ издѣлій
вообще. Но если дороговизна хлѣба присоединяется
къ другимъ причинамъ цѣнопониженія труда, и въ
особенности къ излишеству рукъ, выше разсмо-
трѣнному, то она усугубляетъ народныя бѣдствія.
Такимъ образомъ тамъ, гдѣ оказались зачатки пау-
перизма, малѣйшій неурожай почти всегда влечетъ
за собой настоящій голодъ, отъ котораго наиболѣе
терпятъ работники фабричные, обыкновенно полу-
чающіе задѣльную плату монетой. Это бѣдствіе ме-
нѣе чувствительно въ селеніяхъ, гдѣ работникамъ
выдается пища натурой; но и тамъ оказываются
его слѣды, вслучаѣ слишкомъ сильныхъ неурожа-
евъ, которые побуждаютъ земледѣльческихъ пред-

(*) *A history of prices and of the state of circulation from 1793 to 1837,*
by Thomas Tooke; 2 vol., 1838.

принимателей вывозить почти весь хлѣбъ въ города. Въ эти бѣдственныя минуты, величайшее благо-
дѣяніе оказываютъ населенностямъ запасы отъ уро-
жайныхъ годовъ сохраненные въ публичныхъ мага-
зинахъ или частными спекуляторами (§ 71).

Въ Англіи, которой примѣръ самъ собой пред-
ставляется на каждомъ шагу, когда дѣло идетъ о *pauperizmъ*, господствуетъ постоянная дороговизна
хлѣба, мяса и всѣхъ вообще продуктовъ земледѣль-
ческихъ. Она, частью, объясняется причинами есте-
ственными: размноженіемъ населенности и ограни-
ченностью земель; но высокой цѣнѣ хлѣба тамъ наи-
болѣе способствуютъ законы, запрещающіе при-
возъ хлѣба иностранного, явно изданные подъ влія-
ніемъ интереса аристократического сословія земле-
владѣльцевъ, для обезпеченія значительной ренты
поземельной. Эта дороговизна довершаетъ бѣдствіе
рабочей населенности; она уничтожаетъ цѣнность
той скучной залѣльной платы, которую еще успѣ-
ваютъ зарабатывать нѣкоторые, и вполнѣ парали-
зируетъ благодѣтельное вліяніе машинъ, удешевля-
ющихъ другіе предметы потребленія, въ особенно-
сти одежду и топливо. Противъ этихъ жестокихъ
законовъ, обогащающихъ одно сословіе на счетъ
лишеній и нищеты другого, направлены всѣ усилія
несчастныхъ населенностей, умирающихъ съ голо-
ду, которыя, въ ослѣплѣніи отчаянія, не видятъ иной
причины своимъ бѣдствіямъ. Эти усилія проявля-
ются и въ возстаніи *хартистовъ*, и въ многочислен-
ныхъ собраніяхъ (*meetings*) для подачи просьбъ
парламенту и, въ особенности, въ могучей лигѣ

т. наз. free-traders, которой суждено по всему въроятію избавить окончательно англійскій народъ отъ подобнаго злоупотребленія власти и богатства (*).

Чѣмъ ниже стоитъ предѣль необходимаго содержанія народнаго, тѣмъ опаснѣе дорожизна земледѣльческихъ продуктовъ, тѣмъ болѣе она причиняетъ бѣдствій, нищеты и смертности. Англичанинъ, для котораго нищета начинается, чуть только онъ не въ состояніи пріобрѣтать на задѣльную плату, имъ выработанную, довольно хлѣба, мяса, пива и даже чаю (тамъ гдѣ этотъ напитокъ превратился въ потребность настоятельную), можетъ еще влачить жизнь питаясь картофелемъ: цѣна этихъ овощей, какъ известно, втрое и даже вчетверо дешевле пшена. Но что становится съ Ирландцемъ, котораго постепенное уменьшеніе задѣльной платы и политическая обстоятельства довели до того, что онъ довольноствуетъ для своего содержанія небольшимъ количествомъ картофеля самого низкаго достоинства, грубаго и ноздреватаго, т. н. *lumper* (**), когда вдругъ вздорожаетъ и этотъ продуктъ, самый дешевый изъ всѣхъ продуктовъ земледѣльческихъ?...

(*) Это предсказаніе сбылось: по предложенію бывшаго первого министра Сира Р. Пиля, законы о хлѣбѣ (corn. laws.) отмѣнены въ 1846 году и, до совершенного освобожденія этого продукта отъ платежа таможенныхъ пошлинъ, постановлено на три года временное взиманіе самой умѣренной таксы.

(**) Poor Irish inquiry, part. II. appendix X II. p. 9.—Картофель *lumper* предпочтительно воздѣлывается Ирландцами, несмотря на его дурное качество, потому-что на данномъ клюкѣ земли его получается болѣе нежели другихъ сортовъ. Въ Англіи и Шотландіи его употребляютъ только для откармливанія свиней.

Путешественики, посъшавшие Ирландію, описываютъ самыми мрачными красками жалкое состояніе жителей этой страны, надѣленной однако почвою плодородной. Положеніе бѣдныхъ Ирландцевъ не сколько отлично отъ положенія бѣдныхъ (*poors*) въ Англіи и Шотландіи. Ихъ должно разсматривать не какъ простыхъ работниковъ, но какъ небольшихъ предпринимателей земледѣльческихъ, занимающихъся воздѣлываніемъ клоука земли, уступленнаго имъ изъ третьихъ или четвертыхъ рукъ на краткосрочный откупъ. Подъ гнетомъ необходимости и соперничества своихъ собратій, не имѣя другого средства добыть себѣ пропитаніе, Ирландецъ принужденъ соглашаться на самыя жестокія условія подоткупщика. Принявъ во владѣніе участокъ, все семейство (отецъ, жена, дѣти) приступаетъ къ его воздѣлыванію, но ихъ трудъ едва можетъ добыть изъ земли, чѣмъ заплатить за откупъ. На собственную ихъ долю остается только небольшое поле близь самой лачуги, на которомъ они воздѣлываютъ картофель породы *lumper*. Счастливы тѣ, которые всостояніи при помощи этого поля выкормить свинью, обыкновенно раздѣляющую жилище семьи. Нищета подавляетъ совершенно духъ въ этихъ несчастныхъ; трудность уплачивать откупъ вѣчно угрожаетъ имъ опасностью его лишиться; эти опасенія поглощаютъ всѣ ихъ заботы; въ хижинѣ и въ одеждѣ самая отвратительная неопрятность; въ нихъ убита всякая надежда на улучшеніе участіи, и на всякое увѣщаніе исправить или очистить что-либо, у нихъ одинъ отвѣтъ: «Вы пра-

вы, но к чему намъ это, мы такъ бѣдны» (*). Осмотрительности нѣтъ ни малѣйшаго слѣда: ежедневно образуются новыя семейства; дѣти рождаются съ удивительнымъ учащеніемъ; между-тѣмъ, отецъ и мать издергиваютъ на табакъ и *whiskey* (родъ хлѣбной водки) все, что могутъ урвать изъ выручки. Все семейство ходитъ въ лохмотьяхъ. Множество Ирландцевъ ежегодно переселяются въ Англію и Шотландію; но тамъ они встрѣчаютъ также излишекъ рукъ и присутствіемъ своимъ только усиливаютъ нищету. Общины (*communes*) безпрестанно заняты пересылкой ихъ то обратно въ Ирландію, то въ Новую Голландію. Ирландія снабжаетъ женщинами извѣстнаго разряда всѣ большия города великобританскаго королевства. Нигдѣ не совершаются такого множества преступленій противъ личности и собственности....

Можно себѣ представить какія бѣдственныя послѣдствія должно имѣть, посреди подобныхъ обстоятельствъ, вздорожаніе картофеля. Это случается однако, и нельзя не повторить вмѣстѣ съ *Бюромъ* (*): «Нѣтъ степени ниже обычной нищеты народа въ Ирландіи; она дошла до того, что ему извѣстна «одна только потребность: голодъ; одинъ только родъ «довольства: имѣть достаточно пищи чтобы предохранить себя отъ смерти. Тамъ всѣ бѣдные равно «и одинаково бѣдны: они всѣ едва могутъ промыс-

(*) Poor laws: ireland.-First report of George Nicholls p 10.

(**) Eug. Buret: *De la Misere des classes laborieuses en France et en Angleterre* T. I. p. 203 Paris, 1840. См. о томъ-жъ предметѣ краснорѣчивое сочиненіе Gust. de Beaumont: *de l'Irlande*; 2 vol. Paris, 1841.

«лить три фунта ломпера необходимые для ежедневнаго утоленія нуждъ пищеварительного органа.»

Въ Ост-Индіи, гдѣ продовольствіе народное основано на *рисъ*, изъ всѣхъ хлѣбныхъ растеній требующемъ наименѣе издержекъ добыванья, и гдѣ климатъ и религіозные обычаи пріучили народъ къ воздержности, задѣльная плата, вліяніемъ избытка населенности (какъ выше замѣчено) доведена до крайняго предѣла дешевизны, непостижимаго Европейцамъ. Въ этомъ положеніи, малѣйшій неурожай причиняетъ жестокія лишенія и во всѣ времена, какъ и нынѣ, Индія подвержена самымъ истребительнымъ голодицамъ (*).

109. ВЛІЯНІЕ КУРСА МОНЕТЫ НА ЗАДѢЛЬНУЮ ПЛАТУ.

Измѣненія въ курсѣ ходячей монеты имѣютъ на денежную задѣльную плату точно такое вліяніе какъ и перемѣны въ цѣнѣ необходимѣйшихъ продуктовъ, только въ обратную сторону. Повышаясь, курсъ монеты, въ которой состоитъ задѣльная плата, ее увеличиваетъ; понижаясь, онъ ее уменьшаетъ. Въ первомъ случаѣ, въ сословіи рабочемъ оказывается благосостояніе и привлекаетъ новыя руки, которыхъ соперничество стремится понизить денежную плату до ея необходимыхъ предѣловъ. Во второмъ, на противъ, работники терпятъ лишенія, пока задѣльная плата не повысится въ соразмѣрности съ упадкомъ въ курсѣ монеты.

(*) *Мальтусъ* приводитъ тому многіе примѣры въ своемъ *Essai sur la population* Т. II. р. 274 и 275. Всѣ подтверждаются описаніями новѣйшихъ путешественниковъ.

Отъ послѣдняго обстоятельства терпятъ не только простые работники, но и всѣ вообще лица, получающія деньгами задѣльную плату, а равномѣрно и кредиторы, живущіе денежными пенсіями. Оно рождаетъ также важные беспорядки, какъ мы замѣтили въ своемъ мѣстѣ (§ 75), во всѣхъ сдѣлкахъ и контрактахъ, на деньги вычисляемыхъ. Но всего болѣе цѣнопониженіе монеты влечетъ за собою бѣдствій и страданій въ низшихъ сословіяхъ, которыхъ задѣльная плата доведена соперничествомъ до ея крайняго предѣла. Мало по малу равновѣсіе между номинальною задѣльною платой и настоящею востановляется силою вещей, но переходъ сопряженъ почти всегда со множествомъ золъ невознаградимыхъ.

Въ отечественной исторіи можно указать поучительный примѣръ гибельныхъ послѣдствій внезапнаго пониженія въ ходячей монетѣ. «Въ царствованіе «Алексея Михайловича случился такой недостатокъ «въ деньгахъ, причиненный войною съ Польшей и «Швеціей, что Царь отнесся о займѣ къ венеціанскої республикѣ; но послѣдняя, занятая сама разорительною войной съ Турцией, принуждена была «отказать. Царь обратился къ другимъ средствамъ «для покрытія своихъ расходовъ, и указомъ 1657 г. «8 апрѣля повелѣлъ выбить первые рубли. Для сего «употреблены были иноземные талеры; ихъ перебивали новыми клеймами, которыми придавалась имъ «цѣна нарицательная, вдвое превышавшая настоящую. Ефимокъ превращался въ рубль, тогда-какъ «настоящій рубль стоилъ два ефимка. По тому-же

«указу выбивали новыя клейма на ефимкахъ для воз-
«вышенія ихъ цѣны въ торговлѣ отъ 50 копѣекъ до
«21 алтына и 2 денегъ или 64 копѣекъ» (*). «Ефимки
«же иностранные или т. наз. любскіе, безъ цар-
«скихъ клеймъ, принимались въ казну не иначе какъ
«по ихъ цѣнѣ настоящей, т. е. по 4 гривны (40 ко-
«пѣекъ)» (**).

«Въ томъ же году, видя что мѣра сія была недо-
«статочна, Царь Алексей Михайловичъ, по внуше-
«нію начальника денежнаго двора Федора Михайло-
«вича Ртищева, велѣлъ бить мѣдныя монеты, одной
«величины съсеребряными, которыми дано названіе
«полтинниковъ, алтыновъ, грошевиковъ, копѣекъ,
«и которыя велѣно принимать по цѣнѣ наравнѣ съ
«серебряными. Одни только иностранцы и жители
«Сибири изъяты были отъ этой обязанности» (***)». Вначалѣ, вѣроятно, этихъ мѣдныхъ нарицательныхъ монетъ было выпущено немного, и такъ-какъ онѣ принимались царскою казною въ уплату налоговъ, то могли пѣкоторое время обращаться наравнѣ съ серебряными. Но вскорѣ количество этихъ денегъ увеличилось безмѣрно, не только выпусками изъ денежныхъ дворовъ, но еще огромнымъ множествомъ поддѣльныхъ. По словамъ Круга, одинъ изъ поддѣльвателей выпустилъ ихъ на 120,000 рублей

(*) Бар. Шадуаръ. Обозрѣніе русскихъ денегъ.—См. русскій переводъ Ч. I, стр. 136 и 137.

(**) О Россіи въ царствованіе Алексея Михайловича: сказаніе Кожи-хина изд. 1840 г. стр. 78.

(***) Бар. Шадуаръ I, стр. 138. Немногіе образцы этой монеты со-хранились доселѣ въ музеумахъ.

серебромъ (*); а кромѣ того, много привезено изъ за-
границы. Государство быстро наводнилось этою монетой, которой курсъ скоро началъ понижаться (**), тѣмъ болѣе, что и сами серебряные ефимки, перебитые въ рубли, отнюдь не обращались по ихъ цѣнѣ нарицательной. Но такъ-какъ строго запрещено было считать иначе какъ рублями, то вездѣ оказалась огромная дороговизна.

«Крестьяне,» пишетъ современникъ Кожихинъ, «увидѣвъ такія въ одну пору худыя и дѣланыя «деньги, неровныя и смѣшаыя, непочали въ горо- «ды возить сѣна и дровъ и съѣстныхъ запасовъ,—и «почала быть отъ тѣхъ денегъ на всякия товары до- «роговъ великая. А служилымъ людемъ царское жа- «лованье давано полное, а они покупали всякие запа- «сы и харчъ и товары вдвое цѣною, и оттого у нихъ «въ году жалованья недоставало, и скудость почала «быть большая. Хотя о тѣхъ деньгахъ былъ указъ «жестокой казни, чтобы для нихъ товаровъ и запа- «совъ никакихъ цѣною не подвышати: однако на то «не смотрели» (***)».

Къ дороговизнѣ и нищетѣ скоро присоединилось народное волненіе. Въ Москвѣ распустились слухи,

(*) Круг См. С.-Пб. Нѣм. вѣдомости 1834 г. N 24, стр. 96.

(**) Изъ донесенія представленнаго Царю Алексею Михайловичу въ 1663 году видно, что въ декабрѣ 1661 г. на серебряный рубль давали 3 рубля мѣдныхъ; 1 сентября 1662 г. 8 руб. мѣдныхъ; 1 апреля 1663 г. 10, а 1 июня 1663 г. 15. Указомъ 1663 г. 10 июня отмѣнено дѣланіе этой монеты, и она выкуплена въ казну по копѣйкѣ серебромъ за рубль мѣдный.

(***) Сказаніе Кожихина стр. 77.

что большая часть фальшивыхъ мѣдныхъ денегъ выпущены самими боярами, къ Царю приближенными, и что эти бояре «замышляютъ московское «государство по губить и поддать польскому королю». Злоумышленники, по словамъ *Кожихина*, сами фальшивые монетчики, чтобы отвратить отъ себя гнѣвъ народный вездѣ прибивали «воровскіе листы» съ подобными наущеніями. Взволнованная чернь устремилась въ село Коломенское, гдѣ тогда находился Царь, и требовала смерти бояръ измѣнниковъ. На Москву между тѣмъ грабили домъ одного гостя Василія Шорина, который «собиралъ со всего государства пятую деньги» (вѣроятно державшій налоги на откупу). Въ мятеjhъ большей частью участвовали люди, наиболѣе терпѣвшіе отъ дороговизны всякого рода припасовъ. То были «люди торго-«вые и ихъ дѣти, и рейтары, и хлѣбники, и мясники, и пирожники, и деревенскіе и гулящіе и бояр-«скіе люди.» Для прекращенія смуты тщетно прибѣгали къувѣщаніямъ, и самъ Царь говорилъ рѣчь мятеjникамъ. Чтобы предохранить Москву отъ разграбленія надлежало употребить силу, и около 15,000 человѣкъ погибли въ казняхъ и въ стычкахъ съ Царскими стрѣльцами.

Описаніе этого плачевнаго события, которое совершилось въ 1663 году, ровно восемь лѣтъ спустя послѣ выпуска мѣдной нарицательной монеты, *Кожихинъ* заключаетъ слѣдующими словами: «И видя «Царь, что въ деньгахъ почало быть воровство велико, и много кровопролитія учинилося, и тѣ «мѣдныя деньги годъ отъ году подешевѣли, сперва

«ходили рубль противъ рубля, а потомъ почали ходить по 2, и по 3, и по 4, и по 5, и по 6, и по 7, «и по 10, и по 15, и по 17 рублей мѣдныхъ денегъ за серебряный рубль, а съ торговыхъ людей «и съ крестьянъ десятую и пятую деньги имали въ казну серебряными деньгами, а ратнымъ людемъ давали жалованье мѣдными деньгами, противъ того какъ прежь сего давано серебряными, и въ государствѣ серебряными деньгами учала быть скудость, а на мѣдныя было все дорого и многое помирали съ голоду: и умысля Царь, чтобы еще чего межъ людьми о деньгахъ не учинилось, велѣлъ тѣ мѣдныя деньги отставить и неторговать и приносить тѣ мѣдныя деньги въ свою царскую казну, на Москву и городѣхъ, и за рубль мѣдныхъ денегъ положено было платить серебряными по 10 денегъ (т. е. по 5 коп. сереб.). А кто мѣдныхъ денегъ не похочетъ давать въ царскую казну, и тѣмъ деньги велѣно сливать и передѣлывать въ котлы, и во что кто хочетъ; а кто учнетъ тѣ мѣдныя деньги держати деньгами, и имъ учиненъ быль заказъ подъ смертною казнью, потому что тѣхъ денегъ не посеребривали и не бѣлили и съ серебряными деньгами не мѣшали—и тѣ деньги убогие люди перемѣнивали, а богатые сливали. Также изъ царскія казны ратнымъ людемъ почали давать жалованье годовое и кормовыя деньги серебряными—и отъ того тѣмъ деньгамъ учинилось въ торговлѣ скончаніе» (*).

(*) Кожухинъ; стр. 83.

110. О РАЗЛИЧНЫХ СРЕДСТВАХЪ КЪ ОТВРАЩЕНИЮ ЧРЕЗМЪРНАГО УПАДКА ЗАДѢЛЬНОЙ ПЛАТЫ.

Неудобства, сопряженныя съ колебаніями задѣльной платы и, въ особенности, съ ея упадкомъ ниже крайнихъ предѣловъ естественныхъ, занимали и занимаютъ филантроповъ и экономистовъ. Всякій предлагаетъ свои средства для отвращенія столь жестокихъ золъ: но часто, увлекаемые благородствомъ цѣли и красотою ожидаемыхъ результатовъ, реформисты теряютъ изъ виду настоящія причины зла и слишкомъ мало принимаютъ въ соображеніе неумолимое вліяніе силы обстоятельствъ.

Покушались, и еще покушаются, во многихъ мѣстахъ подчинить задѣльную плату тарифу постоянному и неизмѣнному. Этимъ надѣются предохранить работниковъ отъ корысти предпринимателей, которые, говорятъ, видимо заинтересованы въ понижении задѣльной платы. Подобныя таксы явно противорѣчатъ экономическимъ законамъ, опредѣляющимъ цѣну труда рабочаго. Назначая одинакое возмездіе всѣмъ работникамъ какого-либо рода, онѣ поощряютъ нерадивость и лѣнность, въ ущербъ приложанію. Въ случаѣ вздорожанія продуктовъ первой необходимости, или уменьшенія въ предложеніи рукъ, онѣ обращаются противъ самихъ работниковъ, лишая ихъ возможности повысить цѣну своего труда. Напротивъ того, слишкомъ высоко опредѣленная такса труду, подрываетъ предпринимателей и, при-

нуждая производить въ убытокъ, ограничиваетъ производство, уменьшаетъ запросъ на руки и другимъ путемъ наносить неменѣ чувствительный вредъ рабочему сословію.

Многіе возставали противъ задѣльной платы урочной; называли ее махіавелической выдумкой предпринимателей, клонящейся къ совершенному истощенію силъ работника приманкою скучной прибавки. Но какъ не видѣть въ урочной платѣ одного изъ самыхъ существенныхъ поощреній труда искуснаго и прилежнаго, одного изъ выгоднѣйшихъ условій справедливаго распределенія возмездій. Чтобы убѣдиться въ томъ, что работа по урокамъ вполнѣ согласна съ интересами работниковъ, стбйтъ только распросить ихъ самихъ: одни развѣ лѣнивые, можетъ-быть, несознаются въ этой истинѣ.

Но главное заблужденіе лицъ, приписывающихъ корысти предпринимателей большую часть бѣдствій рабочаго сословія, заключается въ превратномъ разлученіи ихъ интересовъ, которые, напротивъ, все-го чаще сливаются силою обстоятельствъ. Задѣльная плата входитъ въ число издержекъ производства; увеличиваясь, она ихъ усиливаетъ; но что до того предпринимателю, если рыночная цѣна произведеній окупаетъ эти издержки, обезпечивая ему достаточную прибыль. Даже пониженіе рыночной цѣны не всегда измѣняетъ это отношеніе между интересами работника и предпринимателя: удешевленіе произведеній всегда усиливаетъ сбыты и, какъ мы уже замѣтили, предприниматель выигрываетъ не-

многимъ менѣе на каждомъ произведеніи, но въ сложности его прибыль значительно умножается. Если работникъ своимъ трудомъ можетъ достигнуть нѣкотораго удешевленія производства, уменьшивъ трату матеріала, или улучшивъ качество издѣлій безъ увеличенія издержекъ, предприниматель всегда охотно надбавитъ его плату. Во всякомъ случаѣ, онъ не имѣетъ никакой выгоды самъ стараться обѣ уменьшениі задѣльной платы; онъ знаетъ, что работники, за худую плату, худо работаютъ. Одна только крайность, какъ то: чрезмѣрное размноженіе предпріятій, запруженіе рынка, причиняющее слишкомъ значительный упадокъ въ цѣнахъ, можетъ побудить предпринимателя прибегнуть къ подобному средству. Даже при множествѣ праздныхъ рукъ, когда отъ воли предпринимателей зависитъ понизить задѣльную плату, отъ этого удерживаетъ ихъ личный интересъ. Такъ напр. въ Англіи, несмотря на чрезмѣрное соперничество между работниками, изъ которыхъ многіе не могутъ найти занятій, на большихъ фабрикахъ задѣльная плата прядильщиковъ и другихъ работниковъ не уменьшилась. На вопросъ о причинахъ этого явленія, фабриканты отвѣчаютъ: «мы находимъ, что небольшая экономія на задѣльной платѣ маловажна всравненіи съ удовлетворительностю работы; вотъ почему стараемся мы держать эту плату какъ можно выше, чтобы имѣть право требовать труда лучшаго качества. Прядильщикъ расчитываетъ на пару мюльженни, поручаемыхъ ему на фабрикѣ (*factory*), какъ на пожизненный доходъ; онъ

«всѣми силами старается сохранить свое мѣсто и поддерживаетъ высокую извѣстность нашей пра-
жї» (*).

Пониженіе задѣльной платы рѣдко оказывается вслѣдствіе соперничества между предпринимателями и работниками; оно причиняется соперничествомъ между самими работниками, которые подъ гнетомъ нужды предлагаютъ свой трудъ часто за безцѣнокъ. Ксчастію, интересъ препятствуетъ самимъ хозяевамъ воспользоваться столь тягостнымъ положеніемъ. Подобного охранительного вліянія лишены работники, которые занимаются на дому, и могутъ разматриваться какъ небольшіе предприниматели. Ткачи, чулочники и тюлевые мастера находятся въ этомъ положеніи, и этотъ классъ мастеровыхъ вездѣ наиболѣе терпитъ отъ цѣнопониженія труда. Въ Англіи, задѣльная плата прядильщиковъ и другихъ фабричныхъ работниковъ простирается до $9\frac{1}{2}$ шиллинговъ въ недѣлю (около 3 р. сер.), между-тѣмъ, какъ выручка ткачей не превышаетъ иногда 5 шиллин. (1 р. 56 коп. сер.), а чулочниковъ $6\frac{1}{2}$ шилл. (около 2 р. с.) (**). При столь скучномъ содержаніи, эти работники-хозяева находятся въ самой ужасной нищетѣ: «ихъ силы тѣлесныя разстроены, способности умственныя унижены и нравственность часто развращена. Тоскливые голодомъ, дурно помѣщенные, дурно одѣтые, съ лицемъ изможденныи, съ вѣчнымъ вы-

(*) Andrew Ure: *Philosophie des manufactures*. Paris 1836 Т. II. р. 136.
См. Примѣчаніе 14-е.

(**) An. Ure: *ibid.* Т. II, р. 48, 85 и 87.

«раженіемъ беспокойства, они являютъ зрелище са-
«мое плачевное» (*). У многихъ изъ нихъ семейства
не имѣютъ ни простынь, ни одѣяль и спать на гряз-
ной соломѣ. Подобной крайности отнюдь не под-
вергаются работники фабричные и, при слѣдствіи,
произведенномъ по приказанію парламента въ Ан-
гліи и Шотландіи, случаи нищеты, оказавшейся
между ними, почти всѣ надлежало приписать без-
порядочной и невоздержной жизни.

Внимая дурнымъ совѣтамъ, или по внушенію соб-
ственныхъ ложныхъ расчетовъ, работники иногда
образуютъ между собою *стачки* или *коалиціи*. Они
вдругъ оставляютъ работы и, на общихъ сходкахъ,
соглашаются требовать отъ предпринимателей, то
повышенія задѣльной платы, то уменьшенія рабо-
чихъ часовъ или уроковъ. Въ эти стачки одни завле-
каются добровольно, другіе силою, страхомъ мще-
нія, преслѣдованій. Законы государственные мо-
гутъ допустить коалиціи основанныя на убѣжденіи,
не угрожающія никакими безпорядками: нельзя вос-
претить работникамъ право, всякому принадлежа-
щему, совѣщаться о своихъ интересахъ; но когда ко-
алиція покушается на стѣсненіе свободы тѣхъ, кото-
рые не раздѣляютъ ея мнѣній; когда она позво-
ляетъ себѣ—что часто случается—посягать на ихъ
права личности и собственности, то нигдѣ власти
немогутъ терпѣть и не терпять подобнаго насиль-
ства.

(*) *Felkin: Rapport de la Commission des factories.* Нищета этихъ ма-
стеровыхъ должна быть частію приписана дешевизнѣ, съ которой
вырабатываются ихъ издѣлія на машинныхъ заведеніяхъ.

Впрочемъ, здѣсь дѣло идетъ не о степени законности, но объ экономическихъ результатахъ стачекъ, которымъ также нашлись защитники. Насилие всегда было и будетъ дурнымъ посредникомъ. Предприниматели не могутъ согласиться на требование работниковъ, подкрайпляемыя угрозами, не подвергнувъ себя ихъ частому повторенію. Они принуждены бывають прекратить производство, и въ этомъ прекращеніи заключается первая потеря для работниковъ. Блуждая безъ занятій, послѣдніе проживають небольшія сбереженія, какія успѣли накопить, и часто проматываютъ въ кабакахъ все жалкое достояніе своихъ семействъ. Многіе впадаютъ въ глубокое развращеніе нравственное; утрачиваютъ добрыя чувства; пріучаются къ лѣности и гульбѣ. Между-тѣмъ, предприниматели изъискиваютъ всевозможныя средства обойтись безъ ихъ помощи и, какъ замѣчаетъ *Беббеджъ* (*), коалиціи почти всегда служили поводомъ къ изобрѣтенію новыхъ машинъ. Своимъ упрямствомъ, работники сами себя лишали занятій, къ которымъ наиболѣе пріобрѣли навыка. *Юръ* (**) расказываетъ, что во время одного изъ этихъ плачевыхъ возстаній, въ Гайдѣ (Hyde), въ Стейле-Бридже (Stayley-Bridge) и въ другихъ мануфактурныхъ городахъ графствъ ланкастерскаго и ланаркскаго, многіе фабриканты, страшась совершенного паденія ихъ промысла, приѣгнули къ извѣстнымъ машинистамъ *Шарпъ и К°*. въ городѣ Манчестерѣ, съ просьбою примѣнить

(*) *Babbedge: Traité sur l'économie des machines.* Paris, 1834 р. 399—400.

(**) *And. Ure: ibid T. II, p. 137.*

изобрѣтательность ихъ товарища *Робертса* къ построенію автоматического станка мюльженни для избавленія ихъ предпріятій отъ постыдной зависимости и разоренія, имъ угрожавшихъ. Трудность задачи не остановила *Робертса* и, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, онъ произвелъ машину, которая казалось надѣленною мыслію, чувствомъ и осознаніемъ искуснаго работника. «Такимъ образомъ, «прибавляетъ *Юрѣ*, жезльзный человѣкъ, название по «справедливости данное работниками этой машинѣ, «вышелъ изъ рукъ новаго Прометея, по волѣ Минер- «вы; это изобрѣтеніе возстановило порядокъ въ ра- «бочихъ сословіяхъ и сохранило Великобританіи «первенство въ хлопчатобумажномъ дѣлѣ. Вѣсть о «рожденіи этого Геркулеса-прядильщика поразила «уныніемъ всѣ коалиціи и задушила въ самой колы- «бели гидру мятежа.»

Достойно примѣчанія, что коалиціи почти всегда образуются между работниками фабричными, получающими задѣльную плату сравнительно высокую. Сословія, наиболѣе терпящія отъ недостаточной заработка, рѣдко принимаютъ участіе въ этихъ возстаніяхъ. Для нихъ самое краткосрочное прерваніе работъ есть смертный приговоръ.

Крайность покупать по мелочи предметы своего потребленія, и въ особенности продовольствія, лишаетъ работниковъ той выгоды, которую находять люди достаточные, обращаясь къ оптовымъ торговцамъ. Они теряютъ на цѣнѣ и на качествѣ. Въ первую входить прибыль и часто весьма значительный барышъ мелочного торговца; послѣднее рѣдко бы-

ваетъ удовлетворительно. Для предохраненія себя отъ этого излишняго бремени и для улучшенія своего потребленія, работникамъ предстоитъ средство весьма существенное, и на которое справедливо указываютъ въ иныхъ сочиненіяхъ: оно заключается въ учрежденіи общихъ артелей, на подобіе тѣхъ, какія существуютъ между нѣкоторыми изъ нашихъ поденщиками, или складчины для покупки оптомъ, на общей счетъ, необходимѣйшихъ товаровъ и припасовъ. Артели наиболѣе удобны для людей холостыхъ, или для работниковъ, оставляющихъ на время свое обыкновенное мѣстопребываніе. Общіе магазины, если хорошо и честно управляются, могутъ оказывать важное пособіе людямъ семейнымъ: этимъ путемъ имъ представляется возможность покупать продукты дешевле и качествомъ лучше. Но сколь ни полезны подобныя учрежденія, не должно терять изъ виду, что онѣ подвержены злоупотребленіямъ и что лица, которымъ, изъ сре-ды себя, работники поручаютъ закупку припасовъ, ихъ храненіе и продажу, могутъ увлечься личной корыстью и принести ей въ жертву общіе интересы.

Предлагали предоставить снабженіе фабричныхъ всѣмъ нужнымъ, по умѣренной цѣнѣ, самимъ предпринимателямъ. Одинъ изъ новѣйшихъ романистовъ (*) изобразилъ въ картинѣ самой обольстительной заведеніе, устроенное на подобномъ основаніи. Примѣшивать поэзію къ существенности всегда опасно, и мы думаемъ, что много преувеличены

(*) Eugène Sue: *Juif errant*. См. Описаніе фабрики Г-на Гарди.

выгоды такого порядка вещей. Онъ предполагаютъ условія нравственности и человѣколюбія въ предпринимателѣ, условія шаткія и ненадежныя даже и тогда, когда бы находили себѣ опору въ его личномъ интересѣ. Безсомнѣнныя между ними нѣтъ противорѣчія и предприниматель всегда найдетъ выгоду въ привязанности и благодарности своихъ работниковъ. Но зачѣмъ требовать отъ людей столь многаго; зачѣмъ подчинять успѣхъ мѣры, столь важной, случайностямъ характера, воспитанія, обра-за мыслей? Взаимность интереса—вотъ, кажется, са-мое прочное и самое естественное основаніе обою-до-выгодныхъ сдѣлокъ между людьми. Но въ снабже-ніи работниковъ всѣмъ нужнымъ черезъ посредство предпринимателя или хозяина не видимъ достаточ-ныхъ элементовъ подобной взаимности. Интересъ работниковъ—получать по самой дешевой цѣнѣ сколь можно лучшаго сорта припасы: интересъ предпри-нимателя, хотя и связанный съ благосостояніемъ и здоровьемъ работниковъ, слишкомъ легко прекло-няетъ его искать барышей на снабженіи ихъ про-дуктами. Соглашаясь на подобныя сдѣлки, работни-ки не только не избѣгаютъ важнѣйшихъ неудобствъ различной торговли, но еще присоединяютъ къ нимъ самую тягостную зависимость. Опираясь на общиій порядокъ въ заведеніи предприниматель можетъ при-нуждать къ полученію части задѣльной платы не иначе какъ припасами, которые оцѣниваются имъ по произволу. Отъ этого остается одинъ только шагъ къ выдачу задѣльной платы въ самихъ произведеніяхъ фабрики, а слѣдовательно къ неудобствамъ еще

важнѣйшимъ. Выдержка изъ *Беббеджа* (*) всего лучше познакомить съ ними читателей:

«Работники, когда имъ платятъ товарами, или «когда они принуждены покупать вълавѣ хозяина, «бывають жертвою вопіющей несправедливости, ча- «сто влекущей за собою самыя гибельныя послѣ- «ствія. Какою бы цѣлью ни руководился хозяинъ вод- «воряя подобное обыкновеніе, оно всегда скрываетъ «отъ работника плату, получаемую имъ за трудъ, «а поэтому и должно быть отмѣнено. Задѣльная пла- «та должна всегда выдаваться монетой; работа, измѣ- «ряясь машиной: это судья безпристрастный..... «Плата заработка товарами есть сущее притѣсненіе. «Для покупки необходимыхъ вещей женѣ и дѣтямъ «своимъ, мастеровой принужденъ сперва прибрѣгнуть «къ обмѣну, потерять драгоцѣнное время на поспѣш- «ную продажу съ убыткомъ товара, который по нево- «лѣ взялъ въ цѣнѣ слишкомъ дорогой за свой трудъ.» Это замѣчаніе *Беббеджъ* подтверждаетъ выпиской изъ рапорта, представленного парламенту, по слу- чаю просьбы чулочныхъ фабрикантовъ. «Въ на- «шихъ городахъ, говоритъ одна изъ допрошенныхъ «особъ, платы деньгами стали такъ рѣдки, что мно- «гіе изъ моихъ сосѣдей принуждены были платить «товарами за покупку другихъ товаровъ: напр. они «платили сахаромъ за лекарства аптекарю и за ма- «теріи суконному торговцу; вообще для всякой рас- «платы прибрѣгали къ этой мѣнѣ натурой. Мнѣ хо- «рошо известно, что одинъ отецъ семейства дол- «женъ былъ заплатить полфунта сахару и одинъ

(*) *Traité sur l'Economie des machines*; p. 407—409.

«пфенингъ монетою за выдернутый зубъ. Мнѣ рассказывали даже, что гробокопатель получилъ уплату сахаромъ и чаемъ за вырытую могилу, и я «удостовѣрился въ истинѣ этого показанія. Гробокопатель сказалъ мнѣ, что нерѣдко получалъ уплату товарами, какъ и большая часть его собратій въ «другихъ городахъ.»

Средство, о которомъ наиболѣе писали и толковали въ послѣднее время, и отъ котораго ожидаютъ самыхъ благодѣтельныхъ послѣдствій, заключается въ товариществѣ между капиталомъ и трудомъ, т. е. между предпринимателями и работниками. «Наши «доводы,» говоритъ *Бюретъ* въ концѣ второй части своего сочиненія (*), въ которомъ довольно красно начертана картина нищеты и изложены ея послѣдствія, «достаточно убѣдили,—надѣемся—что главные опасности соперничества, для рабочаго сословія во всякой странѣ, проистекаютъ изъ безусловнаго (absolue) раздѣленія въ промыслахъ между «капиталомъ и трудомъ: соедините капиталъ и трудъ «въ одно общее товарищество, и соперничество «превратится въ силу благодѣтельную, въ начало «животворное.» Подобные же результаты приписываютъ товариществу всѣ другіе экономисты-соціалисты и на него явно намекаетъ самъ *Сисмонди* (**), глава этой секты.

Мысль совокупить узами товарищества предпринимателя и работника не есть новость. Она рож-

(*) *De la misère* T. II p. 436.

(**) См. *Nouveaux principes de l'Economie politique*. Paris 1838, и особенно въ главѣ IV 7-ї книги II-го Тома стр. 347. и слѣд.

дается изъ естественного соединенія въ одномъ и томъ-же лицѣ этихъ двухъ родовъ труда, на которое мы часто указывали, и на каждомъ шагу въ жизни общественной встрѣчаются подобные договоры. Въ такомъ случаѣ работникъ или вовсе не получаетъ собственно задѣльной платы, но условную долю въ прибыли, которая увеличивается всею разностью первой; или же получаетъ кромѣ задѣльной платы еще нѣкоторую долю изъ прибыли. Ни то, ни другое условіе не предохраняетъ работниковъ отъ упадка ихъ доли ниже необходимаго предѣла задѣльной платы.

Если они вступаютъ въ полное товарищество съ предпринимателемъ, то, по необходимости, раздѣляютъ всѣ риски предпріятія. Потери и убытки не падаютъ, какъ при обыкновенномъ договорѣ найма, на одного предпринимателя, который принужденъ во всякомъ случаѣ сполна выдавать задѣльную плату; известно, что въ банкротствахъ почти всѣ законодательства включаютъ этотъ долгъ предпринимателя въ первый разрядъ долговъ, т. е. такихъ, которые подлежатъ уплатѣ сполна прежде удовлетворенія всѣхъ прочихъ. Ничего подобнаго нельзя допустить вслучаѣ банкротства предпріятія, въ которомъ работники участвуютъ какъ товарищи: по строгости, они не только не имѣютъ никакого права на долю, имѣ слѣдующую, но подвергаются отвѣтственности всѣмъ своимъ имуществомъ. Легко усмотрѣть также, что при внезапномъ и крайнемъ пониженіи рыночной цѣны произведеній, то, что изъ ней приходится на долю работниковъ, за вычетомъ

капитала, процентовъ съ капитала, иногда поземельной ренты и, наконецъ, доли предпринимателя (хотя бы и самой умѣренной), можетъ быть весьма незначительнымъ и не соотвѣтствовать ихъ потребностямъ самимъ настоящимъ. Въ обыкновенномъ же порядкѣ вещей, прибыль предпринимателя можетъ уменьшаться, вовсе исчезнуть, самъ онъ понести убытокъ, но задѣльная плата, однажды опредѣленная условіемъ, неизмѣняется и работникъ нимало не терпитъ непосредственно отъ причинъ, часто разоряющихъ предпринимателя. Такъ прекращеніе сбытовъ и въ Англіи, и во Франціи, и вездѣ, всегда въ конецъ разоряло мелкихъ производителей, какъ то: ткачей, тюлевыхъ фабрикантовъ, чулочниковъ, тогда-какъ фабричные мастеровые, которымъ удавалось сохранить свое мѣсто, не теряли ничего, или весь мамало. Справедливость и здравый смыслъ не могутъ допустить товарищество, въ которомъ всѣ риски и убытки касались бы одного предпринимателя, работники-же всегда получали бы долю опредѣленную.

Говорятъ, что если подобную долю обеспечиваютъ въ видѣ процентовъ капиталисту, ссудившему свои фонды предпріятію, то почему бы не обеспечить ее человѣку, ссужающему свой трудъ? Поддерживать это возраженіе значитъ защищать обыкновенный договоръ найма, которымъ дѣйствительно обеспечивается неизмѣнная и безусловная доля труду.

Чтобъ выйти изъ этого круга, совокупляютъ обѣ системы и требуютъ обезпеченія работникамъ съ одной стороны опредѣленной задѣльной платы, съ другой, доли въ прибыли. Ихъ превращаютъ, нѣко-

торымъ образомъ, въ неполныхъ коммандитныхъ товарищет, для завлеченія или ободренія которыхъ иногда компаніи на-вѣрѣ обезпечиваютъ *minimum* процентовъ; это дѣлается и довольно часто: но въ такихъ случаяхъ опредѣленная задѣльная плата всегда бываетъ нѣсколько менѣе рыночной мѣры, и оно не можетъ быть иначе. Чтобы выдать долю работникамъ, предприниматель принужденъ уменьшить свою прибыль; но если его собственная доля, вліяніемъ соперничества или цѣнопониженія произведеній, сама достигла крайнихъ предѣловъ и даже понизилась за нихъ; если, напр., какъ это происходитъ нынѣ въ большихъ мануфактурныхъ городахъ западной Европы, онъ работаетъ единственно изъ за процентовъ съ капитала, ему принадлежащаго и употребленного на заведеніе, то трудно допустить возможность малѣйшаго выдѣла изъ прибыли столь уменьшенной;—и такъ, онъ принужденъ ее увеличить. Для этого нѣть иного средства, какъ уменьшить издержки производства; изъ нихъ же можно коснуться только задѣльной платы-потому, что всякое сокращеніе другихъ издержекъ (напр. введеніемъ какой-либо улучшенной машины), найдетъ немедленно подражателей, и соперничество понизитъ всоразмѣрности рыночную цѣну. Такимъ образомъ доля изъ прибыли, получаемая работниками въ подобныхъ товариществахъ, есть не что иное, какъ часть ихъ задѣльной платы. Она можетъ увеличиться вслучаѣ какихъ-либо особенно благопріятныхъ обстоятельствъ: безспорно; но можетъ также и уменьшиться и даже вовсе исчезнуть при обстоя-

тельствахъ неблагопріятныхъ. Если, напр. работникъ расчитывалъ на эту долю для накопленія себѣ достатка про-старость, онъ подвергается риску утратить его невозвратно.

Приверженцы этого рода товариществъ безпрестанно указываютъ на богатство и роскошь предпринимателей-капиталистовъ, и на бѣдность и лишенія работниковъ. Не нужно ихъ картинъ, ихъ краснорѣчивыхъ выходокъ, чтобы убѣдить всякого въ важномъ преимуществѣ людей, которыхъ трудъ опирается на значительные, капиталы принадлежащіе имъ въ собственность, и на старательное образованіе, предъ людьми, имѣющими однѣ только руки и не получившими вовсе никакого образованія, кроме навыка. Первые будутъ всегда располагать средствами, которыхъ лишены послѣдніе, всегда менѣе зависѣть отъ обстоятельствъ, и, въ производствѣ, ихъ доля всегда будетъ значительнѣе. Если вы желаете помочь этому роковому неравенству, отнести часть достатка богатѣйшихъ на поддержание бѣднѣйшихъ, то дѣйствуйте на благородныя чувства первыхъ; старайтесь возбудить въ нихъ состраданіе, наклонность къ благотворительности, любовь къ ближнему; пытайтесь возвести благодѣянія на степень потребности, живѣйшаго наслажденія, побудить къ принесенію въ жертву имъ другихъ удовольствій; все, что вы сдѣлаете для достиженія этой цѣли, будетъ хорошо сдѣлано, похвально и полезно. Но не увлекайтесь вашимъ рвениемъ до ниспроверженія естественныхъ законовъ человѣчества: страшитесь выйти изъ круга права собственности.

и самыхъ простыхъ внушеній здраваго смысла.

Всякая мѣра, стремящаяся силой принудить предпринимателя къ выдачѣ работникамъ доли, превышающей рыночную задѣльную плату, противна основному закону присвоенія, безъ котораго не можетъ быть общества, потому-что не можетъ быть порядка общественнаго. Всевозможные упреки, возгласы, увѣщанія и совѣты, для достиженія той-же цѣли, противны здравому смыслу, потому-что всѣ переводятся для предпринимателя словами *банкротство и разореніе*. Повысить задѣльную плату, какимъ бы то ни было путемъ, значитъ увеличить издержки производства; но, если рыночная цѣна произведеній не повышается всоразмѣрности, то это значитъ заставлять производить въ убытокъ, вгонять въ несостоятельность. Какой же предприниматель разсудительно подпишетъ себѣ смертный приговоръ, ускорить собственное разореніе для минутнаго поддержанія нѣкотораго числа работниковъ.

Что-же касается до прибыли, какую получаетъ предприниматель-капиталистъ, и изъ которой думаютъ товариществомъ выкроить столь обильную долю работникамъ, не забудемъ, что тамъ, гдѣ наиболѣе оказалось зла, она едва представляетъ рыночные проценты съ капитала, которымъ дышутъ какъ предпріятіе такъ и сами работники. Въ Англіи нынѣ едвали можно основать фабрику, и даже земледѣльческія предпріятія, безъ помощи своихъ собственныхъ капиталовъ; рвеніе, съ которымъ разбираются тамъ акціи самыхъ невѣрныхъ компаний анонимныхъ и коммандитныхъ, не служить ли тому дока-

зательствомъ? Англійскіе капиталы встрѣчаются уже во множествѣ предпріятій иностранныхъ, какъ на материкѣ Европы такъ и въ другихъ частяхъ свѣта. Мѣра, которая подчинила бы предпринимателей отчужденію части ихъ настоящихъ прибылей, по всему вѣроятію отвратилась бы отъ образованія новыхъ предпріятій, прекратила бы многія изъ существующихъ, изгнала бы множество капиталовъ изъ Англіи, уменьшивъ запросъ на руки, нанесла бы еще новый чувствительный ударъ рабочей населенности.

Устранивъ преувеличенія, согласимся однако, что начало товарищества, въ какомъ бы видѣ ни осуществлялось, всегда представляетъ полезную сторону. Работники, связанные узами общаго интереса съ хозяиномъ, болѣе принимаютъ участія въ успѣшномъ ходѣ производства, болѣе приносятъ прилежанія и рачительности. Товарищество благопріятствуетъ также сбереженьямъ: не получая своей задѣльной платы сполна, работникъ можетъ расчитывать на долю, ожидающую его подъ конецъ года, какъ на резервъ; онъ можетъ помѣщать ее на сложные проценты въ сберегательныя кассы и удобнѣе откладывать небольшой запасъ для преклонныхъ лѣтъ. Но эти благодѣтельные результаты товарищества не выходятъ изъ круга лицъ, участвующихъ въ подобныхъ договорахъ. Развѣ существуетъ хотя малѣйшее отношеніе между ними и событиями, причиняющими на рынкахъ общественныхъ застои и загроможденія, которыхъ мы коснулись выше? Развѣ они предупреждаютъ размноженіе рукъ, ввергающее работниковъ въ гибельное соперничество? или

обеспечиваютъ содержаніе людямъ лишеннымъ занятій? Знаменитый соціалистъ *Робертъ Овенъ* (*), помошью особенной системы товарищества между работниками и самыхъ щедрыхъ пожертвованій, поглотившихъ его огромную фортуну, успѣль превратить, на время, развращенное скопище бродягъ и воровъ въ колонію образцовую по порядку и благо-денствію. Въ этомъ углу англійского королевства, т. наз. Нью-Ланаркъ, онъ осуществилъ все, что считается наиболѣе полезнымъ для улучшенія участіи работниковъ, и артели, и общіе магазины, и участіе въ прибыли, и госпитали всегда открытые для больныхъ, и школы всегда готовыя для дѣтей и взрослыхъ. Ему удалось водворить тамъ возможное благо-денствіе; но подъ стѣнами Нью-Ланарка, въ его живописныхъ окрестностяхъ, отъ этого не закрылась язва пауперизма. Предположите двадцать, сорокъ, сто Нью-Лонарковъ и столько же Р. Овеновъ, готовыхъ пожертвовать своею фортуною для счастья ближняго, и вы все-таки не затянете этой язвы, не найдете занятій рукамъ излишнимъ и, обеспечивъ изобиліе и спокойствіе однимъ въ стѣнахъ вашихъ *фаланстерій* (**), съ горестью увидите свое безсиліе предохранить отъ голодной смерти другихъ, не успѣвшихъ проникнуть въ эти стѣны.

Повторяемъ, товарищество между предпринимателями и работниками есть вещь весьма полезная и

(*) См. опис. этого заведенія въ сочиненіи *L. Reybaud. Etudes sur les réformateurs ou socialistes modernes* T. I, стр. 151 и съд.

(**) Фуріеристы означаютъ этимъ названіемъ свои общиныя заведенія для производства и потребленія.

одно изъ самыхъ благоදтельныхъ учрежденій; но напрасно ему приписываютъ могущество, котораго оно не имѣтъ. Оно не всостояніи превратить соперничество, въ «силу благодѣтельную, въ начало «жизни», потому-что не всостояніи уничтожить, ни даже отклонить причины, превращающія это соперничество въ источникъ бѣствій и въ начало смерти. Если этотъ видъ товарищества клонится къ уничтоженію самого соперничества, какъ то было во времена корпорацій, промышленыхъ общинъ и цеховъ, то оно не только не можетъ разматриваться какъ учрежденіе благодѣтельное, но какъ самое несправедливое и невыгодное стѣсненіе труда производительного (§ 35) впользу ограниченнаго числа монополистовъ.

Во многихъ случаяхъ, работники образуютъ товарищества между собой. Цѣль подобныхъ соединеній бываетъ весьма различная. Она противна порядку общественному и пагубна для самихъ работниковъ, когда состоить въ насильственномъ повышеніи задѣльной платы, помошію стѣсненія личной свободы другихъ работниковъ, не пристающихъ добровольно къ стачкѣ или коалиціи. Она притѣснительна и несправедлива, когда товарищество образуется между старыми работниками, для обложенія временною пошлиной новыхъ, поступающихъ на фабрику, подъ предлогомъ ихъ обученія. *Беббеджъ* приводить нѣсколько примѣровъ подобныхъ соглашеній. Она можетъ быть весьма полезною, когда имѣетъ въ виду удешевленіе и улучшеніе потребленія рабочихъ людей. Она всегда благодѣтельна, когда

стремится къ образованію общаго фонда, для поддержанія больныхъ и престарѣлыхъ изъ нихъ, или для доставленія средствъ существованія во время принужденной праздности, или, наконецъ, для обеспеченія работнику небольшого запаса подъ-старость. Общества взаимнаго страхованія (§ 102) принадлежать къ числу подобныхъ учрежденій. Все, что было писано и говорено для поощренія такого рода товариществъ въ трудовомъ сословіи заслуживаетъ полнаго одобренія науки и должно разматриваться какъ одна изъ немногихъ существенныхъ мѣръ облегчительныхъ, предложенныхъ противъ пауперизма.

Что-же касается до промышленныхъ товариществъ, въ которыя вступаютъ иногда работники, принося каждый съ своей стороны свой трудъ и свои сбереженія, или по-крайней мѣрѣ, свои орудія, то по сущности онѣ мало отличаются отъ обыкновенныхъ товариществъ между предпринимателями, или т. наз. компаний (§ 98 и 99). Подобныя предприятия управляются общимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ или совѣтомъ; каждый работникъ есть въ тоже время акціонеръ и, кромѣ задѣльной платы разъ на всегда опредѣленной, получаетъ еще дивидендъ изъ прибыли. Весьма выгодное помѣщеніе представляютъ этого рода товарищества сбереженіямъ работниковъ; но отъ нихъ мало пользы тѣмъ, которые не успѣли еще ничего накопить. Мысль раздѣлить общество на два лагеря: въ одинъ обратить всѣхъ людей трудовыхъ, въ другой всѣхъ капиталистовъ, и принудить послѣднихъ ссудить свои капиталы первымъ, эта мысль, которую такъ часто выста-

вляли на видъ, не имѣть ничего существеннаго. Капиталисты не находятся въ столь крайнемъ положеніи какъ мастеровые; они могутъ ждать и, пока рѣшатся довѣрить свои фонды работникамъ, послѣдніе успѣютъ умереть съ голоду. Ктому-же, подобная система неминуемо привела бы къ тѣмъ-же результатамъ, какъ и прежній порядокъ вещей, и отнюдь не предохранила бы отъ гибельныхъ событій, которымъ можно приписать настоящія причины зла. Между самими работниками возникли бы интересы противные такому устройству промышленности: для этого довольно было бы образованія въ ихъ собственномъ кругу капиталовъ болѣе или менѣе значительныхъ, неговоря уже о деспотическихъ требованіяхъ нужды.

Обычное *адажіо* разлученія труда отъ капитала, нигдѣ не оправдывается на дѣлѣ. Вездѣ, когда задѣльная плата повышается, почти всегда увеличиваются и прибыль предпринимателя и самые проценты капиталиста. На всѣ эти доходы равно благопріятно дѣйствуетъ оживленіе промышленности. Тамъ-же, гдѣ, напротивъ, оказываются обстоятельства неблагопріятныя ея успѣхамъ, задѣльная плата понижается; но еще быстрѣе упадаетъ прибыль. Если есть разлученіе, то не между интересами предпринимателей и работниковъ, но между ихъ нравами, ихъ образомъ жизни, а иногда и мыслей. Противъ этой раздѣльности, можетъ-быть слишкомъ глубокой, и имѣющей неудобства ей свойственныя, нельзя дѣйствовать иначе, какъ путемъ образованія народнаго. Распространяя въ рабочихъ сословіяхъ болѣе здравыхъ понятій о вещахъ, болѣе добродѣ-

телей гражданскихъ и домашнихъ, всегда можно существенное действовать противъ пауперизма, не жели развивая въ нихъ превратныя понятія о мнимомъ противорѣчіи между ихъ интересами и интересами сословія, употребляющаго ихъ трудъ. Въ подобныхъ совѣтахъ, хотя и менѣе, нуждаются также предприниматели: обращенію слишкомъ холодному, въ иныхъ случаяхъ слишкомъ сурвому, дурно скрытому и всегда несправедливому презрѣнію они безъ сомнѣнія должны приписывать часть того ожесточенія, съ какимъ работники упрекаютъ ихъ въ своихъ несчастіяхъ.

III. О ТРУДЪ ЖЕНЩИНЪ И ДѢТЕЙ.

Законъ природы вмѣняетъ въ обязанность отцу семейства заботиться о снабженіи его всѣмъ необходимымъ: на томъ-же законѣ основано содѣйствіе, предлагаемое ему, по возможности, другими слабѣйшими членами семейства. Они также должны нести свою долю заботъ и труда, и общими силами стремиться къ обеспеченію общаго благосостоянія. Во всѣхъ положеніяхъ жизни, человѣкъ находитъ въ женѣ не только подругу, которой любовь услаждаетъ дни его, но также помощницу, которой трудъ и попеченія облегчаютъ бремя усилий, на немъ лежащее. Пока занятія увлекаютъ его изъ подъ кровя семейнаго, жена остается для домашняго хозяйства, для сохраненія чистоты и порядка въ жилищѣ и въ одѣждѣ; для приготовленія пищи, которую мужъ найдетъ на столѣ по возвращеніи съ тяжкой работы; для попеченія о малолѣтныхъ дѣтяхъ. Дѣти въ

свою очередь, когда начинаютъ приходить въ силу, сперва помогаютъ матери и, мало по малу, по мѣрѣ какъ возврастаютъ ихъ потребности, принимаютъ болѣе участія въ семейномъ трудѣ; дочери занимаются рукодѣльемъ подъ присмотромъ матери, сыновья сопровождаютъ отца на работу.

Варварство превращаетъ естественную зависимость жены и дѣтей отъ отца семейства въ самое гнусное и отвратительное рабство: у дикихъ, жены стоятъ на степени выочныхъ животныхъ; они исправляютъ работы самыя тяжкія и отнюдь неприличные ихъ полу; подобное же подавленіе слабѣйшаго пола непріятно поражаетъ въ низшихъ сословіяхъ иныхъ народовъ образованныхъ. Право жизни и смерти надъ дѣтьми, которое обычай предоставляетъ отцамъ въ дикомъ племени или въ кочующей ордѣ, и которое признавалось законами римскими, изчезло въ законодательствахъ европейскихъ; но сколь часто встрѣтимъ еще родителей загрубѣлыхъ въ невѣжествѣ и жестокосердіи, обрекающихъ своихъ дѣтей на преждевременную смерть или на жалкое и болѣзненное существованіе, — неминуемыя послѣдствія то дурного обхожденія, то работъ, изнуряющихъ силы ихъ, еще не созрѣвшія.

Государство, обеспечивая личность всѣхъ людей, безъ различія пола и возраста, живущихъ подъ кровомъ его законовъ, не можетъ оставить слабыхъ женщинъ иещеслабѣйшихъ малолѣтнихъ дѣтей безъ защиты противъ насилия и корысти отцовъ семейства, забывающихъ свой настоящій долгъ. Во всѣхъ новѣйшихъ законодательствахъ, у образованныхъ на-

родовъ, существуютъ постановленія, угрожающія наказаніями за жестокое обращеніе съ дѣтьми. Жена, оскорбленная поведеніемъ мужа, его грубымъ и притѣснительнымъ обхожденіемъ, можетъ воззвать къ правосудію: есть законы положительно защищающіе ея слабость. Но ни справедливость, ни даже необходимость подобныхъ постановленій не можетъ укрыть отъ опытнаго глаза неудобства, съ ними со-пряженныя: слишкомъ строго примѣняемыя, онъ могутъ поколебать важное учрежденіе власти отцовской, и законодатель, полагая границы послѣдней, вездѣ принужденъ прибѣгать къ другимъ средствамъ для ея поддержанія; такъ напр. не принимаются никакъ прямыя показанія, ни жалобы дѣтей на родителей; мѣстнымъ властямъ вмѣняется въ обязанность сколь можно менѣе, и не иначе какъ въ особенной крайности, вмѣшиваться въ домашнія отношенія семействъ. Съ другой стороны, даже со всею строгостью соблюдаемыхъ, онъ вовсе не достаточны для достиженія предположенной цѣли: подъ ихъ вліяніемъ, заслуженная кара постигаетъ виновныхъ, но отнюдь не улучшается участъ притѣсняемыхъ; напротивъ, взаимная ненависть поселяется между членами семейства, и превращаетъ эти священные узы въ самыя жестокія и нестерпимыя цѣпи. Избѣгая, и то не всегда, притѣсненій материальныхъ, слабѣйшіе изнемогаютъ въ этой борьбѣ подъ бременемъ, не менѣе тяжкимъ, преслѣдований нравственныхъ.

Отъ однихъ только успѣховъ образованія умственнаго и религіознаго можно ожидать результатовъ, къ которымъ всегда тщетно будетъ стремиться сила и

бичъ закона: они-то облагороживаютъ и возвышаютъ естественныя узы семейныя, возводятъ этотъ союзъ на степень достойную существа свободно-разумнаго. Благодаря имъ, женщины, изъ рабынь подавленныхъ презрѣніемъ, изъ жалкихъ затворницъ, уныло несущихъ иго унизительной зависимости, превратились въ лучшее украшеніе нашихъ обществъ; во всѣхъ состояніяхъ снискали равенство правъ гражданскихъ; приняли дѣятельное участіе въ развитіи образованности европейской, въ которую внесли элементы граціи, или, какъ выразился одинъ изъ нашихъ професоровъ (*), элементы женскости, смягчившіе то, что было слишкомъ мужественного и грубаго въ нравахъ. Благодаря имъ, въ кругу домашнемъ, въ кругу житейскомъ, владычество перешло изъ рукъ пола сильнаго, въ руки пола слабѣйшаго, который наконецъ признанъ поломъ прекраснымъ. Эта счастливая перемѣна, одна изъ самыхъ блестательныхъ побѣдъ начала нравственности, всего болѣе оказалась въ высшихъ слояхъ общественныхъ; но ея вліяніе проникло, и безпрестанно проникаетъ, и въ слои низшіе. Она вездѣ сопутствуетъ просвѣщенію христіанскому, и вездѣ о степени его можно судить по состоянію женщинъ, по уваженію, которымъ онѣ пользуются, по мѣсту, какое онѣ занимаютъ въ быту семейномъ (**).

(*) А. В. Никитенко. О творящей силѣ въ поэзіи, стр. 26 С. Пб. въ типogr. Смирдина.

(**) Шевалье неоднократно замѣчаетъ, что въ сѣверо-америк. Соедин. Штатахъ женщины во всѣхъ состояніяхъ пользуются лучшимъ обращеніемъ нежели въ Европѣ. См. *Lettres sur l' Amérique du Nord.* Т. II. стр. 211, 280, 493 и прим. 67-8.

Тамъ, гдѣ женщина обременена тяжкими работами; гдѣ она терпить отъ грубаго обращенія; гдѣ является не хозяйкой дома, не подругой мужа, но его служанкой или рабой, не ищите слѣдовъ просвѣщенія ни умственнаго, ни религіознаго: тамъ господствуютъ нравы загробные въ невѣжествѣ и порокахъ.

Религія христіанская всего лучше также внушаетъ родителямъ здравыя понятія объ ихъ долгѣ въ отношеніи къ дѣтямъ. Она побуждаетъ ихъ заботиться столько же о состояніи ихъ тѣла, сколько и души; не объ одномъ предохраненіи ихъ отъ голода, жажды и непогоды, но и нравственномъ ихъ образованіи; о развитіи въ нихъ сколь можно здравыхъ понятій о вещахъ; объ удаленіи отъ нихъ опасныхъ и дурныхъ привычекъ. Исполненіе этого долга, священнаго предъ Богомъ и человѣками, не подлежитъ никакимъ условіямъ: если одни только люди богатые могутъ давать своимъ дѣтямъ воспитаніе роскошное, надѣлять ихъ познаніями разнообразными, и развивать въ нихъ множество дарованій природныхъ, то напротивъ всѣ, бѣдные какъ и богатые, всостояніи сдѣлать изъ своихъ дѣтей людей честныхъ и добронравныхъ. По самой сущности его, образованіе религіозное равно доступно всѣмъ членамъ общества. Гдѣ люди внимаютъ совѣтамъ религіи; гдѣ ея путемъ разлилось въ народѣ просвѣщеніе простое, но благотворное, тамъ родители заранѣе пріучаютъ дѣтей къ труду, пріобщаютъ ихъ къ своимъ работамъ, какъ естественныхъ помощниковъ, а не какъ жалкія и безответственные орудія. Же-

ланію извлечь изъ ихъ труда наиболѣе выгоды они не жертвуютъ ихъ здоровьемъ, ихъ будущимъ счастьемъ, ихъ жизню.

Въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ государствахъ Европы совершились событія, придавшія вопросу о труде женщинъ и дѣтей особенную важность экономическую. Вслѣдствіе примѣненія механическихъ средствъ и раздѣленія занятій ко множеству промысловъ, многія работы упростились и облегчились; многія другія возникли собственно для дѣятелей слабыхъ. И въ тѣхъ, и въ другихъ, какъ самый родъ занятій, такъ и соперничество побудили предпринимателей употреблять предпочтительно женщинъ и дѣтей, которыхъ задѣльная плата по необходимости слабѣе платы людямъ взрослымъ. Она слабѣе, потому-что содержаніе этого рода работниковъ обходится дешевле; малолѣтній менѣе потребляетъ чѣмъ взрослый; потребленіе женщины превышаетъ потребленіе малолѣтнаго, но не можетъ сравняться съ потребленіемъ мушки; кому-же, какъ малолѣтній, такъ и женщина могутъ разсматриваться какъ отрывокъ одного цѣлаго—рабочаго семейства, и ихъ доли частью входятъ въ составъ задѣльной платы отца. Съ другой стороны, ихъ трудъ по необходимости менѣе цѣнится нежели трудъ взрослого мушки, потому-что менѣе производить, или предполагаетъ менѣе навыка и искусства.

Въ самомъ фактѣ созданія занятій для слабѣйшихъ членовъ рабочаго семейства, не только нѣтъ ничего предосудительного, но даже нельзѧ не открыть

стороны благодѣтельной. Къ выручкѣ отца присоединяется выручка жены и дѣтей; послѣдняя окупаетъ, нѣкоторымъ образомъ, ихъ содержаніе и позволяетъ находить въ первой болѣе средствъ для улучшенія домашняго быта. Малолѣтные пріучаются къ работе, и въ особенности къ ремеслу отцовскому, и тѣмъ самыемъ предохраняются отъ вредныхъ послѣствій праздности. Жена, правда не можетъ блюсти за хозяйствомъ домашнимъ, когда проводитъ большую часть дня на фабрикѣ; но это неудобство, безсомнѣнья одно изъ важнѣйшихъ, какъ увидимъ далѣе, вознаграждается приращеніемъ дохода и, ктому-же, можетъ быть много уменьшено соблюденіемъ нѣкоторыхъ условій. Оно вовсе не существуетъ, когда работа, поручаемая женшинѣ, можетъ отдаваться ей на домъ.

Въ злоупотребленьяхъ, которымъ подвергнулся этотъ обычай, обѣщавшій, казалось, рабочей населенности однѣ только выгоды, надлежитъ тщательно отличать тѣ, которыя могутъ быть приписаны предпринимателямъ, отъ тѣхъ, въ которыхъ виноваты сами работники.

Разсуждая о промышленности вообще и о каждой вѣтви ея въ отдѣльности, мы убѣдились въ необходимости согласить ихъ производство съ возможной безопасностью для населенности, какъ внѣ, такъ и внутри заведенія; мы указали сколь много это важное условіе зависитъ отъ внутренняго устройства мастерскихъ, отъ свойства орудій, машинъ и способовъ, въ нихъ употребляемыхъ. Предохраненіе малолѣтнихъ противъ опасныхъ газовъ и испаре-

ній, противъ металлической пыли на булавочныхъ и игольныхъ заводахъ, противъ растительныхъ волоконъ въ хлопчато-бумажномъ и линяномъ дѣлѣ, противъ изуродованія ихъ тѣлосложенія насильственными положеніями, которыхъ требуетъ ходъ иныхъ машинъ; противъ изнутрительного свойства нѣкоторыхъ работъ,—принадлежать къ разряду подобныхъ соображеній. Не заботясь объ отвращеніи такихъ опасностей, угрожающихъ всѣмъ работникамъ въ заведеніи, предприниматель виновенъ предъ обществомъ, но его виновность усугубляется когда зло постигаетъ населенность еще юную, не созревшую, которая должна заступить мѣсто поколѣнія, ее породившаго, и въ свою очередь породить поколѣніе, за нею грядущее. Государство вправѣ подвергать строгой отвѣтственности предпринимателей, допускающихъ, по небрежности или изъ видовъ корыстныхъ, подобное искаженіе племени народнаго, преждевременно истощающихъ болѣзнями тѣлесныя силы сословій, въ которыхъ наиболѣе нуждается отечество для производства работъ, и отъ которыхъ оно ждетъ защиты въ минуты опасности. Во Франціи, гдѣ можетъ-быть менѣе чѣмъ гдѣ-либо предприниматели заботятся объ уздравленіи мастерскихъ, и гдѣ многого употребляется малолѣтнихъ, изъ 6000 конскриптовъ едва 3000 соединяютъ въ себѣ необходимая условія здоровья и тѣлосложенія, чтобъ итти подъ знамена. Въ 1824 году среднее число браковавшихъ конскриптовъ не превышало еще 25 на 100 (*). Военный министръ маршалъ Сульть въ

(*) Eug. Buret: *De la misère etc.* T. I. p. 360 и 361.

послѣдніе годы не разъ объявлялъ на трибунѣ палаты депутатовъ, что въ мануфактурныхъ округахъ едва можетъ принять одного изъ 25 и даже 50 конскриптовъ.

Общество вправѣ требовать также отъ предпринимателя, употребляющаго значительное множество работниковъ различного возраста и пола, чтобы занятія въ его мастерскихъ и сами мастерскія были распределены сколь можно благопріятнѣе для сохраненія нравственности; чтобы соблюдалось разделеніе половъ, или чтобы содержался приличный надзоръ тамъ, гдѣ свойство работъ не допускаетъ подобнаго разделенія. Оно можетъ воспротивиться вмѣненію въ обязанность малолѣтнимъ работникамъ условій, противныхъ успѣхамъ образованія умственнаго и нравственнаго, какъ то: неходить въ школы, не посещать церкви, не слушать родителей; также принужденію или завлеченію женщинъ приманкою платы, въ работы неприличныя ихъ полу. Оно можетъ побудить предпринимателя къ наблюденію за тѣмъ, чтобы малолѣтные, и въ особенности молодыя девушки, работали передъ глазами и такъ сказать подъ надзоромъ самихъ родителей.

Всякая мѣра правительственная, которой цѣлью споспѣшествовать огражденію нравственнаго и тѣлеснаго здоровья малолѣтнихъ противъ нерадѣнія предпринимателей, не стѣсняя въ то же время хода промышленности, будетъ всегда мѣрой благодѣтельной и полезной.

Напрасно однако упрекали предпринимателей въ изнуреніи малолѣтнихъ трудомъ слишкомъ продол-

жительнымъ, и въ пренебреженіи ихъ образованіемъ. Кого винить въ томъ, какъ не самихъ родителей или, пожалуй, горестный порядокъ вещей, съ одной стороны удручающій послѣднихъ нуждою, съ другой, лишающій ихъ средствъ къ собственному образованію. Дѣти не сами нанимаются къ предпринимателямъ: онъ состоять подъ властью родителей, которые заключаютъ условія найма, не спрашивая ихъ согласія. Часто въ задѣльную плату работника взрослаго входитъ плата за мальчика или дѣвочку, нанимаемыхъ имъ для подмоги: такъ поступаютъ на прядильныя фабрики малолѣтки, употребляемые для связыванья порвавшихся нитей, для кардной работы, для подметанія пыли и охлопьевъ. Кто лучше отца и матери можетъ знать силы ребенка, котораго иногда съ восьми лѣтъ, и даже ранѣе, начинаютъ гонять на работу? Чье сердце должно страдать отъ утомленія членовъ, столь еще юныхъ, работою, которая продолжается 12, 14 и даже 17 часовъ сряду, приуждая дитя къ неподвижности и вниманію, столь мало свойственнымъ его возрасту? Юръ (*), посвятившій свою жизнь наблюденію мануфактуръ, замѣчаетъ, что рѣдко видѣлъ фабрикантовъ, не только поощрявшихъ, но даже терпѣвшихъ дурное обхожденіе съ дѣтьми. Напротивъ, часто случалось ему видѣть, какъ безчеловѣчные родители не стыдились побоями принуждать малолѣтныхъ къ труду усиленному, на урочномъ положеніи состоящему.

Нигдѣ злоупотребленіе труда слабѣйшихъ членовъ семейства не простидалось до степени ужас-

(*) And. Ure: *Philosophie des manufactures* T. II.

нѣе той, какую изслѣдованія комисіи, наряженной парламентомъ великобританскимъ, открыли въ каменоугольныхъ копяхъ съверной Англіи и Шотландіи. Отчетъ комисіи (*), обнародованный въ началѣ 1842 года, наполненъ подробностями, для яснаго выраженія которыхъ она принуждена была прибѣгнуть къ рисункамъ. При чтеніи и при видѣ этихъ подробностей содрогается сердце, наиболѣе привыкшее къ зрѣлищу бѣдствій человѣческихъ. «Вездѣ онѣ устрашили и возмутили умы. Свѣтъ «вдругъ узналъ, что Великобританія, эта страна, «столь гордая своимъ богатствомъ, своимъ могуще-«ствомъ и своею образованностию, содержитъ племе-«на работниковъ, близкія по ихъ униженію нрав-«ственному, по ихъ бѣдности къ состоянію дикарей. «Подземныя работы, эти работы лишенныя возду-«ха, не оживляемыя лучемъ солнечнымъ, часто про-«должались съ шести часовъ утра до десяти ча-«совъ вечера. Оба пола участвовали въ нихъ въ са-«момъ беспорядочномъ смѣшеніи; дѣти спускались «въ рудники съ самого ранняго возраста; часто да-«же туда не допускали другихъ работниковъ. Обы-«кновенно взрослые, съ заступомъ или ломомъ въ «рукахъ, откалывали уголье въ галереяхъ; женщины, «и дѣти моложе десяти лѣтъ, съ ремнемъ вокругъ «поясницы, перетаскивали вагоны, нагруженные «угольемъ, до отверстія шахтъ, ползя на рукахъ и «колѣнахъ, сквозь прожилки высотою въ восемнад-«цать дюймовъ и не болѣе двухъ футъ, которыхъ

(*) См. извлеченіе изъ этого отчета, касающеся работъ въ рудникахъ, сдѣланное докторомъ *Villerme* въ *Journal des Economistes*, 1843.

«подъ иногда покрыть на нѣсколько дюймовъ водой
или грязью. Дѣти, еще слишкомъ слабосильныя для
исправленія выочныхъ работъ, разставлялись въ
извилинахъ копи, какъ разбросанные часовые, по-
длѣ дверецъ или заслонокъ, необходимыхъ для
вентиляціи; и этимъ-то неразумнымъ и безотвѣт-
ственнымъ хранителямъ мѣстной безопасности поручалось
открывать дверцы для пропуска вагоновъ и
снова закрывать ихъ. Мужчины работали въ состо-
яніи почти совершенной наготы; въ глубинѣ уединен-
ной галереи имъ прислуживали самыя молодыя
дѣвушки, и копи превращались въ школы безпощад-
ныхъ и распутства. Беременные женщины про-
должали свою каторгу до послѣдней минуты; изну-
реніе самыхъ юныхъ дѣтей подавляло и ростъ и
тѣлесныя силы всего поколѣнія.—Это существова-
ніе, истинно адское, препятствовало всякому раз-
витію умственному и не было сословія народнаго;
которое могло бы сравниться съ каменноугольны-
ми работниками въ невѣжествѣ, въ безнравствен-
ности и грубомъ развратѣ» (*).

Для отвращенія этихъ золъ и для предохраненія государства отъ постепенного искашенія породы людей, правительства Англіи и Франціи, гдѣ наиболѣе оказалось въ томъ надобности, прибѣгли къ мѣрамъ рѣшительнымъ. Назначены лѣта, моложе которыхъ запрещено употреблять дѣтей въ работы фабричныя и подземныя; определено число часовъ, долѣе котораго нельзя удерживать на трудѣ малы

(*) L. Faueber: *Effets de la loi sur les mines en Angleterre;* См. *Journ. des Economistes* p. 43. 4-ann e T. I.

лѣтніхъ обоего пола моложе 16-ти лѣтъ; особенные инспекторы приставлены для наблюденія за исполненіемъ этихъ мѣръ, которыя не простираются однако во Франціи на малыя заведенія, употребляющія менѣе 20-ти работниковъ, а въ Англіи не касаются вовсе множества промысловъ, занимающихъ однако малолѣтніхъ; предпринимателямъ и родителямъ вмѣнено въ строгую обязанность соблюдать праздники для дѣтей, и посыпать ихъ по буднямъ въ опредѣленные часы въ школы приходскія, или въ устроенные при самыхъ заведеніяхъ.

Эти мѣры принадлежать къ числу предупредительныхъ, и представляютъ всѣ неудобства сопряженныя съ послѣдними. Стремясь къ отвращенію злоупотребленій, онъ стѣсняютъ промышленность. Множество работъ не могутъ продолжаться въ мастерскихъ, едва лишь ихъ оставятъ дѣти и женщины. Сокращая продолжительность труда, онъ по необходимости уменьшаютъ заработку: можно принудить предпринимателя останавливать машины и запирать мастерскую двумя или тремя часами ранѣе, но нельзя заставить его платить за 10 часовъ работы ту цѣну, какую онъ платилъ за 12. Тамъ, гдѣ задѣльная плата распредѣляется по-урочно, она уменьшится на столько, на сколько будетъ менѣе изготовлено работы. Мастеровымъ остается средство, къ которому прибѣгли въ Эльзасѣ во Франціи: они должны имѣть подставныхъ дѣтей для смѣны уходящихъ съ фабрики; но самая эта необходимость еще уменьшаетъ ихъ долю. Еслибы, по крайней мѣрѣ, эти мѣры достигали предположенной цѣли и

предохраняли существенно малолѣтнихъ отъ изнуренія излишнимъ трудомъ: — кнесчастію, судя по сдѣланнымъ опытамъ, онѣ недостаточны. Дѣти, избавившись отъ труда на фабрикѣ, отнюдь не избѣгаютъ пагубнаго вліянія невѣжества и жестокосердія ихъ родителей. Послѣдніе часто прибѣгаютъ къ хитрости самой жестокой, и дѣтей, вышедшихъ съ одной фабрики въ указные часы, посылаютъ на другую въ качествѣ подставныхъ.

Въ Англіи еще далѣе простерлись заботы правительства: актомъ 10-го августа 1842 года запрещено всѣмъ лицамъ женскаго пола, безъ различія возраста, работать въ рудникахъ. Эта мѣра явно направлена на отвращеніе безпорядковъ, открытыхъ въ каменноугольныхъ копяхъ. Она имѣла, неоспоримо, самое благодѣтельное послѣдствіе для внутренняго быта семейнаго, которому возвратила благотворное и постоянное присутствіе хозяйки дома, матери семейства. «Когда я работала въ копи,» отвѣчала одна изъ нихъ, мать четверыхъ дѣтей, на вопросы государственаго инспектора, «то получала 7 шиллинговъ въ недѣлю (2 р. 20 к. сер.); «изъ нихъ я платила $2\frac{1}{2}$ шиллинга женщинѣ, которая «смотрѣла за моими младшими дѣтьми. Обыкновенно я относила ихъ къ ней въ четыре часа утра, «и изъ моей постели клала въ ея. Мнѣ приходилось «еще платить 1 шиллингъ за стирку, кромѣ мелкихъ расходовъ на починку бѣлья и одежды. Домъ «оставался безъ присмотра; мои старшія дѣти ломали мебель; когда ихъ посыпали въ школу, онѣ «нетолько туда не ходили, но играли или бродяж-

«ничали съ другими мальчишками, которые рвали «на нихъ платье. Вечеромъ, по возвращеніи домой, «ничего не было готоваго, и проведя весь день въ «трудѣ, я такъ бывала утомлена, что ни къ чему «не лежало сердце; не разводила огня; ничего не ва- «рила; въ домѣ не доставало даже воды; вездѣ не- «опрятность; и мужъ мой ничего не находилъ для «отдыха, ни для возстановленія силъ. Все идетъ луч- «ше теперь, и я не соглашусь снова спуститься въ «шахту» (*). Уменьшеніе общей выручки, отлу- ченіемъ матери семейства отъ подземныхъ работъ, вполнѣ и съ лихвой вознаграждается экономіей и порядкомъ, не разлучными съ ея присутствиемъ у домашняго очага.

Для женщинъ незамужнихъ, для молодыхъ девушекъ, эта мѣра отнюдь не имѣла послѣдствій столь выгодныхъ. Она лишила ихъ занятій и средствъ заработать свою долю, нимало не предохранивъ отъ разврата. Безпорядки, происходившіе въ копяхъ, перенеслись на поверхность; къ нимъ присоединились еще другіе. «Этихъ несчастныхъ думали «спасти отъ заразы распутства и подвергли всѣмъ «искушеніямъ нужды; изъ нихъ сдѣлали воровокъ, «чтобъ не превратились въ распутныхъ. Обще- «ственная нравственность едва-ли много выиграла «отъ перемѣны?» (**). Время, безсомнѣнно, испра- вить эти неудобства, но между тѣмъ такое насиль- ственное перемѣщеніе труда успѣть причинить много зла.

(*) Ibid. p. 52.

(**) Ibid. p. 56.

Указывая слабую сторону предупредительныхъ мѣръ, для отвращенія пагубнаго злоупотребленія труда женщинъ и дѣтей, мы отнюдь не хотимъ на- влечь на нихъ упрекъ въ безполезности или вредѣ. Власть общественная, при видѣ послѣдствій столь гибельныхъ и столь быстрыхъ, не можетъ спокойно предоставлять ихъ исправленіе одному вліянію силы вещей. Она не можетъ также прибѣгать къ такимъ только средствамъ, которыя бы дѣйствовали существенно, но медленно. Нетерпѣніе публики, голосъ народный, самый интересъ притѣсняемыхъ, требуютъ ея посредничества немедленного и энергическаго. Не должно забывать только, что это посредничество, эти мѣры дѣйствуютъ существенно на искорененіе зла тогда лишь, когда опираются на образованіе нравственное; когда, преодолѣвая злоупотребленія, другими путями разсѣиваютъ мракъ невѣжества и отвращаютъ плачевное повтореніе событій (§ 107), ввергающихъ бѣднѣйшія сословія въ губительныя объятія нищеты.

112. О СТОИМОСТИ ТРУДА НЕСВОБОДНАГО.

Колебанія въ цѣнѣ труда вольнаго, разсмотрѣніемъ которыхъ мы доселѣ занимались, отнюдь не могутъ касаться того содержанія, которое господинъ обеспечиваетъ работникамъ порабощеннымъ. Послѣднее должно всегда быть достаточнымъ для удовлетворенія необходимымъ потребностямъ невольника, для поддержанія и сохраненія его силъ. Между нимъ и господиномъ нѣтъ договора; невольникъ

принадлежитъ хозяину какъ машина, какъ лошадь, какъ волъ; тѣ-же побужденія, которыя заставляютъ чинить и смазывать машину, до сыта кормить и прикрывать отъ непогоды лошадь и вола, заставляютъ также снабжать всѣмъ нужнымъ невольника. Нѣкоторое различіе существуетъ только тамъ, гдѣ законы, допускающіе порабощеніе, ограничиваютъ права господина и не позволяютъ ему обращаться съ себѣ подобнымъ какъ съ вещю, съ неразумными животными или всякою другою собственностью.

При видѣ бѣдственнаго положенія свободныхъ рабочихъ населенностей, подавляемыхъ роковымъ стечениемъ обстоятельствъ, нѣкоторые писатели выразили почти явное предпочтеніе неволи. Кчему свобода, говорятъ они, если она ведетъ къ голодной смерти? Одного слова, кажется, довольно чтобъ разсѣять всякое сомнѣніе, поселяемое въ умахъ столь плачевнымъ скептицизмомъ: предположите на минуту излишество рукъ рабскихъ подобное тому, какое оказалось въ рукахъ вольныхъ, и помыслите о послѣствіяхъ. Передъ вами не возстанетъ-ли мрачный призракъ Рима, когда столпленіе невольниковъ въ Италии превышало потребности пренебрегаемаго землевоздѣлыванія и другихъ промысловъ; когда жизнь человѣка тамъ цѣнилась менѣе самыхъ обыкновенныхъ домашнихъ животныхъ; когда безумные сластолюбцы, съ улыбкой на устахъ, испытывали яды на невольницахъ и бросали рабовъ на съѣденіе муренамъ; когда арены амфитеатровъ обагрялись кровью гладіаторовъ!... Бѣдный Ирландецъ, жалкій

житель Спитальфильда (*), томится нуждою, но общество не можетъ выбросить его, какъ негодную тварь, не можетъ предать его истребленію. Мы видимъ, напротивъ, что оно обязано пещись о его съхраненіи, и что эти попеченія составляютъ одну изъ важнѣйшихъ заботъ власти государственной.

Содержаніе невольника, Негра, такъ точно какъ и задѣльная плата работника, входитъ въ составъ капитала и цѣнность его должна возстановляться въ рыночной цѣнѣ произведенія. Покупая колоніальный сахаръ-сырецъ или хлопку, руками Негровъ воздѣланые, фабриканть петербургскій уплачиваетъ, кромѣ другихъ издержекъ производства, расходы плантатора напрокормленіемъ прикрытие этихъ Негровъ. Однако, еслибъ онъ уплачивалъ только ихъ дневное содержаніе, то вѣроятно не окупилъ бы всѣхъ расходовъ плантатора. Негры не могутъ работать вѣчно; имъ нуженъ отдыхъ; они подвержены также болѣзнямъ, во время которыхъ трудъ ихъ ничего не производить: рыночная цѣна сахара должна покрывать расходы на ихъ содержаніе въ дни нерабочіе. Кромѣ того, Негръ представляеть капиталъ, употребленный на его покупку: въ рыночную цѣну должны входить не только проценты съ этого капитала, но еще его погашеніе, которое принужденно распредѣляется на малое число лѣтъ, представляющее среднюю вѣроятность жизни чернаго невольника, изъ которой еще выключаются годы старости и разслабленія, когда онъ ни-

(*) Кварталъ въ Лондонѣ, гдѣ наиболѣе живетъ бѣдныхъ работниковъ.

чего не производить, а между-тѣмъ получаетъ одинакое содержаніе: его нельзя предать смерти какъ безполезное животное. Наконецъ, въ рыночную цѣну нельзя еще не включить страховой преміи на случай внезапной смерти невольника.

Сообразивъ всѣ эти элементы цѣны невольническаго труда, еще много усилившіяся въ послѣднее время опасностію торга Неграми, и принявъ въ разсужденіе слабую производительность ихъ работъ, которую мы старались объяснить въ своемъ мѣстѣ (§ 33), нельзя не согласиться, что во множествѣ случаевъ онъ обходится дороже самой высокой задѣльной платы. Впрочемъ, сами плантаторы въ томъ сознаются, но утверждаютъ, что не могутъ обойтись безъ Негровъ, по недостатку рукъ вольныхъ, и что Негры освобожденные производятъ еще менѣе чѣмъ порабощенные.

Послѣднее возраженіе отчасти подтверждается фактами. Негры, какъ вообще жители тропическихъ странъ, крайне воздержны отъ природы. Жаркій климатъ и отсутствіе стыдливости позволяетъ имъ почти вовсе обходиться безъ одежды; они живутъ въ небольшихъ тростниковыхъ клѣтяхъ, и отнюдь не нуждаются въ топливе; къ этому должно присоединить природное слабоуміе, непобѣдимую лѣность; совокупность этихъ обстоятельствъ достаточно объясняетъ, почему свободный Нegrъ довольствуется самой скучной заработкой, и почему для него чужды тѣ внутреннія побужденія, которыми оживляется и усиливается вольный трудъ Европейца. Когда *Туссенъ-Лувертюръ*, Нegrъ обладавшій способностя-

ми рѣдкими между этими племенами, положилъ основаніе независимости Сенъ-Доминго, и провозгласилъ свободу всѣхъ своихъ собратій, онъ принужденъ былъ прибѣгать къ мѣрамъ самыемъ энергическимъ, часто суровымъ и жестокимъ, для предохраненія острова отъ совершенного запустѣнія. Силой надлежало понукать освобожденныхъ Негровъ къ обработыванію полей и добыванію тѣхъ немногихъ продуктовъ, въ которыхъ нуждается эта населенность. Подобныя-же явленія оказались въ англійскихъ колоніяхъ, по освобожденіи Негровъ. Образованность одна только могла бы мало по малу побѣдить и исправить эту природную *апатію*; но, какъ мы уже замѣтили, подобному преобразованію всего болѣе противится самое рабское состояніе этого племени.

Торгъ Неграми послужилъ первоначальнымъ по-водомъ къ основанію этихъ плантаций; присутствіемъ невольниковъ постоянно отврашались отъ нѣкоторыхъ колоній свободные переселенцы, и оно-то лишило ихъ ничѣмъ незамѣнимыхъ преимуществъ вольного труда. Напрасно упрекаютъ въ томъ климатъ: примѣръ самихъ плантаторовъ, которые съ своими семействами мало по малу къ нему привыкаютъ, служитъ достаточнымъ опроверженіемъ этого довода. Ктому-же, на многихъ точкахъ шара земного можно указать на колоніи европейскія, процвѣтающія въ климатахъ совершенно отличныхъ отъ ихъ метрополій.

Труднѣе опредѣлить чего стоитъ въ земледѣліи работа барщинаго крестьянина; и тѣмъ труднѣе,

что она почти вовсе не принимается въ разсуждение самими помѣщиками. Расчеты послѣднихъ обыкновенно ограничиваются однимъ вычисленіемъ издержекъ, употребленныхъ на сѣмена, на содержаніе скота, земледѣльческихъ орудій, машинъ, житницъ, анбаровъ; многіе разсматриваютъ барщинный трудъ какъ даровой. Неудивительно, что при подобномъ счетоводствѣ невозможно свести концовъ и что оно служитъ поводомъ къ самымъ сбивчивымъ выводамъ.

Крестьянинъ на барщинѣ своимъ трудомъ платить за участокъ земли, отведенныиѣ его тяглу изъ помѣстя: следовательно его трудъ стбить, во-первыхъ, помѣщику, тѣхъ доходовъ, которыхъ онъ не получаетъ съ крестьянской земли. Кромѣ того помѣщикъ, почти вездѣ, снабжаетъ крестьянина избою или, по крайней мѣрѣ, даетъ ему время и лѣсъ на постройку, иногда прибавляя къ этому лошадь и плугъ; для отопленія, если въ помѣстїи имѣются лѣса, крестьянамъ отводится участокъ; или имъ дозволяется собирать хворостъ; наконецъ, законъ вмѣняетъ въ обязанность помѣщику въ неурожайные годы заботиться о продовольствіи крестьянъ, состоящихъ на барщинномъ положеніи. Сообразивъ всѣ эти расходы, которымъ подвергается помѣщикъ, обрабатывающій свои земли помощію барщинаго труда, можно было бъ узнать средній терминъ его стоимости и долю, ей соотвѣтствующую въ рыночной цѣнѣ земледѣльческихъ продуктовъ. Все заставляетъ полагать что эта стоимость многимъ превышаетъ, особенно въ урожайные го-

ды, крайній предѣлъ вольной задѣльной платы. Барщинный трудъ неминуемо обходится тѣмъ дороже помѣщику, чѣмъ населеніе губернія, въ которой лежать его владѣнія: ибо тѣмъ болѣе онъ теряетъ доходу на земляхъ, отведенныхъ подъ крестьянскія пашни. Въ этомъ обстоятельствѣ безъ сомнѣнія кроется одна изъ причинъ преобладанія оброчнаго положенія въ губерніяхъ, каковы: московская, ярославская, владимирская, калужская. Сравнивая стоимость барщиннаго труда, съ вольною задѣльною платою, недолжно терять также изъ виду, что трудъ наемный всегда производительнѣе какъ объяснено выше (§ 34) (*).

Крестьянина оброчнаго нельзя рассматривать какъ работника; онъ представляетъ свойства поземельнаго съемщика или фермера; ниже мы коснемся экономическихъ отношеній между нимъ и помѣщикомъ. Оброчный, предлагающій свой трудъ въ наемъ на фабрики, заводы, или на воздѣльваніе другихъ земель, поступаетъ какъ вольный работникъ, и его задѣльная плата опредѣляется какъ выше изложено, съ тою только разницей, что кромѣ содержанія въ нее входитъ еще *оброкъ*, или подать, платимая имъ господину.

Крестьяне, приписанные къ фабрикамъ и заводамъ, приближаются къ свойству барщинныхъ: но такъ какъ мануфактурное производство не допускаетъ остановки, и хозяинъ фабрики или завода не можетъ отпускать ихъ для воздѣльванія участка имъ

(*) Примѣчаніе 15-е.

отведенного, то обыкновенно имъ выдается содержаніе частію натурою, пайкомъ, частію деньгами. Эта издержка рѣдко бываетъ ниже вольной задѣльной платы, и такъ-какъ трудъ присланныхъ крестьянъ всегда менѣе производителенъ, нежели трудъ наемныхъ работниковъ, то можно сказать, что онъ стбить дороже послѣдняго.

Есть однако достаточная причина, побуждающая у насъ предпринимателей фабрикъ предпочитать подобный родъ устройства заведеній: она заключается въ трудности постоянно имѣть на лице надлежащее число наемныхъ людей. Изъ послѣднихъ, большая часть принадлежитъ къ сословію оброчныхъ крестьянъ господскихъ, которые нанимаются на фабрики зимою и вообще въ досужное время отъ сельскихъ работъ, а по наступленіи жатвы или сѣнокоса, когда фабрика наиболѣе въ нихъ нуждается, оставляютъ ее для возвращенія домой. Правительствомъ изданы постановленія для предупрежденія подобныхъ неудобствъ, много вредящихъ успѣшному ходу мануфактуръ, но сами хозяева не соглашаются удерживать людей противъ ихъ воли, хотя и могутъ того требовать по контракту; они справедливо опасаются чтобъ работникъ дурно расположенный не надѣлалъ имъ много убытку (*). Такъ въ Москвѣ, мануфактуры часто останавливаются, по недостатку рукъ, и предприниматели несутъ большой убытокъ отъ бесполезной потери

(*) Обозрѣніе главныхъ отраслей мануфактурной промышленности въ Россіи. Напечатано въ Журналѣ манuf. и торговл. 1844 г. См. особое изданіе стр. 134.

процентовъ на стоячемъ капиталѣ, иногда весьма значительномъ. Къ непостоянству или неразсудительности самихъ оброчныхъ людей часто присоединяется капризъ помѣщика, который вдругъ требуетъ ихъ возвращенія. Говорятъ даже, что иные извлекаютъ денежную пользу изъ затрудненія фабричныхъ хозяевъ: если тѣ дорожатъ работникомъ, то господинъ, не довольствуясь оброкомъ, требуетъ еще платы съ фабриканта за оставленіе ему человѣка.

Опыты, сдѣланные нѣкоторыми помѣщиками, замѣнить барщину фабричнымъ и заводскимъ трудомъ, почти вездѣ мало удались. Содержаніе, выдаваемое помѣщикомъ-фабрикантомъ барщинному крестьянину въ замѣнъ свободныхъ дней, у него отнимаемыхъ, обходится очень дорого; но всего болѣе подобныя заведенія терпятъ ущерба отъ труда вялаго и неудовлетворительного. Нѣкоторые занимаютъ дворовыхъ людей, особенно женского пола, изготовленіемъ домашняго холста, кружевъ, вышиваньемъ, и даже фабрикаціей шалей на манеръ индейскихъ. Нельзя не одобрить подобныхъ занятій; онѣ по крайней мѣрѣ предохраняютъ отъ праздности и разврата часть дворни; но не должно полагать, что издѣлія дворовыхъ удовлетворяютъ условіямъ промышленности. Еслибъ помѣщики, или помѣщицы, расчитали чего стоятъ имъ содержаніе этихъ работницъ, растрата времени и матеріала, неизбѣжная при ихъ труда, то легко убѣдились бы, что имъ дешевле обошлось бы купить подобныя издѣлія въ ближайшемъ городѣ.

На нѣкоторыхъ фабрикахъ, господскіе крестьяне употребляются своими помѣщиками какъ наемные люди. Ихъ не принуждаются ходить на фабрику, и платить имъ задѣльную плату. Этимъ обстоятельствомъ достаточно объясняется успѣхъ и даже цвѣтущее положеніе подобныхъ заведеній. — Самый послѣдній и дурной родъ работниковъ составляютъ крестьяне отдаваемые въ наймы помѣщиками на чужія фабрики и заводы. Сколь ни умѣренна иногда плата, взимаемая за подобную ссуду, одна только крайность можетъ побудить предпринимателя къ употребленію столь нерадивыхъ, и часто развращенныхъ работниковъ. Отъ нихъ нельзя ожидать никакого старанія, никакого порядка; фабриканту угрожаютъ ежеминутные побѣги, воровства, плутовскія шашни; мы слышали, что подобные работники, на которыхъ не дѣйствуютъ ни увѣщенія, ни угрозы, часто гуртомъ оставляютъ заведеніе, и останавливаютъ работы въ самыя дорогія минуты.

113. ЖАЛОВАНЬЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ СЛУЖИТЕЛЕЙ; ПЕНСІИ.

Жалованьемъ обыкновенно называются задѣльную плату труда, посвящаемаго службѣ государственной. Правительство можно уподобить большому предпринимателю, занимающему множество рукъ и головъ великимъ дѣломъ доставленія обществу безопасности внѣшней и внутренней, и возможной степени благосостоянія (§ 63).

Во всякомъ государствѣ есть одно только правительство, и въ немъ сосредоточивается запросъ на разныя вѣти труда, входящія въ составъ службы государственной. Въ нѣкоторой степени, однако, на него простирается вліяніе соперничества, и оно не можетъ привлечь добровольно достаточное число служителей, если жалованье, имъ предлагаемое слишкомъ низко всравненіи съ задѣльною платой или прибылью, которую подобный же трудъ можетъ доставить въ промышленности. Увеличеніе всякого рода окладовъ, безсомнѣнья, отвратило бы это затрудненіе: но увеличить оклады нельзя, не усиливъ налога и не обременивъ націи слишкомъ тяжкими пожертвованіями. Далѣе мы увидимъ сколько осторожности требуютъ подобныя мѣры, и сколь много средства, которыми располагаетъ правительство, зависятъ отъ обстоятельствъ, которыхъ оно само не можетъ измѣнить. Эти причины съ одной стороны, съ другой, необходимость и великая польза службы государственной, принуждаютъ правительство прибѣгать къ мѣрамъ совершенно особеннымъ для снисканія достаточнаго числа служителей.

Путемъ закона, оно превращаетъ въ обязательную повинность, въ родъ налога натурой, исправленіе нѣкоторыхъ службъ наиболѣе трудныхъ и обещающихъ наименѣе выгодъ, въ особенности военную службу солдатскую, какъ на суше такъ и на морѣ. Съ этою службой, и со множествомъ другихъ должностей военныхъ и гражданскихъ, дающихъ право на жалованье самое скромное, оно совокупляетъ разныя преимущества, частью вознаграждаю-

щія недостатокъ возмездія. Преимущества эти обыкновенно ничего не стоять обществу, заключаются въ надеждахъ на повышеніе, на выслугу, въ особенной почетности званія. Оклады возвышаются по мѣрѣ того, какъ должности становятся сложнѣе и многогоднѣе; требуютъ болѣе условій искусства, дарованія, опыта и образованія; увеличиваются отвѣтственность государственного служителя; доставляютъ ему болѣе власти, и разширяютъ кругъ его вліянія. Оклады достигаютъ крайнихъ предѣловъ на высшихъ ступеняхъ правительственной іерархіи, гдѣ наиболѣе также встрѣчаемъ отвѣтственности, и гдѣ наиболѣе требуется талантовъ, познаній и опыта. Такимъ образомъ высшія должности, какъ награда, поддерживаютъ рвеніе низшихъ служителей и привлекаютъ безпрестанно новыхъ охотниковъ на службу государственную. Независимо отъ сравнительно высокихъ окладовъ, правительство и мнѣніе общественное придаютъ высшимъ должностямъ еще болѣе вѣсу, окружая ихъ уваженіемъ, блескомъ и пышностью власти, затмевающими болѣе существенные, но нестоль блестящія, преимущества богатства, приобрѣтаемаго путемъ промышленности. Наконецъ правительство, какъ представитель интересовъ и власти общественной, есть исключительный раздаватель государственныхъ почетныхъ наградъ: въ нихъ предстоитъ ему другое средство, дѣйствующее на самолюбіе и на благороднѣйшія чувства души человѣческой, чувства, которыя къ счастію никогда и никогда не утратятъ ихъ магической силы. Пламенное желаніе заслужить Георгія

заставляетъ итти молодого солдата на явную смерть; осѣня лентою грудь престарѣлаго сановника, истощившаго всѣ другія награды и отличія, государство еще возбуждаетъ въ немъ трепетъ неизрѣчимаго самодовольствія и наполняетъ его благородною гордостью.

Во многихъ случаяхъ, общественное мнѣніе избавляетъ правительство отъ особенныхъ заботъ о пополненіи его кадръ. Служить отечеству: сколько волшебства въ этомъ словѣ! Эти таинственные звуки всегда найдутъ отголосокъ и въ сердцѣ пылкомъ, исполненномъ желанія добра, и въ холодномъ разсудкѣ философа, и въ помыслахъ честолюбца, и даже въ простыхъ понятіяхъ батрака. Служить отечеству:—не есть ли это выраженіе цѣли самой возвышенной, заранѣе извиняющей частныя неудачи и утѣшающей въ нихъ человѣка; цѣли столь высокой, что она побѣждаетъ, или по крайней мѣрѣ скрываетъ, внушенія личнаго интереса, придаетъ труду сходство съ самопожертвованіемъ, самою рѣдкою изъ добродѣтелей. Не всѣ люди, конечно, имѣютъ довольно твердости духа и доблести чтобы трудиться, терпѣть и умирать единственно для отечества: но всѣ, безъ исключенія, хотятъ казаться такими, и вотъ можетъ-быть одна изъ причинъ, почему такъ много охотниковъ вступать въ службу государственную, даже и тогда, когда нѣтъ въ ней надежды на выгоды вещественные. Обстоятельства принуждаютъ-ли воззвать къ этому чувству, оно пробѣгаеть какъ электрическая струя по націи, и всякий спѣшилъ на призывъ: одни приносятъ свои познанія,

свою опытность, свои дарованія; другое свои силы тѣлесныя, свою молодость, свою кровь; самоотверженіе — вотъ главный нравственный движитель этихъ пожертвованій; всѣ требуютъ, просить занятій; наперевѣ оспориваютъ посты самые опасные, самые трудные; никто не спрашиваетъ о жалованья, о выгодахъ. Вспомнимъ нашъ 1812 годъ!...

Въ Европѣ долго государственная служба считалась единственнымъ трудомъ, не унижающимъ достоинства лицъ знатнаго происхожденія. Сперва особеннымъ предпочтеніемъ пользовалась служба военная; право носить шпагу превратилось даже въ монополію аристократического сословія, а простолюдинамъ оставлены были одни только низшіе чины. Размноженіе дворянскаго сословія мало по малу принудило его искать занятій и въ другихъ отрасляхъ государственной службы, судебной и административной, гдѣ также къ однѣмъ только низшимъ должностямъ стали допускать членовъ другихъ сословій. За исключеніемъ рядовой службы военной, скромный удѣлъ предоставленный сословію мѣщанскому нигдѣ однако не отвращаетъ его отъ службы государственной. Множество искателей, на противъ, стараются въ нее проникнуть, надѣясь на приобрѣтеніе дворянскаго званія; и такимъ образомъ, почти во всѣхъ отрасляхъ, правительство постоянно имѣстъ въложеніи болѣе труда, чѣмъ сколько ему нужно, и почти всегда по самой дешевой цѣнѣ, оттого что одни вступаютъ въ службу изъ чести, другое изъ надеждъ на почести.

Нѣчто подобное еще существуетъ въ Россіи. Большая часть дворянъ считаютъ долгомъ посвящать себя службѣ государственной, и многіе воображаютъ, что не могутъ быть иначе полезны отечеству, какъ шпагою или приказнымъ перомъ. За ними слѣдуетъ купечество; и сколько почтенныхъ торговцевъ, фабрикантовъ и другихъ промышленныхъ предпринимателей готовятъ своихъ сыновей для службы, стараются помѣстить ихъ въ корпуса, въ училища, университеты, или какъ-нибудь поставить въ четырнадцатый классъ, на эту первую степень нашей служебной іерархіи. Такое рвеніе, хотя его начало и кроется въ чувствахъ самыхъ похвальныхъ, можетъ затруднить однако правительство измѣшимъ предложеніемъ. Не смотря на многочисленную армію и флотъ, на обширныя центральное и мѣстныя управлениа, оно никакъ не всостояніи дать занятіе всѣмъ охотникамъ служить. По необходимости, должности раздаются только способнѣйшимъ и множество молодыхъ людей, которыхъ родители, всего болѣе одержимые этимъ предубѣжденіемъ, приготовили для службы, остаются безъ мѣста, не знаютъ на что употребить свою дѣятельность, свои познанія, свои дарованія и проводятъ въ праздности, или въ пустыхъ и часто вредныхъ занятіяхъ, время, которое съ пользой могли бы посвятить какому либо промыслу. Не въ этой ли страсти — что нибудь значить въ правительствѣ — должно искать причинъ разстроенному положенію такого множества помѣстій, которыхъ иной владѣтель даже ни разу не посѣтилъ, и о свойствѣ

которыхъ не имѣеть вовсе понятія. *Абсентеизму* приписываютъ отчасти жалкое положеніе Ирландіи: въ немъ-же кроется начало большей части невзгодъ, постигающихъ нашихъ крестьянъ.

Трудъ, посвящаемый Государю и отечеству есть безсомнѣнныя трудъ полезнѣйшій, благороднѣйшій. Но не должно никогда забывать, что потребности службы государственной ограничены: она предлагаетъ занятія нѣкоторому числу лицъ разнаго званія, и чѣмъ умѣреннѣе это число, тѣмъ привлекательнѣе родъ службы. Употребленіе трехъ человѣкъ на дѣло, для котораго довольно одного, столь же невыгодно въ управлениіи какъ и въ промышленности. Излишнее изобиліе въ должностныхъ отнимаетъ множество дѣйствователей у другихъ вѣтвей труда народнаго, наиболѣе нуждающихся въ пособіи образованія. Не должно забывать что, кроме службы государственной, есть тысячи другихъ случаевъ для оказанія услугъ несомнѣнныхъ отечеству и самому себѣ: конечно, особеннаго уваженія достоинъ человѣкъ, посвятившій всѣ свои усилія и всѣ свои способности на пользу общую, и тѣмъ болѣе онъ ихъ достоинъ, чѣмъ менѣе получаетъ возмездія вещественнаго; но развѣ нація не обязана благодарностью просвѣщенному предпринимателю, который своимъ примѣромъ способствуетъ улучшенію важной вѣтви промышленности; ученому, который надѣляетъ своихъ соотечественниковъ открытиемъ истинъ; литератору, артисту, которые исправляютъ и облагороживаютъ ихъ вкусъ, ихъ образъ мыслей; помѣщику, который заботится о сча-

стіи крѣпостной населенности ввѣренной ему законодательствомъ....

Несмотря на подобный избытокъ предложенія для однихъ вѣтвей службы, на принудительныя мѣры, обезпечивающія достаточное число рукъ въ другихъ не столь привлекательныхъ, есть предѣлы, съ которыми сила вещей и самый интересъ службы соразмѣряютъ жалованье. Они заключаются: 1) въ необходимости приличного содержанія, и 2) въ обеспеченіи нѣкоторыхъ средствъ существованія должностному подъ-старость, когда онъ сдѣляется неспособенъ къ труду.

Солдатъ или матросъ получаетъ малѣйшую часть своего жалованья деньгами: во Франціи 1 су въ день (около 4 р. 60 к. сер. въ год.), въ Россіи армейской 3 р. сер., гвардейской 5 р. сер. въ годъ,—но государство беретъ на себя его содержаніе, во всей полнотѣ этого слова. Оно снабжаетъ его оружіемъ, амуниціей, квартирой, продовольствіемъ; материальное положеніе солдата часто можно предпочесть положенію вольного работника. Первый, правда, находится подъ самой строгой дисциплиной; но въ этой подчиненности нѣтъ ничего унизительнаго; отъ нея неизѣяты и самые высшіе чины военные и, ктому-же, солдатская жизнь имѣеть свои удовольствія. Какъ бы то ни было, чѣмъ лучше содержатся солдаты, тѣмъ они здоровье и мужественнѣе.

Офицерское жалованье бываетъ обыкновенно слабо тамъ, гдѣ, какъ у насъ въ Россіи, военная служба пользуется особыннымъ предпочтеніемъ богатыхъ сословій. Обладаніе нѣкоторымъ достаткомъ

необходимо доселѣ еще, вступая въ гвардейскій полкъ, молодой офицеръ выпущенный изъ корпуса долженъ представить реверсъ, т. е. поручительство отъ родителей въ томъ, что сынъ ихъ будетъ имѣть приличное содержаніе для своего званія. Въ арміи эта предосторожность не соблюдается; и хотя жизнь армейского офицера, обыкновенно въ провинціи, не столь дорого обходится какъ офицеру гвардейскому посреди пышной столицы, однако большая часть изъ первыхъ, если не имѣютъ другихъ средствъ существованія, принуждены отказаться отъ выѣзда въ свѣтъ и жить весьма скромно. Въ кавалеріи, офицеры получаютъ жалованья болѣе, но разность маловажна всравненіи съ большими издержками, какимъ они подвергаются. Впрочемъ, по денежному окладу нельзя еще судить о жалованыи нашихъ офицеровъ: тѣмъ, которые не живутъ въ своихъ семействахъ, дается квартира; отопленіе; всѣ имѣютъ право на паекъ и на деньщиковъ; кавалеристъ получаетъ провіантъ на лошадей и даже верховую лошадь, если не всостояніи самъ купить. Кромѣ того, обычай, а частью и по рядокъ заведенный въ службѣ, вмѣняютъ въ обязанность полковымъ командирамъ держать открытый столъ для безсемейныхъ офицеровъ. Въ походное время, денежное жалованье какъ офицеровъ, такъ и солдатъ увеличивается (*).

(*) Въ Англіи съ офицерскими должностями совокуплены оклады весьма значительные; въ каждомъ полку офицеры образуютъ общество или массу, и домашніе расходы дѣлаются на общей счетъ. Въ массѣ всѣ офицеры, не смотря на различіе чиновъ, рассматриваются какъ равныe; президентомъ массы, который избирается большин-

Въ военной службѣ есть должности, съ которыми по необходимости совокупляется жалованье весьма значительное, таковы: главнокомандующіе, командиры отдѣльныхъ корпусовъ и даже самыхъ малыхъ отдѣльныхъ отрядовъ, полковые командиры, начальники военныхъ кораблей и вообще всѣ чины, обязанные къ нѣкоторой представительности. Столovыя деньги соотвѣтствуютъ именно той обязанности, которая лежитъ на военныхъ начальникахъ допускать къ ихъ столу подчиненныхъ имъ офицеровъ.

Недостаточность жалованья представляеть неудобство въ гражданскихъ должностяхъ, съ которыми сопряжено болѣе или менѣе власти, болѣе или менѣе отвѣтственности. Нельзя къ этому роду службы примѣнить начала общиннаго потребленія, частью отвращающія неудобства слабаго жалованья въ службѣ военной: и если должности не соотвѣтствуетъ приличный окладъ, то обыкновенно она отвращаетъ людей честныхъ и благонамѣренныхъ, а привлекаетъ такихъ, которыхъ правила нравственности сомнительны, и которые всегда съумѣютъ съ лихвою вознаградить себя взятками. Въ части административной, это зло отвращается назначеніемъ окладовъ, достаточныхъ для приличнаго содержа-

ствомъ голосовъ, можетъ быть простой лейтенантъ. Такъ-какъ масса образуется изъ денежныхъ окладовъ, каждымъ офицеромъ вноси-
мыхъ, то, для вознагражденія оставляющихъ полкъ по какой бы-то
ни было причинѣ, введенъ обычай продажи бревета. Никто не мо-
жетъ купить офицерскій бреветъ, не соединяя необходимыхъ усло-
вій и безъ согласія начальства: сумма, которую онъ уплачиваетъ сво-
ему предмѣстнику, представляетъ долю послѣдняго въ массѣ.

нія должностныхъ, смотря по степени, ими занимае-
мой, и усиленiemъ строгости контроля и наказаній,
угрожающихъ недобросовѣстнымъ. Въ части су-
дебной, гдѣ это зло всегда легче оказывается и укоре-
няется, его можно, кажется, ослабить, не усиливая
много жалованья изъ казны государственной но под-
чинивъ указаному тарифу большую часть актовъ, ко-
торые служать поводомъ къ взяткамъ:—нѣтъ ниче-
го противнаго справедливости отнести на счетъ са-
мыхъ тяжущихся часть издержекъ судопроизводства;
кому-же, подобная мѣра согласна съ ихъ собствен-
ными интересами, потому-что опредѣлить и огра-
ничить тайные поборы, которымъ они подвергают-
ся; она согласна съ интересомъ общественнымъ,
потому-что прекратить безнравственный торгъ со-
вѣстью, увеличивъ вещественные выгоды судебн-
ыхъ чиновниковъ, и дозволивъ вступать въ это зва-
ніе людямъ истинно благороднымъ. Строгій выборъ
должностныхъ довершитъ подобное спасительное
преобразованіе.

При опредѣленіи жалованья лицамъ, занимаю-
щимъ должности за-границею, нельзя не принимать
въ разсужденіе курса денегъ въ странѣ, гдѣ имъ до-
ведется жить, тамошней дороговизны продуктовъ,
изъ которыхъ состоитъ ихъ содержаніе, господству-
ющаго образа жизни, и наконецъ, и всего болѣе, ро-
да возлагаемой должности. Полномочный посолъ,
представляющій лицо своего монарха, долженъ
быть окруженъ приличною роскошью и величиемъ;
его мѣсто въ кругу богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ
особъ государства, въ которомъ онъ аккредитованъ.

Нельзя также безъ неудобства отказать секретарямъ посольства въ средствахъ держаться въ высшемъ кругу общества, гдѣ наиболѣе они могутъ набраться той вѣжливости, того истиннаго просвѣщенія, которымъ должно отличаться ихъ званіе. Правительства посылаютъ иногда въ иностранныя земли специальныхъ агентовъ: конечно эти агенты не могутъ претендовать на оклады огромные, но нельзя терять изъ виду, что слишкомъ слабыя средства лишаютъ ихъ часто возможности съ успѣхомъ исполнить возлагаемыя на нихъ порученія. Въ своемъ отечествѣ, агентъ правительства имѣеть за себя власть, связи, всеобщую довѣрчивость и даже готовность: въ иностранной землѣ онъ лишенъ этихъ преимуществъ; одного искусства недостаточно; и онъ принужденъ чаще прибегать къ средствамъ, дѣйствующимъ на интересъ.

Въ иныхъ должностяхъ обеспеченіе нѣкоторой роскоши, досуговъ продолжительныхъ, необходимо для существенного достижения предположенной цѣли. Профессору поручается не только чтеніе лекцій, но еще подробнѣйшее изученіе и возможное разширение круга науки, имъ преподаваемой: если онъ принужденъ, скудостью оклада, посвящать большую часть своего досужнаго времени на частные уроки, или какія-либо другія занятія, вовсе чуждыя его наукѣ, то какъ можно требовать отъ него преуспѣянія послѣдней. Государственный инженеръ, принужденный искать себѣ хлѣба частными занятіями, неизбѣжно пренебрегаетъ вѣренными ему общественными работами или надзоромъ. Самая

нравственность во многихъ случаяхъ требуетъ усиленія жалованья: мы уже упомянули о неудобствѣ предлагать слишкомъ слабое возмездіе надзирателямъ и наставникамъ, которымъ поручается умственное и нравственное образованіе юношества (§ 61). Набожность прихожанъ, ихъ добровольныя приношенія, часто предохраняютъ отъ нужды лица духовнаго званія: но если имъ не обеспечено приличное и достаточное содержаніе, то зависимость вещественная отъ чуждой благотворительности можетъ повредить ихъ вліянію нравственному. Иногда случается противное, и примѣръ римско-католического духовенства въ Ирландіи, взимающаго съ народа, уже и безъ того удрученного нищетою, тяжелую подать десятинную (*dime*), можетъ служить доказательствомъ преимущества определенныхъ окладовъ.

Напрасно нѣкоторые превозносятъ систему даровыхъ должностей: съ ними почти неразлучны неудобства самыя существенные. Богатый человѣкъ, который беретъ на себя подобную должность, если не одушевленъ истиннымъ желаніемъ добра—что кнесчастію рѣдко—пренебрегаетъ обязанностями на него возложенными, трудится какъ-бы изъ милости, отклоняетъ отъ себя ответственность, попускаетъ злоупотребленія, проволочки, беспорядки. Часто подобныя должности служатъ орудіемъ честолюбивой посредственности, и открываютъ путь къ высшимъ мѣстамъ людямъ вовсе неспособнымъ. Честный, но бѣдный человѣкъ не можетъ принять на себя даровой должности, потому-что не

имѣеть другого средства къ своему пропитанію, кромѣ собственного труда. Человѣкъ безсовѣстный пользуется властью и вліяніемъ, какія доставляетъ подобная должность, для обогащенія себя незаконными путями.

Два государства, на которыхъ часто указываютъ, представлять намъ поучительные примѣры неудобства даровыхъ должностей. Въ Англіи, когда состоялся законъ, подчинившій особыннымъ правиламъ трудъ дѣтей на фабрикахъ, должность инспекторовъ была создана съ большимъ жалованьемъ; ее приняли на себя люди весьма ученые, вездѣ уважаемые, и отчетливо исполняютъ обязанность, имъ порученную. Во Франціи, подобнымъ-же закономъ должность инспектора объявлена даровою; префекты департаментовъ съ большимъ трудомъ нашли на нее охотниковъ, и вездѣ она исполняется нерадиво, и даже пристрастно,—когда въ одномъ лицѣ соединяются инспекторъ и фабрикантъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ государствахъ, должность депутата не даетъ права на жалованье, тогда-какъ причиняетъ издержки весьма значительныя. Расчетъ весьма невѣрный: въ депутаты всегда есть множество соискателей, и хотя законъ допускаетъ въ это званіе только лица съ порядочнымъ достаткомъ, тѣмъ не менѣе оно служитъ поводомъ ко множеству злоупотребленій: сколько честолюбцевъ смотрятъ на званіе депутата, не какъ на обязанность, не какъ на должность, но какъ на средство добиться почестей, власти, богатства; стремятся достигнуть его для служенія интересамъ не общественнымъ, но

своимъ собственнымъ. Подобные обращики, весьма обыкновенные и въ партіяхъ министерскихъ, и въ оппозиціяхъ, доказываютъ, что служба даровая не есть служба дешевая.

Мы впали бы въ заблужденіе противоположное, еслибы желали вездѣ большихъ окладовъ. Жалованье чрезмѣрное столь-же несправедливо и предосудительно для общества, какъ и жалованье слишкомъ скучное. Нелегко, конечно, отличить въ этомъ случаѣ необходимое отъ излишняго, но въ этомъ и стоитъ та расчетливость, въ которой нуждается великое искусство управлять людьми. Необходимость, или по крайней мѣрѣ польза, кажется, должна быть первымъ условіемъ всякой издержки государственной: всякая должность, которой окладъ не соответствуетъ этому условію, обходится слишкомъ дорого націи, производить несравненно менѣе, чѣмъ стоять. Тѣмъ болѣе жалованье, платимое за мнимыя должности явно бесполезныя, за *синекюры*, ничѣмъ не можетъ быть оправдано. Если это награда за сдѣянныя услуги, то ей должно сохранить подобное значение, чтобы не превратилась въ поводъ къ новымъ наградамъ, вовсе не заслуженнымъ.

«Справедливость собственное уваженіе побуждають правительство заботиться объ участіи людей, посвящающихъ ему трудъ свой, и оказывать имъ опору, когда старость и недуги, принуждаютъ ихъ прервать теченіе ихъ занятій». Къ этимъ прекраснымъ словамъ *Графа Шаброля* (*), прибавимъ еще

(*) Министръ Финансовъ Короля Франціи Карла X См. *Rapport au Roi sur les finances du Royaume de France en 1830.*

что, при хорошо обдуманной системѣ пенсій, казна государственная ничего не теряетъ. Пенсія есть часть жалованья; она ежегодно удерживается казною, и образуетъ фондъ, на подобіе того, который составляется обществомъ взаимнаго страхованія (§ 102). Право на ея полученіе начинаетъ имѣть силу только по выслугѣ опредѣленного числа лѣтъ; сумма пенсіи обыкновенно опредѣляется послѣднимъ окладомъ и долговременностю службы; постановляются также правила распространенія этихъ доходовъ на вдовъ и сиротъ.

Польза учрежденія пенсій неоспорима. Служащіе могутъ, конечно, откладывать всторону часть изъ своего содержанія, помѣщать его въ сберегательныя кассы или въ промышленность, и тѣмъ обеспечивать себѣ кусокъ подъ старость или по смерти, своимъ семействамъ. Множество трудностей—то недостаточное жалованье, то дорогой образъ жизни, то самая неосмотрительность—противятся подобнымъ накопленіямъ, и еслибъ государство на нихъ полагалось, то сколь часто обществу предстояло бы плачевное зрѣлище людей, исправлявшихъ важнѣйшія должности, по оставленіи службы погруженныхъ въ бѣдность и лишенія. Какъ часто бѣдный, но честный чиновникъ, умирая, оставлялъ бывъ наслѣдие своей вдовѣ и детямъ однутко нищету. Даже рядовой, какъ ни мала его пенсія, расчитывается на нее подъ старость. Инвалидные дома, предлагающіе прибѣжище воинамъ, покрытымъ ранами, суть родъ пенсій натурой; въ нихъ не можетъ отказать имъ государство, за которое они проливали свою кровь.

Пенсії имѣютъ благотворное вліяніе на самый трудъ служебный. Онъ поощряютъ ревность, поддерживаютъ безпристрастіе и неподкупность, столь необходимыя въ государственныхъ служителяхъ; много содѣйствуютъ также постоянству и существенности управления. Хотя составленныя изъ самого жалованья, онъ разматриваются, однако, какъ вознагражденіе его умѣренности. Надежда на пенсію скрѣпляетъ узы подчиненности, отвращаетъ беспорядочную борьбу личныхъ интересовъ, предохраняетъ управления отъ частыхъ отставокъ, вдругъ лишающихъ снисканной опытности.

Къ этимъ выгодаамъ можно еще присоединить экономію, которую государство осуществляетъ неизмѣтно на пенсіонахъ. Вотъ какъ объ этомъ сбереженіи выразился Г. Гумани⁶, французскій министръ финансовъ въ 1841 году: «Въ договорѣ, который заключается между государствомъ и его служителями, первое, въ обмѣнъ за трудъ послѣднихъ, «даетъ имъ немного денегъ, и много надеждъ: надежду на повышеніе, надежду на почетныя награды, и всего болѣе на пенсіонъ по увольненіи, обеспечивающій скромное содержаніе въ старости. Послѣднее событие подлежитъ однако случайности; это — родъ лотереи, въ которой двѣ трети билетовъ теряютъ смертию, увольнениемъ или отставкою до выслуги опредѣленного числа лѣтъ, но которая, несмотря на невѣрность результатовъ для каждого порознь, поддерживаетъ до конца рвеніе, вѣрность и преданность всѣхъ. Ни одинъ изъ вступающихъ на это поприще не согласенъ предвидѣть, что спот-

«кнется прежде достиженія цѣли. Всѣ вначалѣ раз-
«сматриваютъ отставку съ пенсиономъ, какъ суще-
«ственное дополненіе ихъ слабаго жалованья, не по-
«мышляя о томъ, что для двухъ третей возможность
«получить подобную отставку останется всегда од-
«ной только мечтой. Если уничтожить систему пен-
«сій, если сказать служащему, что ему нечего ожи-
«дать свыше ежедневнаго жалованья, тогда это жа-
«лованье, которое должно съ той минуты удовлет-
«ворять и настоящему и будущему, потребуетъ по-
«вышенія. Неоспоримыя доказательства подтвер-
«ждаютъ этотъ расчетъ экономическій; въ его пра-
«вильности удостовѣряютъ не только опыты прави-
«тельствъ, но также частныя компаніи страхованія
«на жизнь, которые вообще не имѣютъ иного побуж-
«денія, кромѣ личнаго интереса» (*).

114. О ЗАДѢЛЬНОЙ ПЛАТѢ ТРУДА НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬ- НАГО.

Подобно занятому капиталу, наемный трудъ мо-
жетъ быть употребленъ непроизводительно, растрата-
ченъ на занятія безполезныя: задѣльная плата въ
такомъ случаѣ не возстановляется въ рыночной цѣ-
нѣ какого-либо произведенія. Если она берется изъ
капитала, то на столько-же уменьшаетъ производи-
тельный фондъ; если же не изъ капитала, то не можетъ
имѣть иного источника кромѣ доходовъ, приноси-
мыхъ другими силами производительными. На пла-
ту за трудъ непроизводительный капиталистъupo-

(*) *Exposé historique et analytique des questions relatives à la rémunération des services civils. Ministère des Finances. Paris, 1841 p. 4.*

требляетъ часть своихъ процентовъ; предприниматель, часть своей прибыли; землевладѣлецъ, часть своей ренты; служащій, часть своего жалованья; работникъ и вообще всякое лицо, живущее трудомъ исполнительнымъ, часть своей собственной задѣльной платы.

Выше уже неоднократно мы имѣли случай объяснить, что можно назвать трудомъ непроизводительнымъ (§§ 15, 26, 51). Чтобы судить о томъ безошибочно, надлежитъ обращать вниманіе не на самый трудъ, но на его результаты. Занятія самыя благородныя, по-видимому самыя полезныя, непредставляютъ условія производительности, когда изъ нихъ не проистекаетъ никакой пользы существенной; занятія самыя обыкновенныя, и по-видимому самыя пустыя, соединяютъ всѣ свойства труда производительного, когда изъ нихъ рождается полезность для общества. Не забудемъ также, что полезности бываютъ двоякаго рода: однѣ совокупляются съ вещами, другія съ самими людьми; первыя производятся помошью преобразованія вещей; вторыя, человѣка. Послѣднія, хотя и не имѣютъ существованія отдельнаго, внешняго, тѣмъ не менѣе весьма существенны, и некоторые экономисты неправильно включали трудъ, направленный на ихъ производство, въ число работъ непроизводительныхъ.

Представляемое правительствомъ, общество имаетъ трудъ множества исполнителей: задѣльная плата этого труда (жалованье) не потеряна, когда изъ нея проистекаетъ безопасность для всѣхъ и каждого въ обществѣ: эта издержка, падающая на до-

ходы различныхъ податныхъ сословій, возстановляется въ благѣ, которымъ всѣ онѣ пользуются. Если-же государство нанимаетъ излишнее множество служителей, или, если служители, имъ нанимаемые, не исполняютъ обязанностей на нихъ возложенныхъ, то въ жалованьи, ими получаемомъ, нельзя не видѣть издержки безполезной.

Промышленный предприниматель нанимаетъ исполнителей и работниковъ всякого рода: задѣльная плата, имъ выдаваемая, составляющая часть его капитала, не потеряна: она возстанавливается въ рыночной цѣнѣ произведеній. Онъ растратываетъ безполезно свои капиталы, когда употребляетъ лишнее число работниковъ для полученія одинакихъ результатовъ, или когда эти работники, по недостатку надзора или хорошаго управления, проводятъ время въ бездѣйствіи, или много теряютъ его на занятія непроизводительныя.

Отецъ платить учителямъ и наставникамъ за образованіе сына: его издержки не потеряны для общества, когда возстанавливаются въ нравственномъ капиталѣ сына. Напротивъ, онъ вовѣре поглотили вещественный капиталъ отца, если сынъ ими не воспользовался.

Каждому изъ насъ въ отдельности, плата, получаемая актерами съ посѣтителемъ театровъ, можетъ казаться издержкой непроизводительной: для общества, она не потеряна, въ такомъ случаѣ, когда сценическія представленія содѣйствуютъ эстетическому и нравственному образованію націи. Подобного одобренія не заслуживаютъ театры, когда не достига-

ють этой цѣли и еще менѣе, когда способствуютъ искаженію вкуса и нравовъ народныхъ.

Человѣкъ, занятый промышленостію, науками, службою, часто не имѣеть времени для попеченія о своихъ пожиткахъ, своей утвари, своемъ домашнемъ хозяйствѣ. Онъ нанимаетъ слугу, которому поручаетъ эти заботы. Жалованье слуги не есть издержка безполезная: его трудъ сохраняетъ нашу собственность и избавляетъ насть самихъ отъ потери времени болѣе вредной; оно не потеряно для общества, потому-что, благодаря ему, не отторгаются мелочными заботами отъ занятій, несравненно полезнѣйшихъ, люди къ нимъ способные. Окружая себя многочисленной прислугой для удовлетворенія тщеславію, или прихотямъ, или просто по нерасчетливости, всякий изъ насть обращаетъ болѣе или менѣе труда народнаго на занятія вовсе не производительныя. Въ своемъ мѣстѣ, мы уже коснулись важнаго неудобства размноженія дворовыхъ людей въ Россіи (§ 34). Эти люди не получаютъ собственно задѣльной платы, какъ вольные слуги, но ихъ содержаніе натурой отнюдь не обходится дешевле, тогдакакъ изъ ихъ труда не рождается никакой пользы для общества.

Во всякомъ государствѣ трудовое сословіе производительное принужденно ограничивается числомъ людей обоего пола, соединяющихъ необходимыя условія возраста и силы. Въ это сословіе не входятъ малолѣтные, слабые и престарѣлые, вообще всѣ лица, которыя, по неспособности физической или умственной, не могутъ еще принимать участіе въ ра-

ботахъ народныхъ. Интересъ общества состоитъ въ томъ, чтобы силы этого сословія сколь можно менѣе растрачивались на занятія непроизводительныя. Послѣднія не только лишаютъ націю пособія рукъ, отвлекаемыхъ ими отъ промышленности, но еще, какъ и всякая издержка непроизводительная, наносятъ ущербъ капиталамъ или препятствуютъ ихъ образованію, поглощая значительную долю частныхъ доходовъ.

115. СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЯ КАССЫ.

Во всѣхъ званіяхъ и ремеслахъ, какъ высшаго такъ и низшаго разряда, потребности содержанія постоянно стремятся поглотить задѣльную плату. Тому еще болѣе способствуютъ неосмотрительность людей, увлекательныя надежды на случайныя удачи, неумѣніе воздерживаться отъ излишнихъ расходовъ. Такъ, всего чаще, испаряется та доля задѣльной платы, которая должна служить обезпеченіемъ подъ старость, также на случай болѣзни или какой-либо невозможности снискивать пропитаніе трудомъ. Система пенсій, мы видѣли (§ 113) отвращаетъ, частью, это важное неудобство отъ лицъ, посвятившихъ себя службѣ государственной. Къ тому-же стремятся общества взаимнаго страхованія и всимоществованія, которые учреждаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ между работниками. *Сберегательныя кассы*, изобрѣтеныя въ послѣднее время, не имѣютъ, или покрайней мѣрѣ не должны имѣть, иного назначенія.

Онъ учреждаются обыкновенно правительствомъ, которое такимъ образомъ беретъ на себя храненіе имущества бѣднѣйшихъ членовъ государства. Принимая вклады малѣйшихъ суммъ, представляющихъ дроби дневной выручки простого работника; обеспечивая сложные проценты за все время пока вкладъ лежитъ въ кассѣ, и выдавая его по востребованію, онъ поощряютъ къ сбереженіямъ и, въ то-же время, ихъ облегчаютъ. Сумма, отложенная всторону и хранимая дома, не только лежитъ безъ пользы, но ей безпрестанно еще угрожаетъ растратою то крайность, то прелесть удовольствія. Сколь ни слабы формальности, сопряженныя съ обратною выдачей вклада изъ сберегательной кассы, онъ служить однако достаточной уздой для предохраненія внесенныхъ въ нее сбереженій отъ растраты, не совсѣмъ полезной и необходимой.

Всякому вкладчику выдается книжка (т. наз. *livret*), въ которую вписываются вносимыя имъ суммы, по мѣрѣ ихъ приема; въ ней-же отмѣчаются какъ суммы обратно выдаваемыя изъ кассы, такъ и нарастающіе проценты. Эта книжка есть кредитивъ на кассу; но она не можетъ передаваться владѣтелемъ другому лицу и, только въ случаѣ смерти, право на полученіе по ней вкладовъ и нарощихъ процентовъ переходитъ къ наследникамъ. Окончательная выдача итога вкладовъ по необходимости освобождаетъ кассу отъ всякаго долга по книжкѣ, и уничтожаетъ послѣднюю.

Чтобы сберегательныя кассы не уклонялись отъ ихъ настоящаго назначенія потребно соблюденіе

двухъ условій: ограниченіе суммы единовременнаго вклада, и ограниченіе итога, далѣе котораго не можетъ вкладъ простираться. Только въ видахъ облегченія счетоводства сберегательная касса можетъ назначать крайній предѣлъ низшей цѣнности вкладовъ: ея цѣль—благопріятствовать накопленіямъ капиталовъ изъ слабѣйшихъ доходовъ народныхъ, и посему она обязана принимать взносы самые умѣренные. Напротивъ она должна назначить крайній высшій предѣлъ вкладамъ такъ, чтобы этимъ легкимъ средствомъ помѣщенія сбереженій не воспользовались капиталисты, и не лишили промышленность пособія ихъ фондовъ. Подобная-же осторожность должна руководить ею при назначеніи итога, далѣе котораго не можетъ простираться сумма всѣхъ взносовъ одного вкладчика.

Вездѣ, однако, дѣлаютъ исключенія впользу фондовъ товариществъ взаимнаго вспоможенія и впользу военныхъ чиновъ морскихъ и сухопутныхъ, которыхъ родъ службы принуждаетъ къ частымъ отсутствіямъ. Нигдѣ не запрещается также членамъ одного и того-же семейства имѣть каждому свою книжку (*).

Содержаніе сберегательныхъ кассъ подвергаетъ правительство издержкамъ и отвѣтственности. Это обстоятельство должно принимать въ разсужденіе при назначеніи процентовъ. Сколь ни благотворительна и ни полезна цѣль подобныхъ учрежденій, несправедливо было бы относить эти издержки на счетъ государства, т. е. на счетъ всей массы подат-

(*) См. Прим. 16-е: о с. петербургской сберегательной кассѣ.

ныхъ: удерживая часть условленныхъ процентовъ, правительство относитъ ихъ на счетъ самихъ вкладчиковъ.

Вклады и проценты по вкладамъ образуютъ часть долга государственного, и служатъ поводомъ къ затрудненію, о которомъ нельзя умолчать. Обязанная уплачивать по востребованію слѣдующее по книжкамъ, сберегательная касса, подобно циркуляціонному банку принуждена постоянно имѣть налице значительную массу монеты. Эту необходимость весьма трудно согласить съ обязанностію платить проценты. Извѣстно, что проценты не имѣютъ иного источника, кроме прибыли; но капиталъ, лежащій въ касѣ въ видѣ монеты, никакой прибыли не приноситъ. Изъ этихъ двухъ обстоятельствъ проистекаетъ другая не маловажная издержка для казны государственной, еще болѣе оправдывающая вычеты изъ процентовъ.

Два средства представляются для облегченія казны отъ бремени сложныхъ процентовъ, платимыхъ вкладчикамъ изъ сберегательныхъ кассъ. Одно изъ нихъ, котораго наиболѣе придерживаются во Франціи, состоитъ въ обращеніи фондовъ сберегательной кассы на потребности такъ называемаго *неутвержденнаго долга* (*dette flottante*). Подъ этимъ названіемъ разумѣютъ временные и срочные займы, къ которымъ прибѣгаетъ правительство въ теченіи года, и которые причиняютъ весьма значительную издержку платежемъ процентовъ. Во Франціи, эта издержка достигаетъ иногда 20 миллионовъ франковъ въ годъ. Постоянно занимая нѣкоторую

часть фондовъ изъ сберегательной кассы казна го-
сударственная избавляется отъ крайности платить
проценты постороннимъ кредиторамъ.

Если финансовая система государства противится подобному употреблению фонда сберегательныхъ кассъ, то гораздо труднѣе избавить казну отъ издержекъ на уплату процентовъ по вкладамъ. Къ тому предлагали многія средства, и между прочимъ обращеніе этихъ фондовъ на устройство общеполезныхъ работъ приносящихъ доходъ, какъ-то: желѣзныхъ дорогъ, каналовъ. Прибѣгнуть къ подобному средству—значитъ измѣнить назначеніе сберегательныхъ кассъ и превратить вкладчиковъ въ акціонеровъ. Невозможно сдѣлать акціи не отчуждаемыми, не лишивъ владѣтелей важнѣйшихъ выгодъ сбереженій. Средствомъ самымъ удобнымъ, для извлечения пользы изъ фондовъ сберегательныхъ кассъ, представляется намъ, кажется, совокупленіе этихъ кассъ съ заемными, или, въ особенности, съ учетными банками, дисконтирующими вѣрные и краткосрочные кредитивы. Этимъ путемъ сбереженія бѣднаго не только сохранялись бы и приносили ему проценты, безъ обремененія казны государственной, но еще постоянно обращались бы въ пособіе промышленности народной.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

О ВЫРУЧКѢ УЧЕНАГО.

116. НЕСОРАЗМѢРНОСТЬ ДОХОДА УЧЕНЫХЪ СЪ ПОЛЬЗОЮ, ОТЪ ИХЪ ТРУДА.

Въ предшествующихъ главахъ (IV, V и VI) мы объяснили, какимъ образомъ въ составъ рыночной цѣны произведеній входятъ проценты капиталиста, прибыль предпринимателя и задѣльная плата работника. Но въ производствѣ участвуютъ дѣйствователи другого рода: ученые, посвящающіе свое время и свои силы наблюденію и открытію истинъ, изобрѣтенію новыхъ способовъ, распространенію, опредѣленію и разъясненію познаній, необходимыхъ для успѣшнаго хода различныхъ промысловъ. Они должны также имѣть свою долю въ цѣнностяхъ, созданію которыхъ содѣйствуютъ: иначе, какъ могли бы они существовать, погруженные въ занятія, изъ которыхъ не рождается, непосредственно, никакой полезности вещественной?

Есть разные виды труда ученаго: иногда, ученый пріобщается къ предпріятію въ качествѣ исполнителя высшаго разряда, таковы: инженеры, механики, химики;—тогда его доля состоять изъ

платы, которая соразмѣряется съ трудностью образованія и, частью, опредѣляется отношеніемъ между требованіемъ и предложеніемъ этого рода содѣйствія. Иногда, ученый, или изобрѣтатель, самъ предпринимаетъ примѣненіе истинъ или способовъ, имъ открытыхъ, къ производству—тогда его доля сливается съ прибылью и опредѣляется какъ выше объяснено; таковъ, напр., доходъ ученыхъ, посвящающихъ себя специальному преподаванію какой-либо части; доходъ медиковъ, хирурговъ, юрисконсультовъ, и т. п. Иногда, ученый употребляется правительствомъ для преподаванія публичнаго, включается въ составъ офиціальныхъ академій, ученыхъ совѣтовъ и т. п., и получаетъ жалованье въ качествѣ служителя государственнаго. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, какъ прибыль, такъ и задѣльная плата и жалованье ученаго должны представлять съ процентами погашеніе капитала, издержаннаго имъ на пріобрѣтеніе познаній: и если его доходъ не всегда соотвѣтствуетъ этому закону справедливости, если онъ поражаетъ иногда умѣренностью всравненіи съ доходомъ нѣкоторыхъ, собственно промышленныхъ, предпринимателей и исполнителей, не должно терять изъ виду, что эта умѣренность почти всегда вознаграждается другими преимуществами: уваженіемъ, которымъ пользуется ученый, его собственнымъ пристрастіемъ и любовью къ избранному предмету, наслажденіемъ, которое онъ почерпаетъ въ занятіяхъ столь высокихъ и независимыхъ.

Но въ обществѣ совершаются множество занятій ученыхъ, которые не входятъ въ категоріи выше

приведенныя: по вкусу, по внутреннему призванию, по честолюбию, по благородному желанию содействовать успехамъ образованности, иные люди посвящаютъ всѣ свои силы и способности изслѣдованию законовъ природы и человѣчества, или открытію усовершенствованныхъ способовъ производства. Обстоятельства, недостатокъ необходимыхъ способностей или досуга, не позволяютъ имъ присоединять къ ихъ наблюдательному труду заботы предпринимателя; другія обстоятельства, а частію и самый родъ познаній, лишаютъ ихъ возможності снискивать должности частныхъ или казенныхъ. Доля подобныхъ ученыхъ состоитъ въ возмездіи (*honorarium*) за ихъ совѣты и указанія, и зависитъ совершенно отъ запроса, предъявляемаго на подобные совѣты; если они не имѣютъ другихъ средствъ существованія кромѣ собственного труда, то ихъ удѣломъ часто бываетъ скучность, отнюдь не соответствующая великой пользѣ, приносимой ими обществу.

Первая причина этой скучности вознагражденія, которое ученые обрѣтаютъ за свои труды, заключается въ холодности запроса на его содѣйствіе, когда крайность не принуждаетъ къ нему прибегать. Потребность въ этомъ содѣйствіи всегда и несомнѣнно существуетъ самая настоятельная. И въ промышленности, и въ быту житейскомъ, и въ нашихъ гражданскихъ отношеніяхъ, мы постоянно чувствуемъ, что не достаетъ чего-то въ нашемъ знаніи, что множество вещей постигаются нами слабо или превратно. На каждомъ шагу нась остана-

вливаеть мракъ невѣденія; сомнѣніе не покидаетъ насть ни на минуту; вездѣ намъ нужно болѣе свѣта; нигдѣ истина не сказалась вполнѣ; вездѣ ее нужно прояснить, сдѣлать удобопонятнѣе, привить къ нашей дѣятельности. Но эта потребность ощущается смутно, неясно; не многіе всилахъ отдать себѣ въ ней отчетъ; она не совокупляетъ однимъ общимъ звеномъ воли множества членовъ общества, не вызываетъ громогласно людей для ея удовлетворенія, какъ вызываютъ ихъ другія потребности, живѣе говорящія.

Еще болѣе: какъ часто, привыкнувъ къ мраку насть окружающему, пріобщивъ свѣденія неполныя или ошибочныя къ нашему быту, мы даже не признаемъ, или не хотимъ признать, потребности въ истинѣ. Для одного признания этого, человѣкъ часто долженъ стать выше своей націи, своего вѣка, и не страшиться навлечь на себя упрековъ въ нововведеніи, въ склонности къ перемѣнамъ. Часто онъ долженъ побѣдить внушеніе собственныхъ личныхъ интересовъ.

Сей-то потребности, одни не сознаваемой, другими не признаваемой, понимаемой только немногими, берется удовлетворять ученьй. Онъ предается исканію истины, въ которой нуждается общество, но которой оно не просить. Этому исканію онъ посвящаетъ все свое время, дни, ночи; погруженный въ свои изслѣдованія, онъ почти отрѣшается отъ круга своихъ близкихъ; забываетъ о своихъ выгодахъ личныхъ; не помышляетъ объ удовольствіяхъ; пренебрегаетъ обольщеніями свѣта. Лучшая

пора его жизни протекаетъ посреди добровольнаго и суроваго заточенія, посреди занятій самыхъ тяжкихъ и часто нездоровыхъ. Онъ изнемогъ бы, еслибъ его не поддерживало убѣженіе въ важности и величіи призванія, имъ самимъ на себя возложенаго, и надежда наконецъ узрѣть истину, этотъ лучъ свѣта разсѣкающій туманы, вокругъ нашей познавательной силы раскинутые. Когда наступитъ эта минута, онъ счастливъ; онъ забываетъ всѣ труды; въ немъ преобладаетъ справедливое чувство гордости, возвышающее его надъ современниками Но какъ часто, это высокое наслажденіе бываетъ единственою наградою огромной услуги, оказанной имъ человѣчеству.

Какъ часто истины имъ, открытой, не понимаютъ, или отвергаютъ ее какъ несбыточную. *Фултонъ*, примѣнившій силу паровъ къ мореходству, прослылъ безумцемъ, когда провозгласилъ въ Европѣ свое удивительное изобрѣтеніе. Та-же участь, за нѣсколько столѣтій до него, постигла *Колумба*. И тотъ и другой, по крайней мѣрѣ насладились удивленіемъ міра, пораженнаго величиемъ ихъ открытій. Но сколько другихъ ученыхъ и изобрѣтателей оставляютъ жизнь, не вкушивъ высокой награды, не признанные, бѣдные, обремененные лишеніями вещественными, не извлекши даже куска хлѣба наущнаго для своихъ дѣтей изъ труда, которымъ воспользуются послѣдующія поколѣнія. *Гаргревъ*, одинъ изъ изобрѣтателей бумаго-прядильной машины, доставившей несмѣтныя богатства Англіи и Европѣ, умеръ въ нищетѣ и неизвѣстности.

Иные еще злополучнѣе. Ихъ открытія слишкомъ явно противорѣчатъ предразсудкамъ, и навлекаютъ на нихъ гоненія самыя жестокія. Галилей едва не заплатилъ жизнью за откровенность, съ которой, посреди суевѣрій XVI столѣтія, объяснилъ настоящіе законы мірозданія. Ученые, занимавшіеся химіей и физикой въ средніе вѣка, преслѣдовались какъ чародѣи, колдуны. Не одинъ изъ нихъ искупилъ на кострѣ свою приверженность къ исканію философскаго камня, исканію тщетному, но которое привело ко множеству полезныхъ открытій. Еще недавно, въ Англіи, народное негодованіе возстало противъ изобрѣтателей машинъ. Жакардъ, этотъ знаменитый работникъ-ученый, которому Ліонъ, Франція и вся Европа обязаны изобрѣтеніемъ станка для тканья травчатыхъ матерій, едва не погибъ жертвою ярості его собратій.

Не прибѣгая къ примѣрамъ историческимъ, какъ не поразиться нелѣпымъ пренебреженіемъ толпы и пустыми толками о трудѣ ученомъ, которые вездѣ раздаются вокругъ настъ. Его упрекаютъ въ отвлеченности, теоризмѣ, идеализмѣ тѣ самые люди, которые наиболѣе пользуются его великими заслугами. Близорукій фабrikантъ, или поселянинъ, бросаетъ спадобья, составленныя по заученому рецепту, въ свой садъ или свою пашню, употребляетъ машину, распредѣляетъ свои работы, свои посѣвы, не помышляя о тѣхъ открытіяхъ физики, химії и механики, которымъ его промыселъ обязанъ столь удобными приемами. Затрудняетъ-ли его что-либо: онъ обращается за совѣтомъ къ себѣ подобнымъ,

вопрошаєтъ *рутину*: онъ боится совѣтовъ ученаго, которыхъ не понимаетъ; не довѣряеть тѣмъ, которые понятны. Самое слово *ученость* не превратилось-ли въ грубую насыпку между малообразованными сословіями народными. И, кнесчастію, не встрѣчаемъ-ли слѣдовъ подобнаго пренебреженья, въ формахъ болѣе вѣжливыхъ, въ сословіяхъ высшихъ, гдѣ такъ часто бранятъ и поносятъ теорію, не замѣчая, что практика идетъ по ея слѣдамъ, ею поддерживается и улучшается.

Настоящій, прямой запросъ на содѣйствіе ученаго труда, въ видѣ совѣтовъ и указаній, вездѣ сосредоточивается въ немногочисленомъ кругу лицъ, понимающихъ его пользу и важность, и этотъ кругъ тѣмъ тѣснѣе, чѣмъ менѣе разлито образованности въ народѣ. По странному противорѣчію, которое свойственно только этой вѣтви труда, его всегда требуется наименѣе тамъ, гдѣ въ немъ настоитъ наиболѣе нужды. Въ этомъ фактѣ почерпается сильнейший доводъ впользу публичнаго образованія, на счетъ всего государства предлагаемаго, создающаго искусственный запросъ на необходимѣйший трудъ; впользу заботъ правительства о томъ, о чемъ мало заботится сама нація.

Къ ограничености запроса присоединяются другія обстоятельства, неблагопріятныя доходу ученыхъ сословій. Съ нѣкоторой точки зрѣнія, ученый походитъ на производителя, который вносить въ обращеніе произведеніе неистощимое; открытая истина, или изобрѣтеніе, нетолько не уничтожаются употребленіемъ, но напротивъ, польза ими приносимая

усиливается, по мѣрѣ опытности, съ нимъ неразлучной. Разъ сообщенныея предпринимателю, онѣ служать ему постоянно, не принуждая вновь прибѣгать къ помощи ученаго. Мало по малу, переходя отъ одного мастера къ другому, или даже отъ работника къ работнику, проникаютъ въ ремесло и вмѣстѣ съ нимъ сообщаются всякому желающему; и если иногда платятъ за это сообщеніе, то не ученику, но мастеру, подъ видомъ ученичества. Такъ множество изобрѣтеній и началъ, весьма важныхъ и весьма полезныхъ, обращаются въ искусствахъ и ежедневно примѣняются къ производству, не принося ни малѣйшей выгоды лицамъ, чьи наблюденія и изслѣдованія открыли ихъ свѣту. Ни Доллондъ, ни Ейлеръ, изобрѣтатели телескоповъ и приблизительныхъ стеколъ, не извлекли ни малѣйшей пользы изъ открытія, обогатившаго множество оптическихъ мастеровъ во всѣхъ частяхъ свѣта.

Безсомнѣнныя, ученые, обладающіе монополіей познаній и таланта, могли бы требовать дорогой платы за первыя сообщенія истинъ и способовъ, ими открытыхъ, отъ лицъ къ нимъ прибѣгающихъ. Но слишкомъ высокое возмездіе удалило бы охотниковъ воспользоваться подобными сообщеніями, еще усугубило бы холодность запроса на ученый трудъ. Ктому-же наука, облагороживая чувства, заглушаетъ внушенія личной корысти. Большой частью, ученые щедро дѣлятся познаніями, столь трудно пріобрѣтаемыми. Удовольствіе сообщить новооткрытую истину, честь изъ того проистекающая, заставляютъ ихъ забывать издержки и заботы, кото-

рыхъ стоило ихъ открытие. Никогда не забуду радушной готовности, съ какою покойный *Дарсеть* (*) дѣлился своими разнообразными и оригинальными познаніями со всякимъ, приходившимъ къ нему спросить совѣта по части, его занимающей: нѣть почти промысла, въ которомъ не сохранились бы слѣды его полезной дѣятельности, его свѣтлаго и практическаго ума; во Франціи цѣлые промышленныя сословія обогатились его открытиями; самъ-же, до послѣдней минуты довольный умѣреннымъ казеннымъ окладомъ, онъ оставилъ своему семейству одно только имя, вездѣ уважаемое, и небольшой пенсіонъ.

Справедливость общественная сознаетъ темно эту недостаточность дохода, извлекаемаго учеными изъ ихъ труда. Вездѣ они вознаграждаютсяуваженiemъ людей благомыслящихъ, просвѣщенныхъ,уважениемъ тѣмъ болѣе лестнымъ, чѣмъ его труднѣе снискать. Толпа, не признающая истины, а иногда ее преслѣдующая, невольно преклоняется предъ человѣкомъ, неустранимо ее провозгласившимъ;— и въ этомъ почтеніи, въ которомъ не могутъ отказать ему сами враги учености, заключается, можетъ быть, одна изъ самыхъ отрадныхъ наградъ истиннаго ученаго. Нынѣ, особенно въ Европѣ, званіе ученыхъ пользуется почетностью, которая перевѣшиваетъ, нѣкоторымъ образомъ, холодность запроса на ихъ прямое содѣйствіе.

(*) Членъ Института Франціи, королевскій комисаръ монетъ и директоръ монетныхъ пробъ; скончался въ Парижѣ въ 1844 году.

Медленность образования, трудности занятій, слабость возмездія должны естественно отвращать множество людей отъ ученаго поприща: тѣмъ не менѣе оно часто бываетъ запруженъ избыткомъ предложенія и, кнесчастію, этотъ избытокъ рѣдко оказывается въ истинныхъ ученыхъ, безпристрастно любящихъ науки и приносящихъ имъ въ жертву всю свою жизнь:—послѣдніе всегда рѣдки. Удовольствіе, доставляемое науками, нравственный вѣсъ, ими придаваемый, завлекаютъ на это поприще то людей богатыхъ, не знающихъ чѣмъ занять свои досуги, то людей неспособныхъ, поверхностныхъ, но одержимыхъ самоувѣренностью. Эти посредственные ученые часто обладаютъ искусствомъ и смѣлостью, или вліяніемъ свѣтскимъ, которыми умѣютъ прикрыть свою пустоту; часто они присвоиваютъ себѣ чужія открытія; величаются чужими выгодами и соображеніями и, проникая въ довѣренность общественную, то лестью, то косвенными путями, то наружною приманкой народности изложенія, присваиваютъ себѣ выгоднѣйшія должности и занятія, отбиваются хлѣбъ у настоящихъ служителей науки, которымъ чужды наглость и пропски.

Въ Греціи, во времена Сократа и Платона, софисты владѣли общественнымъ мнѣніемъ. У нихъ было несравненно болѣе учениковъ; они получали плату значительнѣе философовъ, которыхъ подвергали самымъ жестокимъ гоненіямъ. Позднѣе, въ Римѣ, риторы изгнали изъ преподаванія публичного истинныхъ ученыхъ. Въ средніе вѣки, въ Европѣ, ученость долго была монополіей римско-католиче-

скаго духовенства, и навлекала на себя опасныя гоненія виѣ стѣнъ монастырскихъ, подъ одеждю свѣтскою. Даже въ наше время, не смотря на успѣхи образованности народовъ, сколько можно указать примѣровъ назойливой посредственности, похищающей у истинныхъ ученыхъ не только выгоды вещественныя, но и признаніе свѣта—ихъ послѣднюю, нравственную награду.

Всего болѣе, въ наше время, умножилось число изобрѣтателей. Для настъ, ученый и изобрѣтатель сливаются въ одномъ и томъ-же понятіи. Послѣдній, какъ и первый, наблюдаетъ, изучаетъ истину; но собственно ученый иногда ограничивается только изслѣдованіемъ и опредѣленіемъ закона природы, тогда-какъ изобрѣтатель, въ тѣсномъ значеніи слова, старается дать этому закону практическое примѣненіе къ какому-либо производству. Впрочемъ, свойства труда ихъ совершенно одинаковы: множество способовъ изобрѣтены тѣми-же учеными, которые открыли законы, служащіе имъ основаніемъ; знаменитѣйшіе изобрѣтатели, которые ограничивались однимъ примѣненіемъ истинъ, до нихъ открытыхъ, отличались познаніями глубокими и обширными. Иногда навыкъ, случай, особенная практическая смѣтливость открываютъ новые способы: имъ промышленность и самая наука обязаны многими важными изобрѣтеніями.

Но удачныя открытія эмпиризма суть однѣ только счастливыя исключенія. Большею частью подобные изобрѣтенія отличаются односторонностію, не-полнотою; легкость, съ какою онѣ дѣлаются, раз-

множаетъ до крайности ихъ число. Эти импровизаціи, поселяя справедливую недовѣрчивость въ предпринимателяхъ, наносятъ много вреда изобрѣтеніямъ существеннымъ. Ктому-же и здѣсь интрига, шарлатанство часто вытѣсняютъ истинное достоинство, захватываютъ возмездія, долженствующія служить поощреніемъ и поддержаніемъ послѣдняго. Сколько людей, изобрѣтшихъ съ великимъ трудомъ отличные способы производства, проживаютъ вѣкъ въ бѣдности и даже въ нищетѣ, тогда-какъ ихъ открытия обогащаютъ другихъ искусственныхъ, но отнюдь не столь достойныхъ спекуляторовъ.

Недостаточное обеспеченіе литературной собственности довершаетъ, во многихъ государствахъ, невыгодное положеніе ученаго сословія.

117. О ЛИТЕРАТУРНОЙ СОБСТВЕННОСТИ.

Во всякомъ труде ученомъ должно отличать мысль отъ изложенія. Мысль, т. е. начало или законъ природы, который удалось открыть ученому, по самой ея сущности должна быть отнесена въ разрядъ благъ общихъ: она не можетъ служить предметомъ частной собственности, и только иногда, на краткое время, общество можетъ предоставить изобрѣтателю исключительное право примѣнять къ производству открытую истину, въ особенныхъ, ясно определенныхъ условіяхъ, которыхъ мы коснемся ниже. Изложеніе, напротивъ, тѣсно связано съ личностью ученаго: оно исключительно зависитъ отъ его произвола, и всякое дѣйствіе, силою принуждаю-

щее къ сообщенію пріобрѣтенныхъ познаній или открытыхъ способовъ, явно противорѣчить личнымъ правамъ и цѣли общественной. Изложеніе письменное принадлежитъ ему на томъ-же основаніи, на какомъ и всякое другое произведеніе принадлежитъ человѣку, создавшему его при помощи своего труда и своихъ капиталовъ. Уступая экземпляръ или списокъ подобнаго изложенія, авторъ даетъ пріобрѣтателю полное право пользоваться указаніями въ немъ содержимыми, и ссуджать этотъ экземпляръ или списокъ другимъ; но онъ сохраняетъ собственность изложенія, и никто не имѣетъ права безъ его согласія размножать эти экземпляры или копіи. Въ этомъ исключительномъ правѣ автора располагать письменнымъ изложеніемъ, имъ составленнымъ, заключается литературная собственность. Она согласна съ правомъ естественнымъ, потому-что основана на законѣ виновности: произведеніе ума должно принадлежать тому, кто соединилъ въ своей силѣ познавательной необходимыя условія для его созданія, и кто далъ ему бытіе. Она согласна съ интересомъ общественнымъ, потому-что служитъ поощреньемъ къ подобнымъ произведеніямъ, требующимъ много труда и постоянства. Наконецъ она оправдывается здравымъ смысломъ: — дозволить всякому размножать и продавать въ свою пользу сочиненія ученаго, безъ его согласія, не значитъ-ли отнять у этого сословія послѣдняя средства къ пропитанію, обречь его на трудъ отмѣнно полезный для всѣхъ, неблагодарный и непроизводительный только для него самого.

Признаніе литературной собственности важно не только для ученыхъ, но вообще для всѣхъ произведеній художественныхъ, какъ чистыхъ, такъ и въ примѣненіи къ другимъ искусствамъ. Въ этихъ произведеніяхъ вещественный матеріялъ занимаетъ мѣсто второстепенное: главная цѣнность проистекаетъ отъ ихъ расположенія, говорящаго разсудку, выражающаго въ особенной гармоніи, въ цѣломъ, болѣе или менѣе стройномъ, внушенія ума или фантазіи. Кому-же принадлежитъ эта цѣнность, какъ не артисту, ее создавшему? безъ явной несправедливости, ее не можетъ присвоить себѣ ни промышленникъ, размножающій форму, изобрѣтенню артистомъ, ни общество: въ первомъ случаѣ, собственность артиста быда бы похищена изъ видовъ интереса частнаго, во второмъ,—общественнаго: ито, и другое похищеніе противны законамъ естественной справедливости. Какъ ученому принадлежитъ собственность книги, имъ сочиненной, на томъ же основаніи и живописцу принадлежитъ изображеніе, написанное имъ на холстѣ; скульптору—изваяніе, вышедшее изъ подъ его рѣзца; композитору—его партіція; литератору—его твореніе; рисовальщику—узоръ, имъ придуманный. Типографщики, копісты, граверы, литографы, литеїщики, формовщики, бронзовыхъ дѣлъ мастера, ювелиры, содержатели театровъ, концертисты, ткачи, фабриканты набивныхъ матерій, не могутъ по произволу располагать чужими произведеніями умственными и художественными, такъ точно, какъ никто не можетъ располагать ихъ собственными издѣліями.

Подобно всякой другой, литературная собственность можетъ быть отчуждаема на условіяхъ или безъ условій, на время или на всегда, передаваться завѣщаніемъ, или путемъ наслѣдства сохраняться въ потомствѣ автора. Какъ и всякая другая, она можетъ служить предметомъ различныхъ сдѣлокъ и, въ случаѣ уступки другому лицу, переносить на него всѣ авторскія права. Недолжно смѣшивать только эту уступку съ простою продажей или дареніемъ одного экземпляра какого бы то ни было сочиненія: покупая право сорвать спѣлые плоды съ дерева, никто не приобрѣтаетъ права на самое дерево: такъ точно и авторъ, продавая одинъ экземпляръ своего творенія, вполнѣ сохраняетъ собственность типа.

Трудность огражденія литературной собственности не можетъ служить доводомъ противъ ея существенности. Если авторскія права болѣе всѣхъ другихъ подвержены нарушеніямъ, развѣ можно изъ того заключить, что ихъ признаніе не обязательно для общества и для каждого члена общества? развѣ это обстоятельство не должно, напротивъ, служить поводомъ къ вящему охраненію ихъ законами государственными? Во многихъ случаяхъ владѣтель не можетъ собственными силами предохранить свои помѣстья отъ чужого поползновенія: законъ и власть общественная предлагаютъ ему пособіе: какъ могутъ они отказать въ подобномъ пособіи автору, не менѣе достойному ихъ защиты.

Часто литературную собственность смѣшиваютъ съ монополіей: между ними нѣтъ ничего общаго.

Монополія запрещаетъ всѣмъ членамъ общества, за исключеніемъ одного или нѣкоторыхъ, заниматься какимъ-либо производствомъ или употреблять какой-либо способъ: она создаетъ право, которое до того не существовало, или, лучше сказать, уничтожаетъ право, естественно принадлежавшее всякому. Литературная собственность есть не что иное, какъ признаніе естественного права всякого человѣка на произведенія его труда. Она не уничтожаетъ никакихъ другихъ правъ естественныхъ, до нея существовавшихъ; не стѣсняетъ производства, падая только на форму, на внѣшнюю оболочку полезныхъ мыслей, отнюдь не на самыя мысли. Обеспеченіе этой собственности совсѣмъ не препятствуетъ никому примѣнять къ дѣлу истины и мысли, изданныя авторомъ; никому не заграждаетъ также поприща наукъ и художествъ: всякий можетъ на него выступать и посвящать свои усилія тѣмъ-же самимъ предметамъ, которые уже служили предметомъ другихъ сочиненій, почерпать даже въ послѣднихъ лучшія вдохновенія и необходимѣйшія познанія. Монополія нарушаетъ равенство правъ гражданскихъ; литературная собственность, напротивъ, его подврѣаетъ.

Иногда приводятъ пользу общественную какъ доводъ противъ литературной собственности: опасно, говорять, предоставлять въ исключительное владѣніе одного семейства, произведенія умственныхъ и художественныхъ. Невѣжество, предразсудокъ, прічуды владѣтеля могутъ лишить общество пользы, ими приносимой, уничтожить даже эти уроки генія,

которые должны его пережить и переходить отъ одного поколѣнія къ другому до позднѣйшаго потомства. Трудно и почти невозможно подкрѣпить фактами это возраженіе. Интересъ, это сознаніе личной выгоды, дѣйствуетъ на людей сильнѣе большей части другихъ побужденій: какъ предположить семейство, разрушающее элементы собственного благостоянія. И если можно допустить вліяніе эксцентрическихъ предразсудковъ, то нельзя не открыть и другого вліянія, ихъ перевѣшивающаго, въ чувствѣ, которое заставляетъ людей гордиться дѣлами ихъ предковъ, и заботиться о сохраненіи ихъ славы.

Ктому-же, польза общественная не извиняетъ похищенія. Когда государство нуждается въ чьей-либо поземельной собственности для проложенія дороги, канала, или для устроенія зданія публичнаго, оно можетъ ее себѣ присвоить, но предварительно назначаетъ приличное вознагражденіе владѣльцу: по тѣмъ-же причинамъ оно обязано вознаградить автора или его наслѣдниковъ, когда признаетъ полезнымъ обратить его произведенія въ собственность общественную. Для произведеній литературныхъ, какъ и для всѣхъ другихъ, законъ одинъ и тотъ-же: общество не можетъ имѣть ихъ даромъ, и должно платить, когда желаетъ ихъ пріобрѣсть.

Не признавая литературной собственности, общество препятствуетъ образованію литературныхъ произведеній. Одной славы, одного удовольствія недовольно для побужденія артистовъ и ученыхъ къ подобнымъ занятіямъ: они должны жить своимъ трудомъ, какъ и другие производители. Ограничиваая ее

нѣкоторымъ числомъ лѣтъ, оно охлаждаетъ ихъ рвение, часто отвращаетъ отъ предпринятія изслѣдованій и трудовъ, требующихъ большихъ издержекъ.

Авторскія права долго не признавались въ Европѣ: когда-же наконецъ согласились въ ихъ существованіи, то нигдѣ не рѣшились признать ихъ во всей полнотѣ, и подвести подъ общіе законы собственности. Во всѣхъ законодательствахъ постановлены сроки (*), по истеченіи которыхъ авторъ или его наслѣдники теряютъ свои исключительныя права, и произведенія умственныхъ или художественныхъ становятся достояніемъ общественнымъ. Всякій можетъ ихъ размножать и продавать въ свою пользу по произволу.

Отъ ограниченія литературной собственности срока болѣе или менѣе краткимъ преимущественно терпитъ трудъ ученый, созидающій свои произведенія медленно, путемъ наблюденій продолжительныхъ, иногда поглощающихъ большую часть жизни. Мода, вкусъ къ новизнѣ часто въ нѣсколько мѣсяцевъ съ лихвой вознаграждаютъ сочинителя легкихъ литературныхъ произведеній, и когда наступаетъ роковой срокъ, ихъ цѣнность почти совершенно изчезла. Ученое сочиненіе иногда не имѣетъ успѣха вначалѣ; оно медленно снискиваетъ извѣст-

(*) Въ Англіи 28 лѣтъ со дня изданія; въ сѣв. amer. С. Штатахъ, 14; во Франціи по смерть автора и 20 лѣтъ его вдовѣ или дѣтямъ (См. *Traité de la propriété: par Ch. Comte T. II. ch. XXXIII.*) Въ Россіи по смерть автора и 25 лѣтъ его законнымъ наслѣдникамъ: вслучаѣ повтораго изданія книги наслѣдниками за пять лѣтъ до истеченія срока ихъ собственности, она признается за ними еще на 10 лѣтъ сверхъ установленнаго 25 лѣтняго срока.

ность; его слава зиждется мало по малу, и законъ исторгаетъ его собственность изъ рукъ автора, часто въ ту минуту, когда онъ начинаетъ пожинать лучшіе плоды своего труда. Постановленія, уничтожающія литературную собственность смертью автора, несомнѣнно лишаютъ свѣтъ сочиненій людей престарѣлыхъ, которыхъ рвеніе не поддерживается надеждой на доставленіе вещественныхъ выгодъ ихъ наслѣдникамъ.

Еслибъ литературная собственность признавалась какъ всякая другая, то доходъ ученаго съ книгъ зависѣлъ бы исключительно отъ запроса на его сочиненія, отъ степени довѣрія къ нимъ публики, отъ совершенства его изложенія и отъ важности истинъ и открытій, имъ объясняемыхъ. Въ настоящемъ положеніи вещей, доходъ, приносимый книгами сопрѣмѣряется съ тѣмъ срокомъ собственности, который обеспеченъ законами.

Ученый рѣдко бываетъ самъ издателемъ своихъ сочиненій: онъ невсегда имѣеть времени этимъ заниматься, часто не обладаетъ нужными для того способностями. Торговля книгами составляетъ предметъ особаго промысла. Обыкновенно уступается право изданія рукописи специальному предпринимателю, книгопродавцу. Послѣдній платитъ тѣмъ дороже за это право, чѣмъ продолжительнѣе срокъ, въ теченіи котораго онъ можетъ имъ пользоваться. Право изданія уступается также на время, или на опредѣленное число экземпляровъ: ясно, что повтореніе подобныхъ сдѣлокъ совершенно зависитъ отъ срока литературной собственности, и что, приближаясь къ

его окончанію, сочинитель ставится въ невозможность найти издателя на выгодныхъ условіяхъ.

Издавая самъ свои сочиненія, ученый можетъ воспользоваться тою прибылью, которую осуществляетъ на нихъ книгопродавецъ, но не отъ него зависитъ много усилить его авторскую премію. Назначивъ слишкомъ высокую цѣну своей книгѣ, онъ неминуемо повредить ея сбыту и отвратить покупателей. Для него выгоднѣе пустить въ продажу свое сочиненіе по цѣнѣ умѣренной, и довольствоваться слабою преміей, на значительнѣйшемъ числѣ экземпляровъ.

Во многихъ случаяхъ, книги издаются сочинителями отнюдь не изъ видовъ прибыли частной: они побуждаются къ тому желаніемъ пріобрѣсть извѣстность, оказать пользу отечеству. Подобныя изданія часто не окупають издержекъ печати, бумаги и задѣльной платы работниковъ. Другія сочиненія служатъ дополненіемъ, или бываютъ послѣдствиемъ, изслѣдованій или путешествій, сдѣланныхъ на счетъ правительства: это объясняетъ частью ихъ дешевизну, столь несоразмѣрную съ трудностью ихъ составленія. Иногда профессоръ издаетъ свои лекціи, или руководство, для своихъ слушателей: онъ довольствуется умѣренною преміей авторской, потому что рассматриваетъ ее какъ одну только прибавку къ своему жалованью. Вообще доходъ, приносимый книгами ученымъ, рѣдко бываетъ значителенъ и они, по справедливости, разматриваютъ подобные труды въ отношеніи вещественномъ, какъ средство къ достиженію извѣстности и снисканію выгодныхъ

мѣстъ въ промышленности или въ службѣ государственной. Однажды обеспеченные въ своемъ содер-жаніи, они продолжаютъ трудиться и писать болѣе для науки или для славы, нежели изъ видовъ обога-щенія. На уменьшеніе дохода, приносимаго книгами, еще много имѣетъ вліянія перепечатываніе ихъ въ иностранныхъ земляхъ: законы государственные, которыхъ сила не простирается за предѣлы народ-ной области, не могутъ предупредить подобное нарушеніе литературной собственности: его отвра-щенія можно ожидать только отъ междо-народнаго права, которое утверждается положительно трак-татами, а поддерживается успѣхами образован-ности.

За исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда въ одномъ и томъ-же лицѣ сливаются трудъ ученаго и трудъ предпринимателя, доходъ первого всегда выдѣляет-ся изъ капитала, примѣняемаго къ производству то въ видѣ жалованья, то въ видѣ возмездія (*hono-rarium*), платимаго за совѣты и указанія, то нако-нецъ въ видѣ авторской преміи, входящей въ цѣну книги. Въ двухъ послѣднихъ видахъ, онъ рѣдко за-нимаетъ важное мѣсто въ издержкахъ производства, и иные предприниматели даже не включаютъ его въ свои расчеты. Многіе экономисты, наиболѣе разобравшіе составъ рыночной цѣны издѣлій, како-вы *Смитъ*, *Рикардо*, *Мальтусъ* (*), не упомянули объ этомъ элементѣ. Онъ существуетъ однако, по-тому-что иначе нельзя было бы объяснить суще-

(*) Всѣхъ лучше разсмотрѣлъ доходъ ученаго Ж. Б. Се. См. *Cours complet d'Economie politique*.

ствование ученыхъ, въ предпріятій и службы го-
сударственной.

**118. О ПРИВИЛЕГІЯХЪ, ВЫДАВАЕМЫХЪ НА НОВЫЯ
ИЗОБРѢТЕНИЯ.**

Обезпеченіе литературной собственности, повторяю, никому не препятствуетъ примѣнять къ дѣлу истины, открытія или доказанныя писателями. Обнародованіе сочиненія скорѣе способствуетъ ихъ распространенію въ практикѣ; всякий можетъ даже извлекать указанія, въ немъ содергимыя, издавать ихъ въ формахъ простѣйшихъ, болѣе доступныхъ уразумѣнію народному. Цѣль привилегіи, напротивъ, устранить всякого, кроме изобрѣтателя, отъ пользованія новою мыслію, новымъ открытиемъ. Она превращаетъ на время въ собственность частную какую-либо силу природную, которая не можетъ быть никѣмъ другимъ употребляема въ условіяхъ выраженныхъ въ привилегіи.

Доселѣ еще многіе (*) разсматриваютъ привилегіи, какъ признаніе частной собственности изобрѣтеній, которой основаніе полагаютъ въ естественныхъ правахъ человѣка: «новоизобрѣтеніе, говорять «они, есть плодъ труда и издержекъ изобрѣтателя и «посему должно принадлежать ему одному, исключительно предъ всѣми другими.» Неоспоримо право изобрѣтателя употреблять открытый имъ способъ, если нѣтъ въ немъ ничего противнаго безопасности общественной; неоспоримо также, что онъ

(*) Въ эту ошибку впалъ редакторъ Dictionnaire du Commerce éd. Guillaumin 1842. Т. I. См. статью: *Brevets d'invention*.

не можетъ быть силою принужденъ къ сообщенію его другимъ. Но слѣдуетъ-ли изъ этого, что никто другой не можетъ употреблять способъ, имъ открытый, если узнаетъ его случайно, или если самъ его откроетъ другими путями? Законъ, открытый изобрѣтателемъ, не есть его произведеніе: онъ существовалъ до него, и принадлежалъ къ числу благъ даровыхъ, предоставленныхъ Провидѣніемъ роду человѣческому. Открытие этого закона, равно какъ и всѣхъ другихъ подобныхъ, нимало не измѣняетъ ихъ свойства общности. Иначе, существованіе рода человѣческаго зависѣло бы отъ произвола тѣхъ людей, которымъ удалось сдѣлать подобныя открытія, и на землѣ водворилось бы царство самыхъ нестерпимыхъ монополій, подавляющихъ всякой успѣхъ.

Предметомъ привилегіи, говорятъ, не можетъ служить *начало* или *законъ* (*principium*), но только примѣненіе этого начала къ добыванію какихъ-либо произведеній. Исключительное право добыванія помошію этого способа и продажа произведеній— вотъ настоящая собственность изобрѣтателя. Если выводить собственность новыхъ открытій изъ законовъ права естественного, то какъ постановить различіе между началомъ и примѣненіемъ начала? какъ отвратить множество неизбѣжныхъ недоразумѣній? которому изъ этихъ двухъ открытій отдать преимущество въ отношеніи трудности и издережекъ, ими причиняемыхъ? Ученый трудится всю жизнь, пока узритъ истину;—случай, навыкъ внушаютъ ремесленнику новый способъ производства: отчего изобрѣтеніе послѣдняго будетъ признаваться

ся его собственностью, тогда-какъ открытіе первого, несравненно труднѣйшее и несравненно важнѣйшее, немедленно превратится въ собственность общую. Еще менѣе послѣдовательности найдемъ во мнѣніи, полагающемъ основаніе привилегій въ естественномъ правѣ, когда обратимъ вниманіе на привилегіи, выдаваемая на введеніе иностраннѣхъ изобрѣтеній. Признавая подобныя изобрѣтенія собственностью тѣхъ лицъ, которыя первыя рѣшаются ихъ ввести въ государство, законы поощряютъ и награждаютъ явное похищеніе чужой собственности, родъ умственного пиратства. Нигдѣ же и никогда народная справедливость не допускала попранія правъ иностранцевъ.

Эти противорѣчія, эта сбивчивость изчезаютъ, когда привилегіи разсматриваются съ надлежащей точки зрењія. Обезпеченіе на опредѣленное время исключительного права употреблять новооткрытый или нововведенный способъ не можетъ имѣть иной цѣли, кромѣ поощренія успѣхамъ промышленности. Родъ договора заключается между изобрѣтателемъ и обществомъ: первый соглашается сообщить во всеузнаніе свой способъ, предоставить его промышленности народной: второе, въ награду за подобное сообщеніе и, частію, за тѣ старанія и тѣ издержки, которыхъ стоило изобрѣтеніе, позволяетъ изобрѣтателю въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ исключительно пользоваться этимъ способомъ, и охраняетъ его права законами, болѣе или менѣе строгими, противъ поддѣльвателей.

Легко усмотрѣть, что изъ подобнаго договора

проистекаетъ польза обоюдная. Съ одной стороны изобрѣтатель, обеспеченный на достаточное время противъ подражанія, успѣваетъ окупить понесенныя имъ издержки и извлечь справедливое возмездіе за труды свои. Съ другой, общество, благодаря краткосрочному пожертвованію, пріобрѣтаетъ улучшенный способъ производства, котораго безъ того могло бы лишиться, то смертию изобрѣтателя, то его стараніями сохранить открытие въ тайнѣ. Кромѣ того, подобныя мѣры поощряютъ къ улучшенію способовъ уже известныхъ, равно какъ и къ пріисканію новыхъ. Эти выгоды перевѣшиваются неудобства, сопряженныя съ привилегіями, и состоящія преимущественно въ стѣсненіи промышленности, въ тяжбахъ и проступкахъ, которымъ онъ подаютъ поводъ, и которые безъ нихъ не существовали бы въ обществѣ.

Во всякой привилегіи означается срокъ ея продолженія и способъ, на который она выдана. Во Франціи, Бельгіи, Голландіи и Австріи такой срокъ простирается до 15 лѣтъ; въ соединенномъ Великобританскомъ королевствѣ и въ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ не можетъ превышать 14 лѣтъ; а въ Россіи 10. Во Франціи, въ Англіи, въ Австріи и въ Америкѣ срокъ привилегіи взятой на годъ, или болѣе, можетъ быть продленъ до крайняго предѣла, по произволу ее получившаго; россійское законодательство не допускаетъ подобнаго продленія срока, однажды назначенаго. Всѣ законодательства требуютъ точнаго и самого подробнаго описанія способа, на который испрашивается приви-

легія. Всѣ допускають искъ постороннихъ лицъ противъ законности привилегіи, въ случаѣ если способъ былъ уже предварительно описанъ въ какомъ-либо сочиненіи, или употребленъ въ какомъ-либо заведеніи. Французскіе законы требуютъ отъ привилегированнаго лица, чтобы на его програмахъ, адресахъ, фактурахъ и вывѣскахъ, оно не иначе упоминало о привилегіи какъ съ прибавленьемъ словъ: *безъ ручательства правительства (sans garantie du gouvernement)*. Дѣйствительно, правительство, выдающее привилегію, не только не ручается за существенность способа, но даже и за его новизну. Въ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ привилегій не выдается на введеніе иностранныхъ изобрѣтеній; въ Россіи срокъ таковыи всегда назначается короче нежели для выдаваемыхъ отечественнымъ изобрѣтателямъ. Вездѣ привилегіи на улучшеніе способовъ, уже привилегированныхъ, выдаются только въ такомъ случаѣ, когда оно измѣняетъ въ самой сущности первоначальное изобрѣтеніе. Вездѣ также, получающій привилегію долженъ заплатить единовременно пошлину болѣе или менѣе значительную: во Франціи эта пошлина, всилу послѣдняго закона 1844 года, распредѣляется и вносится погодно.

Доходъ, приносимый привилегіей, образуется, какъ мы уже замѣтили выше (§ 68), изъ барыша, осуществленнаго на разности между стоимостью произведеній, добытыхъ по новому способу, и ихъ рыночной цѣнной. Онъ отдѣляется не изъ капитала предпринимателя, подобно обыкновенному возмез-

дію труда ученаго, но изъ дохода потребителей. Если владѣтель привилегіи есть въ то-же время предприниматель, то премія сливается съ его прибылью. Онъ можетъ еще усилить ее, пустивъ произведенія по цѣнѣ ниже рыночной, чѣмъ привлекаетъ болѣе покупателей и разширяетъ свои сбыты. Владѣтель привилегіи, не имѣющій собственныхъ средствъ для ея примѣненія къ производству, вступаетъ въ товарищество съ предпринимателемъ, или уступаетъ ему свое право. Въ первомъ случаѣ, онъ получаетъ свою долю въ усилившейся прибыли, какъ товарищъ; во второмъ, взимаетъ опредѣленную премію или съ каждого проданного произведенія, или по истеченіи даннаго срока, или получаетъ единовременное возмездіе за уступку. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, нѣтъ другого источника его преміи кромѣ кармана потребителей.

Привилегіи иногда обогащали изобрѣтателей, ихъ получившихъ: но наиболѣе существенныхъ выгодъ онѣ приносятъ предпринимателямъ, пріобрѣтающимъ часто за слабое пожертвованіе право, снисканное настоящимъ изобрѣтателемъ. Послѣдніе рѣдко соединяютъ всѣ условія ловкости, расчетливости и знанія людей и вещей, необходимыя для извлеченія выгодъ изъ новаго изобрѣтенія, даже привилегированнаго. Они безпрестанно увлекаются страстью къ улучшеніямъ; погруженные въ свои размышленія, утрачиваютъ часто изъ виду подробности самыя простыя, но отъ упущенія которыхъ терпить ходъ производства. Есть способности, образующія искуснаго предпринимателя; есть другія, образующія хо-

рошаго изобрѣтателя или ученаго, но, какъ мы уже замѣтили (§ 27), онѣ рѣдко соединяются въ одномъ лицѣ и можно указать множество примѣровъ тому, какъ привилегіи на полезнѣйшія изобрѣтенія про-подали безъ пользы въ рукахъ настоящихъ изобрѣтателей, не принося имъ ничего, кромѣ заботъ и расходовъ, тогда-какъ впослѣдствіи смѣльые и просвѣщенные предприниматели, несмотря на соперничество, успѣли извлечь изъ ихъ открытій выгоды значительныя.

Поддерживая и поощряя духъ изобрѣтательности, привилегіи (и особенно легкость, съ какою онѣ выдаются) способствуютъ однако излишнему размноженію нововводителей. Всякій, у кого родилась какая-либо мысль, которая кажется новѣе, спѣшить обеспечить исключительность своихъ правъ, еще не сообразивъ вполнѣ своего изобрѣтенія. Пробѣгая списки многочисленныхъ привилегій, выдаваемыхъ ежегодно въ различныхъ государствахъ, нельзя не поразиться множествомъ самыхъ пустыхъ предметовъ, способовъ незрѣлыхъ, необдуманныхъ, вовсе негодныхъ къ примѣненію. Это множество неудовлетворительныхъ изобрѣтеній, предлагаемыхъ въ промышленности, вредитъ успѣху открытій существенныхъ и превращаетъ ремесло изобрѣтателя въ одно изъ самыхъ неблагодарныхъ и ненадежныхъ, несмотря на временное обеспеченіе ему исключительного права пользованія сдѣланными открытиями.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

О ПОЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТѦ.

119. СУЩНОСТЬ И ОСНОВАНИЕ РЕНТЫ ИЛИ ЧИСТАГО ДОХОДА ПОЗЕМЕЛЬНАГО.

Положение предпринимателя земледѣльческаго или горно-промышленнаго различествуетъ отъ всякого другого тѣмъ, что первый употребляетъ содѣйствіе природной силы *присвоенной*—земли или рудника — обыкновенно образующей чью-либо собственность. Впрочемъ, онъ находится въ совершенно одинакихъ условіяхъ хозяйственныхъ, какъ и всякой другой: онъ можетъ производить безъ убытка тогда только, когда рыночная цѣна продуктовъ, имъ добываемыхъ, покрываетъ издержки производства: когда въ ней *цѣликомъ* возстановляется капиталъ оборотный, употребленный на семена, припасы, кормъ животныхъ и задѣльную плату работниковъ, а *по частямъ* капиталъ стоячій, затраченный въ постройкахъ, землеудобрѣніи, орудіяхъ, машинахъ и въ другихъ подобныхъ назначеніяхъ, и когда она приноситъ, сверхъ того, проценты съ занятаго капитала и приличную прибыль для вознагражденія труда самого предпринимателя. Рыночная цѣна не

покрывающая этихъ издержекъ, или издержки превышающія рыночную цѣну, должны служить препятствіемъ къ образованію подобныхъ предпріятій.

Но земли представляютъ различную степень плодородія; рудники могутъ быть болѣе или менѣе удобны для разработки, болѣе или менѣе обильны металлами и минералами; и тѣ и другія находятся въ условіяхъ расположенія товыгоднаго, то невыгоднаго для сбытовъ, для работниковъ, для доставки необходимыхъ матеріаловъ. При данной рыночной цѣнѣ продуктовъ, предприниматель, которому достались земля или рудникъ, соединяющіе наиболѣе природныхъ удобствъ, будетъ имѣть важное преимущество передъ другими: добываніе продуктовъ обойдется ему дешевле; благодаря плодородію почвы, онъ менѣе тратить на удобренія; удобство рудокопни сокращаетъ его издержки на работниковъ, навнутрення скрѣпы и лѣса; близость рынка облегчаетъ доставку продуктовъ на мѣсто сбыта и т. д. Съ некоторой точки зрѣнія, предприниматель земледѣльческій, располагающій природною силой въ условіяхъ особенно для него благопріятныхъ можетъ быть употребленъ фабриканту, который употребляетъ выгодныя методы раздѣленія занятій или улучшенную машину. Какъ тотъ, такъ и другой обращаетъ въ свою пользу разность между стоимостью и рыночной цѣной: но употребленіе машины или улучшенной методы производства рано или поздно распространится между другими фабрикантами, и соперничество, понизивъ рыночную цѣну до предѣловъ стоимости, лишитъ фабричнаго предпринима-

теля этой выгодной разности. Подобному соперничеству не подвергается владелец земли: естественные преимущества его участка отнюдь не зависят отъ промышленности, онъ — даръ природы, которымъ люди иногда не пользуются, но котораго не могутъ сами создать. Нельзя предположить также равенство въ распределении природныхъ преимуществъ между всѣми участками, образующими область государственную: они всегда отличаются, если не условиями плодородія и изобилия, то условиями мѣстоположенія, болѣе или менѣе благопріятными. Найти два участка земли или два рудника совершенно сходные, столь-же трудно, какъ и двухъ человѣкъ, обладающихъ совершенно одинакими качествами нравственными и тѣлесными, и всегда предприниматели, владѣющіе участками и рудниками наиболѣше расположеннымъ или щедрѣе надѣленными природою будутъ осуществлять на продажѣ своихъ продуктовъ премію естественной монополіи (§ 68), состоящую изъ разности между стоимостью и рыночной цѣной, пока какія либо обстоятельства, вовсе отъ нихъ не зависящія, не уменьшать послѣдней.

Кому принадлежитъ эта разность? Безсомнѣнная предпринимателю, если ему принадлежитъ собственность самого участка земли или рудника. Если онъ употребляетъ чужую недвижимую собственность, то эта разность обыкновенно входитъ въ составъ *откупа или аренды*, платимой имъ землевладѣльцю. Какъ въ томъ такъ и въ другомъ случаѣ, она образуетъ собственно чистый поземельный до-

ходъ или такъ наз. *поземельную ренту* (*rent, rente foncière*).

Поземельная рента не есть однако непосредственное послѣдствіе присвоенія земель. Она не входитъ въ составъ рыночной цѣны продуктовъ, подобно процентамъ съ капитала, задѣльной платѣ и прибыли, и можетъ существовать какъ элементъ этой цѣны, только при нѣкоторыхъ особыхъ условіяхъ общественныхъ. Ея образованіе не-только не предшествуетъ образованію другихъ доходовъ, но на-противъ всегда предполагаетъ предварительное удовлетвореніе всѣхъ прочихъ дѣйствователей, участвующихъ въ производствѣ, и если рыночная цѣна достаточна только для этого удовлетворенія, то для землевладѣльца нѣтъ и не можетъ быть собственно поземельной ренты. *Адамъ Смитъ* (*) и по слѣдамъ его *Се* (**) неправы, когда утверждаютъ, что недвижимая собственность *всегда* приносить владѣльцу доходъ, ей свойственный, *sui generis*.

При переходѣ народа изъ состоянія пастушескаго или охотничьяго въ земледѣльческое, законы государственные, утверждающіе право поземельной собственности, не обеспечиваютъ первымъ владѣльцамъ никакого иного преимущества, кроме плодовъ ихъ труда, и сохранности капиталовъ, употребленныхъ ими на обработку земли. Естественно, прежде всего трудъ земледѣльческій обращается на добываніе растительнаго продовольствія, въ которомъ наиболѣе нуждается народъ, и подъ кровомъ

(*) *Richesses des nations* éd. Guillaumin I, 189.

(**) *Cours Compl. de l' Economie politique*; éd. Guillaumin II, 93.

закона, сперва занимаются и воздѣльваются земли плодороднѣйшия и наилучше расположенныея, вблизи средоточій населенности, по сосѣдству сбытовъ. Подобные участки вѣрнѣе обѣщаютъ вознаградить трудъ и издержки воздѣльвателей, при населенности еще слабой, требующей продовольствія ограниченного.

По-мѣрѣ того, какъ умножаются средства къ пропитанію, населенность возрастаетъ; вмѣстѣ съ нею усиливается запросъ на жизненные продукты земледѣльческіе, и рыночная цѣна ихъ возвышается. Мало по малу она становится достаточною, для покрытія издержекъ добыванія этихъ продуктовъ на участкахъ не столь плодородныхъ и не столь выгодно расположенныхъ для сбыта. Эти участки *второго разбора* занимаются въ свою очередь, и тогда только для владѣтелей первыхъ участковъ, которымъ добываніе и доставка на рынокъ продуктовъ обходится дешевле, начинаетъ отдѣляться чистый доходъ, премія, которою они обязаны природнымъ преимуществамъ своихъ помѣстій. Они пользуются этой преміей пока рыночная цѣна продуктовъ не понизится. Но, чтобы она понизилась, необходимы два обстоятельства: или открытие въ околоткѣ новыхъ земель, не уступающихъ въ плодородіи и расположениіи участкамъ перво-занятымъ — что невозможно если подобныя земли всѣ уже разобраны; или ослабленіе запроса на продовольствіе — что произойдетъ только вслучаѣ переселенія жителей, или вслѣдствіе какихъ-либо бѣдствій, чрезмѣрно усиливающихъ смертность.

Послѣднее обстоятельство возможно, но его трудно предположить въ странѣ, соединяющей условія жизни здоровой и счастливой: напротивъ, все способствуетъ тамъ усиленію народонаселенія; запросъ на продовольствіе не только не охлаждается, но чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе становится настоятелемъ. Къ запросу внутреннему часто присоединяется запросъ виѣшній, и рыночная цѣна продуктовъ, постепенно возвышаясь, начинаетъ покрывать издержки воздѣлыванія земель *третьаго разбора*, уступающихъ въ плодородіи вторымъ участкамъ, или болѣе удаленныхъ отъ центровъ потребленія. Тогда владѣльцы земель второго разбора въ свою очередь начинаютъ получать чистый доходъ съ своихъ участковъ; а чистый доходъ владѣльцевъ первыхъ участковъ усиливается всею разностью между издержками добыванія продуктовъ на земляхъ третьаго разбора и несравненно меньшими издержками этого добыванія на ихъ собственныхъ участкахъ, надѣленныхъ природными преимуществами всякаго рода.

Мало по малу приращеніе населенности, безпрестанно усиливая запросъ на продовольствіе, можетъ до того поднять его цѣну, что она будетъ покрывать издержки его добыванія на земляхъ *четвертаго, пятаго разрбора*, и даже на *самыхъ бесплодныхъ почвахъ* каменистыхъ и песчаныхъ, гдѣ только величайшія усилия человѣка могутъ побѣдить упорство природы органической. Чѣмъ выше будетъ подыматься эта цѣна, тѣмъ болѣе будетъ также усиливаться чистый доходъ лицъ, владѣющихъ землями плодороднѣйшими. Слѣдя почти паралельной про-

гресіи, съ одной стороны потребность въ продовольствіи можетъ достигнуть мѣры столь высокой, что всѣ земли, образующія область государственную какъ самыя плодородныя, такъ и самыя неблагодарныя обратятся подъ воздѣлываніе; съ другой, рыночная цѣна продовольствія повысится до того, что будетъ доставлять чистый доходъ даже владѣтелямъ земель самыхъ невыгодныхъ по плодородію и мѣстности. Но тутъ сила вещей должна положить предѣлъ этому повышенію рыночной цѣны продовольствія: чрезмѣрная дороговизна сдѣлаетъ егомало доступнымъ для нѣкоторыхъ сословій въ обществѣ; лишенія, усиливъ смертность, уменьшать запросъ и принужденно понизятъ эту цѣну, поглотивъ прежде всего доходъ владѣльцевъ земель послѣдняго разбора.

Если приложить эту теорію, открытую и объясненную Давидомъ Рикардо (*), ко всему шару земному, то, безсомнѣнно, родъ человѣческій еще далекъ отъ столь крайняго предѣла, и какъ, при видѣ неизмѣримыхъ пространствъ плодороднѣйшей почвы еще нетронутыхъ союю, ни плугомъ, предположить, что онъ когда-либо его достигнетъ. Но родъ человѣческій нельзя рассматривать какъ однородное (*homogène*) цѣлое: онъ раздробленъ на множество народовъ, хотя и соединенныхъ часто на маломъ простран-

(*) *David Ricardo: Principes d' Economie politique et de l'impôt.* éd Aillaud Paris 1835 р. I, 72. Теорія поземельной ренты превосходно объяснена въ разсужденіи профессора политической экономіи при С. Петербургскомъ Императорскомъ Университетѣ Г. Порошина: О земледѣліи; С.-Пб. 1846, печатано въ типографії Академіи Наукъ.

ствъ, но разлученныхъ преградами природными или политическими, движимыхъ различными интересами и живущихъ отдаленою жизнью. Только въ странѣ, занимаемой каждымъ народомъ, можно слѣдить за постепеннымъ осуществленіемъ общественныхъ обстоятельствъ, изъ которыхъ рождается чистый доходъ землевладѣльцевъ, и тамъ на каждомъ шагу наблюдатель убѣждается въ тѣсномъ соотношеніи между существованіемъ и усиленіемъ этого дохода и рыночной цѣнѣ продовольствія. Во всякое время и во всякой странѣ, при данной рыночной цѣнѣ земледѣльческихъ продуктовъ и въ данномъ околотѣ, одни участки, отмѣнно плодородные и выгодно расположенные для доставки произведеній на рынокъ, приносятъ порядочный чистый доходъ землевладѣльцу; другіе, не столь плодородные или не столь выгодно расположенные, приносятъ менѣе дохода; нѣкоторые едва окупаютъ издержки воздѣльванія, и не даютъ собственно никакого чистаго дохода. Наконецъ, есть земли столь дурныя, или поставленныя въ условія столь неблагопріятныя, что цѣна продуктовъ не окупаетъ даже издержекъ ихъ добыванія и доставки на рынокъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ древней Европы, при размножившейся населенности, цѣна земледѣльческихъ произведеній возрасла до того, что позволяетъ разводить ихъ даже тамъ, гдѣ самое упорное безплодіе устрашало промышленность. Въ Голландіи песчаныя отмели, подъ прикрытиемъ плотинъ, удерживающихъ волны морскія, которыя ежеминутно грозятъ поглощеніемъ, и непроходимыя болота превращены

въ тучныя пажити и пашни. Въ Ломбардіи, по берегамъ Рейна, въ Швейцаріи, неимовѣрныя усилия труда человѣческаго покрыли слоемъ растительной земли обнаженное темя скалъ. Сравните издержки уплодотворенія этихъ отмелей, этихъ скалъ, съ тѣми, которыхъ требуетъ тамъ-же воздѣльваніе хорошаго плодороднаго участка земли при судоходной рѣкѣ или вдоль большой дороги, справтесь съ цѣной хлѣба на тамошнемъ рынке, и въ этомъ простомъ соображеніи вы найдете достаточное объясненіе чистаго дохода весьма значительнаго, который приносится послѣднимъ участкомъ.

Въ сѣверо-американскихъ С. Штатахъ, государства юномъ, земли большей частью доселѣ еще не приносятъ собственно чистаго дохода; рыночная цѣна продуктовъ окупаетъ еще однѣ издержки ихъ добыванія. Населенность размножается тамъ въ быстрой прогрессіи, но при обширности земель хорошаго качества по берегамъ большихъ судоходныхъ рѣкъ и по сосѣству желѣзныхъ дорогъ и каналовъ предложеніе продуктовъ разширяется въ прогрессіи едвали не еще быстрѣйшей. Однако, по новѣйшимъ извѣстіямъ, въ нѣкоторыхъ Штатахъ, наиболѣе населенныхъ, начинаетъ осуществляться феноменъ, описанный *Рикардомъ*: кое-гдѣ оказавшееся повышеніе откупной платы возбудило ропотъ народный, а это доказываетъ, что рыночная цѣна продуктовъ позволяетъ уже тамъ приступать къ воздѣльванію земель, не принадлежащихъ къ разряду лучшихъ (*).

(*) См. *Journ. des économistes*, 1845, *Chronique*.

Крайность, заставляющая народъ приниматься за удобреніе земель самыхъ неблагодарныхъ, для обеспеченія средствъ пропитанія, хотя часто неизбѣжная, всегда тягостна. Она бываетъ послѣдствіемъ, и становится постоянной причиной, дороговизны продовольствія. Послѣдняя, по необходимости, отражается въ повышеніи задѣльной платы (§ 108) и тѣмъ самымъ причиняетъ вздорожаніе всѣхъ вообще произведеній промышленности: всоразмѣрности уменьшается сумма наслажденій, какую каждый членъ общества обрѣтаетъ въ своеъ доходъ, а бѣднѣйшія сословія подвергаются лишеніямъ и скудости. Землевладѣльцы, хотя и несутъ свою долю общаго бремени, тяготящаго націю, хотя и принуждены жертвовать болѣе отъ своихъ доходовъ для получения меньшаго количества наслажденій, однако терпятъ менѣе другихъ сословій народныхъ отъ этой крайности, которая вознаграждается для нихъ, и часто съ лихвою, усиленіемъ ренты съ недвижимой собственности.

Сколь ни различны, въ этомъ случаѣ, интересы землевладѣльцевъ и общества, между ними нѣтъ однако противорѣчія. Поземельная рента, правда, есть слѣдствіе естественной монополіи, но она есть также слѣдствіе права собственности, на которомъ основана вся земледѣльческая промышленность, этотъ залогъ продовольствія народнаго. Нельзя отвергнуть первую не поколебавъ послѣдней, въ основаніи. Кому-же, какъ бы ни возвышался иногда чистый доходъ землевладѣльца, такое возвышеніе бываетъ отнюдь не причиною дороговизны хлѣба, но ея по-

съдствіемъ. Дороговизна хлѣба и другихъ необходи́мѣйшихъ продуктовъ земледѣльческихъ постоянно соразмѣряется, или стремится сравниться, со стоимостью этихъ продуктовъ на самыхъ дурныхъ земляхъ, которые не приносятъ чистаго дохода, а только окупаютъ издержки земледѣльческаго предпринимателя. Еслибъ, напримѣръ, какая-либо мѣра, направленная на уменьшениe слишкомъ большихъ доходовъ поземельныхъ, назначила таксу хлѣбу ниже его стоимости на самыхъ дурныхъ земляхъ, то неизбѣжно отвратила бы отъ дальнѣйшаго воздѣльванія посѣднихъ, и не только не достигла бы своей цѣли, но присоединила бы еще къ естественной монополіи владѣтелей земель плодороднѣйшихъ монополію искусственную, уменьшивъ значительно мас-су народнаго продовольствія; что, когда случается, почти всегда бываетъ причиной настоящаго голода, или самой значительной дороговизны.

Устройство хорошихъ путей сообщенія, соединяющихъ многоземельную части государства, гдѣ плодородныя почвы въ изобиліи и гдѣ еще мало населенности, съ частями сравнительно малоземельными, клонится къ отвращенію мѣстныхъ дороговизнъ хлѣба, доставляющихъ часто огромные доходы владельцамъ хорошихъ земель по сосѣству большихъ городовъ. Въ то-же время, открывая сбыты продуктамъ областей малонаселенныхъ, оно поощряетъ тамъ образованіе земледѣльческихъ предприятій. Облегченіемъ и оживленіемъ внутреннихъ торговыхъ промысловъ государство всего существеннѣе дѣйствуетъ противъ дороговизны хлѣба, пока содер-

житъ въ своей области еще много участковъ доброкачественныхъ, но не равно выгодно расположенныхъ. Торговыя сношенія внѣшнія съ державами, еще изобилующими землями плодородными, предохраняютъ его также отъ крайняго возвышенія цѣнъ, когда ему приходится приступать къ воздѣльванію участковъ низшаго разбора. Стоимость привознаго хлѣба становится въ такомъ случаѣ предѣломъ, къ которому стремится цѣна на внутреннемъ рынке, и доходъ землевладѣльцевъ въ государствѣ, выписывающемъ иностранный хлѣбъ, не превышаетъ разности между стоимостію продуктовъ привозныхъ и добываемыхъ на его земляхъ. Открытие подобныхъ сношеній имѣетъ вліяніе на цѣну хлѣба и на доходы поземельные, такъ точно, какъ бы открытие новыхъ земель плодороднѣйшихъ и удобнѣе расположенныхъ.

Введеніе въ народное продовольствіе *суррогатовъ*, при одинакой или почти одинакой питательности, получаемыхъ съ меньшими издержками и въ большемъ количествѣ на одномъ и томъ-же пространствѣ, дѣйствуетъ также противъ дороговизны земледѣльческихъ продуктовъ и противъ усиленія поземельной ренты. Съ одной стороны, оно увеличиваетъ массу продовольствія, съ другой предохраняетъ отъ необходимости воздѣльвать почвы упорные. Такія послѣдствія почти вездѣ имѣло въ Европѣ распространеніе картофеля. Но дешевый суррогатъ можетъ въ свою очередь превратиться въ основное продовольствіе народное, при умноженіи населенности, и тогда его рыночная цѣна ма-

ло по малу должна подняться до того, что позволитъ начать воздѣльваніе участковъ самыхъ трудныхъ. Основаніе народнаго продовольствія на подобномъ, крайне-дешевомъ, продуктѣ сопряжено съ опасностями, которыхъ мы коснулись выше (§ 108): при малѣйшемъ неурожаѣ въ картофель или рисъ (съ цѣною которыхъ принужденно соразмѣряется задѣльная плата, и которые совершенно замѣнили пшено или рожь), рабочія сословія вдругъ перестаютъ списывать довольно средствъ къ необходимому содержанію и, не имѣя возможности перекинуться на продукты болѣе дешевые, терпятъ лишенія самыя жестокія, обыкновенно причиняющія усиленіе смертности. Посему-то, какъ уже замѣчено, если можно одобрить мѣры для введенія въ народное земледѣліе подобныхъ суррогатовъ, то отнюдь не должно стремиться къ искусственному ихъ водворенію *повсемѣстному*. Примѣръ Ирландіи служитъ тому самымъ поучительнымъ урокомъ.

Часто представляютъ усиленіе поземельной ренты и соразмѣрное съ нимъ возвышение цѣнности поземельной собственности, какъ фактъ отмѣнно благопріятный богатству народному. Разсуждая такимъ образомъ, принимаютъ дѣйствіе за причину. Дороговизна земледѣльческихъ продуктовъ первой необходимости, какъ главный источникъ чистаго поземельного дохода, обыкновенно бываетъ слѣдствиемъ размноженія населенности и сильнаго развитія промысловъ городскихъ, ремесленыхъ, фабричныхъ, торговыхъ и также горныхъ; она сопровождается часто удивительное оживленіе промышлено-

сти народной, повсемѣстные и блестящіе признаки роскоши и благосостоянія. Обогащеніе владѣльцевъ земель, наиболѣе надѣленныхъ разными преимуществами, сливается съ обогащеніемъ другихъ сословій, и не бросается въ глаза какъ грустное исключение. Но развѣ это благосостояніе можно приписать тому, что всѣ и особенно бѣднѣйшіе члены государства принуждены платить вдвое или втрое дороже за хлѣбъ насущный? Развѣ подобное стѣсненіе не всегда дѣйствуетъ противоположно благосостоянію народному? Если-же послѣднее можетъ возвориться и поддерживаться, вопреки этому обстоятельству, то его должно приписывать совершенно инымъ причинамъ: успѣхамъ промышленаго духа, улучшенію мануфактуръ, торговли, распространенію образованности, постоянству и обширности сбытовъ. Счастливъ, тысячу разъ счастливъ народъ, въ которомъ оказываются всѣ эти успѣхи, не причиняя дороговизны необходимѣйшихъ продуктовъ земледѣльческихъ, которому достались въ удѣлъ обширныя, отмѣнно плодородныя земли, на долго обеспечивающія избытокъ продовольствія, и предохраняющія его отъ жестокой крайности оспаривать клочки пахатной земли у песковъ морскихъ или горныхъ потоковъ. Въ такомъ народѣ нѣть землевладѣльцевъ, ослѣпляющихъ пышностью, но тамъ рѣже также поражаютъ горестныя картины трудового сословія, изнемогающаго подъ бременемъ дорогого пропитанія.

Защищая справедливость поземельной ренты, преклоняясь предъ пользой общественной, вполнѣ

оправдывающей естественную монополию землевладельцевъ, не должно забывать однако, что этому доходу отнюдь не соответствуетъ приращеніе въ богатствѣ народномъ. Какъ и всякая премія монополиста, онъ образуется изъ одного приращенія цѣнности (§ 9), или лучше, изъ одного перемѣщенія богатства (§ 51, 68), изъ доходовъ, созданныхъ другими производительными силами націи (*). Онъ

(*) Физіократы принимали чистый доходъ землевладельца за единственное приращеніе богатства: доселѣ еще часто превозносятъ преимущества земли предъ всѣми другими производительными силами, потому-что она даетъ чистый доходъ за покрытие всѣхъ расходовъ труда и капитала. Въ это заблужденіе впалъ и самъ А. Смитъ: «Кромѣ капитала фермера и всѣхъ его барышей, говорить онъ, въ произведеніяхъ земледѣльческихъ возстановляется регулярно рента «владѣльца. Эта рента есть произведеніе силы природы, которой «пользованіе владѣлецъ ссужаетъ фермеру.... Никогда равное количество труда въ мануфактурномъ производствѣ не служитъ поводомъ къ столь значительному возстановленію (*reproduction*) цѣнности. Въ послѣднемъ, природа не дѣлаетъ ничего; все дѣлаетъ человѣкъ. Возстановленіе же должно быть всоразмѣрности съ могуществомъ действующихъ силъ. И такъ капиталъ, посвящаемый земледѣлію, не только приводить въ дѣйствіе болѣе труда производительнаго, чѣмъ подобный же капиталъ въ мануфактурахъ, но еще при одинаковыхъ издержкахъ труда, имъ занимаемаго, присоединяетъ гораздо болѣе цѣнности къ ежегодному производству земель и труда народныхъ, къ богатству и существенному доходу жителей. Изъ всѣхъ образовъ употребленія капитала, это есть несравненно выгоднѣйшій для общества.» (*Richesses des nations*, Liv. II. ch. V). Можно ли сказать, что природа ничего не дѣлаетъ въ мануфактурахъ? Можно-ль сказать, что есть какой-либо промыселъ, въ которомъ человѣкъ невольно не опирался бы на содѣйствіе природы? Но изъ всѣхъ силъ природныхъ, только одна—земля—не принадлежитъ всѣмъ одинаково; она одна только служитъ поводомъ къ естественной монополіи, и потому приносить, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, премію владѣльцу. Ужели эту премію мы примемъ за приращеніе, или, что еще было бы страннѣе, за единственное приращеніе богатства? Слѣдующій комментарій Буханана на приведенную здѣсь выдержку изъ Ад. Смита

представляетъ производительность присвоенной природной силы, но эта производительность, какъ мы уже замѣтили, не есть дѣло промышленности человѣческой. Еслибъ всѣ участки земли имѣли одинаковую степень производительности, то поземельная рента не могла бы образоваться и народы были бы не только не бѣднѣе, но напротивъ гораздо богаче. Еслибъ земли, и не равно плодородныя, воздѣлывались соединенными силами общества, не раздѣляясь

всего лучше опровергнетъ столь ложное заключеніе: «Земледѣліе, «гов. онъ, не увеличиваетъ капитала народнаго болѣе, чѣмъ всякой «иной родъ промышленности. Смитъ, принявъ часть земледѣльческихъ «произведеній, представляющую ренту владѣльца, за столь выгодную «для общества, не разсудилъ, что рента есть одно только послѣдствіе «дороговизны и что барышъ, такимъ образомъ пріобрѣтаемый вла- «дѣльцемъ, пріобрѣтается на счетъ потребителя. Общество ничего не «выигрываетъ отъ возстановленія поземельной ренты: это обогаще- «ніе одного сословія въ ущербъ другимъ. Воображать, что земледѣ- «ліе даетъ чистый доходъ, потому-что природа содѣйствуетъ труду «человѣческому въ сельскихъ работахъ, и этому приписывать ренту, «есть просто мечта. Не изъ произведенія рождается рента, но изъ цѣ- «ны, по которой продается произведеніе; а эта цѣна получается не «потому, что природа помогала производству, но потому-что нельзя «иначе согласить предложеніе съ запросомъ.» (*Ibidem; ed. Guillaumin*). Природа всего болѣе помогаетъ труду земледѣльческому на земляхъ плодороднѣйшихъ, и въ рудникахъ обильнѣйшихъ; но тамъ, гдѣ наиболѣе имѣется на лице и тѣхъ и другихъ, гдѣ люди не принуждены воздѣлывать почвы упорныя, и разрабатывать рудники глубочайшіе, тамъ всего менѣе поземельныхъ чистыхъ доходовъ, и въ то-же время, кто въ томъ не согласится, всего болѣе довольства и богатства народнаго. «Если разность между стоимостью и цѣной, образующая ренту, «гов. Рикардо, есть преимущество, то должно желать чтобы машины, «ежегодно вновь строимыя, были менѣе производительны чѣмъ ста- «рыя; это обстоятельство придало бы несомнѣнно болѣе цѣнности фа- «брикатамъ, изготавляемымъ не только помощію этихъ новыхъ ма- «шинъ, но помощію всѣхъ машинъ вообще, существующихъ въ госу- «дарствѣ, и позволило бы платить ренту всѣмъ владѣтелямъ машинъ на- «иболѣе производительныхъ.» (*Princ. d'Econ. pol. et de l' Impôt. I, 77.*)

на частных поместья, то народъ получалъ бы одинаковую массу продовольствія; его добываніе обходилось бы дороже тамъ, дешевле тутъ, и власть общественная легко могла бы тогда сообразить издержки всего воздѣльванія и назначить, всоразмѣрности, среднюю общую цѣну хлѣбу. Въ такомъ случаѣ въ частномъ потребленіи осуществилась бы экономія, вточности равная суммѣ чистыхъ поземельныхъ доходовъ. Но трудности и неудобства, сопряженныя съ подобнымъ воздѣльваніемъ на общей счетъ, несомнѣнно превзошли бы выгоду такой экономіи, и государства весьма правильно предпочитаютъ признавать естественное законное присвоеніе, и платить въ видѣ ренты настоящую монопольную премію владѣльцамъ земель. За что-же, скажетъ иной?—за спокойствіе и обеспеченіе, которыя безъ того не могли бы водвориться на землѣ.

**120. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПОЗЕМЕЛЬНАГО ЧИСТАГО
ДОХОДА ВЪ РАЗЛИЧНЫХЪ ПРОМЫСЛАХЪ.**

Зависимость чистаго поземельного дохода отъ рыночной цѣны продуктовъ касается не только земель, воздѣльываемыхъ подъ растенія, которыя служатъ основнымъ продовольствиемъ народнымъ, но также и земель посвящаемыхъ добыванію всѣхъ другихъ произведеній промышленности земледѣльческой, какъ изъ царства растительнаго, такъ и животнаго, равно какъ и разработокъ полезныхъ металловъ и минераловъ, и самыхъ мѣстъ подъ жилыми домами и всякого рода строеніями.

Нигдѣ люди не могутъ обойтись безъ пищи растительной и животной, но отношеніе между этими двумя элементами народнаго пропитанія бываетъ весьма различно. Пища животная преобладаетъ въ состояніи охотничемъ и пастушескомъ, въ которыхъ не можетъ существовать поземельной ренты, потому-что нѣтъ поземельной собственности. Въ состояніи земледѣльческомъ, она уступаетъ мѣсто пищѣ растительной и становится пропитаніемъ вспомогательнымъ.

Въ началѣ земледѣльческой промышленности, благодаря изобилію необитаемыхъ и пустопорожнихъ земель для выгона, количество стадъ далеко превышаетъ потребность народную. Мясо такъ мало цѣнится, что часто скотину убиваютъ единственно для кожи и сала, бросая все прочее на съѣданье дикимъ звѣрямъ и птицамъ. Запросъ на эти продукты такъ ограниченъ всравненіи съ предложеніемъ, что рыночная цѣна едва покрываетъ издержки труда на поимку животнаго, его убиеніе, снятіе кожи, сала и на доставку ихъ на ближайшій рынокъ. При такомъ порядкѣ вещей, скотоводство не только не приносить чистаго дохода землевладѣльцамъ, но даже не окупаетъ заботъ и расходовъ по содержанію стадъ, которыя блуждаютъ обыкновенно безъ надзора на свободѣ по степямъ и лѣсамъ. Бразилія, Калифорнія, и нѣкоторыя изъ нашихъ южныхъ губерній представляютъ еще примѣръ подобной дешевизны скота.

По-мѣрѣ какъ воздѣльваніе земель распространяется, а населенность размножается, съ одной стороны уменьшается количество скота, съ другой

усиливается запросъ на продукты животные. Въ нихъ нуждаются нетолько для пищи вспомогательной, безъ которой почти нигдѣ народъ не можетъ обойтись совершенно, но также для одежды, обуви; даже остатки, каковы: кровь, кишки, кости, рога обращаются въ пользу; чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе самое воздѣлываніе земель нуждается въ тухахъ для удобренія. Совокупность этихъ причинъ усиливаетъ рыночную цѣну животныхъ продуктовъ, и мало по малу скотоводство превращается въ источникъ чистаго дохода для владѣтелей земель наилучше для него расположенныхъ, тогда-какъ оно продолжаетъ едва окупать только издержки на земляхъ не столь благопріятныхъ. Въ Англіи и южной Шотландіи, скотоводство во многихъ мѣстахъ приноситъ ренту значительнѣе пашень: въ горахъ сѣверной Шотландіи еще можно указать мѣста, где оно не окупаетъ расходовъ.

Разведеніе домашнихъ птицъ, или живности, подлежитъ тѣмъ-же законамъ: сначала оно не окупаетъ издержекъ и вовсе пренебрегается; въ некоторыхъ случаяхъ даже разсматривается какъ вредъ земледѣльцами, опасающимися за ихъ посѣвы. Постепенное возрастаніе запроса обращаетъ на него вниманіе предпринимателей; при мызахъ и фермахъ начинаютъ его принимать въ расчетъ, а по сосѣдству большихъ городовъ, благодаря особенному удобству доставки на мѣсто сбыта, оно приносить чистый доходъ. Въ сѣверной Франціи разведеніе живности составляетъ немаловажную вѣтвь сельской промышленности и, при заключеніи арендныхъ

контрактовъ, землевладѣльцы почти всегда включаютъ въ оцѣнку птичій дворъ (*basse-cour*).

Роскошь можетъ до того усилиться въ государствѣ, и, при распространеніи воздѣлыванія земель, до того поднять цѣну дичи, что даже ея искусственное разведеніе, несмотря на огромныя издержки, будетъ приносить чистый доходъ поземельный. Примѣры тому рѣдки: нѣчто подобное существовало однако въ Римѣ въ послѣднія времена республики и при императорахъ, когда, по свидѣтельству *Varрона* и *Колумеля*, Римляне содержали садки для разведенія дроздовъ (т. н. *turdi*) (*), устраивали искусственные парки для оленей, зайцевъ, выдръ, кабановъ (**), и пруды для разнаго рода рѣдкихъ рыбъ (***) . Подобныя заведенія отдавались на откупъ, и несомнѣнно приносили чистый доходъ значительный, правда, только подъ стѣнами Рима, или по близости этой развращенной и расточительной столицы.

Въ странахъ еще дикихъ, когда приступаютъ къ землевоздѣлыванію , лѣса служатъ препятствіемъ, и владѣльцы охотно платятъ тому, кто возмется ихъ расчистить и свезти съ участка, назначенаго подъ пашни. Въ этомъ положеніи, лѣсы вовсе не имѣть цѣны и всякий можетъ имъ пользоваться даромъ или за самую бездѣльную плату. Пока сохраняется это изобиліе лѣсовъ, цѣна имъ, какъ строительному ма-

(*) *Ad. Smith; éd. Guillaumin I, 290. Dureau de Lamaille: Econ. polit. des Romains II, 180.*

(**) *Dureau de. Lamaille: Econ. pol. des Romains II, 202.*

(***) *Ibid. II, ch. XXI.*

терялу и топливу, медленно повышается; но рано или поздно, съ одной стороны истребление лѣсовъ и распространеніе земель воздѣланныхъ, съ другой, усиленіе населенности повысятъ эту цѣну до того, что не только лѣса уже не разматриваются, какъ малоцѣнная часть недвижимой собственности, но даже окупаютъ издержки ихъ сохраненія и разведенія. Тогда-то изъ нихъ наиболѣе расположенные для сбытовъ, и въ особенности рѣдкіе сорты, приносятъ чистый доходъ поземельный весьма значительный.

Легко понять, что въ одной и той же странѣ могутъ быть лѣса, не дающіе дохода и даже не окупающіе издержекъ ихъ охраненія; иные, доставляющіе только прибыль предпринимателю, который берется ихъ охранять, содержать въ порядкѣ, и по мѣрѣ сруба доставлять на рынокъ; другіе, не только покрывающіе эти издержки, но еще приносящіе ренту. Въ Россіи лѣса, раскинутые по сѣвернымъ частямъ архангельской и вологодской губерній, растущіе въ Сибири, на Кавказѣ, принадлежатъ къ первому разряду. Ко второму можно отнести лѣса губерній олонецкой, частію средней Россіи, не столь удобно расположенные для доставки, а по близости столицъ, по сопѣству дорогъ или рѣкъ способныхъ для сплавки, образуютъ третій разрядъ.

Доходы, приносимые сѣнокосами или пастбищами, тѣсно связаны съ положеніемъ скотоводства. Возрастающая потребность въ мясе, кожахъ, шерсти, вьючныхъ животныхъ и, въ особенности, землеудобрительныхъ тухахъ, придаетъ высокую цѣнность сѣну и подножному корму. Тамъ, гдѣ она ока-

зываются, землевладельцы нетолько перестаютъ пренебрегать выгонными полями и пустопорожними землями, но, по недостатку въ нихъ, прибѣгаютъ къ искусственному размноженію нивъ и луговъ, помошію особенныхъ системъ чередованія посѣвовъ. Въ Англіи, и даже во Франціи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, поле подъ луцерною или клеверомъ приносить иногда болѣе дохода, чѣмъ поле подъ пшеницей. То-же самое замѣчаніе должно сдѣлать объ озѣрѣ и другихъ растеніяхъ, употребляемыхъ для корма животныхъ.

На иныхъ земляхъ получаются продукты особен-
наго рода, которые никакими средствами не приин-
маются на другихъ; таковы: отличныя виноградныя
лозы, фрукты, овощи. По рѣдкости ихъ, цѣна на эти
продукты часто бываетъ такъ высока, что далеко
превосходитъ издержки ихъ добыванія: этимъ объяс-
няется сравнительная важность чистаго дохода дос-
тавляемаго подобными участками. Гдѣ воздѣльваютъ
ся волокнистыя растенія, служащія первообразнымъ
матеріаломъ для одежды, ленъ, пенька, хлопчатая
бумага, тамъ, при данной рыночной цѣнѣ, прино-
сятъ чистый доходъ только почвы плодороднѣйшія,
которые при одинаковыхъ расходахъ даютъ сборъ
въ большемъ количествѣ и лучшаго качества. Добы-
ваніе шелка, одного изъ самыхъ дорогихъ продук-
товъ земледѣльческихъ, можетъ служить источникомъ
ренты только въ такихъ странахъ, гдѣ климатъ
отмѣнно благопріятенъ произрожденію тутовыхъ
деревъ, и гдѣ распространілось употребленіе шел-
ковой одежды.

Полезные металлы и минералы, сокрытые въ недрахъ земли, почти во всѣхъ законодательствахъ признаются собственностью владѣльца, которому принадлежитъ поверхность (*). Нѣкоторыя (какъ во Франціи) ограничиваютъ это право, принуждая владѣльца уступать его, за опредѣленное впередъ вознагражденіе, тому, кто рѣшился и получить дозволеніе отъ правительства разрабатывать руду. Это ограниченіе простирается еще далѣе для драгоцѣнныхъ металловъ, которыхъ разработка облагается пошлинами болѣе или менѣе значительными. По необходимости эти пошлины должны падать на чистый доходъ владѣльца руды, и взиматься съ той разности, которая, при данной рыночной цѣнѣ металла, очищается въ его пользу, за покрытиемъ всѣхъ издержекъ добыванія. Въ противномъ случаѣ, и если даже онѣ падаютъ на прибыль, подобныя пошлины служатъ препятствиемъ къ дальнѣйшимъ разработкамъ. Мы видѣли (§ 77), что по-мѣрѣ какъ увеличивались трудности послѣднихъ, испанское правительство принуждено было постепенно уменьшать взимаемыя подати въ Мехикѣ, а правительство португальское, не уступившее въ этомъ случаѣ требованію обстоятельствъ, своимъ упорствомъ значительно уменьшило добываніе золота въ Бразиліи. Подать, поглощающая всю разность между издержками добыванія драгоцѣнныхъ металловъ и ихъ рыночною цѣной, или курсомъ, не можетъ отвратить отъ ихъ разработки, пока въ ней находятъ доста-

(*) Таковъ законный порядокъ въ Англіи и въ Россіи.

точную прибыль предприниматели, но лишить владельцевъ всякого чистаго поземельного дохода, или ренты.

Въ разработкахъ, не обремененныхъ пошлинами, рента всегда состоитъ изъ этой разности, вмѣстѣ съ ней увеличивается и уменьшается. При данной рыночной цѣнѣ желѣза, мѣди, свинца, олова, владѣтели рудниковъ, на которыхъ эта цѣна только покрываетъ расходы добыванія металла, не могутъ имѣть чистаго дохода; напротивъ, болѣе или менѣе значительную ренту будутъ получать владѣтели рудниковъ изобилнѣйшихъ, удобнѣе расположенныхъ для разработки. Тамъ, гдѣ дрова въ изобиліи и дешевы, доходы отъ каменноугольныхъ копей едва окупають издержки производства и, во всякомъ случаѣ, не приносятъ ренты. Напротивъ же, тамъ, гдѣ рѣдкость лѣсовъ, успѣхи промышленности, размноженіе населенности значительно усилили запросъ на топливо и подняли его цѣну, владѣтели каменноугольныхъ копей осуществляютъ на нихъ чистый барышъ значительный. Камennolomня или кирпичный заводъ, подъ городомъ, даетъ иногда порядочный чистый доходъ, на который отнюдь не можетъ расчитывать владѣтель залежанія плиты или огнепостоянной глины, столь удаленного отъ мѣста сбыта, что издержки перевозки и извлеченія не покрываютъся рыночной цѣной этихъ строительныхъ матеріаловъ.

Наконецъ, земли употребляются еще подъ строенія для жилищъ, фабрикъ, магазиновъ. Кому бы ни принадлежали эти земли, государству ли, общинѣ,

городу или частному лицу, онъ приносить собственно поземельный доходъ тогда только, когда, съ одной стороны потребность въ жилищахъ, съ другой ограниченность пространства до того возвысить наемную плату, что она превышаетъ проценты и погашение капитала-домъ и расходы его содержанія. Эта разность значительно возрастаетъ въ городахъ многолюдныхъ и особенно въ кварталахъ, избранныхъ модой и торговлей (*), тогда-какъ почти всегда останется ничтожною въ селеніяхъ, раскинутыхъ на обширномъ пространствѣ, или въ городахъ мало населенныхъ. Еще менѣе можно надѣяться на ренту съ домовъ въ городахъ, невыгодно расположенныхъ въ отношеніи гигіеническомъ и промышленномъ, которыхъ бѣгутъ жители, и гдѣ принужденно остаются только сами хозяева домовъ, не имѣя иного средства пользоваться своей собственностью.

Вообще, всякое обстоятельство, уменьшающее или увеличивающее рыночную цѣну произведеній недвижимой собственности, отражается въ приносимой ею поземельной рентѣ. Присоединеніе къ государству новыхъ земель плодородныхъ и лежащихъ въ удобныхъ условіяхъ разработки можетъ увеличить предложеніе хлѣба, скота или какихъ-либо другихъ продуктовъ земледѣльческихъ, и если успѣеть тѣмъ понизить ихъ цѣну, то неминуемо по-

(*) Въ Парижѣ квадратная сажень земли въ кварталахъ по близости городской стѣны (*mur d'enceinte*) стоитъ отъ 200 до 300 фр. Въ центрѣ города, близь бульваровъ, тюльерійского и палероильского дворцовъ, биржи и т. п., квадратная сажень стоитъ не менѣе 3000 фр. По этой цѣнѣ можно судить о высокой рентѣ, приносимой домами въ этихъ модныхъ и торговыхъ частяхъ города.

низить и чистый доходъ нѣкоторыхъ владѣльцевъ, другихъ же лишить его совершенно. Противоположные послѣдствія влечетъ за собой сильный запросъ, предъявляемый иностранцами на эти продукты; онъ уменьшаетъ ихъ предложеніе на внутреннемъ рынкѣ, подымаетъ цѣну и часто служить поводомъ къ ихъ разведенію на участкахъ не столь удобныхъ, увеличивая ренту владѣльцевъ земель, наиболѣе надѣленныхъ природными преимуществами. Такъ во Франціи, владѣтели виноградниковъ значительной частью своихъ чистыхъ доходовъ обязаны иностранному запросу на французскія вина. Открытие изобилійнѣйшихъ рудниковъ обыкновенно причиняетъ дешевизну горныхъ продуктовъ, уменьшаетъ ренту владѣльцевъ и даже принуждаетъ прекратить нѣкоторыя разработки.

Свободное теченіе торговли, какъ внутренней такъ и внѣшней, всего существеннѣе препятствуетъ образованію слишкомъ высокихъ поземельныхъ рентъ въ иномъ мѣстѣ; но за то въ другомъ часто создаетъ ихъ или усиливаетъ, предлагая сбыты, которыхъ до того не имѣлось. Переводя произведенія изъ странъ, гдѣ онѣ въ избыткѣ, въ страны, гдѣ въ нихъ ощущается недостатокъ; увеличивая въ однѣхъ запросъ, въ другихъ предложеніе, торговля вездѣ перевѣшиваетъ вліяніе естественной монополіи, необходимой и полезной, но тѣмъ не менѣе тягостной, благотворнымъ вліяніемъ изобилія. Посему-то, чтобы судить правильно о поземельныхъ доходахъ въ какомъ-либо государствѣ, должно обращать вниманіе не только на степень его населенности, на количество, ка-

чество и расположение земель, но также на его вышнія сношения, на удобство или трудность, съ какими оно снабжается изъ другихъ странъ земледѣльческими продуктами, и на рыночную цѣну послѣднихъ.

Давидъ Рикардо, съ неоспоримой ясностью доказавъ, что поземельная рента зависитъ отъ рыночной цѣны, которая сама отнюдь не зависитъ отъ владѣльцевъ, выводитъ заключеніе, что «поземельные доходы возвышаются тѣмъ быстрѣе, чѣмъ «болѣе уменьшается производительная способность «земель еще праздныхъ, невоздѣланныхъ» (*) — иначе, чѣмъ болѣе усиливаются издержки добыванія хлѣба и другихъ продуктовъ на земляхъ, къ воздѣльванію которыхъ принуждаетъ приступить возрастающей запросъ на продовольствіе. Для правильности, слѣдовало бы присовокупить: и чѣмъ менѣе торговля предохраняетъ своими подвозами государство отъ подобной крайности. Что же касается до знаменитой формулы, которая принимаетъ стоимость продуктовъ, добываемыхъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ плодородія и мѣстоположенія, за регуляторъ ренты, то она можетъ быть правильна только въ отношеніи продуктовъ необходимѣйшихъ, которымъ соответствуетъ запросъ настоящий, принужденный. Таковъ, напр. хлѣбъ, безъ котораго не могутъ обойтись люди, какъ бы ни былъ онъ дорогъ. Но и для этихъ продуктовъ сколько исключеній: урожай отмѣнно обильный, внезапный упадокъ запроса, вслѣдствіе переселеній,

(*) *Princ. d' Ec. pol. et de l' impôt I.* p. 80.

войны, присоединеніе новыхъ земель и т. п. могутъ уронить цѣну хлѣба ниже его стоимости на земляхъ самыхъ дурныхъ.

На продукты же, не принадлежащіе къ числу необходимѣйшихъ, запросъ подверженъ колебаніямъ самимъ причудливымъ. При всей ограниченности предложенія, цѣна ихъ не можетъ быть постояннаю, и издержки добыванія, на участкахъ наиболѣе къ тому способныхъ, нигдѣ и никогда не служатъ ей предѣломъ. Сегодня могутъ сильно требовать какихъ-либо рѣдкихъ винъ, плодовъ, волокнистыхъ растеній, шерсти, шелка: завтра оказывается вдругъ перемѣна въ модѣ, вкусахъ, обычаяхъ; запросъ охладѣваетъ, цѣна упадаетъ, а съ ней вмѣстѣ и рента. Если жъ къ этимъ колебаніямъ запроса присоединяются еще частыя перемѣны въ предложеніи, какъ напр. въ горныхъ промыслахъ, гдѣ по временамъ неожиданно открываются рудники богаче извѣстныхъ, доставляющіе огромныя массы металловъ или минераловъ на рынки общественные, то скорѣе можно сказать, что регуляторомъ рыночной цѣны и ренты служать не бѣднѣйшія и труднѣйшія разработки, но напротивъ богатѣйшія и удобнѣйшія.

Подобныя тонкости и различія, кажется, только затмняютъ вопросъ, столь ясно и удовлетворительно разрѣшенный. Зачѣмъ искать, то въ бѣднѣйшихъ, то въ богатѣйшихъ земляхъ или рудникахъ, регуляторовъ поземельной ренты? Самъ Рикардо не сказалъ ли намъ (*), и не убѣдились ли мы

(*) *Ibid.* I, 97.

достаточно, что вездѣ и во всѣхъ случаяхъ рента образуется изъ разности, которую исключительное право собственности и природныя преимущества участка позволяютъ владѣльцу осуществить между стоимостью продукта и его цѣной на рынкѣ общественномъ. Посему, всякое измѣненіе въ рентѣ для насъ достаточно объясняется измѣненіями то въ стоимости, то въ рыночной цѣнѣ продуктовъ, съ причинами которыхъ мы достаточно познакомились. (§§ 65—69).

Землевладѣлецъ жалуется на уменьшеніе своей ренты: чтобы указать ему настоящую причину этого уменьшенія, мы отадимъ себѣ сперва отчетъ въ образѣ его производства: если откроемъ въ немъ нерадивость, неумѣніе, неправильное распределеніе работъ и тому подобные недостатки, увеличивающіе стоимость его продуктовъ, то, какова бы ни была рыночная цѣна послѣднихъ, и каково бы ни было относительное плодородіе его участка, мы припишемъ этой причинѣ уменьшеніе его ренты. Если цѣна продукта равняется 10, тогда-какъ стоимость, въ рукахъ опытныхъ, не превышаетъ 6, то рента равняется 4; но если неопытность увеличиваетъ стоимость до 8, то рента не будетъ превышать 2. Если жъ, напротивъ, мы откроемъ, что участокъ воздѣлывается и содержится по всѣмъ правиламъ хорошаго производства, то причинѣ уменьшенію ренты должно искать въ пониженіи рыночной цѣны продуктовъ. Въ первомъ случаѣ, указавъ лучшіе способы производства можно помочь владѣльцу, и въ то-же время оказать услугу

самому государству. Во второмъ, владѣльцу остается только покориться своей участи, и утѣшаться мыслью, что его небольшой частной потерѣ соотвѣтствуетъ благо огромное—удешевленіе продовольствія народнаго.

**121. ВЛІЯНИЕ ПОЗЕМЕЛЬНЫХЪ КАПИТАЛОВЪ
НА ЧИСТЫЙ ПОЗЕМЕЛЬНЫЙ ДОХОДЪ ИЛИ
РЕНТУ.**

Какъ мы уже замѣтили, прежде всякого чистаго поземельного дохода или ренты (*rent*) должны отдѣлиться изъ дохода *валового* (съ которыемъ ошибочно смѣшиваютъ иногда ренту) проценты капитала и прибыль предпринимателя. Воздѣлываніе земель и разработка рудниковъ могутъ производиться, и во многихъ мѣстахъ производятся, при совершенномъ отсутствіи поземельной ренты: но имъ нельзя возвращаться, или покрайнѣй мѣрѣ продолжаться, и поддерживаться, когда въ цѣнности произведеній не возстановляются проценты съ капитала и приличная прибыль. Причина тому очевидна: кто согласится занимать свои капиталы и трудъ свой, не имѣя въ надеждѣ достаточнаго вознагражденія?

Какъ проценты, такъ и прибыль, опредѣляются въ порядкѣ, объясненномъ выше (§§ 92, 93, 96, 97), и въ этомъ отношеніи положеніе земледѣльческаго предпринимателя, повторяемъ, ничѣмъ не разнится отъ положенія предпринимателя торговаго, мануфактурнаго и всякаго другого.

Въ своемъ мѣстѣ (§§ 54—57) мы объяснили опору, которую горные и земледѣльческіе промыслы находятъ въ производительной силѣ капиталовъ: послѣдніе необходимы, то для возбужденія, оживленія, поддержанія или направленія производительной силы природы, то для приведенія полезныхъ минеральныхъ залежаній въ удобныя условія добыванья. Мы видѣли, капиталы постоянные совокупляются съ землею, въ видѣ разныхъ работъ, построекъ, машинъ, орудій, животныхъ, удобреній, орошеній, изгородей; мы объяснили также участіе въ земледѣльческихъ и горныхъ промыслахъ капиталовъ оборотныхъ въ видѣ сѣменъ, корма, припасовъ, топлива и, особенно, задѣльной платы за трудъ исполнительный, рабочій, то въ монетѣ, то натурой.

Изъ капитала, употребляемаго въ этихъ различныхъ видахъ на добываніе сырыхъ продуктовъ, образуется большая часть ихъ стоимости, въ которую по необходимости должны входить сверхъ того проценты и прибыль. Для полученья одинакихъ результатовъ, т. е. одинакого количества равнокачественныхъ продуктовъ, на иныхъ земляхъ требуется менѣе капитала, на другихъ болѣе. Въ этомъ состоитъ именно преимущество первыхъ, которое служитъ началомъ чистаго дохода, если запрость на сырые продукты поднялъ ихъ цѣну до того, что она окупаетъ издержки ихъ добыванія на послѣднихъ.

Неискусное употребленіе капитала можетъ лишить земледѣльца-предпринимателя не только процентовъ и прибыли, но и самой ренты. Это явленіе

вполнѣ объясняется предшествующими изложеніями: природа самая щедрая, капиталы самые изобилъные, въ рукахъ неопытныхъ превращаются въ орудія бесполезныя, или, покрайней мѣрѣ, приносятъ несравненно менѣе пользы, нежели въ рукахъ предпринимателя, хорошо знающаго свое дѣло.

Но если въ валовомъ доходѣ поземельномъ надлежитъ тщательно отличать проценты и прибыль отъ собственно чистаго дохода, то, съ другой стороны, приращеніе послѣдняго часто бываетъ слѣдствиемъ обстоятельствъ, побуждающихъ употреблять новые капиталы для усиленія производительности земли.

Когда потребность общественная въ сырыхъ продуктахъ возрастаетъ до того, что ей не соотвѣтствуетъ болѣе количество этихъ продуктовъ, добываемыхъ на удобнѣйшихъ участкахъ, то промышленность должна приступить къ воздѣльванію или разработкѣ участковъ второго разбора, за тѣмъ третьяго, и четвертаго, или вообще участковъ качествомъ ниже (§ 119). Стоимость продуктовъ, съ послѣднихъ, становится тогда предѣломъ, къ которому стремится ихъ рыночная цѣна. Посреди этихъ обстоятельствъ, можетъ случиться, что удвоеніе капитала, употребленнаго въ видѣ различныхъ приспособленій на участки лучшаго качества, не удвоивъ количества продуктовъ ими доставляемыхъ, увеличить однако это количество, въ мѣрѣ, превышающей то, какое при подобномъ же капиталѣ можно получить на участкахъ низшаго разбора. Кто не знаетъ, что это явленіе весьма часто случается въ земледѣльческихъ промыслахъ. Руководясь самымъ простымъ

расчетомъ, иной помѣщикъ предпочитаетъ удвоить если нужно число людей, скота, орудій, сѣменъ, туковъ, для усиленія производительности пашни, уже готовой, нежели употребить всѣ эти средства для новой запашки, которая принесетъ менѣе чѣмъ приращеніе урожая первыхъ. Еще чаще подобные расчеты дѣлаются въ горной промышленности: издержки на проложеніе новой галереи, устройство новаго колодца и умноженіе рабочаго народа въ рудѣ уже открытой, во многихъ случаяхъ болѣе даютъ продуктовъ, нежели примѣненіе тѣхъ же самыхъ издержекъ къ новой разработкѣ.

Повышеніе рыночной цѣны, допускающее подобное присоединеніе новаго капитала къ тѣмъ, которые уже заняты на данномъ участкѣ, и обеспечивающее ему достаточные проценты и прибыль, тѣмъ самимъ позволяетъ осуществить чистый доходъ на старомъ капиталѣ, и тутъ, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, этотъ чистый доходъ есть не что иное, какъ разность между результатами, полученными при употреблении двухъ одинакихъ величинъ капитала и труда. Пояснимъ примѣромъ. Вотъ участокъ пахатной земли, который, сверхъ затраченного капитала въ 1000 р., занимая постоянно оборотный капиталъ въ 1500 рублей, даетъ ежегодно 2000 четвертей пшеницы. По настоящей рыночной цѣнѣ— положимъ по полтора рубля за четверть—эти 2000 четвертей (всего на 3000 р.) окупаютъ цѣликомъ капиталъ оборотный, по частямъ капиталъ стоячій, даютъ проценты и приличную прибыль. Владѣтель участка, знакомый съ агрономіей, знаетъ, что мо-

жеть получить еще, положимъ, 1500 четвертей изъ своего участка, если удвоить капиталъ, но отвращается отъ этого благоразумной расчетливостью, потому-что, при цѣнѣ по $1\frac{1}{2}$ рубля за четверть, это приращеніе не окупитъ издержки новаго капитала въ 2000 руб., не дастъ съ него процентовъ и не вознаградитъ его усилившихся заботъ, попеченій и риску приличною прибылью. Пусть усиленіе запроса на пшеницу возвыситъ ея цѣну до 2 руб. за четверть: простой расчетъ арифметической убѣждаетъ тогда владѣльца, что по этой новой цѣнѣ 1500 четвертей покроютъ издержку, проценты и прибыль новаго капитала въ 2500 руб; и та-же самая расчетливость, которая прежде его удерживала, будетъ теперь побуждать къ этому удвоенію капитала. Если онъ осуществить свое намѣреніе, то его участокъ будетъ занимать въ одно время два капитала, въ 2500 руб. каждый; одинъ, старый, будетъ приносить 2000 четвертей, чтб, по 2 руб., составляетъ 4000 р.; другой новый, 1500 четвертей, или 3000 руб.; ясно, что кромѣ процентовъ и прибыли, первый капиталъ приноситъ еще чистый доходъ въ 1000 рубл. или 500 четвертей, тогда-какъ второй даетъ только проценты и прибыль. Но рыночная цѣна пшеницы можетъ еще подняться до 2 руб. 50 к.; въ такомъ случаѣ, если присоединеніе третьяго капитала въ 2500 руб. къ воздѣльванію участка можетъ увеличить жатву на 1200 четвертей равнокачественной пшеницы, то явная выгода побуждаетъ къ тому владѣльца, потому-что 1200 четвертей, по 2 руб. 50 коп., составятъ 3000 руб. и покроютъ капиталъ,

проценты и прибыль. Тогда на земль будуть три капитала, въ 2500 р. каждый: одинъ, доставляющій 2000 четвертей или 5000 р.; другой, 1500 четвертей или 3750 р.; и третій, 1200 четвертей или 3000 рублей. На первомъ капиталѣ владѣтель получаетъ 2000 руб. (или 800 четвертей) чистаго дохода, на второмъ 750 руб. (или 300 четв.); на третьемъ во- все не получаетъ собственно чистаго дохода, а только проценты и прибыль.

Образованіе чистаго дохода поземельнаго въ горныхъ промыслахъ, по-мѣрѣ присоединенія новыхъ капиталовъ, подчинено тому-же закону: оно возможно только въ томъ случаѣ, если съ одной стороны возвышается цѣна горнаго продукта, съ другой умножаются издержки его добыванія. Если, напримѣръ, каменоугольная копь, при помощи каждого капитала въ 200.000 фран., доставляла ежегодно 25.000 тоннъ угля, которые, по 10 фр. за тоннъ, окупали расходы, доставляли проценты и порядочный дивидендъ акціонерамъ, и если цѣна угля, поднявшись до 20 фр. за тоннъ, позволить внести въ разработку новую серію капиталовъ, по 200.000 фр., которые по причинѣ усилившейся трудности добыванія будутъ доставлять не болѣе 12,500 тоннъ, — то весьма очевидно, что на каждомъ капиталѣ первой серіи (если они будутъ продолжать доставлять по 25.000 тоннъ, что, при 20 фр. за тоннъ, составитъ 500.000 фр., тогда-какъ капиталъ второй серіи даетъ только 12.500 тоннъ или 250.000 фр.) осуществляется компаніи чистый доходъ въ 250,000 фр., равняющейся разности между производительнымъ ре-

зультатомъ капиталовъ первоначальныхъ и вновь пріобщенныхъ.

Основываясь на томъ, что приложеніе новаго капитала къ воздѣльванію или разработкѣ бываетъ иногда основаніемъ чистаго дохода земельнаго, нельзя приписывать этотъ доходъ собственно производительной силѣ капитала и труда: онъ не имѣетъ иного источника кромѣ присвоенной силы природной, въ которой одинакія величины капитала и труда находятъ содѣйствіе различное. Еслибъ эта сила не была присвоена, или, еслибъ она была неистощима, какъ напримѣръ воздухъ, вода, давленіе атмосферы, упругость паровъ или теплородъ, то никогда не могла бы служить поводомъ къ образованію ренты: при одинаковомъ содѣйствіи съ ея стороны, одинакія издержки капитала и труда доставляли бы одинакіе результаты полезные. Но земля можетъ оставаться неприсвоеною только у народовъ охотничихъ или пастушескихъ; въ состояніи осѣдломъ оно распредѣляется между ея исключительными владѣльцами. Рѣдко можно найти два равные пространствомъ участка земли, которые представляли бы одинаковую степень производительности природной, и почти невозможно удвоенными усилиями труда и капитала извлечь вдвое болѣе полезностей изъ одного и того же участка. Чѣмъ болѣе человѣкъ требуетъ содѣйствія отъ земли, тѣмъ скучѣе она ему его предлагаетъ, и ея первыя щедроты становятся источникомъ чистыхъ барышей или ренты, для того, кто ими воспользовался по праву собственности.

Чемъ болѣе усиливается запросъ на сырье продукты, тѣмъ болѣе возвышается ихъ рыночная цѣна, и возвышаясь позволяетъ промышленности нести болѣе издержекъ для ихъ добыванія. Посему-то возрастаніе народонаселенія и успѣхи промысловъ городскихъ можно разсматривать какъ необходимое условіе большихъ чистыхъ поземельныхъ доходовъ: условіе, при которомъ возрастаетъ запросъ на сырье продукты, а съ нимъ вмѣстѣ ихъ рыночная цѣна. Ясно, что причины, охлаждающія запросъ и понижающія рыночную цѣну, дѣйствуютъ въ обратную сторону. Онъ препятствуютъ осуществленію процентовъ и достаточной прибыли на капиталахъ послѣдне - употребленныхъ, принуждаютъ къ ихъ устраниенію, и уменьшаютъ чистые доходы, которые получались при помощи капиталовъ не отвѣкаемыхъ отъ предпріятій. Если пшеница, въ примѣръ приведенномъ на 568 страницѣ, поднявшись цѣною до 2 р. 50 к. за четверть, окупала издержку третьаго капитала, его проценты и прибыль, то очевидно что, упавъ снова до 2 р., она перестанетъ его окупить, владѣлецъ устранитъ его по возможности отъ воздѣльванія, или дастъ ему другое назначеніе болѣе выгодное; въ то-же время его чистый доходъ уменьшится до 1000 руб., какъ при употребленіи только двухъ первыхъ капиталовъ. Иногда владѣлецъ принужденъ обстоятельствами оставить на землѣ капиталъ, не приносящій достаточныхъ процентовъ и прибыли и даже не востановляющійся въ цѣнности продуктовъ. Въ такомъ случаѣ онъ терпитъ убы-

токъ не только въ доходахъ но и въ самомъ своемъ фондѣ производительномъ, котораго цѣнность всо-размѣрности понижается.

Причины, уменьшающія ренту, бывають послѣдствіемъ событій весьма различныхъ, то выгодныхъ для общества, то невыгодныхъ. Къ послѣднимъ должно отнести разстройство промышленности, ис-тощеніе народныхъ капиталовъ, упадокъ населен-ности, закрытие иностранныхъ сбытовъ для сырыхъ продуктовъ. Каждое изъ подобныхъ событій вле-четъ за собой ослабленіе запроса, понижение цѣны сырыхъ продуктовъ и оставленіе нѣкоторыхъ воз-дѣльваній и разработокъ. Къ первымъ принадле-жать улучшенія способовъ производства, позволяю-щія, при одинаковыхъ издержкахъ труда и капи-тала, получать на данномъ пространствѣ и въ дан-ное время болѣе продуктовъ, предохраняющія отъ крайности приступать къ воздѣльванію и разработ-кѣ участковъ низшаго разбора, или къ пріобрѣтенію новыхъ капиталовъ къ тѣмъ, которые уже заняты на участкахъ удобнѣйшихъ.

Есть два рода улучшений въ примѣненіи капита-ловъ къ земледѣлію и горнымъ промысламъ: однѣ усиливаютъ производительность земли, къ природ-ному плодородію или изобилію присоединяютъ, нѣ-которымъ образомъ, плодородіе или изобиліе иску-ственное; другія стремятся сократить трудъ, необ-ходимый для добыванія продуктовъ. Какъ тѣ, такъ и другія, уменьшаютъ чистый доходъ, но не въ рав-ной степени.

Въ число улучшений, усиливающихъ производительность земли, входятъ, въ промыслахъ земледѣльческихъ: плодоперемѣнныя системы, искусственные луга, выборъ и приготовленіе удобрительныхъ туковъ; въ промыслахъ горныхъ: методы, увеличивающія добычу чистаго металла изъ даннаго количества руды, другія, уменьшающія его трату, распорядокъ внутреннихъ работъ, облегчающій извлеченіе минераловъ. Благодаря подобнымъ улучшеніямъ, при помощи того-же капитала можно добывать то-же количество продуктовъ изъ меньшаго участка, или болѣе продуктовъ изъ прежняго. Тѣмъ самимъ увеличивается ихъ предложеніе, и если въ запросѣ не оказывается соразмѣрное усиленіе, то цѣна неизбѣжно понижается, послѣдне-употребленіе капиталы перестаютъ окупаться, а предшествующіе, приносить чистый доходъ. Мы ужъ привели выше примѣръ такого пониженія чистыхъ доходовъ введеніемъ картофеля и вообще суррогатовъ хлѣба, которыхъ, при помощи одинакихъ труда и капитала, получается болѣе на данномъ пространствѣ. Распространеніе этого рода воздѣльваній и улучшений въ государствѣ должно отвратить отъ воздѣльванія земель наименѣе плодородныхъ, и отъ употребленія новыхъ капиталовъ на плодороднѣйшія: оно стремится къ уменьшенію разности между результатами, получаемыми при помощи даннаго капитала поземельного, въ которой, какъ уже не разъ замѣчено, заключается собственно рента.

Къ уменьшенню этой разности клонятся также улучшения, не увеличивающія производительности земли, но сокращающія издержки труда, или, что все равно, капитала. Таковы усовершенствованія орудій; введеніе машинъ, замѣняющихъ трудъ рабочій, допускающихъ содержаніе меньшаго числа лошадей; успѣхи ветеринарнаго искусства, лучше ихъ сохраняющаго; экономическое употребленіе топлива въ машинахъ для откачиванія воды, затопляющей рудники; устройство подземныхъ желѣзныхъ дорогъ. Всѣ эти улучшения позволяютъ только уменьшить капиталъ, но не пространство земли, потребной для полученія даннаго количества продуктовъ. Если уменьшеніе въ равной степени распредѣляется на всѣ части капитала, занимаемаго воздѣльваніемъ или разработкой, то не можетъ быть потери въ чистомъ доходѣ; но если улучшеніе такого рода, что позволяетъ при помощи одного капитала получить приращеніе результата равное тому, какое доставляется присоединеніемъ новаго капитала, наименѣе производящаго, и отвратить отъ употребленія послѣдняго, то чистый доходъ неминуемо сократится.

Нынѣ въ Европѣ постоянно понижается цѣна желѣзу. Этому безсомнѣнныя должно приписать упадокъ чистыхъ доходовъ, приносимыхъ желѣзными рудниками, которые разрабатываются, большей частью, самими владельцами. Нельзя объяснить это пониженіе цѣны упадкомъ запроса; все, напротивъ, доказываетъ усиленіе потребности въ желѣзѣ, которое превратилось въ необходимѣйшій матеріалъ

для промышленности. Но оно объясняется, частью, находкой изобильнѣйшихъ рудъ, частью успѣхами металлургического искусства, открытиемъ улучшенныхъ способовъ разработки, обращенiemъ въ пользу пропадавшаго прежде жара доменныхъ печей и т. п. Мы замѣчаемъ, напротивъ, что цѣна каменного угля повышается въ государствахъ, наиболѣе истребляющихъ этого топлива, и возрастаютъ чистые доходы, приносимые каменноугольными компаниями: предшествующія соображенія позволяютъ намъ безошибочно приписать это явленіе постепенно возрастающей трудности добыванія этого иско-паемаго, для котораго въ Англіи подземныя галереи уже углубились подъ самое дно океана, и невозможности значительно усилить эту добычу примѣненiemъ новыхъ механическихъ средствъ; вообще, обстоятельствамъ, болѣе дѣйствующимъ на развитіе запроса, нежели предложения.

Объясненное нами вліяніе улучшеній земледѣльческой и горной промышленности на уменьшеніе ренты не можетъ, однако, служить препятствиемъ къ ихъ введенію и распространенію. Землевладѣлецъ, самъ занимающійся воздѣлываніемъ или разработкой своей недвижимой собственности, руководится интересами обыкновенного предпринимателя. Онъ естественно обращаетъ болѣе вниманія на капиталъ, нежели на землю; спѣшитъ воспользоваться всяkimъ улучшеніемъ, усиливающимъ его производительность, и рѣшается его увеличивать только въ крайнихъ случаяхъ, съ полной увѣренностью въ прибыли. Все, что умножаетъ число добываемыхъ

продуктовъ, хотя и можетъ уменьшить чистый доходъ, но за то, съ другой стороны, всегда усиливаетъ прибыль. Ктому-же, новооткрытые способы не вдругъ становятся вездѣ известными; а пока употребляются однимъ только или немногими владѣльцами, они служатъ для нихъ источникомъ барышей, совершенно исключительныхъ.

Тогда только, когда постепенное распространение способовъ, уменьшающихъ издержки труда и капитала, успѣетъ, путемъ соперничества, понизить цѣну сырыхъ продуктовъ, оказывается чувствительное уменьшеніе въ чистыхъ доходахъ поземельныхъ. Это уменьшеніе можетъ быть постоянно и продолжительно для разработокъ горныхъ и для воздѣлываній, доставляющихъ предметы роскоши, или покрайней мѣрѣ предметы не первой необходимости, особенно если къ новымъ усовершенствованіямъ присоединяются новыя предприятия въ выгодныхъ условіяхъ производства. Оно бываетъ, обыкновенно, кратковременнымъ для земель, доставляющихъ предметы первой необходимости и, въ особенности, продовольствіе. Удешевленіе средствъ къ пропитанию способствуетъ умноженію населения; вмѣстѣ съ послѣдней усиливается запросъ на хлѣбъ, и цѣна его, снова подымаясь, возстановляетъ прежнюю мѣру ренты.

**122. ВЛИЯНИЕ УРОЖАЕВЪ НА ПОЗЕМЕЛЬНЫЕ ДОХОДЫ;
ПОЛЬЗА ЗАПАСНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ.**

Въ Россіи, какъ и вездѣ, часто слышимъ жалобы на урожай: въ годы плодородные количество хлѣб-

ной добычи до того увеличивается, что упадокъ цѣны, говорятъ, уносить не только доходы помѣщиковъ, но лишаетъ даже вознагражденія потовой труда бѣднаго крестьянина. Иныхъ урожай устрашаетъ даже болѣе самого жестокаго неурожая. Если, для поддержанія цѣнъ, имѣть въ виду только рѣдкость въ хлѣбѣ, то горю помочь не трудно: стоять только прибѣгнуть къ средству, которое, говорить, часто употребляется англійской остиндской компаніей: въ случаѣ чрезмѣрнаго урожая мака, перцу, корицы и другихъ земледѣльческихъ произведеній, которыми компанія торгууетъ съ Китаемъ, ея агенты, для предупрежденія упадка цѣнъ отъ чрезмѣрнаго предложенія, бросаютъ въ море то, что считаются излишкомъ. Наши помѣщики и крестьяне, сѣтующіе на урожай хлѣба, могли бы также согласиться и потопить въ рѣкахъ, болотахъ, и озерахъ, тотъ избытокъ, который имъ послало Прорицаніе, и который угрожаетъ имъ дешевизной, столь гибельной по ихъ понятіямъ. Ни кому изъ нихъ, ксчастью, не пришло въ голову врачеванье столь героическое: постараемся здѣсь помирить ихъ съ урожаемъ и внушить, что обильная жатва всегда есть даръ, за который должно благодарить всеблагое небо.

Всякое государство нуждается ежегодно въ количествѣ хлѣба, которое соразмѣряется съ его народонаселеніемъ. Если оно не можетъ добыть это количество на своихъ земляхъ, то принуждено пріобрѣтать его мѣною въ другихъ государствахъ, которымъ достались въ удѣлъ земли обширнѣе или пло-

дороднѣе. Россія принадлежитъ къ числу тѣхъ государствъ, которыя не только могутъ снабжать свою населенность достаточнымъ продовольствіемъ, но еще постоянно добываютъ нѣкоторое количество хлѣба, для населенности другихъ странъ. Имѣя въ виду эти два сбыта, внутренній и внѣшній, у насъ ежегодно воздѣльвается данное пространство земли. Это пространство не можетъ всегда быть одинаково; оно должно постоянно разширяться отъ возрастанія народонаселенія самой имперіи, и частью, отъ усиливающагося запроса на хлѣбъ въ странахъ, съ которыми мы ведемъ торговлю и, преимущественно, въ королевствѣ Великобританскомъ. Но для простоты и ясности изложенія предположимъ десятилѣтній періодъ, въ теченіе котораго постоянно воздѣльвается ежегодно одинакое число десятинъ, при помощи одинакового капитала и труда, для получения необходимаго количества хлѣба.

Два обстоятельства могутъ, въ подобномъ положеніи, нарушить равновѣсіе между запросомъ и предложеніемъ, усиливъ послѣднее, причинить упадокъ въ цѣнѣ: богатый урожай или закрытіе сбытовъ иностранныхъ.

Разсмотримъ сначала урожай. Какъ изобиліе жатвы, онъ не только не уменьшаетъ поземельныхъ доходовъ, прибыли и ренты, но, напротивъ, увеличиваетъ ихъ натурой: благодаря ему, на данномъ участкѣ земли, и при помощи одинакового капитала, вмѣсто 4000 четвертей ржи, напр. получается 5000. Еслиъ подобное приращеніе оказалось у одного или только у немногихъ помѣщиковъ, воздѣльвающихъ

свои земли, или у господскихъ оброчныхъ хлѣбопашцевъ, то всѣ, и они сами первые, считали бы себя счастливцами. Но когда оно оказывается вездѣ, и не перевѣшивается дурными мѣстными жатвами, тогда отъ избытка въ предложеніи цѣны упадаютъ. Это цѣнопониженье не причинило бы никакого ущерба денежнымъ доходамъ, еслибъ весь добытый хлѣбъ могъ найти сбытъ: помѣщику или крестьянину совершенно все равно продать 4000 четвертей по 2 руб. или 5000 по 1 руб. 60 коп: какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ онъ получитъ 8000 руб. Но, хотя дешевизна и увеличиваетъ нѣсколько потребленіе хлѣба, все-же оно не сполна поглощаетъ избытокъ причиненный урожаемъ, и въ рукахъ производителей остается нѣкоторое количество хлѣба непроданнымъ.

Отъ этого застоя всего болѣе терпятъ крестьяне, особенно оброчные и казенные. Они обязаны платить оброкъ или подати монетой, и, чтобы выручить нѣсколько денегъ, принуждены продавать по самой низкой цѣнѣ свою жатву спекуляторамъ, обыкновенно закупающимъ хлѣбъ въ урожайные годы, для храненія на время неурожаевъ. Скудная выручка лишаетъ ихъ возможности запастись другими необходимыми предметами домашняго хозяйства, одеждой, утварью, и особенно препятствуетъ обратить кой-какія сбереженія на умноженіе своего капитала, состоящаго въ орудіяхъ, скотѣ, тухахъ и сѣменахъ. Но, съ другой стороны, дешевизна хлѣба въ высшей степени благопріятна рабочему сословію, какъ вольному такъ и господскому, распущенному

по паспортамъ Задѣльная плата обыкновенно понижается въ урожайные годы: но ея пониженіе отнюдь не соответствуетъ подешевленію хлѣба, и выручка работниковъ въ эти года почти всегда бываетъ значительнѣе. Пониженіе задѣльной платы, а слѣдовательно и дешевизна хлѣба не менѣе благопріятны для предпринимателей мануфактурныхъ и торговыхъ: ихъ прибыль усиливается, и по-мѣрѣ какъ число новыхъ предпріятій умножается, соперничество понижаетъ цѣну всѣхъ произведеній вообще.

Не отъ крестьянъ однако слышно наиболѣе жалобъ на урожай, а отъ помѣщиковъ, у которыхъ дѣйствительно остается болѣе непроданнаго хлѣба. Простое, но обстоятельное соображеніе вещей должно бы предостеречь отъ подобныхъ сужденій. Если бываютъ годы урожайные, то почти періодически также возвращаются годы неурожайные. Какъ не видѣть въ первыхъ средства, предлагаемаго Провидѣнiemъ для существеннаго отвращенія бѣдствій, сопровождающихъ обыкновенно послѣдніе? Откладывая въ запасные магазины, или анбары, избытки урожая, примѣняя къ сохраненію хлѣбовъ способы, открытые наукой и освященные опытомъ, помѣщики не только избавятъ внутренній рынокъ отъ загроможденья и поддержать цѣны на собственные продукты, но еще окажутъ великую услугу народу, сохранивъ элементъ изобилія и дешевизны на время слабыхъ и недостаточныхъ жатвъ. Удивительно, какъ могла подобная мѣра благоразумія, на которую давно ужъ обращается вниманье, встрѣтить между жителями столько неохоты и пренебреженья.

Кажется, нельзя присовѣтовать имъ средство существенное, какъ для отвращенія цѣнопониженья, котораго опасаются, такъ и для предохраненія отъ огромныхъ потерь, которымъ подвергаютъ ихъ чрезмѣрные неурожаи. Извѣстно, что во время голодовъ, нравственный долгъ, обычай и самые законы вмѣняютъ въ обязанность помѣщикамъ заботиться о продовольствіи ихъ крестьянъ: можно себѣ представить важную услугу, которую въ такихъ случаяхъ оказали бы имъ запасные магазины, эти резервы стоявшіе имъ только заботъ охраненія (*).

Учреждение запасныхъ магазиновъ должно, безсомнѣнно, служить также къ удаленію или, покрайней мѣрѣ, къ облегченію неудобствъ отъ закрытія сбытовъ иностранныхъ. Должно согласиться однако, что загроможденіе рынка, причиняемое подобными событиями, которымъ запретительная система безпрестанно подвергаетъ производство народное, влечеть за собой гораздо болѣе замѣшательства и убытокъ въ промышленности земледѣльческой; отъ нихъ труднѣе предохранить ее, чѣмъ отъ невыгодныхъ послѣдствій простого естественнаго усиленія урожая. Слѣдующій § броситъ болѣе свѣта на этотъ вопросъ.

123. ВЛІЯНИЕ ЗАПРЕТИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ НА ПОЗЕМЕЛЬНЫЕ ДОХОДЫ.

Нормальное образованіе городскихъ промысловъ, ремесленыхъ и фабричныхъ, въ государствѣ всегда

(*) См. Примѣчаніе 17-е.

благоприятствуетъ успѣхамъ земледѣлія; оно открываетъ постоянные и удобные сбыты для сырыхъ продуктовъ и способствуетъ усиленію населенности. Предоставленное свободному теченію, оно увеличиваетъ запросъ на продовольствіе и другіе продукты земледѣльческіе, и мало по малу подымая ихъ цѣну, позволяетъ обращать новые капиталы на воздѣльваніе участковъ, менѣе плодородныхъ, или на извлеченіе большаго количества продуктовъ изъ участковъ плодороднѣйшихъ, и тѣмъ обезпечиваетъ поземельную ренту, болѣе или менѣе значительную для нѣкоторыхъ владѣльцевъ. Подобныхъ послѣдствій едва ли можно ожидать отъ таможенной мѣры, помошію высокой привозной пошлины или безусловнаго запрещенія возбуждающей на внутреннемъ рынкѣ искусственную дороговизну иныхъ мануфактурныхъ продуктовъ, которыми дотолѣ снабжалось государство изъ за-границы, дороговизну, позволяющую съ выгодой употребить для ихъ производства народные капиталы и руки.

Ни эти капиталы, ни эти руки не создаются тарифами; они существовали до нихъ въ націи, и неизбѣжно отрываются отъ какихъ-либо другихъ промысловъ, и въ особенности отъ тѣхъ, которымъ наиболѣе наносить ущерба такая мѣра—отъ промысловъ земледѣльческихъ. Иностранцы, привозившие свои мануфактурныя издѣлія—въ томъ нѣтъ сомнѣнья—не отдавали ихъ даромъ: они продавали ихъ на монету, на которую съ своей стороны покупали сырые продукты, въ изобилии и съ выгодой въ странѣ производимые. Препятствуя этимъ при-

возамъ, тарифъ лишаетъ важнаго сбыта промысла, занятые добываніемъ сырыхъ продуктовъ; онъ производить точно такое явленіе какъ и чрезмѣрный урожай; причиняетъ упадокъ въ цѣнахъ, съ которымъ неразлучно уменьшеніе не только ренты, но и самой прибыли съ капиталовъ, посвященныхъ этимъ промысламъ. Дешевизна, если происходитъ отъ урожая, всегда можетъ существенно быть отстранена обращеніемъ избытка въ запасъ, на годы неурожайные. Этого недостаточно чтобы предохранить отъ чувствительныхъ потерь земледѣльческую промышленность, вдругъ лишенную сбытовъ, въ надеждѣ на которые она употребила значительные капиталы. Обратить оказавшійся оттого избытокъ въ запасы, значитъ обречь эти капиталы на неподвижность, иногда весьма продолжительную. Богатѣйшіе помѣщики не всостояніи вынести такую жертву и, большей частью, вслучаѣ подобныхъ кризисовъ, всѣ спѣшать съ потерю ликвидировать свои дѣла, и продавъ по самой низкой цѣнѣ, безъ барыша, безъ прибыли и часто съ большимъ убыткомъ, обратить выручку на предпріятія, обѣщающія болѣе прибыли и въ особенности на тѣ, которымъ благопріятствуютъ тарифы. Такъ совершается невыгодное перемѣщеніе производительныхъ силъ.

Этимъ кризисомъ не ограничиваются потери землевладѣльцевъ-предпринимателей; неминуемо въ ихъ чистыхъ доходахъ оказывается уменьшеніе постоянное, или покрайней мѣрѣ долговременное. Введеніе новыхъ городскихъ промысловъ въ государствѣ умножаетъ, правда, населенность, которая

не занимается добываніемъ продовольствія, но, отрывая руки отъ земли, оно ослабляетъ ту населенность, которая занята земледѣлемъ, и сама участвуетъ также въ потребленіи его продуктовъ: запросъ на хлѣбъ долженъ уменьшиться непремѣнно почти на все то количество, какое требовалось иностранцами. Такое охлажденіе запроса отражается также и на всѣхъ сырыхъ продуктахъ, служащихъ первообразнымъ матеріаломъ, каковы ленъ, пенька, сало, шерсть, желѣзо и т. п. Правда, что тогда возникаютъ въ государствѣ предпріятія, которыя въ нихъ нуждаются, но, какъ онѣ производятъ слишкомъ дорого, по этому менѣе продаютъ и менѣе требуютъ матеріала, чѣмъ иностранцы. Упадокъ цѣнъ, при охлажденіи запроса, удаляетъ отъ промысловъ, добывающихъ сырые продукты, капиталы, которые только окупали проценты и доставлялиличную прибыль, а тѣмъ самимъ уничтожаетъ, или много уменьшаетъ, ту разность между стоимостью и цѣной, которая служила рентой владѣльцамъ, получавшимъ болѣе произведеній при одинаковой издержкѣ капитала. Однимъ словомъ, поземельные доходы значительно уменьшаются, безъ всякой выгоды для націи, когда это уменьшеніе обращается на поддержаніе неудовлетворительныхъ и дорогихъ производствъ мануфактурныхъ.

Намъ очень понятны роптанія французскихъ видѣловъ на запретительныя мѣры, къ усиленію которыхъ безпрестанно прибегаютъ законодательные палаты, уступая вліянію котеріи, успѣвшей завладѣть большинствомъ голосовъ. Непомѣрные

акцизы и городскіе сборы подавляютъ потребленіе винъ во Франціи; и сбыты иностранные служатъ исконы главнымъ источникомъ ренты и даже прибыли, приносимыхъ воздѣльваніемъ винограда: безпрестанно закрывая входъ въ предѣлы королевства произведеніямъ чужеземнымъ, тарифъ стѣсняетъ эти послѣдніе сбыты, и приносить интересы винодѣловъ въ жертву другимъ сословіямъ промышленнымъ, стремящимся удержать за собой монополію внутренняго рынка.

Запретительная система, которая не ограничивается однимъ затрудненіемъ привоза иностранныхъ мануфактурныхъ издѣлій, но еще заграждаетъ или рѣшительно запрещаетъ вывозъ сырыхъ продуктовъ, тѣмъ болѣе стѣсняетъ сбытъ послѣднихъ, тѣмъ существеннѣе противится образованію ренты поземельной, и тѣмъ враждебнѣе дѣйствуетъ противъ интереса землевладѣльцевъ.

Впрочемъ, тарифы благопріятствуютъ не однѣмъ только мануфактурамъ: часто они расточаютъ свои мнимыя благодѣянія и на промыслы земледѣльческіе, запрещая, или облагая высокими пошлинами, привозъ въ государство иностранныхъ сырыхъ продуктовъ.

Если потребность въ сырыхъ продуктахъ постепенно возрастаетъ, то этого рода мѣры искусственно подымаютъ ихъ цѣну, заставляютъ безпрестанно примѣнять новые капиталы и трудъ къ воздѣльванію участковъ, наименѣе плодородныхъ, или къ возможному усиленію производительности участковъ плодороднѣйшихъ, и умножая разность между

результатами, получаемыми при помощи одинаковых капиталовъ, усиливаютъ поземельную ренту владѣльцевъ. Подъ гнетомъ настоятельнаго запроса, цѣна сырыхъ продуктовъ, особенно продовольствія, можетъ до того подняться, что будутъ приносить ренту земли самыя упорныя. Знаменитые corn-laws (законы о хлѣбѣ) имѣли вездѣ подобныя послѣдствія въ великобританскомъ королевствѣ.

Въ защиту пошлинъ, поддерживающихъ дорогоизну хлѣба и другихъ сырыхъ продуктовъ, какъ то: мяса, шерсти, шелка, пеньки, льна, желѣза, каменного угля и т. п., почти всегда приводятъ пользу и даже необходимость поощрять промыслы столь важные. Слишкомъ низкія цѣны—говорятъ—не вознаграждаютъ предпринимателей и работниковъ. Чтобы найти слабую сторону этого довода стбить только анализировать то, что можно назвать необходимой цѣной для покрытія издержекъ производства. Мы достаточно убѣдились, что рента отнюдь не входитъ въ составъ послѣднихъ, но образуется изъ разности между различными издержками производства, при данной цѣнѣ. Эта разность усиливается, по-мѣрѣ возвышенія цѣны, и вся обращается впользу владѣльца. Правда, откупщикъ можетъ ею воспользоваться, если повышеніе въ цѣнѣ окажется до исхода откупа; но, когда настанетъ пора его возобновить, землевладѣлецъ не преминеть потребовать откупной платы значительнѣйшей. Къ одному только увеличенію этой платы, образующей чистый доходъ помѣстнаго сословія, клонятся таможенные пошлины на сырье продукты.

Нетолько никакого поощрения не оказываютъ онъ собственно предпринимателямъ земледѣльческимъ, но напротивъ наносятъ ущербъ ихъ прибыли, повышая задѣльную плату и, всоразмѣрности, рыночную цѣну всѣхъ вообще материаловъ и произведеній, въ которыхъ они нуждаются. Отъ этихъ причинъ еще болѣе терпятъ мануфактуры. О торговыхъ же промыслахъ нечего и говорить: запретительныя мѣры всякаго рода явно препятствуютъ образованію и развитію одной изъ ихъ важнѣйшихъ вѣтвей—торговли внѣшней. Намъ укажутъ, можетъ-быть, на блестательные успѣхи мануфактуръ и торговли, оказавшіеся въ Англіи при господствѣ *corn-laws?* но изъ этой современности двухъ фактовъ столь противныхъ одинъ другому: чрезмѣрной искусственной дороговизны продовольствія и чрезмѣрной дешевизны нѣкоторыхъ издѣлій фабричныхъ, неужели можно заключить, что первый фактъ благопріятствовалъ послѣднему? Геніальныя открытія машинъ, просвѣщенная предпріимчивость Англичанъ, успѣхи образованности и наукъ—вотъ причины, позволившія Великобританіи удешевить нѣкоторыя производства, на зло неумолимой монополіи помѣстного сословія. Промышленые кризисы, пауперизмъ, такса для бѣдныхъ, глубокая нищета Ирландіи, волненія народныя—вотъ бѣдственныя послѣдствія пристрастнаго и жестокаго законодательства о хлѣбѣ; эти послѣдствія могло навремя скрыть подъ блестящимъ покровомъ огромное развитие промышлености мануфактурной и торговой, но оно не могло ихъ отвратить, и нынѣ, кажется,

наступила пора выбора: старинныя препоны должны пасть (*), и исключительное обогащение землевладельцевъ уступить мѣсто благосостоянію массъ, или промышленое развитіе, доселъ поражавшее міръ, должно обратиться вспять и явить свѣту примѣръ самого поучительного паденія.

**124. ОБРАЩЕНИЕ НЕДВИЖИМОЙ СОБСТВЕННОСТИ;
ОТКУПНОЕ ВОЗДѢЛЫВАНИЕ.**

Изъ предшествующихъ соображеній не трудно составить себѣ понятіе объ основаніи цѣнности недвижимой собственности. Она всегда зависитъ отъ капитала въ видѣ разныхъ приспособленій и улучшеній и отъ неразлучныхъ съ ней *относительныхъ* преимуществъ природныхъ, или короче, отъ доходовъ, которые можно изъ нея извлечь при помощи даннаго количества труда и капитала оборотнаго. Когда дѣло идетъ объ отчужденіи недвижимой собственности продажею, ее уподобляютъ капиталу и оцѣниваютъ, на основаніи рыночнаго роста. Если онъ не превышаетъ 4%, то земля, дающая примѣрно 1000 руб. дохода, независимо отъ прибыли, оцѣнивается въ 25,000 рублей, потому что 4% съ 25,000 составляютъ 1000 р. Это мѣна одного фонда на другой, и, чтобы она была справедлива, то-есть, чтобы ни та ни другая сторона ничего на ней не теряла, каждый изъ этихъ фондовъ долженъ приносить доходы равносильные.

На рыночную цѣну недвижимой собственности несомнѣнно имѣютъ однако вліяніе другія обстоя-

(*) Писано до отмѣненія въ Англіи законовъ о хлѣбѣ (corn-laws).

тельства, и впервыхъ ограниченность то запроса, то предложенія. Въ государствѣ, гдѣ право владѣть недвижимой собственностью составляетъ привилегію одного немногочисленаго сословія, запросъ по необходимости всегда ограниченъ, и желающій продать свои помѣстья принужденъ сбavitъ имъ цѣну, чтобы найти охотника. Майораты, родовыя права стѣсняютъ, напротивъ, предложеніе и подымаютъ цѣну имѣній свободныхъ. Изобиліе земель неприсвоенныхъ, образующихъ собственность государственную, когда правительство облегчаетъ ихъ переходъ въ частное владѣніе на условіяхъ умѣренныхъ, всегда причиняетъ упадокъ въ цѣнѣ недвижимой собственности. Такъ, во время республики во Франціи, когда правительство затруднялось обширными помѣстьями эмигрантовъ, конфискованными всилу тогдашихъ законовъ, имѣнія продавались по самой низкой цѣнѣ. Этому упадку цѣнѣ, правда, способствовали еще другія причины, и въ особенности ненадежность подобныхъ пріобрѣтеній, и недовѣріе общественное къ правленію революціонному, не знавшему мѣры своимъ насилиямъ.

Внѣ вліянія всякихъ особыхъ обстоятельствъ политическихъ, посреди внутренняго спокойствія и подъ кровомъ законодательства твердаго и безпристрастнаго, рыночная цѣна недвижимой собственности, домовъ и земель, частоклонится перейти за предѣлы капитала, соотвѣтствующаго ея доходамъ. Изъ всѣхъ собственостей, недвижимая разсматривается какъ самая вѣрная. Она доставляетъ наслажденія, которыхъ нельзя оцѣнить монетой, но которыя прини-

маются въ разсужденіе. Имѣть свой уголъ земли, свое пепелище—въ одной этой мысли есть значеніе магическое, прельщающее человѣка, который всю жизнь свою платилъ другимъ за кровь, его охранявшій. Мудрено ли, что онъ согласится заплатить нѣсколько дороже за преимущество, которое такъ высоко цѣнитъ? Во многихъ мѣстахъ, государственные законы обеспечиваютъ землевладѣльцамъ особенные права, которыхъ не имѣютъ другіе граждане.

Ктому-же, доходъ съ недвижимой собственности, по которому соразмѣряется ея цѣна, можетъ увеличиться самъ собой, отъ обстоятельствъ, безъ всякого усиленія со стороны пріобрѣтателя. Надежда на это приращеніе цѣнности много способствуетъ повышенню цѣны имѣній. Всякій говоритъ себѣ: покупая эту землю, этотъ домъ, я помѣщаю мой капиталъ на 3%, но такія-то случайности могутъ удвоить мои доходы и мой капиталъ—и подобное разсужденіе не всегда бываетъ ошибочно.

Никогда нельзя проценты съ покупного капитала смѣшивать съ поземельнымъ доходомъ, и въ особенности съ рентой. Послѣдняя всегда соразмѣряется съ пространствомъ земли и съ рыночною цѣнной продуктовъ. Она можетъ быть усиlena повышеніемъ послѣдней, и отчасти новыми улучшеніями, сдѣланными на землѣ. Хорошее управление можетъ поднять доходъ съ земли выше обыкновенныхъ процентовъ съ капитала; а нерадивое значительно его уменьшить, даже безъ всякого пониженія въ рыночной цѣнѣ продуктовъ.

Впрочемъ, цѣна земли невсегда соразмѣряется съ доходомъ, ею приносимымъ. Есть земли подъ парками, садами, вовсе или почти не приносящія дохода, но которые тѣмъ не менѣе цѣнятся весьма высоко. Ихъ цѣнность должно приписать, съ одной стороны удовольствію, которое сопряжено съ ихъ владѣніемъ и которому, какъ ни дорого оно обходится, люди достаточные иногда готовы жертвовать многимъ; съ другой, тѣмъ доходомъ, который онъ могли бы приносить, еслибы были употреблены производительно: такъ точно тщеславіе и мода бросаютъ огромные капиталы на приобрѣтеніе алмазнаго украшенія, хотя оно доставляетъ одно только удовольствіе и не приноситъ никакого дохода.

Недвижимая собственность отчуждается также на время: землевладѣлецъ уступаетъ пользованіе его имѣніемъ предпринимателю, такъ точно какъ капиталистъ уступаетъ пользованіе его капиталомъ. Подобныя сдѣлки могутъ быть даровыя или возмездныя. Въ послѣднемъ случаѣ, онъ известны подъ названіемъ *откуповъ, арендъ, мызничествъ*.

Два элемента входятъ въ составъ откупной платы: проценты съ капитала, положенного на имѣніе, и поземельная рента. Она не можетъ превышать эти два элемента, потому-что иначе посягала бы на прибыль съемщика или земледѣльческаго предпринимателя, и отвращала бы его отъ подобнаго договора. Соперничествомъ между съемщиками побуждаетъ ихъ иногда довольствоваться прибылью не столь значительной, и увеличиваетъ откупъ, платимый вла-

дѣльцу. Соперничество между землевладѣльцами, желающими найти съемщиковъ, клонится въ обратную сторону, и понижаетъ откупную плату.

Та часть откупной платы, которая выдается владѣльцу за пользованіе капиталомъ поземельнымъ, опредѣляется какъ проценты со всякого другого капитала. Иногда только, въ нее входитъ погашеніе самого капитала, если откупщикъ, или арендаторъ, не принимаетъ на себя формального обязательства по исходѣ откупа возвратить имѣніе точно въ томъ видѣ, въ какомъ его принялъ, съ постройками въ исправности, съ условленымъ числомъ скота, орудий и другихъ принадлежностей.

Что-же касается до платы собственно за природную производительную силу участка, то она возможна только въ такомъ случаѣ, если участокъ приносить ренту или чистый поземельный доходъ. Въ томъ періодѣ обществъ, когда еще есть много земель равно плодородныхъ, и когда на всѣхъ данное количество труда и капитала даетъ одинакіе результаты, нѣтъ чистаго дохода, и откупная плата можетъ состоять только изъ процентовъ съ капитала поземельного. Всякій, располагающій достаточнымъ капиталомъ, естественно предпочитаетъ обратить его на воздѣльваніе участковъ еще не занятыхъ, и сдѣлаться самъ землевладѣльцемъ. Поземельная рента начинаетъ входить въ откупную плату тогда только, когда запросъ на сырые продукты до того усиливается, что ихъ рыночная цѣна позволитъ заниматься ихъ добываніемъ съ сравнительно-большими издержками, то на земляхъ не столь плодородныхъ, то при

помощи новаго капитала на земляхъ плодороднѣйшихъ.

Рента, платимая откупщикомъ землевладѣльцу, не можетъ имѣть никакого вліянія на рыночную цѣну сырыхъ продуктовъ: она, какъ мы уже замѣтили, есть послѣдствіе этой цѣны, которая устанавливается обстоятельствами не зависящими отъ частнаго произвола. Землевладѣльцы могутъ иногда конечно поднять эту цѣну, но дѣйствуя какъ сословіе политическое, заграждая ввозъ иностранныхъ продуктовъ, и возбуждая тѣмъ искусственную рѣдкость на внутреннемъ рынке, какъ тому видимъ примѣры въ Англіи и частью во Франціи, особенно для скота, маслянистыхъ растеній, каменнаго угля и желѣза. Это повышеніе рыночной цѣны обращается впользу владѣльцевъ, доставляя имъ возможность взимать откупъ значительный; но еслибы они имъ не воспользовались, то оно обратилось бы въ барышъ съемщика, а отнюдь не впользу потребителей.

Для избѣжанья безпрестанного вмѣшательства помѣщика въ дѣла откупщика и предупрежденья споровъ, откупъ обыкновенно опредѣляется договоромъ по законной формѣ, въ которомъ означаются условія, арендная плата и продолжительность срока. Послѣдній имѣетъ важное вліяніе на ходъ земледѣльческой промышленности.

Чистый доходъ землевладѣльца зависитъ, конечно, отъ природныхъ преимуществъ участка: но хотя человѣкъ не можетъ создать эти преимущества, онъ можетъ, кнесчастью, ихъ уничтожить, или значительно ослабить. Плодородіе почвы истощается,

когда отъ нея требуютъ слишкомъ многаго, и когда его не поддерживаютъ достаточными удобреньями. Работы орошенія, отводненія, приходятъ скоро въ упадокъ, если не содержатся въ исправности. Временная корысть истребляетъ часто лѣса и кустарники, необходимые для предохраненія воздѣльваній отъ вредныхъ вліяній атмосферическихъ. Небрежность изнуряетъ домашнія животныя, попускаетъ порчу въ постройкахъ, орудіяхъ. Владѣлецъ, уступающій на время свои права откупщику, собственной выгодой побуждается къ заинтересованію его въ сохраненіи всѣхъ этихъ преимуществъ природныхъ и искусственныхъ. Достигнуть этого нельзя иначе, какъ долгосрочностью откупа.

Откупъ слишкомъ кратковременный отвращаетъ съемщика отъ совокупленія съ землею новыхъ капиталовъ, которыхъ погашеніе распредѣляется принужденно на нѣсколько лѣтъ, и которые, будучи однажды употреблены на землю, въ ней остаются и по исходѣ откупа превращаются въ собственность владѣльца. Съ другой стороны, имѣя въ виду собственную прибыль, откупщикъ не заботится о сохраненіи плодородія участка, и стараясь извлечь изъ него всю возможную выгоду, часто возвращаетъ владѣльцу почву изнуренную, имѣніе разстроенное. Напротивъ, откупъ продолжительный поощряетъ къ улучшеньямъ, которыя тогда необременительны для съемщика, а по исходѣ откупа остаются впользу владѣльца: известно, что поземельный капиталъ можетъ окунуться, и съ тѣмъ вмѣстѣ сохраниться. Въ теченіе откупного договора, случаются, правда, бо-

стоятельства, повышающія цѣну продуктовъ и обезпечивающія откупщику часть ренты, которою не пользуется владѣлецъ: но эта потеря, если можно назвать ее потерей, вознаграждается для послѣдняго тѣми искусственными преимуществами, которыя откупщикъ придаетъ недвижимой собственности.

Вездѣ законы предвидѣли неудобства и невыгоды воздѣльванія земель слишкомъ краткими откупами, и почти вездѣ имъ назначены сроки довольно продолжительные. Такъ во Франціи нѣтъ откупа менѣе 9 лѣтъ; въ Англіи почти всѣ заключаются на 20 лѣтъ; въ Италіи во многихъ мѣстахъ господствуютъ откупа *емфитевтические* (на 90 лѣтъ).

Земли, съ которыми не совокуплено еще никакого капитала, пустопорожнія и неразчищенные, къ воздѣльванію которыхъ рыночная цѣна позволяетъ приступить, не принося однако ренты, не могутъ служить предметомъ откупной платы. Владѣлецъ принужденъ или самъ ихъ воздѣльывать, и тогда онъ осуществить на нихъ прибыль, или временно уступить пользованіе ими другому *безмездно*. Такая уступка почти всегда обращается въ выгоду землевладѣльца: по истеченьи ея срока, по необходимости продолжительного, онъ вступаетъ во владѣніе землей воздѣланной, или застроенной, и приносящей часто не только проценты, но еще и ренту. На подобномъ основаніи государства и общины часто уступаютъ недвижимыя имущества, какъ для воздѣльванія, такъ и для строенія домовъ. Большая часть Лондона принадлежитъ немногимъ владѣльцамъ, которыхъ предки уступили даромъ, сто лѣтъ тому

назадъ, принадлежавшіе имъ участки, не приносившіе тогда никакой ренты, въ емфитеевты предпринимателямъ, застроившимъ ихъ домами. Нынѣ эти участки превратились въ многолюдные и комерческіе кварталы и, перейдя во владѣніе наследниковъ, служатъ источникомъ огромныхъ доходовъ.

Продолжительность есть необходимое условіе уступки горныхъ разработокъ, также мостовъ и путей сообщенія всякого рода. Никто не согласится употребить огромные капиталы на подобныя предприятия, требующія земляныхъ работъ, наружныхъ и подземныхъ, машинъ, построекъ, и т. п., не имѣя въ виду возможности погасить издержки. Уступки этого рода рѣдко бываютъ предметомъ собственно откупныхъ договоровъ: большей частью онъ дѣлаются правительствомъ, изъ видовъ пользы общественной, и получившіе уступку—обыкновенно акціонерная компанія—пользуются чистымъ доходомъ, который можетъ на нихъ осуществиться.

Откупъ обыкновенно платится монетой: подобный платежъ удобнѣе и для владѣльца и для съемщика. Легко представить себѣ замѣшательства, какія неизбѣжно влекутъ за собой, при подобныхъ контрактахъ, заключаемыхъ на много лѣтъ, измѣненія въ курсѣ монеты: понижаясь, онъ наноситъ ущербъ владѣльцу; повышаясь, откупщику; почти всегда это служитъ поводомъ къ измѣненію условій договора, и часто къ тяжbamъ. Смотря по курсу, денежная откупная плата должна усиливаться или уменьшаться, но эти измѣненія суть только nominalныя. Мы достаточно познакомились со

свойствомъ монеты, чтобы ограничиться этимъ простымъ замѣчаніемъ.

Иногда откупъ платится натурой: съемщикъ выдаетъ владѣльцу часть продуктовъ, имъ добываемыхъ. Подобное условіе можетъ быть то выгоднымъ, то невыгоднымъ для владѣльца, смотря по рыночной цѣнѣ произведеній. Если она понижается, то владѣлецъ получаетъ цѣнность меньшую той, за какую уступилъ пользованіе своимъ участкомъ; но отъ этого неѣтъ никакой выгоды для откупщика, котораго прибыль въ равной степени постигается цѣнопониженіемъ. Если, напротивъ, цѣна повышается, то землевладѣлецъ, уже выигрывающій на усиленіи своего чистаго дохода съ земель, вновь отдаваемыхъ имъ на откупъ, выигрываетъ еще на платежѣ товарами, которыхъ цѣнность значительнѣе. Въ приведенномъ примѣрѣ (страница 568) очень хорошо можно усмотрѣть это двоякое приращеніе поземельной ренты. Въ немъ видимъ, что рента натурой, по-мѣрѣ обращенія новыхъ частей капитала на воздѣлываніе, усиливается какъ 500 и 800, тогда-какъ, если принять въ разсужденіе денежную цѣнность продуктовъ, она усиливается какъ 1000 и 2000. Повышеніе рыночной цѣны сырыхъ продуктовъ приносить, иногда, только времененную пользу откупщику.

Народные обычаи много имѣютъ вліянія на условія землеоткупныхъ договоровъ: вѣроятно остатки феодальныхъ обычаяевъ силою привычки связываютъ еще, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Европы, владѣльцевъ и съемщиковъ, или мызниковъ. Земля остает-

ся не только въ родѣ владѣтеля, но также въ родѣ откупщика. Подобный порядокъ вещей долго представляли, и еще отчасти представляютъ, шотландские кланы, столь живо описанные *Вальтеръ-Скоттомъ*. То-же самое встречаемъ въ Бретаньи, во Франціи. Оно имѣетъ свои выгоды и свои невыгоды. Земледѣльцы, прикованные обычаемъ къ грунту, сродняются интересами съ владѣльцемъ, лучше берегутъ землю; охотнѣе работаютъ: они знаютъ, что если не сами, то ихъ дѣти воспользуются ихъ трудомъ и издержками. Виды политические часто поддерживаютъ эти узы: владѣлецъ земли находитъ постоянную опору въ кланѣ, который еще походитъ на старинныя дружины феодального. Но, при всемъ томъ, такая обоюдная зависимость удаляетъ благотворное влияніе соперничества: она неблагопріятна успѣхамъ земледѣля и образованности. По небрежности, по отсутствію интереса, мызники не заботятся объ усовершенствованіи своихъ способовъ; по-тѣмъ же причинамъ владѣлецъ не прилагаетъ старанія къ производству большихъ работъ. Мнѣніе общественное удерживаетъ его отъ повышенія откупной платы. Много кричали противъ графини Соудерлендской (*Sutherland*) (*), вдругъ измѣнившей старинный порядокъ вещей въ своихъ земляхъ въ сѣверной Шотландіи, потому-что ей показалось выгоднѣе разводить на своихъ помѣстьяхъ стада мериносовъ, чѣмъ держать

(*) *Sismondi: Etudes sur l' Econ. pol.* T. I. Paris ed. de Treuttel Wurtzel.

ихъ на откупу у Гейландцевъ (*Highlanders*), искони ими владѣвшихъ. Съ нѣкоторой точки зре-
нія, нельзя оправдать легкости, съ которою въ этомъ
случаѣ принесены въ жертву личной пользѣ вла-
дѣльца вѣковые обычаи, вѣковая привязанность;
нельзя не пожалѣть о несчастныхъ Гейландцахъ,
принужденныхъ разстаться съ отцовскимъ пепели-
щемъ. Но нельзя не согласиться въ то-же время, что
эта мѣра была необходимою уступкой силѣ вещей:
посреди всеобщихъ успѣховъ, отсталой образъ
землевоздѣльванія не можетъ удержаться, такъ точ-
но какъ и въ мануфактурахъ отсталые способы ме-
ханические и химические.

Въ другой части соединенного королевства ве-
ликобританского, въ Ирландіи, обычаи водворили
систему воздѣльванія подоткупного. Владѣлецъ,
обыкновенно принадлежащий къ аристократическо-
му сословію, живетъ постоянно въ Англіи и никогда
не посѣщаетъ своихъ ирландскихъ помѣстій. По не-
достатку времени, или просто по неохотѣ самому
заниматься управлениемъ своихъ имѣній онъ от-
даетъ ихъ въ аренду одному большому откупщику,
и съ нимъ однимъ имѣеть дѣло. Послѣдній разсмат-
риваетъ эту операцию, какъ чисто комерческую; не
посѣщаетъ земли, взятой на откупъ, но чрезъ пос-
редство агентовъ уступаетъ ее по частямъ другимъ
подоткупщикамъ, представляющимъ достаточную
надежность оплатности. Эти вторые съемщики рѣд-
ко сами занимаются воздѣльваніемъ; они находятъ
фермеровъ, между которыми дробятъ еще на участ-
ки участокъ имъ доставшійся; и такимъ образомъ,

чрезъ посредство цѣлой серіи спекуляторовъ, земля достигаетъ сословія, которое окончательно береть на себя воздѣльваніе по самыи малымъ клоцкамъ, обязуясь платить откупную плату. Въ послѣднюю входятъ не только значительная рента, но еще порядочные барыши первого, второго, третьаго и часто четвертаго съемщиковъ. Ея наращенію способствуетъ соперничество, царствующее между небольшими предпринимателями, которыхъ число безпрестанно возрастаєтъ, по неимѣнью у нихъ иныхъ средствъ снискивать себѣ пропитанье. Нужда предаетъ ихъ нѣкоторымъ образомъ на произволъ послѣдняго подоткупщика: онъ можетъ подчинить ихъ условіямъ самыи жестокимъ, какъ мы уже видѣли (§ 108), довести до послѣднихъ предѣловъ нищеты, принудивъ довольствоваться скучной жатвой самого дурного картофеля (т. н. *lumper*).

Присутствіе помѣстныхъ владѣльцевъ въ Ирландіи, или по-крайней мѣрѣ болѣе заботливости съ ихъ стороны объ участіи населенности свободной, но обстоятельствами поставленной отъ нихъ въ самую тѣсную зависимость, могло бы отвратить эти бѣдствія. Тѣмъ не только не уменьшились бы доходы, приносимые имъ помѣстьями, но по всему вѣроятію усилились бы на всѣ барыши, уступаемые ими откупщикамъ, тогда-какъ, съ другой стороны, облегчилось бы бремя, подавляющее бѣднаго котеджера (*cottager*), который избавился бы отъ крайности платить барышъ неумолимому мелочному арендатору. Кнесчастью, судя по настоящему ходу вещей, лорды англійскіе долго еще будутъ разматривать Ир-

ландію, какъ страну покоренную; долго еще будуть они гнушаться католицизмомъ, въ ней господствующимъ, и можетъ-быть тою нищетой и тѣмъ унаженiemъ нравственнымъ, въ которыя ввергли ея несчастныхъ жителей ихъ собственное нерадѣніе и безчеловѣчіе.

Полтерное воздѣльваніе (*metayage*) основано на сдѣлкѣ между земледѣльцемъ и владѣтелемъ, всилу которой первый обязуется выдавать натурой послѣднему половину продуктовъ, имъ добываемыхъ. «Подобное воздѣльваніе, говоритъ Сисмонди (*), «есть, можетъ-быть, одно изъ счастливѣйшихъ изобрѣтеній среднихъ вѣковъ: оно всего лучше содѣйствовало развитію благосостоянія въ низшихъ словіяхъ, усовершенствованію обработки земель, и накопленію на нихъ наибóльшаго богатства. Это самый легкій, самый выгодный переходъ для выщенія раба и крѣпостного на степень свободного гражданина, для развитія его умственныхъ способностей, для внушенія ему бережливости идержанности и для порученія ему собственности, которой онъ не употребить во зло... При этомъ воздѣльваніи селянинъ принимаетъ участіе въ собственности поземельной, какъ бы въ своей личной; онъ извлекаетъ изъ мызы всѣ наслажденія, какими природа награждаетъ трудъ человѣка; но доля его не возвышается до того, чтобы позволить ему обйтись безъ труда....» Для поддержанія этого панегирика полтерией системы, Сисмонди указываетъ на отличное положеніе земледѣлія въ тосканскомъ

(*) *Nouv. principes d' Econ. pol.* T. I.

великомъ герцогствѣ, гдѣ она господствуетъ. Ей приписываетъ онъ множество улучшений, введеніе выгодныхъ чередованій и, въ особенности, благо-состояніе земледѣльческаго сословія.

Согласимся съ *Сисмонди*, что полтерное воздѣльваніе удобно, какъ учрежденіе временное, при переходѣ народа изъ состоянія рабскаго или крѣпостного въ свободное: оно упрощаетъ отношенія между владѣтелемъ и освобожденными земледѣльцами, избавляетъ послѣднихъ отъ затрудненія добывать монету, для платежа откупа деньгами. На островѣ Сен-Доминго, оно естественно водворилось между освобожденными Неграми. Но, по-мѣрѣ успѣховъ промышленности и образованности, полтерное воздѣльваніе становится неудобнымъ, и удерживается силой обычая лишь тамъ, куда мало проникло ихъ вліяніе.

Отдавая половину продуктовъ владѣльцу, мызникъ платить ему то слишкомъ мало, то слишкомъ много. Не должно терять изъ виду, что владѣлецъ обыкновенно уступаетъ мызнику не только землю, съ улучшениями, приспособленіями и постройками, съ нею совокупленными, но еще снабжаетъ его орудіями, скотомъ, сѣменами. Однимъ словомъ, онъ ссужаетъ ему землю и весь капиталъ, необходимый для ея воздѣланія. Изобиліе продуктовъ и дешевизна ихъ могутъ быть таковы, что половина, принадлежащая владѣльцу, не окупитъ его пожертвованій. Напротивъ, цѣна продуктовъ можетъ до того подняться и количество труда, необходимаго для ихъ добыванія на нѣкоторыхъ участкахъ, до того уси-

литься, что доля владѣльца поглотить всю прибыль мызника и оставитъ ему вознагражденіе скудное и недостаточное. Повышеніе рыночной цѣны хлѣба и другихъ сырыхъ продуктовъ бываетъ всегда по-следствіемъ размноженія населенности, и поэтому всегда сопровождается усиленіемъ соперничества между мызниками. Обычай или законы, препятствующіе замѣнить полтерный договоръ простымъ откупнымъ, не препятствуютъ однако владѣльцу дробить его мызы. Онъ безпрестанно уступаетъ новымъ мызникамъ участки, содержащіе менѣе и менѣе производительной силы, требующіе болѣе и болѣе труда. «Каждое раздѣленіе,» говоритъ самъ Сисмонди, «увеличивая количество труда, по-«свящаемаго землѣ, увеличиваетъ также массу ея «произведеній; но это приращеніе не увеличиваетъ «доли мызника. Доходъ владѣтеля, забирающаго по-«ловину всей массы, съ каждымъ новымъ раздроб-«лениемъ увеличивается; доходъ поселянина, кото-«рый долженъ болѣе трудиться для полученія одинакового количества продуктовъ, уменьшается. Мало «по малу, оспоривая другъ у друга ту долю, кото-«рую имъ оставляетъ владѣтель, мызники достига-«ютъ того, что довольствуются самимъ жалкимъ «пропитаньемъ, добычей, которая едва можетъ ихъ «прокормить въ урожайные годы, а въ неурожай-«ные предаетъ бѣдствіямъ голода. Такъ въ Италии «(въ неаполитанскомъ королевствѣ, въ Луккѣ, въ Генуѣ, и другихъ мѣстахъ), великолѣпной странѣ, богато надѣленной дарами природы, украшенной всею «роскошью искусства, расточающей ежегодно самыя

«обильныя жатвы, многочисленое сословіе, произраражающее всѣ плоды земные, не отвѣдываетъ «никогда ни хлѣба, имъ пожинаемаго, ни вина, имъ «приготовляемаго. Его пища африканское просо, да «маисъ, а питье вода, въ которой бродили винныя «выжимки. Оно постоянно борется съ нищетой.— «Подобныя же бѣдствія, прибавляетъ Сисмонди, «произошли бы въ Тосканѣ, еслибъ общественное «мнѣніе не ограждало земледѣльца: но тамъ владѣтель не посмѣлъ бы предписать условія тягостнѣе «обычныхъ, и мѣняя одного мызника на другого, «онъ ничего не измѣняетъ въ первональной сдѣлкѣ.»

Нельзя также приписать полтерной системѣ успѣхи земледѣлія. Дѣлежъ, которому она подчиняетъ владѣльца и мызника, равно отвращаетъ какъ того такъ и другого отъ улучшений земли; одинъ не хочетъ тратиться, другой, трудиться изъ половинной прибыли. Къ несовмѣстничеству интересовъ часто присоединяются взаимная зависть и недовѣрчивость. Урожай, повышеніе цѣны радуютъ съемщика, который платить откупъ монетой: къ нимъ равнодушъ мызникъ. Во Франціи, тамъ гдѣ сохранилось еще полтерное воздѣльваніе, земли вообще худо обработаны; поселяне бѣдны, необразованы, и вездѣ находятся въ самой угнетенной зависимости отъ владѣтелей. Въ Вандеѣ, по замѣчанію *Ce* (*), мызники еще стоять почти на степени вассаловъ. Живя постоянно на своихъ хуторахъ, уплачивая свои повинности натурой, они не посѣщають ни городовъ, ни ярмарокъ, гдѣ могли бы воспользово-

(*) *J. B. Say. Cours complet d' Econ. pol. I, 241; éd Guillaumin.*

ваться успехами просвѣщенія; свыкаются съ невѣжествомъ, въ которомъ жили ихъ предки и въ которомъ ростутъ ихъ дѣти. До нихъ не доходятъ ни улучшенія въ земледѣліи, ни мануфактурные промыслы. Соразмѣря свои усиленія съ своими ограниченными потребностями, довольствуясь долей, которую оставляетъ имъ владѣлецъ, они не заботятся о ея усиленіи, ни о накопленіи капиталовъ, и не содѣйствуютъ обогащенію государства.

Существенное всего нормальные отношенія между владѣльцемъ земли и предпринимателемъ, ее воздѣльвающимъ, измѣняются крѣпостнымъ правомъ.

125. О ПОЗЕМЕЛЬНЫХЪ ДОХОДАХЪ ПРИ ВОЗДѢЛЫВАНИИ КРѢПОСТНОМЪ.

У насъ обыкновенно земли оцѣниваются по числу душъ. Гораздо правильнѣе было бы оцѣнивать по ихъ качеству. Въ свободномъ воздѣльваніи плодородіе почвы, мѣстность имѣнія, при данной рыночной цѣнѣ продуктовъ, всегда будутъ единственными регуляторами ренты, имъ приносимой: въ европейской Россіи къ этимъ обстоятельствамъ должно присоединить третье, несравненно важнѣйшее, отсутствіе котораго парализируетъ выгоды первыхъ. Мы говоримъ о нравственныхъ и физическихъ качествахъ крѣпостныхъ, употребляемыхъ помѣщикомъ на обработываніе его имѣнія. Нѣть никакого сомнѣнія, что при помощи одинакового числа крестьянъ, на одинакомъ пространствѣ земли, въ одинакихъ условіяхъ плодородія и мѣстоположенія

и съ одинакимъ капиталомъ, при данной рыночной цѣнѣ, изъ двухъ помѣщиковъ тотъ извлечетъ болѣе дохода, которому достались крестьяне, способнѣйшіе къ труду и добропорядочной жизни (*).

Въ своемъ мѣстѣ мы объясняли вліяніе крѣпости на производительность труда (§ 34 и § 112): не будемъ здѣсь возвращаться къ этому вопросу и займемся только разсмотрѣніемъ поземельныхъ отношеній между помѣщикомъ и крѣпостными.

Доходъ, приносимый заселеннымъ имѣніемъ, образуется изъ двухъ разныхъ частей: изъ дохода собственно съ усадьбы, или помѣщичьей земли, и изъ той повинности, которую крестьяне платятъ за себя и за землю, имъ отведенную. Этотъ двоякой доходъ долженъ нѣкоторымъ образомъ представлять проценты съ покупного капитала, или съ того, который можно надѣяться получить за имѣніе при его продажѣ. Извѣстно, что въ Заемномъ Банкѣ, когда дѣло идетъ о залогѣ недвижимыхъ имуществъ, какъ помѣщичья усадьба такъ и крестьянская земля принимаются въ разсужденіе при оцѣнкѣ.

Доходъ съ усадьбы опредѣляется какъ всякой другой поземельный доходъ (§§ 119—121): въ него входятъ проценты съ капитала, употребленного собственно на воздѣльваніе, приличная прибыль и рента болѣе или менѣе значительная. На важность этой части помѣщичьихъ доходовъ много вліянія имѣетъ образъ воздѣльванія: если помѣщикъ употребляетъ своихъ собственныхъ крестьянъ, исправляющихъ барщину, то, какъ мы замѣтили (§ 112), онъ тѣмъ

(*) Примѣчаніе 18-е.

болѣе теряетъ, чѣмъ они хуже и неохотнѣе работаютъ. Изъ одинакового капитала и одинакового участка земли онъ менѣе извлекаетъ продуктовъ, нежели извлекъ бы при помощи работниковъ болѣе прилежныхъ. Безпорядочное управленье, нерадивое употребленіе туковъ, скота, орудій, небрежность, съ которою содержатся постройки, анбары, скирды, усугубляютъ невыгоды барщины, дурно отправляемой. Абсентеизмъ довершаетъ зло, и помѣщики, поручающіе надзоръ за своими усадьбами необразованнымъ или недобросовѣстнымъ смотрителямъ, не получаютъ съ своихъ земель и половины, и четверти того, что могъ бы съ нихъ получить хозяинъ, руководимый чувствомъ личнаго интереса. Употребленіе вольнонаемныхъ работниковъ, вместо барщинныхъ, всегда было бы выгоднѣй для помѣщика, но сила обстоятельствъ часто лишаетъ его возможности находить ихъ въ достаточномъ числѣ.

Относительное количество крестьянской земли въ помѣстии соразмѣряется съ числомъ душъ, или лучше сказать тяглъ, къ нему прикрепленныхъ. Мѣстные обычаи измѣняютъ мѣру земли, отводимой каждому тяглу, но какъ бы то ни было, каждое изъ нихъ, чтобы платить повинность, должно имѣть свой участокъ. Эта повинность отбывается то натурой, т. е. трудомъ на баршинѣ, то деньгами или оброкомъ. Во всякомъ случаѣ, нельзя требовать отъ крестьянина болѣе того, что онъ можетъ удѣлить за обеспечніемъ собственнаго содержанія съ своей семьей.

Можно ли повинность, платимую крѣпостнымъ, уподобить откупу, который платить свободный съем-

щикъ, съ тою только разностью, что первый не можетъ избирать помѣстья по произволу? Безсомнѣнно, часть этой повинности представляеть всѣ свойства свободной откупной платы, но въ нее входитъ подать, которой не подвергается свободный съемщикъ. Эта подать падаетъ на трудъ крестьянина даже тогда, когда онъ не пользуется землею. Дворовая служба и оброкъ съ крестьянъ, отпускаемыхъ господиномъ въ ремесла, или на прокомленье, суть только виды этой подати, независимыя отъ земледержанія. Изъ этой поголовной повинности крѣпостныхъ образуется всегда для помѣщика чистый доходъ, но источникъ этого дохода отнюдь не кроется, подобно рентѣ, въ относительныхъ природныхъ преимуществахъ его земли, занимаемой крестьянами:—онъ взимается съ труда послѣднихъ. Та часть повинности крестьянской, которая образуетъ собственно поземельную ренту и походитъ на откупную плату, можетъ существовать только при нѣкоторыхъ особыхъ условіяхъ.

Если рыночная цѣна продуктовъ такъ низка, что едва окупаетъ издержки ихъ добыванья на самыхъ плодородныхъ участкахъ, то помѣщикъ не можетъ требовать съ крестьянина никакой ренты, и даже поголовная подать должна быть весьма умѣренна, чтобы не подавить совершенно крестьянского хозяйства. Въ подобномъ положеніи эта подать обыкновенно отбывается трудомъ, *барщиной*; крестьянинъ не всостояніи уплатить самый ничтожный оброкъ деньгами, какъ потому-что продукты слишкомъ дешевы, такъ и потому-что не умѣетъ, или не имѣетъ

возможности, съ выгодой сбывать ихъ на ближайшихъ рынкахъ. Посреди такихъ условій, *барщина* слишкомъ тягостная, отнимающая слишкомъ много труда у крестьянъ, можетъ причинить растройство ихъ хозяйству. Отъ помѣщиковъ нѣкоторыхъ уѣздовъ часто услышите, что издержка на вольнонаемную работу для нихъ убыточна: это понятно, потому-что при рыночной цѣнѣ, господствующей въ околоткѣ, ихъ земли едва только могутъ доставлять имъ средства къ существованью, а чистый доходъ весь образуется изъ крѣпостной повинности, и задѣльная плата вольнонаемнымъ работникамъ должна поглощать его совершенно.

Въ уѣздахъ, гдѣ рыночная цѣна продуктовъ стоитъ выше, *барщина* доставляетъ помѣщикамъ не-только подать, но еще и чистый доходъ или ренту. Существование послѣдней подтверждается возможностью съ выгодой употреблять работниковъ наемныхъ, вмѣстѣ съ барщинными, или при недостаткѣ въ послѣднихъ. Въ такомъ случаѣ усиливается и доходъ самихъ крестьянъ: трудъ, которымъ они располагаютъ, прежде едва достаточный для ихъ содержанія, начинаетъ имъ приносить нѣкоторые барыши. Дурное управлениѣ можетъ, конечно, лишить барщинныхъ крестьянъ этихъ преимуществъ, но оно противно интересу самого помѣщика, потому-что лишить его работниковъ, если не совсѣмъ удовлетворительныхъ, то по-крайней мѣрѣ и не совсѣмъ дурныхъ.

По-мѣрѣ какъ рыночная цѣна сырыхъ продуктовъ подымается, помѣщику становится болѣе и

болѣе невыгоднымъ уступать значительную часть своего помѣстя крестьянамъ, за три дня работы въ недѣлю. Повинность въ этомъ видѣ хотя и приноситъ ему ренту значительнѣе, нежели при цѣнахъ слабѣйшихъ, однако она несравненно ниже той, какую онъ могъ бы осуществить на воздѣльваніи чисто отличнѣйшихъ участковъ, образующихъ крестьянскую усадьбу. Ктому-же, недостатокъ производительности барщинаго труда становится тѣмъ чувствительнѣе, чѣмъ болѣе ожидаютъ отъ него выгоды. Въ такомъ положеніи дѣлъ личный интересъ помѣщика побуждаетъ его измѣнить видъ повинности, и вместо *барщины* подчинить крестьянъ оброку..... (*).

Оброкъ представляетъ свойства свободной откупной платы. Онъ всегда бываетъ значительнѣе съ крестьянъ, занимающихъ плодороднѣйшія земли, наиболѣше расположенные для сбыта, и въ губерніяхъ или уѣздахъ, гдѣ при относительно большей населенности, стоятъ цѣны выше. Онъ маловаженъ въ имѣніяхъ, отличающихся дурною почвой или невыгодно расположенныхъ. Въ губерніяхъ же многоземельныхъ, гдѣ цѣны стоятъ низкія, оброкъ вовсе не возможенъ и принужденно замѣняется баршиной. Кое-гдѣ, однако, помѣщики довольствуются взиманиемъ легкаго оброка земледѣльческими продуктами.

Если оброкъ опредѣленъ такимъ образомъ, что оставляетъ крестьянину изъ его выручки, кромѣ суммы необходимой для покрытия издержекъ на сѣмена, кормъ животныхъ, орудія, туки и т. п., одну

(*) См. Примѣчаніе 19-е.

только прибыль, и то незначительную, если она соразмѣряется, какъ обыкновенно, съ ограниченными потребностями его содержанія, то ясно, что на оброчномъ положеніи онъ не имѣть тѣхъ барышей, которые можетъ иногда осуществить на барщинномъ.

Не всегда, однако, оброкъ поглощаетъ весь чистый доходъ крестьянина: иные помѣщики, по человѣколюбію, по щедрости, другіе по незнанію, довольствуются оброкомъ самимъ умѣреннымъ, несравненно ниже ренты, приносимой землею. Въ такомъ случаѣ, помѣщикъ уступаетъ крестьянину часть своего чистаго дохода поземельнаго, и это объясняетъ благосостояніе и обогащеніе порядочныхъ крестьянъ, принадлежащихъ подобнымъ господамъ. Иногда господинъ не ограничивается отдачей на оброкъ крестьянамъ собственно ихъ участковъ, но присоединяетъ къ нимъ еще усадьбу господскую, всю или ея часть. Такой договоръ между владѣльцемъ и крѣпостными почти ничѣмъ не отличается отъ обыкновенной отдачи на откупъ: и при заключеніи его выгода всегда на сторонѣ крестьянъ. Помѣщикъ стѣснѣнъ необходимостью; онъ не можетъ найти другихъ охотниковъ, кромѣ собственныхъ крестьянъ, для отдачи въ откупъ своей земли, и принужденъ умирить свои требованія. Хозяйство оброчныхъ, располагающихъ иногда обширными помѣстьями, становится весьма значительно и прибыльно. Они управляются обыкновенно выборными, или отъ помѣщика назначенными старостами, съ которыми ведется расчетъ повинностей. Многіе успѣваютъ накопить по-

рядочные капиталы, заводять фабрики, или записываются въ мѣщане, и ведутъ немаловажную торговлю.

Предъ нами лежитъ таблица цѣнъ на хлѣбъ, существовавшихъ въ различныхъ мѣстахъ Россіи въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1845 года (*): восьмичетвериковая четверть ржи въ Смоленскѣ продавалась по 5 р. 14 к. сер., въ Новгородѣ по 4 р. 50 к., въ Могилевѣ по 4 р. 80 к., въ Ковно по 7 р. 70 к., а въ Митавѣ достигала 8 р., тогда какъ въ Ярославлѣ стояла по 3 р. 20 к., въ Москвѣ по 2 р. 30 к., въ Калугѣ по 2 р. 60 к., а въ Воронежѣ, Кішкеневѣ, Симбирскѣ, Тамбовѣ и Уфѣ мѣнялась отъ 1 р. до 1 р. 50 к. При видѣ цѣнъ столь различныхъ, которыя объясняются, отчасти, крайнимъ неравенствомъ распределенія населенности, отчасти, недостаткомъ путей сообщенія, препятствующимъ губерніямъ малоземельнымъ пользоваться изобилиемъ хлѣбороднѣйшихъ,— можноль удивляться различію поземельныхъ доходовъ и разнообразію хозяйственныхъ отношеній между помѣщиками и крѣпостными. Къ этимъ причинамъ разнообразія вездѣ присоединяется еще влияніе мѣстныхъ обстоятельствъ, привычекъ, нравственныхъ качествъ крестьянъ. Въ одной и той же губерніи, въ одномъ и томъ же уѣздѣ, часто въ одномъ и томъ же околотѣ, баршина перемежается съ оброкомъ; и какое несходство въ результатахъ! Одинъ помѣщикъ жалуется на лѣнъ барщинныхъ, другой на неисправность оброчныхъ. Въ одномъ мѣстѣ крестьяне сѣтуютъ на принужденьеходить на работу господскую; другіе, на необходимость пла-

(*) Комерческая газета N 151. 1845 г.

тить оброкъ. Подлъ разстроеннаго состоянія имѣній на оброчномъ положеніи, можно указать имѣнія, процвѣтающія на барщинномъ, и на оборотъ. Отъ этого еще болѣе противорѣчій во мнѣніяхъ и суждениі.

Согласить всѣ эти мнѣнія, большей частью основанныя на поверхностномъ и одностороннемъ взрѣніи, намъ кажется невозможнымъ. Довольно бы придумать методу, которою могли бы руководиться помѣщики, желающіе дать себѣ ясный отчетъ въ чистой поземельной рентѣ, приносимой ихъ помѣстьемъ. Повторяемъ, каковъ бы ни былъ порядокъ обработыванья, барщинный или оброчный, она всегда зависитъ отъ трехъ обстоятельствъ: отъ качества земли, отъ качества крестьянъ, на ней живущихъ, и отъ рыночныхъ цѣнъ. При высокой цѣнѣ, но при дурной землѣ, доходы слабы. Они слабы также при самой высокой цѣнѣ и на самой лучшей землѣ, если крестьяне дурны. При низкой цѣнѣ, на самой лучшей землѣ нельзя надѣяться на большой доходъ и съ порядочными крестьянами. Какихъ же можно ожидать доходовъ тамъ, гдѣ цѣны низки и гдѣ крестьяне отличаются празднолюбіемъ и вялостью?— Изъ этихъ соображеній что заключить?— Чтобы увеличить свои доходы, помѣщикъ долженъ отвратить причины, имъ противныя: онъ ничего не можетъ сдѣлать для подняться цѣнѣ; ихъ установленные зависѣть отъ обстоятельствъ, не подлежащихъ его произволу; онъ можетъ содѣйствовать плодородію своихъ земель, но для этого нуждается въ содѣйствіи крестьянъ, и потому долженъ, изъ видовъ собственной выгоды, стараться всѣми силами улучшать

качества послѣднихъ, побѣждать ихъ лѣнъ, ихъ апатію, развивая въ нихъ интересы, поощрять ихъ прилежаніе, удалять отъ нихъ по возможности сѣти соблазна и расточительности, содѣйствовать ихъ образованію умственному и нравственному. Это трудно?—согласны, но другого средства не знаемъ (*).

Помѣщикъ можетъ еще отдать на откупъ или въ аренду свое имѣніе съ крестьянами, къ нему прикрепленными: въ такомъ случаѣ, откупщикъ вступаетъ въ права помѣщика и взимаетъ въ свою пользу повинность съ крестьянъ, то барщиной, то оброкомъ. Если эта повинность хорошо и справедливо опредѣлена, то подобные откупа не представляютъ никакихъ особыхъ неудобствъ. Отъ ихъ излишней краткосрочности можетъ однако пострадать помѣщичья усадьба: спѣша извлечь изъ нея барышъ, арендаторъ не радитъ тогда о сохраненіи плодородія почвы, уклоняется отъ всякого расхода—котораго можетъ избѣгнуть—для поддержанія различныхъ заведеній; изнуряетъ скотъ чрезмѣрной работой и дурной пищей.

Отдача на откупъ имѣній съ крестьянами, безъ опредѣленія ихъ повинностей условіями ясно выраженнымъ въ контрактѣ, особенно на краткіе сроки, на два или на три года, сопряжена съ важными неудобствами. Для усиленія барышей арендатору предстоятъ два средства: ввести улучшенные способы воздѣльванія или увеличить повинность, платимую крестьянами. Къ первому онъ не рѣшается

(*) См. Прилѣпіе 20-е.

прибѣгнуть по невѣжеству, или потому-что не имѣетъ на то времени, ни достаточнаго интереса, и налагаетъ въ высшей степени на послѣднее. Не отступая отъ принятыхъ обычаевъ, онъ можетъ найти возможность всячески прижимать крестьянъ: отнять у нихъ и обратить въ господскую усадьбу земли, удобренныя ихъ трудомъ; особенноми уловками принудить къ продажѣ ему хлѣба по низкимъ цѣнамъ; усилить барщину, если не временемъ, то работой; ввести крестьянъ въ долги, въ недоимки, и подъ видомъ роста взискивать съ нихъ несправедливыя пени натурою; открыть въ имѣніи кабакъ или лавку, и въ тридорога продавать довѣрчивому народу дурной товаръ. И какъ предусмотрѣть все, что внушить ему мѣстный махіавелизмъ? Самый безжалостный управитель не смѣеть простираТЬ своихъ притѣсненій до крайней степени; его удерживаетъ страхъ помѣщика, чуждый арендатору. Онъ заплатилъ откупъ, и долженъ во что бы ни стало взять барышъ свой съ земли и крестьянъ. Онъ не заботится о будущемъ; видитъ одно настоящее — свой *барышъ*, которому приносить въ жертву и выгоды помѣщика, и благосостояніе крестьянъ. За одинъ откупъ онъ можетъ разстроить имѣніе такъ, что по исходѣ контракта помѣщикъ уже не получитъ откупа равно значительного и принужденъ будетъ сдѣлать уступку. Второй откупъ на такихъ же основаніяхъ довершаетъ разореніе помѣстья, воворяетъ въ селеніяхъ нищету съ ея гибельными спутниками — болѣзнями и смертностью (*).

(*) См. Примѣчаніе 21-е.

Въ заключеніе можно упомянуть еще о крестьянахъ казенныхъ, прикрепленныхъ къ имуществамъ государственнымъ. Они также отправляютъ повинности то работою, то деньгами. И тѣ и другія, и въ особенности послѣднія, болѣе походятъ на поголовный или поземельный налогъ, нежели на плату за пользованіе землею. Положеніе казеннаго крестьянина во многихъ случаяхъ близко къ положенію небольшого землевладѣльца.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

О НАСЛЕДСТВѦ.

126. НЕОБХОДИМОСТЬ ПРИЗНАНИЯ ПРАВА НАСЛЕДСТВА.

Законы обращенія и распределенія богатствъ, изложенные во второй части нашего сочиненія, объясняютъ тѣ усилія, къ которымъ люди прибѣгаютъ для ихъ производства. Сознаніе личной пользы, интересъ—вотъ главный движитель промышленности: всякий трудится, всякий рѣшается на пожертвованія, потому-что всякий надѣется пріобрѣсть этимъ путемъ новыя блага, новыя наслажденья.

Тѣмъ, которыхъ можетъ непріятно поразить мысль основать на интересѣ, чувствѣ корыстномъ, развитие образованности, скажемъ нѣсколько словъ въ ответъ. Наука не предлагаетъ законовъ: она разбираетъ и излагаетъ то, что есть. Люди не сами себя создали, не сами предначертали себѣ законы своего естественного развитія: они пріяли ихъ отъ Бога, какъ и всѣ другія твари земныя, и отличаются отъ послѣднихъ тѣмъ только, что могутъ познавать, или покрайней мѣрѣ, рассматривать законы своего бытія и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, отъ нихъ уклоняться. Разумъ и свобода воли—вотъ единственные клю-

чи нашего величія; но въ нихъ же кроется начало нашихъ заблужденій, и въ особенности тѣхъ, которыя мнѣніямъ людскимъ придаютъ значеніе слишкомъ обширное.

Вникая въ самого себя, какъ не открыть въ интересѣ того чувства самоохраненія, которымъ премудрость Творца довершила свое дѣло, привязавъ къ жизни существа имъ созданныя. Чѣмъ стало бы съ міромъ, еслибы вдругъ угасла эта любовь къ жизни и ея удобствамъ? съ ней вмѣстѣ, вѣроятно, угасла бы и самая жизнь. Наши ограниченныя понятія не могутъ возвыситься до иного нравственного начала способнаго къ ея поддержанію.

Въ животномъ, чувство самоохраненія не выходитъ изъ предѣловъ инстинкта: оно слѣдуетъ его внушеніямъ безотчетно; внемлетъ только ему; и нуждѣ или простому побужденію приносить въ жертву другихъ тварей, себѣ подобныхъ и свою собственную будущность. Таковы неисповѣдимыя преднаречтанія Провидѣнія!.. Совсѣмъ иначе дѣйствуетъ въ человѣкѣ это чувство самоохраненія, просвѣтленное разумомъ и возвышенное на степень интереса, или сознанія полезнаго свойства дѣяній и вещей. Съ первыхъ шаговъ въ жизни, онъ убѣждается въ своемъ слабосиліи и въ невозможности обойтись безъ опоры себѣ подобныхъ, и общественность есть первое внушеніе интереса, хотя еще смутнаго и сбивчиваго. Общественность невозможна безъ взаимнаго уваженія личности: интересъ ясно говорить человѣку наименѣе образованному, что не должно дѣлать другимъ того зла, котораго самъ онъ

желаетъ избѣгнуть. Съ признаніемъ личности не-разлучно признаніе собственности, которое довер-шаетъ первыя основы государства. Постепенно ин-тересъ скрѣпляетъ людей новыми узами: онъ вод-воряетъ между ними раздѣленіе занятій, мѣну, кре-дитъ, товарищество въ обширномъ и тѣсномъ зна-ченіи слова. По-мѣрѣ его развитія, по-мѣрѣ распро-страненія понятій объ истинно полезномъ, насилие уступаетъ мѣсто сдѣлкамъ свободнымъ и миролюб-нымъ, опасенія—довѣрчивости, обманы, хитрость—честности и откровенности, грубость, надменность—вѣжливости и радушію. Онъ убѣждаетъ людей въ необходимости жертвъ для блага общаго; въ край-ности обуздывать страсти; въ нравственномъ долгѣ, который лежитъ на всякомъ, какъ въ отношеніи къ самому себѣ, такъ и въ отношеніи къ другимъ. Про-сторное до эгоизма, до корысти, чувство личной пользы не представляетъ настоящаго интереса: въ немъ преобладаетъ тогда не разумъ, а инстинктъ. Еслибы всѣ люди руководились исключительно по-слѣднимъ, и приносили своимъ минутнымъ выго-дамъ въ жертву выгоды всѣхъ другихъ, то общес-тво не могло бы осуществиться, и сами они никог-да не достигли бы и тѣни благосостоянья. Эгоисты существуютъ потому только, что они рѣдки; они существуютъ часто вопреки самимъ себѣ; ослѣплен-ные страстью, они не замѣ чаютъ, что, дѣйствуя для себя, дѣйствуютъ въ то-же время на пользу дру-гимъ. Этотъ разъединяющій инстинктъ наносить иногда зло существенное: но рано или поздно оно обращается на самого виновника, и здраво по-

нимаемый интересъ, указывая на эти послѣдствія корысти, служитъ противъ нея самыи существенныи врачеваньемъ. Еслибы люди всегда внимали своей истинной пользѣ, то безсомнѣнно никогда не впадали бы въ бездину эгоизма и не уклонялись бы съ пути добродѣтели. Они всегда понимали бы что добродѣтель не только прекрасна, но также и полезна.

Подлъ чувства самоохраненія, Провидѣніе зажгло въ человѣкѣ другое естественное побужденье любви къ ближнему. Но это прекрасное чувство дѣйствуетъ на людей слабѣе перваго, и тѣмъ слабѣе, чѣмъ менѣе они руководятся интересомъ разумнымъ. Между ними нѣть противорѣчія, и часто они сливаются во едино: развѣ ежедневно не рассматриваемъ мы, какъ свои собственные, интересы существъ намъ любезныхъ? развѣ не приносимъ имъ въ жертву нашего спокойствія, нашей жизни? Человѣкъ, любящій дѣлать добро, трудится, пріобрѣтаетъ, имѣя въ виду возможность удовлетворить своей благородной страсти. Его интересъ поддерживается его добродѣтелью. Постоянное сліяніе этихъ двухъ побужденій въ сношеніяхъ между людьми, не охлаждающее ихъ дѣятельности—вотъ предѣлъ нравственнаго совершенства, къ которому народы могутъ стремиться, но котораго едвали какой-либо успѣетъ достигнуть. Доселѣ по крайней мѣрѣ, вездѣ интересъ преобладаетъ и должно благодарить Провидѣніе за то, что оно вложило въ насъ сильное побужденье, которое, не требуя самоотверженія, безпрестанно указывая намъ на собственное наше благосостояніе, заставляетъ насъ распредѣлять нашу

дѣятельность такъ, чтобы изъ нея проистекало наиболѣе пользы, не только для нась, но и для другихъ, и которое тѣмъ лучше ведетъ человѣчество къ этому великому результату, чѣмъ правильнѣе, чѣмъ яснѣе оно постигаетъ свои настоящія выгоды.

Объяснять эти выгоды, устранивъ по возможности заблужденія и предразсудки, затмевающіе ихъ въ понятіяхъ людей—вотъ цѣль, достойная самой высокой филантропіи. Ее предполагаетъ себѣ политическая экономія. Дѣйствуя на развитіе чувствъ безпредвзятыхъ, увѣщанія моралиста найдутъ всегда отголосокъ въ совѣтахъ экономиста; они оказываютъ другъ другу взаимную опору, и если послѣдній долженъ признать необходимость и пользу побужденій чисто нравственныхъ, первый не можетъ не согласиться, что человѣчество терпитъ отъ всякого обстоятельства, охлаждающаго въ людяхъ животворное начало интереса. Впрочемъ, требуя огражденія собственности, нравоученіе преклоняется предъ этимъ началомъ. Оно соглашается, что собственность есть краеугольный камень общественности, главный залогъ общественного порядка и спокойствія, первое условіе справедливости. Но собственность есть не иное какъ поощреніе интереса: признать ея необходимость не значитъ ли признать необходимость послѣдняго? Такъ ученіе, отвергающее интересъ, неизбѣжно направляется противъ собственности; а тѣмъ самимъ и противъ общественности. Теперь возвратимся къ вопросу, нась занимающему.

Еслибъ интересъ человѣка ограничивался только

его личностью, то всякий соразмѣръ бы свои усилия съ своими потребностями, или, лучше сказать, свои наслажденія съ своимъ производствомъ и, смотря по степени разсудительности и благоразумія, къ какой онъ способенъ, рано или поздно, скоро или медленно уничтожалъ бы потребленьемъ пріобрѣтенное богатство. Сбереженія не сохранялись бы долѣе предѣловъ жизни человѣческой; капиталы истощались бы въ видѣ пожизненныхъ страхований, и умирающее поколѣніе не оставляло бы поколѣнью, смѣняющему его на поприщѣ свѣта, никакихъ накоплений богатства. Заботы объ участіи дѣтей, столь естественные родителямъ, придаютъ интересу могущество, побѣждающее разрушительное вліяніе смерти, и предохраняющее общество отъ невыгодныхъ послѣдствій конечнаго расточенія богатства, пріобрѣтеннаго съ такимъ трудомъ. Мы трудимся еще ревностнѣе для нашихъ дѣтей, нежели для самихъ себя, и не считаемъ потерянными пріобрѣтеній, которыми сами не воспользуемся, но въ которыхъ они обрѣтутъ достатокъ. Съ своей стороны дѣти, получившіе отъ отца подобный достатокъ, внимая тому чувству, которое побуждаетъ всякого изъ насъ стремиться къ лучшему и избѣгать худшаго, стараются сохранить и по возможности увеличить каждый свою долю и, въ свою очередь, передать ее съ приращенiemъ своимъ природнымъ потомкамъ. Такимъ образомъ богатство народное переходитъ отъ одного поколѣнія къ другому, постоянно увеличиваясь въ своей массѣ, точно капиталъ, помѣщенный на сложные проценты; оно безпрѣ-

станно раздробляется, но каждая изъ его частей обращается въ источникъ благосостоянія для новыхъ семействъ, служитъ ядромъ новыхъ накопленій.

Въ правѣ наслѣдства заключается основаніе этихъ усилій, этого движенія, или посмертнаго обращенія богатства. Еслибы отцы не имѣли права располагать своимъ имуществомъ впользу дѣтей, то не заботились бы о его накопленіи и сохраненіи. Оставаясь безъ владѣтеля, по смерти человѣка его произведшаго, это имущество превращалось бы въ начало несогласій и беспорядковъ, разрушало бы гармонію, водворенную правомъ собственности. Обращаемое въ собственность государственную, оно не оплодотворялось бы вліяніемъ интереса частнаго, и мало содѣйствовало бъ успѣхамъ благосостоянія народнаго. Одного изъ этихъ соображеній довольно, чтобы разрушить всѣ доводы, которыми иные мыслители еще недавно вооружались противъ начала столь справедливаго и столь благотворнаго.

127. О СВОБОДѢ НАСЛѢДСТВЕННЫХЪ ПЕРЕДАЧЪ.

Въ законодательствахъ народовъ образованныхъ различаютъ два порядка наслѣдованія: по завѣщанію и по закону. Въ первомъ случаѣ, владѣтель на одре смерти самъ располагаетъ своимъ имуществомъ, по усмотрѣнію, и назначаетъ по себѣ наследниковъ. Во второмъ, законъ, т. е. общество, заступаетъ мѣсто владѣтеля и, по недостатку изъявленія его воли, или помимо его воли, опредѣляетъ

впередъ лица, которымъ предоставляетъ право наследованія.

Въ правѣ завѣщанія нельзя не видѣть естественнаго послѣдствія неограниченаго права располагать собственностью при жизни. Признавая и уважая послѣднее, общество не можетъ отказать въ уваженіи первому, по-крайней мѣрѣ когда воля завѣщателя выражена ясно, въ надлежащихъ законныхъ формахъ, и когда завѣщаніе совершено имъ добровольно и въ полнотѣ разумнаго сознанія его дѣйствій. Требуя законности формъ, общество, кажется, не имѣетъ нужды заботиться о нравственной справедливости самого акта, разбирать въ какой степени онъ благопріятенъ однимъ природнымъ наслѣдникамъ завѣщателя, неблагопріятенъ другимъ, такъ точно, какъ оно не входитъ въ разбирательство актовъ, заключаемыхъ при жизни отцомъ семейства. Всякое подобное вмѣшательство власти общественной можетъ обратиться не только противъ собственности, но еще и противъ власти родительской, и поколебать это важное учрежденіе. Лишить отца права отрѣшать отъ наслѣдства сына или дочь, вмѣнить ему въ обязанность раздѣлъ имущества по ровнымъ участкамъ между всѣми дѣтьми, не значитъ ли впередъ обеспечить послѣднихъ противъ заслуженаго наказанія за непокорность, дурное поведеніе и неуваженіе совѣтовъ родительскихъ; не значитъ ли обезоружить власть отца, и явить обществу соблазнительный примѣръ недостойныхъ дѣтей, пожинающихъ плоды его трудовъ и бережливости. Такое постановленіе, раз-

дѣля права собственности между отцомъ и дѣтьми, превращаетъ достатокъ первого въ одно только временное пользонаслажденіе (*usus fructus*), подвергаетъ его безнравственному контролю корысти послѣднихъ, связываетъ его свободу дѣйствій, не благими внушеніями нравственными, но материальной силой закона. Природное уваженіе, родственная привязанность сменяются недовѣрчивостью, скрытной ревностью, взаимными подозрѣньями и упреками. Дѣти винятъ отца за всякую издержку, которую считаютъ излишнею; отецъ обвиняетъ дѣтей въ алчности и корыстолюбіи.

Въ оправданіе подобнаго ограниченія завѣщательнаго права обыкновенно приводятъ злоупотребленія, которымъ подвергаютъ его, то пристрастіе родителей къ любимымъ дѣтямъ, то ихъ слабость въ отношеніи къ лицамъ постороннимъ, то ихъ жестокость, то опасное вліяніе на ихъ волю—особенно въ лѣта преклонныя, когда разсудокъ слабѣетъ—разныхъ интригъ и обольщеній. «Домъ» говорять, «превращается въ поприще пронырствъ. Родители «подвергаются всякого рода докучливостямъ. Мачиха старается обидѣть дѣтей отъ первого брака. «Духовникъ отказываетъ въ отпущеніи, пока не «включать статьи впользу его церкви. Сынъ, живущій при отцѣ, пользуется своимъ присутствиемъ «для назначенія себѣ доли значительнѣе, въ ущербъ «отсутствующимъ братьямъ. Всякій, имѣющій возможность овладѣть волей завѣщателя, спѣшилъ «обеспечить себѣ незаслуженные выдѣлы; болѣе или «менѣе имъ удается достигнуть своей цѣли въ раз-

«личныя эпохи жизни, но особенно въ ея послѣднія «минуты, когда разсудокъ, ослабленный лѣтами, «еще болѣе ослабляется немочами и болѣзнію.— «Признаюсь, прибавляетъ разсудительный писатель «Дюнойе, всѣ эти возраженія всегда меня трогали «весьма мало» (*).

Злоупотребленія, которыхъ опасаются въ завѣщаніяхъ, угрожаютъ въ равной степени во всѣхъ сдѣлкахъ, основанныхъ на правѣ собственности при жизни. Онъ никогда не служили поводомъ къ ограниченію свободы послѣднихъ: нигдѣ законы, изъ видовъ пользы наследниковъ, не запрещаютъ никому отчуждать продажей или даренемъ свое имущество, жертвовать отъ него по частямъ впользу церквей, богоугодныхъ и общеполезныхъ заведеній, надѣлять однихъ дѣтей или родственниковъ болѣе, нежели другихъ. Я пріобрѣлъ мое состояніе трудомъ: оно принадлежитъ мнѣ вполнѣ по законамъ государственнымъ, и до послѣдней минуты никто не имѣетъ права препятствовать мнѣ пользоваться имъ по мбему, только не поступай я въ противность этимъ законамъ. Зачѣмъ лишать меня этого права на одрѣ смерти? Конечно, я могу ошибиться, оставить мое имущество людямъ недостойнымъ, или заведеніямъ, которые въ немъ не нуждаются: мое дѣло быть осмотрительнымъ въ этомъ послѣднемъ дѣйствіи, какъ и во всѣхъ другихъ, которые совершились мною при жизни. Вы замѣчаете, что разсудокъ мой ослабѣлъ? можетъ-быть; но слабость разсудка не лишаетъ меня моихъ правъ гражданскихъ.

(*) *Dunoyer. De la liberté du travail.* Т. III. р. 497.

Если общество опасается послѣдствій этого ослабленія, то пусть оно удаляетъ отъ меня сѣти и соблазны, дѣйствуя на нравственность лицъ меня окружающихъ; но ничто не уполномочиваетъ его въ моемъ лицѣ попирать священное право собственности.

Ктому-же, чего желаетъ общество? чего, по нравственности, вправѣ оно требовать отъ завѣщателя? — сколь можно справедливаго и разсудительнаго распределенія достатка между дѣтьми, имъ оставленными: въ этомъ дѣлѣ, кажется, оно могло бы всего лучше положиться на природныя чувства и благоразуміе отца семейства. Онъ лучше и справедливѣе всякого исполнить раздѣлъ между своими дѣтьми, потому-что лучше всякого другого можетъ судить о ихъ способностяхъ, о ихъ положеніи. Равенство долей, въ подобномъ раздѣлѣ, часто бываетъ самымъ вопіющимъ неравенствомъ. Можноль винить завѣщателя въ пристрастіи или несправедливости, если сыну, получившему отъ него разнообразное и дорогое образованіе спеціальное — нравственный капиталъ, который уже обеспечиваетъ ему жизнь не только безбѣдную, но даже роскошную — онъ оставилъ менѣе нежели другому сыну, котораго не успѣлъ еще надѣлить столь выгоднымъ воспитаніемъ; если вовсе ничего не оставилъ дочери, уже получившей отъ него богатое приданое при вступленіи въ бракъ, или назначить выдѣлъ умѣреннѣе, чѣмъ другимъ, сыну, который успѣлъ заключить выгодный союзъ, и за женою взялъ большое состояніе; если щедрѣе надѣлить незамужнихъ дочерей, не имѣющихъ никакого другого средства къ существо-

ванію? Раздробленіе имущества на равные участки можетъ имѣть невыгодную сторону для наследниковъ и для самого общества: предусмотрительность завѣщателя отвращаетъ эти послѣдствія, предупреждаетъ споры, несогласія и разстройство имѣнія, устроенного его трудомъ. Распредѣляя наслѣдство, онъ естественно старается каждому дать участокъ отдельный, не зависящій отъ другихъ: одному оставляетъ фабрику, другому городской домъ, третьему деньги. Если онъ принужденъ раздробить на доли помѣстие, то кто лучше его можетъ распорядиться такъ, чтобы каждому досталась доля равнозначная, и чтобы отъ этого раздробленія не пострадала сложность имѣнія.

Чтобъ оцѣнить вполнѣ эти преимущества свободы завѣщательного права, недолжно терять изъ виду, что злоупотребленія, которыхъ мы коснулись выше, суть однѣ только исключенія. Завѣщенія, составленныя при слабости разсудка или подъ вліяніемъ минутной страсти, вездѣ и всегда рѣдки: изъ всѣхъ актовъ, совершаемыхъ въ теченіе жизни человѣческой, завѣщеніе наименѣе подвержено этой опасности. Мы иногда совершаємъ невыгодно куплю, продажу; располагаемъ нашимъ имуществомъ съ предосудительной щедростью по торопливости, по недостатку времени для обсужденія нашихъ поступковъ: вся жизнь предстоитъ человѣку, для обдуманія его завѣщенія; оно совершается обыкновенно въ тишинѣ уединенія, въ удаленіи отъ разсѣянности. Вліяніе привязанности внѣ семейнаго круга перевѣшивается сильнымъ естественнымъ желань-

емъ утвердить благостояніе семейства на прочномъ основаніи; исключительное пристрастіе къ нѣкоторымъ изъ дѣтей—природной любовью ко всѣмъ другимъ. Если жъ это пристрастіе оправдывается особенной почтительностью, особенноми понеченіями о счастіи родителей, то, опять повторяемъ, нельзя ставить его въ упрекъ завѣщателю. Располагая большей частью своего имущества, или даже всѣмъ своимъ имуществомъ впользу дѣтей, особенно заслужившихъ его любовь, онъ награждаетъ въ ихъ лицѣ тѣ дѣтскія чувства, которыхъ не встрѣтилъ въ другихъ и которыми, кнесчастью, слишкомъ часто пренебрегаютъ.

«Но хотя и нѣть достаточныхъ причинъ для «ограниченія свободы завѣщаній,» продолжаетъ Дюнойе, и мы съ нимъ вполнѣ согласны, «есть од- «нако причины весьма уважительныя для пре- «дупрежденія дѣйствій достойныхъ порицанія, «которымъ эта свобода можетъ служить поводомъ. «Само собой разумѣется, что нельзя допустить за- «вѣщаній противныхъ порядку общественному, или «нравамъ, или чьимъ либо правамъ. Никогда, на- «примѣръ, эта свобода не можетъ быть простерта «до того, чтобы предоставить отцу—который по са- «мому дѣйствію брака пріемлетъ на себя обязан- «ность кормить, воспитывать и содержать своихъ дѣ- «тей—право лишить ихъ въ малолѣтствѣ пропитанія, «для нихъ необходимаго; но если при жизни обязан- «ность его, по строгому праву, состоитъ только въ «снабженіи ихъ этимъ пропитаньемъ, то нѣтъ при- «чины придавать ей болѣе обширности по его смер-

«ти; впрочемъ, она не препятствуетъ полнотѣ сво-
«боды его завѣщанія» (*).

Дѣйствіе закона начинается съ той минуты, когда владѣтель имущества умираетъ, не успѣвъ изъявить свою волю, или когда завѣщанье, имъ составленное, оказалось недѣйствительнымъ. Заступая мѣсто отца семейства, законодатель долженъ нѣкоторымъ образомъ проникнуться чувствами, его одушевляющими, и явить въ своихъ распоряженіяхъ ту родительскую любовь и предусмотрительность, которыми отличаются завѣщанія, писанныя въ духѣ истинно нравственному. Онъ должны быть таковы, чтобы не только не принуждали умирающихъ къ письменному изъявлению ихъ послѣднихъ намѣреній, но избавляли бы ихъ отъ подобной заботы, всегда тяжкой и горестной. Достигнуть этого нельзѧ иначе, какъ принявъ за основаніе равенство раздѣловъ.

**128. О РАЗДѢЛАЖѢ ИМУЩЕСТВѢ НА РАВНЫЯ ЧАСТИ
МЕЖДУ НАСЛѢДНИКАМИ.**

Противъ раздѣла наслѣдій на равные участки, по числу дѣтей или другихъ законныхъ наслѣдниковъ, обыкновенно возражаютъ невыгодами чрезмѣрного раздробленья собственности. Подобные дѣлеки, говорять, до того мельчатъ капиталы и земли, что промышленность перестаетъ находить въ нихъ достаточную опору, и въ особенности это дробленіе пагубно для успѣховъ земледѣлія. Слабость этого возраженія обнаруживается при

(*) *De la liberté du travail.* T. III p. 504.

внимательномъ разматриваніи естественаго по-
рядка вещей.

Неоспоримо, что во многихъ случаяхъ, раздробленіе капиталовъ или земель, занятыхъ предпріятіями, весьма невыгодно для дальнѣйшаго преуспѣянія промышленности, а посему и для общества; оно можетъ разматриваться какъ смертный иконечный приговоръ большей части мануфактурныхъ заведеній; наносить чувствительный ударъ предпріятіямъ торговымъ, и часто служитъ неодолимымъ препятствіемъ усиѣшному продолженію воздѣльванія. Мы видѣли (§ 57), что иногда мелкое, иногда большое воздѣльваніе водворяется въ странѣ, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ, и въ иныхъ случаяхъ гораздо болѣе извлекается пользы изъ почвы, раздѣленной между множествомъ малыхъ хозяйствъ, нежели совокупленной въ рукахъ немногихъ большихъ предпринимателей. Вездѣ однако есть предѣлъ полезному дробленію, равно какъ и полезному совокупленію. Первое, когда простерто до излишства, препятствуетъ введенію хорошихъ системъ чередованія, удобренія, улучшенныхъ машинъ и, въ особенности, скотоводства.

Но раздробленіе предпріятій не есть необходимое послѣдствіе раздробленія собственности, и въ смѣшениі этихъ двухъ дѣйствій, совершенно различныхъ, кроется заблужденье возражателей. Въ промышленности, особенно тамъ, гдѣ господствуетъ духъ товарищества, можно указать предпріятія, занимающія огромные капиталы и обширныя земли, а между-тѣмъ образующія собственность множества

различныхъ лицъ, то землевладѣльцевъ, то капиталистовъ, то акціонеровъ, то пайщиковъ. Сосредоточеніе поземельной собственности въ немногихъ рукахъ отнюдь не служить поводомъ къ водворенію большого воздѣлыванія: въ Ирландіи, въ Тосканѣ, въ Россіи существуютъ большиe владѣльцы, которыхъ земли воздѣлываются мелкими предпринимателями, мызниками, крестьянами, къ землѣ прикрепленными. Примѣры противнаго можно указать въ Швейцаріи, гдѣ множество мелкихъ земледѣльцевъ соединяются для совокупной фабрикаціи сыровъ. Ничто не препятствуетъ откупщику, располагающему большимъ капиталомъ, снять на аренду множество мелкихъ участковъ и совокупить ихъ въ одномъ предпріятіи: это часто дѣлается во Франціи, гдѣ недвижимая собственность болѣе раздроблена, чѣмъ гдѣ-либо.

Такъ точно раздѣленіе имущества между нѣсколькими наслѣдниками отнюдь не должно имѣть неизбѣжнымъ послѣдствиемъ раздробленіе предпріятій. Тому противится интересъ самихъ наслѣдниковъ. Досталась ли имъ фабрика или домъ? — Они образуютъ между собой товарищество, поручаютъ управление кому-либо изъ среды себя, или отдаютъ на откупъ, въ наемъ, и дѣлятъ между собой доходы. Если какія-либо обстоятельства мѣшаютъ имъ согласиться, то они продаютъ наслѣдіе и дѣлятъ между собой вырученную сумму. Земледѣльческія предпріятія, правда, чаще раздробляются, но это объясняется почти всегда выгодой подобныхъ раздробленій, и въ такомъ случаѣ интересъ частный согла-

сень съ общественнымъ. Если каждый участокъ въ отдѣльности можетъ приносить сравнительно болѣе дохода нежели приносилъ, когда входилъ въ составъ общаго достоянія, то не значитъ ли, что раздробленіе благопріятно введенію улучшенаго воздѣлыванія и хозяйственнаго присмотра. Одна только необразованность, не понимающая своихъ собственныхъ интересовъ, можетъ побудить наследниковъ къ невыгодному для нихъ раздробленію заведеній, имъ доставшихся.

Что-же касается до раздробленія капиталовъ праздныхъ, то оставленныхъ въ наследство деньгами, то осуществленныхъ по ликвидациіи другого имущества, опо не можетъ имѣть никакого невыгоднаго послѣдствія. Если доли слишкомъ малы для отдѣльного примѣненія каждой изъ нихъ къ предпріятію, ничто не препятствуетъ наследникамъ составить между собой товарищество. Еще менѣе повода къ предупрежденію подобнаго раздробленья, когда каждому изъ наследниковъ приходится доля значительная. Обезпеченіе достаточной жизни отнюдь не подавляетъ въ нихъ промышленаго духа, какъ утверждали нѣкоторые писатели въ Англіи, указывая на исключенія: напротивъ, сынъ семейства, получившій долю изъ наследія отцовскаго, если привыкъ къ жизни роскошной, пока при родителяхъ и вмѣстѣ съ другими братьями пользовался всѣмъ имуществомъ, естественно старается собственнымъ трудомъ и бережливостью увеличить свое состояніе и, какъ замѣчено выше, эти доли становятся ядромъ новыхъ значительныхъ богатствъ.

Раздѣлы уменьшаютъ, конечно, число большихъ состояній, но за то размножаютъ число средственныхъ. Этому обстоятельству напрасно приписывать послѣдствія вредныя для государства: далѣе, разсудая о потребленіи народномъ, мы убѣдимся, на противъ, что оно отмѣнно благопріятно развитію промышленности, успѣхамъ богатства и благосостоянія общественнаго.

129. О РОДОВЫХЪ ПРАВАХЪ.

Постановленія о родовыхъ имъніяхъ и майоратахъ имѣютъ цѣлью сохраненіе дворянскихъ родовъ. Во многихъ случаяхъ законы не только предоставляютъ особенные права завѣщателямъ, но еще подчиняютъ ихъ мѣрамъ обязательнымъ. Такъ, напр., у насъ всякий можетъ располагать по произволу имѣніемъ благопріобрѣтеннымъ и избирать наследниковъ для его передачи. Однажды перешедшее по завѣщанію, или *ab intestato* по закону, во владѣніе его природнаго потомства, подобное имѣніе превращается въ родовое, и уже не можетъ выйти изъ рода ни всилу завѣщанія, ни продажей, ни даренемъ, ни даже какъ приданое дочери, при ея вступлении въ бракъ. Исключеніе изъ этихъ правилъ сдѣлано только впользу Заемнаго Банка (§ 89). Обыкновенно эти правила во всей строгости примѣняются къ недвижимой собственности: законодатель менѣе ограничиваетъ наследственную передачу движимости, и въ особенности капиталовъ въ видѣ монеты, акцій, долговыхъ претензій и т. п.

Не входя въ разсмотрѣніе причинъ, водворившихъ и поддерживающихъ въ Россіи родовыя постановленія, причинъ весьма уважительныхъ и неизбѣжно вытекающихъ изъ раздѣленія россійскаго народа на различныя состоянія, разсмотримъ здѣсь одинъ только экономическія послѣдствія этихъ постановленій. И во-первыхъ, онъ основаны на равенствѣ раздѣла между сыновьями или ближайшими наследниками мужескаго пола, принадлежащими къ роду: дочерямъ выдѣляется изъ движимаго имущества седьмая, изъ недвижимаго четырнадцатая доля; подобная-же доля принадлежитъ вдовѣ и даже вдовствующему бездѣтному мужу ближайшей наследницы, по недостатку наследниковъ мужескаго пола получившей родовое имущество. За выдѣломъ этой доли, послѣднее обращается во владѣніе боковыхъ родственниковъ. Но законъ не препятствуетъ завѣщаніемъ увеличивать доли дочерей неотдѣленныхъ, т. е. не получившихъ приданаго деньгами или благопріобрѣтеннымъ имуществомъ, при выходѣ замужъ. Онъ не препятствуетъ также отцу отрѣшать отъ наследства нѣкоторыхъ изъ его дѣтей или увеличить долю однихъ въ ущербъ другимъ. По этому, родовыя постановленія опредѣляютъ власть отца семейства только въ отношеніи къ роду: стѣсненіе слишкомъ нечувствительное для поколебанія столь важнаго учрежденія. . . .

Родовыя постановленія, кромѣ нѣкотораго расположения владѣтелей къ небрежности, не могутъ имѣть иного неблагопріятнаго вліянія на доходы съ имѣній, имъ принадлежащихъ. Послѣдніе всегда бу-

дуть зависѣть отъ рыночной цѣны продуктовъ, отъ степени плодородія земель и качества крестьянъ, какъ достаточно объяснилось выше (§ 125). Но эти постановленія не совсѣмъ неблагопріятны владѣльцу, вслuchaѣ если онъ принужденъ избавиться отъ своего имѣнія продажей: не имѣя права отчуждать его изъ рода, онъ можетъ продать его только своимъ боковымъ родственникамъ, и терпить всѣ невыгоды ограниченного запроса.

Къ неудобствамъ родовыхъ постановленій можно еще присоединить тяжбы, которымъ онъ служатъ поводомъ, особенно между боковыми родственниками, когда не остается прямыхъ наследниковъ. Еслибъ огромныя издержки, совершенно не производительныя, причиняемыя процессами по наследству, могли бытъ обращены на улучшенія оспориваемыхъ помѣстій, то по крайней мѣрѣ принесли бы великую пользу всему государству.

Владѣтель родового имѣнія можетъ рассматриваться какъ временно пользующійся имуществомъ, принадлежащимъ роду; владѣтель майората, какъ временно пользующійся имуществомъ, принадлежащимъ его старшему сыну или старшему въ родѣ. Майораты (*fideicommissi, substitutiones*, т. е. назначенія лицъ, которымъ должно наследовать имѣніе послѣ наследника первого, втораго, третьаго и т. д.) существеннѣе сохраняютъ сосредоточеніе недвижимой собственности въ однѣхъ рукахъ, чѣмъ постановленія родовыя, которыя не отвратили у насъ крайняго раздробленія дворянскихъ помѣстій въ иныхъ губерніяхъ. Но въ отношеніи эконо-

мическомъ нельзя во многихъ случаяхъ не предпо-
чтеть послѣднихъ первымъ (*) . . .

Должно согласиться, однако, что невыгодныя
послѣдствія майоратовъ для народнаго хозяйства,
въ особенности сельскаго, на которыя указываютъ
экономисты, не вездѣ одинаковы, и могутъ быть
перевѣшены вліяніемъ другихъ причинъ сильнѣй-
шихъ. Въ Англіи многія майоратныя владѣнія со-
держатся въ порядкѣ и отлично воздѣлываются. Но
не субститутамъ должно приписать это явленіе: а
развитію, подлѣ знатныхъ землевладѣльцевъ, насе-
ленности трудолюбивой и предпріимчивой, кото-
рая согласна дорого платить за право пользованія
участками, входящими въ составъ этихъ имѣній.
Еще менѣе должно искать въ майоратахъ причинъ
огромныхъ поземельныхъ доходовъ: эти доходы,
мы уже видѣли (§§ 68, 69, 123), основаны частью
на пристрастномъ законодательствѣ, водворяю-
щемъ искусственную дороговизну продовольствія на
внутреннемъ рынкѣ Великобританіи.

(*) См. Примѣчаніе 22-е.

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ТОМА.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Примѣчаніе 1, къ § 69-му стр. 64.

.... «Мануфактуры великобританскія работаютъ преимущественно для отвозной торговли, и не о нихъ можно сказать, что лучшіе сбыты имъ предстоятъ на отечественномъ рынкѣ. Изъ всѣхъ этихъ производствъ, которыя поддерживаются иностранными требованіями, хлопчато-бумажное, особенно въ Манчестерѣ, наиболѣе зависитъ отъ внѣшней торговли. Среднимъ количествомъ, Англія отпускаетъ на 49 миллионовъ фунтовъ стерлинговъ товару за-границу: въ это количество на 24 миллиона ф. ст. входитъ бумажныхъ тканей и пряжи. «Торговля бумажными издѣліями въ нашей странѣ, говоритъ *Aшвортъ* (Ashworth), есть преимущественно торговля отвозная. Изъ семи тюковъ пряжи или тканей, нами изготавляемыхъ, одинъ только предназначается для внутренней торговли; совокупность Англичанъ всѣхъ сословій содѣйствуетъ развитію этой промышленности только въ пропорціи одного рабочаго дня въ недѣлю; касательно шести седьмыхъ нашихъ продуктовъ мы зависимъ отъ иностранцевъ . . .» (см. рѣчь имъ произнесенную въ *Covent-garden* 1-го Марта 1844 г.) И такъ, хлопчатобумажному дѣлу, въ Англіи, опасность угрожаетъ то извнѣ, то изнутри; иногда кризисъ внутренній соединяется съ кризисомъ внѣшнимъ, и оба совокупно потрясаютъ это зданіе, которое колеблется подъ ихъ двойнымъ усиліемъ, и кажется готово низринуться. Тогда въ мануфактурныхъ округахъ происходитъ феноменъ, подобный судорожнымъ волненіямъ природы на Антильскихъ островахъ, когда ураганъ обнимаетъ и небо и землю, и когда земля дрожитъ, между-тѣмъ какъ буря покрываетъ развалинами ея поверхность. Признаки, возвѣщающіе торговый ураганъ, появляются сперва въ кредитныхъ сношеніяхъ. Банки сжимаютъ свои обороты и уменьшаютъ дис-

конты. Фабрики сокращаютъ рабочіе часы или закрываютъ мастерскія. Торговцы, лишенные потребителей или принужденные продавать въ долгъ, впадаютъ въ банкротство. Работники безъ занятій истребляютъ свои скучныя сбереженія, забираютъ впередъ въ счетъ своей выручки, и окончательно обращаются въ бремя общественной благотворительности»..... «Въ теченіе 25-ти лѣтъ, хлопчатобумажная промышленность въ Англіи испытала три большихъ подобныхъ кризиса въ 1819, 1829 и 1841 годахъ. Послѣдній продолжался еще въ началѣ 1844 года, а его зачатки уже были замѣтны въ 1836 году, посреди почти баснословно-цвѣтущаго положенія дѣла. Въ 1835 и 1836 годахъ, урожайныя жатвы понизили цѣну хлѣба до средняго термина 44 шиллинговъ 8 пенсовъ за квартеръ. Къ этому удешевленію продовольствія присоединилось повышеніе задѣльной платы, и мануфактурные работники пользовались довольствомъ болѣе нежели сельскіе; послѣдніе начали переселяться изъ южныхъ графствъ въ сѣверные, гдѣ находили работу по мѣрѣ прибытія; тогда стоило только топнуть, чтобы вызвать изъ земли работниковъ, и такъ-какъ требованіе на англійские продукты въ сѣверо-американскихъ С. Штатахъ безпрестанно возрастало, а мѣстные банки (joint stock banks) предлагали промышленности неограниченный кредитъ, предпріимчивость распустила всѣ свои паруса. Съ 1-го января 1834 по 1-е июня 1838, въ одиныхъ графствахъ ланкастерскомъ и честерскомъ на вновь построенныхъ фабрикахъ сложность паровыхъ машинъ составляла 13,226 лошадиныхъ силъ, изъ которыхъ 11,826 приходятся на долю хлопчатобумажныхъ; кромѣ того фабрики еще недостроенные представляли силу въ 4187 лошадей. Полагая 500 фунтовъ стерлинговъ и 5 работниковъ на каждую силу, оказывается, что менѣе чѣмъ въ пять лѣтъ въ двухъ графствахъ 200 миллионовъ франковъ поглощены строеніемъ машинъ и зданій, и 78,000 работниковъ съ ихъ семействами присоединились къ бывшимъ уже тамъ на лицѣ. Для загроможденія рынка довольно было бы столь необузданыхъ порывовъ, но кризисъ еще ускорился и усилился внѣшними обстоятельствами. Подъ копецъ 1836 года, въ ту самую минуту, какъ всеобщее банкротство поразило банки, а вмѣстѣ съ ними и множество торговыхъ домовъ въ сѣверо-американскихъ С. Штатахъ, цѣлый рядъ бѣдствій начался для хлопчатобумажного дѣла. Свои требованія, уже ослабѣвшія вслѣдствіе банкротствъ, Америка стала уменьшать еще болѣе дѣйствиемъ тарифовъ: таможенные пошлины, не превышавшія 20 %, повышены до 30 % для огражденія противъ англійского соперничества младенчествующихъ мануфактуръ въ Менѣ, Массачузетѣ,

Пенсильвaniи. Въ то-же время многія государства европейскія стали придерживаться той-же политики, и если Манчестеръ могъ еще сбывать свою пряжу въ Германіи (*zollvergei*), то лишился тамъ сбыта для своихъ тканей Къ засоренію сбытовъ присоединилось иѣсколько неурожайныхъ годовъ къ ряду; въ 1838, 1839, 1840, и 1841 годахъ средня цѣна пшеницы повысилась до 66шил. 5пенсовъ за квартеръ и въ то же самое время, вслѣдствіе паденія множества заведеній и усиленного соперничества въ рабочемъ сословіи, задѣльная плата понизилась на 20 и до 25 %. Фабрики, не успѣвшія найти опоры въ значительныхъ капиталахъ, рушились тогда одна за другою, какъ карточные домики. Между работниками развилась ужасная нищета. Въ 1841 и 1842 годахъ, кромѣ усиленія таксы для бѣдныхъ, пожертвованія частной благотворительности возрасли $63\frac{1}{2}$, процентати противъ 1839 года. То была огромная катастрофа, которой слѣды еще замѣтны по нынѣ (1844—1845).» — Эти подробности заимствованы изъ сочиненія *Léon Faucher: Etudes sur l'Angleterre; Paris 1845*; самъ же авторъ почерпнулъ ихъ отчасти изъ документовъ, публикуемыхъ англійскимъ парламентомъ, отчасти изъ наблюденій и свѣденій отобранныхъ на мѣстѣ.

«Замѣчательно,» говоритъ *Ипполитъ Дюссаръ*, около того же времени посѣвшій мануфактурные округи въ Англіи, «что дороговизна продовольствія, которая оказывается во время кризисовъ на однихъ рынкахъ, отражается крайней дешевизной на другихъ Горестное послѣдствіе странной европейской системы, которая еще отзывается смѣшнымъ правиломъ: *продавать и не покупать*. Такъ нынѣ (въ 1843 году), пока Ланкастеръ умиралъ съ голоду, въ Новомъ Орлеанѣ огромное количество соленой свинины осталось безъ сбыта въ анбараахъ по недостатку покупателей, наконецъ погнило и едва не отравило всей населенности.» См. *Journ. des économistes: Travail et charit . T. V. p. 142.*

Примѣчаніе 2-е, къ § 69-му стр. 69.

Пагубное вліяніе тарифной войны, царствующей между образованными народами, живо и красно изображается въ рѣчахъ ораторовъ лиги *freetraders* (свободныхъ торговцевъ), которая съ 1838 года образовалась въ Англіи съ цѣллю искоренить вредныя монополіи. Главою этой лиги — *Кобденъ*, предсѣдателемъ — *Вильсонъ*; подъ ними дѣйствуетъ блестящая плеяда самыхъ даровитыхъ людей; изъ нихъ назовемъ колкаго *Фокса*, непобѣдимаго діалектика *Брайта*, *Томсона*, *Мура*, *Джансона*, благороднаго *Вилліерса*, неустршимаго *Форстера*. Вотъ иѣкоторыя выдержки:

«Наши страданія», говорилъ Кобденъ на собраніи лиги въ октябрѣ 1843 года, «еще приписываютъ тарифу недавно принятому (1841) въ съверо-американскихъ С. Штатахъ, и журналы монополистовъ нескучаются насмѣшками на счетъ американского законодательства. О, еслибы они были откровенны, то, проповѣдуя что намъ должно довольствоваться самими собой, и удовлетворять всѣмъ нашимъ потребностямъ однимъ только *собственнымъ народнымъ трудомъ*, конечно сознались бы что эта политика, столь выгодная для насть, выгодна и для другихъ, и радостно привѣтствовали бы ея возвращеніе между всѣми другими народами шара земного. Но нѣтъ, они проклинаютъ Американцевъ за то, что тѣ действуютъ по нашимъ собственнымъ правиламъ (*рукоплесканія*)... И такъ! пусть, если угодно, они защищаютъ наши интересы съ точки зрѣнія американской: оставимъ ихъ въ грязи ихъ неосновательности... (*рукоплесканія*), но что было причиною нового тарифа? Мы не должны терять изъ виду что наши собственные ошибки закрыли для насть рынки Америки. Перенесемся мысленно въ 1833 годъ. Тогда сильное волненіе обнаружилось въ Соединенныхъ Штатахъ по поводу обложенія высокими пошлинами нашихъ фабрикатъ; роптанія достигли крайнихъ предѣловъ, и въ одномъ изъ штатовъ, въ Южной Каролинѣ, разразились даже возмущеніемъ. Слѣдствіемъ того былъ законъ, по которому привозныя пошлины должны были уменьшаться постепенно годъ отъ году, такъ чтобы по истеченіи десяти лѣтъ ни одна не превышала 20 %. Нынѣшнимъ лѣтомъ наступилъ конецъ этому сроку. Но что сдѣлало наше правительство? чѣмъ отвѣчала наша страна этой либеральной и дружеской политикѣ? Увы! столь важное событие не обратило на себя дальнѣйшаго вниманія нашихъ министровъ, ни—должно съ прискорбiemъ замѣтить—нашего народа, какъ будто бы оно произошло на другой планетѣ. Никакой признательности не показано, съ нашей стороны, Американцамъ за ихъ попытку оживить наши взаимные обмѣны. Теперь они сами начинаютъ обдумывать результаты своей политики, и что замѣчаютъ они? по истеченіи 10 лѣтъ ихъ торговля съ этимъ краемъ (Великобританіей) уменьшилась, в сравненіи съ тѣмъ, какова была до пониженія пошлинъ. Ихъ хлопка, ихъ рисъ, ихъ табакъ упали въ цѣнѣ, а это единственные продукты, которые мы согласны отъ нихъ принимать. Мы отвергли ихъ хлѣбъ. Американцы естественно подумали, что имъ нѣтъ достаточной причины долѣе упорствовать въ своей новой политикѣ, и небольшому числу тамошнихъ фабрикантовъ-монополистовъ не трудно было исторгнуть мѣры, долженствующія изгнать издѣлія нашихъ фабрикъ съ амери-

канскихъ рынковъ... Этого не случилось бы, еслибы мы протянули нашимъ братьямъ по ту сторону Атлантики руку взаимности, подъ видомъ либерального закона, который, допустивъ къ намъ привозъ ихъ хлѣба, побудилъ бы земледѣльческіе штаты дѣйствовать за насъ, а не противъ насъ. Мы открыли бы ихъ хлѣбу сбыть въ десятеро обширнѣе того, который предлагаютъ имъ фабричные монополисты. Американцы люди смѣтливые и здравомыслящіе, и всякой, кому они знакомы, хорошо знаетъ, что они не согласились бы терпѣть нынѣшняго тарифа, еслибы мы отвѣтили на ихъ вызовъ и приняли ихъ земледѣльческіе продукты въ обмѣнъ за наши мануфактурные (*рукоплесканія*). — Этимъ не хочу сказать что Американцы благоразумно поступили, постановивъ новый тарифъ; его послѣдствіями для нихъ должно быть уничтоженіе ихъ собственныхъ доходовъ. Но, какъ бы то ни было, вотъ они, съ одной стороны, ломаютъ себѣ руки, смотря на житницы, скрыпящія подъ тяжестью прошлогоднихъ жатвъ, тогда какъ вѣтеръ колышетъ новыя жатвы на ихъ обширныхъ поляхъ; а вотъ, съ другой стороны, Англичане уныло смотрятъ, сложа руки, на свои магазины, заваленные товаромъ, и на свои бумажныя фабрики и заводы. Тамъ недостатокъ въ одеждѣ, здѣсь умираютъ съ голоду; законы, столь же нелѣпые, сколь и варварскіе, разлучаютъ двѣ страны, мѣшаютъ имъ обмѣниваться ихъ произведеніями, и обратиться въ прибыльный сбытъ одва для другой (*рукоплесканіе*). О, это не можетъ продлиться; подобной системѣ нельзя долго держаться (*рукоплесканіе*); она слишкомъ противна естественнымъ побужденіямъ, здравому смыслу, наукѣ, человѣчеству, христіанству... (*рукоплесканія*). Этой системѣ пришелъ конецъ (*громъ рукоплесканій*). Будьте увѣрены, что когда два народа, каковы Англія и сѣверо-американскіе С. Штаты, равно нуждаются въ взаимныхъ обмѣнахъ, никакая сила не можетъ ихъ разъединить навсегда (*рукоплесканіе*), и я глубоко убѣжденъ, что черезъ десятокъ лѣтъ весь этотъ стѣснительный механизмъ, какъ здѣсь такъ и за-моремъ будетъ жить только въ исторіи.»

«Всеобщій интересъ связанъ съ цвѣтующимъ положеніемъ государства,» говорилъ Юмъ на *meeting*'ѣ въ апрѣль 1843 года, «но Англія не находится въ этомъ положеніи. Единственное средство его достигнуть, это открыть наши порты всѣмъ товарамъ міра. Могу назвать много націй, которыхъ продукты годились бы намъ: но назову одну изъ нихъ. На митингѣ прошлаго сентября подъ предсѣдательствомъ Дюка Рютлендскаго, Г. Эвереттѣ, полномочный министръ сѣверо-американскихъ С. Штатовъ, произнесъ рѣчъ слѣдующаго содержанія: «Моя страна желаетъ обмѣниваться съ вами

своими произведеніями. У васъ много предметовъ, въ которыхъ мы нуждаемся; у насъ же для уплаты вамъ столько продуктовъ нагромождено на набережныхъ, что недавно принуждены были употребить соленое мясо вмѣсто топлива» (и действительно одинъ американскій гражданинъ подтвердилъ мнѣ, что въ пакгаузахъ и на набережныхъ Нового Орлеана въ 1842 году было столько солонины, что она продавалась по 6 пенсовъ фунтъ, и употреблялась вмѣсто угля для топки на пароходахъ). «У насъ, прибавилъ Г. Эвереттъ, хлѣбъ гниѣтъ въ анбараахъ, а намъ нечего носить и мы не имѣемъ орудій.»—Кто-же противится обмѣну этихъ произведений? правительство великобританское. Чего мы желаемъ? свободы размѣна съ цѣльмъ міромъ. Каждый климатъ, каждый народъ вмѣстѣ свои произведенія, ему свойственныя. Пусть имъ всѣмъ откроютъ допускъ въ эту страну для обмѣна на производимыя въней съ избыткомъ, и всѣ будутъ въ выигрышѣ. Мануфактурѣ разширятъ свои предпріятія; задѣльная плата повысится; потребленіе земледѣльческихъ продуктовъ успѣхъ; въ поземельныхъ и государственныхъ доходахъ отразятся успѣхи всеобщаго благосостоянья. Но при нашемъ стѣснительномъ законодательствѣ, фабрики менѣе и менѣе находятъ занятій, задѣльная плата становится слабѣе и слабѣе, запрѣсъ на произведенія охлаждается, и бѣдствіепостигаетъ всѣ сословія. Тѣ, чье сердце лежитъ къ народному благосостоянію, да посвятятъ этимъ важнымъ предметамъ свои самыя серіозныя помышленія....»

Ограничимся этими выписками, въ которыхъ ораторы лиги ссылаются на факты несомнѣнныя. Это важное явленіе экономическое нашло просвѣщенныхъ цѣнителей и въ нашемъ отечествѣ. Вотъ что мы читаемъ въ ноябрской книжкѣ *Журнала Министерства Государственныхъ Имуществъ* 1845 г.: «Усилія, употребляемыя лигою для достижения ея цѣлей, поразительны и соразмѣрны важности задачи и величинѣ препятствій, которыя представляются въ этомъ дѣлѣ.... Столь обширныя, сильныя и постоянныя усилія, направленыя съ такою энергию и искусствомъ не могли не имѣть весьма важныхъ послѣдствій.... Примѣръ поданный Англію не можетъ не послужить къ тому, что запретительная система будетъ болѣе и болѣе упадать въ мнѣніи всѣхъ и ослабѣвать. Защитники ся уже не будутъ во состояніи поддерживать ее съ прежнимъ жаромъ и убѣждениемъ. Сверхъ того, всякий удавшійся примѣръ заразителенъ: трудно будетъ удержаться отъ страсти подражавія, и это подражаніе сдѣлается тѣмъ болѣе необходимымъ, что всѣ которые найдутъ выгоду посыпать свои продукты въ Англію, будучи остановливаемы затрудненіями ввоза къ себѣ вывозимыхъ

изъ нее издѣлій непремѣнно сдѣлаются поборниками свободы....» — «Водворить свободу торговли, провозглашаютъ ораторы лиги, значитъ тѣмъ самыиъ водворить всеобщій миръ; значитъ задушить въ его источнику духъ соперничества и вражды между народами; связать ихъ навсегда неразрывными узами общей взаимной выгоды; значитъ сдѣлать войну между двумя государствами столь же невозможную, сколь она невозможна нынѣ между двумя провинціями одного и того-же государства, напр. между двумя граffтвами великобританскими». Дѣйствительно при существованіи свободы торговли сохраненіе мира есть необходимость. (См. статью Г. Веселовскаго въ вышепомянутомъ журнале).

Примѣчаніе 5-е, къ § 70-му стр. 75.

«Въ 1830 году изданы правила о клейменіи издѣлій русскихъ мануфактуръ, фабрикъ и заводовъ. Оно предоставлено па добрую волю каждого производителя; никакихъ разысканий на заведеніяхъ о томъ, клеймятся ли издѣлія или иѣть, не допускается; но клейменія издѣлія русского происхожденія имѣютъ нѣкоторыя преимущества по отвозной и обратной привозной торговльѣ, также въ случаѣ контрабанды. Всѣ издѣлія представляемыя на выставки непремѣнно должны имѣть фабричныя клейма и знаки, удостовѣряющіе въ ихъ русскомъ происхожденіи». (См. Исторію управленія мануфактурною промышленностію въ Россіи П.И. Иванова въ Журн. Министер. Внутреннихъ дѣлъ 1844 года).

Примѣчаніе 4-е, къ § 70-му стр. 80.

Изъ Журнала Министер. Внутреннихъ дѣлъ (апрѣля 1844 года) заимствуемъ нѣкоторыя подробности о порядке постановленія у насъ таксъ на жизненные продукты: «Въ видахъ попеченія о народномъ продовольствіи вообще и, въ особенности, для соблюденія интересовъ казны при заготовленіи провіанта и фуража на продовольствіе войскъ, Правительство на всемъ пространствѣ имперіи собираетъ постоянно свѣденія о мѣстныхъ цѣнахъ на главные жизненные припасы. Во-первыхъ собираются еженедѣльно свѣденія о цѣнахъ торговыхъ, какъ онѣ держатся въ теченіе недѣли на мѣстныхъ рынкахъ и базарахъ. Это возложено на обязанность магистратовъ, городскихъ и земскихъ полицій. Получаемыя такимъ образомъ свѣденія называются справочными цѣнами. Въ городахъ управы благочинія и городническія правленія обязаны вносить въ общую книгу всѣ цѣны по истечениіи мѣсяца, дабы всегда можно было спрашиться, по какой цѣнѣ, когда, что продавалось. Изъ справочныхъ цѣнъ на нѣкоторые самые главные предметы (рожь,

муку, крупу, овесъ и сѣно), ежемѣсячно по особымъ законнымъ правиламъ, полагаются цѣны, называемыя установленными. Цѣны эти (или таксы) раздѣляются на сложные и среднія. Сложная составляется изъ всѣхъ справочныхъ цѣнъ посредствомъ сложенія ихъ вмѣстѣ, и потомъ раздѣленія произшедшей суммы на столько, сколько взято цѣнъ въ сложеніе. Цѣна среднія выводится посредствомъ сложенія только самой высшей и самой низшей изъ справочныхъ цѣнъ, и раздѣленія потомъ суммы на два. Составленіе сложныхъ цѣнъ въ каждомъ уѣздномъ городѣ возлагается на уѣзднаго дворянскаго предводителя, исправника, городничаго и городскаго главу съ гласными отъ гильдій. Вѣдомость объ нихъ доставляется мѣстному гражданскому губернатору, который пригласивъ наличныхъ въ губернскомъ городѣ предводителя дворянства, мѣстнаго градскаго главу съ гласными, равно другихъ почетныхъ дворянъ, помѣщиковъ и торгующихъ промышленниковъ, обще съ ними въ губернскомъ правленіи, но безъ участія совѣтниковъ правленія, устанавливаетъ изъ всѣхъ уѣздныхъ цѣнъ одну сложную по губерніи, выводя притомъ *высшую и низшую*, какъ основаніе цѣны средней. Утвержденныя такъ обр. цѣны признаются настоящими, а среднія выведенныя изъ нихъ единственно законными для казенныхъ покупокъ, производимыхъ по губерніи. Замѣтить должно при семъ, что въ лѣтніе мѣсяцы, съ мая по сентябрь, цѣнъ не устанавливается: тогда собираются только свѣденія о цѣнахъ собственно справочныхъ».

Примѣчаніе 5-е, къ § 75-му стр. 132.

Авторъ сочиненія: *De la production des m taux pr cieux au Mexique (1843 Paris chez Firmin Didot)*, Г. St. Clair Dupont, долго жившій на самомъ мѣстѣ, пишетъ, что съ 1833 по нынѣ въ Мексикѣ добывается ежегодно:

Золота 2958 килограм. чтд, считая по 3444 фр. килогр. составляетъ цѣнность въ 10,187,372 франка.

Серебра 468,676 килогр., что по 200 фр. килогр. составляетъ 93,735,200 фр.

итого 103,922,572 фр. или
18,000,000 піастровъ.

По мнѣнію его все это количество драгоценныхъ металловъ вывозится изъ Мексики и распредѣляется какъ слѣдуетъ:

13,000,000 піастровъ отправляются въ Англію и Англійскія владѣнія на англійскихъ казенныхъ судахъ и пароходахъ;

1,000,000 въ Китай и порты южной Америки.

4,000,000 распредѣляются между севѣро-амер. С. Штата-ми, Франціей, Германіей, Испаніей и другими частями Европы.

(См. стр. 190—191, 194—195).

Примѣчаніе 6-е, къ § 77-му стр. 159.

Неизлишнимъ будетъ предложить здѣсь слѣдующія подробноти изъ вышепомянутаго сочиненія: *De la production des m taux pr cieux au Mexique par St. Clair Duport.*—Въ 1504 году испанское правительство подчинило драгоцѣнныя металлы пошлине въ 20 % или *quinto*. Съ 1548 пошлину начали уменьшать мѣстами до 10 %, а въ 1723 она уже никогда не превышала этой мѣры ни для серебра, ни для золота. Въ 1777 отмѣнены разные другіе налоги простиравшіеся до 2 ½ %; а сохранены только ¼ % *ad valorem* и 1½ % за клеймо и пробу. Декретомъ 20 февраля 1822 года всѣ пошлины уменьшены въ совокупности до 3% *ad valorem*. Впослѣдствіи къ пошлине на серебро прибавлено еще 1½ % за право разработки, такъ что нынѣ въ Мехикѣ взимается пошлины съ серебра въ слиткахъ 4½ %, а съ золота въ слиткахъ 3 %. Къ нимъ должно присоединить пошлины, которымъ подлежать металлы въ монетѣ; всилу декрета 16 марта 1843 года, онъ составляютъ:

съ цѣнности золота и серебра при ввозѣ въ портовой городъ 4%;
— — — — — вывозѣ за границу 6%.
Кромѣ того, при перевозкѣ изъ одного департамента республики въ другой, монета подвергается взиманію 1 % впользу казны. Итакъ всего мехиканское правительство взимаетъ:
съ золота въ слиткахъ 3% съ серебра въ слиткахъ 4½ %.
— — въ монетѣ 11% — — — въ монетѣ 11%
итого 14% итого 15½ %.

По мнѣнію г. *St. Clair Duport* почти третъ всего золота и серебра вывозится контрабандою изъ Мехики не оплативъ этихъ пошлинъ; но эта утайка обращается впользу не потребителей золота и серебра а контрабандистовъ (см. стр. 160—162, 195—196).—«Разработка серебряныхъ жиль, гов. тотъ же авторъ, зависитъ отъ ея издержекъ и отъ пошлинъ, которымъ подлежитъ серебро; совокупность этихъ расходовъ никогда не допускала отдалънаго извлечения руды, среднимъ содержаніемъ не превышавшаго 0,001; и вообще это извлечениe окупается нынѣ и прибыльно только при среднемъ содержаніи избранной руды отъ 0,0015 до 0,0020». — Вотъ какъ Г. *St. Clair Duport* вычисляетъ издержки, которыхъ стоитъ добыча одного килограмма серебра въ Мехикѣ:

Ртуть: (полагается по 13 унцій на марку, или на килограммъ 1625 граммовъ; мехиканскій кинталъ ртути или 45, 976 кил., стоитъ 130 піастровъ; піастръ содержитъ 24, 421 грамма чистаго серебра, слѣд. 130 піастровъ = 3174 граммамъ чистаго серебра; изъ этого слѣдуетъ, что 1625 граммовъ ртути, для добычи килограмма серебра необходимыхъ, равняются цѣною.... 112 грам. чист. сер. граммы чист. сер.

Обработка безъ ртути. Килограммъ серебра, если принять за среднее содержание руды 0,0020, бра представляеть 500 килограммовъ руды. Одинъ monton руды въ 2000 мехиканскихъ фунтовъ (= 919, 52 кил.) стоитъ обработки по среднему вычисленію въ 14 піастровъ; такъ какъ піастръ содержитъ 24, 421 гр., чист. сер., то издержки обработки monton' а руды составятъ.. 342 грам. чист. сер.

(Этотъ расходъ распредѣляется какъ слѣдуетъ: Наемъ мастерской	5 на 100 17 гр. 10	}	454.
Положенного жалованья. 6 — — 20	52		
<i>Разбиваніе и толченіе</i>			
руды	50 — — 171		
<i>Промываніе и другія</i>			
работы, которыхъ требуетъ			
размельченная руда	21 — — 71 82		
<i>Разные припасы, кроме</i>			
ртути	18 — — 61 56		
	<hr/> 100 342		
<i>Плавка и проба до превращенія въ монету.</i>	10	}	35.
<i>Провозъ и погрузка на корабль</i>	25		
<i>Пошлины: отвозная</i>	35		
при ввозѣ въ портъ	20		
за передѣлъ въ монету	45		
со слитка	45		
	<hr/> 634.		
	634 грам. чист. сереб.		
<i>Затѣмъ остается собственно на извлеченіе руды и на всѣ барышни.</i>	266		
	<hr/> 1000		

Примѣчаніе 7-е, къ §78-му стр. 170.

Фунтъ стерлинговъ въ Англіи при Эдуардѣ 1-мъ содержитъ фунтъ серебра (*poids de la tour*) определенной пробы. (*A. Smith, Richesses des Nations. L. I. ch. IV.*) Пфеннигъ вѣсилъ $\frac{1}{20}$ унціи, которыхъ приходилось 12 на фунтъ, или $\frac{1}{240}$

фунта. Нынѣ фунтъ стерлингъ означасть золотую монету содержащую $\frac{7979}{1000}$ граммовъ золота въ $2\frac{1}{2}$. Его цѣнность къ цѣнности старого фунта относится какъ 23 къ 68 (около). — Французская монета ливръ долго была и еще по нынѣ остается синонимомъ франка; при Карлѣ Великомъ, она содержала тройской фунтъ серебра опредѣленной пробы. Онъ дѣлился на 20 су (sols); каждый су на 12 динаріевъ (*Garnier trad. de A Smith N. III*). Нынѣ ливръ, или франкъ, содержитъ только 5 граммовъ серебра, а су $\frac{1}{4}$ грамма. — Въ нашемъ отечествѣ, до нашествія Татаръ, кромѣ слитковъ, собственно россійскихъ монетъ не существовало. Ходили пенязи (*pfennig*), корабленники (*schiffsnobles*), португальскіе, лукаты, гроши (*grossen*), фердинги, талеры, ефимки. — Немногія золотыя и серебряныя монеты съ изображеніемъ Владимира Святаго и Ярослава Владиміровича, найденные въ Кіевѣ, по всей вѣроятности не были биты въ Россіи, а высланы въ подарокъ симъ великимъ князьямъ изъ Греціи. Первые монеты чеканены при Монголахъ, и самое слово *деньги* произошло отъ татарского *tenga* (по персидски *dang*, по арабски *daneс*). Образъ и форма этихъ монетъ, авъ позднѣйшее время и копѣекъ, продолговатый и неправильный; однако нѣкоторыя встрѣчаются круглыя, особенно древнѣйшія и наппаче изъ монетъ удѣльныхъ князей. Сначала деньги были съ клеймомъ татарскимъ, и не отличались отъ денегъ этого народа. *Карамзинъ* (Т. V пр. 118) полагаетъ, что 8—9 татарскихъ денегъ вѣсили одинъ золотникъ, и что первые русскія деньги биты при Димитріи Донскомъ въ 1389 г. Судя по сохранившимся, законный вѣсь ихъ былъ въ 23 доли; ихъ причиталось 100 на рубль, а рублей было 4 въ гривнѣ или фунтѣ. — Сначала деньги были вездѣ одинакія; но въ началѣ XV-го столѣтія, при В. К. Васильѣ Дмитревичѣ, вѣсь московскихъ денегъ, или московокъ, уменьшены вдвое, такъ, что ихъ причиталось 200 на рубль, который по прежнему выражалъ $\frac{1}{4}$ гривны или фунта; новгородскія деньги еще сохраняли тогда свой прежній вѣсь въ 23 доли. При Ioаниѣ IV, новгородки названы *копѣйками*; московкамъ исключительно сохранено название *деньги*. Это отношеніе между рублемъ, копѣйкою и деньгою какъ $\frac{1}{100}$ и $\frac{1}{200}$ неизмѣнилось по нынѣ. Со времени слитковъ рубль былъ монетою счетною, численою; во Царь Алексей Михайловичъ въ 1657 г. приказалъ чеканить рубли серебряные цѣною нарицательною вдвое выше внутренней. По тому-же указу, выбивали новыя клейма на иностранныхъ ефимкахъ для возвышенія ихъ цѣны отъ 50 копѣекъ или $\frac{1}{2}$ рубля до 21-го алтына и 2 денегъ (64 копѣйки). Ефимки сіи разрѣзывали пополамъ, чтобы имѣть полтины, и на-четверо для четвертаковъ, и на отрѣз-

кахъ выбивали русскія клейма (Бар. Шодуаръ. О русскихъ деньгахъ т. 1). Изъ того-же сочиненія заимствуемъ слѣдующія свѣденія о перемѣнахъ, послѣдовавшихъ въ вѣсѣ настоящей монеты рубль:

	На фунтъ приходилось монеты:	Цѣнавъ р.сер. по настояще- му курсу:
Съ 1389 по 1460—100 денегъ, въ 23 доли серебра вѣсомъ каждая, составляли 1 рубль, содержащій слѣд. 23 зол. 92 доли.	4 р.	4 ⁴² / ₄₇
Съ 1462 по 1505—200 московокъ въ 9 долей каждая, или 100 новгородокъ, или копѣекъ, въ 18 долей каждая—составляли рубль вѣсомъ въ 18 зол. 72 доли . . .	5 р. 12 к.	3 ³⁹ / ₄₇
Съ 1530 по 1580—100 коп. въ 17 долей ^{47/67} составляли рубль вѣсомъ въ 18 зол. 32 доли	5 р. 20 к.	3 ³⁵ / ₄₇
Съ 1584 по 1606—100 коп. въ 15 долей ^{108/300} каждая составляли рубль вѣсомъ въ 16 золотн.	6 р.	3 ¹¹³ / ₂₃₅
Съ 1613 по 1640—на рубль приходилось 100 коп. въ 14 ¹ / ₂ долей или 15 зол. 10 дол.	6 р. 30 ¹ / ₂	3 ⁴ / ₄₇
Въ 1645—100 коп. въ 10 ¹ / ₂ дол. или 103 зол. 90 долей.	8 р. 77 к.	2 ¹¹ / ₄₇
Съ 1676 по 1690—100 коп. въ 10 долей или 10 зол. 40 долей.	9 р. 21 ¹ / ₂ к.	2 ⁶ / ₄₇
Съ 1696 по 1697—100 коп. въ 9 дол. или 9 зол. 36 долей—	10 р. 24 к.	1 ⁴³ / ₄₇
Въ 1699—100 коп. въ 6 ¹ / ₂ дол. или 6 зол. 74 доли.	14 р. 18 к.	1 ¹⁸ / ₄₇
Съ 1704 по 1762 безпрестанный перемѣны въ вѣсѣ рублей, которые изъ счетной монеты превращаются въ настоящую: ихъ бывутъ по 14 руб. 40 коп. на фунтъ, то по 7 р. 23 к., то по 15 р., то наконецъ по 16 руб.		
Съ 1764 по 1796—вѣсъ рублю данъ въ 4 зол. 99 доли	17 р. 25 ⁴⁰ / ₉₆ к.	1 ¹⁰ / ₄₇
Съ 1798 по нынѣ вѣсъ данъ въ 4 золот. 86 дол. (содержащихъ чистаго серебра 4 зол. 21 долю).	19 р. 75 ²⁵ / ₈₁	1

И такъ настоящій рубль серебряный относится по вѣсу къ рублю временъ Димитрія Донскаго какъ 1: 4²/₄₇; къ рублю XVI столѣтія какъ 1: 3 ¹/₄₇; къ рублю XVII столѣтія какъ 1: 3¹³/₂₃₅; къ рублю начала XVIII столѣтія какъ 1: 3¹/₄₇; середины XVIII столѣтія какъ 1: 2¹/₄₇; конца XVIII столѣтія какъ 1: 1⁴³/₄₇ и какъ 1: 1¹⁰/₄₇.—Деньга Димитрія Донскаго стоила бы нынѣ болѣе пяти копѣекъ серебромъ, а копѣйка Іоанна IV около 2¹/₂ копѣекъ серебромъ.—Что-же касается до монетъ золотыхъ, то ихъ мало чеканили до Петра В., и то для раздачи только въ награду въ качествѣ медалей. При

Петръ В. биты первые россійскіе червонцы 93-й пробы въ-
сомъ въ $78\frac{1}{4}$ долей, или 118 на фунтъ, цѣною въ 2 р. 25 к.
серебромъ. Имперіалы и полуимперіалы начали бить съ 1755
г. по $24\frac{26}{27}$ на фунтъ золота, 88-й пробы и цѣною въ 10 и
5 руб. серебромъ.—Отношеніе между золотомъ и серебромъ
въ монетѣ никогда непостановлялась у настъ закономъ, а все-
гда опредѣлялось по курсу.

Примѣчаніе 8-е, къ § 81-му стр. 196.

Первыхъ ассигнацій выпущено на 40.000.000 руб. серебромъ въ 1768 при началѣ войны съ Турцией. До 1786 года онъ обращались почти вровень съ серебромъ. Въ 1786 году основанъ Заемный Банкъ для ссуженія суммами помѣщиковъ, подъ залогъ имѣній, и на сей предметъ выпущено ассигнацій на 60.000.000 руб. серебромъ. Войны съ Турцией, Швеціей Польшей и Персіей потребовали новыхъ выпусковъ, и въ 1796 году масса ассигнацій уже простиралась, по цѣнѣ нарицательной, до 157 милл. руб. серебромъ, и курсъ ихъ тогда не превышалъ 70%, коп. на рубль монетою. Въ 1800 году, количество ассигнацій увеличено до 212 милл., а курсъ упалъ до 65½ коп. Выпускъ мелкихъ ассигнацій въ 10 и 5 рублей не мало способствовалъ этому пониженію. Войны 1805 и 1809 годовъ принудили къ продолженію выпускъ: въ 1810 году масса ассигнацій простиралась до 577 милл. руб.; а курсъ понизился до 33½ коп. Сравненіе нарицательной цѣнѣ ассигнацій съ мѣдною монетой не поддержало ихъ курса, а только причинило огромные убытки казнѣ, потому что мѣдь въ слиткахъ стоила дороже законной оцѣнки его на ассигнаціи. Въ концѣ 1810 года, курсъ ассигнацій еще упалъ до 25 коп. на монету. Количество ихъ умножено до 595.776.310 руб. и съ тѣхъ поръ до 1839 года невозрастало. Съ 1814 года ассигнаціонный рубль, вчетверо упавшій въ цѣнѣ ниже номинального достоинства, былъ принятъ за численную монету, и употреблялся какъ таковый до 1840 года. Слѣдующая таблица дастъ понятіе о сравнительномъ курсѣ серебра и ассигнацій, и о тѣхъ убыткахъ, которые понесены были казною отъ размѣна вровень по нарицательной цѣнѣ ассигнацій на мѣдную монету. Она составлена по свѣденіямъ, заимствованнымъ изъ Шторха (*ibid. T. IV.*)

Курсъ рублю ассигнациями на рубль мо- нетою.	Рыночная цѣя пу- ду мѣди въ шты- кахъ.		Внутренняя цѣ- ность р. мѣдью (по 16 р. на пудъ).		Потеря отъ ряднаго размѣна мѣдной монеты.	
	На моне- ту.	На ассиг- націи.	Моне- тою.	Ассигна- ціями.	На сере- бро.	На ассиг- націи.
1801	66 ¹ / ₄ к.	13р. 92	21р.	87 к.	—	на 0%
1802	71 ² / ₅	16—80	24—	1р. 05	4 ³ / ₄	47 ¹ / ₁₇
1803	80	18—40	23—	1—15	13 ¹ / ₂₀	43 ³ / ₄
1804	79 ¹ / ₃	17—63	22—79	1—10 ¹ / ₄	10 ¹ / ₄	28 ¹ / ₂₇
1805	77	17—13	22—50	1—06 ⁷ / ₈	6 ⁷ / ₈	27 ⁹ / ₂₀
1806	73	16—06	22—60	1—00 ³ / ₈	2/ ₅	37 ¹ / ₂
1807	67 ¹ / ₂	14—68 ¹ / ₂	22—30	90 ³ / ₄	—	35 ²³ / ₂₆
1808	53 ³ / ₄	12—09 ¹ / ₂	23—38	75 ³ / ₅	—	40 ¹³ / ₇₀
1809	44 ² / ₃	10—65	22—0	68 ³ / ₄	—	28 ⁸² / ₁₀₀
1810	33 ¹ / ₃	13—33 ¹ / ₃	40—60	83 ¹ / ₃	—	150
				съ 1810 бито 24 рубля изъ пуда.		
1811	26 ² / ₅	9—30 ¹ / ₂	— —	38 ⁴ / ₅	—	52 ³ / ₄
1812	26 ² / ₅	9—	— —	37 ⁶ / ₁₁	—	42 ¹ / ₉
1813	25 ¹ / ₅	7—60	— —	31 ² / ₃	—	25 ⁵ / ₇
1814	25 ¹ / ₅	8—10	— —	33 ³ / ₄	—	33 ⁷ / ₈

Примѣчаніе 9-е, § къ 89-му стр. 278.

Къ роду учетныхъ заемныхъ банковъ, въ Россіи должно
причислить учрежденные въ С. Петербургѣ государственный
Коммерческий Банкъ, и кромѣ того нѣкоторыя полу-частныя
полу-казенные заведенія, известныя подъ названіемъ обще-
ственныхъ городскихъ банковъ. Имѣя въ виду распростране-
ніе подобныхъ учрежденій, Императрица Екатерина II, еще
въ 1785 году, въ своемъ городовомъ положеніи предоставила,
или лучше сказать предложила, городскимъ обществамъ им-
періи: изъ остающихся отъ городового расхода денегъ заве-
сти банки на общихъ государственныхъ постановленіяхъ.
Вслѣдствіе этого приглашенія возникъ только одинъ собствен-
но городской общественный банкъ въ губернскомъ городѣ
Вологдѣ. Въ 1841 году капиталъ этого банка составлялъ
100.000 руб. сер. Впослѣдствіи, и не ранѣе 1809 года, нача-
ли возникать городскіе банки, но на положеніи нѣсколько
отличномъ отъ вологодскаго. Изъ нихъ старѣйшій банкъ АН-
филатова въ городѣ Слободскомъ вятской губерніи основанъ
въ 1809 году: въ 1841 его капиталъ состоялъ пзъ 56.167
руб. сер. За нимъ слѣдуютъ по порядку времени:

основанъ имп. капита-
ла въ 1841 г.

Банкъ Савина въ г. Осташковѣ твер-
ской губерніи. 1818. 102,389 р. с.
— Сиропитательного дома Елиза-

веты Медведниковой въ Иркут- скѣ.	1836.	66,421 р. с.
— Нопова въ Верхотурье перм- ской губ. (первоначальный ка- питалъ 50,000 р. с.).	1836.	неизвѣстно:
— Жукова въ Порховѣ псковской губерніи.	1843.	10,000 р. с.
— Общественный Сибирскій въ Томскѣ.	1843.	85,715 р. с.

Цѣль и дѣйствія всѣхъ этихъ банковъ не суть чисто комер-
ческія, по также и благотворительныя. Они не только дискон-
тируютъ векселя, но еще оказываютъ помощь малодостаточ-
нымъ; доходы, или по крайней мѣрѣ часть доходовъ, обра-
щаются на благотворительныя дѣла.—Можно упомянуть
еще о банкахъ собственно для крестьянъ. Важнѣйшіе суще-
ствуютъ въ остзейскихъ губерніяхъ. Самый старинный
учрежденіе на островѣ Эзелѣ въ 1793 году. Въ 1835 году, по
его примѣру, дозволено учредить во всѣхъ трехъ губерніяхъ
подобныя же установленія подъ названіемъ: *вспомогатель-
ныхъ крестьянскихъ Банковъ*. Къ сему роду учрежденій
принадлежитъ: 1) банкъ *Ларинскій* основанный въ селѣ Лю-
бучахъ рязанской губерніи въ 1817 г.; 2) *Мірскій Грузин-
скій* банкъ, основанный графомъ *Аракчеевымъ* въ 1834 году
въ селѣ Грузино новгородской губерніи. Крестьянскіе бан-
ки весьма полезны для поддержанія хозяйства крестьянъ и
для ихъ предохраненія отъ жадности сельскихъ ростовщи-
ковъ. (См. *Жур. мин. внутреннихъ дѣлъ 1843 г.*)

Примѣчаніе 10-е, къ § 89-му стр. 282.

Кромѣ государственного Заемнаго Банка въ Россіи
имѣются нѣкоторыя другія учрежденія, которыхъ цѣль вод-
вореніе поземельнаго кредита. Назовемъ изъ нихъ слѣ-
дующія:

1) *Ссудныя Казны Опекунскихъ Совѣтовъ*, ссужающія по-
мѣщикамъ суммы подъ залогъ недвижимыхъ имѣній.

2) *Общественные Дворянскіе банки*. Устроены въ трехъ
остзейскихъ губерніяхъ, при такъ называемыхъ дворян-
скихъ кредитныхъ обществахъ (*Credit-vereine*), съ 1802 года
установленныхъ по примѣру Пруссіи (См. о сихъ обще-
ствахъ подробную статью въ *Жур. мин. внутр. дѣлъ Іюнь 1845*). Во всей остальной имперіи находится еще одно толь-
ко подобное учрежденіе, устроенное нижегородскимъ дво-
рянствомъ въ 1837 году подъ названіемъ *Александровскаго*
губернскаго дворянскаго банка въ Нижнемъ - Новгородѣ,
впрочемъ нестолько для содѣйствія кредиту дворянскаго со-
словія, сколько для особой благотворительной цѣли. Право

пользоваться изъ него ссудами предоставлено только дворянамъ нижегородской губерніи подъ залогъ недвижимыхъ имѣній.

3) *Гипотечныя книги*. Это учрежденіе принадлежитъ собственно западнымъ губерніямъ имперіи. Оно состоитъ въ точномъ и законномъ приведеніи въ извѣстность состава имѣнія отданного подъ залогъ, такъ чтобы въ случаѣ крайности, не подвергать его цѣлкомъ секвестру, но только ту часть, которая соотвѣтствуетъ стоимости займа. Подробное описание состава и значенія гипотечныхъ книгъ можно прочесть въ *Жур. мин. внутрен. дѣлъ, апрель 1843 г.* — «Особенная, собственно и существенно принадлежащая гипотечнымъ книгамъ польза, гов. авторъ статьи, есть польза экономическая или то исполненіе благотворныхъ слѣдствій вліяніе, которое учрежденіе ихъ можетъ имѣть на развитіе общественнаго довѣрія, а потому и на возвышение народнаго богатства. При отсутствіи гипотечныхъ книгъ, залогъ недвижимаго имущества, какой бы долгъ имѣлъ ни обезпечивался, хотя бы гораздо меньшей стоимости этого имущества влечетъ, за собою общее запрещеніе, которому подпадаетъ все заложенное имущество. Чтобы уравнить по возможности стоимость залога съ общественнымъ долгомъ, надо дробить имущество и закладывать по частямъ: что во многихъ случаяхъ не возможно, напр. при домахъ; а если гдѣ и возможно, наприм. при заселенныхъ имѣніяхъ, то неминуемо должно сопровождаться пониженіемъ стоимости для части. . . . Залогодателямъ полный просторъ къ извлечению всѣхъ возможныхъ выгодъ изъ своей собственности даютъ только правильно организированныя гипотечныя книги, которымъ въ основаніе должны, разумѣется, полагаться точные и обстоятельныя инвентары имѣній. . . . Такъ въ гипотечной книге стоимость имѣнія, приведенная въ самую точную и положительную извѣстность, неубивается вдругъ однимъ ударомъ; но какъ живой капиталъ движется свободно и безпрепятственно въ пользу своего владѣльца, до тѣхъ поръ пока не истощится дѣйствительно.» — «Нельзя не упомянуть здѣсь, продолжаетъ авторъ и о томъ нравственномъ вліяніи, которое это учрежденіе должно имѣть на владѣльцевъ въ пользу ихъ собственного хозяйства. Страсть дѣлать долги часто вовсе ненужные, бесполезные и даже положительно раззорительные, единственно для удовлетворенія прихотей роскоши или по несчастному расположению къ мотовству, весьма свойственно тѣмъ у кого есть что заложить. У многихъ оно сопровождается неумышленнымъ или даже невинно-умышленнымъ ослѣпленіемъ на счетъ своихъ способовъ и дѣлъ. Безразсудному, безрасчетливому хозяину его имѣніе кажется неистощимымъ. . . .

Собственный обманъ владѣлецъ успѣваетъ внушить простакамъ или спекулянтамъ, которые вирочемъ не имѣютъ и средствъ подвергнуть контролю хвастливость мнимаго бoga; и долги копятся да копятся, пока наконецъ съ ударами аукціоннаго молотка не настанетъ минута горькаго пробужденія для легковѣрныхъ займодавцевъ и для находившагося въ сладостномъ самообольщениі должника. Но гипотечная книга есть самое вѣрное нелестное зеркало, куда стоитъ только чаще заглядывать. Это истинная книга познанія самого себя, которая еслибы существовала въ благоразумной древности, то навѣрное удостоилась бы чести быть написанною золотыми буквами, какъ извѣстное знаменитое изрѣченіе дельфійскаго оракула».

Примѣчаніе 11-е, къ § 102-му стр. 369.

Изъ свѣденій собранныхъ въ майской книжкѣ *Журнала мин. внутр. дѣлъ 1844 года*, видно, что въ 1843 году числовозрительныхъ градобитій простидалось въ Россіи до 326; убытокъ, ими причиненный, постигъ 209,835 десятинъ и оцѣнивается въ 1,919,789 руб. сер. Тамъ же: что пожаровъ въ 1842 году было 6410; отъ нихъ сгорѣло 30,427 хозяйствъ; убытку понесено на 9,428,465 руб. сер.; народу погибло 409 человѣкъ. Въ 1843 году пожаровъ было 5813; сгорѣло отдельныхъ хозяйствъ 22,584; убытку понесено на 6,303,354 руб. сер.; народу погибло 422 человѣка.—Ежемѣсячно въ этомъ журналѣ публикуются свѣденія о несчастныхъ случаяхъ всякого рода, можетъ быть малозамѣтныхъ для жителей, посреди которыхъ совершаются, но въ совокупности образующихъ самую плачевную вѣдомость.

Примѣчаніе 12-е, къ § 107-му стр. 411.

«Въ 1750 году во всемъ графствѣ ланкастерскомъ считалось неболѣе 300,000 душъ. Около этого времени, тамъ начали примѣнять въ большомъ видѣ механическіе способы; съ той-же поры, тамъ возникаютъ большія мануфактуры, размножаются, и пятдесятъ лѣтъ спустя въ 1801 году населенность уже превышаетъ 672,000 душъ, а тридцать пять позже, въ 1831, она уже простирается свыше 1,336,000 душъ; машины породили занятія и занятія, прибыльныя, для населения впятеро значительнѣе первоначальнаго: можно ли упрекать ихъ въ подавленіи труда? . . . Но приведемъ еще фактъ. Всѣ хлопчатобумажныя мануфактуры въ совокупности, въ 1760 году, занимали въ Великобританіи не болѣе 40,000 человѣкъ. Около того времени были изобрѣтены и быстро улучшились машины, примѣненные къ этой вѣтви

мануфактуръ; и хотя во многихъ случаяхъ онъ во сто разъ усиливаютъ производительность рукъ человѣческихъ, но порождаютъ столько вспомогательныхъ операций, требуютъ занятія такого множества работниковъ, безпрестанно возрастающаго, что хлопчатобумажное дѣло окончательно занимаетъ пынѣ, вместо 40,000 человѣкъ, 1,500,090 т.е. въ 37 разъ болѣе, нежели занимало до введенія машинъ. Факты эти неоспоримы и не трудно привести множество другихъ подобныхъ не менѣе поразительныхъ». . . (См. *Journal des Economistes* T. I, p. 20 Paris chez *Guillaumin*. Art. *De la concurrence par Ch. Dunoyer*.

Примѣчаніе 15-е, къ § 107-му стр. 415.

«Самого простого наблюденія довольно, чтобы убѣдиться что промыслы наиболѣе обуреваемые кризисами, суть именно тѣ, которые наиболѣе охраняются; они-же отличаются задѣльною платой самою слабою. Положеніе работниковъ всего менѣе представляется обезпеченіемъ въ Реймсѣ, въ Мюльгаузенѣ, Сен-Кантенѣ, такъ точно какъ въ Манчестерѣ, Лидсѣ, Спитальфильдѣ. Тамъ колебанія (perturbations), почти періодическія, всего живѣе подтверждаютъ превратность предохранительныхъ мѣръ, или, лучше сказать, ихъ пагубное вліяніе на мануфактурную промышленность. *Blanqui: Des dangers du systѣme prohibitif. M moire lu   l' Academie des Sciences morales et politiques en 1842 V. les Comptes rendus de cette Academie 1842.*

Примѣчаніе 14-е, къ § 110-му стр. 455.

Porter, въ своемъ сочиненіи *Progress of Great Britain* замѣчаетъ, что фабриканть *Thomas Ashton* большую выголу нашелъ для себя улучшить положеніе работниковъ въ своихъ мастерскихъ въ *Нуде*: «Все что я издержалъ, говор. *Ashton*, на улучшеніе помѣщенія моихъ работниковъ, возвратилось мнѣ съ лихвою. Чувствуя себя здоровѣй, бодрѣе, сильнѣе, они работали съ большимъ рвениемъ и болѣе производили.» — Какъ о примѣрномъ заведеніи въ отношеніи содержанія рабочихъ и внутренняго благоустройства можно упомянуть о табачной фабрикѣ *B. Г. Жукова*, нынѣ *С. Петербургскаго городскаго главы*. Подробное описание этого отличнаго заведенія столь достойнаго подражаній, можно прочесть въ генварской книжкѣ *Журнала Мануфактуръ и Торговли* 1840. Безсомнѣнныя важной частью своихъ успѣховъ, *Г. Жуковъ* (какъ и самъ онъ въ томъ первый сознается) обязанъ тому усердію и тому согласію интересовъ, которыя умѣль возбудить и поддерживать между собой и своими работниками.

Примѣчаніе 15-е, къ § 112-му стр. 479.

Въ статьѣ: *о состояніи рабочихъ въ Россіи*, помѣщенной въ Журналѣ Мануфактуръ и Торговли 1837 году (NN XI и XII) находимъ слѣдующія подробности: «Рабочіе раздѣляются на три разряда: 1) крѣпостные, занятые въ заведеніяхъ принадлежащихъ владѣльцамъ; 2) рабочіе посессіонныхъ фабрикъ (приписные) и 3) вольнонаемные.»—Касательно первого разряда, авторъ статьи замѣчаетъ: «что нынѣ почти вездѣ уничтожена возможность подвергать людей исполненію какого бы то ни было мануфактурного дѣла по одному праву владѣнія ими; благодаря Бога, владѣльцы сами оставляютъ эту систему, обоюдо невыгодную и постановляютъ плату болѣе или менѣе высокую за труды всякаго рода» . . . Касательно 2-го разряда: «Рабочія фабрики посессіонныя находятся большою частью въ ложномъ положеніи не только относительно хозяевъ заведеній, но и относительно всѣхъ другихъ рабочихъ. Конечно почти невозможно требовать отъ хозяина чтобы онъ прилагалъ особенную заботливость, о младыхъ, хотя и принадлежащихъ ему, но болѣе или менѣе ему чуждыхъ, потому-что онъ владѣетъ ими, только до тѣхъ поръ пока управляетъ фабрикою, къ которой они приписаны.» Касательно 3-го разряда: «рабочіе вольнонаемные составляютъ самый многочисленный изъ трехъ классовъ. Иногда они люди принадлежащіе помѣщикамъ, иногда крестьяне казенные или городскіе мѣщане, иосѣщающіе мастерскія большихъ фабрикъ. За исключениемъ малаго числа послѣднихъ, которыхъ въ Москвѣ неболѣе 4 или 5-ти тысячъ обоего пола, всѣ остальные занимаются на фабрикахъ, сколько позволяютъ имъ это деревенскія ихъ нужды. И точно, большія мануфактуры дѣлаются у насъ безлюдными въ апрѣль и маѣ, а послѣ въ юни и августѣ, ибо въ эти мѣсяцы работники расходятся по деревнямъ» . . . —«Плата, хотя несравненно меньшая у насъ нежели въ чужихъ краяхъ весьма и слишкомъ достаточна для нашихъ рабочихъ. Кому же часто итогъ восходитъ до весьма значительной суммы, такъ напр. хороший ткачъ шелковыхъ матерій получаетъ въ Москвѣ по 3, 4 и болѣе рублей асигнаціями въ день. Порядочный прядильщикъ до 40 и 45 руб. асс. въ мѣсяцъ. Печатнику или набойщику даются отъ 400 до 500 руб. ас. въ годъ. Красильщикъ или бѣлизельщикъ зарабатываетъ среднимъ числомъ отъ 20 до 25 руб. асс. въ мѣсяцъ. Дѣтямъ и женщинымъ платятъ то въ положенные сроки, то поурочно: многіе пріобрѣтаютъ по 150, 200 и 250 руб. асс. въ годъ. Платежъ заработный, т. е. по качеству и по количеству работы, теперь выдается повсемѣстно на фабрикахъ къ выгодѣ хозяевъ и въ настоящее поощреніе рабочимъ.

Примѣчаніе 16-е, къ § 115-му стр. 505.

С. Петербургская Сберегательная Касса открыта при Сохранной казнѣ Воспитательного дома 1 марта 1842 года, на основаніи указа 30 октября 1841. Она принимаетъ отъ вкладчиковъ суммы отъ 50 копѣекъ до 10 рублей серебромъ; количество всего капитала вносимаго однимъ лицемъ можетъ простираться до 300 руб. сер. Учрежденіе это имѣло быстро и постоянно возрастающей успѣхъ. Къ 1 январю 1844 года состояло въ обращеніи сберегательной кассы 79.936 руб. сер. по 3434 книжкамъ, а съ причисленіемъ процен-това 81.503 руб. сер. (См. Журналъ Мануфактуръ и Торговли, январь 1845 года). — По случаю этого учрежденія въ Россіи, издано было о немъ народное сочиненіе: *Разговоръ о сберегательной кассѣ Алексея Никифоровича съ Егоромъ Прохоровичемъ. М. въ тип. Селивановскаго 1843.* Въ простыхъ, но вразумительныхъ рѣчахъ, въ немъ изложены свойства этого установлѣнія. Слѣдующая выдержка дасть полное понятіе о пользѣ примѣненія сберегательныхъ кассъ къ быту русскаго народа: «Особенно трудно мастеровому человѣку накопить много денегъ; лишь завелся четвертакъ, полтинникъ, глядишь пришелъ пріятель, нужно угостить; идутъ въ трактиръ, подай того, другаго, анъ и прощай полтинникъ; а тамъ какіе нибудь дурацкіе могорычи, спрыски, безъ которыхъ всегда можно обойтись, если нѣтъ наличныхъ денегъ, а колѣ онѣ есть, то русскій человѣкъ радъ поставить ребромъ послѣднюю полушку. На другой день нужно опять въ трактиръ опохмѣлиться, чтобы голова не болѣла. Вотъ для такихъ-то людей и необходима Сберегательная Касса, въ ней девушки-то не только всегда цѣлы, но и растутъ по немногу и при нуждѣ пригодятся. По моему мнѣнію, какъ скоро накопилось въ мошнѣ копѣекъ пятьдесятъ серебромъ, или по болѣе, тащи ихъ скорѣе съ глазъ долой, въ Сберегательную Кассу. Нѣтъ лишнихъ денегъ въ рукахъ, нѣтъ лишнихъ и затѣй. Сберегательная-то Касса всего болѣе пользы можетъ принести мастеровымъ и ремесленикамъ. Потому что мелкіе торговцы, торговки, мѣщане, слуги и служанки все народъ смышленный, который никогда не будетъ въ накладѣ, вездѣ найдетъ свою пользу. Объ мастеровыхъ этого сказать нельзя (*). Они слишкомъ много о

(*) Это замѣчено и по отчетамъ сберегательныхъ кассъ во Франціи, гдѣ,—не смотря на то, что мастеровыхъ и рабочихъ гораздо болѣе нежели служителей,—число вкладчиковъ, равно какъ общая сумма и средняя величина вкладовъ оказываются съ обѣихъ сторонъ почти одинакими. Но въ послѣднее время старанія фабрикантовъ и заводчиковъ распространять между рабочими довѣріе къ сберега-

себѣ думаютъ, слишкомъ много надѣются на свои силы и способности, почти всѣ они твердятъ одно и тоже: «я слава Богу, здоровъ; я первый мастеръ; я всегда добуду себѣ кусокъ хлѣба: къ чему мнѣ копить деньги?» и потому всячески проматываютъ, что успѣли заработать. Когда же случится какое нибудь непредвидѣнное обстоятельство, посѣтить Господь болѣзню его самаго, или его жену, или дѣтей, вотъ тогда и спохватится, да ужъ поздно. А сколько такихъ непредвидѣнныхъ случаевъ? Ну, сохрани Богъ, самъ умретъ, что будетъ съ его женой, дѣтьми?»

Примѣчаніе 17-е, къ § 122-му стр. 582.

Въ мысляхъ касательно урожаевъ, мы сошлись съ Г. Протопоповымъ, сочинителемъ небольшой, но исполненной правильныхъ идей статьи: *О жалобахъ на обильные урожаи* (См. Журналъ Мин. Государственныхъ Имуществъ. Мая 1844 г.) Просвѣщенный авторъ, доказавъ что урожай отмѣнно благопріятны низшимъ и среднимъ сословіямъ, выражается между прочимъ какъ слѣдуетъ: «Пусть владѣльцы земли живутъ среднимъ доходомъ отъ нея, а не соразмѣряютъ расходы съ ежегоднымъ измѣненіемъ дохода, и тогда они не будутъ чувствовать разоренія въ изобильные годы: живя въ теченіи дешевыхъ годовъ остаткомъ денегъ отъ старыхъ доходовъ, не только небудутъ бѣдствовать въ тяжкіе годы неурожаевъ, но имѣя запасы непроданного хлѣба въ изобильные годы, еще получать выгоды отъ продажи хлѣба.» (стр. 195). — Здравый взглядъ на положеніе торговли хлѣбомъ въ Россіи представленъ въ статьѣ Г. Веселовской: *о цѣнахъ на хлѣбъ въ Россіи* (см. Журн. Мин. Госуд. Имущество. Апрѣль 1845 г.)

Примѣчаніе 18-е къ § 125-му стр. 607.

Въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (Апрѣль 1843 г.) находимъ слѣдующія мысли, подтверждающія наше замѣчаніе о неправильности безусловной оцѣнки населенныхъ имѣній по числу душъ: «число душъ,» сказано тамъ, «доселѣ принимается единственнымъ основаніемъ мѣры обеспеченія представляемаго помѣстемъ при ессудахъ подъ залогъ изъ общественныхъ кредитныхъ установленій. Правда, сверхъ того еще принимается во вниманіе количество земли, и потому населенные имѣнія раздѣляются на малозе-

тельнымъ кассамъ начинаютъ оказывать свое дѣйствіе. Желательно, чтобы и наши Гг. фабриканты послѣдовали этому примѣру, разумѣется, безъ всякаго стѣсненія для рабочихъ.

мелъные и многоземельные, которымъ, сообразно съ тѣмъ, допускается большая или меньшая стоимость на душу при взятіи ихъ въ обезпечительный залогъ. Но и эта мѣра, при непомѣрной обширности имперіи и происходящемъ отсюда крайнемъ разнообразіи дѣйствительной стоимости земли, не можетъ быть вполнѣ достаточною ни даже для сообщенія твердой благонадежности залогу, въ отношеніи къ его принимающимъ, ни тѣмъ болѣе для доставленія всѣхъ возможныхъ выгодъ залогодателямъ. Нетолько въ цѣломъ ряду губерній и областей причисленныхъ къ одному разряду въ отношеніи кредитно-экономическому, но и въ одной губерніи въ разныхъ уѣздахъ, и даже въ одномъ и томъ же уѣздѣ, нерѣдко встрѣчаются земли весьма разнаго достоинства по качеству и производимости, а потому имѣющія и цѣнность весьма различную. А хозяйственное устройство каждого имущества, въ особенности у насть, гдѣ въ этомъ отношеніи крайности самыя противоположныя такъ часто соприкасаются, не производить ли безконечнаго разнообразія въ стоимости имѣній при однѣхъ и тѣхъ-же нетолько мѣстныхъ но и количественныхъ условіяхъ? Какъ часто въ благоустроенномъ помѣстии душа съ 2 десятинами земли даетъ дохода, слѣдовательно и стоитъ, вдвое болѣе, чѣмъ съ 4 десятинами въ сосѣднемъ запущенномъ и разстроеннемъ помѣстии.» (стр. 103—104).

Примѣчаніе 19-е, къ § 123-му стр. 611.

Какъ трудъ, какъ средство расплатиться съ долгомъ, на немъ лежащимъ (каково бы ни было основаніе или причина этого долга), барщина не содержитъ ничего притѣснительнаго для крестьянинна. Она можетъ удержаться даже въ состояніи свободномъ, и мы видимъ, что въ остзейскихъ губерніяхъ, гдѣ крѣпостное право уничтожено, доселѣ еще поселяне отбываются свои откупа, или мызы, работою. Однако, судя по совѣщаніямъ происходившимъ въ 1845 году въ лифляндскомъ экономическомъ обществѣ, барщинное отправлѣніе повинностей освобожденными крестьянами въ остзейскихъ губерніяхъ представляетъ мало выгодъ, всравненіи съ аренднымъ. Между прочимъ Г. Бандау изъ Сиггунда выскажалъ убѣжденіе, что «барщина послѣ личнаго освобожденія крестьянъ должна считаться только переходомъ къ лучшему способу доставленія рабочихъ силъ землѣ. Общество и хозяева должны по этому обращать постоянное вниманіе на разные способы вознагражденія работниковъ. Къ рабочимъ классамъ въ Лифляндіи, кромѣ кнѣхтовъ, которые содержатся на счетъ мызы, принадлежать еще гейслеры (*Hausler*), которымъдается жилье, огородная земля и нѣ-

сколько корма для скота; сверхъ того, такіе гейслеры, которыемъ дается еще въ добавокъ нѣсколько пахатной земли, которая однако считается въ поденной платѣ за работы, въ деньгахъ; и наконецъ семейства кнѣхтовъ надѣленныя только землею. Слѣдовательно остается еще сдѣлать опытъ издѣльного хозяйства, т. е. такого, въ которомъ работники платятъ за все получаемое отъ мызы, даже за жилье и отопление.» (стр. 91, 97 и 101) — «Послѣ долгихъ по сему предмету совѣщаній,» Гг. Члены общества согласились въ томъ заключеніи, что кнѣхтовъ можно держать съ выгодою на барщинномъ положеніи, только въ такомъ случаѣ, если можно круглый годъ дать имъ совершенно определенную работу (стр. 91 и 94). «Впрочемъ изъ всѣхъ сообщенныхъ обществу свѣденій, несомнѣнно оказывается что число различныхъ пахтеровъ, которые совсѣмъ, или почти совсѣмъ баршины не отбываются, а уплачиваются арендную плату деньгами и продуктами въ натурѣ, чрезвычайно возрастаетъ.» (стр. 97). — На вопросъ предложенной обществомъ, «представить свѣденія о заработанной платѣ кнѣхтамъ (т. е. работникамъ и работницамъ), и объ издержкахъ ихъ содержанія въ разныхъ мѣстахъ Лифляндіи, для того чтобы изъ этого извлечь настоящую стоимость для хозяевъ пѣшаго рабочаго дня?» — къ сожалѣнію ни какихъ ответовъ не поступило (стр. 101). — Какъ дѣйствительнѣйшее средство поднять крестьянское хозяйство, Г. Бандау предложилъ улучшеніе и умноженіе школъ, «Въ венденскомъ уѣздѣ, по его замѣчанію, есть нѣсколько приходскихъ школъ, въ которыхъ преимущественно развиваются умственныя силы учениковъ; впослѣдствіи сдѣлавшись хозяевами, эти люди отличались отъ другихъ хорошимъ веденіемъ своего хозяйства.» — «Къ удивленію, справедливо замѣчаетъ редакція Журн. Министерства Государственныхъ Имуществъ, эти мысли нашли себѣ противниковъ въ образованномъ кругу Лифляндскихъ хозяевъ!» (см. Журн. Министерства Государственныхъ Имуществъ Іюль 1845 г.)

Прилѣчаніе 20-е, къ § 125-му стр. 615.

Чтобъ убѣдиться въ великой пользѣ и необходимости образования крестьянъ, совѣтуемъ прочитать прекрасную статью Г. Днѣпрова: *О первоначальномъ образованіи землемѣльцевъ.* (см. Журн. Минист. Государств. Имуществъ — Ноябрь 1844 г.) «Мы часто жалуемся, говоритъ Г. Днѣпровъ, что всѣ самыя благія намѣренія и старанія къ улучшенію землемѣлія и крестьянского быта, останавливаются упорствомъ поселянъ оставаться при обычаяхъ предковъ, парализируются ихъ апатіею ко всякому улучшенію. Это справедли-

во, но можетъ ли и быть иначе? человѣкъ неземственный, непонимающій ни связи явленій между собою, ни силы самыхъ простыхъ, находящихся у него подъ рукою дѣятелей, можетъ только слѣдовать примѣру предковъ, получая въ наслѣдство отъ нихъ одни предразсудки и робкую, даже суевѣрную, покорность грубымъ силамъ природы; самое полезное улучшеніе и нововведеніе кажутся для него опаснымъ или святотатственнымъ посагательствомъ на уважаемыя имъ преданія.»

Примѣчаніе 21-е, къ § 125-му стр. 616.

Эти строки напоминаютъ горестныя картины, поражающія путешественника въ бѣлорусскихъ губерніяхъ, гдѣ господствуетъ подобная система арендаторства. Говоря о происхожденіи этой системы, *Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ* (Февраль 1843 г. стр. 250) выражается какъ слѣдуетъ: «Обычай этотъ явно не туземный, (ибо нѣтъ и не было его слѣдовъ въ другихъ областяхъ Руси) перешелъ сюда изъ западной европы, гдѣ явился первоначально въ формѣ инфеодациіи, составлявшей существенную принадлежность ленной системы, но перешелъ въ самомъ грубомъ искаженіи. Единственнымъ основаніемъ системы арендной какъ въ Литвѣ, такъ и въ Польшѣ (откуда она была перенята Литвой) была корысть, основанная на обоюдной спекуляціи владѣльцевъ и арендаторовъ. Не имѣя ни охоты, ни умѣнья заниматься лично своимъ хозяйствомъ, паны не только мірскіе но и духовные отдавали свои владѣнія на откупъ: частью безпомѣстной или мелкопомѣстной шляхтѣ, частью же хищнымъ, пронырливымъ жидамъ. Со стороны помѣщиковъ вся забота состояла въ томъ чтобы выторговать сколько можно болѣе откупной платы: арендаторы въ свою очередь старались выжать заплаченный капиталъ изъ взятыхъ имѣній съ историчною лихвою.»—Въ томъ же *Журналъ* (Январь 1845 г.) въ статьѣ: *Очерки Бѣлоруссіи*, читаемъ слѣдующее: «Всего удивительнѣе тамъ (въ Бѣлоруссіи), что племя самое многочисленное, имѣющее наиболѣе правъ къ наслажденію благами земли, на которой оно родилось, съ которою освоилось вѣками представляетъ, въ отношеніи къ материальному быту, зрѣлище самое неутѣшительное. Крайняя бѣдность и нищета въ хозяйствѣ, въ строеніяхъ, въ одѣждѣ; никакого промышленаго движения, никакой дѣятельности; точно будто какое-то оцепененіе давить этотъ жалкій народъ нуждающійся въ самыхъ первыхъ насущныхъ потребностяхъ жизни: общая неподвижность держитъ всѣхъ въ какой-то одичалости. Съ прискорбіемъ должно

признаться, что главный источникъ этой бѣдственности заключается не въ землѣ, а въ дурномъ хозяйствѣ мелкихъ землевладѣльцевъ доводящихъ народъ своею безпечностью до крайняго разоренія, которому единственнымъ утѣшениемъ служитъ гибельное пьянство». Въ Замѣткахъ о Бѣлоруссіи Н. С. Щукина, помѣщенныхъ въ томъ же журналѣ (Апрѣль 1846 г.), находимъ причины, объясняющія столь разительное обнищеніе: «Забравшиесь въ деревню помѣщики бѣлорусскіе обыкновенно посвящаютъ всю свою жизнь пріобрѣтеніямъ. По этому каждый сколько нибудь зажиточный непремѣнно имѣеть винокурню, а на дорогѣ корчму. Но первая истребляетъ хлѣбъ, и чуть неурожай, помѣщику уже не чѣмъ кормить крестьянъ; а вторая разоряетъ крестьянъ безпечныхъ и склонныхъ къ пьянству.... (стр. 34)». Положеніе послѣднихъ самое жалкое: «Избенка крестьянина, описываетъ Г. Щукинъ, строится изъ тонкихъ бревенъ и кроется соломою. Пора въ ней нестелется; оттого при хорошей погодѣ въ избѣ сухо, но пошелъ дождь и грязь до лодышекъ; мокроту натаскаютъ со двора на ногахъ. Мебель состоитъ изъ стола, скамейки и наръ. Шалатей я нигдѣ не видалъ. Подлѣ дверей стоитъ ручной жерновъ, на которомъ мелютъ муку. Печь безъ трубы и когда топится, то изба полна дыму.—Обыкновенная пища крестьянина: хлѣбъ и картофельная похлебка, иногда забѣленная молокомъ. Если съѣдать весь хлѣбъ, то питаются однимъ картофелемъ. Иногда варятъ изъ муки родъ клейстера. Мы, Великороссы, не можемъ имѣть понятія о бѣлорусскомъ хлѣбѣ: для этого надобно видѣть и отвѣдать его самому. Когда снопы на гумнѣ обмолочены, зерна не вѣютъ, но сгребаютъ его вмѣстѣ съ мякиною и мелютъ. Послѣ такой обработки выходитъ крупная мука со спицами. Въ этомъ видѣ несъянную даже черезъ рѣшето сыплютъ ее въ квашню, и мѣсять тѣсто. Испеченный хлѣбъ черенъ какъ земля и усѣянъ обломками мякины. Если возьмете его въ ротъ и станете жевать, тотчасъ почувствуете на языкѣ и нѣбѣ занозы; а если проглотите въ животѣ будетъ рѣзъ. Неслишкомъ хороши рѣшетчатый хлѣбъ и у нашихъ мужиковъ, но для Бѣлорусса онъ показался бы пряникомъ. Квасу нѣтъ, а вмѣсто него всѣ пьютъ одну воду. Мясо ёдятъ, тогда только когда заколютъ свинью: но чтобы выростить свинью на убой, Бѣлорусъ долженъ устоять противъ множества искушеній: жидъ и корчма смотрятъ на эту свинью въ оба глаза. Въ дополненіе зла всѣ, отъ мало до велика, пьютъ водку. Объ истребленіи этой страсти не нужно заботиться помѣщику, иначе (по его понятіямъ) онъ сталъ бы дѣйствовать противъ своихъ выгодъ. Богатымъ мужикомъ считается

тотъ, который можетъ прокормиться своимъ хлѣбомъ до новой жатвы; обыкновенно же помѣщикъ кормить крестьянъ своихъ съ генваря до юля, отчего мужикъ никогда не выходитъ изъ долговъ своему владѣльцу....» (стр. 35—36).— «Скотъ у крестьянъ малъ и безсиленъ. Лошадь небольше обыкновенной коровы, вѣроятно потому что жеребенка на второмъ году уже запрягаютъ въ телѣгу которая слаживается изъ палочекъ и обручей...» (стр. 57). «Вся прочая утварь въ томъ-же родѣ. Мужикъ съ женой работаетъ на помѣщика три дня въ недѣлю, но кромѣ того бываютъ еще сконы или помоги. Разумѣется, что для барщины и сгоновъ выбираются лучшіе дни. Что жъ остается за тѣмъ крестьянину? Одинъ, много два дня въ недѣлю. На худой лошаденкѣ своей онъ можетъ обработать весьма небольшой клочокъ земли. Пашутъ и сѣютъ обыкновенно по окончаніи господской пашни: яровое въ концѣ мая или въ юнѣ; озимое въ концѣ сентября. Косять и жгутъ когда есть время. Обѣзжая губернію, я самъ видѣлъ во многихъ мѣстахъ несжатый овесъ и изсохшую пожелтѣвшую траву, тогда какъ на дворѣ было уже первое октября. Если продолжительные урожаи увеличить запасъ крестьянина, въ то время нападаетъ на него жидъ съ обольщеніями, предлагая мужику платки, мыло, кресты, колечки и другія мелочи, и беретъ за нихъ что попало: хлѣбъ, домашняя птица, скотъ все переходитъ на дворъ въ закромы жида; при этомъ случаѣ мужикъ уплачиваетъ старые долги и заводитъ новые. Если же что и уцѣлѣеть послѣ жида-скота, то пропивается въ корчмы. Удивительно ли послѣ этого, что первый неурожай производить здѣсь голодъ!...» (Стр. 38—39).— «Нѣкоторые владельцы неимѣя возможности лично управлять имѣніями, отдаютъ ихъ за условную плату на аренду въ полное распоряженіе. Арендаторъ, стараясь извлечь изъ имѣнія всѣ возможныя выгоды просто пьётъ крестьянскую кровь. Теперь множество имѣній обѣднѣли именно оттого что находились въ аренда. Имѣніями богачей живущихъ въ столицахъ или за-границею управляютъ экономы. Тѣ пѣвъ нихъ, которые поблагоразумнѣе, лѣтъ черезъ пятнадцать дѣлаются сами помѣщиками». (стр. 40). «Буде въ Бѣлоруссіи другой порядокъ хозяйства, «разсудительно замѣчаетъ авторъ Замѣтокъ», «она стояла бы на ряду съ лучшими губерніями въ Россіи! Изобиліе въ земляхъ и лѣсахъ, умѣренный климатъ и сообщеніе съ двумя морями (Днѣпромъ и Западною Двиною) даютъ краю преимущества, которыя могутъ обогатить всѣхъ его жителей.» (стр. 49).— Это мнѣніе подтверждается слѣдующими словами того-же автора, которыхъ нельзя непривести въ заключеніе этой длинной выдержки:

«Общій отзывъ о худомъ положеніи здѣшнихъ дѣль везде одинъ и тотъ-же. Всѣ говорятъ у насъ почва худая, а народъ лѣнивъ и слабосиленъ. Это справедливо, но только отчасти. Я знаю двухъ помѣщиковъ у каждого изъ которыхъ по 30 душъ. Благоразумными распоряженіями поставлены оба имѣнія въ такое положеніе, что нѣтъ въ нихъ клочка земли, который бы не приносилъ пользы, и нѣтъ ни одного бѣднаго крестьянина: всѣ єдятъ сѣянный хлѣбъ и щи съ говядиною (примѣръ неслыханный!), никогда не терпятъ отъ неурожаевъ, и только по слуху знаютъ что по всей Бѣлоруссіи голодуютъ. Само собою разумѣется, что въ обѣихъ имѣніяхъ нѣтъ ни корчемъ, ни винокуренныхъ заводовъ. Въ вынѣшній неурожай (1845), оба помѣщика выручили даже много денегъ отъ продажи запаснаго хлѣба» (стр. 39—40) . . . Дай Богъ поболѣе такихъ помѣщиковъ! .. Замѣтимъ здѣсь, что къ отвращенію злоупотребленій арендаторства, и вообще къ точнѣйшему и справедливѣйшему опредѣленію отношеній между помѣщиками и крестьянами, по всей вѣроятности, много послужатъ учреждаемые, или, лучше сказать, возстановляемые на новомъ рациональномъ основаніи, инвентари, въ западныхъ губерніяхъ Россіи. (См. Составъ и значеніе инвентарей въ помѣщичьихъ имѣніяхъ областей, возвращенныхъ отъ Польши, въ Журналъ Министерства внутреннихъ дѣлъ. Февраль, 1843 года).

Примѣчаніе 22-е, къ § 129-му стр. 638.

Установленіе права первородности разсматривается многими какъ самое существенное средство къ сохраненію aristokратическихъ фамилій. Докторъ Виллерме (*Villerme*), посвятившій себя въ особенности изученію вопросовъ, касающихся законовъ народонаселенія, находитъ что майораты, субституты и права первородныхъ отнюдь не способствуютъ продолженію знатныхъ родовъ, а скорѣе ихъ сокращенію, потому что меньшіе братья, не имѣя ничего кромѣ части, назначенной имъ по закону, обыкновенно вступаютъ въ военную службу или въ духовное званіе и не заключаютъ браковъ; такъ говоритъ онъ: «Во Франціи изчезло множество знаменитыхъ именъ, а тамъ, где въ полной силѣ господствуютъ привилегіи наслѣдства, знаменитыя фамиліи быстро угасаютъ; тогда какъ среднее сословіе, въ которомъ поглощаются и какъ бы обновляются въ ихъ первоначальномъ источнике члены семейства, лишенные наслѣдства, растетъ и числомъ и богатствомъ и просвещенiemъ, и изъ его рядовъ выходятъ всѣ новые замѣчательные люди». (См. *Rapport lu à l'Academie des sciences morales et politiques par le D-r Villerme sur un ouvrage intitulé: De la véritable loi de la population*

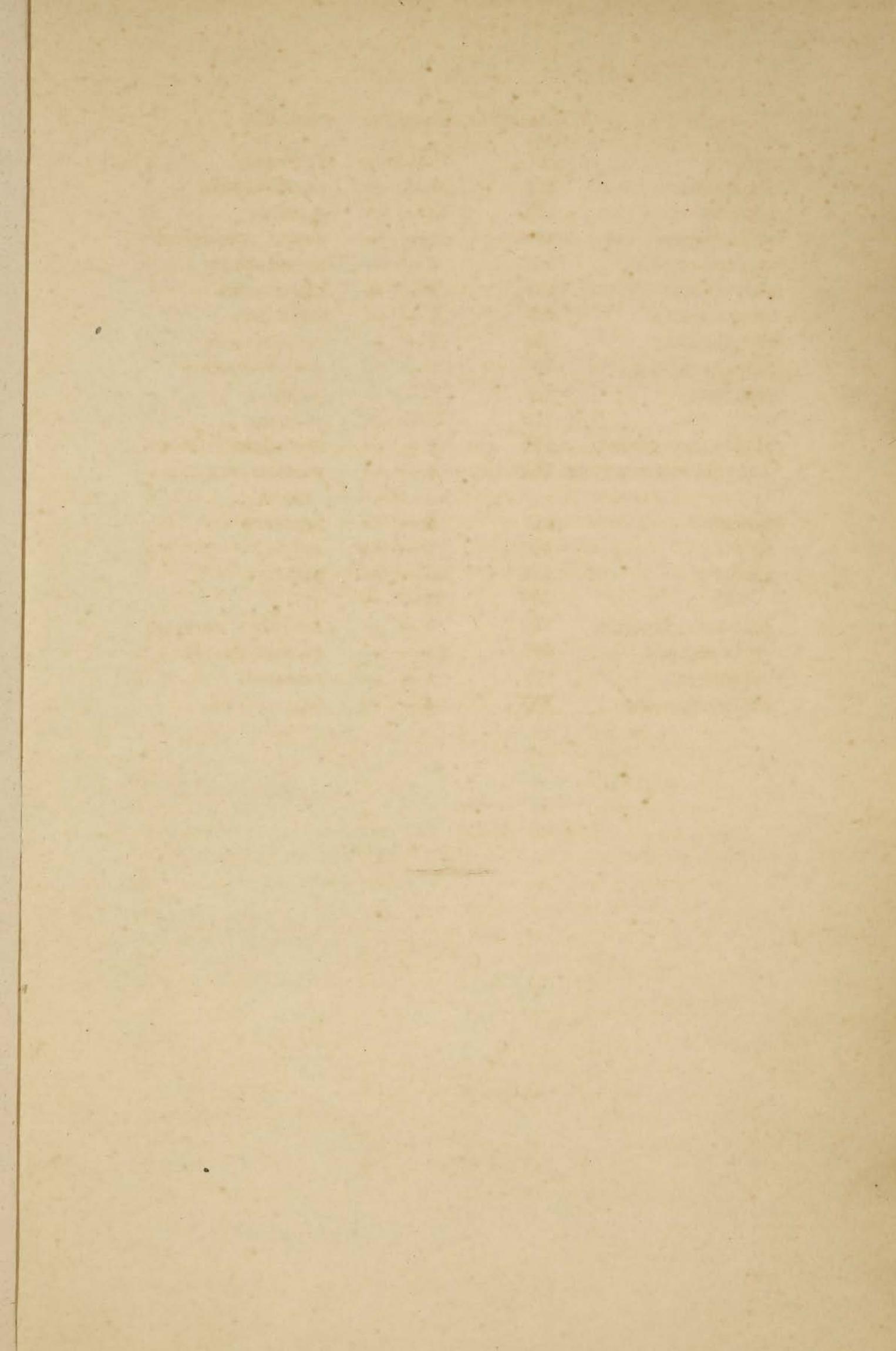
par Doubleday. Comptes rendus de l' Academie des Sciences morales et politiques Paris 1846). Того-же мнѣнія и Сисмонди, котораго историческія познанія и сохранительный образъ мыслей не подлежать никакому сомнѣнію: «Всѣ аристократическая сословія, говоритъ онъ, доведенныя до унизительной бѣдности въ королевствахъ и княжествахъ Испаніи, Италіи, Германіи и старинной Франціи, опирались на майораты и субституты. Напротивъ аристократіи, всего крѣпче державшіяся въ свѣтѣ, въ Греціи, въ римской республикѣ, Флоренціи, Венеціи, во всѣхъ республикахъ средняго вѣка италіанскихъ, швейцарскихъ, германскихъ, слѣдовали закону раздѣла имѣній, и этотъ законъ не помѣшалъ сохраниться въ теченіи вѣковъ колосальнымъ фортунамъ, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда эти фортуны заняты были торговлею.» (*S. Nouveaux principes d'Econ. pol.* I, 297).—Тотъ же писатель замѣчаетъ, что, подъ вліяніемъ субститутовъ, поземельный капиталъ приходитъ въ упадокъ, и майоратное наслѣдіе при каждомъ переходѣ отъ одного владѣльца къ другому представляеть менѣе и менѣе цѣнности. «Такъ мало по малу и незамѣтно упадая, почва подобная цвѣтущей области люкской, дающая въ четыре года шесть богатыхъ жатвъ и покрытая въ одно и тоже время оливковыми, фиgovыми, тутовыми деревьями и виноградниками, можетъ низойти на степень обширныхъ пустырей, лежащихъ вокругъ Рима и въ Капитанатѣ. Репейникъ и безплодный дернъ замѣняютъ тамъ, нынѣ, скудный подножный кормъ, служившій пастищемъ для стадъ, такъ точно какъ нѣкогда эта жалкая мурава замѣнила всю роскошь богатѣйшей растительности. Правда, земля сохраняется, но не богатство: одно и тоже семейство владѣеть по прежнему одинакимъ числомъ десятинъ, но большая часть цѣнности этого имѣнія изчезла.» (*Nouveaux principes d'Econ. pol.* I, 249).

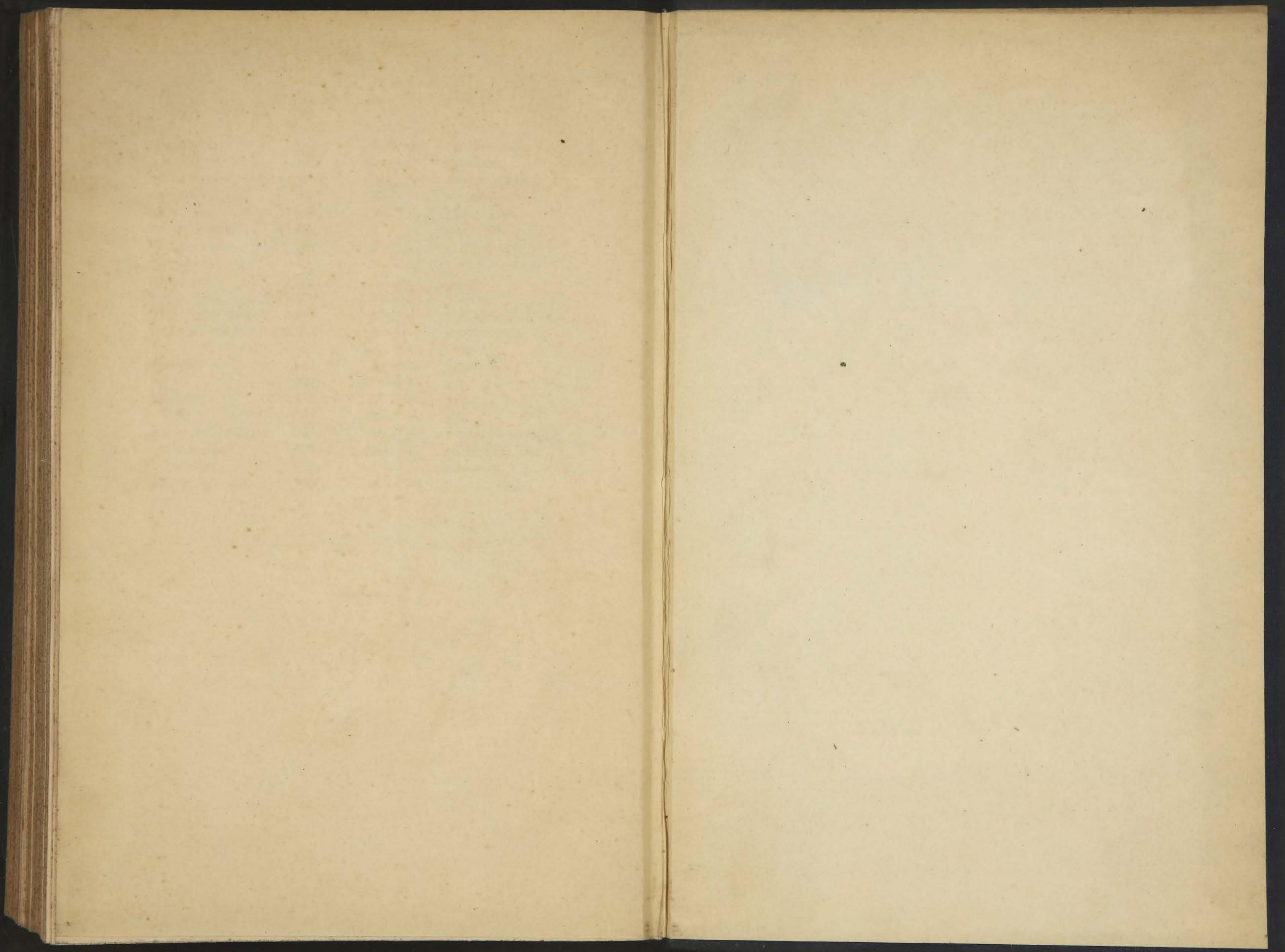
ОПЕЧАТКИ

ЗАМЪЧЕННЫЯ ВО ВТОРОМЪ ТОМЪ.

Напечатано:	Страница:	Строка:	Читать:
заражаетъ	2	25 сверху	зарождаетъ
чувствъ	23	6 — —	чувствъ
обстоятельствъ если	65	23 — —	обстоятельствъ, если
Октября 1845	69	2 — —	октября 1845
которое есть нечто иное	70	21 — —	которое есть не что иное
цѣны, или курса	112	20 — —	цѣны, или курса,
и можетъ быть и	121	3 — —	а можетъ быть и
Императоромъ: Діокле-			императоромъ: Діо-
тіаномъ	<i>ibid</i>	5 — —	клеціаномъ:
или до 27 миллионовъ	130	4 — —	или до 20 миллио- новъ
$\frac{1}{10}$ -й пробы	140	31 — —	$\frac{9}{10}$ -й пробы
$\frac{1}{300}$ своего вѣса	152	14 — —	$\frac{1}{800}$ своего вѣса
не вовсе только	158	6 — —	нетолько
неправосходящей	208	11 — —	не превосходящей
въ собенности	248	20 — —	въ особенности
на Одес-	262	15 — —	на Одессу
процентъ	273	9 — —	проценты
наудачъ	305	23 — —	неудачъ
столько	310	3 — —	только
банкротство	345	18 — —	банкротство
молнія-на сушъ, бури-на			молнія, на сушъ, бу-
моръ,	369	12 — —	ри, на моръ,
<i>à priori</i>	371	11 — —	<i>à priori</i>
приготовленіе, своихъ			приготовленіе сво-
дѣтей	387	10 — —	ихъ дѣтей
Есть	389	19 — —	Есть
предпочтеніемъ	395	15 — —	предпочтеніемъ

<i>Напечатано:</i>	<i>Страница:</i>	<i>Строка:</i>	<i>Читать:</i>
указывая	414	27 сверху	указывая
зарабатывать	427	20 — —	заработать
Алексея	432	19 — —	Алексея
платы-потому, что	450	21 — —	платы, потому-что
отвратилась бы	453	6 — —	отвратила бы
действовать	458	2 — —	действовать
возрастаютъ	459	2 — —	возрастать
неприличные	<i>idid</i>	12 — —	неприличные
изнутриального	465	6 — —	изнутриального
возврасту	467	21 — —	возврасту
распутства	472	22 — —	разврата
необходимо доселъ	490	1 — —	необходимо; доселъ
пользою, отъ ихъ труда	508	4 — —	пользою отъ ихъ
			труда
зависить	527	6 — —	зависить
другія	537	7 — —	другіе
разбора	541	25 — —	разбора
48	589	22 — —	4%
доходомъ, который	592	9 — —	доходамъ, которые
первональной	605	12 — —	первональной
разностью	609	1 — —	разницей
неблагопріятны	637	4 — —	благопріятны

БУТОВСКАГО
—
ОПЫТЪ
о
НАРОДОМЪ
БОГАЧИВЪ

1

2